

Люсинда Райли

Эпическая история любви и дивных открытий

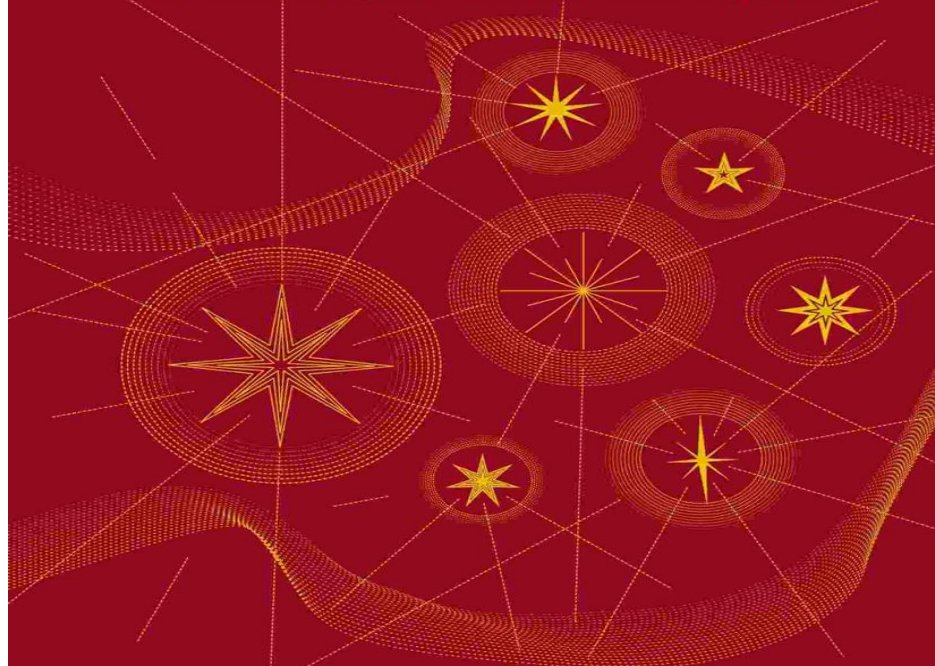

СЕМЬ СЕСТЕР

★ СЕСТРА ВЕТРА ★

Люсинда Райли

Эпическая история любви и дивных открытий

СЕМЬ СЕСТЕР

★ СЕСТРА ВЕТРА ★

Annotation

Алли Деплеси собирается принять участие в одной из самых опасных яхтенных гонок в мире, но внезапно получает весть о смерти своего приемного отца Па Солта. Она спешит в дом детства, где собираются пять ее сестер, чтобы вскрыть завещание. Обнаруживается, что каждой из них Па Солт оставил зашифрованные подсказки о тайне их рождения. Но готовы ли они разгадать этот ребус? История рождения Алли оказывается удивительным образом связана с судьбой певицы Анны Ландвик и знаменитой пьесой «Пер Гюнт», написанной более 150 лет назад. Алли отправляется на встречу ледяной красоте Норвегии, где, как она верит, сокрыты загадки не только ее происхождения, но и личности великого путешественника Па Солта и... седьмой сестры, которую Па Солт в свое время так и не смог отыскать.

- [Люсинда Райли](#)
  -
  - [Алли](#)
    -
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
  - [Анна](#)
    -
    - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [Алли](#)
  -
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
- [Анна](#)
  -
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
- [Алли](#)
  -
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
- [Пип](#)
  -
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
- [Алли](#)

- - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [Стар](#)
  - [Благодарности](#)
  - [От автора](#)
  - [Об авторе](#)
-

Люсинда Райли

Семь сестер

Сестра ветра

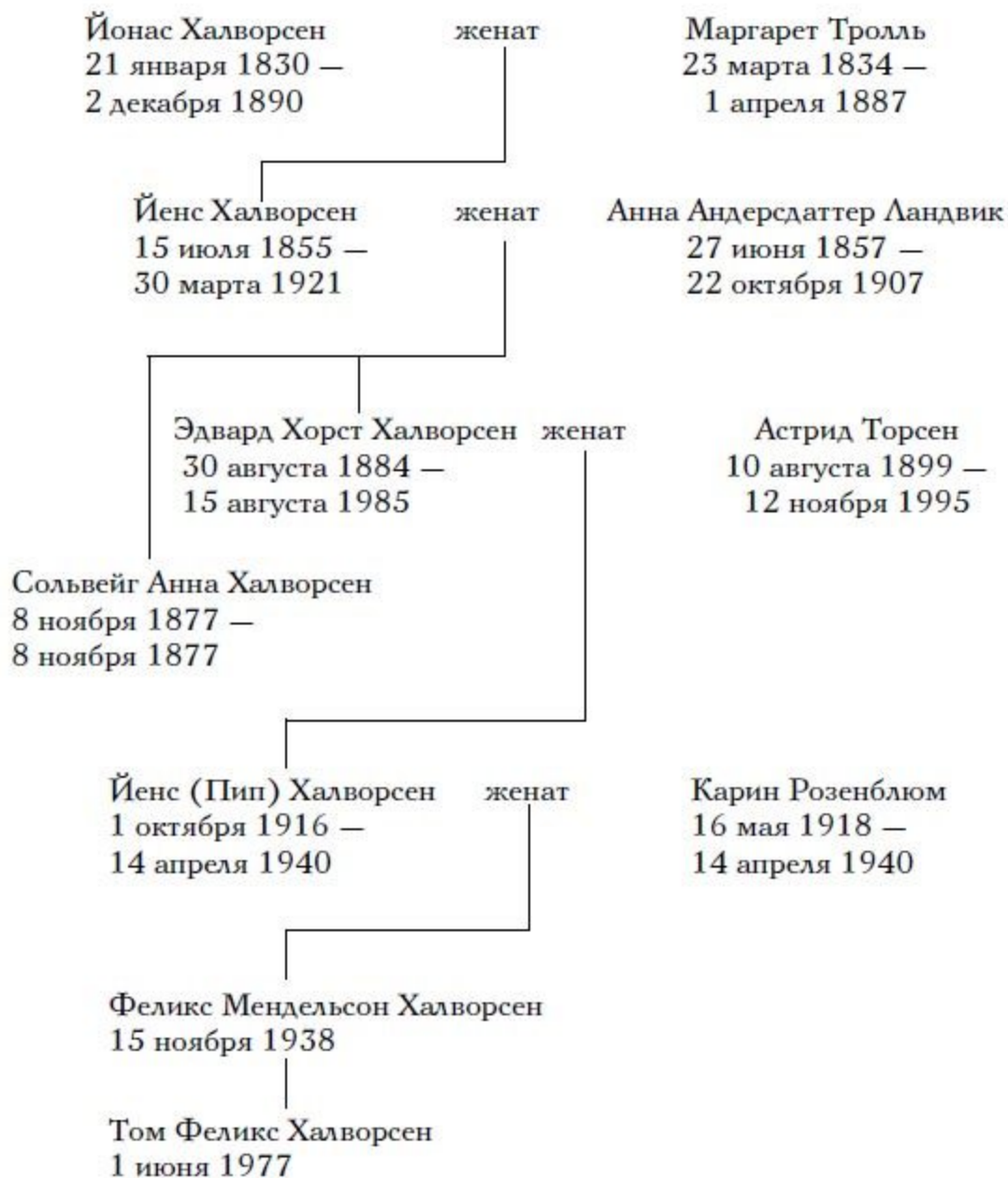
*Посвящается Сьюзен Мосс, моей «задушевной»
сестре*

*«Нет, я не буду жаться к берегам,
А в море по звездам направлю путь».*

Джордж Элиот «Миддлмарч»

Генеалогическое древо семьи

Действующие лица романа

Атлантис

Па Солт — *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) — *гувернантка сестер*

Клавдия — *экономка*

Георг Гофман — *нотариус Па Солта*
Кристиан — *шкипер, капитан катера*

Сестры Деplеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Алли

Июнь 2007 года

«Утреннее настроение»

Эдвард Григ

1

Эгейское море

Я всегда буду с предельной точностью помнить, где была и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца.

Нежилась на солнышке абсолютно голой, а рука Тео уютно покоилась на моем животе. Все происходило на борту яхты «Нептун». Вдалеке виднелся остров и золотился в лучах заходящего солнца пустынный пляж. Солнце уже вот-вот готово было закатиться, спрятавшись за скалистыми утесами небольшой бухты. Прозрачно-чистая вода ослепительно-бирюзового цвета лениво пыталась изобразить некое подобие волн, которые неспешно накатывались на прибрежный песок, образуя пышную пену, наподобие той, которая обычно висает над чашкой с капучино.

«Сегодня море такое умиротворенное, — подумала я и мысленно добавила: — Как и я сама».

Вчера вечером мы бросили якорь в небольшой бухте рядом с крохотным греческим островком Мачерес и сразу же устремились на берег с двумя вместительными охлажденными коробками с провизией.

В одной лежала недавно выловленная красная кефаль и сардины. Весь богатый улов Тео за утро. В другой коробке стояли бутылки с вином и пресной водой. Я опустила свою поклажу прямо на песок, несколько запыхавшись от усилий. Тео нежно поцеловал меня в кончик носа.

— Ура! — воскликнул он, широко разведя руки, словно приглашая и меня полюбоваться той идиллической картиной, которая предстала нашему взору. — Вот и у нас появился собственный необитаемый остров. Ну разве не здорово? Пойду-ка прогуляюсь по пляжу, поищу хворост, чтобы развести костер и поджарить нашу рыбу.

Я смотрела ему вслед, а он, повернувшись ко мне спиной, направился к скалам, протянувшимся в форме полумесяца по периметру всей бухты. Видно, решил поискать там сухой валежник и засохшие ветки редких кустарников, которыми поросли горные расселины. Глядя на худощавое, почти хрупкое телосложение Тео, трудно было поверить в то, что он — моряк мирового уровня, яхтсмен экстра-класса и что за изящной фигурой скрывается недюжинная физическая сила. В сравнении с другими яхтсменами, с которыми мне доводилось выступать на различных соревнованиях, — накачанные мускулы, мощный торс, как у Тарзана, — так вот, на фоне всех этих атлетов Тео производил впечатление весьма тщедушного малого. К тому же я почти сразу же заметила, что и походка у него неровная. Слегка припадает на одну ногу при ходьбе. Позднее он рассказал мне, что еще ребенком свалился с дерева и сломал лодыжку, но, видно, срослось плохо, и перелом давал о себе знать до сих пор.

— Кстати, это одна из причин, побудивших меня к тому, чтобы постоянно жить на воде. Когда я иду под парусом, то никому и в голову не придет предположить, как неуклюже я передвигаюсь, когда хожу по суше, — закончил он свой рассказ коротким смешком.

Мы поджарили рыбу. Потом занимались любовью под звездным небом. Следующее утро должно было стать последним, которое мы проведем вместе на яхте. И вот, как только я преисполнилась решимости снова восстановить связь с внешним миром и подключила свой мобильник, почти сразу же он принес мне весть, после которой вся моя жизнь рассыпалась на тысячи, миллионы мельчайших осколков. А пока я лежала рядом с Тео абсолютно умиротворенной. В легкой полудреме, похожей на такой разноцветный сюрреалистический сон, мысленно прокручивала в памяти чудесные картинки того, как у

нас с Тео все начиналось и как в итоге мы оказались в этом поистине райском уголке...

* * *

Впервые я увидела Тео где-то год с небольшим назад на Карибах. Там, на острове Сент-Мартен, проходила знаменитая регата «Хейнекен». Команда-победительница закатила грандиозный банкет по случаю своей победы. И вот на банкете я с изумлением узнала, что шкипером у победившего экипажа был Тео Фейлис-Кингс. Известная личность в мире парусного спорта, можно сказать, самая настоящая знаменитость. За минувшие пять лет участия в гонках в открытом море ни одному другому капитану не удавалось столько раз приводить свои команды к победному финишу.

— А я представляла себе его совсем другим, — полушепотом прокомментировала я свои первые впечатления от увиденного давнему приятелю Робу Беллани, с которым мы неоднократно защищали честь национальной сборной Швейцарии, участвуя в различных соревнованиях в составе одного экипажа. — Смотрится как самый заправский ботаник в этих своих очках в роговой оправе. И походка какая-то странная, — добавила я, наблюдая за тем, как Тео поднялся из-за своего столика и, слегка ковыляя, направился к соседнему столику.

— Да, он явно не вписывается в твои представления о крепком мускулистом яхтсмене, — согласился со мной Роб. — Но поверь мне, Алли, этот парень — самый настоящий гений. У него чертовски развита интуиция. Пожалуй, он единственный, с кем бы я не побоялся выйти в открытое штормовое море.

На этой же вечеринке Роб и познакомил меня с Тео, коротко представив нас друг другу. Я заметила, как Тео, пожимая мне руку, внимательно оглядел меня своими зелеными в рыжую крапинку глазами.

— О, так вы и есть та самая знаменитая Алли Деппеси?

Несмотря на легкий английский акцент, голос звучал уверенно и доброжелательно.

— Да, я действительно Алли Деплеси, — согласилась я с последней частью его высказывания, немного растерявшись от столь неожиданного комплимента. — Но если уж говорить о знаменитостях, то это *вы* у нас знаменитый.

Последние слова я произнесла, изо всех сил стараясь сохранять выдержку и не отводить глаза в сторону под его внимательным, изучающим взглядом. Черты его лица моментально разгладились, и Тео издал короткий смешок.

— Что смешного? — требовательно спросила я у него.

— Если честно, я просто не ждал *вас*.

— Что означает «не ждали *меня*»? — удивилась я.

Но тут Тео отвлек фотограф, который уже приготовился запечатлеть групповой снимок всей команды-победительницы. Так я никогда и не узнала, что именно Тео имел в виду.

После первой встречи последовали и другие. Я постоянно сталкивалась с ним на всяких светских вечеринках, которые неизбежно случались на тех регатах, в которых мы оба участвовали. Тео мгновенно притягивал к себе какой-то неуловимой живостью своей натуры, добродушным, жизнерадостным смехом, а потому, несмотря на всю свою внешнюю сдержанность, немедленно оказывался в самой гуще народа. На официальных мероприятиях он всегда появлялся в модных летних брюках из твида и изрядно помятом льняном пиджаке — такая своеобразная дань уважения протоколу и спонсорам-устроителям гонок, но стоптаные парусиновые туфли на толстой каучуковой подошве и непокорные вихры каштановых кудрей всегда придавали ему облик человека, только что спрыгнувшего на берег со своей яхты.

Поначалу складывалось впечатление, что мы просто ходим кругами вокруг друг друга. Часто встречались взглядами, но Тео не предпринял ни единой попытки продолжить наш прерванный при первой встрече разговор. И лишь полтора месяца тому назад, когда экипаж, в составе которого я выступала, занял первое место на регате вблизи острова Антигуа и мы, как водится, с размахом отмечали это событие, а заодно и завершение регаты, в ресторане «Бал в честь лорда Нельсона», Тео неожиданно подошел ко мне сзади и слегка тронул за плечо.

— Хорошая работа, Алли, — коротко обронил он.

— Спасибо, — так же коротко поблагодарила я, испытывая внутреннее удовлетворение от того, что нашей команде удалось одержать верх над его экипажем. Так, скажем, для разнообразия, но все равно ведь приятно.

— Наслышан о ваших успехах в этом сезоне, Алли. Не хотели бы поучаствовать вместе со мной в регате на островах Киклады в июне месяце?

Я уже получила приглашение от другой команды, правда, согласия пока еще не давала. Тео мгновенно уловил мою нерешительность.

— Вас уже забронировали?

— В каком-то смысле да.

— Что ж, вот вам моя визитка. Обдумайте мое предложение и, если надумаете, сообщите мне о своем решении до конца следующей недели. Полагаю, что, имея рядом такого члена команды, как вы, мы бы совместными усилиями смогли сделать кое-что путное.

— Спасибо за добрые слова. — Мысленно я уже отмела прочь все свои сомнения. Да и кто бы в здравом уме отказался от такого заманчивого предложения? Выступить в одной команде с человеком, которого все величают не иначе как «Королем морей и океанов»! — Между прочим, — окликнула я его, когда он уже повернулся, чтобы отойти от меня, — почему в прошлый раз вы в разговоре со мной обронили, что не ожидали «меня»?

Он остановился, скользнул по мне внимательным взглядом.

— Видите ли, я с вами до того нигде не сталкивался лично. Правда, был много наслышан о ваших успехах в парусном спорте. Но вы оказались совсем не такой, какой я ожидал вас увидеть. Доброй ночи, Алли.

Возвращаясь к себе в номер в небольшой гостинице, расположенной в бухте острова Сент-Джон, я мысленно еще раз прокрутила в памяти наш разговор с Тео. Вдыхая полной грудью свежий морской воздух, я снова и снова спрашивала себя: так что же именно так удивило во мне Тео? Уличные фонари ярким многоцветием отражались на фасадах домов, окутывая их теплым ночным светом. Откуда-то издали доносился веселый гомон толпы: прибрежные бары и кафе были полны посетителей. Однако все это оставило меня совершенно безучастной. Меня переполняли эмоции совсем иного

толка. Во-первых, одержанная победа в гонках, а во-вторых, предложение Тео Фейлис-Кингса.

Едва я переступила порог своей комнаты, как тут же ринулась к ноутбуку. Включила интернет и сразу же отстучала письмо Тео. Сообщила ему о своем согласии. Но, прежде чем отправить письмо адресату, приняла душ, потом снова перечитала текст, даже немного покраснела от того, как сильно я рвусь попасть в команду Тео. Решила пока повременить с отправкой, пусть текст потомится пару дней в черновиках. После чего улеглась в постель и с наслаждением выпростала руки, чувствуя, как с меня постепенно спадают напряжение и усталость от целого дня изнурительных соревнований.

— Спокойствие, Алли, — прошептала я сама себе и улыбнулась. — Впереди тебя ждет *преинтереснейшая* регата.

Электронное письмо ушло, как и планировалось, через два дня, и Тео связался со мной незамедлительно. Сказал, что очень рад тому, что я вольюсь в его команду. А две недели спустя я, заметно нервничая, уже вступила на борт парусной яхты *Hanse 540*, оснащенной для участия в предстоящих гонках по самому высшему разряду. Яхта стояла на приколе в бухте острова Наксос. Там мы и начали тренироваться, готовясь к участию в регате Киклады.

Сами соревнования не имели квалификации сугубо спортивного мероприятия, когда на первое место команду выводят показатели и очки. Да и состав участников регаты тоже был довольно пестрый: от заправских яхтсменов, имеющих серьезную репутацию в мире парусного спорта, до спортсменов-любителей, выходящих под парусом лишь по выходным дням. Однако все участники пребывали в самом приподнятом настроении. Перспектива провести восемь дней, участвуя в знаменитой регате, да еще в таком красивом месте, среди таких прекрасных островов, пожалуй самых прекрасных на земле, не могла оставить равнодушным никого. Наша команда, судя по всему, была одной из самых опытных. А потому мне с первых же минут стало понятно, что мы нацелены на победу, и только на победу.

Тео всегда подбирал себе в команду молодых. Я бы даже сказала, предпочитал совсем зеленых. Вот и сейчас мы с моим приятелем Робом Беллами, обоим уже по тридцать, были самыми взрослыми членами экипажа. Старшими, так сказать, и по возрасту, и по опыту участия в парусных регатах. Я и раньше была наслышана о том, что

Тео предпочитал искать таланты именно среди начинающих яхтсменов, еще не испорченных дурными привычками и навыками. В нынешней команде трое из шести были представлены молодежью, всем троим едва за двадцать: Ги, англичанин, здоровяк Тим, сдержанный на вид парень, уроженец Австралии, и, наконец, Мик, наполовину немец, наполовину грек, яхтсмен, знающий акваторию Эгейского моря как свои пять пальцев.

Несмотря на то что я горела желанием начать работать с Тео, я все же не стала бросаться в новую для себя авантюру вслепую и предварительно постаралась собрать как можно больше информации об этом таинственном явлении, имя которому «Король морей и океанов». Для начала внимательнейшим образом прошерстила интернет, поговорила с теми спортсменами, кто выступал с ним раньше в составе одной команды.

Мне сказали, что он англичанин, учился в Оксфорде. Что частично объясняет его несколько необычный акцент с проглатыванием отдельных звуков и даже целых слогов. Однако в его профиле в интернете я нашла иные сведения. Там было указано, что у него американское гражданство и что он неоднократно возглавлял студенческую команду Йельского университета, которая под его руководством одерживала уверенные победы на множестве регат. Один мой приятель доверительно сообщил мне, что Тео родился в богатой семье. Правда, другой знакомый сказал, что он постоянно обитает на своей яхте.

«Перфекционист». «Перестраховщик, привык все держать под контролем». «Трудоголик». «Женоненавистник». Такие комментарии я получила от других людей, причем последнее высказывание принадлежало спортсменке, которая пожаловалась мне, что ее откровенно третировали в команде Тео и все время держали на вторых ролях. Такие высказывания настораживали и наводили на определенные размышления. Но все сомнения перевешивал один убедительный, несмотря на свою простоту, аргумент:

— Лучший из всех шкиперов, с кем мне приходилось когда-либо выступать. Чертовски талантлив.

Уже в самый первый день своего пребывания на яхте до меня дошло, почему Тео пользуется таким непререкаемым авторитетом среди членов своей команды. За свою довольно продолжительную

спортивную карьеру я привыкла к горластым капитанам, которые только и делали, что кричали, отдавали команды исключительно на повышенных тонах и устраивали нагоняй по поводу и без. Они мне чем-то напоминали таких капризных шеф-поваров, диктаторски заправляющих на вверенной им кухне. Манера поведения Тео отличалась в корне. И это стало для меня самым настоящим откровением. Наш капитан был немногословен, коротко выдавал очередное задание, а потом молча наблюдал, как мы с ним справляемся. По завершении тренировок он собирал нас и устраивал такой своеобразный «разбор полетов». Скрупулезно перечислял все наши недочеты и просчеты, отмечал сильные стороны и говорил все это спокойно, уравновешенно. Про себя я отметила, что от его зоркого глаза не ускользает ни одна мелочь. Вот и получается, что авторитет Тео естественен и закономерен, а весомость каждого произнесенного им слова зиждется на том крючке, на котором все мы болтаемся.

— Да, вот еще что, Ги. Пора завязывать с этой твоей порочной практикой дымить папироской втихаря. Предупреждаю, никаких сигарет во время гонок, ясно? — Слегка улыбнувшись, Тео завершил очередное совещание и распустил нас по домам.

Ги, покрывшись краской стыда до самых корней своих белокурых волос, пробормотал вполголоса, когда мы уже спускались на берег:

— У него явно глаза на затылке.

На берегу мы сразу же направились в душевые, после чего нас ожидал коллективный ужин.

Это был наш первый вечер, который мы проводили всей командой. Веселой гурьбой мы вышли из пансиона, в котором жили. Лично я пребывала на седьмом небе от счастья, что согласилась поучаствовать в гонках в составе такого экипажа. Мы медленно брели вдоль бухты острова Наксос. Старинный каменный замок горделиво возвышался над поселком, раскинувшимся внизу. Обилие домиков, все выкрашены в белый цвет, а между ними — петляющие улочки и переулки, сбегające прямо к воде. Все рестораны на набережной были забиты яхтсменами и туристами, с удовольствием уплетающими свежие морепродукты и запивающими деликатесные блюда изрядными порциями знаменитой греческой водки «узо». Мы нашли небольшое заведение семейного типа на одной из прилегающих улочек. Расшатанные деревянные стулья, разнокалиберные тарелки. Зато еда

была домашней. Именно то, что нам и требовалось после долгого дня тренировок. У всех нас от стольких часов, проведенных на воде, проснулся просто зверский аппетит.

Я набросилась на еду с жадностью, что не осталось незамеченным мужской частью команды. Уплетая за обе щеки вкуснейшую мусаку, я подложила себе еще одну щедрую порцию риса и глянула на парней.

— Что уставились? — набросилась я на них. — Или не видели никогда, как женщина ест? — саркастически добавила я и, слегка подавшись вперед, ухватила очередной кусок свежего хлеба.

Тео не включился в наш шуточный разговор, лишь рассеянно скользнул по мне взглядом и сразу же после ужина ретировался к себе, отказавшись продолжить наше совместное времяпрепровождение за стойкой бара. Вскоре за ним последовала и я. За долгие годы занятия профессиональным спортом я уже успела усвоить, что не стоит смотреть на то, как расслабляются наши мальчики с наступлением ночи, это не самое лучшее зрелище. Во всяком случае, мне категорически не хотелось созерцать их кривляние.

В последующие несколько дней все мы, члены команды, еще больше сплотились и довольно быстро под пристальным взглядом строгих зеленых глаз Тео превратились в весьма работоспособный коллектив, в котором все отлажено до последнего винтика. Само собой, мое восхищение тем, как Тео руководит экипажем, лишь возросло. На третий вечер нашего пребывания на острове Наксос после очередного тяжелого и изнурительного дня тренировок на воде, да еще под палящими лучами солнца, зависшего над Эгейским морем, я чувствовала себя совершенно разбитой, а потому за ужином поднялась из-за стола первой.

— Все, ребята. Я отчаливаю к себе.

— Пожалуй, я тоже, — подхватился со своего места Тео. — Хорошего вам вечера, парни. Но чтобы завтра явились на тренировки без опозданий, ладно?

Тео догнал меня уже на улице.

— Можно присоединиться к вам?

— Конечно. Что за вопрос! — ответила я и тут же почувствовала некое внутреннее напряжение. Впервые мы с ним остались наедине.

Мы медленно брели по мощенным булыжником улочкам, возвращаясь к себе в пансион. Ярко светила луна, озаряя своим матовым светом крохотные белоснежные домики с выкрашенными в голубой цвет дверями и такими же голубыми ставнями на окнах. Я изо всех сил старалась поддерживать разговор. Но на все мои усилия Тео реагировал лишь короткими репликами «да» или «нет». В конце концов подобная неразговорчивость стала действовать мне на нервы.

Но уже в вестибюле пансиона Тео внезапно развернулся ко мне лицом.

— А вы — прирожденный моряк, Ал. Заткнете за пояс любого члена нашей команды. Кто научил вас так ловко обращаться с парусом?

— Отец, — ответила я, несколько ошарашенная столь неожиданным комплиментом. — Он меня с малых лет брал к себе на яхту, и мы вместе бороздили воды Женевского озера.

— Ах, так вы из Женевы. Вот откуда у вас этот французский акцент.

Я уже приготовилась услышать какую-нибудь банальность, на которую так падки мужчины, как только речь заходит о французских женщинах, но ничего подобного не прозвучало.

— Судя по всему, ваш отец, что называется, моряк от бога. И из вас он вырастил прекрасного яхтсмена.

— Спасибо, — поблагодарила я, немного растроганная столь щедрым комплиментом.

— А как вам у нас? Не давит на психику, что вы единственная женщина в нашей команде? Впрочем, уверен, вам ведь не привыкать к подобным ситуациям, — поторопился Тео загладить некоторую неловкость от своего прямолинейного вопроса.

— Если честно, то я об этом даже не задумываюсь.

— Вот как? — Он окинул меня внимательным взглядом сквозь стекла очков в массивной роговой оправе. — Позвольте не поверить. Я полагаю, что вы очень даже задумываетесь над проблематикой слабого пола. И именно тогда, когда вы начинаете задумываться о том, кто вы и где вы, и пытаетесь каким-то образом компенсировать возникающее несоответствие, вы и допускаете свои главные ошибки. Я бы посоветовал вам расслабиться и оставаться самой собой. Доброй вам ночи.

Он коротко улыбнулся на прощание и заторопился вверх по выложенной белой плиткой лестнице к себе в номер.

Ночью, лежа в своей узкой кровати под туго накрахмаленными простынями, которые больно покалывали при малейшем соприкосновении с телом, я чувствовала, как пылает от стыда мое лицо. Критика, высказанная Тео в мой адрес, показалась мне просто убийственной. Разве это *моя вина*, размышляла я, кипя от негодования, что женщины в парусном спорте до сих пор большая редкость? А некоторые мои коллеги-мужчины откровенно сказали бы, что женщина-яхтсмен — это самая настоящая диковина. Однако что этот Тео Фейлис-Кингс возомнил о себе? Тоже мне доморощенный психоаналитик выискался! Шляется по белу свету и анализирует поступки и характеры людей, которые вовсе не нуждаются в его анализах.

Мне всегда казалось, что я держу под полным контролем проблему «Женщина в мужском коллективе». Во всяком случае, я всегда достойно воспринимала всяческие шуточки и подколки в свой адрес. Пусть себе треплются на здоровье, думала я обычно в таких случаях. Я уже давно выстроила непроницаемую, глухую стену между Алли в мире спорта, где меня все звали просто Ал, и Алли дома, в кругу родных и близких. В сущности, это были две разные Алли, не имеющие ничего общего между собой. Да, не всегда было просто, но я уже научилась помалкивать. Как говорится, держать язык за зубами, особенно если слышала комментарии откровенно сексистского характера или намеренные колкости, связанные с моей блондинистой внешностью. Дескать, блондинка, чего с нее взять? Но чтобы подобных высказываний было поменьше, я и сама кое-что предпринимала. Например, свои золотисто-рыжие кудри стягивала в тугий конский хвост, никаких прядей на челе, никаких следов косметики на лице, никаких ухищрений, вроде того, чтобы подкрасить глаза или замаскировать веснушки каким-нибудь тональным кремом. А работала я всегда на равных с мужчинами, с которыми выступала в составе одного экипажа. Быть может, думала я в глубине души, я вкалываю даже много больше их.

Проведя почти всю ночь без сна — настолько меня раздосадовал разговор с Тео, — я уже вдруг под самое утро неожиданно вспомнила, как отец однажды сказал мне, что люди обычно раздражаются в ответ

на критику, высказанную в их адрес, только потому, что в этой критике содержится большая доля правды. Обдумав еще раз слова Тео, я вынуждена была согласиться, что он прав. Я действительно не была собой.

На следующий вечер мы с Тео на пару снова возвращались после ужина в пансион. Несмотря на то что внешне он казался довольно щедушным, я странным образом, чувствуя его присутствие рядом, мгновенно словно уменьшалась в размерах. Даже стала запинаться, с трудом подбирая нужные слова, чтобы хоть как-то объяснить ему двойственность своей натуры. Он слушал меня внимательно, не перебивая. И лишь когда я закончила, последовала ответная реакция.

— Знаете, мой отец, чье мнение, если честно, я ставлю не очень высоко, тем не менее высказал однажды весьма любопытную мысль. Он сказал, что женщины могли бы легко править миром, если бы пустили в ход все свои силы, а главное — перестали стараться стать мужчинами. Возможно, именно это вам и нужно: перестать стараться быть мужчиной.

— Легко вам говорить! Вот ваш отец, к примеру... Ему доводилось хоть раз работать исключительно в женском коллективе? Хотела бы я посмотреть, смог бы он остаться самим собой, оказавшись в подобной ситуации? — возразила я раздраженно. Покровительственный тон Тео мне категорически не понравился.

— Замечание в точку, — согласился он со мной. — Что ж, быть может, вам хоть чуть-чуть станет легче, если я буду звать вас Алли? Это имя вам подходит больше, чем просто Ал. Не возражаете?

Я не успела ответить, потому что он резко остановился и застыл как вкопанный на живописной набережной бухты. Рыбацкие лодки лениво покачивались на воде, затерявшись среди больших яхт и круизных судов. На море царил полнейший штиль. Лишь волны прибоя неспешно накатывались на стоящие на приколе суда и ударялись об их борта. Этот звук почему-то действовал успокаивающе. Я увидела, как Тео задрал голову к небу и втянул в себя порцию ночного воздуха с такой силой, что даже ноздри раздулись. Старый моряцкий прием: так бывалые моряки определяют, какой будет роза ветров рано поутру. Я невольно издала короткий смешок, представив Тео в образе седовласого морского волка былых времен.

Он повернулся ко мне и растерянно улыбнулся.

— Что смешного?

— Да так, ничего особенного. Можете называть меня Алли, если вам так больше нравится.

— Благодарю. Что ж, пора в пансион. Надо хоть немного поспать. Завтра у всех нас будет очень напряженный день.

И снова, вторую ночь кряду, я долго мучилась без сна, мысленно прокручивая в голове свой разговор с Тео. И это я, которая обычно засыпает мертвецким сном, стоит лишь коснуться головой подушки. Особенно после изматывающих тренировок или парусных гонок.

Увы-увы! В ближайшие пару дней совет Тео принес плоды, прямо противоположные тем, на которые он был рассчитан. Я без конца совершала глупейшие ошибки, одну хуже другой, чувствуя себя таким желторотым первогодком, случайно затесавшимся в компанию профессионалов. Мысленно я бичевала себя самыми последними словами. Остальные члены экипажа беззлобно подтрунивали над моими промахами. Но, что интересно, Тео не сделал мне ни единого замечания.

На пятый вечер я, абсолютно убитая тем, как ужасно я выступаю, что, в общем-то, было совершенно нетипично для спортсмена моего уровня, даже не пошла на наш традиционный совместный ужин. Устроилась на небольшой террасе рядом с пансионом и стала уплетать то, чем меня угостила доброжелательная хозяйка: хлеб, сыр фета и оливки, попутно заливая свое горе самодельным красным вином. Хозяйка щедрой рукой наполняла мой бокал, и после нескольких порций, принятых на грудь, я окончательно расклеилась. Мне стало нестерпимо жалко себя. Слегка пошатываясь, я поднялась из-за стола, чтобы направиться напрямиком к себе в номер, но в эту минуту на террасе возник Тео.

— С вами все в порядке? — спросил он и даже слегка спустил очки на нос, видно чтобы получше разглядеть меня.

Я тоже прищурилась в ответ, старательно фиксируя его образ, но очертания его фигуры расплывались. Изображение было нечетким и двоилось в глазах.

— Да, со мной все в полном порядке, — хрипло ответила я и поспешно плюхнулась на стул, чувствуя, как все поплыло перед глазами.

— Все наши расстроились из-за того, что вы не присоединились к нам за ужином. Надеюсь, вы не заболели?

— Нет, со мной все в порядке. — Внезапно я почувствовала, как горло мое наполняется желчью. — Все в полном порядке.

— Знаете, если вам нездоровится, то скажите мне об этом прямо. Клянусь, я не применю против вас штрафные санкции. Можно мне присесть?

Я не ответила. Потому что в этот момент отчаянно боролась с позывами на рвоту. Тео уселся на пластиковый стул напротив меня.

— Тогда что с вами происходит?

— Ничего, — с трудом выдавила я из себя.

— Алли, у вас ужасный вид. С вами правда все в порядке?

— Я... прошу прощения...

Я с трудом поднялась со своего места и, пошатываясь, кое-как добрела до края террасы. И меня тут же стошнило на асфальт внизу.

— Бедняжка! — Я почувствовала, как две сильных руки крепко обняли меня за талию. — Вам действительно сильно нездоровится. Позвольте, я помогу вам подняться в комнату. Какой у вас номер?

— Я... Мне хорошо... просто отлично, — пробормотала я с глуповатым выражением на лице. На самом деле я была в полнейшем шоке от того, что со мной только что случилось. Надо же! Устроила рыгаловку, и перед кем? Перед самим Тео Фейлис-Кингсом, перед человеком, на которого я по каким-то неизвестным причинам отчаянно пыталась произвести должное впечатление. Нет, более дурацкой ситуации нельзя себе и вообразить.

— Пошли! — Он положил мою вялую руку себе на плечо и потащил, почти поволок, мимо других обитателей пансионата, собравшихся на террасе. Все они взирали на меня с явным осуждением.

Оказавшись у себя в комнате, я тут же почувствовала очередной приступ тошноты. К счастью, на сей раз я успела добежать до туалета. Приступы повторились еще несколько раз. Но, выходя из туалета, я видела, что Тео терпеливо ждет и готов помочь уложить меня в постель.

— Честное слово, к утру я буду в норме... Обещаю, — простонала я.

— За последние два часа, что вас рвало не переставая, вы повторяли это уже несколько раз, — прагматично заметил Тео и бережно промокнул пот с моего лба полотенцем, смоченным в холодной воде.

— Ступайте к себе, Тео, — пробормотала я срывающимся голосом. — Честное слово, мне уже полегчало. А сейчас мне надо просто поспать.

— Через какое-то время я обязательно уйду к себе, — пообещал Тео.

— И спасибо, что помогли мне, — прошептала я, чувствуя, как мои глаза закрываются сами собой.

— Не стоит благодарностей, Алли.

Уже засыпая, уже погружаясь в сладостную полудрему, я вдруг улыбнулась и услышала собственный голос:

— По-моему, я люблю вас.

И моментально отключилась.

Проснувшись на следующее утро, я почувствовала себя гораздо лучше, хотя меня все еще водило из стороны в сторону. Я сползла с кровати и чуть не споткнулась о Тео, который крепко спал, примостившись прямо на полу, подложив под голову вторую подушку. Закрыв за собой дверь в ванную комнату, я безвольно опустилась на край ванны и вдруг вспомнила свои слова. Боже! Неужели я действительно произнесла их вслух вчера вечером?

«По-моему, я люблю вас».

И откуда мне вдруг пришла в голову столь дикая мысль? А может, я ничего такого и не говорила и все это мне только приснилось? В конце концов, вчера мне было действительно очень скверно. Вполне возможно, это всего лишь плод моих галлюцинаций. *«Дай-то бог! Дай-то бог!»* — простонала я мысленно, обхватив голову руками. Да, но если я ничего не говорила, тогда почему так живо помню эти слова? Они буквально врезались мне в память. Конечно, все это полная ерунда, ничего даже отдаленно похожего на правду. Но Тео вполне может вообразить, что так оно и есть на самом деле. Но ведь это же не так! Ничего подобного!

Я робко высунулась из ванной комнаты и увидела, что Тео уже собрался уходить. Стараясь не встречаться с ним взглядом, я молча

выслушала, что он идет сейчас к себе, хочет принять душ, а минут через десять заскочит за мной и поведет на завтрак.

— Нет, Тео, пожалуй, мне сегодня лучше обойтись без завтрака. Не хочу рисковать.

— Алли, вам обязательно нужно поесть. Хоть немного. Вы же не хуже меня знаете, что, если после приема пищи у вас снова возобновится рвота, нам придется временно списать вас на сушу. Пока вы окончательно не придете в норму. Увы, но правила есть правила.

— Ладно! Будь по-вашему, — согласилась я самым несчастным голосом.

Стоило Тео скрыться за дверью, как у меня мелькнула мысль, что я отдала бы сейчас все на свете за то, чтобы превратиться в человека-невидимку. Еще никогда мне так страстно не хотелось бросить все и бежать прочь куда глаза глядят.

Однако пятнадцатью минутами позже мы вместе с Тео вышли на террасу. Наши уже сидели за столом. Они понимающе переглянулись с такими самодовольными ухмылками на физиономиях. Если бы я могла, то в эту минуту поубивала бы их всех до единого.

— У Алли проблемы с желудком, — объявил Тео, садясь за стол. — Но, судя по твоей физиономии, Роб, у тебя сегодня тоже была бессонная ночь.

Остальные ребята отреагировали на слова Тео веселыми смешками, Роб смущенно опустил голову, а Тео спокойно продолжил разговор. В частности, о том, какие упражнения у нас запланированы на сегодняшнюю тренировку.

Я сидела молча, благодарная Тео за то, что он заговорил о делах практических. И одновременно отлично представляла, что именно думают в этот момент мои товарищи по команде. Но главное даже не то, что они думают, а то, что, по иронии судьбы, все, что они там нафантазировали, неправда. В свое время я дала себе зарок никогда не спать с членами своего экипажа, хорошо зная, как быстро расходятся слухи, порочащие репутацию женщины, в замкнутом мире парусного спорта. И вот вам, пожалуйста! Я, что говорится, по умолчанию, по ошибочному умолчанию, стала одной из таких опороченных женщин.

Хорошо было лишь то, что мне все же удалось кое-как переварить свой завтрак и меня допустили к тренировкам. И с этого момента я повела себя так, чтобы всем на борту яхты, особенно ему, стало

предельно понятно, что у меня нет ни малейшего интереса к персоне Тео Фейлис-Кингса. Во время тренировок я прикладывала максимум усилий, чтобы держаться от него как можно дальше. Правда, на тесном суденышке соблюдать дистанцию было не так-то просто, но я старалась изо всех сил. Если он что-то спрашивал у меня, я отвечала односложно: «да», «нет». А вечерами после ужина, скрипя зубами, оставалась вместе с ребятами коротать время в баре, а Тео сразу же по завершении трапезы поднимался из-за стола и уходил к себе в пансионат.

Ну и что мне за дело до него, твердила я про себя. Я ведь его не люблю. И не хочу, чтобы так думали про меня другие. Но чем сильнее я старалась убедить в этом всех окружающих, тем все большие сомнения одолевали уже меня саму. Я подолгу пялилась на Тео, особенно когда была уверена, что он на меня не смотрит. Меня восхищало, как спокойно и уравновешенно он работает с командой, какими глубокими и содержательными всегда были его комментарии по поводу наших успехов или их отсутствия. В любом случае такой стиль руководства экипажем сплавивал всех нас и заставлял выкладываться по полной. А еще, несмотря на хрупкое телосложение Тео, я все равно отмечала глазом, какой он крепкий физически и как играют мускулы у него под одеждой. Я уже неоднократно становилась свидетелем того, что из всех нас, членов команды, Тео был, несомненно, самым сильным и самым подготовленным.

Всякий раз, когда мои мысли предательски скатывались именно в *это направление*, я тут же предпринимала отчаянные попытки пресечь их на корню. Между тем совершенно неожиданно для себя я стала замечать, что в последнее время Тео часто разгуливает по яхте без рубашки. Конечно, днем жара стояла невыносимая, но так ли уж нужно ему демонстрировать свой голый торс, когда он, к примеру, просматривает маршрутные карты предстоящих гонок?

— Тебе что-то нужно, Алли? — поинтересовался он у меня однажды, резко отвернувшись от бумаг и перехватив мой взгляд.

Не помню, что я там промямлила в ответ, но тут же отвернулась от него, покраснев до самых кончиков волос.

К счастью, Тео ни единого разу не обмолвился о том, что за чушь я плела ему в ту ночь, когда заболела. Постепенно я почти убедила себя в том, что ничего такого я и не говорила вовсе. Наверняка это все

приснилось мне в каком-то кошмарном сне. Однако, вопреки самовнушению, я чувствовала, что со мной творится что-то не то. Что-то такое, что случилось в моей жизни впервые. Потому что впервые я не могла совладать со своими эмоциями. К тому же у меня пропал сон, да и мой здоровый аппетит тоже куда-то улетучился. А если я погружалась в полудрему на какой-то час-другой, то мне тут же снился Тео. Сновидения были такими яркими и живыми, да еще и такими раскованно смелыми, что, просыпаясь, я невольно краснела, вспоминая все то, что мне только что приснилось. А в результате мои контакты с ним стали еще более затруднительными и неловкими. Помнится, в подростковом возрасте я прочитала несколько любовных романов, но очень быстро отказалась от подобного чтения, отдав предпочтение душераздирающим, кровавым триллерам. Однако сейчас, анализируя все симптомы того, что творится со мной, я вынуждена была с глубоким прискорбием констатировать, что все признаки любовной лихорадки, как ее описывали в этих романах, налицо. Не знаю, как и почему, но я умудрилась втюриться в Тео Фейлис-Кингса по уши.

В последний вечер сборов Тео по завершении ужина поднялся из-за стола и произнес короткий спич. Поблагодарил нас за впечатляющую, по его словам, работу. Сказал, что у нас есть все шансы стать победителями на предстоящей регате и он на это очень сильно рассчитывает. Затем провозгласил тост. После чего я уже собралась отчалить к себе в пансионат, но тут Тео глянул в мою сторону.

— Алли, я бы хотел кое-что обсудить с вами. Как вы знаете, согласно правилам проведения соревнований, в команде должен быть человек, отвечающий за оказание первой медицинской помощи в случае экстренной необходимости. Честно говоря, пустая формальность. Обычная бюрократическая заковыка. Но необходимо подписать несколько бланков, только и всего. Вы не возражаете?

Он жестом указал на файл с бумагами и кивнул в сторону свободного столика.

— Но я и понятия не имею, как оказывать эту самую первую медицинскую помощь, — совершенно искренне возмутилась я, садясь за указанный столик на некотором расстоянии от всех остальных ребят. — Вы решили меня назначить, потому что я женщина, да? То

есть как бы изначально готова нянчиться с другими, и у меня это будет получаться лучше, чем у мужчин. Так вот, ничего подобного! Я не умею нянчиться. Предложите эту роль Тиму или кому-то еще.

— Алли, прошу тебя, помолчи, пожалуйста. Для меня наш разговор — это предлог, и только. Взгляни! — Тео придвинул ко мне поближе два абсолютно чистых листа бумаги, которые он извлек из файла. После чего протянул авторучку. — Давай сделаем вид, что все идет по плану, и не станем устраивать дальнейшие дискуссии на тему, кто из членов команды должен отвечать за оказание первой медицинской помощи. У нас есть более интересные темы для обсуждения. В ту ночь, когда ты так сильно расхворалась, ты сказала, что, судя по всему, любишь меня. И вот мое ответное признание, Алли. Думаю, я испытываю к тебе аналогичные чувства.

Тео замолчал, я ошарашенно уставилась на него, пытаюсь понять, уж не разыгрывает ли он меня. Но он сделал вид, что всецело занят изучением бланков. После короткой паузы он продолжил:

— Предлагаю найти способ выяснить, что значат для нас обоих эти наши признания. Завтра я намереваюсь устроить себе короткую передышку и отплыть на своей яхте куда-нибудь подальше на все выходные. Приглашаю тебя присоединиться ко мне. — Он снова замолчал и глянул мне прямо в глаза. — Так ты согласна?

Я открыла рот и тут же снова закрыла его. Наверное, в эту минуту я была сильно похожа на золотую рыбку, вытасченную из воды и жадно хватающую ртом воздух. И потом, я просто не знала, что ему ответить.

— Ради всех святых, Алли, прошу тебя, скажи «да». Прости за избитое сравнение. Но не забывай, мы с тобой сейчас в одной лодке. И мы оба точно знаем, что между нами все же проскочила какая-то искра. Еще тогда, год назад, при нашей первой встрече. Я ведь и до того был много наслышан о тебе и о твоих успехах, а потому, честно говоря, ожидал увидеть такую мужеподобную спортсменку с накачанными мускулами. И вдруг появляешься ты, огромные синие глаза, шикарные золотисто-рыжие волосы, словно ты только что сошла с полотна Тициана. Ты меня тогда полностью покорила. Можно сказать, ошеломила и уничтожила.

— Да? — воскликнула я, растерявшись настолько, что все слова попросту вылетели у меня из головы.

— Итак, — Тео слегка откашлялся, и я вдруг поняла, что он тоже нервничает, — давай совершим небольшой совместный круиз. Проведем какое-то время в нашей любимой стихии — на воде, а заодно и посмотрим, есть ли будущее у наших с тобой отношений. Если ты сочтешь, что нет, то все равно тебе понравится попутешествовать на моей яхте. Она очень комфортабельная. К тому же быстроходная.

— На борту... кто-нибудь еще будет? — спросила я, обретя наконец голос.

— Нет.

— То есть ты будешь капитаном, а я — твоей командой?

— Именно так. Но обещаю, я не заставлю тебя карабкаться на такелаж или торчать всю ночь в «вороньем гнезде» на верхушке мачты, чтобы вести наблюдения за акваторией моря. — Тео доброжелательно улыбнулся, и взгляд его зеленых глаз, обращенный на меня, тоже был теплым и доброжелательным. — Алли, ты только скажи, что согласна.

— Ладно! — кивнула я в ответ.

— Вот и отлично! — обрадовался Тео. — А теперь для соблюдения проформы поставь свою подпись здесь... и вот здесь... Скрепи подписью свое согласие. — Его палец уперся в нижний угол чистого листа бумаги.

Я глянула на Тео и увидела, что он по-прежнему улыбается, глядя на меня. И я тоже улыбнулась в ответ. А потом поставила свою подпись там, где было указано, и подвинула бланк назад. Некоторое время Тео изучал его с самым серьезным выражением лица, а затем аккуратно вложил в файл.

— Вот и все дела! — проговорил он достаточно громко, чтобы нас смогли расслышать другие члены команды, которых и так распирало от любопытства, и они, ушки на макушке, напрягались изо всех сил, чтобы услышать, о чем это мы там беседуем. — После обеда прогуляемся до пристани, и я коротко введу вас в круг ваших новых обязанностей.

Тео снова перешел на официальный тон, но при этом заговорщицки подмигнул мне, когда мы с ним поднялись из-за стола, чтобы присоединиться к остальным. Я старалась двигаться неспешно, но внутри меня все бурлило от радостного возбуждения.

Сказать по правде, в тот момент, когда мы отошли от острова Наксос и вышли в открытое море на элегантной, мощной моторной яхте под названием «Нептун», ни я, ни Тео не были до конца уверены в том, чем конкретно может закончиться наше совместное предприятие. Яхта была футов на двадцать длиннее, чем яхта класса *Hanse*, на которой мы тренировались, готовясь к регате. Но я уже настолько привыкла к тесноте, царящей на борту нашей яхты, что теперь, оказавшись только вдвоем с Тео уже на его личной яхте, нашла ее просто огромной. Каюта капитана поражала своим роскошным интерьером: полированные панели из тикового дерева и все в том же духе. А когда я увидела широкую двуспальную кровать, то невольно поежилась, вспомнив, при каких обстоятельствах мы с Тео недавно провели нашу первую совместную ночь в одной комнате.

— Я приобрел эту яхту пару лет тому назад, можно сказать, по дешевке. Прежний владелец разорился и был вынужден продать ее за долги, — сообщил Тео между делом, выводя судно из бухты Наксос. — И с тех пор у меня появилась постоянная крыша над головой.

— Ты все время живешь на яхте? — удивилась я.

— Иногда, когда выпадают длинные выходные, гощу у мамы в ее лондонском доме, но последний год живу здесь безвылазно. Парусные гонки следуют одна за другой, так что свободного времени практически не остается. Хотя, сказать по правде, я уже дозрел до того, чтобы обзавестись собственным домом и на суше. Более того, я даже купил себе кое-что из недвижимости. Но там еще надо проделать поистине гигантский объем работ, чтобы привести дом в надлежащий вид. Бог его знает, когда мне только удастся выкроить время для всех этих реноваций.

Я с детства привыкла к отцовской яхте «Титан», мощному суперлайнеру, способному бороздить не только моря, но и океаны. Папина яхта оснащена самыми современными навигационными средствами, к тому же полностью компьютеризированными. Так что некоторое представление о том, как управлять моторной яхтой, «рулить», по выражению Тео, я имела. Поначалу я держалась довольно скованно, боясь выйти за рамки официальных отношений. Если Тео

обращался ко мне с просьбой сделать то-то и то-то, я с трудом сдерживалась, чтобы не гаркнуть в ответ: «Есть, капитан!»

Собственно, неловкость испытывали мы оба, ибо ни Тео, ни я сама толком не знали, как перешагнуть через правила, диктуемые протоколом, и от формальных рабочих отношений перейти на обычный дружеский уровень общения. Разговоры у нас никак не клеились. Я старательно контролировала каждое произнесенное слово. То есть атмосфера царила довольно странная, и мы предпочитали ограничиваться лишь короткими репликами. Тео тоже в основном молчал. Словом, к тому моменту, когда мы бросили якорь, сделав остановку на ланч, я уже пребывала в полнейшей уверенности, что ничего путного из нашей затеи не получится. Во всяком случае, начало совместного круиза показалось мне просто ужасным.

Я с благодарностью оценила попытку Тео немного разрядить обстановку, когда он выставил на стол бутылку охлажденного розового вина «Провансаль» в качестве дополнения к салату. Я никогда особенно не увлекалась спиртными напитками, тем более на воде. Но как-то мы с ним умудрились опустошить бутылку до дна. Чтобы хоть как-то вывести Тео из его затяжного молчания, я завела разговор о парусном спорте. Мы стали обсуждать стратегию наших предстоящих гонок на регате Киклады, потом немного поговорили о том, каково это будет — выступать на Олимпиаде в Пекине. Ведь там соревнования будут проходить совсем по другим правилам. Я рассказала, что в конце лета должны пройти квалификационные испытания, по итогам которых окончательно решится моя судьба: буду ли я выступать на Олимпиаде в составе сборной Швейцарии или же нет. В свою очередь, Тео сообщил мне, что он будет выступать за сборную Америки.

— Так ты американец? Но акцент у тебя явно британский.

— Отец у меня американец, а мама — англичанка, — пояснил он. — Вначале я учился в закрытой школе в Хэмпшире, потом продолжил обучение в Оксфорде. Через какое-то время перебрался в Йельский университет. Словом, я такой занудливый зубрила по жизни.

— А что ты изучал?

— Классическую литературу в Оксфорде, а в Йельском университете практиковался в области психологии. Мне повезло, потому что меня почти сразу же зачислили в университетскую сборную по парусному спорту, а через какое-то время я стал капитаном

команды. Вот такой я субъект, существующий преимущественно в своей башне из слоновой кости. А чем занималась ты?

— Я окончила консерваторию в Женеве по классу флейты. Что же до тебя... Это многое объясняет. — Я улыбнулась, глянув на Тео.

— Что «это»? — недоуменно переспросил Тео.

— Ты хорошо разбираешься в людях, всегда очень точно анализируешь их поступки. Думаю, пятьдесят процентов твоих успехов как капитана заключается именно в том, что ты умеешь ладить с членами своей команды. Вот, к примеру, и ко мне нашел свой подход. Особый подход, я бы сказала. — Вино уже ударило в голову, и я неожиданно расхрабрилась. — Твои замечания очень помогли мне, правда. Хотя, сознаюсь, порой было неприятно слушать твои комментарии.

— Спасибо. — Он смущенно кивнул головой, выслушав мой комплимент. — В Йельском университете мне предоставили полную свободу, я мог рулить командой по собственному усмотрению. Вот я и постарался совместить свою любовь к парусному спорту со знанием психологии. Словом, выработал свой индивидуальный управленческий стиль, который принципиально отличается от иных стандартных методов руководства. Но мой метод работает.

— А твои родители поддерживают твоё увлечение парусным спортом?

— Мама — да. А отец... Дело в том, что они расстались, когда мне было одиннадцать. Пару лет спустя последовал весьма болезненный развод. После развода отец вернулся к себе в Штаты. Когда я учился в школе, то гостил у него на каникулах. Но он всегда был всецело занят работой, много колесил по миру, а присматривать за мной нанимал всяких нянек и гувернанток. Во время учебы в Йельском университете он пару раз присутствовал на соревнованиях, где я выступал. Но, если честно, я плохо знаю своего отца. А с учетом непростых отношений, которые у него сложились с мамой... Думаю, мамина неприязнь к нему наложила свой отпечаток и на мое восприятие отца. Знаешь, а я бы с удовольствием послушал твою игру на флейте, — резко поменял он тему нашего разговора и глянул на меня в упор своими зелеными глазами. Зеленое на голубом... Пожалуй, неплохо смотрится. Но уже в следующую секунду Тео отвел взгляд в сторону и, слегка пошевелившись на стуле, уставился на море.

Немного раздосадованная тем, что мне так и не удалось разговорить Тео по-настоящему, я тоже погрузилась в раздраженное молчание. Мы снесли грязные тарелки на камбуз, после чего я спрыгнула с борта и поплыла рядом с яхтой. Энергично работала руками и ногами, стараясь побыстрее протрезветь и выбросить всякую пьяную дурь из головы.

— Может, прежде чем двинуться в путь, поднимемся на верхнюю палубу и немного позагораем? — предложил мне Тео, когда я снова вскарабкалась на борт.

— Не возражаю, — согласилась я, хотя и знала, что для моей белой веснушчатой кожи солнца и так хватило в избытке. Обычно во время выступлений на воде я всегда натягиваю на себя плотный солнцезащитный костюм. Он отлично предохраняет мою чересчур нежную кожу от загара, но вот вид у этого костюма — увы-увы! — не самый привлекательный. Короче, никакой сексапильности. Этим утром я намеренно нацепила на себя легкий солнцезащитный козырек, чтобы предохранить лицо от прямых солнечных лучей, но неожиданно для себя подумала, что, пожалуй, немного загара мне не повредит.

Тео достал две бутылки с водой из переносной сумки-холодильника, и мы отправились с ним на верхнюю палубу, комфортно устроившись в носовой части яхты, где была удобная площадка для принятия солнечных ванн. Мы улеглись на роскошные лежаки, совсем рядом друг с другом. Я исподтишка глянула на Тео. Впервые он лежал так близко ко мне. Сердце мое невольно забилося сильнее при виде его полуобнаженного тела. Я даже подумала, что если он не отодвинется от меня, то я, пожалуй, не сдержусь и, забыв обо всех светских приличиях, брошусь ему прямо на грудь. Чтобы отогнать прочь соблазнительные мысли, роem теснившиеся в моей голове, я отвернулась.

— Алли, расскажи мне о своих сестрах и о том доме, в котором вы все обитаете на Женевском озере. Мне лично рисуется такая идиллическая картина...

— Ты прав... Полнейшая идиллия... Я...

Отуманенный выпитым вином и страстными желаниями, мой мозг менее всего хотел напрягаться в рассказе о моих семейных делах. К тому же наша семейная история представляется мне такой запутанной и сложной, что даже не знаешь, с чего и начать.

— Знаешь, что-то меня немного разморило на солнце, — сказала я, переворачиваясь на живот. — Пожалуй, вздремну немного. Можно я расскажу тебе о нашей семье немного попозже?

— Конечно, можно, Алли.

Я почувствовала, как его пальцы легко коснулись моей спины.

— Что такое? — Я резко перевернулась на спину и взглянула на Тео. В горле у меня мгновенно пересохло от радостного предчувствия. Вот сейчас оно начнется, мелькнуло в голове.

— Мне кажется, у тебя уже сгорели плечи.

— Правда? Спасибо, что предупредил! — рубанула я почти грубо. — Тогда спущусь на нижнюю палубу и посижу где-нибудь в тенишке.

— Мне идти с тобой?

Я не ответила, лишь молча пожала плечами, поднялась с лежака и побрела, пробираясь сквозь узкую носовую часть, в направлении кормы. Внезапно Тео схватил меня за руку.

— Алли, что с тобой?

— Ничего. Почему спрашиваешь?

— Ты... ты вся как натянутая струна.

— Ха-ха-ха! И ты не лучше! — парировала я.

— Ты так считаешь? — совершенно искренне удивился он.

— Да, — сказала я как отрезала.

Тео молча поплелся за мной по трапу вниз. Дойдя до кормы, я тяжело плюхнулась на скамейку в тени.

— Прости, Алли. — Тео тяжело вздохнул. — Но у меня всегда плохо получалось по этой части.

— По какой такой «части»?

— Ну ты же прекрасно понимаешь, о чем я... Все эти ухаживания, заигрывания, прелюдии... Так вот, знай! Ты мне нравишься, я уважаю тебя... А потому не хочу, чтобы ты чувствовала себя так, будто я пригласил тебя к себе на яхту только затем, чтобы в первый же удобный момент завалить тебя в стог сена. Ты, наверное, думаешь, что у меня в голове лишь одна-единственная мысль: как покувыркаться с тобою. Тем более что ты так остро реагируешь на любые проявления сексизма. Одним словом, женщина в мужском коллективе. И потом...

— Ради всех святых, Тео, ничего подобного я и в мыслях не держу!

— Правда, Алли? Честное слово? — недоверчиво воскликнул он. У него даже глаза расширились от удивления. — Признаюсь тебе как на духу, все мы, современные мужики, страшно боимся попасть в какой-нибудь глупый переплет, когда тебе с ходу начнут предъявлять обвинения в сексуальных домогательствах. А порой для этого достаточно лишь одного восхищенного взгляда на женщину. Между прочим, со мной однажды случилась такая неприятная история. Кстати, та женщина выступала в одной команде со мной.

— Неужели? — делано удивилась я.

— Представь себе, да. Дурацкая история вышла. Я ей сказал что-то типа: «Привет, Джо! Как приятно видеть тебя членом команды. Ты сумеешь поднять настрой всем нашим ребятам. Сейчас у нас точно все будет торчком». И баста! С этого момента я был обречен.

Я уставилась на него в немом изумлении.

— О нет! Не может быть, чтобы ты *сказал* такое!

— Ради бога, Алли! Я имел в виду вовсе не то, о чем ты подумала. У этой барышни была репутация отменного яхтсмена, и я просто хотел подчеркнуть, что в ее присутствии все мальчишки будут выкладываться по полной. Только и всего. Но она, по каким-то непонятным мне причинам, истолковала мои слова превратно.

— Так уж и «непонятным»? — ядовито поинтересовалась я.

— Честное слово, не знаю почему.

— Тео, прости мне неудачную шутку. Но на самом деле я отлично понимаю эту женщину. И понимаю, почему она смертельно обиделась на тебя. Ты даже представить себе не можешь, какого рода комментарии нам, женщинам-яхтсменам, приходится порой выслушивать в свой адрес. Неудивительно, что и твои слова она восприняла в таком же негативном ключе.

— Понятно. Но как бы то ни было, а взяв тебя в свою команду, я поначалу тоже сильно опасался. Тем более ты такая красивая.

— А что ты мне говорил, помнишь? — набросилась я на него. — Критиковал за то, что я стараюсь во всем подражать мужчинам, советовал оставаться женщиной...

— Туше! — весело ухмыльнулся Тео. — Но сейчас несколько иная ситуация. Мы с тобой вдвоем... одни на моей яхте... А я выступаю с тобой в одной команде. И ты можешь подумать...

— Тео! Перестань нести чушь! Сдается мне, что это не у *меня*, а у тебя куча проблем! — воскликнула я, окончательно выйдя из себя. — Я права? И потом, не забывай, ты сам пригласил меня к себе на яхту, а я сама, по своей воле, приняла твое приглашение.

— Все так, Алли. Все так. Но, если честно, вся эта затея... — Тео сконфуженно умолк, потом бросил на меня чистосердечный взгляд. — Алли, ты слишком много значишь для меня. Прости, если я веду себя как самый последний идиот... Но я уже попросту забыл, когда ухаживал за женщиной в последний раз. Вот я и боюсь сделать что-нибудь не так.

Сердце мое тут же растаяло.

— А что, если попробовать перестать анализировать все вокруг себя и немного расслабиться, а? Тогда, быть может, и я тоже расслаблюсь. И запомни: я сама *захотела* оказаться здесь.

— Ладно, буду стараться.

— Вот и отлично! А сейчас, — я внимательным взглядом обозрела свои обгоревшие предплечья, — поскольку я все больше и больше напоминаю себе перезрелый томат, то пойду-ка я лучше вниз, подальше от солнца. Отдохну немного. Можешь присоединиться, если захочешь. — Я поднялась со скамейки и направилась к трапу. — Обещаю, никаких обвинений в сексуальных домогательствах я тебе не предъявлю. Скажу даже больше, — добавила я, зажмурившись от собственной храбрости, — я восприму их, если таковые случатся, весьма позитивно.

Я спустилась вниз, мысленно похохатывая над бесцеремонностью своего приглашения. Интересно, как отреагирует на него Тео? Я вошла в каюту, улеглась на кровать и сразу же почувствовала себя необыкновенно могущественной особой. Пусть Тео остается боссом на работе, но в наших личных взаимоотношениях, если они у нас сложатся, я добьюсь с ним паритета. Непременно добьюсь!

Минут через пять Тео робко заглянул в дверь и тут же с порога стал снова извиняться за то, что повел себя «по-дурацки». В конце концов нервы у меня сдали. Я приказала ему заткнуться и лечь на кровать.

И как только у нас случилось *это*, мгновенно все стало хорошо. Более того, в последующие дни оба мы поняли, что нас притягивает друг к другу отнюдь не только физическое влечение. Случился редкий

триумвират, когда совпали не только наши тела, но и наши сердца, и наши души. Оба мы словно погрузились в некий транс, испытывая нескончаемый восторг от того, что наконец обрели друг друга.

Наша взаимная близость нарастала стремительно, может быть, частично так было и потому, что до того мы уже успели хорошенько узнать слабые и сильные стороны друг друга. Впрочем, о собственных недостатках мы предпочитали говорить меньше всего. Просто наслаждались осознанием того, что кажемся друг другу верхом совершенства. Мы часами занимались любовью, попивали вино, ели свежую рыбу, которую Тео ловил, сидя на корме яхты, а я в это время, лениво устроившись у него на коленях, читала книгу. Наша физическая ненасытность дополнялась такой же неумной жаждой узнать как можно больше друг о друге. Оказавшись наедине с Тео на безбрежных просторах моря, спокойного и величавого, я чувствовала себя так, будто мы с ним выпали из пространства и времени и нам ничего и никто не нужен. Только он и я.

В нашу вторую ночь я лежала в объятиях Тео, смотрела на звездное небо и рассказывала ему о своих сестрах и о Па Солте. История нашей семьи ошеломила Тео не меньше, чем других, кому доводилось ее услышать. Он внимал мне с неослабным вниманием, слушая как зачарованный рассказ о моем необыкновенном и волшебном детстве.

— Итак, давай еще раз уточним все детали. Имя Па Солт отцу придумала твоя старшая сестра. А твой отец удочерил шесть девочек, включая тебя, когда вы еще были младенцами, так? Привез вас к себе домой из самых разных мест, путешествуя по миру. Наподобие того, как туристы привозят из своих поездок всякие сувенирные магнитики.

— В общем, да, так все и есть. За исключением того, что мне хочется думать, что я представляю для отца все же бóльшую ценность, чем какой-то там магнитик.

— Поживем, увидим, — ответил Тео, нежно покусывая меня за ухо. — Отец сам вас растил?

— Нет. У нас была Марина, которую мы привыкли звать просто Ма. Папа нанял ее в качестве няни и гувернантки еще тогда, когда удочерил Майю, мою старшую сестру. Марина фактически заменила всем нам мать. Мы ее просто обожаем. Она родом из Франции, и это объясняет, почему мы свободно говорим по-французски. Ну к тому же

французский, как ты знаешь, является одним из государственных языков Швейцарии. У папы была идея фикс: чтобы все его дочери свободно разговаривали на двух языках. А потому сам он общался с нами исключительно на английском.

— Что же, надо сказать, в этом он неплохо преуспел. Я бы никогда не догадался, что английский тебе не родной язык, если бы не твой шикарный французский акцент, — признался Тео, привлекая меня к себе и целуя в волосы. — А отец никогда не рассказывал, почему он удочерил именно вас? И почему не одну, а шестерых?

— Я как-то спросила Ма об этом. Но она ответила весьма расплывчато. Сказала, что ему было одиноко в нашем огромном доме. К тому же у него много денег и он с радостью поделился ими. Но если честно, то мы, девочки, никогда не задавались вопросом, как и откуда мы появились. Особенно в детстве. Мы просто были, и все тут. К тому же мы всегда были семьей и воспринимали друг друга как единую семью. Словом, мы — это *мы*, и все дела.

— Похоже на сказку. Богатый благодетель берет себе на воспитание шестерых сироток. А почему все девочки?

— Мы порой шутили на эту тему. Говорили, что коль скоро отец начал давать нам имена звезд из созвездия Плеяд, то мальчик никак бы не вписался в эту его концепцию и нарушил бы всю последовательность. — Я издала короткий смешок. — Но, по правде говоря, никто из нас толком не знает ответ на этот вопрос.

— Созвездие Плеяд? Семь сестер? Следовательно, если ты вторая по старшинству, то твое настоящее имя Альциона? Звучит внушительно. Не то что какая-то там Ал, — шутливо добавил он.

— Да, меня на самом деле зовут Альциона. Но никто и никогда не называл меня так. Разве что Ма, и то когда она была недовольна моим поведением. — Я состроила веселую рожицу. — Так что не смей называть меня Альциной! Понятно?

— А мне это имя нравится, моя ты безмятежная маленькая птичка. И мне кажется, имя Альциона очень подходит тебе. Но тогда скажи, почему вас только шестеро? Ведь, согласно мифологии, сестер должно быть семь.

— Понятия не имею. Да, если бы папа привез в Атлантику седьмую девочку, то ее бы нарекли Меропой. Но она так и не появилась у нас в доме.

— Печально.

— Да. Хотя, с другой стороны, если вспомнить, каким кошмаром обернулось появление у нас Электры, самой младшей из сестер, то не скажу, что мы, старшие девочки, так уж горели желанием заполнить в дом еще одну вечную плаксу.

— Электра? — переспросил меня Тео. — Уж не та ли всемирно известная фотомодель?

— Она и есть, — с некоторой досадой в голосе ответила я.

Тео уставился на меня в немом изумлении. Я очень редко, а точнее, никогда не упоминала о том, что связана с Электрой родственными узами. Иначе не избежать было бы бесконечных и докучливых расспросов о том, что скрывается за одним из самых фотографируемых лиц в мире.

— Понятно-понятно, — протяжным голосом обронил Тео. Он меня очень обрадовал тем, что не стал больше ничего спрашивать об Электре. — А что же твои остальные сестры?

— Самая старшая моя сестра — Майя. И самая главная. Она переводчик. Унаследовала таланты отца к языкам. Боюсь сбиться со счета, когда начну перечислять все языки, которые она знает. Но скажу тебе лишь одно. Если ты Электру находишь красивой, то ты просто не видел нашей Майи. В отличие от меня, рыжеволосой и веснушчатой, Майя — роскошная смуглолицая дама с шикарными темными волосами. Прямо скажем, выглядит как самая настоящая южноамериканская красавица. Хотя по темпераменту она совсем не похожа на всех этих латинских див. Любит уединение. Можно сказать, ведет отшельнический образ жизни. Живет постоянно в Атлантиде. Говорит, что хочет быть рядом с отцом, чтобы в случае чего всегда прийти ему на помощь. Но все мы, ее сестры, считаем, что она просто прячется в отцовском доме... вот только от чего? — Из моей груди произвольно вырвался тяжелый вздох. — Я и сама толком не знаю. Но почти не сомневаюсь, что с ней что-то произошло, когда она поступила в университет. Она тогда полностью переменилась. Стала совсем не похожа на прежнюю Майю. Но как бы то ни было, а ребенком я ее обожала. Да и теперь тоже. Хотя, как мне кажется, за последние несколько лет она заметно отдалилась от меня. Впрочем, как и от всех остальных сестер тоже. А ведь когда-то мы с ней были очень близки.

— Знаешь, если постоянно тусуешься в большой компании, то иногда хочется побыть и одному. Понимаешь меня? — задумчиво бросил Тео. — Вместе иногда бывает тесно.

— Очень глубокомысленное замечание, — подначила я его с улыбкой. — Хотя все зависит от того, насколько тебе тесно.

— А твоя следующая сестра?

— Ее зовут Стар. Она на три года младше меня. Мои две средних сестры образовали такую своеобразную сладкую парочку. Спустя всего лишь три месяца после того, как у нас появилась Стар, папа привез в Атлантис Сиси. И эти двое с тех пор неразлучны. После окончания университета они ведут такой кочевой образ жизни. Колесят по Европе, путешествуют по странам Дальнего Востока. Но, кажется, сейчас у них созрело желание обосноваться в Лондоне. Сиси хочет пройти там какой-то фундаментальный курс по живописи. А вот что касается Стар, то не могу рассказать тебе о ней ничего конкретного. Спроси у меня, какие у нее есть таланты или амбиции и планы, и я честно признаюсь, что не знаю. Сиси полностью задавила Стар своим авторитетом и подчинила ее своей воле. Говорит Стар мало, позволяя Сиси озвучивать мысли и суждения за них двоих. У Сиси очень сильный характер. В чем-то она похожа на Электру. Как ты понимаешь, девчонки не сильно ладят между собой. Электра у нас — это же просто оголенный электрический провод. Вся такая взрывная, непредсказуемая. Одно слово — Электра. Имя говорит само за себя. Хотя, как мне кажется, внутри у нее скрывается доброе и участливое сердце. Я всегда так считала.

— Да, твои сестры представляют собой поистине уникальный материал с точки зрения психологических исследований. Что правда, то правда, — согласился со мной Тео, немного помолчав. — А кто у нас следующий?

— Тигги. О, вот о ней говорить одно удовольствие. Она у нас душка. Просто прелесть. Окончила биологический факультет. Какое-то время занималась научной работой в зоопарке Сервион в Женеве. А потом перебралась в шотландское высокогорье. Работает там в заповеднике, в котором занимаются разведением и охраной оленей. Тигги, она у нас такая... — Я задумалась на мгновение в поисках подходящего слова. — Особенная, что ли... Неземное создание... И у нее весьма необычные духовные запросы и верования. Воистину, она

постоянно парит где-то между небом и землей. Мы все иногда подшучивали над ней, и довольно бессердечно, надо сказать. Например, когда она заявляла, что слышит голоса. А однажды она рассказала нам, что видела ангела, восседающего на дереве в нашем саду.

— Получается, что ты не сильно веришь во все эти разговоры о потустороннем мире?

— О нет. Я совсем другая. Твердо стою на земле обеими ногами. Точнее, на воде, — добавила я с улыбкой. — К тому же я по натуре человек очень практичный. Недаром сестры с самого раннего детства безоговорочно признавали меня своим вожаком. Словом, в нашем маленьком коллективе я всегда верховодила. Что, впрочем, вовсе не означает, что я без всякого пиетета отношусь к тому, чего я не знаю или не понимаю. А ты сам?

— Сразу же сознаюсь, что, в отличие от твоей сестры, ангелов на деревьях я не видел никогда. Но, знаешь, я всегда чувствую какую-то защиту извне. Что-то оберегает меня свыше, это факт. Особенно когда я нахожусь в открытом море. Со мной пару раз случались пренеприятнейшие истории, но пока — постучу по дереву! — я выходил сухим из воды. Может, сам бог Посейдон взял меня под свое покровительство, если уж снова обратиться к мифологии.

— Что ж, дай бог, чтобы это покровительство пребывало с тобой и впредь, — с горячностью пробормотала я.

— И наконец, последнее, но, пожалуй, самое интригующее. Расскажи мне о своем необычном отце. — Тео нежно погладил мои волосы. — Чем, например, он зарабатывает себе на жизнь?

— Опять же признаюсь тебе как на духу, никто из нас, его дочерей, толком ничего не знает. Что у него за бизнес, понятия не имею. Скажу лишь одно. Судя по всему, дела у него идут успешно. Скажем, его «Титан» — это элитная океанская мегаяхта от самого Бенетти, — привела я пример с прославленной фирмой, занимающейся строительством океанских яхт супер-класса, вполне понятный Тео, чтобы продемонстрировать ему уровень благосостояния отца.

— Вау! — восхищенно воскликнул он. — По сравнению с яхтой твоего отца наше уютное суденышко — это детский кораблик, и только. Итак, у вас, моя принцесса, есть дворцы и на суше, и на море, —

шутливо подначил меня Тео. — Ты у меня действительно самая заправская принцесса, только тайная.

— Мы и правда живем безбедно. Что да, то да. Но при этом отец всегда приучал нас к мысли, что надо быть самостоятельными и учиться зарабатывать на жизнь. Когда мы стали взрослыми, он не баловал нас щедрыми подачками. Никаких безлимитных кредитных карточек ни у кого из нас нет. Правда, если речь идет о нашем образовании, то тут он денег никогда не жалел и не жалеет.

— Очень разумно. Ты близка с отцом?

— Очень! Он так много значит для меня. Для всех нас, его дочерей. Это мой самый дорогой человек на свете. Думаю, впрочем, что каждая из нас, сестер, считает, что у нее свои особые, доверительные отношения с отцом. Вот и я тоже так считаю. Частично потому, что мы с ним оба очень любим парусный спорт. Когда я росла, то проводила с отцом много времени на воде, он и я и больше никого. Кстати, он обучал меня не только тому, как правильно управляться с парусом. Ведь Па Солт — самый добрый, самый мудрый человек из всех, кого я знаю.

— Словом, ты у нас папенькина доченька. О, еще ко многому мне надо привыкать! — Рука Тео переместилась с моих волос, и он принялся ласково гладить мою шею.

— Однако хватит обо мне. Теперь я хочу узнать кое-что и о тебе, — сказала я, чувствуя, как его нежные касания начинают сводить меня с ума.

— Потом, Алли, потом, ладно? Ты же знаешь, как умопомрачительно действует на меня твой неподражаемый французский акцент. Я готов слушать тебя целую ночь напролет.

Тео приподнялся на локте и наклонился ко мне, чтобы поцеловать в губы уже по-настоящему. После чего потребность в дальнейших разговорах отпала сама собой.

3

На следующее утро мы решили отправиться на остров Миконос, чтобы пополнить запасы провизии. Я снова нежилась под солнцем на верхней палубе, но тут меня окликнул Тео и попросил подняться к нему на мостик.

— Угадай, что я тебе сейчас скажу! — воскликнул он с довольным выражением лица.

— Что?

— Я только что беседовал по радиосвязи с Энди, одним моим приятелем. Он тоже яхтсмен и сейчас как раз бороздит просторы Эгейского моря на своем катамаране. Он предложил нам встретиться в заливе неподалеку от острова Делос. Поболтать, выпить... Среди прочего он упомянул весьма интересную вещь. Оказывается, буквально рядом с его катамараном встала на прикол огромная океанская суперяхта «Титан». Как ты понимаешь, такую новость я не мог пропустить мимо ушей.

— «Титан»? — изумленно воскликнула я. — Ты уверен?

— Энди сказал, что яхта сделана у Бенетти. Сомневаюсь, что они рискнули изготовить две одинаковые яхты. А еще он сказал, что в этот момент в заливе появился еще один плавучий дворец, который стремительно надвигался на его катамаран. И он предпочел ретироваться, чтобы не начались приступы клаустрофобии от присутствия рядом двух таких гигантов. Словом, отплыл на пару миль от берега и укрылся по другую сторону залива. Так что у нас с тобой появился шанс не только повидаться с Энди, но и выпить чашечку чая в компании твоего отца. Как думаешь?

— Поражена до глубины души, — чистосердечно призналась я. — Папа ничего не говорил мне о том, что собирается сюда. Хотя, конечно, я прекрасно знаю, что он обожает совершать круизы на яхте по Эгейскому морю — это его любимое место.

— Ну, наверное, ничего не сказал потому, что не предполагал, что ты окажешься так близко от него. Но ты сама вскоре сможешь рассмотреть в бинокль и убедиться в том, что это именно яхта твоего отца. А потом свяжешься по радиосвязи с капитаном яхты и сообщишь ему, что мы уже на подходе. Так, на всякий случай, чтобы избежать возможных недоразумений. Вдруг это яхта какого-нибудь русского олигарха, доверху забитая водкой и проститутками? Такой вариант тоже нельзя исключать. — Внезапно Тео глянул на меня внимательным взглядом. — А твой отец, случаем, не сдает свою яхту в аренду?

— Никогда! — твердо ответила я.

— Тогда, моя принцесса, вооружайся биноклем и отправляйся снова принимать солнечные ванны. А твой преданный капитан в это

время встанет за руль. Дашь мне знак через иллюминатор, когда увидишь «Титан», и я сразу же отправлю по радиации сообщение о том, что мы приближаемся.

Я снова вскарабкалась на верхнюю палубу и приклеилась к биноклю, застыв в ожидании того момента, когда на горизонте появятся знакомые очертания отцовской яхты. Интересно, размышляла я, как пройдет первая встреча этих двух мужчин, одного из которых я люблю больше всего на свете, а во второго влюбляюсь с каждым днем все сильнее и сильнее. Потом я принялась вспоминать, знакомила ли я в прошлом отца с кем-нибудь из моих бывших бойфрендов. Вполне возможно, с кем-то и знакомила, из числа тех, с кем я крутила романы еще во время учебы в Женевской консерватории. Но ведь это было так давно. А если честно, то за все минувшие годы у меня ни с кем не было ничего серьезного. Ни одного ухажера, которого мне бы захотелось представить отцу или другим членам моей семьи.

Но так было до недавнего времени...

Минут через двадцать я разглядела в бинокль знакомые очертания отцовской яхты. Я увеличила резкость, вглядываясь в кромку горизонта. Сомнений быть не могло, это точно папин «Титан». Я повернулась к иллюминатору на мостике и вскинула палец вверх, давая условленный знак Тео. Он кивнул в ответ и снял трубку радиопередатчика.

А я спустилась в каюту, чтобы привести себя немного в порядок. Собрала растрепавшиеся волосы в аккуратный конский хвост, натянула на себя майку и шорты, буквально кожей чувствуя, как внутри стремительно нарастает радостное возбуждение. Вот сейчас удивлю *отца* так удивлю, думала я, предвкушая нашу встречу с Па Солтом. Да и то правда! Не все же ему меня удивлять. Я поднялась на мостик и поинтересовалась у Тео, ответил ли ему Ганс, папин шкипер.

— Представь себе, нет. Я уже отправил второе сообщение. А если и оно останется безответным, что ж, тогда нам придется заявиться к твоему отцу без приглашения. Напроситься, так сказать, на чай. — Тео поднес к глазам бинокль и стал разглядывать вторую яхту, бросившую якорь рядом с «Титаном». — О, а я хорошо знаю владельца второго плавучего дворца, о котором рассказал мне Энди. Это яхта «Олимпия». Она принадлежит финансовому магнату Кригу Эсзу. Он владеет компанией «Лайтнинг Коммьюникейшнс». Эта компания, между

прочим, спонсировала несколько моих экипажей на регатах. Я даже пару раз встречался с Кригом Эсзу.

— В самом деле? — удивилась я. Криг Эсзу в своем роде личность не менее известная и популярная, чем моя сестра Электра. — И как он тебе?

— Не скажу, что ему удалось обаять меня. Однажды за ужином мне довелось сидеть рядом с ним. И весь вечер он говорил только о себе и о своих финансовых достижениях. Впрочем, его сынок Зед еще хуже. Испорчен до крайности. Такой, знаешь ли, стопроцентный мажор, который совершенно искренне думает, что за папины деньги он может заполучить себе все что угодно.

В глазах Тео вспыхнуло нескрываемое раздражение.

Я же сразу наострила уши. Уже не впервые я слышу от близких мне людей имя Зеда Эсзу.

— Неужели он настолько плох?

— Да! *Настолько!* — повторил Тео с явным нажимом в голосе. — Одна моя приятельница увлеклась им когда-то, но он относился к ней... Как бы это помягче выразиться. Для него она была что пыль на дороге. В любом случае...

Тео снова поднес бинокль к глазам.

— Надо нам послать еще одну радиogramму на «Титан». У меня такое впечатление, что яхта снялась с якоря и тронулась в путь. Попытайся ты, Алли, поговорить с ними по рации. Если на яхте сейчас находится твой отец, то он наверняка узнает твой голос. И шкипер его тоже узнает.

Я сняла трубку, пытаюсь установить радиосвязь с «Титаном». Тщетно. Уже невооруженным глазом было видно, как яхта отца набирает скорость и стремительно удаляется от нас.

— Ну что будем делать? Бросимся за ними вдогонку? — спросил у меня Тео, наблюдая за тем, как «Титан» уходит все дальше и дальше в открытое море.

— Пойду возьму внизу свой мобильник и постараюсь связаться с папой напрямую, — ответила я.

— А я пока прибавлю скорость. Конечно, догнать их будет чертовски трудно. К тому же они уже имеют приличную фору. Но я еще никогда не соревновался с супер-яхтой. Это даже забавно, — несколько саркастически заметил он.

Оставив Тео в капитанской рубке играть в догонялки с папиной яхтой, я снова вернулась в каюту, немного замешкавшись в дверях, потому что наша яхта резко набрала скорость и понеслась вперед на всех парах. Порывшись у себя в рюкзаке, я наконец отыскала мобильник и попыталась включить его. Какое-то время я молча пялилась на безжизненный экран, с нетерпением ожидая, когда же он наконец оживет. Но тусклый экран, в свою очередь, недовольно пялился на меня с таким видом, как это делает домашний любимец, которого забыли покормить. Так и есть! Мобильник разрядился. Я снова полезла в рюкзак, на сей раз в поисках зарядного устройства. Потом стала искать американский адаптер, который подходит к розетке у изголовья кровати. Наконец все нашла и поставила мобильник на подзарядку, моля лишь об одном — чтобы он поскорее ожил.

Когда я снова поднялась на мостик к Тео, то он уже изрядно сбавил скорость, вернувшись в нормальный режим.

— Никаких шансов догнать твоего отца, — пояснил он мне. — Даже если мы будем идти на предельной скорости. Кстати, и «Олимпия» тоже уходит от нас на очень высокой скорости. Так ты дозвонишься отцу?

— Пока еще нет. Поставила мобильник на подзарядку.

— Возьми мой. Вот!

Тео вручил мне свой мобильник, и я тут же набрала номер отца. Сразу же включилась голосовая почта. Я оставила коротенькое сообщение, объяснив ситуацию и попросив папу связаться со мной как можно скорее.

— Глядя со стороны, складывается такое впечатление, что твой отец намеренно бежит от тебя прочь, — пошутил Тео, словно дразня меня. — А может, ему в данную минуту не хочется ни с кем встречаться. Но как бы то ни было, а я сейчас свяжусь с Энди, узнаю его точные координаты, и мы прямиком отправимся на randevu с ним.

Видно поняв по моему лицу, в каких расстроенных чувствах я нахожусь, Тео крепко обнял меня.

— Прости, дорогая. Это всего лишь неудачная шутка. Ты не забывай, все сообщения передаются в прямом эфире. Вполне возможно, на «Титане» просто не обращают на них внимания, воспринимают как такой побочный информационный шум. А то и

вовсе отключают радиосвязь. Я и сам так часто поступаю. Попробуй еще раз набрать отца по мобильнику.

— Хорошо, — безропотно согласилась я.

Наша яхта на медленной скорости направилась в сторону острова Делос на встречу с другом Тео. И тут я внезапно вспомнила, что отец, с которым я провела бесчисленное количество часов на воде, занимаясь парусным спортом, не раз повторял мне, что радиосвязь должна работать всегда, при любых обстоятельствах. Да и Ганс, шкипер папы, постоянно отслеживает все сообщения, поступающие на судно.

Меня охватила тревога. Помнится, и весь остаток дня я провела в тревожном ожидании. Наверное, это был тот случай, про которые обычно говорят: предчувствие не обмануло.

* * *

На следующее утро я проснулась в объятиях Тео, в живописной пустынной бухте Мачереса. На сердце у меня было по-прежнему тяжело, а при одной мысли, что во второй половине дня мы снова возьмем курс на Наксос, делалось еще хуже. Тео уже начал строить планы подготовки к предстоящей регате, которая должна стартовать через несколько дней. Судя по всему, время нашего безмятежного существования наедине друг с другом подошло к концу. Во всяком случае, на данный момент.

Лежа абсолютно голой на верхней палубе рядом с Тео, я попыталась стряхнуть с себя мечтательное настроение, отрешиться от всех тех чудесных мгновений, которыми одарило нас с Тео совместное времяпрепровождение, и вернуться в день сегодняшний. Снова окунуться в реальную жизнь. Мой телефон все еще стоял на подзарядке, со вчерашнего дня, с того самого момента, как я включила его в сеть.

Я поднялась со своего лежака, чтобы пойти вниз и забрать мобильник.

— Куда ты? — Крепкая рука Тео остановила меня.

— Пойду возьму свой мобильник. Нужно прослушать все поступившие сообщения.

— И сразу же назад, ладно?

Я выполнила его просьбу. А Тео тут же предложил отложить пока телефон в сторону. На некоторое время. Излишне говорить о том, что мне стало уже не до телефона и прошел по меньшей мере еще час, пока я наконец включила его.

Я не сомневалась, что в почте наверняка уже скопились послания от друзей и сестер. Я осторожно сдвинула руку Тео, лежавшую на моем животе, стараясь не разбудить, и включила мобильник. Сразу же бросилось в глаза необычно большое количество писем. Плюс целый ряд голосовых сообщений.

И все они были от моих сестер.

«Алли, пожалуйста, незамедлительно свяжись со мной. Люблю. Майя».

«Алли, это Сиси. Мы все тщетно пытаемся отыскать тебя. Пожалуйста, перезвони Ма или кому-то из нас».

«Дорогая Алли, это Тигги. Мы не знаем, где ты. Но ты нам срочно нужна».

Послание Электры заставило меня вздрогнуть.

«Алли! Боже мой! Какой ужас! Невозможно в это поверить, да? Лечу домой из Лос-Анджелеса. Сейчас как раз в пути».

Я поднялась с лежака и побрела в носовую часть яхты. Вне всякого сомнения, случилось что-то страшное. Трясущимися пальцами я нажала на кнопку голосовой почты в надежде прояснить ситуацию. Почему сестрам вдруг так срочно понадобилось связываться со мной?

Прослушав последнее сообщение, я получила ответ на свой вопрос.

«Привет, это снова Сиси. Все, судя по всему, боятся сказать тебе правду. Но тебе следует срочно приехать домой. Алли, мне жаль, что именно я должна сообщить тебе печальную новость, но так уж вышло. Па Солт умер. Прости... прости меня... И, пожалуйста, перезвони при первой же возможности».

Сиси, видимо, решила, что уже закончила разговор, но прежде чем в трубке раздался звуковой сигнал, означающий конец голосового сообщения, я услышала, как сестра громко всхлипнула.

Невидящим взглядом я уставилась на море. Как такое может быть? Ведь еще вчера я своими собственными глазами разглядывала в бинокль папину яхту «Титан». Нет, наверняка произошла какая-то ошибка, стала я успокаивать себя. Но, прослушав сообщение от

Марины, которая была для меня матерью во всех смыслах этого слова, разве что не по крови, и которая сейчас буквально умоляла меня поскорее вернуться домой, а потом такие же душераздирающие послания от Майи, Тигги, Электры, я поняла...

— Боже! Господи боже мой!

Чтобы не упасть, я ухватилась за поручень. Телефон выскользнул из моих рук и с тяжелым стуком упал вниз. Я наклонилась, чтобы поднять его, в глазах у меня все поплыло. Я почувствовала, что еще немного, и я потеряю сознание. Тяжело дыша, я опустила на палубу и закрыла лицо руками.

— Не может быть! Этого не может быть! — с громким стоном воскликнула я.

— Дорогая, что случилось? — Рядом со мной возник Тео. Он все еще был без одежды. Опустился на корточки и взял меня за подбородок. — Ради всех святых, что стряслось?

Я лишь молча указала ему на валявшийся рядом мобильник.

— Плохие новости, да? — спросил Тео, поднимая мобильник с пола. Лицо его мгновенно приобрело озабоченное выражение.

Я кивнула головой.

— Ты сейчас сама похожа на привидение. Давай я отведу тебя в тени и дам воды.

Не выпуская мой мобильник из рук, Тео кое-как поднял меня и помог спуститься в каюту, а там усадил на кожаную банкетку. И почему это ему всегда выпадает участь видеть меня в таком беспомощном состоянии, мелькнуло у меня где-то на задворках сознания.

Тео быстро натянул на себя шорты, достал какую-то свою майку и облек в нее мое безжизненное тело. Потом налил изрядную порцию бренди и принес стакан воды. Мои руки продолжали трястись, а потому я попросила Тео помочь снова включить голосовую почту и прослушать оставшиеся сообщения. Глотнув бренди, я тут же поперхнулась, но в желудке сразу же стало тепло, и это помогло мне немного успокоиться.

— Готово! — Тео протянул мне мобильник, и я повторно прослушала сообщение от Сиси, а потом и все остальные, включая три от Майи и одно от Марины. Потом послышался чей-то незнакомый голос, незнакомец представился Георгом Гофманом. Я смутно

припомнила, что, кажется, это папин нотариус. Было еще несколько пустых сообщений. Видимо, абонент набирал мой номер и тут же вешал трубку, не зная, что сказать.

Тео смотрел на меня не отрываясь. Я положила мобильник на соседний стул.

— Па Солт умер, — прошептала я едва слышно и отрешенно уставилась в пустоту, погружившись в затяжное молчание.

— Боже! Но как? Почему?

— Понятия не имею.

— Но, может, произошла какая-то ошибка? Ты уверена, что это правда?

— Уверена. Только у Сиси хватило мужества сказать мне правду. Я и сама не понимаю, как такое могло случиться... Еще вчера мы с тобой видели папину яхту.

— Боюсь, у меня тоже нет никаких разумных объяснений, дорогая. Вот что! Перезвони-ка прямо сейчас домой. Это лучшее из того, что ты можешь сделать. — Тео снова придвинул ко мне мобильник.

— Я... *не могу!*

— Понимаю! Давай я позвоню им вместо тебя. Скажи мне только номер, и я немедленно...

— *НЕТ!* — крикнула я в ответ. — Нет! Мне срочно надо домой! Сейчас же! — Я подхватила с места и беспомощно огляделась по сторонам, потом задрала голову в небо, словно ожидая, что вот-вот надо мной зависнет вертолет, который и доставит меня туда, где мне надлежит быть в данную минуту.

— Послушай, Алли! Я отлучусь на пару минут. Включу интернет. Хочу сделать пару запросов. Посиди пока здесь.

Тео исчез у себя в рубке, а я оцепенело уставилась перед собой, все еще пребывая в шоковом состоянии.

— Мой отец... Па Солт... умер? Да не может этого быть! — С моих уст сорвался зловещий смех, словно сама мысль об этом была невообразимо дикой. Отец всегда был таким несокрушимым, таким всесильным, *таким живым...*

— О господи! Все, что угодно, но только не это! — Меня стало трясти, мурашки побежали по рукам и ногам, словно я не жарилась

под солнцем на волнах Эгейского моря, а находилась где-нибудь высоко в заснеженных Альпах.

— Докладываю! — проговорил Тео из рубки. — Авиарейс на два часа сорок минут с острова Наксос в Афины мы уже пропустили. Что ж, рванем в Афины на яхте. Я забронировал тебе на завтра билет на самый первый, утренний рейс из Афин до Женевы. Там оставались свободными всего лишь несколько мест.

— Значит, домой я сегодня не попаду?

— Алли, уже половина второго. И впереди у нас долгий путь до Афин. Не говоря уже о перелете в Женеву. Будем идти на полной скорости. Только сделаем короткую остановку на острове Наксос, чтобы заправиться топливом. Думаю, при таком раскладе к вечеру мы доберемся до Афин. Хотя, если честно, пока с трудом представляю себе, как мы там пришьвартуемся в темноте. Пирейский порт наверняка в это время суток забит под завязку.

— Понятно, — коротко ответила я, не зная, как мне пережить предстоящие бесконечные часы ожидания.

— Хорошо! Тогда я включаю двигатель. Может, хочешь посидеть рядом со мной?

— Чуть попозже, ладно?

Минут через пять я услышала, как ритмично заработала гидравлика, следом послышалось позвякивание поднимаемого наверх якоря. Негромко зажужжали двигатели. Яхта тронулась с места. Я поднялась со скамейки и пошла на корму. Прислонилась к поручням и задумалась. Островок, на котором мы провели ночь, стал стремительно удаляться от нас. Еще сегодня утром я думала, что побывала ночью в нирване, а теперь это место навсегда будет связано в моей памяти с известием о смерти отца. Ведь именно здесь я узнала, что папы больше нет в живых. Яхта ускоряла ход, и меня тут же начало подташнивать. Скорее всего, сказывался пережитый только что шок, а также чувство вины, которое буквально раздирало сердце. Ведь последние несколько дней я продемонстрировала такой тотальный и совершенно непростительный эгоизм. Думала только о *себе любимой* и о том, какое это счастье, что я встретила Тео.

Страшно даже представить себе, что, пока я нежилась в объятиях Тео, снова и снова занимаясь с ним любовью, мой бедный отец где-то в

это время умирал. Разве я смогу простить себе *когда-нибудь* подобное бездушие и черствость?

* * *

Тео оказался верен своему слову, и на закате мы вошли в бухту Пирейского порта. Всю дорогу, показавшуюся мне вечностью, я провела вместе с Тео на капитанском мостике. Я молча лежала у него на коленях, а он одной рукой держал штурвал, а второй ласково гладил меня по волосам. Море волновалось, но Тео уверенно правил яхтой, рассекая на большой скорости встречные волны. Как только мы встали на якорь, Тео спустился в камбуз и приготовил пасту. А потом стал с ложечки кормить меня, будто малое дитя.

— Поспишь немного? — спросил он по завершении трапезы. По его усталому лицу я поняла, что он тоже вымотан. Столь стремительный марш-бросок до Афин дался ему нелегко. — Нам нужно будет подняться завтра в четыре утра, чтобы успеть на твой рейс.

Я согласилась, зная, что в противном случае Тео на всю ночь останется дежурить возле меня. Заранее приготовившись к длинной бессонной ночи, я позволила ему уложить себя в постель. Он лег рядом, обнял меня, прижал к себе и стал убаюкивать, как младенца.

— Алли, если это хоть как-то облегчит твое горе, знай, я люблю тебя. Я знаю это наверняка.

Я молча таращила сухими глазами в темноту. С того самого момента, как я узнала о смерти отца, из моих глаз не выкатилось ни единой слезинки. Но тут я почувствовала, что глаза мои стали влажными.

— И не думай, что я сказал тебе это лишь затем, чтобы немного утешить, — проронил Тео. — Я все равно сегодня вечером собирался признаться тебе в любви, — добавил он, немного помолчав.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала я в ответ.

— Правда?

— Да.

— Ты даже не представляешь, что значат для меня твои слова. Пожалуй, выиграй я в этом году «Фастнет», я бы не чувствовал себя

более счастливым. А сейчас постарайся заснуть.

Как ни странно, уютно устроившись в объятиях Тео и растроганная его признанием в любви, я действительно уснула.

На следующее утро такси медленно тащилось по улицам Афин, заполненных транспортом даже в столь ранний час. Тео все время сосредоточенно поглядывал на часы, боясь, что мы можем опоздать. Обычно подобные вещи контролирую я, и для себя, и для других, но сегодня я была только рада тому, что и эту заботу Тео взвалил на себя.

Я едва успела на регистрацию. До вылета оставалось минут сорок, не более. Собственно, я была последней из пассажиров, регистрационная стойка уже закрывалась.

— Алли, дорогая! Скажи, ты уверена, что справишься без меня? — Тео посмотрел на меня озабоченным взглядом. — Может, мне полететь в Женеву вместе с тобой? Как смотришь?

— Не волнуйся. Со мной все будет в полном порядке, — ответила я, направляясь на выход.

— Но если что, немедленно дай мне знать, ладно?

Мы пристроились в самый конец длинной очереди пассажиров, проходящих последний досмотр перед полетом. Очередь тонкой змейкой струилась между системами контроля, преодолевая последние барьеры на пути к беспрепятственному движению вперед. Я повернулась к Тео.

— Спасибо тебе. Спасибо тебе за все. Ты очень помог мне.

— Не так уж я сильно и помог. Послушай, Алли! — Внезапно он крепко обнял меня и притянул к себе. — Пожалуйста, только помни! Я люблю тебя.

— Обещаю, буду помнить, — ответила я, слабо улыбнувшись.

— А если ты почувствуешь, что сил больше нет, немедленно позвони мне. Или хотя бы пришли эсэмэску, обещаешь?

— Обещаю.

— И вот еще что. — Тео разжал объятия, выпуская меня из рук. — С учетом сложившихся обстоятельств я целиком и полностью пойму и приму твое решение, если ты откажешься от участия в предстоящей регате.

— О своем решении я сообщу тебе незамедлительно.

— Без тебя нам, конечно, светит только поражение. Ты ведь самый лучший яхтсмен из всех, с кем я когда-нибудь выступал в одном экипаже. До свидания, моя родная.

— Пока.

Я влилась в медленнодвигающуюся процессию заспанных пассажиров. Прежде чем поставить свой рюкзак на ленту транспортера для досмотра ручной клади, я снова оглянулась.

Тео все еще стоял на прежнем месте.

— Я люблю тебя, — выразительно проартикулировал он губами. Потом прощально взмахнул рукой, послал воздушный поцелуй и ушел.

В зале вылета, ожидая вместе с другими пассажирами приглашения на посадку, я вдруг почувствовала резкую смену настроения. Любовная эйфория, в которой я пребывала все последние несколько дней, куда-то внезапно исчезла. Я ощутила неприятную пустоту в желудке в предвкушении всего того страшного и необратимого, что ждет меня впереди. Достала мобильник и позвонила Кристиану, молодому шкиперу, который управлял нашим быстроходным катером на Женевском озере. Именно он должен был встретить меня в Женеве и доставить по озеру домой. Я послала ему эсэмэску, сообщила, что в десять утра буду ждать его возле понтонной переправы. И попросила пока ничего не говорить о моем прибытии ни Ма, ни сестрам. Написала, что сама свяжусь с ними.

Но, усевшись в свое кресло на борту самолета, я поняла, что у меня нет сил звонить никому из них. Да и вообще, хватит ли у меня сил вынести еще несколько часов томительного ожидания в полном одиночестве, зная все то страшное, что ждет меня впереди? Я снова вспомнила звонок Сиси. Лишь она одна из всей семьи отважилась сказать мне правду. Самолет начал медленный разбег по взлетной полосе, потом оторвался от земли и взмыл ввысь. Над Афинами занимался рассвет. Я прижалась пылающей щекой к холодному стеклу иллюминатора, чувствуя, как во мне нарастает паника. Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых мыслей, машинально глянула на первую полосу «Интернешнл геральд трибьюн», которую вручила мне стюардесса, и уже приготовилась отложить газету в сторону, но тут мне бросился в глаза один заголовок.

«ТЕЛО ФИНАНСОВОГО МАГНАТА ВЫНЕСЛО НА БЕРЕГ ОДНОГО ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ОСТРОВОВ».

Ниже была помещена фотография. Смутно знакомое лицо. Подпись под фотографией гласила:

«Криг Эсзу найден мертвым на побережье Эгейского моря».

Я уставилась на фотографию, отказываясь верить своим глазам. Но ведь Тео со всей определенностью сказал мне, что в заливе острова Делос именно *яхта Эсзу*, «Олимпия», стояла рядом с яхтой отца. Газета непроизвольно соскользнула с моих колен и упала на пол. А я в полном недоумении снова уставилась в иллюминатор. Ничего не понимаю! Абсолютно ничего не понимаю!

Спустя три часа самолет пошел на посадку в аэропорту Женевы. Сердце в груди забилося с такой силой, что я с трудом смогла сделать вдох. Я вернулась домой. Обычно возвращение домой было радостным событием. Ведь впереди ждала волнующая встреча с самым дорогим человеком на свете. Я уже заранее предвкушала, как он выйдет встречать меня с расprostертыми объятиями и я снова погружусь в волшебный мир своего детства. Однако на сей раз никто не будет встречать меня. Потому что его больше нет. И уже никогда не будет.

4

— Может, хотите сами повести, мадемуазель Алли? — Кристиан жестом указал на мое обычное место рядом со штурвалом. Любила я в былые времена погонять на полной скорости по тихим, спокойным водам Женевского озера.

— Не сегодня, Кристиан, — ответила я, и Кристиан понимающе кивнул с мрачным выражением лица. И оно лишний раз подтвердило мне, что все так и есть. Все, что я уже знаю, это правда.

Он включил двигатель, а я безвольно опустилась на одно из сидений. У меня не было сил даже посмотреть по сторонам. Я вдруг вспомнила, как еще совсем маленькой девочкой Па Солт усаживал меня к себе на колени и мы с ним гоняли вдвоем по Женевскому озеру. Потом припомнила, когда он впервые позволил мне сесть за штурвал. А сейчас... А сейчас через каких-то несколько минут меня ждет встреча с суровой действительностью. Не переставала грызть вина за то, что я не смогла вовремя отреагировать ни на одно из посланий от моих близких. Господи, думала я по мере приближения к нашему дому, пребывая в полнейшей прострации, как можно так внезапно и так

неожиданно свалиться откуда-то с райских небес и из состояния радостной эйфории стремительно погрузиться в пучину беспредельного отчаяния?

Глянув на берег, на деревья, окружавшие дом со всех сторон, я невольно отметила, что не вижу никаких перемен. Атлантис выглядит как обычно. Кристиан замедлил ход и плавно пристал к причалу. Я выбралась из лодки и накрепко привязала ее к швартовой тумбе. В душе вдруг затеплилась надежда. А если это все неправда? Может, ошибка какая вышла? Еще минута, и папа выйдет мне навстречу. Он обязательно *должен быть* здесь...

Но, глянув наверх, я увидела бегущих через лужайку Сиси и Стар. А потом появилась Тигги. Она что-то крикнула в открытую парадную дверь и тут же бросилась догонять старших сестер. Я тоже ринулась навстречу к ним. Подбежала ближе и почувствовала, как у меня подкосились ноги при виде их унылых лиц. Я замерла на месте.

«Алли, — тут же мысленно приказала я себе, — не забывай, ты в семье лидер. Немедленно возьми себя в руки...»

— Алли! Дорогая наша Алли! Как мы рады, что ты наконец здесь. — Тигги подбежала ко мне первой. Я застыла, всем своим видом стараясь демонстрировать спокойствие. Сестра крепко обняла меня. — Мы уже все тут извелись, ожидая тебя столько дней.

Следующей подошла Сиси, а за ней верной тенью — ее неизменная спутница Стар. Молчаливая, как всегда, она тут же присоединилась к нашему объятию с Тигги.

Наконец я слегка отстранилась от сестер. В их глазах блестели слезы. Мы молча направились к Атлантису.

При виде дома я снова почувствовала всю горечь потери. Па Солт называл этот дом нашим личным королевством. Он был построен еще в восемнадцатом веке, но и сейчас смотрелся как самый настоящий волшебный замок из сказок. Четыре башенки, венчающие замок со всех сторон, фасад, выкрашенный в светло-розовый цвет. Дом расположен на полуострове, находящемся в частном владении отца, и со всех сторон окружен величественными парками и садами. В Атлантисе я всегда чувствовала себя в полной безопасности. Но без папы волшебный замок мгновенно опустел.

Все вместе мы поднялись на террасу, и в этот момент из Павильона, небольшого флигеля, расположенного рядом с основным

домом, показалась моя старшая сестра Майя. Красивые черты ее лица были искажены гримасой боли. Но при виде меня лицо у нее просветлело.

— Алли! — воскликнула Майя и бросилась ко мне, чтобы поприветствовать.

— Майя, какой ужас, да? — ответила я, чувствуя, как сжимается кольцо ее рук вокруг меня.

— Да, все очень плохо. Но как ты узнала? Мы тщетно пытались выйти с тобой на связь все последние два дня.

— Давайте войдем в дом, — сказала я, глянув на сгрудившихся вокруг меня сестер. — И я вам все объясню.

Сестры облепили меня со всех сторон, и лишь одна Майя безропотно поплелась сзади. Так уж вышло по жизни, что, несмотря на то что Майя была старшей в семье и со всеми своими личными проблемами девочки всегда устремлялись к ней, ища совета и утешения, по части лидерства первая роль всегда принадлежала мне. Вот и сейчас я поняла, что Майя совсем не возражает, если я и дальше продолжу исполнять свои командные функции.

Ма терпеливо поджидала нас, стоя на пороге дома. Она молча заключила меня в сердечные объятия. Я сразу же почувствовала теплоту родных рук и с удовольствием припала к ее груди. Не скрою, меня очень обрадовало ее предложение пройти всем вместе на кухню. Я проделала длинный путь, и сейчас мне отчаянно хотелось кофе.

Пока Клавдия, наша экономка, возилась у плиты, управляясь с огромной кофеваркой, в кухне возникла Электра. Длинноногая, загорелая, как всегда эффектная, умудряющаяся выглядеть элегантно даже в обычных шортах и майке.

— Алли! — негромко обронила Электра, а когда подошла ближе, то я увидела, какой у нее изможденный вид. Словно кто-то взял и откачал из ее тела все жизненные силы и потушил огонь, всегда полыхавший в несравненно прекрасных глазах насыщенного янтарного цвета. Она порывисто обняла меня и схватила за плечо.

Я обвела взглядом всех своих сестер. Как же редко собирались мы вот так, все вместе, в последние годы. А когда я подумала о причине, которая свела нас сейчас, то комок застрял в горле. И все же мне пора узнать, как все произошло. Но для начала нужно рассказать, где я была и почему так долго добиралась домой. Я сделала глубокий вдох.

— Прежде всего хочу сказать, что я сильно переживаю из-за того, что вы столько времени не могли выйти со мной на связь. Это правда. — Девочки дружно расселись вокруг стола. Но тут я заметила стоящую у дверей Ма и жестом показала на стул. — Ма, ты тоже послушай, ладно? Может, найдешь какое-то разумное объяснение тому, о чем я собираюсь вам рассказать.

Ма послушно присела на предложенный стул, а я стала собираться с мыслями, не зная, с какого конца начать рассказывать о том, как я наблюдала в бинокль папину яхту «Титан».

— Я была на сборах в Эгейском море. Готовилась к предстоящей регате Киклады. Регата должна начаться на следующей неделе. Но тут в преддверье выходных один мой приятель предложил провести уик-энд на его моторной яхте. Погода стояла прекрасная, и я решила, что для разнообразия можно и расслабиться на пару денечков.

— А чья яхта? — немедленно поинтересовалась у меня Электра, хотя я уже заранее знала, что она обязательно спросит об этом.

— Говорю же, одного моего приятеля, — ответила я уклончиво. Разумеется, мне очень хотелось рассказать сестрам про роман с Тео, но сейчас не самый подходящий момент, и я благоразумно удержалась от поспешных признаний. — И вот два дня тому назад, — продолжила я свое повествование, — приятель сообщил мне, что его друг, тоже яхтсмен, видел папин «Титан».

Я закрыла глаза, заново переживая все то, что последовало потом. Глотнула кофе. После чего как сумела поведала сестрам и все остальное. Как все наши радиосообщения, отправленные на «Титан», остались без ответа, как папина яхта, когда мы попытались подойти к ней поближе, снялась с якоря и на большой скорости стала удаляться от нас прочь. Все слушали мой рассказ с огромным вниманием, но краем глаза я заметила, какими грустными взглядами вдруг обменялись между собой Майя и Ма. Потом я набрала в легкие побольше воздуха и озвучила свою главную ложь. Дескать, в той части Эгейского моря, где мы находились, очень плохая мобильная связь, а потому я лишь вчера смогла наконец ознакомиться со всеми посланиями и прослушала те сообщения, которые поступили на голосовую почту. В эту минуту я презирала себя, ненавидела всеми фибрами души за столь наглую ложь, но ничего не могла с собой поделать. У меня не хватало духу признаться сестрам, что я попросту

отключила свой телефон. Я также ни словом не обмолвилась еще об одной яхте, «Олимпии», которую мы с Тео видели в заливе в то же самое время.

— Вот я и спрашиваю, — обратилась я ко всем своим слушательницам, — может кто-нибудь из вас объяснить мне толково, что происходит? И почему папина яхта находится в Греции, когда его самого... уже нет в живых.

Все взоры устремились на Майю. Она медлила с ответом, видно тщательно взвешивая каждое слово.

— Алли, у папы случился острый сердечный приступ. Это произошло три дня тому назад. Ничего нельзя было сделать. Врачи оказались бессильны.

Услышав известие о смерти отца уже из уст старшей сестры, я поняла, что все действительно кончено. Раз и навсегда. Я с трудом сдержалась, чтобы не расплакаться. Между тем Майя продолжила:

— Его тело доставили вертолетом на яхту. Потом «Титан» вышел в открытое море. Папу похоронили на дне океана, согласно его воле. Папа не захотел устраивать нас всякими похоронными мероприятиями.

Я уставилась на сестру в немом шоке. Наконец-то до меня все дошло. Пазл сложился.

— О боже! — потрясенно прошептала я. — Получается, что я невольно попала на папины похороны. Ничего удивительного, что яхта удирала от нас со скоростью звука. Я...

У меня не было больше сил притворяться сильной и спокойной. Я обхватила голову руками и постаралась сделать несколько глубоких вдохов, чтобы хоть как-то подавить нарастающую панику. Сестры сгрудились вокруг меня и стали успокаивать, кто как мог. Вообще-то я не привыкла давать слабинку перед девочками, а потому даже попыталась извиниться за то, что совсем расклеилась, изо всех сил стараясь восстановить душевное равновесие.

— Понимаю, как тебе сейчас плохо, — участливо проговорила Тигги. — Ты узнала, что на самом деле происходило в тот момент на борту яхты. Поверь, мы все, Алли, очень сожалеем, что так вышло.

— Спасибо, — растроганно прошептала я в ответ и тут же озвучила какую-то банальность на предмет того, что папа действительно однажды признался мне, что хотел бы упокоиться на

дне морском. И вот надо же было случиться такому нелепому совпадению, в результате которого я стала невольным свидетелем того, как «Титан» провожает отца в последний путь. От этих мыслей у меня снова стала кружиться голова. Не хватало воздуха.

— Не возражаете, — обратилась я к своим, — если сейчас я побуду какое-то время одна?

Все согласно закивали в ответ, и я ушла из кухни, провожаемая добрыми словами напутствия и поддержки.

Выйдя в холл, я беспомощно огляделась по сторонам. Куда бежать? Где найти покой своему страждущему телу? Где искать утешения, которого так жаждала моя душа? Нигде. Куда бы я ни бросилась сейчас, в какую бы сторону ни побежала, папы там уже нет. И нет мне ни утешения, ни покоя.

Я толкнула массивную дубовую дверь и вышла на улицу. Только бы подавить в себе это чувство безысходности, которое со страшной силой давило на грудь. Тело мое непроизвольно само устремилось к пристани. Я облегченно вздохнула, увидев, что наша гоночная яхта «Лазер» стоит на своем обычном месте, пришвартованная к берегу. Я тут же вскарабкалась на борт, подняла паруса и отпустила лить.

Немного отплыв от берега, я поняла, что ветер благоприятный. Я подняла спинакер и стала носиться по озеру как угорелая. Через какое-то время, поняв, что силы уже на исходе, я бросила якорь в небольшой бухточке, окаймленной со всех сторон каменными утесами.

Мысли мои поплыли хаотичным потоком. Чтобы хоть как-то упорядочить их, я попыталась еще раз проанализировать все то, что только что сообщила мне Майя. Увы, мысли продолжали лихорадочно метаться в голове, и тогда я бездумно уставилась на воду, словно идиот какой. Но в глубине души все еще теплилась надежда, что мне откроется нечто такое, что сможет помочь понять и все остальное. Как все *произошло*. И почему так вышло, что именно *мне* выпал случай присутствовать при том, что, скорее всего, было погребением Па Солта? Почему так? В чем причина? Или все это простое совпадение?

Постепенно сердце перестало колотиться в груди как бешеное и в мозгах немного прояснилось. Уже появились какие-то силы, чтобы взглянуть в лицо фактам, так потрясшим меня. Па Солт умер, и хотя сама мысль о том, что его больше нет, представлялась *абсурдной и нелепой*, это так, и от этого никуда не деться. Чтобы принять смерть

отца как данность и на- учиться жить дальше уже без него, я должна смириться с его смертью и примириться с действительностью. Однако все мои аргументы, все привычные критерии истины, все всплывшие в памяти трюизмы мгновенно разбивались о выстроенную мною стену из горя и неспособности поверить в случившееся. В конце концов я поняла, что пока мои усилия найти утешение хоть в чем-то будут тщетными. И отныне меня *всегда* будет преследовать не только горечь утраты, но и осознание того, что отец ушел от меня, даже не попрощавшись.

Я еще долго просидела на корме яхты. Размышляла о том, что еще один день близится к своему завершению и он прожит уже без папы. И надо мне как-то собраться с силами и побороть в себе то острое чувство вины, которое гложет меня. Страшно подумать, но я ведь поставила на первое место собственное счастье, и это в то время, как сестры, а может быть, и папа тоже, так отчаянно нуждались во мне. Получается, что в самый критический момент я подвела их всех. Я глянула в небеса, слезы градом катились по моим щекам. Снова и снова я просила Па Солта простить меня.

Я зачерпнула воды и сделала несколько глотков, а потом откинулась на корму, подставив лицо приятному теплему бризу, порхающему вокруг. Лодка мерно покачивалась на воде. Эти ритмичные звуки всегда успокаивали меня. Незаметно для себя самой я задремала.

«Помни, Алли. Каждое мгновение самоценно. Мгновение — это все, что у нас есть. Не забывай об этом. Никогда».

С этой мыслью я проснулась и подумала, что это один из самых любимых папиных афоризмов. И хотя краска смущения выступила у меня на лице, когда я вспомнила, чем конкретно занималась с Тео в ту минуту, когда папа, быть может, испустил последний вздох, и подумала о том, как же причудливо сплелись в этой жизни ее начало и конец, я тем не менее сказала себе, что ни для вселенной, ни для папы, обретающегося сейчас совсем в иных мирах, не так уж и важно, чем и когда я занималась. Пила ли чай или просто спала мертвецким сном. Для папы отныне все это не имеет значения. Но одно я знала точно и наверняка. Папа был бы счастлив, как никто на свете, если бы узнал, что я встретила такого человека, как Тео.

Домой я вернулась в уже более спокойном настроении. Оставалось еще кое-что, о чем я пока не рассказала сестрам. Каким именно образом мы с Тео отыскали яхту отца. Я чувствовала, что для начала мне стоит рассказать свою информацию кому-то одной из них. В нашем ограниченном мирке, состоящем из шести сестер, разумеется, были свои группировки и объединения. Нас с Майей, как двух самых старших, тоже связывали особые узы приязни. С ней-то я и решила поделиться всеми своими секретами.

Я снова привязала «Лазер» к швартовой тумбе и подалась в дом. В груди хоть и немного, но отлегло. Запыхавшаяся от быстрой ходьбы Марина встретила меня на лужайке. Я поприветствовала ее слабой улыбкой.

— Алли, ты что, гоняла по озеру на «Лазаре»?

— Да. Мне надо было немного проветрить мозги.

— Тогда придется тебе пока коротать время в одиночестве. Девочки тоже отправились на озеро.

— Все?

— Нет, Майя осталась дома. Вернулась к себе в Павильон. Сказала, что у нее есть какая-то работа.

Мы с Ма обменялись короткими взглядами, и я лишний раз убедилась в том, как сильно подействовала на нее смерть отца. Я очень люблю Ма, в том числе и за то, что она всегда первой приходит к нам на помощь, взваливает на себя все наши беды и несчастья. Вне всякого сомнения, ее очень сильно беспокоило будущее Майи. В глубине души я всегда знала, что Майя была ее любимицей.

— Вот и отлично, — ответила я. — Я как раз собиралась к ней заглянуть. Составлю ей компанию, если она не будет против.

— Тогда передай ей, пожалуйста, что Георг Гофман, нотариус вашего отца, вскоре прибудет в Атлантис. Правда, вначале он хочет перекинуться парой слов со мной. Уж и сама не знаю, что такого он собирается мне сказать. Но в любом случае предупреди Майю, чтобы через час она явилась в дом. И ты, конечно, тоже.

— Хорошо, — пообещала я.

Ма с нежностью пожалала мою руку и, развернувшись, зашагала в направлении Атлантиса.

Я подошла к Павильону и негромко постучала в дверь. Ответа не последовало. Зная, что Майя никогда не запирает входную дверь, я

вошла в холл и окликнула сестру по имени. И снова молчание в ответ. Тогда я направилась в гостиную. Сестра, свернувшись калачиком, спала на софе. Прекрасные черты ее лица разгладились, блестящие шелковистые волосы рассыпались по сторонам в живописном беспорядке, словно она позировала для какой-нибудь гламурной фотосессии. Когда я подошла ближе, Майя проснулась и с немного смущенным видом уселась на софе.

— Прости, Майя. Я тебя разбудила. Ты, наверное, спала, да?

— Кажется, я действительно заснула, — призналась Майя, заливаясь краской смущения.

— Ма сказала мне, что девочки пошли прогуляться на озеро. Вот я и подумала, зайду к тебе и немного поболтаю. Ты не против?

— О чем ты говоришь, Алли!

Судя по всему, она действительно крепко спала. Чтобы дать ей время немного прийти в себя после сна, я предложила заварить чай для нас двоих. Когда мы уселись за стол и я попыталась поднять чашку с горячим чаем, я тут же заметила, как дрожит моя рука. Наверное, надо принять на грудь что-нибудь покрепче, чем чай, прежде чем приступить к своей исповеди перед сестрой.

— В холодильнике стоит початая бутылка белого вина, — понимающе улыбнулась Майя и вышла на кухню, чтобы налить мне бокал вина.

Сделав хороший глоток, я наконец собралась с силами и рассказала сестре о том, что два дня тому назад видела яхту Крига Эззу, стоящую на причале рядом с яхтой папы. К моему удивлению, Майя побледнела, выслушав эту новость. И хотя я сама разболтала ей о том, что видела «Олимпию» рядом с нашим «Титаном», сейчас, когда я знала, что именно происходило в этот момент на борту папиной яхты, «Олимпия» меня совсем не интересовала. А вот Майя была просто потрясена известием, чего я от нее никак не ожидала. Я исподтишка наблюдала за тем, как она пытается успокоиться и прийти в себя, а затем по ходу нашего разговора Майя даже принялась успокаивать меня.

— Алли, бог с ней, с этой «Олимпией». Все это для нас несущественно. А вот то, что ты волей случая оказалась в том самом месте, где отец пожелал упокоиться, — вот это очень важно. Вполне возможно, через какое-то время, уже в конце лета, мы поступим так,

как предложила Тигги. Снова соберемся все вместе и отправимся в короткий круиз, возложим венок на воду в память об отце.

— Но самое страшное, Майя, я так виновата! Чувствую себя кругом виноватой! — воскликнула я, не в силах более таить свои переживания.

— Почему, Алли?

— Потому... потому что эти несколько дней, которые я провела на яхте своего приятеля, — они были такими прекрасными! И я была так счастлива... Еще никогда в своей жизни я не чувствовала себя такой счастливой. И признаюсь тебе как на духу, я не хотела контактировать с посторонним миром. Ни с кем! А потому я попросту отключила свой мобильник. И вот надо же такому случиться! В то самое время, когда он валялся бесхозным в моем рюкзаке, папа умирал. Быть может, я была нужна ему, а меня не оказалось рядом. Это ужасно!

— Успокойся, Алли, прошу тебя! — Майя пересела поближе ко мне, откинула пряди волос с лица и стала ласково укачивать меня в своих объятиях, словно малое дитя. — И перестань себя накручивать. Рядом с папой на тот момент не оказалось никого из нас. Разве ты забыла, что я безвылазно живу здесь? И что? Когда случилось страшное, меня в Атлантиде тоже не оказалось. Со слов Ма я поняла, что помочь папе действительно было невозможно. И мы все должны поверить в то, что так оно и было...

— Да, умом я все понимаю. Но, знаешь, мне еще о стольком хотелось расспросить его, рассказать... А теперь папы больше нет.

— Думаю, все мы испытываем сходные чувства. Но, во всяком случае, у нас есть все мы.

— Это правда. Спасибо тебе, Майя, за поддержку, — поблагодарила я сестру. — Невероятно, как в одно мгновение жизнь может перевернуться вверх дном.

— Все так, все так, — задумчиво бросила Майя и неожиданно улыбнулась. — Между прочим, могу я поинтересоваться, что или кто стали причиной твоего счастья?

Я тут же вспомнила Тео, и на душе стало тепло.

— Можешь. И в скором времени я обязательно расскажу тебе все. Обещаю. Но только не сейчас, ладно? А как ты сама, Майя? Как твои дела? — резко поменяла я тему разговора.

— У меня все в порядке, — слегка пожала она плечами в ответ. — Конечно, сейчас я тоже пребываю в шоке, как и все остальные.

— Само собой. Но тебе ведь было еще труднее. Пришлось сообщать сестрам эту печальную новость. Представляю, каково это было. Мне так стыдно, что на тот момент меня не было рядом. Чтобы помочь... Снять с твоих плеч хотя бы часть груза...

— Но, слава богу, ты отыскалась в конце концов. А это означает, что коль скоро все мы в сборе, то можем встретиться с Георгом Гофманом, а потом начнем уже новую жизнь. Будем двигаться дальше.

— Ой, совсем забыла! — Я поспешно глянула на свои часы. — Ма просила, чтобы мы с тобой через час явились домой. Гофман должен прибыть в Атлантис с минуты на минуту. Но он изъявил желание вначале о чем-то переговорить с Ма, а уже потом встретиться со всеми нами. — Я подавила тяжелый вздох. — Майя, можно мне еще один бокал вина, пока мы будем дожидаться адвоката?

5

Ровно в семь вечера мы переступили порог Атлантиса, чтобы встретиться с Георгом Гофманом. Сестры уже поджидали нас, собравшись на террасе. Все наслаждались красивым вечерним закатом, хотя и заметно волновались: напряжение буквально витало в воздухе. Электра, как всегда, пыталась скрыть свою нервозность за саркастическими комментариями по поводу того, что Па Солт всегда тяготеет к драмам и мистериям. Но тут своевременно появилась Ма в сопровождении Георга Гофмана. Высокий, седовласый, безукоризненное облачение — темно-серый костюм. Словом, живое воплощение процветающего швейцарского юриста.

— Простите, девочки, за то, что заставил вас немного подождать, но вначале мне нужно было решить кое-какие организационные вопросы, — пояснил он. — Прежде всего примите мои самые искренние соболезнования. — Гофман прочувствованно пожал руку каждой из нас. — Могу я тоже присесть?

Майя жестом указала на стул рядом с собой, и Гофман уселся. От моего взгляда не ускользнуло, что он заметно волнуется. Все время вертит на запястье свои внешне неброские, но очень дорогие часы. Марина попросила разрешения удалиться к себе, оставив нас одних.

— Что ж, девочки, — начал Гофман. — Мне очень жаль, что я впервые встретился со всеми вами при столь печальных, я бы даже сказал, трагических обстоятельствах. Хотя, разумеется, у меня такое чувство, что я прекрасно знаю каждую из вас, и все благодаря вашему отцу. Хочу еще раз подчеркнуть, как сильно он любил вас, каждую из вас. — Я заметила, что на его лице отразилось искреннее переживание. — И не просто любил. Он безмерно гордился всеми вашими достижениями. Я разговаривал с ним совсем незадолго до того, как он... как он ушел от нас. И он попросил меня обязательно сказать вам все это.

Он бросил ласковый взгляд на каждую из нас по очереди. Потом придвинул к себе какую-то папку.

— Но вначале поговорим о финансовой стороне дела. Хочу сразу же уведомить вас, что все вы, каждая в отдельности, получите надлежащее обеспечение, которое позволит безбедно существовать до конца ваших дней. Однако ваш отец никогда не хотел, чтобы вы жили подобно ленивым и капризным принцессам. А потому вы получите скромный, но весьма разумный доход, такой, чтобы ни у кого из вас не маячили за спиной нищета и голод. Но при этом никаких излишеств и никакой роскоши. Он особо подчеркнул в разговоре со мной, что хотел бы, чтобы каждая из вас самостоятельно зарабатывала себе на жизнь, как это делал и он сам. Все состояние вашего отца переходит отныне в специальный трастовый фонд, записанный на всех вас. Мне оказана высокая честь стать распорядителем этого фонда. Именно мне в дальнейшем дано право решать все вопросы, связанные с оказанием финансовой помощи любой из вас, если вы обратитесь ко мне за такой помощью или с какими-либо иными своими проблемами.

Все мы промолчали, напряженно вслушиваясь в каждое слово Гофмана.

— Имение Атлантис тоже является составной частью этого фонда. И Марина, и Клавдия обе любезно согласились и далее проживать в этом доме и ухаживать за ним. В тот день, когда скончается последняя из вас, трастовый фонд прекратит свое существование, а Атлантис может быть продан или поделен в равных долях между вашими будущими детьми. Если же прямых наследников не будет, тогда все деньги будут перечислены в один из благотворительных фондов, на котором ваш отец остановил свой выбор. — Гофман отодвинул от себя

бумажки и добавил: — Хочу сделать одно чисто личное замечание. Мне представляется, что ваш отец очень разумно распорядился своим состоянием. И прежде всего потому, что решил сохранить в неприкосновенности этот дом. Это означает, что у каждой из вас есть место на земле, куда вы всегда сможете вернуться, если возникнет такое желание или какая-то необходимость. Хотя повторяю еще раз: больше всего на свете ваш отец желал, чтобы все вы разлетелись из родительского гнезда и продолжили жить уже своей жизнью.

Мы с девочками обменялись взглядами, словно прикидывая, какая жизнь ждет каждую из нас впереди. Что касается меня, то финансовое благополучие как раз беспокоило меня меньше всего. Во-первых, я и так была финансово независимым человеком. Правда, работала как каторжная. Но обеспечивала себя целиком и полностью. А что касается личной жизни... Что ж, теперь с появлением в ней Тео я вполне искренне надеюсь, что у нас с ним сложится что-то стоящее, причем на долгую перспективу.

— А сейчас, — прервал мои размышления Георг Гофман, — осталось еще кое-что, что ваш отец поручил мне сделать. Попрошу проследовать за мной. Вот сюда, пожалуйста.

Мы, немного сбитые с толку предложением нотариуса, молча поплелись за ним, не понимая, куда и зачем он нас ведет. Он свернул за угол дома и повел нас по саду куда-то вглубь. Наконец мы вышли к укромному уголку, который так любил Па Солт. Такой скрытый от посторонних глаз сад посреди сада, огороженный со всех сторон аккуратно подстриженной живой изгородью из тиса. На нас пахло ароматами лаванды, пряными запахами любистока и бархатцев, которые в летнюю пору всегда привлекали к себе уйму пчел. Скамейка, на которой любил в свое время посидеть папа, располагалась в нише, окруженной со всех сторон белыми розами. Пышные гроздья соцветий лениво свисали прямо на то место, где он обычно сидел. Когда мы были еще детьми, Па Солт любил наблюдать за тем, как мы играем на усыпанном галькой берегу небольшого мыса, выступающего из сада прямо в озеро. А когда мне исполнилось шесть лет, отец подарил мне небольшое зеленое каноэ, и я начала учиться управлять лодкой.

— Вот что я хочу вам показать. — Голос Гофмана снова оторвал меня от мыслей о прошлом и вернул в день сегодняшний. Он махнул

рукой в центр террасы. Мы подошли ближе к тому месту, чтобы рассмотреть, что там стоит. На каменном постаменте, достигающем мне почти до линии бедра, был установлен шар золотистого цвета. Шар был проткнут насквозь тонкой металлической стрелкой, а вокруг нее расположились металлические полоски, изящным образом обвив собой весь шар. Приглядевшись, я увидела на нем очертания морей и океанов, искусно выгравированных кем-то на золотистой поверхности шара, заключенного в специальный корпус. Да ведь это же самый обычный глобус, догадалась я. А стрелка наверняка указывает направление на север. Более широкая металлическая полоска опоясывала глобус по экватору. На ней были выгравированы двенадцать знаков зодиака. Похоже на старинный навигационный прибор. Да, но зачем он понадобился папе?

— Вы видите перед собой армиллярную сферу, — пояснил Гофман, обращаясь ко всем нам. После чего рассказал, что этот прибор существует уже многие тысячи лет. Древние греки сверяли по армиллярной сфере местонахождение звезд и определяли время суток.

Глянув на золотистый шар уже со знанием дела, я невольно восхитилась великолепной конструкцией этого старинного навигационного инструмента. Девочки тоже разглядывали прибор в полнейшем восхищении. Лишь Электра нетерпеливо воскликнула:

— Да, но какое отношение все это имеет к нам?

— К сожалению, в мою компетенцию не входит давать вам разъяснения по этому вопросу, — сказал Гофман извиняющимся тоном. — Могу сказать лишь одно. Если вы повнимательнее взгляните в сферу, то обнаружите, что на каждой металлической полоске выгравированы ваши имена.

Так и оказалось! Четкие, красиво выгравированные буквы на металле.

— Вот твое имя, Майя, — указала я на одну из полосок. — Там еще какие-то циферки рядом. Сдается мне, что это координаты. — Я погрузилась в изучение цифр. Потом нашла свое имя и тоже стала изучать цифры рядом с ним. — Да, точно! Это координаты! Вот только чего?

Рядом с координатами виднелись еще какие-то слова, написанные на незнакомом мне языке. Майя определила, что это греческий, и пообещала, что позже она переведет для нас все эти надписи.

— Ладно! — не выдержала Сиси. Судя по всему, ее терпение тоже лопнуло. — Все прекрасно. Изящная такая скульптурная композиция для садово-паркового комплекса. Но что на самом деле все это означает?

— Повторяю еще раз, — терпеливо ответил ей Гофман. — Я не уполномочен давать разъяснения по этому поводу. Пора нам возвращаться в дом. Наверняка Марина уже разлила по бокалам шампанское, как ей было велено вашим отцом. Он хотел, чтобы вы отметили его уход именно шампанским. После чего я вручу каждой из вас конверт с письмом от него. Надеюсь, эти письма скажут вам много больше того, что знаю я.

Продолжая размышлять над загадкой таинственных координат, я медленно двинулась в дом вслед за остальными. Все мы были немного сбиты с толку, не понимая, что именно завещал нам отец. Ма молча разлила шампанское по бокалам. Глядя на то, как она методично обходит всех нас, я вдруг подумала: наверняка она знала заранее то, о чем нам сегодня вечером сообщил Гофман, но лицо ее хранило обычное непроницаемое выражение.

Георг Гофман поднял бокал.

— Попрошу всех присутствующих поднять этот тост и почтить замечательную жизнь, которую прожил ваш отец. Могу лишь сказать вам, девочки, что он сам захотел устроить свои похороны так, как они прошли. И он уже заранее был счастлив, зная, что все вы соберетесь в Атлантиде, в доме, в котором прожили бок о бок с ним столько лет. Чем он всегда гордился.

— За Па Солта! — воскликнули все мы почти одновременно, поднимая бокалы.

А потом молча выпили шампанское, погрузившись каждая в свои невеселые мысли. Я еще раз вспомнила про наш поход к армиллярной сфере и подумала о том, на сколько вопросов у меня пока нет ответов. А они нужны, отчаянно нужны.

— А когда вы вручите нам письма? — спросила я у нотариуса.

— Прямо сейчас. Только схожу и достану их из своего кейса. — Гофман поднялся из-за стола и скрылся в доме.

— Более нелепых поминок я еще в своей жизни не видела, — обронила Сиси.

— Можно мне еще немного шампанского? — попросила я у Ма. Девчонки стали о чем-то негромко спрашивать друг друга, Тигги тихо плакала.

— Как бы мне хотелось, чтобы папа сам объяснил нам все это, — прошептала она сквозь слезы.

— Увы, это уже невозможно, родная моя, — ответила я как можно тверже и жизнеутверждающе, понимая, что еще пара минут — и все сестры с головой окунутся в атмосферу полнейшего уныния и отчаяния. — Как мне кажется, папа сделал все от него зависящее, чтобы максимально облегчить нам процедуру прощания с ним. Остается лишь смириться с неизбежным и черпать друг у друга силы, чтобы пережить наше большое горе.

Все согласно кивнули. Даже Электра. Я нежно пожала руку Тигги. В этот момент появился Гофман. Он положил на стол шесть конвертов из пергаментной бумаги. Я машинально глянула на них. На лицевой поверхности каждого ровным, четким почерком отца были написаны наши имена.

— Письма были переданы мне на хранение где-то шесть недель тому назад, — сказал Гофман. — Мне было велено в случае смерти вашего отца вручить эти письма каждой из вас.

— Мы должны вскрыть их прямо сейчас? Или можно прочитать письма попозже? К примеру, если кто-то из нас захочет сделать это в одиночестве? — уточнила я на всякий случай.

— Никаких определенных распоряжений на сей счет ваш отец мне не оставил. И каких-то специальных оговорок тоже не делал, — ответил нотариус. — Единственное, он сказал, что вы вольны открыть письмо, адресованное вам, когда будете внутренне готовы сделать это и сами захотите ознакомиться с его содержанием.

Глянув на лица сестер, я поняла, что все они хотят прочитать письмо отца в одиночестве.

— Итак, моя миссия на сегодня завершена. — Георг Гофман кивком головы попрощался с нами, предварительно вручив каждой из сестер свою визитку и сказав, что он всегда к нашим услугам. — Но, зная вашего отца, — добавил он тут же, — я абсолютно уверен в том, что он заранее до мельчайших подробностей предусмотрел все, что вам может понадобиться. А сейчас, девочки, позвольте мне

откланяться. И еще раз примите мои самые глубокие и искренние соболезнования.

Наверное, Гофману далась встреча с нами ой как непросто. Столько вокруг папиной смерти и его наследства таинственного и непонятого. Но как бы то ни было, а он со своей миссией справился вполне успешно. Я обрадовалась, увидев, как Майя поднялась, чтобы поблагодарить его от имени нас всех.

— До свидания. В случае чего вы знаете, где меня искать.

Гофман одарил всех нас грустной улыбкой, сказал, что он сам найдет дорогу, и покинул террасу.

Ма тоже поднялась из-за стола.

— Думаю, пора уже что-нибудь покушать. Скажу Клавдии, чтобы она подала ужин прямо сюда.

С этими словами Ма исчезла в доме.

Впервые за весь день я сообразила, что даже не думала все это время о еде. Мысли мои продолжали вращаться вокруг армиллярной сферы и папиных писем.

— Майя, что, если нам прямо сейчас сходить к армиллярной сфере и ты переведешь нам все те изречения, которые на ней выгравированы? Как думаешь? — поинтересовалась я у сестры.

— Конечно, так и сделаем, — согласилась со мной Майя. В этот момент на террасе появились Марина и Клавдия. Они несли тарелки и столовые приборы. — Давай сразу же после ужина, ладно?

Электра молча обзрела пустые тарелки и тут же поднялась из-за стола.

— Надеюсь, девочки, вы не будете возражать, если я покину вас? Я не голодна.

Когда Электра ушла, Сиси повернулась к Стар:

— А ты хочешь есть?

Стар крепко сжала в руке свой конверт.

— Думаю, нам все же следует перекусить, — неуверенно пробормотала она.

Ее предложение прозвучало весьма разумно, а потому, когда подали ужин, мы пятеро постарались с трудом, но загнать в себя по кусочку домашней пиццы и салат. Сразу же после ужина сестры одна за другой заторопились к себе. Всем, видно, хотелось побыть в одиночестве. За столом остались только Майя и я.

— Знаешь что, Майя? Пожалуй, я тоже пойду к себе. Улягусь пораньше спать. Что-то я чувствую себя страшно измотанной.

— Конечно-конечно! — живо откликнулась сестра. — Представляю, как тебе сейчас тяжело. Ты ведь узнала новость последней. Наверняка еще не отошла от пережитого шока.

— Думаю, ты права, — согласилась я с сестрой, поднимаясь из-за стола и целуя ее в щеку. — Доброй ночи, Майя, дорогая моя.

— И тебе доброй ночи.

Я чувствовала себя немного виноватой, что бросаю Майю за столом в одиночестве. Но мне вдруг страшно захотелось побыть одной. К тому же письмо, которое я держала в руке, буквально прожигало насквозь мои пальцы. Прикинув, где в этом доме я смогу обрести вожделенный покой и умиротворение на грядущую ночь, я остановила свой выбор на собственной детской. Там мне всегда было хорошо. Я преодолела два лестничных пролета и поднялась на третий этаж. Все комнаты девочек размещались здесь, на самом верху. Когда мы с Майей были маленькими, мы часто играли вместе, воображали себя сказочными принцессами, обитающими в волшебном замке. Моя комната была светлой, с очень простым убранством. Стены отделаны панелями из красного дерева, на окнах — занавески в сине-белую клеточку. Тигги однажды заметила, что моя детская сильно смахивает на такую старомодную каюту на каком-нибудь океанском судне. Круглое зеркало, вставленное в спасательный круг, на котором с помощью трафарета выведены слова «Алли от Сиси и Стар», было рождественским подарком, который девочки преподнесли мне много лет тому назад.

Я уселась на кровать и стала вертеть в руках конверт с письмом от отца. Интересно, мелькнуло у меня, сестры уже успели ознакомиться с письмами, адресованными им? Или еще медлят, испытывая душевный трепет при мысли о том, какие откровения их могут ждать в этих письмах? В моем конверте, помимо самого письма, лежала еще какая-то крохотная вещица, которая все время смещалась, когда я двигала конверт. Вообще-то я всегда была нетерпеливой. Первой из сестер бросалась распаковывать свой рождественский подарок или то, что мне подарили на день рождения. Вот и сейчас, разглядывая конверт со всех сторон, я почувствовала, как у меня чешутся руки поскорее вскрыть его и посмотреть, что там внутри. Я надорвала край конверта

и извлекла из него плотный лист бумаги. И даже подпрыгнула от неожиданности, когда следом на одеяло вывалилось что-то небольшое и твердое. Пригляделась и еще раз вздрогнула. Это оказалась маленькая коричневая лягушка.

В первый момент мне даже показалось, что она живая. Дурацкие страхи! Я стала внимательно разглядывать ее со всех сторон. Потом взяла фигурку в руки. Желтые пятнышки на спине, добрые выразительные глаза. Я пробежала пальцами по лягушачьей спинке, поразившись тому, как удобно фигурка разместилась на моей ладони. Да, но зачем папа положил лягушку в конверт вместе с письмом? Насколько я помню, ни он, ни я никогда не интересовались лягушками. А может, это одна из таких шуток, на которые всегда был горазд Па Солт? И в своем письме он объясняет, почему так сделал.

Я взяла письмо, развернула его и начала читать.

*Атлантис
Женевское озеро
Швейцария*

Моя дорогая Алли!

Вот я пишу первые строки своего письма и явственно представляю тебя. Мою красивую, полную жизни и энергии дочь. Вижу, как ты лихорадочно скользишь взглядом по письму, чтобы побыстрее дочитать его до конца. А потом снова перечитать, но уже медленнее и вдумчивее.

В любом случае, когда ты будешь читать это письмо, меня уже больше не будет рядом с тобой. Понимаю, каким шоком это стало для тебя, для всех вас, девочек. Но я хорошо знаю, что ты у нас самый главный оптимист. Твой позитивный настрой, твоя жизненная энергия, та самая жажда жизни, которая всегда подпитывала и меня, помогут тебе достойно справиться с горем. Уверен, ты сумеешь собраться, как всегда это делала в трудные минуты, чтобы двигаться дальше. Именно так ты и должна поступить.

Пожалуй, ты из всех моих дочерей больше всего похожа на меня. Могу лишь сказать, что я всегда безмерно гордился тобой, восхищался твоими успехами. Молюсь, чтобы, несмотря на то что меня больше нет рядом с тобой, ты и дальше продолжала жить

такой же наполненной и насыщенной событиями жизнью, которой жила всегда. Самый страшный враг человека — это его собственный страх. Господь одарил тебя бесценным даром: Он лишил тебя чувства страха. Дорожи этим чувством превыше всего, моя дорогая Алли. Даже сейчас, когда ты горюешь и скорбишь. Обещаешь мне?

Причина, по которой я решил написать тебе письмо, помимо желания попросить прощения, вот такая. Некоторое время тому назад мне пришла в голову мысль, что пора дать вам, девочкам, какие-то наводки на предмет вашего настоящего происхождения. Что вовсе не означает, что ты должна немедленно бросить все и заняться поисками родни. Но кто знает, как повернется твоя жизнь в будущем? Вполне возможно, в один прекрасный день тебе самой захочется отыскать свои корни. Или это может понадобиться тебе по другим причинам.

Ты уже видела армиллярную сферу и те координаты, которые выгравированы на ней рядом с твоим именем. Они выведут тебя на конкретное географическое место, которое может стать отправной точкой твоего путешествия в прошлое. В моем кабинете стоит на полке книга, написанная человеком, который уже давным-давно умер. Йенс Халворсен — его имя. Из нее ты тоже узнаешь много чего интересного. Вполне возможно, прочитав эту книгу, ты захочешь более обстоятельно покопаться в своей родословной. Если так, то у тебя достаточно ума и сообразительности, чтобы решить, как наилучшим образом начать свои поиски.

Моя дорогая девочка, ты от рождения одарена многими талантами. Пожалуй, их даже слишком много у тебя, этих талантов. Во всяком случае, так мне порой казалось. Ведь при определенных обстоятельствах слишком много так же плохо, как и слишком мало. Меня также мучают угрызения совести, что той неумной тягой к морю, которую я тебе привил с раннего детства, я сбил тебя с верного пути. Не дал развиваться другим твоим талантам, которых у тебя, повторяю еще раз, в избытке. Начнем с того, что у тебя ведь самый настоящий талант к музыке. Я обожал слушать, как ты играешь на флейте. Если я действительно виноват, что не дал тебе состояться как полноценному музыканту, прости меня. Но знай, что те дни и часы, которые мы провели с тобой вместе на

озере, были самыми счастливыми днями в моей жизни. Благодарю тебя за них от всего сердца.

Вместе с письмом я вложил в конверт одно из своих самых ценных сокровищ. Даже если ты не станешь разбираться со своей родословной, сбереги эту вещь. Возможно, в будущем ты передашь ее по наследству своим деткам.

Дорогая моя Алли, несмотря на то потрясение, которое ты испытываешь, читая сейчас эти строки, верю, твоя жизнестойкость и несгибаемость, воля к победе и целеустремленность помогут тебе во всем, всегда и везде. Не трать понапрасну ни секунды своей жизни. Живи полноценно и насыщено. Договорились?

Я буду следить за твоими успехами.

Твой любящий отец

Па Солт

Папа все угадал точно. Я действительно перечитала письмо дважды. Вначале просто пробежала глазами, а потом уже стала вчитываться в каждое слово. Я буду перечитывать его и в будущем, сотни, тысячи раз.

Я откинулась на кровать, все еще сжимая в руке маленькую лягушонку. Пока остается лишь гадать о том, что связывает ее с моим прошлым. Я снова стала перебирать в памяти все, что написал мне отец. Надо будет обязательно обсудить это с Тео. Уж он-то наверняка поможет мне разобраться в этих хитросплетениях. Я машинально потянулась к своей сумочке, чтобы достать из нее мобильник и посмотреть, какие эсэмэски он мне прислал. Но тут я вспомнила, что бросила сумочку в кухне, еще утром, сразу, когда приехала.

Я тихонько вышла в коридор, стараясь не потревожить никого из моих сестер. Дверь в комнату Электры была слегка полуоткрыта. Я осторожно заглянула в комнату, желая удостовериться, что сестра спит. Но Электра сидела на постели, повернувшись к мне спиной, и что-то пила прямо из бутылки. В первый момент я решила, что это вода. Но когда она сделала еще глоток, я поняла, что она пьет водку. Вот она отняла бутылку ото рта, закрыла ее крышкой и поставила под кровать.

Я поспешно ретировалась от дверей, чтобы — не дай бог! — сестра не обнаружила моего присутствия. На цыпочках проследовала к лестничной площадке и спустилась этажом ниже, несколько

растерянная от того, что только что увидела. Из нас шестерых именно Электра всегда больше всех остальных была озабочена собственным здоровьем. И вдруг я застаю ее среди ночи за распитием спиртного. Поразительно! Впрочем, все мы сейчас переживаем такой тяжелый момент в жизни, когда обычные правила поведения не срабатывают.

Немного постояв на площадке, я двинулась в сторону папиных апартаментов, расположенных на втором этаже. Внезапно мне захотелось хоть как-то ощутить его присутствие рядом с собой.

Толкнула дверь в его спальню, и слезы тут же брызнули у меня из глаз при виде его высокой односпальной кровати, на которой, скорее всего, Па Солт и испустил свой последний вздох. Эта комната кардинально отличалась от всех остальных помещений в доме. Функциональная по своему назначению, она производила впечатление совершенно пустой. Полированный деревянный пол, голый, безо всяких там ковров, простая деревянная кровать, старая прикроватная тумбочка из красного дерева. На ней стоял папин будильник. Я вдруг вспомнила, как однажды, еще будучи совсем маленькой девочкой, пробралась в папину спальню и как потряс меня тогда этот будильник. Помнится, папа даже разрешил мне немного поиграть с ним, понажимать на всякие кнопки, послушать, как звенит звонок. А я весело хихикала всякий раз, слушая, как он звенит.

— Я завожу этот будильник каждый день, — пояснил мне отец и тут же стал заводить пружину. — Иначе он перестанет тикать.

Сейчас будильник больше не тикал.

Я пересекла комнату и уселась на папину кровать. Несмятые, накрахмаленные простыни, но я все равно осторожно погладила кончиками своих пальцев белоснежную ткань наволочки на подушке, на которой покоилась папина голова в последние мгновения его жизни.

Интересно, куда пропали папины старые наручные часы марки *Omega Seamaster*? И куда подевались остальные дорогие его сердцу вещи, которые он обычно называл «своими сокровищами»? Как сейчас помню эти выдавшие виды часы на его руке, простые, с элегантно золотым циферблатом, на обычном кожаном ремешке, который он всегда застегивал на четвертую дырочку. Однажды я подарила Па Солту на Рождество новый кожаный ремешок, и отец клятвенно заверил меня, что обязательно воспользуется моим подарком, как

только старый ремешок придет в негодность. Но так и не воспользовался.

Мы с сестрами часто размышляли над тем, что, по идее, папа мог бы купить себе любые часы, какие ему только вздумается. Любой конструкции, любого модного дизайна, нацепить на руку любую престижную марку. Это же относилось и к его одежде. А он годами носил, как нам казалось, одни и те же вещи. Во всяком случае, когда не плавал где-то, а жил в Атлантиде. Его старый твидовый пиджак все мы помнили с детства. Обычно под пиджаком всегда виднелась безупречно выглаженная, накрахмаленная белоснежная рубашка, скромные золотые запонки и темные брюки с по-военному отутюженными стрелками спереди венчали его наряд. На ногах — всегда одни и те же ботинки спортивного типа с начищенными до блеска носками. Что ж, папины личные потребности всегда были минимальными, подумала я, обводя взглядом комнату. Небольшой шифоньер из красного дерева и такой же крохотный комод — вот и вся мебель в папиной спальне, в которой явственно витает самый настоящий спартанский дух.

Я глянула на фотографию в рамочке, запечатлевшую Па Солта и нас, всех сестер, на его яхте «Титан». Мы сгрудились поверх каких-то ящиков. Хотя на тот момент, когда нас сфотографировали, отцу уже было далеко за семьдесят, но физически и чисто внешне он производил впечатление гораздо более молодого мужчины. Высокий, с красивым ровным загаром, лицо хоть и в морщинах, но все равно приятное, лицо человека, которому дано стареть красиво. К тому же с широкой добродушной улыбкой, которой он улыбался в объектив, слегка опершись об ограждение яхты. А вокруг стоим все мы, его дочери. Затем взор мой упал на единственную картину в комнате, висевшую на противоположной стене, прямо напротив узкого папиного ложа.

Я поднялась с постели и подошла к картине, чтобы рассмотреть ее получше. Эскиз, выполненный углем, на котором была изображена очень красивая молодая женщина лет двадцати с небольшим. Я повнимательнее присмотрелась к выражению ее лица. Оно было грустным. Черты лица поражали своим совершенством, но казались немного великоватыми для ее узенького личика в форме сердечка. Огромные глаза уравнивались красиво очерченными, полными

губками. На обеих щеках виднелись милые ямочки. Целый водопад темных вьющихся волос рассыпался по плечам. Внизу стояла чья-то неразборчивая подпись, но я не смогла прочитать ни единой буквы.

— Кто ты? — спросила я, обращаясь к картине. — И кто мой отец?

Тяжело вздохнув, я снова вернулась на кровать и свернулась калачиком. Слезы сами собой опять полились из моих глаз. Они стекали прямо на подушку, которая все еще пахла папой — легким, чистым ароматом цитрусовых.

— Я здесь, папочка! Я сейчас у тебя, — прошептала я едва слышно. — А где сейчас ты?

6

На следующее утро я проснулась в папиной кровати. Чувствовала себя словно с похмелья. Но на душе полегчало, словно что-то очистилось внутри меня. Не помнила, как и когда я уснула. Не представляла себе, который сейчас час. Я поднялась с кровати и подошла к окну. Выглянув на улицу, я подумала, что аскетизм убранства папиной спальни с лихвой компенсируется просто роскошным видом на Женевское озеро, открывающимся из окна его комнаты. Стоял прекрасный погожий день. Солнечные блики скользили по сверкающей глади озера, которое, теряясь в дымке и слева, и справа, казалось бескрайним, как океан. А чуть дальше, на самом горизонте, виднелись поросшие обильной зеленью скалы. Они плавно вздымались ввысь на противоположном берегу озера. И снова, на какие-то доли секунды, Атлантис показался мне самым настоящим волшебным замком, затерянным в таинственной глуши.

Я поднялась к себе в комнату, приняла душ и тут же снова вспомнила про Тео. Наверняка ведь волнуется, что я до сих пор не сообщила ему, как добралась домой. Наспех одевшись, я схватила свой ноутбук и побежала на кухню, чтобы забрать там мобильник. Собственно, именно за ним я вчера и спускалась вниз, но так и не дошла до первого этажа.

От Тео уже поступило несколько эсэмэсок. На сердце стало тепло, когда я прочитала их.

«Проверка связи. Люблю!»

«Доброй ночи, моя дорогая Алли. Все мои мысли сейчас о тебе и с тобой».

«Не хочу лишний раз тебя беспокоить. Позвони или пришли эсэмэску, когда сможешь. Скучаю очень».

Как трогательно. И сколько понимания в каждом слове. Тео даже не просит меня ответить ему незамедлительно. Я тут же отбила ответное послание, и все время, пока я набирала текст, улыбка не сходила с моего лица. Я вспомнила папино письмо, в котором он напутствовал меня быть кем угодно и с кем угодно.

Что ж, на данном отрезке времени я хочу быть с Тео.

На кухне Клавдия уже всюду хлопотала возле стола, месила в миске какое-то тесто. В качестве приветствия мне была предложена чашка кофе. Я с благодарностью взяла чашку.

— Я что, первая спустилась? — спросила я у Клавдии.

— Нет, не первая. Сиси и Стар уже отбыли в Женеву.

— Вот как? — удивилась я и с наслаждением глотнула густой ароматной жидкости. — Значит, остальные еще спят?

— Скорее всего. Во всяком случае, я пока никого из них не видела, — ответила Клавдия, всецело занятая процессом взбивания теста. Она интенсивно мяла его, била своими крепкими, умелыми руками.

Я взяла свежий круассан с блюда, стоявшего посреди длинного обеденного стола, и с наслаждением впиалась в него.

— Как здорово, — пробормотала я с набитым ртом, — что мы можем и дальше продолжать бывать в Атлантике. А я думала, что дом сразу же будет выставлен на продажу.

— Да, хорошо, что все получилось по-другому. Для всех хорошо. Хочешь еще чего-нибудь? — поинтересовалась у меня Клавдия, перекладывая тесто из миски на противень, стоявший рядом с духовкой.

— Нет, спасибо.

Она коротко кивнула и, вытерев руки о фартук, вышла из кухни.

Все наше детство Клавдия была для нас, девочек, таким же неизменным атрибутом Атлантики, как Ма и Па Солт. Немецкий акцент делал речь Клавдии немного грубоватой, но все мы знали, какое доброе и любящее сердце скрывается под суровой наружностью. Полагаю, никто из нас толком ничего не знал о прошлом Клавдии.

Детьми, да и потом, уже повзрослев, мы даже и думать не смели о том, чтобы начать расспрашивать, откуда она родом и как попала к нам в дом. Для всех нас, сестер, живущих в этом заколдованном царстве, где все вокруг наполнилось особой таинственностью, Клавдия просто жила рядом с нами. То есть она *была* всегда, а об остальном мы предпочитали не задумываться.

Мысли мои непроизвольно переключались на армиллярную сферу и на те цифры, которые мы разглядели на ней. Интересно, какие секреты хранят в себе эти координаты? Ведь может статься, они полностью поменяют наши представления о том, что мы знаем о себе... *или не знаем вовсе*. От этой мысли мне сразу же стало немного не по себе. Но Па Солт ведь не случайно оставил их для нас, а следовательно, я должна всецело положиться на него и довериться его интуиции. Он знал, что делал. А уж каждой из нас самой решать, как воспользоваться папиными подсказками в дальнейшем. Копаться в своем прошлом или оставить все как есть.

Я достала из шкафчика ручку, взяла блокнот и покинула кухню через черный ход. Вышла на улицу и зажмурилась от яркого утреннего солнца. Свежий прохладный воздух приятно охлаждал кожу. Трава радовала глаз своей свежестью. На ней еще переливались капельки росы, не успевшие просохнуть под первыми лучами солнца. Сад раскинулся предо мной во всем его утреннем великолепии. Прозрачную тишину, царившую вокруг, нарушали лишь редкие трели птиц, круживших в воздухе. Чайки пикировали с высоты прямо в озеро, а следом слышался легкий всплеск.

Я обошла дом, свернула за угол и побрела тем же маршрутом, которым мы вчера прошептали к любимому папиному месту в саду. И невольно восхитилась, сколько новых соцветий роз распустилось на кустах за ночь. И множество бутонов, которые тоже вот-вот готовы лопнуть. Утренний воздух был буквально напоен их благоухающим ароматом.

Золотистый шар, закрепленный по центру армиллярной сферы, искрился на солнце. Длинные заостренные тени легли на металлические полосы. Я смахнула рукавом росу с той полосы, на которой было выгравировано мое имя, поводила пальцем по надписи на греческом языке. Интересно, что она означает? И как давно папа решил соорудить у себя в саду такой своеобразный памятник?

Но времени на медитации не было. Я принялась за работу. Тщательно переписала все координаты для всех шести сестер. И старательно гнала от себя при этом всякие пустопорожние мысли на предмет того, куда конкретно могут привести означенные цифры каждую из нас. Особенно меня. Снова пересчитав все полоски, я обнаружила кое-что интересное. Оказывается, есть еще и седьмая полоска, на которой выгравировано лишь одно слово: Меропа.

— Наша недостающая седьмая сестра, — прошептала я едва слышно. И снова удивилась. Зачем папе вздумалось помещать это имя на армиллярную сферу? Ведь он был уже слишком стар для того, чтобы брать на воспитание еще одну девочку. *Слишком много тайн*, размышляла я, возвращаясь в дом. *И нет никого, кто бы смог ответить на мои вопросы.*

На кухне я устроилась за столом, открыла ноутбук, положила прямо перед собой листок со своими координатами и подключила интернет. В ожидании сигнала, оповещающего, что связь установлена, умяла еще один круассан, нетерпеливо поглядывая на дисплей. Но интернет, судя по всему, решил устроить себе небольшие каникулы и совсем не торопился прийти мне на помощь. Зато вместо него вдруг открылась памятка для начинающих пользователей. Но наконец интернет все же изволил заявить о готовности приступить к работе. Я тут же просмотрела сайты, где можно ввести координаты для поиска того или иного места, и остановила свой выбор на сайте «Земля Гугл». Решила провести поиск координат для всех шестерых по старшинству, оставив себя на закуску. Набрала координаты Майи и уставилась на экран, наблюдая за тем, как с жужжанием вращается на нем глобус. Но вот жужжание прекратилось, глобус замер на месте искомым координат.

— Вау! — издала я восхищенный возглас. — А ведь сработало же!

В течение последующего часа я с головой ушла в поиски. На кухне снова возникла Клавдия, стала готовить ленч, а я в это время старательно фиксировала поступающие сигналы, помечала у себя в блокноте конкретные факты о каждой группе координат. Определила все, за исключением своей собственной.

Наконец набрала и те цифры, которые стояли рядом с моим именем, и стала ждать затаив дыхание, пока компьютер на моих глазах

совершит очередное чудо.

— Господи! — пробормотала я в некоторой растерянности, ознакомившись с подробностями.

— Что-что? — переспросила меня Клавдия.

— Да это я так, про себя, — откликнулась я, переписывая местонахождение координат в блокнот, лежавший рядом.

— Позавтракать хочешь, Алли?

— Да, с большим удовольствием. Спасибо, Клавдия, — ответила я рассеянно, все еще переваривая только что полученную информацию. Результатом поиска моих координат стал какой-то художественный музей. Полнейшая бессмыслица. Впрочем, координаты всех моих сестер выявили не менее странные места.

Вошла Тигги и с порога приветливо улыбнулась мне.

— Значит, завтракать мы будем только вдвоем? — спросила она у меня.

— Судя по всему, да.

— Прекрасно! — воскликнула она, подсаживаясь к столу.

Исподтишка разглядывая сестру, я подумала, что, несмотря на все ее причудливые духовные поиски, можно только позавидовать той внутренней гармонии, в которой она постоянно пребывает. Все ее убеждения зиждятся на твердой уверенности в том, что в жизни есть вещи и поважнее, чем сама жизнь, о чем Тигги не раз говорила всем нам. Глядя на сестру, я невольно восхитилась свежестью ее лица и здоровым блеском густых каштановых волос. Наверняка это высокогорный шотландский воздух так благотворно действует на нее. Безмятежное выражение добрых карих глаз тоже успокаивало.

— Как ты, Алли? — поинтересовалась сестра у меня.

— Более или менее в порядке. А ты?

— Тоже стараюсь как-то совладать со своими эмоциями. Но знаешь, у меня такое чувство, что папа где-то здесь, рядом. — Она вздохнула и взъерошила кудри на голове. — Будто бы он и не умирал вовсе.

— К великому сожалению, папы здесь больше *нет*, Тигги.

— Все так. Но если ты не можешь видеть человека, то это вовсе не означает, что он больше не существует.

— В принципе, да, — поспешно отреагировала я, не желая вступать с Тигги в дальнейшие дискуссии по поводу ее эзотерических

взглядов. Не то сейчас у меня настроение, чтобы углубляться в дебри эзотерики. Единственный способ побыстрее смириться с уходом отца, подумала я, это взять себя в руки и воспринять его смерть как данность.

Клавдия прервала наш разговор, поставив на стол блюдо с салатом «цезарь».

— Хватит на всех шестерых, — прокомментировала она. — А если больше никто не спустится к завтраку, то останется еще и на ужин.

— Спасибо! — отозвалась я и стала накладывать салат. — Кстати, — снова обратилась я к Тигги. — Я расшифровала все ваши координаты с помощью программы «Земля Гугл». Хочешь узнать про свои, Тигги?

— Со временем, наверное, захочу. Но только не сейчас. То есть я хочу сказать, какое это все имеет значение?

— Если честно, то и сама не знаю.

— Какая мне разница, кто я и откуда родом. Меня вырастили Па Солт и Ма. Сделали из меня то, чем я сегодня являюсь. Может быть, когда-нибудь у меня и возникнет желание покопаться в собственной родословной. И тогда я... — Тигги снова тяжело вздохнула. На ее лице отразилось смутение. — Но пока... пока я и думать об этом не хочу. Мне все равно, откуда я родом и кто я есть на самом деле. Па Солт — это мой отец. Единственный! Я и думать не хочу ни о ком другом.

— Понимаю тебя, Тигги. Очень даже понимаю. Но скажи мне, так, из чистого любопытства... Что ты думаешь о нашем отце? — спросила я у сестры, когда мы обе приступили к еде.

— Затрудняюсь ответить, Алли. Одно знаю точно. Он никуда не ушел. На все сто процентов уверена в этом.

— Не ушел для тебя? То есть он существует где-то в твоем мире. А в моем?

— Не вижу разницы, Алли. Я хочу сказать, что для меня никаких принципиальных различий здесь нет, — добавила она поспешно, видно торопясь предугадать мою ответную реакцию. — Все мы, каждый из нас, представляем собой сгусток энергии. И каждая вещь вокруг нас тоже несет в себе свою порцию энергии.

— Ну если смотреть на мир под таким углом, тогда конечно, — ответила я, невольно расслышав в собственном голосе циничные

нотки. — Понимаю, твои верования помогают тебе, Тигги. Но лично мне они не подходят. Особенно сейчас, когда Па Солт только-только упокоился на дне морском.

— Понимаю тебя, Алли. Но колесо жизни тем не менее продолжает вращаться. Так уж устроена природа, и здесь мало что зависит от нас, простых смертных. Роза в положенный срок превращается из бутона в пышный цветок, потом увядает, а рядом с ней появляется новый бутон. И так будет всегда. Такова жизнь. Вот и ты, Алли, — Тигги глянула на меня своими добрыми глазами, и легкая улыбка скользнула по ее устам. — Глядя на тебя, я буквально кожей чувствую, что, несмотря на все то ужасное, что случилось в нашей семье, в твоей жизни сейчас происходит что-то очень-очень хорошее.

— Правда? — Я бросила на сестру подозрительный взгляд.

— Да. — Тигги положила руку поверх моей. — Вот и наслаждайся мгновением, Алли, пока есть такая возможность. Поверь, ничто не вечно в этом мире. Да ты и сама это прекрасно знаешь.

— Знаю, — отозвалась я, чувствуя собственную незащищенность и уязвимость под столь пронизательным взглядом сестры, от которого ничего не укрылось. Как точно она все поняла и прокомментировала. Я поспешила переменить тему разговора: — Ну а как у тебя дела?

— Я... у меня все хорошо. Да, у меня все хорошо, — повторила она с некоторым вызовом в голосе, словно пытаюсь убедить в этом саму себя. — Все отлично.

— По-прежнему возишься со своими оленями в заповеднике?

— О, я просто обожаю свою работу! Она мне идеально подходит, хотя днями напролет кручусь как белка в колесе. Ни минуты свободной. Работников катастрофически не хватает. Штат урезан до минимума. Что лишний раз напоминает мне, что я должна как можно скорее вернуться к себе в Шотландию. Я уже посмотрела по интернету расписание ближайших авиарейсов. Сегодня после обеда улетаю. Кстати, Электра тоже уезжает. В аэропорт мы поедem вместе.

— Так скоро?

— Да. А что здесь делать? Уверена, папа будет только рад тому, что мы снова вернемся к своим делам и проживем каждая своей жизнью. Что толку бесцельно бродить по дому, накручивать себя и заходиться от жалости?

— Наверное, в чем-то ты права, — согласилась я с сестрой. Впервые за последние дни я вдруг смогла отрешиться от всего того страшного, что обрушилось на нашу семью, и тоже подумать о будущем. — Меня, между прочим, пригласили в состав одного из экипажей для участия в парусных гонках Киклады. Они стартуют буквально через несколько дней.

— Вот и отлично, Алли! — совершенно искренне обрадовалась за меня Тигги. — Вперед, к новым победам!

— Может, я так и сделаю, — пробормотала я в задумчивости.

— Хорошо! А мне пора идти укладывать вещи. А потом еще надо попрощаться с Майей. Ей из нас шестерых досталось больше всего. Она, бедняжка, ходит совершенно потерянная. Словно в воду опущенная.

— Вижу. Что ж, возьми пока свои координаты, так, на всякий случай. Вдруг пригодятся? — Я протянула Тигги листок бумаги с расшифровкой тех цифр, которые были выбиты на армиллярной сфере рядом с ее именем.

— Большое спасибо.

Я молча проследила глазами за тем, как Тигги поднялась из-за стола и направилась к дверям. Немного замешкалась на пороге, глянув на меня сочувственным взглядом.

— И помни, я нахожусь от тебя всего лишь на расстоянии одного телефонного звонка. Если что нужно, пожалуйста, звони немедленно.

— Спасибо, Тигги. И ты тоже звони, не забывай.

Я помогла Клавдии помыть посуду, а потом потащила к себе наверх, прикидывая по дороге, что, наверное, и мне тоже стоит подумать об отъезде из Атлантика. Тигги права, здесь больше делать нечего. А вот перспектива снова оказаться на воде, не говоря уже о том, что рядом будет Тео, воодушевила меня настолько, что я снова метнулась вниз, на кухню, включила ноутбук и стала изучать расписание авиарейсов до Афин на ближайшие двадцать четыре часа. На кухне я застала Ма. Она стояла у окна, повернувшись ко мне спиной, погруженная в глубокие раздумья. Наверняка не очень веселые. Но, услышав мои шаги, она тут же отвернулась от окна и даже постаралась изобразить на лице некое подобие улыбки. Однако глаза ее по-прежнему были печальны.

— Здравствуй, милая, — поздоровалась она со мной. — Ну как ты сегодня?

— Вот прикидываю, когда будет удобнее улететь обратно в Афины, чтобы принять участие в регате Киклады. Но если честно, то мне не хочется оставлять тебя и девочек здесь одних. Особенно Майю.

— А я думаю, что это отличная мысль — принять участие в соревнованиях. Наверняка и отец, будь он жив, посоветовал бы тебе то же самое. А за Майю можешь не волноваться. Я присмотрю за ней, обещаю. Я ведь всегда рядом.

— Знаю-знаю, — растроганно проговорила я, а про себя подумала: не всякая родная мать способна излить на собственное чадо столько любви и нежности, сколько изливала и продолжает изливать на всех нас Ма. А какой поддержкой для каждой из нас была она на всех этапах нашего становления. Трудно даже представить более заботливую мать.

Я поднялась из-за стола, подошла к Ма и крепко обняла ее, слегка раскачивая ее в своих объятиях.

— Ма, не забывай, пожалуйста, что мы тоже всегда рядом с тобой.

Я поднялась вверх, чтобы отыскать Электру и успеть вручить ей до отъезда ее координаты, которые я уже расшифровала. Постучала в дверь ее спальни, Электра открыла мне, но не пригласила войти.

— Привет, Алли. Я тороплюсь. Укладываю вещи.

— Я на секунду. Принесла тебе твои координаты с армиллярной сферы. Вот, возьми.

— А зачем они мне? Если честно, Алли, то что за цирк устроил наш отец? Такое впечатление, что он вздумал поиграть с нами с того света, — мрачно бросила в ответ сестра.

— Нет, Электра. Он просто подумал, что пора нам знать, кто мы есть на самом деле и откуда родом. Вот и решил дать кое-какую информацию на случай, если она нам вдруг понадобится.

— Так разве нельзя это было сделать по-человечески? Как все нормальные люди? Подробно изложить факты на бумаге, а не отправлять нас на поиски каких-то мифических сокровищ, чтобы мы начали копать корни вокруг своего генеалогического дерева. Ей-богу, этот человек привык всегда и все держать под своим неусыпным контролем!

— Прекрати, Электра! Вполне возможно, папе не хотелось открывать нам тайны нашего рождения прямо сейчас, немедленно. А вдруг мы и *не захотим* их знать? Поэтому он просто скинул нам кое-какую информацию, которая со временем поможет нам выяснить и все остальное, если мы изъявим такое желание.

— Кто-кто, а я так точно не изъявлю! — бесстрастно отчеканила Электра.

— Чего ты злишься на отца? — спросила я у сестры как можно ласковее.

— Ничего я не злюсь! Просто я... — Я увидела смятение в ее взгляде, в красивых глазах янтарного цвета застыла боль. — Ладно! Я... я... — Она пожала плечами и обреченно покачала головой. — Сама не знаю...

— В любом случае возьми! — Я сунула конверт ей в руки, по опыту зная, что пространные разговоры с сестрой не сулят ничего хорошего. — Если захочешь, можешь выбросить их. В конце концов, никто не заставляет тебя заниматься дальнейшими поисками.

— Спасибо, Алли. И прости меня.

— За что? Ты ни в чем не виновата передо мной, Электра. Но у тебя все в порядке?

— Я... да. Все в полном порядке. А сейчас прости, но мне нужно укладываться. Увидимся позже.

Она захлопнула дверь прямо перед моим носом. Делать было нечего. Я пошла к себе, пребывая в полной уверенности, что Электра только что солгала мне.

* * *

После обеда мы вчетвером, Майя, Стар, Сиси и я, отправились на пристань проводить Электру и Тигги. Майя вручила им переведенные ею те изречения на греческом, которые были выгравированы на армиллярной сфере рядом с их именами.

— Пожалуй, нам со Стар тоже пора в дорогу, — обронила Сиси, когда мы уже возвращались в дом.

— Вот как? — удивилась Стар. — Разве мы не можем задержаться в Атлантике еще на пару деньков?

А я, как всегда, не преминула отметить про себя, какие они разные, эти две сестры, во всем, даже чисто внешне. Стар, высокая, худенькая до прозрачности, с белокурыми волосами и такой же белоснежной кожей, и Сиси, смуглая, крепенькая, коренастая.

— А смысл торчать здесь? — тут же возразила она сестре. — Папы больше нет, с нотариусом мы все свои дела утрясли. Надо срочно ехать в Лондон и подыскивать там подходящее жилье.

— Ты права, — вздохнула в ответ Стар.

— А чем ты собираешься заниматься в Лондоне, пока Сиси будет изучать живопись в академии искусств? — поинтересовалась я у нее.

— Пока еще не знаю, — призналась Стар, глянув исподтишка на Сиси.

— Но ты же хотела пойти на курсы Кордон Блю, изучать французскую кухню, — немедленно отреагировала та. — Забыла уже? — Сиси повернулась к нам с Майей. — Стар у нас замечательно готовит, между прочим.

Сиси потащила сестру в дом, чтобы вместе посмотреть по интернету ближайшие рейсы до Лондона. Мы с Майей обменялись многозначительными взглядами.

— Можешь ничего не говорить, — сказала Майя, когда девочки удалились от нас на значительное расстояние. — Я все вижу.

Мы поднялись на террасу, занятые обсуждением того, какие странные взаимоотношения связывают этих двоих, Сиси и Стар. Они всегда, с самого раннего детства, были неразлучны. Пожалуй, даже слишком неразлучны. Оставалось лишь надеяться на то, что, когда Сиси с головой уйдет в свои занятия живописью, ее доминирующее влияние на Стар немного ослабеет.

Я бросила взгляд на бледное, осунувшееся лицо Майи и поняла, что она и не завтракала, и не обедала. Оставив ее на террасе, я бросилась на кухню и попросила Клавдию приготовить ей что-нибудь перекусить. Клавдия понимающе кивнула головой и тут же принялась мастерить сэндвичи для Майи. А я снова вернулась на террасу.

— Майя, прости, если мой вопрос покажется тебе бесцеремонным, но ты уже прочитала папино письмо? — осторожно спросила я.

— Да, прочитала. Сегодня утром.

— Судя по всему, оно тебя сильно расстроило, да?

— Вначале — да. Но сейчас со мной все в порядке, Алли, — поспешила заверить меня сестра. — А ты уже прочитала свое письмо?

Вопрос был задан отрывисто, и я поняла, что Майя не хочет продолжения этого разговора.

— Да, прочитала. Папа написал мне такое красивое письмо. Я читала и плакала. Но, как ни странно, оно воодушевило меня. Кстати, я все утро занималась поиском в интернете наших координат. Сейчас я точно знаю, откуда родом каждая из нас. Некоторых, правда, подстерегают сюрпризы. Могу поделиться с тобой своими сведениями, — сказала я, наблюдая за тем, как появившаяся на террасе Клавдия водрузила на стол тарелку с бутербродами, а потом тихо ретировалась к себе на кухню.

— Так ты знаешь, где все мы появились на свет? — недоверчиво воскликнула Майя. — И можешь сказать, где, к примеру, родилась я?

— Да, могу. Точнее, я могу назвать то место, откуда Па Солт в свое время забрал нас. Если хочешь знать, я назову место твоего рождения, Майя, прямо сейчас. Или могу оставить тебе всю информацию. Потом сама изучишь ее на досуге.

— Я... я пока не уверена, что хочу этого.

— Одно могу сказать. Папа исколесил весь земной шар, отыскивая нас, — неловко пошутила я.

— Так ты уже знаешь, откуда родом сама? — спросила у меня Майя.

— Знаю. Правда, пока все это представляется мне абсолютной бессмыслицей.

— А другие девочки? Ты уже сказала им, что знаешь их места рождения?

— Нет, но я объяснила каждой, как можно расшифровать свои координаты с помощью программы «Земля Гугл». Могу и тебе объяснить. Или просто назову то место, где папа нашел тебя.

— Пока, Алли, я не уверена, что хочу этого. — Сестра опустила глаза в пол.

— Что ж, тогда поищешь сама, когда захочешь. Все это делается довольно просто.

— Так я и поступлю, когда придет время, — ответила Майя.

Я сказала ей, что напишу короткую инструкцию, как именно следует осуществлять поиск координат, хотя в глубине души сильно

сомневалась, что Майя станет читать ее.

— Кстати, а ты перевела уже все изречения с армиллярной сферы? — поинтересовалась я у нее.

— Да, все до единого.

— Ой, как же мне хочется узнать, что именно папа написал для меня! Пожалуйста, скажи мне.

— Наизусть не помню, но сейчас схожу к себе в Павильон и перепишу твой текст, — пообещала Майя.

— Получается, что мы с тобой на пару можем обеспечить остальных сестер всей необходимой информацией, какая им потребуется, если они захотят покопаться в своем прошлом.

— Получается, что так. Но мне кажется, еще слишком рано начинать думать о том, как воспользоваться папиными подсказками для подобных изысканий.

— Наверное, ты права. — Я вздохнула и вдруг вспомнила Тео, подумала о том, что ждет нас с ним в ближайшие недели. — Тем более что у меня впереди парусные гонки Киклады. Поэтому мне тоже нужно поторопиться с отъездом, чтобы своевременно влиться в команду. Признаюсь, Майя, после того, что я увидела в Эгейском море два дня тому назад, возвращение на воду наверняка дастся мне нелегко.

— Могу представить себе, Алли, твое душевное состояние. Но я уверена, у тебя все получится. Вот увидишь! — заверила меня сестра.

— Надеюсь. Но еще никогда перед соревнованиями я не испытывала такой мандраж, как сейчас.

Чистосердечное признание во всех страхах, обуревающих меня в последние дни, стало большим облегчением. Ведь всякий раз, когда в моей памяти всплывало слово «Киклады», я тут же представляла себе гроб с телом отца, который покоится где-то на дне морском приблизительно в этой же акватории Эгейского моря.

— Ты отдала столько сил, Алли, совершенствуя свое искусство яхтсмена на протяжении многих и многих лет. Не поддавайся слабости! Ты должна выиграть эту гонку ради папы. Его бы сильно расстроило, если бы он узнал, что ты потеряла веру в себя, — приободрила меня сестра.

— Ты права, — согласилась я с ней. — Ну а как ты? Не боишься остаться здесь в полном одиночестве?

— Не боюсь. За меня, пожалуйста, не беспокойся. Рядом со мной Ма, у меня есть работа. Так что все в порядке. Со мной все будет хорошо.

Я помогла Майе доесть бутерброды, взяла с нее честное слово постоянно быть со мной на связи и даже пригласила ее к себе в гости. Приехать в конце лета, поплавать вместе со мной на яхте, хотя и знала заранее, что сестра вряд ли откликнется на мое приглашение.

На террасу выбежала Сиси.

— Мы успели заказать два билета на ближайший рейс до аэропорта Хитроу. Через час с небольшим Кристиан повезет нас в Женеву.

— Пойду и я посмотрю, есть ли что-нибудь подходящее на это же время до Афин, — сказала я. — Тогда поедем вместе. Майя, не забудь про изречение для меня, ладно? — крикнула я уже у дверей и тут же ринулась к своему ноутбуку.

Отыскала то, что мне подходит. Последний вечерний авиарейс. И побежала складывать вещи. Обвела свою комнату глазами, проверяя, не забыла ли чего. И тут мой взгляд сам собой упал на флейту, сиротливо примостившуюся в футляре на одной из полок. Я уже давно не брала ее в руки. Внезапно в моей памяти всплыли строки из папиного письма, и так же внезапно пришло решение. Забираю флейту с собой. Тео ведь сказал, что хотел бы послушать, как я играю на флейте. Немного попрактикуюсь, а потом, вполне возможно, и сыграю ему. Я спустилась вниз, чтобы найти Ма и попрощаться с ней.

Она крепко обняла меня и прижала к себе, потом расцеловала в обе щеки.

— Береги себя, милая, и, пожалуйста, при первой же возможности навещай. Не забывай, ладно?

— Не забуду, обещаю, Ма, — заверила я Марину. А потом мы с Майей направились к пристани.

— Удачи тебе на предстоящих соревнованиях, — сказала она, вручая мне конверт с переведенным изречением. Интересно, что там отец подобрал для меня?

Мы обнялись в последний раз, и я торопливо вскарабкалась на борт катера, где меня уже поджидали Сиси и Стар. Мы еще раз помахали на прощание Майе, и Кристиан включил двигатель. Оттолкнувшись от причала, катер стремительно понесся вперед по

озеру, а я вдруг вспомнила, как Па Солт часто повторял мне, что никогда нельзя оглядываться назад. Однако в глубине души я знала, что стану оглядываться в то время, которое прожила в Атлантиде, снова и снова. Вспоминать все то, что *было* и чего уже больше нет. Я переместилась от девочек в носовую часть катера, продолжая сжимать в руке конверт, который мне отдала Майя. Почему-то мне показалось, что правильнее всего прочесть папино напутствие прямо сейчас, пока я все еще нахожусь на водах Женевского озера. Сколько счастливых дней и часов провели мы вместе с ним, бороздя эти воды под парусом. Я вскрыла конверт и достала оттуда листок бумаги.

«Именно в минуты слабости ты обретешь свои главные силы».

Атлантида уже скрылась из виду, и дом нельзя было разглядеть за густыми деревьями, окружившими его со всех сторон. Я еще раз перечитала папину сентенцию и мысленно взмолилась, обращаясь к нему:

«Папа! Дай мне силы и мужество все перенести и жить дальше».

7

Тео прислал эсэмэску, что будет встречать меня в афинском аэропорту. Едва я вышла вместе со всеми остальными пассажирами в зал ожидания, как он бросился навстречу, обнял, с тревогой заглядывая мне в глаза.

— Дорогая моя! Я весь извелся за эти дни, переживал за тебя. Ну как ты? Бедняжка! Пережить такое сильное потрясение... Мне даже кажется, что ты похудела, — добавил он, пройдясь рукой по моим ребрам. Потом подхватил мой рюкзак, и мы вышли на улицу. Ночные Афины тонули в крошечной тьме, но по-прежнему было душно и жарко.

Мы уселись в такси. Неудобные пластиковые сиденья плюс устоявшийся запах табака, которым пропах весь салон автомобиля. Водитель тронул машину с места и направился в Фалиро, ближайший к центру Афин приморский район, откуда и должны будут стартовать гонки Киклады.

— Я вполне серьезно предлагаю тебе подумать о том, чтобы отказаться от участия в гонках, — обратился ко мне Тео, пока машина

неслась по улицам ночного города. — Как-нибудь управимся и без тебя.

— Как это понимать? Как оскорбление? Или как комплимент? — тут же возмутилась я.

— Исключительно как комплимент. Ведь ты же — душа нашего коллектива. Но учитывая, как я люблю тебя, плюс все то, что случилось в твоей жизни за последние дни, я не хочу давить на тебя никоим образом. Тебе совсем не нужны дополнительные нагрузки.

«Как я люблю тебя!» Всякий раз, когда я слышу, как Тео произносит эти слова, так естественно, так легко, как нечто само собой разумеющееся, меня охватывает сладостная истома. И вот Тео сидит рядом со мной, держит меня за руку и снова повторяет их. Я тоже люблю его! Люблю за честность, за открытость, за отсутствие лукавства и какого бы то ни было притворства. Как-то в один из тех волшебных дней, что мы провели вместе на его яхте «Нептун», еще до того, как на меня обрушилось известие о смерти Па Солта, Тео признался, что я разбила ему сердце. Что ж, сейчас он нашел ему равноценную замену. Ибо я без колебаний готова отдать ему свое сердце.

— Знаешь, что я думаю? Папа бы захотел, чтобы я приняла участие в этих гонках. Чтобы я снова вернулась на воду и окунулась в свою обычную жизнь. Вместо того чтобы бесцельно слоняться по дому и хныкать. И конечно, он был бы только рад, если бы я одержала победу.

— Алли! — Тео сильно сжал мою руку. — Мы обязательно победим! Обещаю тебе! Ради него.

На следующее утро, присоединившись к остальным членам экипажа, чтобы начать последние перед соревнованиями тренировки на воде, я поразила общему боевому настрою команды. Все как один были нацелены только на победу. Меня тронуло их молчаливое участие в моем горе. Все буквально лезли из кожи вон, чтобы максимально облегчить мне жизнь. Киклады — отнюдь не самые напряженные гонки среди других парусных регат, в которых мне доводилось участвовать. Они длятся всего лишь восемь дней, из них — перерыв на сутки и день отдыха на каждом из островов, где мы будем делать остановки.

Тео сразу же обратил внимание на то, что я привезла с собой флейту.

— Возьми ее на яхту, — попросил он. — Будешь наигрывать нам серенады и тем самым воодушевлять нас на победу, — пошутил он.

В самый первый день соревнований, когда на рассвете, величественном и прекрасном, мы вышли в открытое море, я поднесла флейту к губам и, улыбнувшись Тео, стала импровизировать, наигрывая «Фантазию» на тему Томаса Таллиса в обработке для духовых. Эта мелодия стала очень популярной после того, как прозвучала в эпической кинодраме режиссера Питера Уира «Хозяин морей». При первых же звуках флейты Тео ободряюще улыбнулся в ответ из-под козырька защитного шлема. Кажется, он по достоинству оценил шутливый намек, содержащийся в выборе произведения. Под звуки флейты мы плавно вошли в бухту острова Милос. Ребята бурно аплодировали моему выступлению, а для меня оно стало своеобразной данью памяти отцу.

Первый этап гонок мы выиграли, на втором этапе пришли третьими, а на третьем — вторыми. Что вывело нас в общем зачете на первое место, которое мы разделили с греческой командой. Предпоследнюю ночь соревнований мы провели в порту Финикас на острове Сирос, небольшом таком греческом островке, совершенно идиллическом месте. Местные жители тут же прямо в гавани накрыли угощение для всех участников соревнования. После ужина Тео собрал нас для последнего инструктажа.

— Джентльмены! И вы, леди, тоже. Понимаю, что вы считаете меня занудой и диктатором, но как капитан команды я обязан проследить за тем, чтобы все вы хорошенько выспались в последнюю ночь соревнований. Сегодня у нас ранний отбой. Пусть наши главные соперники, — Тео выразительно кивнул в сторону уже изрядно охмелевших членов греческого экипажа, которые оживленно хлопали друг друга по плечам, танцуя под аккомпанемент бузуки свой знаменитый танец сиртаки, — веселятся напропалую. А мы в это время будем спать крепким сном младенцев. Зато завтра встанем свеженькими, отдохнувшими, готовыми их уделать по полной. Договорились?

Послышались отдельные недовольные стоны, однако экипаж в полном составе послушно вернулся на яхту, а там ребята разошлись по

своим каютам.

Учитывая ту тесноту, которая царила на яхте, мы с Тео придумали специальную уловку, которая бы позволила нам провести хотя бы несколько мгновений наедине друг с другом, не вызывая при этом подозрений у остальных членов команды. Будучи единственной представительницей слабого пола на борту яхты, я получила в свое распоряжение не только крохотную, душную, но и отдельную каюту в носовой части судна. Тео же, как правило, устраивался на ночлег на скамье, установленной на гичке.

Я терпеливо выжидала до тех пор, пока все ребята не отметятся в тесной подсобке, оборудованной под туалет и душевую одновременно. И вот, когда все затихало, я крадучись в полной темноте поднималась наверх, где меня уже ждала теплая рука Тео, мгновенно притягивающая к себе. После чего мы минут пять нервно обжимались, словно перепуганные подростки, боящиеся быть застигнутыми врасплох своими родителями. По окончании, так сказать, сеанса связи я, чтобы обеспечить себе стопроцентное алиби, шла на гичку, открывала там портативный холодильник, извлекала из него бутылку с водой, а затем возвращалась к себе в каюту, нарочито громко хлопая дверью. Мы с Тео были абсолютно уверены в том, что наш план хитроумен настолько, что никто из ребят ни за что не догадается о нашем романе. Вот и в эту последнюю ночь перед финишем Тео прижал меня к себе и стал целовать с такой горячностью, что у меня даже голова немного закружилась.

— Надеюсь, после того, как завершится регата, ты готова провести со мной в постели целые сутки, чтобы я смог утолить тот голод, который терзает меня последние несколько дней? — страстно простонал он.

— Слушаюсь, мой капитан. Все, что прикажешь. Но подумай сам. Разве это справедливо — приказывать членам своей команды отправляться спать чуть не засветло, а самому в это время предаваться любовным утехам? Вы, мой капитан, нарушаете собственные приказы, — прошептала я ему на ухо, убирая его руку, которой он жадно шарил по моей левой груди.

— Ты, как всегда, права, моя Джульетта. А потому прочь с моих глаз, и поскорее. Иначе я, снедаемый похотью, за себя не ручаюсь.

Я издала короткий смешок, поцеловала Тео еще раз и высвободилась из его объятий.

— Люблю тебя, душа моя. Сладких тебе снов, любимая.

— И я тебя люблю, — прошептала я в ответ.

* * *

Драконовские дисциплинарные меры, которые взял на вооружение Тео, принесли свои плоды. Конечно, вырвать победу у греков, которые на всех этапах гонок шли с нами, что говорится, ноздря в ноздю, было ой как непросто. Но, как шутливо заметил Тео, когда в субботу мы первыми пересекли финишную черту в бухте Вульягмени, опередив греческий экипаж по крайней мере минут на пять, с ними сыграла злую шутку их любимая водка «узо». На торжественной церемонии закрытия ребята под вспышки многочисленных фотокамер водрузили наш победный лавровый венок мне на голову, облив всех остальных шампанским. Когда бутылка дошла наконец и до меня, я молча вскинула ее в воздух, салютуя отцу. Эту свою победу я посвятила Па Солту.

«Как я скучаю по тебе!» — мысленно воскликнула я, обращаясь к небесам.

После праздничного ужина Тео, еще сидя за столом, взял меня за руку и рывком поставил на ноги.

— Поднимаю тост за нашу Алли. С учетом всего, что случилось в ее жизни в последние дни, думаю, вы все согласитесь со мной, она была неподражаема.

Ребята дружно подняли свои бокалы, а у меня от их искреннего проявления симпатии ко мне на глаза навернулись слезы.

— И второе, что я хочу сказать вам. Приглашаю вас всех в состав своего будущего экипажа на предстоящих гонках Фастнет. Они состоятся в августе. Я предполагаю выступить на яхте «Тигрица». Это будет ее дебют на воде. Наверное, кое-кто из вас уже наслышан о ней. Принципиально новая модель, новый, так сказать, бренд. Она совсем недавно сошла со стапеля. Но я уже ее видел и могу сказать лишь одно: эта красавица обязательно приведет нас к еще одной победе. Так как вам мое предложение?

— «Тигрица»? — взволнованно воскликнул Роб. — Я в игре!

Остальные ребята откликнулись на предложение Тео с не меньшим энтузиазмом.

— Меня ты тоже приглашаешь? — тихонько поинтересовалась я у него.

— Само собой!

С этими словами Тео повернулся ко мне, обвил руками и крепко поцеловал в губы.

Что вызвало новую бурю восторгов. А я поспешно отстранилась от него, покраснев до корней волос.

— И последнее мое объявление на сегодня. Объявляю, что отныне мы с Алли — пара. Если у кого есть какие вопросы по этому поводу, прошу спрашивать не стесняясь.

Я увидела, как мальчишки лишь лениво переглянулись между собой.

— Тоже мне новость! — со вздохом бросил Роб.

— Да уж! Нашли, чем удивлять! — поддержал его Ги.

Мы с Тео в изумлении уставились на ребят.

— Так вы все знали? — воскликнул ошарашенный Тео.

— Прости нас, капитан, — ответил Роб. — Но с учетом того, что последние несколько дней мы терлись друг с другом, как говорится, задница о задницу, и при этом никто из нас не смел даже ненароком прикоснуться к этой части тела Алли, не рискуя получить в ответ затрещину, и уж тем более никто не смел заслужить сладкие объятия и поцелуи на ночь, как некоторые, вывод напрашивается сам собой. Не надо отличаться особой гениальностью, чтобы догадаться. Вот мы и догадались обо всем уже давным-давно.

— О! — только и нашелся в ответ Тео, еще крепче прижимая меня к себе.

— Ступайте к себе в комнату! — прокричал Ги, наблюдая за нашими нежностями. Остальные ребята тоже не преминули рассыпаться во всяческих двусмысленных шуточках.

Тео снова поцеловал меня, а я от стыда готова была провалиться сквозь землю. Вот как быстро ребята нас вычислили, подумала я. Воистину, любовь слепа.

Словом, комнатой мы обзавелись. Сняли номер в отеле в бухте Вульгмени. Тео сдержал слово, и нам действительно было чем

заняться в последующие двадцать четыре часа. Лежа в кровати, мы строили планы на предстоящие гонки Фастнет и так, на более отдаленную перспективу.

— То есть ты согласна плыть со мной на «Тигрице»?

— На сегодняшний день — да. Раньше мы с сестрами в августе совершали небольшой круиз на папиной яхте «Титан». Собирались все вместе, устраивали себе такие каникулы. — Я нервно сглотнула слюну при мысли о «Титане». — А сейчас август у меня свободен. В сентябре отборочные соревнования. Если все пройдет успешно, то начну готовиться в составе олимпийской сборной Швейцарии к предстоящим играм в Пекине.

— Я тоже там буду выступать в составе американской сборной.

— Думаю, золотая медаль тебе уже обеспечена. Хотя конкуренция наверняка будет острой. Вот и я собираюсь побороться за победу. Так что в Пекине наверняка будет жарко, — слегка пощекотала я нервы Тео.

— Ах, даже так? Значит, ты бросаешь мне вызов? — пошутил в ответ Тео. — Что ж, я принимаю его! — Тео отвесил мне церемонный поклон. — А каковы наши планы на ближайшие дни? Лично я намереваюсь устроить себе полноценный отпуск. Вполне заслужил, как мне кажется. Планирую провести его в нашем семейном летнем доме. Он всего лишь в нескольких часах ходу отсюда. А потом отплываю на остров Уайт и начинаю подготовку к Фастнету. Хочешь со мной?

— Куда? В родительский дом? Или на Фастнет?

— И туда, и туда. Конечно, если серьезно говорить о предстоящих соревнованиях, то ты у нас опытный спортсмен. Можешь обойтись и без усиленной подготовки. Хотя регата Фастнет — это все равно что-то особенное. Я принимал участие в этих парусных гонках пару лет тому назад. Скажу, мы едва не лишились одного экипажа, когда огибали скалистый мыс Рок. Ребят с палубы буквально сдуло ветром. Чертовски опасное место. Я уже начинаю подумывать, — Тео глубоко вздохнул, — что напрасно предложил тебе войти в состав моей команды.

— Почему? Потому что я женщина, да?

— Ради всех святых, Алли, прекрати! Что ты зациклилась на «женщина — не женщина»? Конечно, не поэтому. Потому что я люблю

тебя и не смогу дальше жить, если с тобой что-то случится. Однако давай вернемся к этой теме через несколько дней, ладно? Завтра утром я передаю гоночную яхту, на которой мы выиграла Киклады, ее владельцу. Прямо в бухте. Там же, неподалеку, я поставил на якорь и свой «Нептун». Так что мы можем прямо завтра отплыть по назначению. Что думаешь?

— Вообще-то, я думаю, что мне стоит съездить домой, — ответила я. — Хочу побыть немного с Ма и с Майей.

— Твое настроение и твоё желание мне абсолютно понятны. Конечно, как всякий законченный эгоист, я был бы счастлив, если бы ты поехала вместе со мной. Тем более что по всему выходит, что в следующем году нам обоим будет не до отдыха.

— Я очень хочу поехать с тобой, Тео, но давай я сначала позвоню Ма и узнаю, все ли у них там в порядке. А потом примем окончательное решение.

— Так не медли! Звони прямо сейчас, пока я буду принимать душ.

Тео поцеловал меня в макушку, спрыгнул с кровати и скрылся в ванной комнате.

Я позвонила Ма, и та заверила меня, что в Атлантике все хорошо и мне нет никакой нужды ехать домой прямо сейчас.

— Устрой себе небольшие каникулы, милая. К тому же Майя тоже на данный момент в отъезде. Вернется лишь через пару недель, не раньше.

— Вот как? — изумилась я. — Я потрясена этой новостью! Но тебе, Ма, не одиноко там одной? Обещаю, мой телефон всегда будет включен. Если что, звони в любое время дня и ночи.

— Со мной все в полном порядке, милая, и беспокоить тебя по пустякам я не стану, — стоически ответила Ма. — К несчастью, самое худшее из того, что могло случиться, уже случилось.

Отключив телефон, я почувствовала, что настроение у меня мгновенно испортилось. И так бывало всякий раз, как только я вспоминала о том, что папы больше нет. Но Ма права. Самое худшее уже *случилось*. Как жаль, что я человек неверующий. Религия все же помогает людям справиться хоть как-то, хоть самую малость, со всеми теми ужасными последствиями, с которыми сопряжена смерть близкого человека. Раньше я относилась к церковным ритуалам с насмешкой, считала их архаичными и нелепыми, но сейчас и умом, и

сердцем начала понимать, что именно они и помогают преодолеть ту крошечную тьму, в которую погружаешься, пережив потерю близких.

На следующее утро мы с Тео расплатились за проживание в отеле и отправились пешком в бухту.

Владелец яхты пригласил нас на борт своего *Hanse* и предложил отметить успех на соревнованиях. Он был явно доволен победой и тут же завел разговор с Тео о будущих регатах. Выпив по бокалу шампанского и распрощавшись с хозяином яхты, мы прошли еще немного вдоль набережной и поднялись на борт «Нептуна». Прежде чем поднять паруса, Тео загнал наш предстоящий маршрут в навигационную систему. Он так и не сказал мне, куда конкретно мы направляемся. Покинув бухту Вульгмени, мы вышли в открытое море. Я занялась проверкой всего того, что содержится в нашем стационарном и переносном холодильниках; в последнем мы обычно хранили пиво, воду и вино.

Прозрачно-бирюзовые воды Эгейского моря были спокойны. Но, как я ни старалась сконцентрироваться на созерцании всех тех красот, которыми изобиловали пронесившиеся мимо ландшафты, меня раздирали двойственные чувства. От той эйфории, в которой я пребывала во время предыдущего плавания на «Нептуне», не осталось и следа. Потом я припомнила, чем окончилось это плавание, и мысли снова переключались на Па Солта. Я вдруг подумала, сколько общего между моим покойным отцом и Тео. Оба любят создавать вокруг себя ореол таинственности, и оба любят все и всегда держать под контролем.

Уж не это ли явное сходство побудило меня влюбиться в Тео по уши, задалась я резонным вопросом. И почувствовав, как «Нептун» плавно замедлил свой ход, я услышала звук падающего в воду якоря. Когда Тео возник на палубе и встал рядом со мной, я решила, что пока не стану делиться с ним всеми своими недавними мыслями. С его дотошностью и любовью к анализу всего и вся вряд ли я услышу от него что-то путное на сей счет.

Обедали салатом с сыром фета и свежими оливками, которые я прикупила прямо в бухте перед самым отплытием. Запивали все пивом. Я потягивала из своего стакана и подробно объясняла Тео устройство армиллярной сферы. Не забыла рассказать и про изречения, и про координаты, выбитые на каждой металлической

полоске. Потом рассказала о том, какое трогательное письмо написал мне отец.

— У меня складывается такое впечатление, что твой отец вполне осознанно готовился к своему уходу и все спланировал заранее.

— Да, он у нас был такой. Во всем любил порядок и чтобы все было организовано по высшему разряду.

— И в этом мы с ним очень схожи, — заметил Тео, лишний раз подтвердив мои собственные размышления на тему их сходства с отцом. — Я уже тоже составил завещание и сделал все необходимые распоряжения касательно моих будущих похорон.

— Что за чушь ты несешь! — Меня невольно передернуло от его слов.

— Прости, Алли, но море есть море. Всех моряков подстерегают опасности, и никто никогда не знает, чем может закончиться очередное плавание.

— Мне почему-то кажется, то есть я даже не сомневаюсь в этом, что ты понравился бы папе. Сильно понравился бы. — Я мельком глянула на свои часы и сменила тему разговора: — Так наша конечная цель уже близка? Снова трогаемся в путь?

— Да, через какое-то время. Хочу точно рассчитать время нашего прибытия, тютелька в тютельку. — Тео таинственно улыбнулся. — Хочешь поплавать?

Спустя три часа, когда солнце уже клонилось к закату, озаряя последними оранжево-красными всполохами небольшой островок, усыпанный вдоль береговой линии одинаковыми белоснежными домиками, в окнах которых тоже отражался закат, я поняла, почему Тео переждал и так скрупулезно высчитывал время нашего прибытия.

— Ну разве это не восторг, а? — выдохнул Тео, одной рукой обнимая меня, а второй управляя штурвалом и умело маневрируя при заходе в крохотную бухту.

— О да! — согласилась я с ним. — Великолепное зрелище!

Я проследила взглядом за тем, как закатные лучи постепенно проникают в облака, окрашивая их в золотистые тона, как будто медленно вытекает желток из разбитого яйца.

— Недаром папа любил повторять, что закаты в Греции — самые красивые в мире.

— И тут я с ним снова целиком и полностью согласен. — Тео нежно поцеловал меня в шею.

Что ж, подумала я, в течение предстоящего отдыха у меня еще будет время поговорить с Тео о том, что Па Солту нравилось, а что — нет, чтобы выявить, что еще их роднит друг с другом.

— Может быть, ты мне все же наконец скажешь, где мы находимся? — спросила я у Тео, когда мы уже вошли в порт и какой-то загорелый парень ловко ухватился за конец каната, который я перебрала за борт, чтобы привязать яхту.

— А какая разница? Потерпи немного, ладно? Узнаешь в свое время. Предлагаю называть это место так: «Где-то посреди моря».

Приготовившись к тому, что нам придется тянуть все свои пожитки в гору, я сильно удивилась, когда Тео велел мне оставить вещи на яхте. Он запер каюту на замок, и мы с ним сошли на берег. Тео рассчитался с каким-то парнем из местных, заплатив ему несколько евро за помощь. Затем взял меня за руку и повел в направлении стоянки с припаркованными на ней мопедами. Пошарил по карманам в поисках ключа и стал возиться с замком. Наконец справился, отстегнул массивную цепь, обвивавшую мопед со всех сторон.

— Греки — очень милый народ, но сейчас их экономика пребывает просто в отчаянном положении. Вот отсюда эти дополнительные меры предосторожности. Не хотелось бы по приезде сюда обнаружить, что кто-то уже снял оба колеса с моего мопеда. Садись! — Тео кивнул на сиденье сзади.

Я повиновалась, но без особой охоты. При виде мопеда сердце у меня сразу же ушло в пятки. Я ненавижу мопеды. В свое время, сделав годичный перерыв в учебе, я, по совету отца, отправилась странствовать по миру в компании двух своих подруг, Мариель и Хелен. Путешествие мы начали с Юго-Восточной Азии. Посетили Таиланд, Камбоджу, Вьетнам. Потом снова вернулись в Европу, и я устроилась на лето официанткой в баре на острове Китнос. Потом мы проехали всю Турцию, взяв напрокат мопеды. И вот на пути из аэропорта Бодрум в курортный город Калкан случилось ужасное: Мариель не вписалась в крутой поворот и свалилась на мопеде со склона горы.

Мы отыскивали ее безжизненное тело среди кустов, потом долго стояли посреди дороги в ожидании хоть какого-то движущегося

средства, которое, проезжая мимо, пришло бы нам на помощь. Эти страшные мгновения я никогда не забуду.

Дорога оставалась пустынной. Тогда я в отчаянии схватила свой мобильник и позвонила отцу, единственному человеку на свете, который всегда и в любой ситуации точно знал, что нужно делать. Я коротко объяснила Па Солту, что у нас случилось и где произошла авария. Он сказал мне, чтобы я не волновалась и что помощь прибудет незамедлительно. Прошло еще каких-то полчаса, которые показались мне вечностью. Но вот наконец в небе появился вертолет, на борту которого был врач «Скорой помощи». Нас всех троих благополучно эвакуировали и доставили на вертолете в больницу в городе Даламан. Мариель спасли, но у нее была повреждена тазовая полость и сломаны три ребра. Плюс сильное сотрясение мозга. В результате она и по сей день страдает мигренями.

И вот сейчас, взгромоздившись на мопед Тео и устроившись за его спиной, я подумала о том, что с того рокового дня я ни разу в жизни больше не садилась на мопеды, и в животе у меня сразу же стало неприятно пусто.

— Все в порядке? — спросил у меня Тео.

— Лучше некуда, — пробормотала я в ответ, вцепившись в него обеими руками, обхватив его за талию, словно клещами. Когда мы тронулись с места и покатали вверх по узеньким тропкам к тому месту, обозначенному весьма туманным определением «Где-то посреди моря», я решила про себя, что, если Тео вздумается начать лихачить в расчете произвести на меня должное впечатление, я немедленно прикажу ему остановиться и слезу с его мопеда. И хотя Тео вел мопед очень аккуратно, без всяких там трюков и лихачеств, я все равно плотно зажмурила глаза, как только мы покинули порт и поехали по пыльной дороге с крутым подъемом в гору. Мы карабкались все выше и выше, и дорога стала казаться мне бесконечной, хотя на самом деле наша поездка длилась не более пятнадцати минут. Но вот Тео нажал на тормоз. Мопед немного накренился набок, когда он поставил одну ногу на землю и отключил двигатель.

— Вот мы и дома.

— Отлично! — Я с трудом разлепила глаза и, слегка пошатываясь, слезла с мопеда.

— Какая красота, правда? — продолжал витийствовать Тео. — Я имею в виду все эти виды по обе стороны дороги, пока мы ехали сюда. Однако, как мне кажется, этот вид будет самым лучшим.

Поскольку всю дорогу я просидела с закрытыми глазами, то пронесившиеся мимо нас красоты так и остались мне неизвестными. Тео взял меня за руку и повел куда-то по пожухлой от жары траве. Я увидела склон, поросший старыми оливковыми деревьями, сбегавшими прямо к морю. Переход к водной стихии был столь стремительным и резким, что да, ландшафт действительно впечатлял своей красотой.

— А куда мы идем? — спросила я у Тео, послушно следуя за ним по оливковой роще. Вокруг никаких жилых зданий, насколько я могла заметить. Разве что какой-то ветхий загон, явно для коз.

— Вот туда! — Он ткнул пальцем в сарай и повернулся ко мне. — Дом! Мой милый дом! Разве он не прелесть?

— Прелесть... Но я...

— Алли, ты очень бледная. С тобой все в порядке?

— Да! — ответила я. Наконец мы подошли к сараю поближе, и я тут же решила, что кто-то из нас двоих точно спятил. Если Тео называет этот хлев своим «милым домом», то я, несмотря на всю усталость, все равно тут же отправлюсь обратно пешком. И темнота меня не испугает, и все километры пути тоже. Но ночевать в этом хлеву я ни за что не буду.

— Знаю, пока он смотрится довольно убого. Но мне так хотелось, чтобы ты первой увидела это место, да еще на закате. Впереди еще, конечно, уйма работы, да и строительные требования здесь очень строгие, — продолжил Тео, широко распахивая дверь в сарай. Мы вошли в само помещение. Сквозь огромную дыру в крыше прямо над моей головой было видно, как в вечернем небе зажигаются первые звезды. В воздухе витал сильный козлиный дух, пахло навозом. Я снова почувствовала неприятные спазмы в желудке.

— Что скажешь? — поинтересовался у меня Тео.

— Ты прав. Вид отсюда открывается действительно прекрасный.

Какое-то время я молча слушала, как Тео пространно рассказывает мне о том, какого архитектора он нанял для проектирования своего будущего дома и что за кухню он планирует расположить прямо на этом месте. А вот там будет просторная

гостиная с выходом на террасу, откуда открывается отличный вид на море. В какой-то момент, не в силах более выносить царящую в сарае вонь, я беспомощно трянула головой и, путаясь в собственных ногах, поплелась на выход. На улице я почти бегом свернула за угол, скорчилась вдвое, и меня тут же вырвало.

— Алли, что?! Тебе опять плохо?

Тео подбежал ко мне и обвил рукой за талию, поддерживая, чтобы я не упала. Я с несчастным видом мотнула головой.

— Нет-нет, все хорошо. Я просто... я просто...

А потом плюхнулась прямо на траву и разревелась во весь голос, словно маленький ребенок. И начала рассказывать ему о том давнем происшествии, случившемся с нами на дорогах Турции. И о том, как я горюю об умершем отце. И о том, как мне стыдно, что Тео вторично видит меня в таком тошнотворном состоянии.

— Алли, это я должен просить у тебя прощения. Я виноват. Как я мог быть таким бесчувственным? Конечно, ты устала после соревнований, это факт. Да и душевная травма, связанная с неожиданной смертью отца, тоже еще слишком свежа. Но ты так умело скрывала свои переживания, держалась все это время так стойко, что даже я, привыкший всегда гордиться тем, что хорошо умею читать переживания и настроения других людей, дал себя обмануть. Сейчас же звоню одному своему приятелю из здешних. Он приедет за нами на машине и немедленно доставит домой.

У меня не было сил спорить. Сидя на траве, я лишь молча наблюдала за тем, как он достал из кармана свой мобильник и стал названивать кому-то. Солнце уже скрылось в море, плескавшемся внизу. Понемногу я пришла в себя и, глянув вдаль, решила, что пейзаж действительно просто великолепный.

Минут через десять Тео, подстраховывая сзади, кое-как стащил меня немного вниз по склону и усадил в старенький-престаренький «Вольво», за рулем которого сидел такой же старый водитель. Тео коротко представил его мне, назвав Креоном. Проехав еще немного вниз, машина свернула вправо и проследовала дальше по пыльной ухабистой дороге, которая, судя по всему, вела в никуда. Однако на сей раз я ошиблась. Доехав до самого конца дороги, машина остановилась, и я увидела приветливо манящие к себе огоньки в окнах красивого дома, примостившегося прямо на краю утеса.

— Добро пожаловать в дом, родная! — торжественно провозгласил Тео и ввел меня в огромный холл. И тут же перед нами возникла кареглазая женщина средних лет. Она тепло обняла Тео и промолвила ему что-то на греческом.

— Ирина работает у нас экономкой, — пояснил он мне. — Она сейчас проводит тебя в твою комнату и приготовит ванну. А я вместе с Креоном съезжу в порт и заберу с яхты наши вещи.

Ванна была установлена прямо на террасе, которая, как и весь дом, была вырезана из цельного камня с несколько неровной поверхностью. Весь утес, плавно спускавшийся к пенившейся морской глади, тоже состоял из таких же огромных шероховатых камней. Вдоволь понежившись в ванне, наполненной ароматизированной водой с пышной пеной сверху, я вылезла на террасу и пошлепала босиком к себе в спальню. Огромная, просторная комната, наполненная воздухом и поражающая своей роскошью. Потом я отправилась изучать дом. Элегантно обставленная гостиная с выходом на еще одну обширную террасу, с которой открывался еще один потрясающий вид на море. А внизу бассейн поистине гигантских размеров. В нем, пожалуй, впору проводить олимпийские соревнования по плаванию, подумала я. Обойдя дом, я решила, что он очень похож на наш Атлантис. Только наш дом притаился в лесу, а этот вознесся на вершину скалы.

Натянув на себя мягкий махровый халат, который кто-то заранее предусмотрительно положил на мою кровать, я удобно устроилась в одном из кресел, стоявших на террасе. Тут же передо мной возникла Ирина с бутылкой охлажденного белого вина и с двумя бокалами.

— Спасибо, — коротко поблагодарила я ее.

Я отхлебнула немного вина и уставилась в ночное небо, усыпанное звездами. После стольких дней, проведенных в море, я по достоинству оценила ту роскошь, которая меня окружала. Сейчас я точно знала, что, когда привезу Тео в Атлантис, он там будет чувствовать себя, как говорится, в своей тарелке. В прошлом я часто приглашала к себе погостить подружек и одноклассниц из закрытой школы-пансиона, в которой училась. Некоторых звала с собой и в морские круизы на нашей яхте «Титан». И всякий раз я видела, как мои общительные подружки буквально теряли дар речи при виде той роскоши, в которой мы жили. А потом они уезжали к себе, но когда мы

встречались снова, то от них уже откровенно веяло холодком. И я буквально кожей чувствовала их недоброжелательность по отношению к себе, которую сегодня я бы назвала обыкновенной злобой. Словом, как правило, нашей дружбе приходил конец.

Какое счастье, что с Тео у меня не возникнет проблем подобного рода. Судя по всему, его семья была такой же обеспеченной, как и моя. Но не ирония ли судьбы, подумала я и мысленно усмехнулась, что, несмотря на всю доступную нам роскошь, по крайней мере три четверти года мы коротаем ночи на твердых скамьях в душных каютах и счастливы, если нам удастся помыться под хилым душем, из которого едва-едва каплет. И уже не обращаешь внимания, течет из крана теплая вода или холодная.

Я почувствовала руку на своем плече. Потом поцелуй в щеку.

— Привет, моя любовь! Тебе лучше?

— О да! Много лучше. Спасибо. Что может быть лучше горячей ванны после нескольких дней изнурительных гонок?

— Ничего! Согласен с тобой, — сказал Тео, наливая вино в бокал и устраиваясь в кресле напротив меня. — Я и сам сейчас собираюсь проделать то же самое. Но прежде еще раз повторяю: Алли, пожалуйста, прости меня. Я иногда бываю таким невнимательным, особенно когда мои мысли всецело заняты чем-то другим. Но мне действительно так хотелось показать тебе свой новый дом.

— Все нормально, Тео. Уверена, когда все строительные работы будут завершены, у тебя появится просто замечательный дом.

— Ну конечно, он будет не таким шикарным, как этот. Но в любом случае у меня наконец появится собственный дом. А иногда, — он слегка пожал плечами, — это все, что имеет смысл. Я прав?

— Если честно, то я еще никогда не задумывалась над тем, чтобы обзавестись своим домом. Да и зачем он мне? Я постоянно в разъездах, мотаюсь по всему свету. А когда появляется «форточка» в расписании соревнований, то у меня всегда есть место, куда можно вернуться. Наш Атлантис. К тому же мы, яхтсмены, не зарабатываем сумасшедших денег, таких, чтобы позволить себе роскошь начать строительство собственного дома.

— Теперь ты понимаешь, почему я купил для начала обычный хлев, — пошутил в ответ Тео. — Но в целом я с тобой абсолютно согласен. Бессмысленно отрицать очевидное. И у тебя, и у меня есть за

плечами прочный тыл, семейное гнездо, куда каждый из нас может, в случае каких-то непредвиденных обстоятельств, всегда вернуться. Хотя, по правде говоря, я предпочту сдохнуть с голоду, чем идти с протянутой рукой к своему отцу. Все имеет свою цену, в том числе и милость от кого-то. Ты так не считаешь?

— Наверное, в чем-то ты прав. Хотя лично я сильно сомневаюсь, что кто-то так уж жаждет излить на нас свои милости.

— Я не говорю, Алли, что мы заслуживаем какого-то сочувствия. Но несмотря на то, что современный мир крайне материалистичен и все привык мерить деньгами, я все же не думаю, что с помощью денег можно решить все проблемы. Вот возьмем, к примеру, моего отца. Он разработал какой-то чип для компьютеров, и это изобретение сделало его уже к тридцати пяти годам мультимиллионером. То есть тот самый возраст, в котором я пребываю сегодня. В детстве отец все время твердил мне, каким тяжким трудом ему достались его миллионы и как я должен быть счастлив, имея такого отца, как он. Разумеется, его жизненный опыт был иным, чем у меня. Я ведь с детства воспитывался *в богатстве*. В итоге в наших отношениях с отцом получился какой-то замкнутый круг. Мой отец вступил в самостоятельную жизнь, не имея за плечами ничего, и это побудило его работать как каторжный, чтобы добиться всего, чего он достиг. А у меня старт был иным. На тот момент я и так имел все. Но, странное дело, в присутствии отца я всегда чувствовал себя и продолжаю чувствовать и по сей день немного виноватым в том, что у меня есть это «все». Вот почему, повзрослев, я всегда старался обходиться без помощи отца. В конце концов он изверился и потерял всякий интерес к моей персоне, поняв, что я никогда не оправдаю тех надежд, которые он некогда возлагал на меня. А у тебя тоже так? — неожиданно завершил свой монолог Тео.

— Нет. У меня все было иначе. Хотя нас, сестер, с раннего детства тоже приучали ценить заработанные деньги. Па Солт всегда повторял нам, что мы рождены для того, чтобы стать самостоятельными. И при этом должны добиваться наилучших результатов в том деле, которое мы себе изберем. У меня такое чувство, что папа гордился мной, особенно моими успехами в парусном спорте. Частично, наверное, потому, что мы с ним оба фанаты этого вида спорта. Правда, в своем прощальном письме ко мне он высказал одну довольно странную

мысль. Предположил, что я завязала с музыкой не в последнюю очередь потому, что хотела ему угодить, мол, поэтому предпочла музыкальной карьере карьеру профессионального спортсмена-яхтсмена.

— Это правда?

— Не совсем. Я в равной степени люблю и музыку, и парусный спорт. Но появился шанс добиться чего-то стоящего именно в парусном спорте, и я решила воспользоваться этим шансом. В жизни ведь не всегда получается так, как планировалось изначально. Разве не так?

— Так! — согласился со мной Тео и добавил: — Зато я пошел и в отца, и в мать. От отца я унаследовал любовь к технике, а от мамы — увлечение парусным спортом.

— Мне о своих наследственных пристрастиях судить сложно. Я ведь приемная дочь. Потому и понятия не имею, каковы мои настоящие гены. И потом, меня с раннего детства не столько воспитывали, сколько обучали.

— А разве тебе не хочется узнать, какую роль сыграли истинные гены в твоей жизни? Думаю, это было бы очень интересно. Вполне возможно, в один прекрасный день ты все же воспользуешься теми подсказками, которые оставил тебе отец, и покопаешься в своей родословной. Не сомневаюсь, захватывающее исследование может получиться.

— Наверное, ты прав. — Я подавила зевок. — Но пока я чувствую себя слишком уставшей, чтобы думать о подобных изысканиях. А от тебя сильно воняет козлятиной. Ступай, принимай ванну. Давно пора.

— Иду! А попутно попрошу Ирину накрывать на стол. К десяти я буду готов.

Тео поцеловал меня в нос и поспешно покинул террасу.

8

Страстное начало нашего романа постепенно сменилось плавным течением совместного времяпрепровождения. Мы провели несколько расслабляющих дней «где-то на острове, затерянном в море», и у нас появилась уйма времени, чтобы узнать друг друга получше. Меня самую удивляло то, что я готова делиться с Тео самыми сокровенными

секретами, рассказывая ему о вещах, о которых никогда и никому не рассказывала. Все-все-все, вплоть до мельчайших подробностей, быть может, и незначительных для стороннего слушателя, но очень важных для меня самой. Тео всегда выслушивал мои исповеди с предельным вниманием, не сводя с меня внимательных зеленых глаз. Еще никто и никогда за всю мою жизнь не окружал меня таким вниманием и заботой. Он проявлял самый неподдельный интерес ко всему, что было связано с моим отцом и сестрами. Нашу жизнь в Атлантиде Тео охарактеризовал очень точно: роскошное сиротство.

Однажды утром Тео неожиданно появился на террасе, подошел к кушетке, на которой я лежала, нежась в теньке, и присел рядом. Было душно, в воздухе сильно парило. Все предвещало грозу.

— Чем занимался? — поинтересовалась я у него.

— Вел по интернету скучнейшие переговоры с одним из спонсоров, финансирующих наше участие в Фастнете. Потом к разговору присоединились владелец «Тигрицы» и менеджер команды. Пока они втроем обсуждали всякие закорючки, окончательно запутавшись в словах, я откровенно валял дурака.

— Правда валял?

— Именно так! Кстати, ты когда-нибудь в детстве пыталась составить анаграмму из своего имени? То есть написать его задом наперед. Я пытался. Получались забавные штучки. Вместо Тео — Оет. — Он улыбнулся.

— И я такими штучками занималась. Вместо Алли получалась Илла.

— А из своей фамилии анаграмму никогда не составляла?

— Нет, — ответила я коротко и бросила на Тео недоуменный взгляд. К чему он клонит?

— Вот я и говорю. Валял дурака, пока они там спорили. И от нечего делать занялся твоей фамилией.

— И?

— Ладно! Ты же знаешь, как я обожаю все таинственное. Плюс люблю анализировать. К тому же я неплохо знаком с древнегреческой мифологией. Мало того что все свое детство я каждое лето проводил в Греции, так и потом, уже в Оксфорде, изучал классическую литературу. И знаешь, что я накопал? Могу показать прямо сейчас!

— Ну если тебе так хочется, — ответила я, беря в руки протянутый мне листок бумаги, на котором было нацарапано несколько слов.

— Видишь, что получилось из твоей фамилии Деппеси, написанной по-французски?

— Плеяды, — прочитала я вслух анаграмму своей фамилии.

— Да, Плеяды. Тебе знакомо это слово?

— Припоминается что-то, но очень смутно, — недовольно ответила я.

— Алли, так древние греки называли одно из самых ярких созвездий. Его еще называют Семь сестер.

— И что? — спросила я, чувствуя, как во мне странным образом нарастает волна раздражения.

— Ну не странное ли это совпадение, что вас, шесть девочек, тоже называли в честь звезд, образующих это созвездие? Вот тебе и загадка. Сестры носят имена звезд, а фамилия их в перевернутом виде читается как Плеяды. У твоего покойного отца тоже была такая фамилия?

Краска бросилась мне в лицо, когда я попыталась вспомнить, обращался ли кто-нибудь когда-нибудь к Па Солту по фамилии. Мистер Деппеси. И не вспомнила. Все домашние обращались к нему исключительно «сэр». И члены команды на «Нептуне» тоже. Марина называла отца так же, как и мы, девочки: Па Солт. А в разговоре с нами — «ваш отец». Тогда я напрягла память, стараясь вспомнить, какое имя было проставлено на конвертах той корреспонденции, которую получал папа. Но ничего путного не вспомнила. Перед глазами возникли конверты, в которых отправлялась официальная почта, а также замелькали названия многочисленных компаний, которыми владел Па Солт.

— Скорее всего, — не очень уверенно ответила я.

— Прости меня, Алли. — Тео мгновенно уловил мое внутреннее напряжение. — Меня просто одолело самое обычное любопытство. Он специально придумал для своих дочерей фамилию с такой анаграммой или же это была его настоящая фамилия? Впрочем, дорогая, сегодня многие меняют свою фамилию, так сказать, в одностороннем порядке, но вполне официально. Но все равно получилось у нас очень круто! На самом деле ты — Альциона Плеяды. Что же до анаграммы к Па Солт, то я...

— Хватит, Тео! Достаточно!

— Прости, но это действительно заинтересовало меня. Я убежден, что вокруг твоего отца накручено много тайн, гораздо больше, чем мы себе представляем.

Извинившись, я поспешно ретировалась в дом. Почему-то мне стало неприятно, что Тео прикоснулся к каким-то очень интимным вещам, касающимся нашей семьи, хотя ничего предосудительного он не сделал: просто взял и поиграл немного с буквами. А вот мы, сестры, никогда не обращали внимания на подобные пустяки. Впрочем, может быть, кто-нибудь из шестерых и заметил что-то, но делиться с остальными этой информацией не захотел.

Когда я снова появилась на террасе, Тео, правильно истолковав мой уход, больше не заводил речь про анаграммы. За ланчем он принялся рассказывать мне подробнее о своих родителях, описал, каким сложным и болезненным оказался их развод. Каждые каникулы Тео сновал, словно челнок, туда-сюда, проводя лето попеременно то с мамой в Англии, то с отцом в Штатах. Будучи аналитиком по природе, он сейчас повествовал о делах семейных отрешенно, в третьем лице, будто это его совсем не касалось. Но я чувствовала его внутреннее напряжение и с трудом подавляемую злость, как только речь заходила об отце. Судя по всему, в давнем родительском споре Тео однозначно принял сторону матери, не оставив отцу никаких шансов на налаживание контактов с ним. Конечно, утверждать наверняка я не могла, слишком недавно мы знакомы с Тео. Но со временем, думаю, я разберусь, обязательно разберусь в этих непростых семейных взаимоотношениях.

Ночью я долго ворочалась в постели без сна, снова и снова возвращаясь мысленно к той загадке, которая скрывается за моей фамилией. Если наша фамилия Деплеси — это действительно анаграмма, которую придумал Па Солт, он ведь всегда интересовался звездами, а потому наверняка знал все мифы, которые связаны с созвездием Плеяды, то тогда кто же мы на самом деле?

Но еще важнее, кто тогда *наш отец*?

Как ни ужасно это звучит, но — увы-увы! — никто уже не сумеет мне дать ответ на этот вопрос.

На следующий день, позаимствовав на время ноутбук Тео, я отыскала информацию про звезды, входящие в состав созвездия Плеяды. Хотя папа часто рассказывал нам про всякие разные звезды, а Майя вообще обожала проводить с ним много времени в его домашней обсерватории, оборудованной на крыше дома, лично я не питала особого интереса к астрономии и всему, что с ней связано. Разве что меня интересовали уже сугубо технические данные о расположении звезд, с которыми Па Солт обстоятельно знакомил меня, когда мы плавали с ним вместе. Он учил меня ориентироваться по звездам, в частности говорил, что созвездие Плеяды, или Семь сестер, с глубокой древности, еще тысячи лет тому назад, использовалось моряками как ориентир для прокладывания точного курса. Наконец я отключила компьютер, вздохнув про себя. Какие бы тайны ни скрывала в себе наша фамилия, чем бы ни руководствовался Па Солт, назвав своих дочерей так, как он называл, нам уже никогда не докопаться до истины. А пытаться — это значит еще больше расстраивать саму себя.

За ланчем я поделилась своими мыслями с Тео, и он согласился со мной.

— Прости меня, Алли, за вчерашнее. Напрасно я завел с тобой разговор про все эти анаграммы. Какое нам дело до прошлого? День сегодняшний, завтрашний день — вот что для нас по-настоящему важно. Но одно могу сказать смело. Кем бы ни был твой отец на самом деле, он правильно поступил, что взял тебя младенцем к себе, в свой дом. Правда, у меня есть еще кое-что интересное. Если хочешь, могу поделиться с тобой добытой информацией. — Он выжидательно уставился на меня.

— Тео! Ради бога!

— Хорошо, хорошо! Не буду! — поспешил он дать задний ход. — Как-нибудь в другой раз. Ты права, сейчас не самый подходящий момент.

Момент действительно был не самым подходящим, но как бы то ни было, а после обеда, на что, вполне возможно, и рассчитывал Тео, я снова достала папино письмо, которое положила в свой ежедневник,

спрятав за обложку, и в который раз перечитала. Может быть, подумала я, в один прекрасный день я, уцепившись за кончик ниточки, оставленной мне отцом, и пройду весь путь поисков своей родословной от начала и до конца. Во всяком случае, хотя бы прочитаю ту книгу, о которой Па Солт упомянул в своем письме и которая стоит на одной из полок в его кабинете в Атлантисе...

* * *

Наш совместный отпуск подходил к концу. А я с каждым прожитым днем все острее чувствовала, что Тео стал неотъемлемой частью меня. Мысленно повторяла эту фразу и не переставала удивляться самой себе. С одной стороны, да, романтика отношений, влюбленность, а с другой — я действительно почувствовала в нем родственную душу. Он идеально дополнял меня во всем, с Тео я впервые почувствовала себя цельным человеком. Законченным во всех отношениях.

Но каким же хрупким оказался мой новообретенный статус на поверку, стоило Тео завести речь о нашем предстоящем отъезде с этого дивного острова, затерянного где-то посреди моря. Правда, сейчас я хотя бы знала, что остров называется Анафи. Однако предстоящее возвращение к действительности пугало своей неотвратимостью.

— Вначале я навещу маму в Лондоне, — спокойно и размеренно вещал Тео, — потом заберу в Саутгемптоне «Тигрицу» и отправлюсь на ней на остров Уайт. Проверю ее ходовые качества на практике. А у тебя какие планы, дорогая?

— Мне нужно обязательно заглянуть в Атлантис, хотя бы на пару денечков. Конечно, Ма постоянно твердит по телефону, что у нее все в порядке, но я-то знаю, каково ей сейчас одной. Майя уехала... Папы больше нет... Я просто обязана какое-то время пожить рядом с ней.

— Тогда я прямо сейчас займусь изучением расписания, чтобы забронировать билеты нам обоим. Предлагаю в конце недели отправиться на нашей яхте обратно в Афины, а оттуда ты полетишь к себе в Женеву. Наверняка есть удобные дневные рейсы и в Женеву, и в Лондон. Как смотришь?

— Отлично смотрю! Спасибо, — ответила я, почувствовав себя вдруг страшно одинокой и незащищенной. Каково мне будет без Тео, подумала я. И какое будущее ждет меня с ним? И будет ли оно у нас *вообще* после тех волшебных каникул, которые мы устроили себе на острове «Где-то посреди моря»?

— Алли, что случилось?

— Ничего! Немного перегрелась на солнце, наверное. Пойду пораньше улягусь в кровать. — Я поднялась с кресла, намереваясь покинуть террасу, но была остановлена твердой рукой Тео.

— Мы еще с тобой не договорили, а потому присядь, пожалуйста, буквально на пару минут. — Припечатав меня к креслу, он поцеловал меня в губы и продолжил: — Нам ведь надо обсудить и кое-что еще, помимо возвращения домой. Например, предстоящие гонки Фастнет. Я много размышлял о них в последние дни и созрел для того, чтобы предложить тебе кое-что конкретное.

— Валяй! — ответила я, поразившись духу противоречия, который вдруг выиграл во мне. Впрочем, меньше всего в данную минуту меня занимали гонки Фастнет.

— Так вот, я приглашаю тебя уже официально поучаствовать в подготовительных тренировках. Но! Заранее предупреждаю. Если погодные условия будут неблагоприятными или если уже непосредственно в процессе гонок я вдруг прикажу тебе покинуть яхту и сойти на берег, ты должна будешь беспрекословно подчиниться моим приказам. Клянешься?

Сделав над собой некоторое усилие, я кивнула в ответ:

— Клянусь, мой капитан.

— Никаких шуточек, Алли. Я говорю вполне серьезно. Я уже и раньше говорил тебе и снова повторяю это сейчас: я не переживу, если с тобой что-то случится.

— То есть сама я в этой ситуации не могу ничего решать?

— Нет, не можешь. Помни, я капитан. К тому же твой любовник. А потому все решения буду принимать только я.

— То есть мне *нельзя* остановить *тебя*, если я увижу, что выходить в море опасно?

— Конечно, нет! — Тео с досадой покачал головой. — Все решения принимаю я, и только я. И хорошие, и плохие...

— А что, если именно плохие и мне со стороны это хорошо видно?

— Ты можешь высказать свое мнение, это не возбраняется, и я приму его во внимание, но решать в конечном счете буду только я.

— А почему я не могу? Это нечестно, Тео! В конце концов, я тоже...

— Алли, наш с тобой разговор начинает приобретать бессмысленный характер. Тебе не кажется, что мы ходим по замкнутому кругу? К тому же с чего ты взяла, что события станут развиваться по наихудшему сценарию? Скорее всего, гонки пройдут в штатном режиме. А я лишь пытаюсь донести до тебя одну простую и вполне очевидную истину. Ты обязана слушаться меня, причем беспрекословно, потому что я капитан. С этим все понятно?

— Понятно, — недовольно буркнула я. Впервые мы с Тео оказались на грани серьезной размолвки. И самое обидное, что нам совсем немного времени осталось провести в этом райском уголке. Нет, ни в коем случае нельзя усугублять ситуацию и накалять страсти, подумала я.

— Но есть вещи и поважнее, чем Фастнет. — Я увидела, как потеплел взгляд Тео. Он протянул руку к моему лицу и осторожно погладил его пальцами. — Не будем забывать, что на гонках наша жизнь не заканчивается. Признаюсь, последние несколько недель стали самыми лучшими во всей моей жизни. Ты знаешь, я не особо силен по части красноречия, а уж молоть всякую романтическую чушь у меня и вовсе получается плохо, но скажу тебе так, дорогая Алли. Нам нужно обоим хорошенько подумать над тем, чтобы постоянно быть вместе. Что скажешь?

— Звучит заманчиво, — ответила я, чувствуя, что пока не могу так стремительно, буквально за несколько секунд, переключиться из режима недовольства и раздражения в благодостный режим «давай будем жить вместе». Я машинально глянула на бумаги, которые Тео держал в другой руке. А вдруг такой пункт «Обсудить совместное будущее с Алли» тоже значится в его повестке дня? Зная методичность Тео в том, что касается планирования всего и вся, я бы ничуть не удивилась.

— Звучит, наверное, старомодно, — продолжил он. — Но я точно знаю, что другой такой, как ты, мне не найти. А поскольку мы с тобой уже далеко не самого юного возраста, то повторяю еще раз. Я

абсолютно уверен в своих чувствах. И буду счастлив жениться на тебе хоть завтра. Как смотришь?

Я уставилась на Тео ошарашенным взглядом, с трудом вникая в смысл его слов.

— То есть, как я понимаю, ты только что сделал мне предложение? Или как? — резанула я в ответ.

— Именно так. Что скажешь?

— Я внимательно слушаю тебя.

— И...

— Если честно, Тео, мы с тобой в эту минуту мало походим на Ромео и Джульетту.

— Совсем даже не походим, ты права. К тому же ты уже успела убедиться в том, что в судьбоносные минуты своей жизни я немного теряюсь. Мне хочется как можно скорее развязаться со всякой словесной чепухой и продолжать... *жить дальше*. И я точно хочу жить дальше с тобой... Иными словами, я хочу на тебе жениться, — тут же поправил себя Тео.

— Но нам ведь вовсе не обязательно связывать себя узами брака.

— Не обязательно. Но во мне еще очень сильны издержки традиционного воспитания. Я хочу быть с тобой до конца своих дней и потому делаю тебе официальное предложение. Я хочу, чтобы ты носила мою фамилию, стала миссис Фейлис-Кингс и чтобы я, появляясь с тобой на людях, мог говорить во всеуслышание: «Моя жена и я...»

— Но я ведь могу и не захотеть носить твою фамилию. Сегодня многие женщины предпочитают оставаться со своей фамилией, — возразила я.

— Верно, — спокойно согласился. — Но ведь так во всех смыслах гораздо удобнее. Ты не находишь? Банковские счета на одно имя, прочие финансовые дела — все проще, когда у супругов одна фамилия. И никакой путаницы в телефонных разговорах, когда вызываешь к себе в дом всяких электриков, водопроводчиков и прочих.

— Тео!

— Слушаю тебя.

— Ради всех святых, заткнись, ладно? Порой ты бываешь ужасным занудой, особенно в том, что касается практических вопросов, и, прежде чем ты начнешь анализировать всевозможные

варианты моей реакции на свое предложение, я отвечаю тебе коротко. Да, я согласна выйти за тебя замуж завтра.

— Правда?!

— Чистая правда!

Как мне показалось, глаза Тео моментально увлажнились. И я вдруг подумала, что даже самые уверенные в себе люди, безусловно владеющие своими эмоциями, а в этом мы с Тео схожи, так вот, даже такие люди могут дать слабину и расчувствоваться, особенно когда они видят, что человек, которого они любят, отвечает им полной взаимностью. И так же страстно жаждет быть рядом. Я придвинулась к Тео поближе и крепко обняла его.

— Как все замечательно! Грандиозно! — Он улыбнулся и украдкой смахнул слезу с глаз.

— Вообще-то, с учетом того, в какой неловкой форме было сделано само предложение, ничего особо грандиозного я не вижу.

— Наверное... Опять же повторяю, это все издержки моего традиционного воспитания. Но как бы то ни было, а я буду счастлив, если завтра мы устроим с тобой небольшой шопинг и ты выберешь себе что-то такое, что станет своеобразным памятным знаком, скрепляющим твое обещание.

— Ты хочешь сказать, что отныне мы с тобой помолвлены? — шутливо подколола я его. — Знаешь, ты сейчас очень похож на одного из героев романов Джейн Остин. Однако в любом случае я польщена и очень рада.

— Спасибо. — Тео задрал голову и уставился на звездное небо. Потом слегка покачал головой и посмотрел на меня. — Ну разве это не чудо?

— Что именно?

— Все! Тридцать пять лет я прожил на этой планете в полном одиночестве. И вдруг появляешься ты... Возникаешь, можно сказать, из ниоткуда. И внезапно до меня все доходит.

— Что доходит?

Тео слегка пожал плечами и снова качнул головой.

— До меня доходит, что такое любовь.

На следующее утро мы поступили так, как предложил Тео. С самого утра отправились в столицу острова, городок Хора. В сущности, это даже не городок, а такая небольшая полусонная деревушка с россыпью белоснежных домиков, примостившихся на южной стороне скалы, сбегаящей к морю. Мы прогулялись по извилистым узким улочкам, набрали на пару крохотных магазинчиков, в которых торговали кустарной бижутерией вперемежку с продуктами и хозяйственными товарами. Потом нам попался на пути небольшой уличный базар. На нескольких открытых прилавках были разложены всякие безделушки и недорогие побрякушки. Сказать по правде, я никогда особо не увлекалась ювелирными изделиями, а потому опыта в подборе надлежащего украшения у меня было маловато. Где-то полчаса у меня ушло на примерку колец, пока я не заметила краем глаза, что Тео уже начал терять терпение.

— Неужели не нашла для себя ничего подходящего? — спросил он у меня с нажимом в голосе, когда мы подошли к последнему прилавку.

По правде говоря, мне уже бросилась в глаза одна вещица.

— Ты не возражаешь, если это будет не кольцо?

— В данную минуту я соглашусь с любым твоим выбором. Только никакого пирсинга для сосков. А все остальное — что твоей душе угодно. Главное, чтобы тебе самой нравилось. И чтобы мы успели к ланчу. Я уже умираю от голода.

— Ладно! Тогда я выбираю вот это!

Я ткнула пальцем в кулон, который в Греции традиционно принято носить от дурного глаза. Стекляшка голубого цвета, стилизованная под глаз, на тоненькой серебряной цепочке. Продавец снял украшение с витрины и, положив себе на ладонь, протянул к нам руку, чтобы мы могли получше рассмотреть его. И при этом указал на написанную от руки бирку с ценой. Тео снял солнцезащитные очки и взял кулон в руки. Зажав его между пальцами, стал разглядывать камешек на просвет. Наконец обронил:

— Очень миленькая вещица, Алли. Но явно не тянет на кольцо с бриллиантом.

— А мне нравится. Кстати, у всех бывалых моряков есть такие кулоны. Говорят, они умирят любой шторм. А ты не забывай, что мое имя означает «покровительница моряков».

— Это я знаю. И все-таки, мне кажется, кулон от сглаза — это не совсем то, что полагается дарить невесте по случаю помолвки.

— Главное, что он мне нравится. И давай заканчивать с этими пустыми препирательствами. Иначе опять начнем ссориться.

— Хорошо! Пусть будет по-твоему. Только обещай, что в будущем ты станешь защищать и меня.

— Обещаю! — ответила я, обхватывая его руками за талию.

— Ладно! Но предупреждаю. Все же надо соблюсти все положенные формальности, а потому в будущем я обязательно подарю тебе что-то... более традиционное, что ли.

Через пару минут мы отошли от прилавка. На моей шее красовался крохотный талисман.

— В перспективе, — промолвил Тео, когда мы с ним снова побрели узенькими улочками в поисках подходящего места, где можно было бы перекусить, — мечтаю увидеть на твоей шее что-то более стоящее, чем дешевая бижутерия. Но первым делом нужно купить подобающее обручальное кольцо. Заранее предупреждаю: кольцо от Тиффани или Картье я не потяну.

— Негоже так открыто признаваться в собственной финансовой несостоятельности, — подначила я его, усаживаясь за стол на террасе уличной таверны. — Но так, на всякий случай, сообщаю: терпеть не могу всякие дизайнерские украшения модных брендов.

— Ты права. Прости за то, что лишний раз продемонстрировал свой провинциализм. Да и о каких рафинированных манерах можно говорить, когда имеешь дело с выходцем из далекого штата Коннектикут? Однако ближе к теме. — Он взял со стола меню в пластиковой обложке. — Что желаешь заказать себе на ланч?

* * *

На следующий день я с превеликим трудом распрощалась в афинском аэропорту с Тео и уселась в самолет на Женеву, чувствуя себя совершенно потерянной и одинокой. Я даже непроизвольно повернулась к своему соседу, чтобы сообщить ему, какая мысль мне только что пришла в голову. Сосед несказанно удивился, а я лишь в

самую последнюю минуту сообразила, что это не Тео. Воистину, без Тео я вдруг ощутила себя никому не нужной на всем белом свете.

Я не уведомила Ма заранее о своем приезде. Решила устроить ей такой небольшой сюрприз. По мере того как наш самолет приближался к Женеве, я попыталась приободрить себя и запастись изрядной долей мужества. Атлантис без папы утратил для меня самое главное — свою душу. Всю дорогу меня раздирали самые противоречивые чувства: радость, которую я испытала в те дни, что провела с Тео, и горечь утраты, которая была тем сильнее, чем ближе мы подлетали к Женеве. Что ждет меня в Атлантисе? Пустой дом... без папы, без сестер, которые могли бы хоть как-то скрасить мое одиночество, но сейчас разлетелись в разные стороны, кто куда.

Впервые никто не вышел встречать меня к пристани. И это тоже не улучшило мне настроение. Клавдии на кухне не было. Правда, на столе поджидал кого-то свежее испеченный пирог с лимонной начинкой, кстати, мой любимый. Отрезав себе изрядный ломоть пирога, я, выйдя из кухни, отправилась наверх, в свою комнату. Швырнула рюкзак на пол прямо у дверей и уселась на кровать, невольно залюбовавшись прекрасным видом на озеро, видневшимся из-за крон деревьев. Умиротворяющая тишина объала меня со всех сторон.

Я поднялась с кровати и подошла к полке, чтобы снять оттуда бутылку, в которую был впаян кораблик, — подарок Па Солта по случаю моего седьмого дня рождения. Долго разглядывала искусно сделанную модель — деревянный корпус, холщовые паруса, ванты, реи — все как у настоящего парусного фрегата. Потом улыбнулась, вспомнив, как приставала тогда к отцу, все просила его объяснить, каким таким образом кораблик мог оказаться в бутылке.

— Произошло чудо, Алли, — туманно ответил отец. — И мы должны верить в него.

Затем я извлекла из рюкзака свой ежедневник. Мне вдруг отчаянно захотелось почувствовать рядом с собой присутствие Па Солта, а потому я снова извлекла на свет божий письмо, которое он оставил для меня. Еще раз перечитала, вспомнила все подробности и тут же решила, не откладывая, спуститься в папин кабинет и поискать ту книжку, которую он рекомендовал мне для прочтения.

Остановилась на пороге, втягивая в себя такой привычный и такой родной запах цитрусовых, который витал в комнате. Пахло свежестью,

веяло покоем.

— Алли! Прости, что не встретила тебя. Меня не было дома, когда ты приехала. Ты ведь не предупредила заранее. Но какой приятный сюрприз!

— Ма! — Я повернулась, чтобы обнять Марину. — Ну как ты тут одна? Вот выкроила несколько свободных денечков и решила провести их в Атлантисе. Хотела убедиться в том, что у тебя все хорошо.

— Да, да... У меня все хорошо, — проговорила Ма торопливо, мне даже показалось, что слишком торопливо. — А как ты, милая?

Я почувствовала на себе пристальный взгляд ее умных глаз.

— Но ты же меня знаешь, Ма. Я никогда не болею.

— Мы обе понимаем, что меня интересует не только твое здоровье, Алли, — негромко ответила Марина.

— Я была страшно занята все это время. Наверное, это немного помогло мне. Кстати, мы выиграли регату, — добавила я несколько невпопад, все еще внутренне не готовая к тому, чтобы рассказать Ма о Тео и о том, как я счастлива, что встретила его. Здесь, в Атлантисе, да еще так скоро после смерти папы, нет! Такой разговор сейчас явно не ко времени.

— А Майя тоже вернулась домой. Она сегодня с утра поехала в Женеву, почти сразу же после того, как проводила своего приятеля, которого привезла с собой из Бразилии. Скоро должна вернуться. Вот уж обрадуется так обрадуется!

— И я с радостью повидаюсь с ней. Пару дней тому назад я получила от нее письмо по электронной почте. Судя по его тональности, она счастлива. С нетерпением жду, что она расскажет о своей поездке в Бразилию.

— Как насчет чашечки чая? Пошли на кухню. Там и поговорим о твоей последней регате.

— Хорошо! — Я послушно покинула папин кабинет и проследовала за Мариной вниз, на кухню. Марина была странно напряжена, и это сразу же бросилось мне в глаза. Наверное, подумала я, все дело в том, что я свалилась им с Клавдией как снег на голову, никого не предупредив заранее. И все же, и все же... Куда подевалась обычная невозмутимость Ма? Мы немного поболтали с ней о том о сем. Я рассказала ей про Киклады, она мне — про Майю. Где-то минут

через двадцать послышалось знакомое тарахтение катера, и я побежала на пристань встречать сестру.

— Сюрприз! Сюрприз! — прокричала я уже издали, раскрывая объятия.

— Алли! — воскликнула изумленная Майя. — А ты что здесь делаешь?

— Странный вопрос! Разве ты забыла, что Атлантис и мой дом? — лишь усмехнулась я в ответ, когда мы, взявшись за руки, заторопились в дом.

— Почему это я забыла? Просто не ожидала увидеть тебя так скоро.

Мы решили посидеть немного на террасе, и я снова побежала на кухню, чтобы взять там кувшин с домашним лимонадом, который так мастерски готовит Клавдия. Слушая рассказ Майи о ее поездке в Бразилию, я исподтишка разглядывала ее и пришла к выводу, что уже много лет не видела сестру такой оживленной. Воистину, жизненная энергия была из нее ключом: глаза искрились, лицо буквально светилось.

— Алли, есть и кое-что еще, что я хочу рассказать тебе. Наверное, это было нужно сделать давно, много лет тому назад...

Затем Майя рассказала мне все то, что случилось с ней в университете и что побудило ее уйти в добровольное заточение и начать сторониться людей. Я выслушала ее историю со слезами на глазах. Протянула руку и погладила сестру, чтобы хоть как-то утешить.

— Милая моя Майя! Через какие ужасные испытания тебе пришлось пробиваться одной. Ну, почему?! Почему ты не поделилась тогда со мной? Ведь я же твоя сестра. И всегда считала, что мы с тобой по-настоящему близки. Ведь в ту минуту я могла быть рядом с тобой, поддержать тебя, помочь... Разве не так?

— Так, Алли, так. И я это знаю. Но тебе тогда только-только исполнилось шестнадцать. И потом, мне было просто стыдно...

Я поинтересовалась у сестры, кто тот мерзавец, который причинил ей столько горя.

— Так... один тип. Вряд ли ты его знаешь. Мы с Зедом познакомились в университете.

— Зед Эсзу?

— Да. Его имя часто звучит во всяких новостях. Его отец, известный финансовый магнат, недавно покончил жизнь самоубийством.

— Да, именно его яхту я видела рядом с папиной яхтой в тот ужасный день, когда узнала о смерти отца. Помнишь, я рассказывала вам об этом? — сказала я, невольно содрогнувшись от страшных воспоминаний.

— По иронии судьбы, именно Зед и подтолкнул меня сесть в самолет и улететь в Рио, хотя в тот момент я еще колебалась, начинать мне поиски своих настоящих родственников или нет. Но после четырнадцати лет молчания он вдруг позвонил мне. Не дозвонился и оставил голосовое сообщение, вот так, ни с того ни с сего. Сказал, что собирается в ближайшие дни в Швейцарию, и попросил меня о встрече.

Я в недоумении уставилась на Майю.

— Он искал встречи с *тобой*?

— Именно. Сказал, что узнал о смерти папы, и предложил поплакаться друг у друга на плече. Теперь сама понимаешь, почему я с такой скоростью вымелась вон из Швейцарии.

Тогда я спросила у Майи, в курсе ли Зед, что произошло с ней четырнадцать лет тому назад.

— Нет, — покачала головой Майя. — А если бы даже и знал, то уверена, это его мало взволновало бы.

— Думаю, ты правильно поступила, развязавшись с ним тогда, — мрачно согласилась я.

— То есть ты с ним все же как-то знакома, да?

— Лично я — нет. Но у меня есть... один приятель. И вот он-то его хорошо знает. Как бы то ни было, — заторопилась я, прежде чем Майя начала расспрашивать меня о том, что за приятель, откуда, где и прочее, — твой порыв сесть в самолет и улететь в Бразилию — это самое лучшее из того, что ты когда-либо совершала в своей жизни. А теперь рассказывай мне о своем шикарном поклоннике из Бразилии, которым ты там обзавелась. Насколько я могу судить, Ма от него просто без ума. Только о нем и говорила все то время, что я здесь. Так он писатель?

Мы немного поболтали о кавалере сестры, а потом Майя стала расспрашивать уже о моих делах. Но я решила, что сейчас — *ее*

звездный час. После стольких лет одиночества Майя наконец нашла достойного человека и, быть может, даже полюбила его. Пусть выговорится всласть. А я расскажу ей о Тео немного попозже. А потому перевела разговор на предстоящие гонки Фастнет и на мое возможное участие в Олимпийских играх.

— Но это же фантастика, Алли! Обязательно сообщи мне, как ты пройдешь квалификационные испытания, ладно?

— Конечно, сообщу.

В этот момент на террасе появилась Марина.

— Майя, дорогая моя, а я и не знала, что ты уже вернулась домой. Мне только что сказала об этом Клавдия. Кристиан еще днем передал мне вот это, прости, забыла отдать тебе сразу же.

Марина вручила сестре конверт. Глаза Майи вспыхнули, когда она увидела знакомый почерк.

— Большое спасибо, Ма.

— А сейчас, девочки, не хотите ли отужинать? По-моему, уже пора, — предложила нам Марина.

— Лично я очень даже хочу! — воскликнула я и глянула на сестру. — А как ты, Майя? Присоединишься ко мне? Не так-то часто мы в последнее время пересекаемся друг с другом. К большому сожалению...

— Обязательно присоединюсь, — ответила сестра, поднимаясь со своего места. — Только чуть попозже, ладно? А сейчас, если не возражаете, я ненадолго отлучусь к себе в Павильон.

Мы с Мариной понимающе кивнули, глянув на Майю, которая продолжала сжимать в руке конверт с письмом.

— Увидимся попозже, дорогая, — ласково напутствовала ее Марина.

Мы с Ма направились в дом. История сестры ужасно расстроила меня. С одной стороны, конечно, хорошо, что мы наконец с ней выяснили все до конца. Сейчас-то мне понятно, почему Майя так резко и внезапно дистанцировалась от меня сразу же после окончания университета, почему добровольно обрекла себя на заточение в глуши. Но она сообщила мне, кто именно стал причиной всех ее страданий... Зед Эзу... А это в корне меняет все дело.

В семье, где росли шесть девочек, да все еще такие разные, постоянно циркулировали слухи о парнях и тех любовных романах,

которые мы крутили, причем все эти сплетни и разговоры в немалой степени определялись характером и темпераментом каждой из сестер. Но Майя всегда была самой скрытной из нас в том, что касалось ее личной жизни. Стар и Сиси, те предпочитали изливать душу друг другу и редко откровенничали с остальными сестрами. Что же до Электры и Тигги, то *они обе* уже многие годы делились своими сердечными тайнами со мной...

Я поднялась к себе в спальню и стала нервно расхаживать по комнате, размышляя о том, как трудно оставаться безучастной, когда узнаешь что-то неприятное о близком тебе человеке. Тем более когда владеешь определенной информацией об обидчике. Вопрос лишь в том, поделиться этой информацией с сестрой или оставить все как есть. И можно ли рассказать другим членам нашего семейства о том, что произошло когда-то с Майей? Однако, поразмыслив немало, я пришла к выводу, что не мое это дело. В конце концов, Майя после стольких лет молчания сама рассказала мне о своей тайне, *ей и решать*, стоит ли делиться со всеми остальными сестрами. С какой же стати мне вмешиваться?

Определившись с этим непростым для меня выбором, я немедленно включила свой мобильник и проверила поступившие эсэмэски. И сразу мое лицо расплылось в улыбке, как только я прочитала первое сообщение, поступившее от Тео.

«Моя дорогая Алли. Страшно скучаю по тебе. Избитая фраза, но это правда».

Я тут же ответила:

«Я тоже скучаю, несмотря на всю банальность моего ответа».

Потом я приняла душ и заторопилась к Майе. Мне очень хотелось немедленно же рассказать ей о своей новообретенной любви, но я снова сдержала себя. Теперь не время. После стольких лет одиночества Майя наконец встретила свою любовь, она счастлива. Так пусть и насладится этим моментом сполна. А моя исповедь подождет другого раза.

За ужином Майя объявила нам, что завтра снова улетает в Бразилию.

— Жизнь у каждого одна. Правда, Ма? — обратилась она к Марине, усаживаясь за стол. Она вся просто светилась от счастья. Еще никогда я не видела Майю такой красивой.

— Все правильно, — согласилась с ней Ма. — Если минувшие несколько недель чему-то и научили всех нас, то именно пониманию этой простой истины. Жизнь лишь одна.

— Больше я не стану прятаться от людей, — сказала Майя, поднимая свой бокал. — Даже если это в итоге не сработает, все равно хоть попробую жить по-новому.

— За новое начало в твоей жизни, — провозгласила я, поднимая бокал, и с улыбкой глянула на сестру. — За тебя, Майя.

9

Мы с Мариной долго махали руками вслед уплывающей от нас Майе и посылали воздушные поцелуи, наблюдая за тем, как катер все дальше уносит сестру от берегов Атлантики.

— Я так рада за нее, — промолвила Ма, украдкой вытирая слезы с глаз, когда мы с ней повернулись, чтобы идти домой. На кухне за чашечкой чая мы еще немного поболтали о Майе и о ее тяжелом прошлом. А также о тех радужных перспективах, которые открылись перед ней сейчас. Судя по высказываниям Ма, ее отношение к Зеду Эсу тоже было крайне отрицательным.

Допив чай, я извинилась перед Ма и сказала, что мне надо проверить свою электронную почту.

— Можно я займусь этим в папином кабинете? — спросила я. Все мы знали, что именно там самый лучший интернет-сигнал в доме.

— Конечно. Отныне кабинет Па Солта всецело в вашем распоряжении, — сказала Ма и грустно улыбнулась.

Я быстро сбегала к себе наверх за ноутбуком и направилась в кабинет отца. Распахнула дверь. Все как всегда... Стены, отделанные дубовыми панелями, удобная антикварная мебель. Я осторожно уселась в папино кожаное кресло и положила на письменный стол из орехового дерева свой ноутбук. Подключила интернет и стала ждать, когда он загрузится, вращаясь в кресле и бесцельно разглядывая обилие самых разных предметов, которые отец хранил на полках. На первый взгляд, между всеми этими вещами не было ничего общего. Просто какие-то разрозненные предметы, обычные сувениры, привезенные Па Солтом из дальних странствий. Потом я сосредоточилась на изучении книжных полок, занимавших полностью

одну стену и протянувшихся от пола и до самого потолка, мысленно прикидывая, на какой из полок должна стоять та книга, о которой отец упомянул в своем письме. Взгляд мой выхватил томик Данте, примостившийся между Диккенсом и Шекспиром. Рядом стояли книги Сартра. Я поняла, что все книги в библиотеке отца расставлены в алфавитном порядке. Собрание было довольно эклектичным, но поражало разнообразием вкусов и пристрастий, собственно, таким разнообразным и многосторонним человеком был и сам отец.

Мой ноутбук раскапризничался и сообщил мне, что он решил отключиться, не успев открыться. Пришлось снова ждать, пока он осуществит перезагрузку. Я поднялась с кресла и подошла к CD-проигрывателю. Все мы, сестры, многократно уговаривали отца купить себе более современную технику, перейти на айпод, к примеру. Но отец, несмотря на то что его кабинет был оснащен самыми современными компьютерами и новейшими электронными системами связи, был непреклонен. Говорил, что уже слишком стар, чтобы менять свои привычки. К тому же, по его словам, он привык не столько слушать, сколько «видеть» исполняемую музыку. Я включила проигрыватель. Интересно, что папа слушал в последний раз, незадолго до своей смерти? Комната тотчас же наполнилась величественными аккордами начальных тактов пьесы Грига «Утреннее настроение» из его музыки к драме Ибсена «Пер Гюнт».

Я замерла на месте. Волна воспоминаний накрыла меня с головой. Эта пьеса была одной из самых любимых папиных мелодий, и он часто просил меня наиграть ее на флейте. Собственно, тема «Утреннего настроения» стала сквозной темой всего моего детства. И вот эта изумительная музыка снова напомнила мне о тех незабываемых рассветах и восходах солнца, которые мы встречали вместе с отцом, когда отправлялись плавать по озеру и Па Солт учил меня, как надо управлять яхтой.

Как же мне сегодня не хватает отца!

И как мне не хватает еще одного человека.

Между тем музыка росла и ширилась, заполняя все пространство комнаты своими прекрасными звуками. Я инстинктивно сняла трубку с папиного телефона, стоявшего на письменном столе, намереваясь позвонить.

Прежде чем начать набирать номер, я поднесла трубку к уху и поняла, что кто-то уже разговаривает по телефону на другом конце дома. Линия занята.

И в ту же минуту испытала самый настоящий шок, услышав интонации, знакомые мне с детства. Не может быть! Тот же самый голос, который, можно сказать, с колыбели утешал и успокаивал меня. Сама не понимая, что делаю, я вклинилась в чужой разговор.

— Алло! — громко крикнула я в трубку и тут же отключила проигрыватель, чтобы окончательно убедиться в том, что это был его голос.

Но на другом конце провода слышались лишь короткие гудки, и я поняла, что он ушел.

Я плюхнулась в кресло, тяжело дыша, потом вскочила с места и ринулась в холл, стала громко звать Ма. На мои крики из кухни выбежала Клавдия. При виде экономки я истерично разрыдалась, а когда на лестнице появилась переполошившаяся Ма, опрометью бросилась к ней.

— Алли, милая! Ради бога! Что случилось?

— Я... я только что слышала его! Ма, я слышала его!

— Кого, милая?

— Па Солта! Он разговаривал по телефону. А я в этот момент сняла трубку, чтобы набрать один номер. О боже! Папа не умер! Он жив!

— Алли! — Я перехватила испуганные взгляды, которыми обменялись Марина и Клавдия. Потом Ма обняла меня за плечи и повела в гостиную. — Дитя мое, пожалуйста! Попытайся успокоиться.

— Как я могу успокоиться? Я всегда знала... я чувствовала, что папа не умер. Что он сейчас где-то скрывается, и кто-то из тех, кто обитает в этом доме, разговаривал с ним... Да! Разговаривал! — Я бросила на Ма обличающий взгляд.

— Алли, поверь мне. Я не сомневаюсь в том, что ты слышала папин голос, но этому есть вполне простое объяснение.

— Какое объяснение, хотела бы я знать?

— Действительно несколько минут тому назад раздался звонок, но я услышала его слишком поздно и не успела снять трубку, чтобы ответить. А потому включился автоответчик. Ты услышала папин

голос, но это было то сообщение, которое он оставил на своем автоответчике. Только и всего.

— Но я же сидела рядом с телефоном и не слышала никакого звонка!

— Да у тебя музыка гремела на всю мощь, Алли! Слышно было даже в моей комнате наверху. Неудивительно, что ты не расслышала обычный телефонный звонок.

— То есть это не ты разговаривала с ним, да? А может, Клавдия? — ухватилась я за последнюю надежду.

— Алли, понимаю, тебе сейчас хочется услышать от меня совсем другие слова, но я, к великому огорчению, вынуждена еще раз повторить: это был автоответчик. Не веришь? Убедись в этом сама. Позвони на наш домашний номер со своего мобильного, и ты услышишь папин голос. Ну же! Ступай! — почти в приказном порядке обратилась ко мне Марина.

Я смутилась. Мое смущение еще более усилилось при мысли о том, как бестактно я себя повела, фактически обвинив Марину и Клавдию в том, что они мне солгали.

— Нет, зачем же? Я тебе верю, Ма, — виновато пробормотала я. — Просто... просто мне *хотелось*, чтобы это был папа. Чтобы он был жив... А вся эта ужасная ситуация оказалась обычной ошибкой... недоразумением...

— О, как нам всем, Алли, хотелось бы, чтобы это была всего лишь ошибка. Увы-увы! Но папы больше нет, и никому из нас не под силу воскресить его.

— Знаю... да... это так. Прости меня, Ма.

— Тебе не за что извиняться, милая. Что я могу для тебя сделать?

— Ничего не надо, — проговорила я убитым голосом, поднимаясь со своего места. — Пойду позвоню.

Марина улыбнулась мне, проводив сочувственным взглядом. А я снова вернулась в папин кабинет. Уселась за его письменный стол и стала пристально разглядывать телефонный аппарат. Потом сняла трубку и набрала номер мобильного Тео. Там был включен режим голосовой почты. Я не стала оставлять сообщений. Хотелось поговорить с живым человеком, а не с машиной. Я положила трубку на рычаг и уже собралась уходить.

Но тут вспомнила, что хотела поискать ту книгу, которую рекомендовал мне почитать Па Солт. Поднялась с кресла, быстро пробежала глазами корешки книг на букву Н и буквально за считанные секунды отыскала на полке нужную мне книгу.

Grieg, Solveig og Jeg
En biografi av Anna og Jens Halvorsen
Jens Halvorsen

Что-то биографическое, поняла я, прочитав слова, написанные на чужом языке, взяла книгу и положила ее перед собой на стол.

Книга была старой, с пожелтевшими страницами. Бумага тоже от времени стала совсем хрупкой. Год издания — 1907-й, ровно сто лет тому назад. Имея музыкальное образование, я легко поняла те отсылки, которые сделал неизвестный мне мистер Халворсен. Сольвейг — это героиня знаменитой поэмы и одноименной пьесы Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Музыка к этому произведению для его сценического воплощения написал еще один знаменитый норвежец — композитор Эдвард Григ. Я перевернула страницу. В предисловии разобрала только слова «Пер Гюнт» и «Григ». Пролистала еще несколько страниц в поисках знакомых слов, тщетно. Скорее всего, книга написана на норвежском языке, родном языке Грига и Ибсена. Мне этот язык совершенно не знаком.

подавив разочарованный вздох, я принялась листать дальше и очень скоро обнаружила черно-белую фотографию хрупкой молодой женщины в сценическом костюме деревенской девушки. Под фотографией стояла подпись: «*Anna Landvik som Solveig, сентябрь 1876*». Я внимательно изучила фотографию и пришла к выводу, что некая таинственная особа по имени Анна Ландвик была запечатлена на этой фотографии в очень юном возрасте. Под густым сценическим гримом проступало личико совсем еще молоденькой девушки, почти подростка. Я просмотрела и другие фотографии, на которых Анна Ландвик уже была постарше. Потом увидела знакомое лицо Грига и долго разглядывала фотографию, на которой Анна Ландвик была запечатлена возле концертного рояля, а на заднем фоне виднелась фигура Эдварда Грига, который стоя аплодировал ей.

Было и множество других фотографий незнакомых мне людей. Красивый молодой человек, судя по фамилии, автор книги, запечатлен сидящим рядом с Анной, которая держит на руках маленького ребенка. Традиционный семейный снимок. Раздосадованная тем, что языковой барьер не позволит мне узнать никаких дополнительных сведений обо всех этих людях, я тем не менее почувствовала, как во мне просыпается живейшее любопытство. Нет, эту книгу нужно обязательно перевести. Поговорю с Майей. Она же у нас переводчик. Наверняка посоветует мне кого-то из своих знакомых, кто сможет помочь.

Учитывая мои музыкальные способности, почему бы и не предположить, что кто-то из моих предков имеет какое-то отношение к прославленному композитору, к тому же самому любимому? Сама мысль о возможном родстве с Григом возбуждала. Не поэтому ли Па Солт так обожал музыку Грига к «Пер Гюнту»? Может быть, именно потому, что эта музыка имеет самое непосредственное отношение ко мне, он так часто ставил мне ее для прослушивания.

И снова я расстроилась, вспомнив, что папы больше нет и некому задать вопросы, на которые у меня пока нет ответов.

— С тобой все в порядке, милая?

Погруженная в свои невеселые мысли, я вздрогнула и подняла голову. В дверях стояла Ма.

— Все в порядке, Ма.

— Читала?

— Да.

Я положила руку на книгу, словно пытаюсь спрятать ее от посторонних глаз.

— Зашла пригласить тебя на ланч. Клавдия накрыла стол на веранде.

— Иду. Спасибо, Ма.

* * *

С аппетитом уплетая салат с козьим сыром и запивая его охлажденным белым вином, я снова, уже в который раз, извинилась перед Ма за свою нелепую истеричную выходку.

— Повторяю, тебе не в чем передо мной извиняться, — успокоила меня Ма. — Лучше расскажи о себе, Алли. Про Майю мы уже все знаем. Теперь твоя очередь. По тебе вижу, в твоей жизни тоже случилось что-то очень хорошее. Глаза горят, ты стала совсем другой.

— В общем-то, да. Ты права, Ма. Я познакомилась с одним человеком.

— Я так и подумала! — улыбнулась в ответ Марина.

— Вот почему я когда умер папа, не отреагировала на все ваши эсэмэски и звонки. Я была тогда с этим человеком и попросту отключила свой мобильник, — выпалила я не задумываясь, чувствуя себя почти счастливой от того, что наконец-то призналась Ма во всем. — Прости меня, Ма... прости. Я поступила очень плохо и до сих пор чувствую себя виноватой.

— Что за глупости, Алли! Кто же мог знать, что все так случится?

— А в реальности получились самые настоящие американские горки. Никогда у меня еще не было таких стремительных перепадов: от состояния абсолютного счастья к такому же абсолютному, по-настоящему кромешному горю. И все сразу, и вместе, и так неожиданно. Я чувствую свою вину перед папой, что была так счастлива именно в тот самый момент, когда он умирал.

— Не думаю, что твой отец одобрил бы подобные настроения, милая. Не надо так говорить. Лучше расскажи мне о том молодом человеке, который наконец похитил твое сердце.

Я с готовностью поведала Ма все. Даже назвала Тео по имени, что сразу же подняло мне настроение.

— Так он и есть тот «единственный», кого ты ждала всю жизнь? Честно говоря, Алли, впервые ты говоришь о мужчине с таким воодушевлением.

— Да, думаю, Тео и есть «мой единственный». Между прочим, он уже сделал мне предложение.

— Боже мой! — воскликнула Ма, глядя на меня с изумлением. — А ты? Согласилась?

— Да! Хотя уверена, до нашей свадьбы еще очень далеко. И он подарил мне вот это. — Я извлекла из-под воротника блузки серебряную цепочку с кулоном от дурного глаза. — Понимаю, все произошло так непозволительно быстро, но у меня такое чувство, что мы оба поступили правильно. Ты ведь меня знаешь, Ма, я никогда не

страдала избыточным романтизмом. А потому и для меня все случившееся стало полнейшей неожиданностью.

— Конечно, я тебя хорошо знаю, Алли. Поэтому я сразу же поняла, что на сей раз у тебя все действительно очень серьезно.

— Между прочим, Тео очень напоминает мне папу. Как грустно, что Па Солт не успел познакомиться с ним лично. — Я вздохнула и отправила в рот очередную ложку салата. — Но давай, Ма, о другом. Как ты думаешь, папа и правда хотел, чтобы все мы отправились на поиски собственных корней?

— Полагаю, он прежде всего хотел снабдить каждую из вас всей необходимой информацией, которая, в случае чего, могла бы помочь вам. А уж вам самим решать, начинать эти поиски или нет.

— Что ж, на данный момент можно со всей определенностью констатировать, что папина информация очень помогла Майе. Занявшись поисками собственного прошлого, она неожиданно для себя самой встретила с будущим.

— Это правда, — согласилась со мной Ма.

— Что же до меня, то со своим будущим я уже определилась. А копаться в прошлом у меня пока нет никакого желания. Вполне возможно, в один прекрасный день такое желание и появится, но только не сегодня. Пока я хочу просто наслаждаться настоящим. Посмотрим, к чему все это приведет.

— И наслаждайся себе на здоровье. Надеюсь, вскоре ты привезешь Тео в Атлантис и познакомишь меня с ним.

— Обязательно, Ма! — улыбнулась я Марине, уже предвкушая момент такой встречи. — Обещаю!

* * *

Несколько дней домашней стряпни в великолепном исполнении Клавдии, крепкий, здоровый сон и не менее великолепная июльская погода, стоявшая на дворе, сделали свое дело. Я посвежела, отдохнула и стала гораздо спокойнее. Каждый день я отправлялась после обеда на озеро и гоняла на «Лазере» по несколько часов кряду, наслаждаясь тем, что просто плыву под парусом, не ставя перед собой никаких соревновательных целей. А когда солнце начинало клониться к закату,

я ложилась на днище яхты и предавалась мечтам о Тео. Почему-то я чувствовала особую близость к папе и к Тео именно в те минуты, когда оказывалась на воде. Постепенно, хоть и очень медленно, я стала привыкать, что папы больше нет. И хотя я заявила Марине, что не собираюсь заниматься изысканиями собственных корней, я тем не менее связалась по электронной почте с Майей и спросила, есть ли у нее на примете знакомый переводчик с норвежского. Она ответила, что таких знакомых у нее нет, но пообещала навести справки. И буквально через пару дней переслала мне контактные телефоны и адрес электронной почты некой Магдалены Йенсен. Я тут же позвонила ей, поговорила, все объяснила, и она с радостью согласилась сделать для меня перевод папиной книги. Откопировав обложку и фотографии на всякий непредвиденный случай (а вдруг книга потеряется?), я упаковала книгу и отправила ее по почте, оформив срочную доставку.

Складывая свои вещи в рюкзак и готовясь к отъезду на остров Уайт, неподалеку от английского побережья, я в какой-то момент ощутила неприятный холодок, пробежавший по моей спине при мысли о том, что ждет меня в ближайшем будущем. Соревнования Фастнет — это серьезный вызов. Тео набирал себе команду в двадцать человек буквально поштучно. Все без исключения — высококвалифицированные спортсмены с огромным опытом участия во всевозможных регатах. Лично мне еще не доводилось участвовать в соревнованиях такой сложности. Нужно будет постараться и выложиться на пределе собственных возможностей. А еще смотреть в оба и учиться, учиться и учиться. Невиданная честь, что Тео вообще пригласил меня участвовать на этих гонках.

— Собралась? — спросила Ма, когда я спустилась в холл с рюкзаком на спине и флейтой в руке. Тео попросил меня обязательно взять флейту с собой. Судя по всему, он был вполне искренен, когда говорил, что ему нравится моя игра.

— Да, готова к отъезду.

Ма привлекла меня к себе и крепко обняла, и в ее ласковых объятиях я почувствовала себя такой защищенной и уверенной в себе. Вот что значит надежный тыл.

— Береги себя во время соревнований, милая. Договорились? — попросила меня она, когда мы уже вышли из дома и направились к пристани.

— Пожалуйста, не волнуйся за меня, Ма! Все будет хорошо, обещаю. Ведь у нас самый лучший капитан в мире. Тео сохранит мне жизнь в любых условиях.

— Тогда слушайся его во всем. Беспрекословно. Ты слышишь меня, Алли? Мне ли не знать, какая ты у нас упрямая?

— Буду слушаться, — снова пообещала я и кривовато улыбнулась. Надо же! Ма знает меня как свои пять пальцев.

— И будь все время со мной на связи, ладно? — прокричала она, когда Кристиан слегка оттолкнул катер от берега, а потом ловко запрыгнул на борт и забросил туда швартовы.

— Буду-буду! — прокричала я в ответ.

Включился мотор, и катер, резко набрав скорость, понесся по озеру. И в эту минуту я подумала, что действительно уношусь на нем в свое будущее.

10

— Привет, Алли!

Я уставилась на Тео в немом изумлении, застыв прямо на полдороге. Вокруг меня с двух сторон тек непрерывный поток пассажиров. Лондонский аэропорт Хитроу был, как всегда, переполнен.

— А ты что здесь делаешь?

— Ну и вопросыки у тебя! Можно подумать, что ты совсем не рада видеть меня, — прорычал он шутливо. После чего заключил в свои объятия, не обращая никакого внимания на пассажиров, пробиравшихся мимо нас, торопясь на выход.

— Конечно, я рада. Очень рада! — хихикнула я, как девчонка, когда он наконец разжал свои объятия, чтобы мы могли хватануть немного воздуха. Как всегда, Тео — сама предусмотрительность, и на сей раз он превзошел все мои ожидания. — Я думала, ты занимаешься своей «Тигрицей». Пошли! — Я немного отодвинулась от него. — Иначе мы тут самый настоящий затор устроим.

Мы вышли из терминала на стоянку такси.

— Запрыгивай! — скомандовал мне Тео и назвал водителю адрес.

— Надеюсь, такси не повезет нас напрямик до паромной переправы на остров Уайт? — спросила я, устраиваясь на сиденье. —

Это же бог знает сколько миль отсюда.

— Какая сегодня переправа, Алли? Конечно, впереди нас ждут очень интенсивные тренировки по полной программе. Но я тут подумал, что совсем неплохо провести хотя бы одну ночь вместе, прежде чем я стану для тебя только «капитаном», а ты для меня — только «Ал». — С этими словами Тео снова крепко обнял меня. — Страшно соскучился, любимая, — прошептал он мне на ухо.

— Я тоже, — ответила я, перехватив взгляд таксиста, который ухмылялся, разглядывая нас в зеркале заднего вида.

К моему несказанному удивлению и радости, такси остановилось возле отеля «Кларидж», где Тео заказал номер на двоих. Мы провели божественных полдня и полночи, наверстывая упущенное. Ночью, прежде чем включить свет, я глянула на спящего Тео, жадно впитывая в себя каждую черточку его лица. И подумала: с ним я пойду куда угодно. Хоть на край света.

* * *

— Мы должны нанести один визит, прежде чем отправимся в Саутгемптон, — заявил Тео на следующее утро, когда мы уминали свой завтрак прямо в постели.

— Да? И кого же, интересно, мы обязаны навестить?

— Мою мать. Я ведь говорил тебе, что мама живет в Лондоне. И ей просто не терпится поскорее познакомиться с тобой. А потому приподними-ка свою совершеннейшей формы попку с постели и начинай приводить себя в порядок, пока я буду принимать душ.

Я мгновенно вскочила с кровати и принялась лихорадочно рыться в своих пожитках. Как-никак, а впереди меня ждала встреча с будущей свекровью. Нельзя ударить в грязь лицом, разволновалась я не на шутку, обнаружив в своем багаже лишь джинсы, пару свитеров да пару кроссовок, которые я прихватила с собой для тех редких вечеров, которые мы, предположительно, будем проводить на суше. В остальное же время я буду с головы до пят упакована в водонепроницаемый комбинезон.

Потом я ринулась в ванную комнату проверить свою косметичку: ни помады, ни пудры. Только банные принадлежности. Судя по всему,

всю свою косметику я благополучно оставила в Атлантисе.

— У меня даже помады с собой нет! — прокричала я Тео через дверь в душевую.

— Алли, ты же знаешь, я люблю тебя в твоём естественном состоянии, без всяких там дополнительных украшательств, — ответил Тео, возникая из клубов пара, заполнивших душевую кабинку. — Терпеть не могу женщин, которые злоупотребляют макияжем. Однако хватит разговоров. Попрошу вас, мадам, проследовать в душ. У нас времени в обрез.

Минут сорок спустя, когда мы на такси исколесили самый настоящий лабиринт из улиц и улочек, Тео объявил, что мы прибыли в лондонский район под названием Челси. Таксист остановил машину рядом с красивым белокаменным домом. Типичный таунхаус, в котором у каждой квартиры есть отдельный зелёный дворик и гараж. Преодолев три мраморные ступеньки, мы оказались возле парадной двери, украшенной по обе стороны каменными вазами, в которых благоухали гардении.

— Вот мы и дома! — воскликнул Тео, извлекая из кармана ключ и отмыкая парадную дверь. — Мама! — окликнул он, входя в холл. — Ты где?

Я зашла следом. Мы миновали узкий коридорчик и оказались в просторной светлой кухне. Доминирующее место в ней занимали большой деревенский стол из дуба и массивный кухонный буфет. Открытые верхние полки были заставлены разноцветной керамикой.

— Я здесь, дорогой! — откликнулся женский голос через открытое французское окно.

Мы вышли на каменную террасу. Хрупкая женщина с темно-русыми волосами, собранными в короткий конский хвост, подрезала розы в крохотном палисаднике, вдоль стен которого протянулось множество обильно цветущих розовых кустов.

— Моя мама выросла в деревне и всю свою жизнь настойчиво пытается воссоздать деревенский уют в центре Лондона, — заметил Тео, глядя влюбленным взглядом на женщину, которая, оторвавшись от своей работы, подняла глаза, а увидев нас, приветливо улыбнулась.

— Привет, мой дорогой. Здравствуйте, Алли.

Она направилась к нам, разглядывая меня по пути внимательным взглядом своих ярко-васильковых глаз, таким же острым и

наблюдательным, как и у ее сына. Я подумала, что у Тео очень красивая мать. Такая немного кукольная красота, нежная кожа, голубые глаза. Словом, типичная английская роза.

— Я уже столько о вас слышала, Алли, что мне кажется, будто я вас давно знаю, — промолвила она, целуя меня в обе щеки.

— Здравствуй, мамочка! — поздоровался Тео и обнял мать. — Прекрасно выглядишь.

— Правда? А я как раз утром занималась тем, что подсчитывала седые волосы на своей голове. — Она шутливо вздохнула. — К сожалению, старость неизбежна. Итак, что будем пить?

— Быть может, чашечку кофе, а? — Тео бросил на меня вопросительный взгляд.

— С удовольствием, — тут же согласилась я и шепотом поинтересовалась у него, пока мы шли вслед за его матерью в дом: — А как зовут твою маму? Думаю, мне пока рано называть ее мамой.

— Ой, прости! Совсем забыл представить! Маму зовут Селия. — Тео взял меня за руку и слегка пожал ее. — Ты в порядке?

— Да, все хорошо.

За кофе Селия расспрашивала обо мне. Когда я рассказала ей о смерти Па Солта, она сочувственно сказала:

— Не думаю, что вообще можно оправиться после смерти отца или матери. Особенно если речь идет о дочери, настолько привязанной к своему отцу. Помню, я была безутешна, когда умер мой отец. Единственное, Алли, что может произойти со временем, — это то, что постепенно вы смиритесь с утратой. Но для вас пока еще слишком рано говорить об этом. Прошло ведь совсем мало времени. Надеюсь, мой сын не заставляет вас трудиться как каторжную, — добавила она, скользнув взглядом по Тео.

— О нет, Селия, ничего подобного, — заверила я ее. — Но если честно, то без работы мне было бы еще хуже. Слоняться бесцельно по дому и растревлять себе душу... Нет уж! Предпочитаю с головой окунуться в работу.

— А вот лично я буду несказанно рада, когда эти ваши соревнования Фастнет закончатся. Со временем, когда у вас появятся собственные дети, вы, думаю, меня поймете. У меня всякий раз, когда Тео отправляется на очередную регату, душа уходит в пятки от страха за него.

— Но мамочка! Разве ты забыла? Я уже дважды участвовал в этих гонках, — возмутился Тео. — И потом, ты же прекрасно знаешь, чем я занимаюсь.

— Селия, он великолепный капитан, — подала я свой робкий голос и добавила: — Это правда. Его команда всегда готова ради него на все.

— Да, я знаю, он прекрасный яхтсмен, и я горжусь им. Но видит бог, как бы я хотела, чтобы он в свое время избрал себе другую профессию. Стал бы, например, бухгалтером или каким-нибудь брокером на фондовой бирже. Нашел бы себе дело поспокойнее, не сопряженное с таким количеством опасностей и риском.

— Перестань, мама. Что это на тебя вдруг нашло? Обычно ты так не волнуешься. Мы ведь с тобой уже сто раз обсуждали все это. И я тебе сто раз повторял, что могу в любой день перевернуться в автобусе или погибнуть в автомобильной катастрофе. Никто ни от чего не застрахован. К тому же вспомни! Ты ведь сама научила меня ходить под парусом. Забыла? — ласково напомнил матери Тео.

— Прости меня, Тео. Прости! Все! Я умолкаю! Это, наверное, старость виновата. С возрастом всякие мрачные мысли сами собой лезут в голову. Кстати, о мрачном... Давно ты виделся или перезванивался с отцом? — поинтересовалась Селия у сына, и в ее голосе моментально послышались резкие нотки.

Прошло несколько секунд, прежде чем Тео ответил матери:

— Отец недавно прислал мне письмо по электронной почте. Сообщил, что сейчас отдыхает на своей вилле на Карибах.

— В одиночестве? — Селия картинно вскинула одну бровь.

— Понятия не имею. Если честно, это меня мало волнует, — отрубил Тео и тут же перевел разговор на другое. Стал расспрашивать мать, куда она собирается отправиться на отдых в августе. За границу? Или будет отдыхать в Англии?

Я тихонько слушала, как мать с сыном обсуждают ближайшие планы Селии. Неделя на юге Франции, а ближе к концу месяца несколько дней в Италии. По тому, как непринужденно и легко лилась их беседа, было понятно: эти двое не просто любят, они обожают друг друга.

Спустя час, когда Тео осушил уже вторую чашку кофе, он неохотно посмотрел на свои часы.

— Нам пора, мамочка.

— Уже? А я думала, вы останетесь на ланч. Я сейчас мигом сварганю какой-нибудь вкусенький салат. Пару минут, и все будет готово.

— Нет, мамочка! Нет! Извини... На пять часов у нас назначен сбор команды на борту яхты. Негоже, если капитан припозднится и покажет дурной пример своему экипажу. Поэтому мы сейчас прямо на вокзал. Надо успеть на поезд на двенадцать тридцать. — Тео поднялся из-за стола. — Отлучусь на пару минут в ванную и жду вас в холле.

— Я очень рада познакомиться с вами, Алли, — сказала мне Селия, когда за Тео закрылась дверь. — Когда он сказал мне, что вы и есть та единственная женщина, которую он мечтал встретить всю свою жизнь, помню, я даже немного разнервничалась, что и понятно, впрочем. Ведь Тео у меня единственный ребенок. Он все в моей жизни. Но сейчас, когда я увидела вас, я поняла: вы очень подходите друг другу.

— Спасибо, Селия, за ваши добрые слова. Мы действительно очень счастливы, — улыбнулась я в ответ.

Мы тоже встали со своих стульев и пошли в холл. Внезапно Селия положила свою руку на мою.

— Береги его, девочка, ладно? Тео, как мне кажется, никогда не задумывается об опасностях.

— Я сделаю все, что будет в моих силах. Обещаю вам, Селия.

— Я...

Селия уже приготовилась сказать что-то еще, но в этот момент перед нами возник Тео.

— До свидания, мамочка. Обязательно позвоню тебе. И не волнуйся, если всю неделю соревнований мне будет не до звонков. Договорились?

— Постараюсь держать свои нервы в узде, — дрогнувшим голосом ответила Селия. — Приеду в Плимут. Буду встречать тебя на финише.

Я устремилась к выходу, решив проявить деликатность и не мешать сыну и матери попрощаться без свидетелей. Но успела заметить, как страстно припала мать к груди Тео, словно не желая отпускать его от себя. Тео осторожно высвободил себя из ее рук. Селия

вышла за нами на крыльцо и принялась махать нам вслед. На ее лице застыла напряженная улыбка.

Всю дорогу до Саутгемптона Тео был непривычно молчалив и погружен в собственные думы.

— С тобой все в порядке? — не выдержала я наконец, наблюдая за тем, как он задумчиво уставился в окно.

— Что-то меня мама волнует. Она сегодня была сама не своя. Обычно она такая жизнерадостная, веселая. Провожает меня с улыбкой на устах, чуть обнимет — и прощай! А тут...

— Мама тебя обожает.

— Я тоже ее очень люблю. Ведь это мама сделала меня тем, кем я стал. И она всегда приветствовала мои занятия парусным спортом. Наверное, просто *стареет*, — добавил он, слегка пожав плечами. — И потом, думаю, она так и не смогла оправиться после разрыва с отцом и их развода.

— Думаешь, она все еще любит его?

— Почти уверен в этом. Хотя это вовсе не означает, что этот человек ей *нравится*. Как такой может понравиться? Когда мама узнала о его бесконечных романах на стороне, она была просто убита... раздавлена... Для нее это стало таким унижением, что, несмотря на все свои чувства к отцу, она попросила его немедленно покинуть дом. Бедная мамочка! Он разбил ей сердце...

— Как ужасно!

— Да, хорошего мало. Думаю, в глубине души отец тоже все еще любит маму. Они оба страдают, живя врозь. Хотя ты же знаешь, здесь такая тонкая грань. От любви до ненависти, как говорится, всего один шаг. Наверное, жить с таким человеком — это все равно что жить с пьяницей. В какой-то момент понимаешь, что надо принимать решение: либо уходить от алкоголика, либо сходить с ума вместе с ним. От себя самих нам никуда не деться, верно? И никто не в состоянии помочь нам, как бы он или она сильно ни любили нас. Я прав?

— Да, прав.

Внезапно Тео схватил меня за руку.

— Обещай мне, что с нами такого никогда не случится! Слышишь меня, Алли?

— Никогда не случится! — воскликнула я с жаром.

Последние дни перед стартом были, как всегда, хлопотными, очень напряженными и до отказа заполненными всякими делами и заботами. Что и неудивительно. Репутация у Фастнета соответственная. Самые сложные и самые трудные гонки в мире, требующие от спортсменов исключительной технической подготовки. Согласно правилам проведения регаты, пятьдесят процентов экипажей, участвующих в соревнованиях, должны быть представлены яхтсменами, которые в течение последнего года принимали участие в парусных состязаниях на расстоянии до трехсот миль от берега. В первый же вечер, когда Тео собрал всю свою команду численностью двадцать человек на борту «Тигрицы», я поняла, что опыта у меня гораздо меньше, чем у остальных членов экипажа. Тео известен в мире спорта тем, что возвращает вокруг себя юные таланты, вот и на сей раз он включил в состав экипажа всех членов своей команды, участвовавших в регате Киклады. Но в остальном он не стал рисковать и укомплектовал экипаж лучшими из лучших, в буквальном смысле слова, сливками международного парусного спорта, поштучно отбирая каждую кандидатуру.

Маршрут предстоящих гонок был уже известен, предельно сложный и опасный. Мы должны будем обогнуть южное побережье Великобритании, пересечь Кельтское море и выйти к скале Фастнет в Ирландии, а потом вернуться назад в Плимут. Сильные западные и юго-западные ветра, опасные морские течения и в высшей степени непредсказуемые погодные условия — все это вместе уже не раз и не два выводило из строя множество яхт, участвовавших в соревнованиях в предыдущие годы. Все мы хорошо знали, сколько несчастных случаев произошло на этих гонках в прошлом. А потому никто из членов команды не пребывал в эйфории, и тем не менее все как один были решительно настроены на победу.

Мы вставали засветло и часами тренировались на воде, снова и снова повторяя все необходимые маневры, выкладывались по полной, проверяя на прочность каждого члена команды и ходовые качества яхты, которая пока производила впечатление просто совершеннейшего судна. Я видела, как порой Тео начинал злиться, особенно когда кто-то из спортсменов забывал о том, что у нас «командная игра», и начинал

тянуть одеяло на себя. Но при этом Тео никогда не терял выдержки, оставаясь предельно хладнокровным и уравновешенным. Каждый вечер за ужином детально разбирались тактика и стратегия поведения каждого члена экипажа, снова и снова анализировались любые мелочи, работающие на общее дело, после чего Тео, как правило, выступал с заключительным словом.

Помимо ежедневных тренировок на воде, у нас было несколько занятий по технике безопасности при внезапном погружении в воду. Мы отработывали навыки использования сложнейшего оборудования, которое гарантировало нашу безопасность на судне. Каждому из нас вручили личные передатчики для подачи сигнала бедствия и пеленгации соответствующих сигналов с тонущих судов, которые мы были обязаны постоянно носить при себе закрепленными на спасательных жилетах. Даже если мы не выходили в открытое море, все равно команда без устали трудилась на яхте, методично проверяя и перепроверя каждую деталь, каждый узел под бдительным оком Тео. Все подвергалось детальному осмотру: инструментарий, насосы, помпы и лебедки, снасти, тросы, канаты, все комплекты парусов.

Мало-помалу все мы, ведомые нашим вдохновенным лидером, сплотились в по-настоящему единый коллектив. И накануне соревнований наш корпоративный дух, *esprit de corps*, как говорится, был высок, как никогда. Перед стартом, назначенным на двенадцатое августа, Тео собрал нас после ужина для заключительной беседы, снова и снова настраивая экипаж только на победу. А за ужином все члены экипажа поднимались по очереди из-за стола и провозглашали здравицы в честь Тео.

Мы чувствовали себя в полной боевой готовности. Но, как всегда, нашлась и ложка дегтя в бочке меда: прогноз погоды на ближайшие несколько дней был неутешительным. Отвратительные погодные условия обещали нам синоптики.

— Я должен сейчас бежать на брифинг для капитанов, который проводят в Королевском яхт-клубе. Пока, дорогая. — Тео небрежно чмокнул меня в щечку, наблюдая за тем, как остальные члены команды медленно расходятся по своим комнатам. — Ты тоже ступай к себе в номер и прими горячую ванну. Подольше полежи, насладись теплом и комфортом. В ближайшие дни такого удовольствия ты будешь лишена начисто.

Я так и сделала. Долго нежилась в теплой пенной воде. Но, когда вышла из ванной и глянула в окно, я увидела, как сильный ветер гоняет волны в бухте, как швыряет двести семьдесят одну яхту, заявленную для участия в гонках. Я вдруг невольно почувствовала неприятную пустоту в желудке. Только шторма нам и не хватало, мелькнуло у меня. Вскоре вернулся Тео. Выражение его лица было озабоченным.

— Какие новости? — первым делом спросила я у него.

— К сожалению, новости хуже некуда. Прогноз погоды крайне неблагоприятный. Ужасный, я бы сказал. Устроители гонок вообще подумывают о том, чтобы перенести старт соревнований на другой день. Синоптики предупреждают о сильных штормовых ветрах. Честно, Алли, я чувствую себя полностью раздавленным.

Тео плюхнулся на стул. Вид у него был действительно очень расстроенный. Я подошла и стала массировать его плечи.

— Тео, вспомни, это всего лишь гонки.

— Я это помню. Но выиграть Фастнет — это всегда было моей мечтой. Пожалуй, победный финиш мог бы стать вершиной моей спортивной карьеры. Ведь мне уже тридцать пять, Алли. Не буду же я гонять под парусом до глубокой старости. Будь оно все неладно! — воскликнул Тео и с размаха стукнул кулаком по ручке стула. — Но почему именно в этом году? Почему?!

— Подожди расстраиваться раньше времени. Посмотрим, что принесет нам завтрашний день. Сам знаешь, синоптики часто ошибаются.

— Синоптики — да, а вот погода — нет. — Тео со вздохом махнул рукой в сторону окна, за которым виднелось небо, укрытое сплошной пеленой свинцовых туч. — В одном ты права. Мне не под силу что-то изменить. В любом случае завтра в восемь утра организаторы соревнований созвонятся со всеми капитанами яхт и сообщат нам о своем решении, будут они переносить старт или нет. Так что сейчас моя очередь принять горячую ванну и пораньше завалиться спать.

— Пойду приготовлю тебе ванну.

— Спасибо. И вот еще что, Алли.

— Что? — Я повернулась уже на полпути в ванную комнату.

Тео глянул на меня с улыбкой.

— Я люблю тебя.

Худшие опасения Тео оправдались. Впервые за восемьдесят три года проведения гонок Фастнет начало соревнований было перенесено. За обедом в королевском яхт-клубе члены команды уныло ковыряли вилками в своих тарелках и все время поглядывали в окна. А вдруг произойдет чудо и небо прояснится? И тогда утром следующего дня будет принято другое решение. После ланча мы с Тео в самом скверном расположении духа снова потащились к себе в отель, расположенный на самом берегу залива.

— Постепенно погода наладится, Тео, вот увидишь, — сказала я, стараясь хоть как-то приободрить его.

— Алли, я уже прошерстил все возможные сайты с информацией о погоде. Не говоря о том, что лично связывался с метеоцентром. Все прогнозы неутешительные. В ближайшие несколько дней это безобразие сохранится в полном объеме. А если соревнования все же начнутся, то дойти до финиша в таких погодных условиях будет невыносимо трудно. В любом случае, — он вдруг широко улыбнулся, глянув на меня, — у нас появилось время принять еще одну горячую ванну.

Воскресным вечером мы решили никуда не ходить и отужинать в ресторане отеля. Настроение было хуже некуда. Напряжение буквально витало в воздухе. Тео даже заказал себе бокал вина. Обычно перед началом соревнований он никогда не позволял себе подобных вольностей. Но как бы то ни было, а вино подействовало благотворно. Мы немного расслабились и к себе в номер вернулись заметно успокоившимися. В эту ночь Тео занимался любовью с особой страстью, жадно и ненасытно. Потом в изнеможении откинулся на подушки и привлек меня к себе.

Я уже стала дремать, как вдруг услышала, как он позвал меня:

— Алли.

— Что?

— Если завтра все будет нормально, мы выходим в море. Впереди нас ждут очень серьезные испытания. Еще раз напоминаю тебе обещание, которое ты мне дала на нашем острове любви. Если я прикажу тебе покинуть яхту, ты беспрекословно подчинишься своему капитану.

— Но Тео! Я ведь...

— Я говорю серьезно, Алли. Я не могу взять тебя на борт яхты до тех пор, пока не буду абсолютно уверен в том, что ты выполнишь мой приказ.

— Конечно, выполню! — Я слегка пожала плечами. — Ведь ты же мой капитан. Я обязана подчиняться твоим приказам.

— И снова повторяю. Это никак не связано с тем, что ты женщина. Или что я хоть на самую малость усомнился в твоём профессионализме. Просто я очень люблю тебя.

— Я знаю.

— Вот и прекрасно! Спокойной ночи, любовь моя.

Рано утром пришла хорошая новость. Гонки Фастнет все же стартуют. На вторые сутки после запланированного на вчерашний день старта Тео обзвонил всех членов экипажа и немедленно отправился на яхту. Передо мной был прежний Тео, сосредоточенный, энергичный, всецело поглощенный предстоящим началом соревнований.

Часом позже я вместе с остальными ребятами присоединилась к нему на борту «Тигрицы». Несмотря на то что яхты стояли пришвартованными в акватории бухты, ветер продолжал трепать их с неистовой силой, раскачивая в разные стороны. Яхты то и дело стукались бортами друг о друга, а набегающие с моря волны окатывали палубу до самых верхушек мачт.

— Вот так погода, Господи Иисусе! — пробормотал Роб. И в эту минуту раздался выстрел стартового пистолета — сигнал к началу гонок. Мы замерли в напряженном ожидании своей очереди. — А ведь мог бы сейчас преспокойненько плавать себе вокруг Карибских островов на какой-нибудь роскошной яхте, взятой напрокат. Никаких тебе штормов, никаких волн.

Тео собрал нас всех на палубе, чтобы сделать общий групповой снимок экипажа: «В добрый путь!» *Bon voyage*, пожелали мы друг другу.

Даже самые опытные яхтсмены в составе нашей команды заметно позеленели, когда мы наконец вышли за пределы бухты. Море штормило, вскипая под сильнейшими порывами ветра в густую холодную пену. За считанные доли секунды мы промокли насквозь.

Все последующие восемь часов прошли в непрекращающейся борьбе со стихией. Ветер лишь усиливался. Но все это время Тео сохранял хладнокровие, оставаясь невозмутимым и спокойным. Перемещаясь по яхте под сплошными потоками холодной воды, обрушивающимися сверху, он без остановки раздавал команды членам экипажа, приказывая вести яхту точно по курсу и ни в коем случае не сбавлять скорость. Раз десять, если не больше, мы рифовали и разрифывали паруса, приспособливаясь к постоянно меняющимся погодным условиям. Вдруг откуда ни возьмись на яхту обрушился шквалистый ветер порядка сорока узлов в час. И все время нас безжалостно хлестал косой и холодный дождь.

Двоих из команды, в том числе и меня, отправили в первый день гонок нести вахту на камбузе. Мы изо всех сил старались хоть как-то подогреть суп, используя для этой цели специальную плитку на карданном подвесе, которая при любой качке стабильно удерживает все горшки и кастрюли на одном уровне, но нашу яхту бросало из стороны в сторону и кренило набок с такой силой, что содержимое кастрюль разлеталось в разные стороны, обдавая и нас паром и кипятком. Риск получить самые настоящие ожоги был слишком велик, а потому мы отказались от мысли приготовить первое и просто разогрели в микроволновке заранее приготовленные пакеты с едой. Члены экипажа подкреплялись по очереди. Приходили, трясясь от холода в своих защитных комбинезонах, не имея даже сил, чтобы скинуть их с себя на то короткое время, которое отводилось на обед. Но по их благодарным взглядам я чувствовала и понимала, как никогда, что на соревнованиях важно все, в том числе и самый минимальный домашний уют, особенно ценный в сравнении с тем, что творилось наверху, на палубе.

Тео пришел обедать в составе последней смены. Быстро поглощая свою порцию, он попутно рассказал мне, что ряд экипажей, участвующих в гонках, приняли решение переждать непогоду, пришвартовавшись в разных портах вдоль южного побережья Великобритании.

— Ситуация только усугубится с наступлением темноты и когда мы покинем Ла-Манш и выйдем в Кельтское море, — добавил Тео, бросив взгляд на часы. Было уже восемь вечера. Стало смеркаться.

— А что думают ребята? — спросила я у него.

— Все за то, чтобы продолжить гонки и двигаться дальше. Я тоже думаю, что нашей яхте под силу выдержать подобное испытание.

В этот момент «Тигрицу» тряхнуло и швырнуло на правый борт с такой силой, что мы оба свалились со своих скамеек, а я даже вскрикнула от боли, ударившись животом о край стола. Тео, который, как я искренне верила, мог ходить даже по волнам, с трудом поднялся с пола.

— Ладно! — пробормотал он, глянув на меня, скрючившуюся пополам от боли. — Как ты правильно заметила накануне, это всего лишь гонки. А потому держим курс на порт.

И прежде чем я успела что-то возразить, он помчался наверх, перескакивая сразу через две ступеньки.

Часом позже наша яхта вошла в порт Уэймут. Все мы промокли до нитки, несмотря на свои высокотехнологичные водонепроницаемые костюмы. К тому же страшно устали. Бросив якорь и спустив паруса, мы принялись проверять оборудование, нет ли каких повреждений, вызванных столь трудным переходом. Потом Тео собрал нас всех в кают-компанию. Мы сгрудились в тесном помещении, сидя чуть ли не на головах друг у друга. Облаченные в ярко-оранжевую форму, мы в эту минуту были очень похожи на полумертвых омаров, попавших в рыбацкую сеть.

— Ночной переход в такую штормовую погоду крайне опасен, — начал Тео, — и я не стану рисковать вашими жизнями. Но есть и хорошая новость. Практически все яхты, участвующие в гонках, тоже встали на прикол. Так что у нас еще есть шанс не превратиться в аутсайдера соревнований. Сейчас Алли и Мик приготовят нам на ужин пасту. А пока они будут заниматься стряпней, вы все по очереди примите душ. Снимаемся с якоря с восходом солнца. Кто-то вскипятит воду, чтобы заварить нам по чашечке чая на дорогу. Надо хоть немного согреться, прежде чем выходить в море. Нам потребуется вся наша смекалка и опыт, чтобы должным образом справиться с тем, что ждет нас завтра.

Мик и я с трудом распрямили ноги и, слегка пошатываясь, снова проследовали на камбуз. Пока я выкладывала на большую сковороду пасту и готовые, слегка разогретые колбаски, Мик занялся чаем. Я с наслаждением отхлебнула из своей чашки, чувствуя, как горячая

жидкость мгновенно разлилась по всему телу вплоть до окоченевших пальцев ног.

— Пожалуй, я бы не отказался пропустить глоток-другой и чего-нибудь покрепче, — бросил мой напарник. — Теперь-то ты, надеюсь, понимаешь, почему в былые времена моряки так налегали на ром, правда?

— Эй, Ал, твоя очередь мыться, — позвал меня Роб.

— Я пока пропущу свою очередь, ладно? Пойду в числе последних.

— Хорошая девочка! — одобрительно хмыкнул он. — Тогда я пойду вместо тебя.

Наконец-то пробил мой звездный час, и мои весьма скромные кулинарные способности были оценены по достоинству. Еще никогда в жизни я не слышала столько похвал в свой адрес, как в тот вечер за ужином. Отужинав, мы перемыли всю пластиковую посуду, и ребята стали разбредаться кто куда в поисках места для ночлега. Яхта никак не была рассчитана на то, чтобы разместить на своем борту двадцать ночующих. А потому все устроились как кто смог. Кто-то улегся на скамьях, кто-то залез в свой спальный мешок и повалился в нем прямо на палубу.

Я пошла мыться последней, прикидывая по пути, сможет ли ледяная вода, а это все, что оставалось на тот момент в баке, хоть немного взбодрить меня. Или же, напротив, от такого душа мне станет еще хуже. Я наскоро ополоснулась, а выйдя на палубу, увидела, что меня поджидает Тео.

— Алли, мне надо поговорить с тобой.

Он взял меня за руку и снова повел в кают-компанию. Внутри царил страшная духота. Переступая через тела спящих, мы устроились в крохотном уголке, в котором были свалены в кучу навигационные приборы и карты. Этот уголок Тео гордо именовал своим кабинетом. Он жестом приказал мне сесть и взял за обе руки.

— Алли, веришь ли ты, что я люблю тебя?

— Конечно, верю.

— А веришь ли ты, что я считаю тебя первоклассным яхтсменом?

— Вот в этом я не вполне уверена! — Я вымученно улыбнулась. — Но почему ты спрашиваешь?

— Потому что я снимаю тебя с соревнований. Через несколько минут за тобой подойдет ялик. Тебе уже зарезервировали койку на берегу и завтрак. Прости, но иначе я не могу.

— Что не можешь?

— Не могу рисковать тобой и дальше. Прогноз погоды на ближайшее время ужасный. Я уже переговорил с капитанами многих яхт. Некоторые вообще хотят сойти с дистанции. Думаю, наша «Тигрица» справится, но я не могу и дальше оставлять тебя на борту. Понимаешь?

— Нет, не понимаю! Почему меня? Почему не кого-то другого? — возразила я с горячностью.

— Потому что потому... Прошу тебя, дорогая, давай прекратим эти напрасные споры. Ты прекрасно знаешь почему. И потом. — Тео немного помолчал. — Если хочешь знать правду, то мне намного сложнее концентрироваться на обязанностях капитана, пока ты находишься на борту. Ты меня отвлекаешь от моей основной работы, понимаешь?

Я уставилась на него ошарашенным взглядом.

— Нет, не понимаю! Я... Пожалуйста, Тео! Разреши мне остаться, — взмолилась я.

— Нет и еще раз нет. У нас еще будут впереди совместные гонки. Надеюсь, не одна. Но на сей раз — нет! Многое ведь зависит не только от моря. Не будем рисковать понапрасну.

— Значит, тебе можно рисковать, а мне — нельзя, да? Тогда почему ты не последуешь примеру других? Раз они хотят досрочно прекратить соревнования, сделай так и ты!

Я чувствовала, как во мне нарастает злость по мере того, как я начинала осознавать всю серьезность той новости, которой Тео буквально огорошил меня.

— Потому что для меня, Алли, Фастнет — это судьба. И я никому не позволю сломать ее. Все! Разговор окончен. Ступай и собери свои пожитки. Шлюпка будет здесь с минуты на минуту.

— А мою судьбу, значит, можно ломать, да? Что ты хочешь сказать? Что это я ломаю твою судьбу, да? — Мне хотелось кричать от бессилия прямо ему в лицо, но вокруг спали уставшие ребята, и я боялась разбудить их. — А я ведь предназначена быть твоей защитницей. Это ты хоть понимаешь?

— Ты действительно сломаешь меня, если будешь ругаться и дальше, — резко оборвал меня Тео. — Собирай свои вещи, и попрошу на выход. Это приказ капитана. Приказываю подчиниться.

— Слушаюсь, капитан, — раздраженно ответила я, понимая, что должна смириться с собственным поражением.

Я отправилась паковать свой рюкзак, пребывая в полном бешенстве и сама до конца не понимая, за что и почему я так сильно разозлилась на Тео. Потом снова вскарабкалась на палубу. Вдалеке уже замелькали огоньки стремительно приближающегося ялика. Вот он подошел вплотную к корме, чтобы удобнее было спустить трап.

Я приготовилась покинуть яхту, даже не попрощавшись с Тео. Ухватив носовой фалинь, который сбросил мне шкипер с ялика, и закрепив его за крьюсов, пока сам ялик продолжал маневрировать вдоль борта яхты, я уже приготовилась поставить ногу на первую ступеньку трапа, но тут сверху меня ослепил свет фонарика.

— Тебе забронирована комната в гостевом доме «Варвик», — услышала я голос Тео.

— Хорошо, — бесстрастно ответила я, швырнув свой рюкзак в мечущуюся на волнах шлюпку, и сделала еще один шаг вниз. И в ту же минуту была схвачена крепкой рукой Тео. Вцепившись в мою руку железной хваткой, он приподнял меня к себе.

— Алли! Ради бога! Я люблю тебя! Я люблю тебя... — пробормотал он вполголоса, сжимая меня в своих объятиях и держа почти на весу, так что я едва касалась кончиками пальцев верхней ступеньки трапа. — Помни об этом всегда! Ладно?

Несмотря на всю злость и обиду на него, я почувствовала, что уже готова растаять и забыть все плохое.

— Буду помнить, — пообещала я и, взяв фонарик из рук Тео, посветила прямо ему в лицо, навеки запечатлев в своей памяти черты любимого. — Береги себя, дорогой, — прошептала я.

Тео неохотно разжал объятия, приготовившись отстегнуть фалинь, а я проворно спустилась вниз по трапу и запрыгнула в поджидавшую меня шлюпку.

Несмотря на трудный день и усталость, а измотаны мы все были сверх всяких сил — лично мне еще никогда не доводилось участвовать в столь экстремальных гонках, — всю ночь я промучилась без сна. В довершение всех неприятностей я впопыхах оставила свой мобильник

на борту яхты, тем самым лишившись на некоторое время возможности связаться с Тео напрямую. Я готова была убить себя за собственную расхлябанность и глупость. Возбужденно меряя шагами комнату, я разрывалась между все еще кипевшим во мне негодованием за то, что меня так бесцеремонно списали на берег, можно сказать, выставили вон, и почти животным страхом, который тут же овладевал мною, стоило мне лишь глянуть в окно. Свинцовые тучи неслись по небу куда-то вдаль, дождь, переходящий в ливень, хлестал как из ведра, образуя сплошную завесу над бухтой. А сквозь шум дождя долетал рев ветра невиданной силы. Все вокруг свистело и грохотало. Я отлично понимала, что значат эти гонки для Тео. Но понимала и другое. Не помешает ли ему страстное желание выиграть Фастнет любой ценой? Сумеет ли он сохранить умение профессионально оценивать ситуацию и делать из нее правильные выводы? Не изменит ли Тео его врожденная интуиция в угоду мальчишескому желанию победить во что бы то ни стало? Впервые я взглянула на море, что называется, открытыми глазами и увидела перед собой ревущую бездну, неуправляемую стихию, мощную, сокрушающую все на своем пути, способную раздавить и поглотить любого человека, словно щепку носимую по волнам.

Едва только занялся тусклый, угрюмый рассвет, как я разглядела в окно «Тигрицу». Она покидала бухту Уэймут, взяв курс на открытое море.

Я крепко сжала пальцами цепочку с кулоном, подарок Тео по случаю нашего обручения. Что я могла сделать? Чем помочь? Только пожелать доброго пути.

— До свидания, любовь моя, — прошептала я, неотрывно глядя в окно до тех пор, пока «Тигрица» не превратилась в маленькую точку, затерявшуюся среди свирепых морских волн.

Следующие несколько часов я провела в полном одиночестве, чувствуя себя полностью отрезанной от остального мира. Ну и что за смысл торчать мне здесь одной, дошло наконец до меня. Надо перебираться в Каус. Там располагается центр управления регатой Фастнет, там я хоть буду в курсе всех последних новостей, как говорится, из первых рук. Не надо будет выуживать данные из интернета. Я быстро побросала вещи в рюкзак и поспешила на поезд и к паромной переправе. Я знала, что на всех яхтах, участвующих в

регате Фастнет, установлены специальные навигаторы с обратной связью, однако в таких экстремальных погодных условиях толку от них мало. Они крайне ненадежны в штормовую погоду.

Спустя три с половиной часа я снова заселилась в ту же гостиницу, в которой мы с Тео жили, пока шла подготовка к соревнованиям, и сразу же побежала в Управление Королевского яхт-клуба разузнать самые последние новости. Сердце упало, когда я увидела, сколько знакомых лиц крутится вокруг. Все эти спортсмены начинали гонки вместе с нами, а теперь уныло слоняются толпами по всем помещениям яхт-клуба.

Я заметила физиономию Паскаля Лемара, француза, с которым несколько лет тому назад выступала в составе одной команды. Подошла, чтобы перекинуться с ним парой слов.

— Привет, Ал! — поздоровался он со мной немного удивленно. — А я и не знал, что «Тигрица» тоже сошла с дистанции.

— Нет, она продолжает гонки. Во всяком случае, пока, насколько мне известно. Это я списана на берег. Вчера капитан приказал мне покинуть яхту. Сказал, что это очень опасно.

— И он абсолютно прав. Десятки яхт уже вполне официально заявили о том, что прекращают свое дальнейшее участие в гонках, другие пережидают в портах, ждут, когда наконец наладится погода. Наш шкипер тоже принял решение сойти с дистанции. Для таких небольших яхт, как наша, первый день соревнований превратился в самый настоящий ад. Никогда еще не видел такого разгула стихии. Впрочем, с твоими ребятами все будет нормально, я думаю. Мощная яхта, сто футов в длину. Капитан, твой друг, тоже один из лучших. На такой яхте победа им гарантирована, — приободрил меня Паскаль, видно прочитав тревогу в моих глазах. — Хочешь чего-нибудь выпить? Тут сейчас многие топят свое разочарование в вине.

Я согласилась, и мы двинулись в сторону бара. Там тоже толпился народ. Некоторые оживленно обсуждали события давней гонки Фастнет 1979 года. Тогда во время шторма разбилось сто двенадцать яхт, погибло восемнадцать человек, в том числе и три спасателя. Пробыв в компании спортсменов с полчаса, хотя все мои мысли были заняты только «Тигрицей» и Тео, я извинилась и покинула бар. В фойе накинула на себя толстовку и двинулась по размытой дождями дороге в сторону Центра управления гонками, который размещался на

территории Королевского клуба морских гонок и до которого нужно было еще пройти небольшое расстояние. В Центре управления я первым делом поинтересовалась, есть ли свежие новости с «Тигрицы».

— Да, — ответили мне. — На данный момент яхта находится в нескольких милях от Бишоп-Рок. Двигается вперед на хорошей скорости, — добавил оператор, неотрывно глядя на экран монитора. — На такой скорости, да еще с учетом того, что многие экипажи уже снялись с соревнований, у «Тигрицы» есть все шансы победить. — Мужчина подавил тяжелый вздох.

Полученная информация немного успокоила меня. По крайней мере, пока все идет хорошо и Тео жив-здоров. Я снова вернулась в Управление Королевского яхт-клуба, заказала себе бутерброд и стала медленно жевать его, наблюдая за тем, как в помещение входят все новые и новые люди. Экипажи, сошедшие с дистанции. Вид у всех был изможденный, костюмы мокрые, заляпанные грязью. До меня долетали отдельные обрывки фраз. Кто-то говорил, что ветер снова усилился и стал шквалистым. Но я сама чувствовала себя хуже некуда, не было даже сил, чтобы поучаствовать в разговорах, а потому я вернулась к себе в отель, улеглась в кровать, пытаюсь заставить себя поспать хотя бы пару часиков, и тут же отключилась. Я проснулась в пять часов утра. Еще один серый, безрадостный рассвет. И сразу же ринулась в Центр управления. Когда я вошла, в комнате вдруг стало тихо.

— Какие новости? — спросила я прямо с порога.

И перехватила испуганные взгляды, которыми обменялись операторы.

— Что случилось? — Я почувствовала, как сердце уходит в пятки. — С «Тигрицей» все в порядке?

Еще один быстрый обмен взглядами.

— В половине четвертого утра мы получили тревожное сообщение. Человек за бортом. Береговая спасательная служба уже приступила к поискам. Задействован вертолет.

— Они знают, кто именно? Как все произошло?

— Простите, милая, но на данную минуту мы пока не располагаем никакими подробностями. Ступайте, выпейте чашечку чая. Как только у нас появятся какие-то новости, мы тут же сообщим.

Я молча кивнула в ответ, чувствуя, как внутри меня нарастает истерика. «Тигрица» — супер-пупер современная яхта, оснащенная самым новейшим оборудованием, в том числе и самыми передовыми системами связи. Я знала, что эти люди лгут мне, что они уже в курсе всех подробностей случившегося. А это может означать лишь одну-единственную вещь.

Сердце заколотилось с такой бешеной скоростью, что я подумала: еще мгновение, и оно разорвется на части. Я вышла из помещения и кое-как добрела до дамской комнаты. Там плюхнулась на пуфик возле туалетного столика, жадно хватая ртом воздух. Меня охватила паника. Но, может, я ошибаюсь? Может, они действительно не могут разглашать все подробности происшествия до тех пор, пока не прояснится вся картина случившегося? Однако в глубине души я уже все знала.

11

Вертолет доставил тело Тео на материк. Директор соревнований любезно предоставил в мое распоряжение машину. На пароме мы проследуем в Саутгемптон, а там меня, если я пожелаю, отвезут в госпиталь, в морге которого будет находиться тело.

— Вы, наряду с матерью, значите как его ближайшие родственники в анкетах, которые Тео заполнял накануне соревнований. А потому вам тоже, к великому сожалению, придется заполнить... некоторые бумаги... Таковы формальности, увы! Кто займется этим? Вы? Или мне связаться с миссис Фейлис-Кингс?

— Я... я не знаю, — ответила я, тупо глядя перед собой.

— Тогда я немедленно позвоню ей. Меня очень волнует, что она может узнать эту страшную новость по радио или по телевидению. К великому огорчению, новость наделала много шума во всем мире. Я очень сожалею, Алли, о том, что случилось. Не стану говорить вам всякие банальности о том, что Тео занимался делом, которое любил. Я скорблю вместе с вами, вместе с членами его команды. Невосполнимая утрата для всего мирового парусного спорта.

Я молчала. У меня не было слов.

— Тогда вот так, — промямлил чиновник, явно не зная, что еще сказать и как поступить с особой, сидевшей перед ним в полной

прострации. — Давайте я отвезу вас в отель, Алли, — наконец нашелся он. — Отдохните немного.

Я обреченно повела плечами. Конечно, этот человек старается помочь мне, сделать как лучше. Но неужели он не понимает, что мне сейчас не до отдыха? Да и смогу ли после всего случившегося отдохнуть когда-нибудь? Я с трудом разлепила рот.

— Нет, не надо. Все хорошо, спасибо. Пойду немного прогуляюсь пешком.

— Алли, я сделаю все, что в моих силах. Только, пожалуйста, будьте со мной на связи, ладно? У вас есть номер моего мобильного. Немедленно сообщите мне, когда вам понадобится машина. Команда «Тигрицы» возвращается в Каус. Наверняка они захотят встретиться с вами, рассказать, что и как было, если, конечно, вы будете готовы к такому разговору. А я сейчас срочно звоню матери Тео.

Я бездумно зашагала в сторону своей гостиницы. Пошла вдоль бухты, в какой-то момент остановилась и стала глядеть на холодные свинцовые волны, набегающие на берег. И вдруг из самых глубин моего естества вырвался леденящий душу крик, и я взвыла во весь голос, подобно тем привидениям-плакальщицам, чье появление предвещает скорую смерть. Я вопила и изрыгала проклятия в адрес жестокой, безжалостной стихии, отнявшей у меня сначала отца, а потом и Тео.

И в этот миг я дала себе клятву, что больше никогда моя нога не ступит на борт яхты. Никогда!

Потом в моей памяти на несколько часов наступил провал. Что я делала, чем занималась в это время, не помню. Скорее всего, просто тупо сидела у себя в номере, не в состоянии ни думать, ни чувствовать.

Одно я знала наверняка: больше у меня ничего не осталось.

Ни-че-го!

Зазвонил телефон, стоявший на прикроватной тумбочке. Я, словно робот, поднялась с постели и сняла трубку. Администратор сообщила, что внизу меня поджидают несколько моих знакомых спортсменов.

— Среди них некто мистер Роб Беллани, — добавила женщина.

Несмотря на полнейшую отрешенность от всего и вся, в которой я пребывала, я понимала, что как это ни тяжело, но мне придется встретиться с ребятами. Должна же я услышать из первых уст, как и почему погиб Тео. Я попросила администратора проводить членов

экипажа в комнату отдыха на первом этаже, я спущусь к ним через пару минут.

Когда я вошла в комнату, то увидела поджидавших меня Роба, Криса, Мика и Ги. Вид у всех был потерянный. Они тоже еще не успели оправиться от пережитого шока. Стараясь не глядеть на меня, парни стали по очереди бубнить свои соболезнования.

— Мы сделали все, что смогли...

— Он нырнул, чтобы вытащить Роба. Такой героический поступок...

— Никто не виноват... Трагическое стечение обстоятельств...

Я кивала головой и даже выдавила из себя пару слов в ответ на их сочувственные возгласы, стараясь всем своим видом показать, что во мне еще что-то осталось от живого человека. Наконец Мик, Крис и Ги поднялись со своих мест, но Роб сказал, что еще останется и побудет со мной немного.

— Спасибо вам, ребята, — поблагодарила я своих коллег и слабо махнула им на прощание.

— Ал, прости, но мне необходимо выпить, прежде чем начать рассказывать, что именно у нас произошло, — сказал Роб, когда мы остались с ним одни, и сделал знак официантке, маячившей у стойки в углу зала. — Пожалуй, и тебе тоже не помешает.

Стиснув пальцами стакан с бренди, Роб сделал глубокий вдох. Я увидела, как на его глазах выступили слезы.

— Ну же, Роб, рассказывай! — нетерпеливо воскликнула я.

— Ладно! Мы легли в дрейф, хотели немного переждать ненастье. На море творилось ужас что. Я находился как раз на верхней палубе, точнее, на баке, была моя очередь вести наблюдения. И тут появился Тео, чтобы сменить меня. Только я отстегнул от леера свои ремни безопасности, как огромная волна накрыла меня с головой и буквально смыла за борт, в открытое море. Наверняка я бы утонул, потому что меня сильно тряхануло и сбilo с ног. Но Тео сразу же подал сигнал тревоги, потом швырнул вниз поплавков ставной сети, а следом сиганул сам. Я все еще бултыхался в ледяной воде, все остальные ребята мгновенно высыпали на палубу. Они-то и рассказали мне, что каким-то чудом Тео удалось подплыть ко мне, потом он привязал меня к буйку и даже затолкал внутрь сети, но тут на нас обрушилась еще одна громадная волна, оттянула его в сторону от меня и утащила под воду.

Больше они уже его не видели. К тому же было темно, море штормило... ну ты прекрасно понимаешь, в таких условиях разглядеть человека в открытом море практически невозможно. Вот если бы ему удалось хоть как-то зацепиться за буюк, тогда бы все пошло иначе. — Из груди Роба вырвался громкий всхлип. — Ребята сразу же вызвали по рации вертолет. Меня быстро обнаружили и подняли на борт, потому что к буйку была подсоединена сигнальная лампа. А вот Тео... В конце концов спасатели нашли и его... точнее, его тело... Запеленговали сигнал бедствия с его передатчика... Господи боже мой! Ал, если бы ты знала, как мне тошно... Прости! Никогда не смогу простить себя... Никогда!

Впервые за все время с тех пор, как я узнала о гибели Тео, я почувствовала некий живой отклик в своей душе. словно волна прокатилась по моим жилам. Я накрыла своей рукой руку Роба.

— Роб, мы оба знаем все опасности, которые подстерегают яхтсменов в открытом море. Наверное, Тео они были знакомы еще лучше, чем нам.

— Умом, Ал, я все понимаю... Но... И зачем я только отстегнул в ту минуту ремни безопасности? Черт меня дери! — Роб поднес руку ко лбу и закрыл ею свои глаза. — Вы двое, вы были созданы друг для друга... А теперь... Это никак не должно было случиться... Ты должна возненавидеть меня!

Роб разрыдался. Я механически положила руку ему на плечо и принялась гладить, успокаивая. Самое ужасное, что какая-то часть меня действительно *ненавидела* его в этот момент. Потому что Роб уцелел и выжил, а Тео — нет.

— Успокойся, Роб. В гибели Тео нет твоей вины. Он поступил так, как на его месте поступил бы любой капитан. Другого поступка я от него и не ждала... Некоторые поступки вообще не...

Я прикусила губу, боясь расплакаться, если буду и дальше утешать его.

— Прости меня, Алли. Сажу тут перед тобой, хныкаю... — Роб виновато вытер слезы с глаз. — Я просто захотел излить тебе душу... Рассказать, что я чувствую...

— Спасибо тебе за откровенность, Роб. Спасибо, что ты рассказал мне все как было. Понимаю, это далось тебе непросто.

Какое-то время мы оба сидели молча, каждый думая о своем. Потом Роб поднялся со своего места.

— Пожалуйста, звони мне, если что... Кстати, о звонках. — Роб выудил из кармана джинсов мой мобильник. — Вот нашел это на камбузе. Твой?

— Мой. Спасибо. — Я взяла из его рук свой телефон.

— Тео спас мне жизнь, — едва слышно прошептал Роб. — Он настоящий герой. Я... я... мне очень жаль, что все так вышло.

Я молча смотрела вслед безутешному Робу. А потом подумала, что сейчас, когда я уже повстречалась с ребятами из своего экипажа, меня здесь больше ничто и никто не удерживает. Наверняка Селия захочет, и в этом я не сомневалась ни минуты, поучаствовать в процедуре опознания тела своего сына. Я поднялась со стула, готовая бежать прочь с места, превратившегося в некое подобие театрального задника, на фоне которого разыгралась моя личная трагедия. Бежать, да, но куда? Наверное, домой, в Женеву. Но и в Атлантике меня встретит еще одна зияющая дыра, еще одна невосполнимая утрата.

И нет уголка на всем белом свете, где я могла бы отдохнуть душой.

Вернувшись к себе в номер, я стала машинально укладывать вещи в рюкзак. И снова намеренно отключила свой мобильник, но совсем по другой причине, чем тогда, когда была на яхте вместе с Тео. Я была слишком раздавлена горем, чтобы прямо сейчас вести разговоры со своими друзьями и близкими. К тому же никто из сестер ничего не знал о моем романе с Тео. Я ведь самонадеянно посчитала, что впереди у нас еще уйма времени для того, чтобы в будущем познакомить каждую из них с Тео. И потом, ведь наша связь с ним длилась всего ничего... Как было объяснять девочкам, что за такой короткий промежуток времени Тео стал для меня всем? Всего лишь несколько недель физической близости, но мне их вполне хватило для того, чтобы понять и почувствовать родство наших душ. Мне всегда казалось, что я знаю Тео всю свою жизнь.

Когда умер Па Солт, я пыталась успокаивать себя тем, что таков естественный порядок вещей в круговороте жизни: новое нарождается, старое уходит. И потом, рядом со мной на тот момент был Тео, который как мог утешал меня. Более того, он подарил мне надежду на новое начало в нашей с ним жизни. Теперь, оглядываясь назад, я

осознала, как всего лишь одним своим присутствием Тео заполнил ту зияющую бездну, которую оставила в моей душе смерть Па Солта. Но вот и Тео тоже ушел. А вместе с ним ушли и все мои мечты о будущем. В течение всего лишь нескольких зловещих часов от меня не только навсегда ушел Тео. Вместе с ним я похоронила в морской пучине, и тоже навсегда, свою страсть к морю и к парусному спорту. Любовь всей моей жизни была одномоментно, грубо и бесцеремонно, с корнями вырвана из моей души.

Я уже приготовилась покинуть комнату, взяв в руки свой рюкзак, но в эту минуту зазвонил телефон, стоявший возле кровати.

— Алло? — небрежно бросила я в трубку.

— Алли, это Селия. Директор-распорядитель регаты сообщил мне, что ты остановилась в отеле «Нью-Холмвуд».

— Я... Здравствуйте, Селия.

— Как ты? — спросила она.

— Ужасно! — едва слышно пробормотала я, не в силах более притворяться. Да и зачем мне притворяться перед этой женщиной? — А как вы?

— То же самое. Я только что из госпиталя.

Мы замолчали, каждая по-своему переживая все то страшное и уже окончательное, что означали ее последние слова. Я физически *чувствовала*, как Селия борется с подступившими к горлу слезами. Но вот после некоторой паузы она снова заговорила:

— Алли, куда ты сейчас?

— Сама... Я не знаю...

— Тогда подходи к паромной переправе на Саутгемптон. А дальше вместе поедем в Лондон. Поживешь у меня несколько дней. Вокруг всего этого такая шумиха началась. Папарацци превратили мою жизнь в сплошной кошмар. А вдвоем мы с тобой забаррикадируемся у нас дома и ляжем на время на дно. Согласна?

— Я... — Я сделала судорожный вдох. Из глаз брызнули слезы. Но то были слезы облегчения. — С удовольствием!

— Номер моего мобильного у тебя есть. Позвонишь мне, когда приедешь на вокзал в Саутгемптоне. Я там тебя встречу.

— Хорошо, Селия. И... спасибо вам.

Потом я не раз думала, что, если бы не этот судьбоносный для меня во всех отношениях звонок Селии в самый трудный, самый

страшный момент моей жизни, я, скорее всего, бросилась бы с парома в бушующие волны за бортом, ушла бы из жизни вслед за Тео.

Мы встретились на вокзале. Свое мертвенно-бледное лицо Селия спрятала за огромными солнцезащитными очками. Я подбежала и упала к ней на грудь, точно так, как делала это при встрече с Ма. Мы долго стояли, обнявшись, в сущности, два чужих человека, которых объединило одно большое и неизбежное горе. Потому что оно было для нас общим и мы как никто понимали друг друга.

Мы прибыли на вокзал Ватерлоо, взяли такси, которое доставило нас в красивый белокаменный дом в Челси. Селия приготовила на скорую руку омлет. Мы вдруг поняли, что не притрагивались к еде с тех самых пор, как узнали о гибели Тео. Селия налила нам по большому бокалу вина. Мы уселись на террасе. Стоял теплый и тихий августовский вечер.

— Алли, я должна признаться тебе кое в чем. Можешь посчитать меня сумасшедшей, если захочешь... — Я увидела, как хрупкая фигурка Селии вдруг содрогнулась, словно через нее пропустили электрический ток. — Но, когда вы оба навещали меня здесь в последний раз, я уже все *знала*. Прощаясь с Тео, целуя его, я нутром чувствовала, что он уходит от меня навсегда.

— Понимаю, Селия. Кстати, Тео тоже инстинктивно почувствовал ваше внутреннее напряжение. Всю дорогу до Саутгемптона он был сам не свой.

— Трудно сказать, повлияло ли так на него мое настроение, или у него самого тоже были дурные предчувствия. Помнишь, перед тем как уходить, он сказал, что ему надо отлучиться на пару минут в ванную? А нас попросил подождать в холле... Когда я закрыла за вами дверь и уже собралась снова вернуться на кухню, то обнаружила на журнальном столике в холле вот это. Письмо, адресованное мне.

Она протянула большой конверт, на котором красивым, каллиграфическим почерком Тео было написано одно-единственное слово: «*Мамочке*».

— Я вскрыла конверт, — продолжила свой рассказ Селия. — Внутри лежало новое завещание Тео и письмо мне. Там же было и письмо, адресованное тебе, Алли.

— Боже! — воскликнула я, закрывая рот рукой. — Я...

— Со своим письмом я уже ознакомилась. Твое еще ждет своей очереди. Естественно, я его не вскрывала. Вполне возможно, пока ты не в состоянии читать. Но в любом случае я должна вручить его тебе, как он о том и попросил уже в письме ко мне.

Селия извлекла из большого конверта еще один конверт, поменьше, и протянула его мне. Я трясущимися руками взяла конверт.

— Но, Селия! Почему, если у него было предчувствие чего-то нехорошего, почему он не сошел с дистанции, не прекратил гонку досрочно, как это сделали многие капитаны на других яхтах?

— Думаю, мы обе с тобой, Алли, прекрасно понимаем, почему он поступил так, а не иначе. Ты же сама яхтсмен, и всякий раз, выводя свою яхту на старт в очередных соревнованиях, ты тоже вполне отдаешь себе отчет в том, какие опасности подстерегают каждого из вас впереди. Впрочем, как ты помнишь, Тео в тот день сказал, что никто не застрахован от несчастных случаев. Можно и в городе элементарно попасть под колеса автобуса. — Селия обреченно пожалала плечами. — Наверное, он просто предчувствовал, что ему на роду написано...

— Погибнуть в тридцать пять лет?! Нет и еще раз нет! Иначе зачем он полюбил меня? Просил стать его женой. Ведь впереди у нас с ним была целая жизнь! Нет! — Я яростно затрясла головой. — Я не могу согласиться с вами!

— Конечно, не можешь. И я отлично тебя понимаю. Знаешь, и это странным образом меня утешает, прости, что я так говорю. Смерть сотворяет такой хаос в наших душах. Ведь никто из людей, уверена в этом, так никогда и не смиряется до конца с уходом тех, кого мы любим. Между тем рождение и смерть — это две точки, отправная и конечная, земного бытия каждого из нас. Кто не родился, тот, как известно, и не умрет.

Я взглянула на запечатанный конверт, который держала в руках.

— Наверное, вы правы, Селия, — тяжело вздохнула я. — Но почему тогда, если у него *не было* дурных предчувствий, он решил составить новое завещание? И обратиться к каждой из нас отдельным письмом?

— Ты же, Алли, хорошо знаешь Тео. Он ведь привык все и всегда планировать и организовывать по высшему разряду. Даже собственную смерть.

Последняя реплика Селии заставила нас обоих невольно улыбнуться.

— Да. В этом он был похож на моего отца. Пожалуй, я прочитаю письмо Тео прямо сейчас.

— Как считаешь нужным. А я, с твоего позволения, дорогая, пойду сейчас к себе наверх и приму ванну.

Селия вышла из комнаты, видно желая не столько искупаться, сколько дать мне возможность побыть немного одной.

Сделав большой глоток вина, я отставила бокал в сторону и дрожащими пальцами вскрыла конверт. И вдруг поймала себя на мысли, что это уже второе письмо, которое я получаю, можно сказать, с того света, и всего лишь на протяжении нескольких недель.

*«От меня, без привязки к какому-то конкретному месту
(На самом деле я сижу в поезде, который везет меня из
Саутгемптона в Лондон. Еду, чтобы встретить тебя в Хитроу)»*

Дорогая!

Наверное, сама идея, пришедшая мне в голову, покажется тебе немного абсурдной. Но так уж я устроен. Ты уже это и сама поняла, да и мама моя может подтвердить, что я люблю планировать все, вплоть до мелочей. Копия моего завещания хранится у нее с тех давних пор, когда я впервые отправился на парусные гонки. Не то чтобы у меня было много чего завещать, но просто я считаю, что, когда все упорядочено должным образом, так будет легче тем, кто остается после тебя.

А с появлением в моей жизни тебя, в одночасье ставшей центром моего мироздания, тем человеком, с которым я хотел бы провести остаток своих дней, разумеется, требуются кое-какие изменения. К великому сожалению, пока наши отношения носят, так сказать, «неофициальный» характер, во всяком случае, до тех пор, пока я не надену тебе на палец обручальное кольцо, присовокупив его к той цепочке, которую ты носишь на шее. А потому мне представляется жизненно важным, чтобы все вокруг знали, хотя бы с точки зрения финансовых вопросов, о наших истинных намерениях, на тот случай, если со мной произойдет что-то непредвиденное.

Уверен, тебя взволнует (ха-ха-ха!), а может, и выведет из себя новость о том, что я завещаю тебе тот загон для скота на нашем острове любви «Где-то посреди моря». Помню-помню выражение твоего лица в тот самый вечер, когда ты увидела его впервые. Но если сам хлев тебе не нравится, то земля, на которой он стоит, плюс проектная документация и разрешение на строительство — все это чего-то стоит. А не назвать ли нам наш дом по-простецки, без всяких изысков? «Что-то где-то посреди моря». Как думаешь? Хочу, чтобы «Нептун», мой нынешний дом на воде, тоже принадлежал тебе. Если честно, то это единственное мое достояние, представляющее собой определенную материальную ценность. Разве что еще мопед, но, думаю, ты оскорбишься, если и его я тоже завещаю тебе. Да, совсем забыл. Имеется еще какой-то жалкий трастовый фонд, который учредил для меня мой щедрый папаша. Надеюсь, денег там должно хватить на домашнее красное вино, которое ты будешь попивать в будущем на нашем Острове любви в доме под названием «Что-то где-то посреди моря».

Прости за ужасный почерк, въехали на неровный отрезок полотна, и в поезде немного трясет. Впрочем, сразу же по завершении соревнований я немедленно изыму письмо у мамы, хотя бы для того, чтобы перепечатать его на машинке. Но если же этого по каким-то мизерным по своей вероятности причинам не случится и я все же попаду в какую-нибудь передрагу, то тогда я хоть буду покоиться с миром, зная, что сделал все как надо.

А сейчас, Алли, перехожу к романтической части своего письма. Хочу поговорить с тобой о чувствах. О том, как сильно я люблю тебя. О том, что ты значишь для меня. За такой короткий отрезок времени, что мы знаем друг друга, ты стала для меня всем. Ты в буквальном смысле раскачала мою лодку, лишив ее всякого равновесия (надеюсь, ты по достоинству оценишь мою морскую терминологию), но я снова повторяю: жду не дождусь того момента, когда буду обнимать тебя за талию и придерживать, если тебя в очередной раз станет тошнить, или буду дискутировать по поводу твоей замысловатой и немного таинственной фамилии, каждый раз открывая в тебе что-то новое, неизвестное мне, интересное. Готов потратить на это всю оставшуюся жизнь и с умилением наблюдать

за тем, как мы оба в положенный срок начнем стареть и терять зубы.

А если все же тебе доведется прочитать эти строки, то подними голову и взгляни на звезды. Знай, я смотрю на тебя с небес, вполне возможно, за кружкой пива в компании с твоим отцом. Не этим ли ты баловалась в детстве, а? Как видишь, я помню и твои дурные привычки.

Моя дорогая Алли! Альциона! Ты не представляешь, сколько радости ты принесла мне.

Будь СЧАСТЛИВА! У тебя дар быть счастливой.

Тео»

Я просидела на террасе весь вечер, смеялась и плакала одновременно. В этом письме был весь Тео. И сердце мое снова обливалось кровью при мысли о том, что его больше нет.

С Селией мы встретились лишь на следующее утро, за завтраком. Накануне вечером она проводила меня в мою комнату, но ни словом не обмолвилась о письме Тео ко мне. Я была благодарна ей за проявленный такт. За завтраком она сказала, что вынуждена отлучиться на какое-то время. Надо зарегистрировать смерть Тео, дать соответствующие распоряжения о транспортировке его тела в Лондон, а потом мы вместе должны обсудить дату его похорон.

— Алли, есть еще кое-что, о чем попросил меня Тео в своем письме. Он просит тебя сыграть на флейте во время траурной церемонии.

— Правда? — изумленно воззрилась я на Селию, в который раз поразившись предусмотрительности Тео во всем.

— Правда. — Селия тяжело вздохнула. — Вообще-то, все распоряжения насчет собственных похорон он сделал давным-давно. Торжественная поминальная служба, потом кремация. Кстати, он настаивал, чтобы при этом никто не присутствовал. Тео попросил развеять его прах на бухтой Лимингтон. Там он под моим началом постигал когда-то азы парусного спорта, учился ходить под парусом. Так ты готова выполнить его пожелание?

— Я... не знаю...

— Тео говорил, что ты чудесно играешь на флейте. Как ты догадываешься, музыку для исполнения он тоже выбрал

нестандартную, такую же оригинальную, каким человеком был сам. Он пожелал, чтобы ты сыграла для него пьесу «Парень Джек» из «*Фантазии на тему английских народных песен о море*». Ты наверняка слышала эту мелодию на каком-нибудь концерте классической музыки, верно?

— Да, я очень хорошо знаю эту пьесу. Пожалуй, нет ни одного моряка на свете, который не знал бы эту мелодию. В сущности, это главная музыкальная тема старинной баллады «Моряк Колледж Хорнпайп».

В моей памяти мгновенно всплыли звуки знакомой мелодии, которую я когда-то исполняла на флейте, много-много лет тому назад. Но вот, оказывается, хорошо помню ее и до сих пор. И снова подумала: как же много в этой неожиданной просьбе Тео от него самого. Здесь и его страстная, всеобъемлющая любовь к морю и к парусному спорту, и жизнеутверждающая сила бытия, и радость от того, что ты еще просто жив.

— Мне будет приятно сыграть эту мелодию для Тео, — закончила я.

И впервые после получения известия о его гибели я дала волю слезам.

* * *

В последующие несколько дней мы с Селией изо всех сил отбивались от толп журналистов, буквально взявших наш дом в осаду. Жили мы как две затворницы, рискуя высунуть нос на улицу только затем, чтобы купить себе какой-нибудь еды да траурные платья для похорон. Пройдя через все эти наводящие тоску, но неизбежные в подобной ситуации дела, я лишней раз преисполнилась уважением к Па Солту, который срежиссировал собственные похороны таким образом, чтобы никому не доставлять лишних огорчений. Вместе с тем безмерно возросло и мое уважительное отношение к Селии. Ведь Тео был для нее всем, смыслом всей ее жизни, а она держалась очень мужественно, не выставляя напоказ свое горе.

— Наверяд ли Тео успел рассказать тебе об этом, Алли, но у него была своя любимая церковь в Лондоне. Церковь Святой Троицы на

Слоун-Стрит, неподалеку от нашего дома. В младших классах он учился в школе, расположенной рядом с этой церковью. Помню, как лет восьми он солировал на рождественском богослужении, исполняя гимн «Там, в яслях, младенец Иисус...», а я стояла и любовалась им, — пустилась в воспоминания Селия, и счастливая улыбка любящей матери озарила ее лицо. — Так что скажешь, если мы церемонию прощания проведем именно в этой церкви?

Меня тронуло до глубины души то, что Селия советуется со мной по таким сугубо семейным вопросам. И хотя мое мнение было не так уж и важно — ведь она будет хоронить своего единственного, своего любимого сына, которого знает как никто, — тем не менее какое надо иметь благородство души и какое сострадание к ближнему надо проявить, чтобы понять и оценить мои чувства к Тео. А заодно и то, что чувствовал Тео уже по отношению ко мне.

— Думаю, вы выбрали наилучший вариант из всех возможных, Селия.

— Ты не хочешь пригласить кого-то из своих знакомых на церемонию прощания?

— О том, что мы с Тео — пара, знали только члены экипажа да близкие нам друзья из мира парусного спорта, — честно призналась я. — Остальные, если я их приглашу, могут и не понять.

Зато сама Селия *понимала* меня как никто. Часто в три часа ночи, когда горечь утраты становилась особенно невыносимо острой, мы обнаруживали друг друга на кухне. И тогда мы усаживались за стол и начинали вести нескончаемые разговоры о Тео, стараясь найти хоть какое-то утешение в воспоминаниях о нем. У Селии за тридцать пять лет жизни Тео таких воспоминаний накопилось великое множество, всякие милые сердцу пустячки, подробности, касающиеся детских лет сына и прочее. Мои же воспоминания охватывали промежуток протяженностью всего лишь несколько недель. Но благодаря рассказам Селии я узнала Тео лучше, и он стал мне еще ближе. Снова и снова я разглядывала его детские фотографии или перечитывала письма, пестревшие ошибками, их Тео посылал матери, когда учился в закрытой школе-интернате.

Увы-увы, вновь приобретенные мною знания о возлюбленном ничего не меняли в реальной жизни. Однако хоть я и понимала умом, что Тео больше нет, разговоры о нем действовали на нас обеих

умиротворяюще. Всякий раз, когда мы с Селией называли его по имени, он был для нас жив. И это было важнее всего остального.

12

— Готова? — спросила у меня Селия, когда машина остановилась возле церкви Святой Троицы.

Я молча кивнула в ответ, мы быстро пожали друг другу руки — такое взаимное единение перед тем, что нас ждет впереди. Потом выбрались из машины и под вспышки многочисленных фотокамер пошли к церкви. Внутри церковь напомнила мне глубокую пещеру. И она была заполнена народом до отказа. Все скамьи были заняты. Люди теснились, стоя в проходах и у задней стены. И я снова чуть не расплакалась при виде такого количества людей, пришедших проститься с Тео, хотя и дала себе слово держаться и не хныкать.

Тео уже ждал меня у алтаря, и мы с Селией медленно двинулись по проходу к его гробу. Я нервно сглотнула комок, подступивший к горлу. Какая ирония судьбы! Я, шагающая к алтарю. Что за ужасная пародия на свадебную церемонию, которая могла бы состояться в этой же самой церкви, останься Тео жив.

Мы заняли места в первом ряду, и служба началась. Для поминальной службы Тео выбрал самые разные музыкальные произведения. После вступительного слова настоятеля церкви наступила моя очередь. Я присоединилась к небольшому оркестру — несколько скрипок, виолончель, два кларнета и гобой — все, что удалось собрать Селии в суматохе последних дней. Оркестр разместили впереди, перед алтарем. Мысленно вознеся молитву, я поднесла флейту к губам и начала играть. Потом вступил оркестр, темп ускорился, музыка зазвучала бравурно и почти весело, и я увидела, как на лицах многих присутствующих замелькали улыбки, а потом все стали подниматься со своих мест, один за одним. И вот встали все, кто сидел и слушал проповедь, встали и, взявшись за руки, начали двигаться в такт джиге, выполняя традиционные па на слегка согнутых коленях, как обычно танцуют под музыку «Моряк Колледж Хорнпайп», время от времени вскидывая руки вперед. Наш маленький оркестр еще более взвинтил темп. Мы играли с таким

воодушевлением, с такой страстью, будто жизнь каждого из нас зависела от того, будут ли попевать танцоры в такт нашей музыки.

Когда мы закончили, раздался рев голосов, а следом — крики «браво!» и громкие аплодисменты. Потом мы исполнили пьесу снова, на бис. Собственно, на концертах ее всегда бисируют. Закончив выступление, я вернулась на свое место и села рядом с Селией. Она благодарно сжала мне руку.

— Спасибо, дорогая Алли! Огромное тебе спасибо.

Затем вперед вышел Роб. Поднялся по ступенькам к гробу, слегка поправил микрофон.

— Мама Тео Селия попросила меня сказать несколько слов. Все вы знаете, что Тео погиб, спасая мне жизнь. Мне никогда не отблагодарить его за то, что он сделал для меня в ту ночь. Одно я знаю точно. Его самоотверженная и героическая гибель принесла огромные страдания Селии и Алли, той женщине, которую он любил. Тео, от имени всех спортсменов, кто знал тебя, кто когда-либо плавал в составе экипажей под твоим руководством, я выражаю тебе нашу любовь, наше уважение и признательность. И вот еще что. Алли! — Роб глянул прямо на меня. — Это он попросил исполнить для тебя.

И снова рука Селии крепко сжала мою руку. Один из солистов хора выступил вперед и вдохновенно напел знаменитую мелодию из «Вестсайдской истории». «Где-нибудь для нас есть место...» Я попыталась улыбнуться, по достоинству оценив скрытый смысл подношения Тео, но пронзительные слова песни тронули меня до глубины души. Но вот в воздухе растаяли последние слова, восемь спортсменов, членов экипажа Тео на гонках Фастнет, включая и Роба, осторожно подняли гроб с телом и понесли его на своих плечах по проходу, направляясь к выходу из церкви. Мы с Селией, которая взяла меня за руку, пошли первыми, возглавив траурную процессию.

Медленно шествуя по проходу, я увидела несколько знакомых лиц. В том числе и Сиси со Стар. Когда я проходила мимо них, они обе сочувственно улыбнулись мне. Потом мы с Селией стояли на Стоун-стрит, молча наблюдая за тем, как гроб с телом Тео погрузили в катафалк, который повезет его в последний путь, в крематорий. Когда машина отъехала и мы обе мысленно попрощались с Тео, я повернулась к Селии и спросила, как о похоронах узнали мои сестры.

— В своем письме Тео, в случае чего, попросил меня сообщить Марине, чтобы она и твои сестры были в курсе. Он полагал, что тебе потребуется их помощь.

Участники траурной церемонии постепенно покидали церковь, сгрудившись на ступеньках крыльца и на тротуаре. Знакомые негромко приветствовали друг друга. Несколько человек выстроились в очередь ко мне. В основном знакомые и друзья-яхтсмены. Говорили слова соболезнования и одновременно удивлялись моему скрытому таланту музыканта. Я огляделась вокруг и увидела высокого мужчину в темном костюме и темных очках. Он стоял чуть поодаль от всех остальных. Во всей его позе сквозило такое одиночество, что я, извинившись перед остальными, сама направилась к нему.

— Здравствуйте, — поприветствовала я мужчину. — Меня зовут Алли. Я — подруга Тео. Селия попросила меня пригласить всех, кто присутствовал на траурной церемонии, к ней в дом, чтобы помянуть Тео. Здесь совсем рядом, в пяти минутах ходьбы.

Мужчина повернулся ко мне лицом. Солнцезащитные очки скрывали выражение его глаз.

— Я знаю, где это. Когда-то я жил в этом доме.

И только тут до меня дошло, что передо мной стоит отец Тео.

— Рада познакомиться с вами, — немного растерянно промямлила я.

— Надеюсь, вы понимаете, что при всем желании мое присутствие на поминках будет неуместным. К великому сожалению, в этом доме мне не будут рады.

Я замаялась, не зная, что сказать в ответ. По виду отца Тео было понятно, что он тоже убит горем. В конце концов, как бы ни складывались его отношения с женой в прошлом, сегодня он, как и Селия, потерял своего единственного сына.

— Очень жаль, — нашлась я наконец.

— Вы, видно, та девушка, на которой Тео собирался жениться. Пару недель тому назад он прислал мне пространное письмо по электронной почте, — негромко промолвил отец Тео, слегка растягивая слова на американский манер. Его речь разительно отличалась от чисто английской скороговорки сына. — Сейчас я уйду, но вот вам, Алли, моя визитка. Я пробуду в Лондоне еще несколько дней. Было бы здорово, если бы мы с вами встретились где-нибудь в

городе и поговорили о моем сыне. Вопреки всему тому, что вы, быть может, слышали обо мне, я очень любил Тео. Полагаю, вы достаточно умны, чтобы понять, что в любой житейской истории всегда есть две стороны.

— Да, — согласилась я с ним, вспомнив, что Па Солт тоже когда-то говорил мне именно эти слова.

— А теперь ступайте к остальным гостям. Рад был познакомиться с вами, Алли. Всего хорошего.

Отец Тео развернулся и медленно зашагал прочь. Отчаяние и боль сквозили буквально в каждом его движении.

Я тоже развернулась, чтобы присоединиться к собравшимся, но в этот момент заметила Сиси и Стар. Они терпеливо поджидали, пока я закончу разговор с отцом Тео. Я подошла к ним, и они обе одновременно обняли меня.

— Какое горе, Алли! — воскликнула Сиси. — Мы, как только узнали, без конца слали эсэмэски на твой мобильник. Мы так тебе сочувствуем... так сочувствуем! Правда, Стар?

— Да, — подтвердила Стар, и я поняла, что она вот-вот расплачется. — Такая красивая служба, Алли.

— Спасибо.

— И так здорово, что ты сыграла на флейте. Ты не растеряла ни капельки своего мастерства, — добавила Сиси.

Я увидела, как Селия машет мне рукой, указывая на огромный черный лимузин, поджидавший нас рядом с тротуаром.

— Послушайте, меня зовет мать Тео. Но вы же придете на поминки?

— К большому сожалению, нет, — ответила Сиси. — Но мы живем совсем неподалеку отсюда. В Баттерси, прямо за мостом. Когда немного оправившись, ждем тебя в гости. Договорились?

— Правда, Алли! Будем рады видеть тебя, — подала голос Стар и снова обняла меня. — Все девочки шлют тебе свою любовь, выражают сочувствие. Береги себя, Алли, ладно?

— Постараюсь. И спасибо за то, что пришли. У меня нет слов, чтобы сказать, как я рада, что вы тоже были здесь, вместе со мной.

Садясь в машину, я проследила взглядом, как сестры, взявшись за руки, пошли по улице в сторону моста. Меня действительно очень растрогало их присутствие на траурной церемонии.

— У тебя такие милые сестры, — сказала Селия, когда машина тронулась с места. — Как хорошо, когда в семье много детей. А я вот, как и Тео, была единственным ребенком.

— Как вы? — спросила я у нее. — В порядке?

— Какое там! Но служба была просто замечательной. Я бы даже сказала, вдохновенной. Я не могу выразить словами, что значило для меня твое выступление. Ты играла великолепно! — Селия немного помолчала, потом подавила тяжелый вздох. — Я заметила, ты беседовала с Питером, отцом Тео.

— Да.

— Он наверняка укрылся где-то в самом заднем ряду. Я его и не увидела, когда вошла в церковь. Иначе обязательно попросила бы присоединиться и сесть вместе с нами.

— Правда?

— Конечно. Все верно, мы с Питером далеко не в самых дружеских отношениях, но это ничего не меняет. Уверена, он не менее меня убит горем. Видно, сказал тебе, что на поминки не придет, да?

— Да. Но сказал, что пробудет в Лондоне еще несколько дней и будет рад встретиться со мной.

— Боже! Как это грустно, что даже похороны нашего единственного сына не объединили нас. Но как бы то ни было, — переключилась Селия на другое, когда машина остановилась возле ее дома, — а я очень благодарна тебе и за помощь, и за поддержку. Не знаю, что бы я без тебя делала, Алли. А сейчас идем к нашим гостям. И помянем моего мальчика. Выпьем за упокой души Тео.

* * *

Спустя пару дней я проснулась в гостевой комнате в доме Селии. Уютная, немного старомодно убранная комната. На окнах — занавески с цветочным орнаментом, гармонирующие по своей расцветке со стеганым покрывалом на огромной деревянной кровати и со слегка выцветшими от времени обоями на стенах. Я глянула на часы. Уже половина одиннадцатого. После траурной службы по Тео ко мне снова вернулся сон. Правда, он был тяжелым, и утром я просыпалась с больной головой, будто всю ночь меня мучили кошмары. Или будто я,

отходя ко сну, наглоталась всяких снотворных таблеток. Кстати, Селия предлагала их мне, но я наотрез отказалась. Я лежала в полумраке и чувствовала себя такой же уставшей и обессиленной, как и тогда, когда укладывалась в кровать. А ведь проспала более десяти часов. Казалось бы, можно было и отдохнуть. Я лежала и размышляла о том, что не могу до бесконечности прятаться в доме Селии, утешаясь бесконечными разговорами о Тео. Завтра Селия улетает в Италию. Хотя она любезно пригласила меня составить ей компанию, я понимала, что пора мне начинать жить по новой и двигаться дальше уже самой.

Вопрос только, куда двигаться? В каком направлении?

Одно решение тем не менее было уже принято. В ближайшие дни всенепременно свяжусь с тренером национальной сборной Швейцарии по парусному спорту и официально поставлю его в известность, что не буду принимать участие в сборах и квалификационных соревнованиях накануне Олимпиады. Правда, Селия неоднократно заявляла мне, что трагедия, случившаяся с Тео, не должна разрушать мое будущее, лишать меня любимого дела. Но всякий раз, когда я думала о возвращении на воду, меня вдруг охватывал дикий страх. Возможно, когда-нибудь эти панические настроения пройдут, но сейчас не время думать о соревнованиях. Тем более мне ли не знать, какими интенсивными будут предстоящие тренировки накануне важнейшего спортивного события во всем мире, каковым всегда является Олимпиада. А на тренировочной базе будет полно людей, лично знавших Тео. И хотя, разговаривая с Селией о ее сыне, я получала своеобразное утешение, давая выход своему горю, едва ли я смогла бы начать вести беседы о Тео с посторонними людьми. Это было выше моих сил.

Но чем заполнить дни? Тео рядом нет. Парусного спорта тоже больше нет в моей жизни. Внезапно я ощутила безмерную пустоту. Бесконечная вереница бесцельно прожитых дней — вот что ждет меня впереди. И чем заполнить образовавшуюся пропасть, я пока не знала.

Наверное, мне предстоит занять место Майи, стать такой новой «Майей» нашей семьи. Вот вернусь в Атлантис и стану переживать свое горе в полном одиночестве, как когда-то это делала Майя. Но сейчас сестра выпорхнула из отцовского дома. У нее в Рио началась

новая жизнь. Что ж, значит, я могу вернуться домой и поселиться в Павильоне, где до этого жила Майя.

Что я по-настоящему поняла за прошедшие несколько недель, так это то, что мое прежнее существование очень смахивало на такую бравурно красивую жизнь, какой обычно живет золотая молодежь. И если уж судить себя по всей строгости, то придется признаться и в том, что раньше я всегда несколько свысока смотрела на тех, кто слабее меня. Я никак не могла понять, почему все эти неудачники и слабаки не могут подняться с колен, оправиться от тех травм, которые получили, и двигаться дальше. Неужели это так трудно, думала я. И вот получила жестокий урок. Сама пережила страшную потерю и поняла наконец, что это такое — незатихающая душевная боль. Только когда сам пройдешь через страдания, можешь по-настоящему сострадать и тем, кто пережил нечто подобное.

Стараясь отыскать хоть малую толику позитива в том, что случилось со мной, я подумала, что, может быть, пережитая трагедия поможет мне самой стать лучше. Эта мысль воодушевила меня настолько, что я тут же взяла свой мобильник и включила его. Стыдно признаться, но он был отключен с того самого момента, как я узнала о гибели Тео. То есть уже почти две недели, как я не брала в руки телефон. Естественно, батарейка снова села, и я снова поставила телефон на подзарядку. Потом пошла принимать душ и уже из ванной услышала, как мобильник снова ожил и стал подавать сигналы, оповещающие о новых эсэмэсках и о новых сообщениях на голосовую почту.

Вытерлась, оделась и стала мысленно готовиться к тому, чтобы выйти на связь. Потом взяла в руки телефон и начала просматривать бесконечные сообщения от Ма и сестер. А также многочисленные эсэмэски от тех моих знакомых, кто знал Тео и кто слышал о разыгравшейся трагедии. **«Алли, в эту трудную минуту хотела бы быть рядом с тобой. Даже не представляю, что ты чувствуешь сейчас. Все мои мысли о тебе. С любовью, Майя».** Следом шло сообщение от Тигги. **«Алли, дорогая. Безрезультатно пытаюсь выйти с тобой на связь. Но ты не берешь трубку. Ма все рассказала мне. Переживаю за тебя всем сердцем. Сочувствую твоему горю. Я в твоём распоряжении, Алли, в любое время дня и ночи. Звони, если что, без раздумий. Тигги».**

Потом я переключилась на голосовую почту. Большинство позвонивших тоже выражали свои соболезнования, утешали, сопереживали моему горю. Тогда я стала намеренно пропускать некоторые сообщения, но вдруг сердце мое упало, когда я дошла до последнего сообщения и услышала голос Тео. Сообщение было отправлено десять дней тому назад. Связь отвратительная, а потому некоторые слова звучали неразборчиво, но все равно я узнала голос любимого.

«Привет, любовь моя. Звоню тебе по спутниковому телефону, пока есть такая возможность. Торчим в Кельтском море, неизвестно где. Погода продолжает свирепствовать, и даже мои ноги, устойчивые к любой качке, держат меня с трудом. Знаю, ты на меня дуешься за то, что я снял тебя с соревнований. Но я, прежде чем пойти и подремать хотя бы пару часиков, все же решил поговорить с тобой еще раз. Хочу снова повторить: мое решение списать тебя на берег никак не связано с твоим мастерством яхтсмена. Если честно, то твое отсутствие на борту яхты сейчас очень и очень заметно. Ты одна стоишь десятерых мужиков. Но! Но я люблю тебя, и в этом все дело. Я люблю тебя, моя дорогая Алли. Надеюсь, что к тому времени, как я вернусь домой, ты перестанешь дуться и снова будешь разговаривать со мной. Доброй ночи, любовь моя. Люблю тебя безмерно. Пока».

Все остальные сообщения мгновенно перестали меня интересовать, и я не стала читать дальше, а снова и снова слушала голос Тео, впитывая в себя каждое сказанное им слово. По времени поступления сообщения было понятно, что Тео отправил его где-то за час с небольшим до того, как подняться на палубу и увидеть, как Роба смывает волна. А следом бросился вниз и он сам, обрекая себя на верную гибель ради того, чтобы спасти Роба. Пока я смутно представляла себе, как сделать так, чтобы эта запись сохранилась вечно, но знала, что я сделаю все, что возможно, чтобы она навсегда осталась со мной.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала я, чувствуя, как испаряются из моей души и тают в воздухе последние крохи обиды на Тео, приказавшего мне в тот день покинуть борт яхты.

* * *

После завтрака Селия объявила, что собирается пройтись по магазинам. Надо купить кое-какие мелочи для предстоящей поездки в Италию.

— Ты уже решила, Алли, куда отправишься сейчас? Надеюсь, ты понимаешь, дом всецело в твоём распоряжении, и ты можешь оставаться и жить здесь все время, пока меня не будет. Хочешь, поехали вместе со мной. Уверена, билет до Пизы можно купить и в самый последний момент.

— Спасибо, Селия. Вы очень добры. Но, думаю, мне пора домой, — ответила я, опасаясь в глубине души, что уже превратилась в обузу для матери Тео.

— Как скажешь. В любом случае дай мне знать, где ты и что ты.

Селия ушла, а я поднялась к себе в комнату и подумала, что уже оправилась настолько, что готова нанести визит Сиси и Стар. Вначале я позвонила Сиси, зная, что всем в их дуэте заправляет именно она, но включилась голосовая почта, и тогда я перезвонила Стар.

— Алли, это ты?

— Здравствуй, Стар. Как поживаешь?

— О, все хорошо. Скажи лучше, как ты?

— Со мной тоже все в порядке. Вот собираюсь завтра заглянуть к вам на часок.

— Замечательно! Правда, завтра я буду одна. Сиси уехала на фотосессию. Снимает электростанцию в Баттерси. Хочет, чтобы этот промышленный объект в его первоначальном виде стал источником вдохновения для одного из ее будущих арт-проектов. Вот и спешит запечатлеть его, пока там не приступили к реконструкции.

— Я с удовольствием навещу и одну тебя. Не возражаешь?

— Буду очень рада.

— Хорошо. В какое время удобнее всего?

— Я дома весь день, Алли. Приходи к ланчу.

— Ладно. Тогда я подтянусь где-то к часу дня. До завтра, Стар.

Закончив разговор, я присела на кровать и подумала, что завтра я, быть может, впервые получу шанс провести какое-то короткое время наедине со своей младшей сестрой, без вездесущей Сиси рядом.

Я достала из рюкзака свой ноутбук, намереваясь проверить электронную почту. Поставила ноутбук на туалетный столик и включила в сеть. Снова многочисленные соблазновения, много спама. Какая-то неизвестная девушка по имени Тамара любезно предлагала мне свои услуги, готовая утешать меня по ночам. Потом мелькнуло еще одно незнакомое имя, некая Магдалена Йенсен. Я не сразу вспомнила, что это та переводчица, которая сейчас трудится над переводом книги из папиной библиотеки. Какое счастье, мелькнуло у меня, что я не успела нажать на клавишу delete.

От: Magdalenajensen1@trans.no

Кому: Allygeneva@gmail.com

Тема: Grieg, Solveig og Jeg/ Григ, Сольвейг и я

20 августа 2007 года

Дорогая мисс Делеси!

С огромным удовольствием перевожу вашу книгу «Григ, Сольвейг и я». Захватывающее чтение. В норвежской литературе мне еще не встречалось ничего подобного. Я подумала, что, может быть, вы захотите начать знакомиться с текстом перевода. Поэтому пересылаю вам те главы, которые я уже перевела, где-то двести страниц. Оставшийся материал перешлю вам в ближайшие десять дней.

С наилучшими пожеланиями

Магдалена

Я открыла приложение с текстом перевода и прочитала первую страницу. Потом вторую, третью... После чего перенесла ноутбук к себе на кровать, подключила его к розетке рядом с прикроватной тумбочкой, устроилась поудобнее и погрузилась в чтение...

Анна

*Телемарк, Норвегия
Август 1875 года*

13

Анна Андерсдаттер Ландвик замерла, поджидая, пока Роза, самая старая корова в их стаде, преодолет крутой склон. Как обычно, Роза плелась в самом хвосте стада, которое направлялось на свежее пастбище.

— А ты, Анна, спой для нее какую-нибудь свою песенку, — говорил ей всегда в таких случаях отец. — И она догонит остальных. Будет стараться ради тебя.

Анна запела первый куплет песни «Музыкант Пер». Эту песню Роза любила больше всего. Чистые звуки мелодии полились по низинам и рассыпались серебристыми колокольчиками. Зная, что Розе потребуется некоторое время, чтобы доковылять до нее, Анна уселась прямо на траву, приняв любимую позу. Обхватила руками колени, подперла ими подбородок и задумалась, с наслаждением вдыхая теплый вечерний воздух. Она любовалась окружающими красотами и продолжала напевать, а вокруг звенели, стрекотали, пищали сотни самых разных насекомых, обитающих в поле. Солнце уже склонялось за горы, окаймляющие долину с противоположной стороны. Последние лучи скользили по водной глади озера, делая ее золотисто-розовой. Но скоро солнце спрячется совсем, и сразу же станет темно.

С каждым днем темнело все раньше и раньше. Летние месяцы радовали обилием света. Даже в полночь было еще светло как днем. А уже сегодня, к тому времени, как Анна вернется домой, мама наверняка зажжет во всех комнатах керосиновые лампы. А потом отец и младший брат придут им на помощь, помогут закрыть летний загон для скота и начнут перегонять коров с пастбища в теплые хлева на зимовку. Обычно все эти работы знаменуют собой окончание скоротечного северного лета и приближение зимы, долгих, тягостных месяцев, которые предстоит провести почти в полной темноте. Самое

унылое время года. Скоро, совсем скоро сочная зеленая трава спрячется под толстым слоем снега, а они с матерью покинут летний домик, в котором прожили все летние месяцы, и вернутся к себе на ферму, в дом рядом с небольшим поселком Хеддал.

Но вот Роза подошла совсем близко. Корова то и дело тыкалась мордой в траву, отщипывая по листочку. По мнению отца, Роза вряд ли дотянет до следующей весны. Все уже давно потеряли счет прожитым ею годам. Одно точно: она старше Анны, которой совсем недавно исполнилось восемнадцать. При мысли о том, что в следующем году Роза уже не будет встречать ее, приветствовать своими ласковыми янтарными глазами, на глазах у Анны выступили слезы. А тут еще долгая зима впереди, с бесконечной вереницей дней, которые придется коротать в кромешной темноте. Слезинки, одна за одной, сами собой покатались по щекам Анны.

Она торопливо смахнула их рукой. Одна радость. Дома в Хеддале ее ждут не дождутся кошка Герди и верная собака Вива. Как приятно будет сидеть у теплой печки с мурлыкающей кошкой, свернувшейся калачиком у нее на коленях, и с ломтем хлеба, намазанным сверху толстым слоем *gomme* — сливочной помадки на сахарном сиропе и молоке. А Вива будет стоять на подхвате и слизывать языком все крошки с пола. Впрочем, Анна прекрасно понимала: мама не даст ей нежиться у печки и бездельничать всю зиму.

— Совсем скоро, дитя мое, ты заживешь собственным домом, и мужа тебе придется кормить уже самой. Учти, меня рядом не будет, — постоянно напоминала ей Берит, ее мама.

Самой придется сбивать масло, штопать белье, выхаживать цыплят, печь хлебные лепешки, которые так любит ее отец — он может за один присест умять дюжину таких лепешек. Но пока Анну мало занимали домашние дела и уж совсем не волновало то, как и чем она станет кормить своего воображаемого мужа. Как она ни старалась приблизиться к идеалу образцовой хозяйки дома, приходилось честно признаться, что пока ее успехи на этом поприще были весьма скромными, если таковые вообще просматривались.

— Сколько лет я учу тебя делать сливочную помадку, — совсем недавно, всего лишь на минувшей неделе, пеняла ей мать, — а у твоей помадки все равно не тот вкус. — С этими словами Берит поставила на

кухонный стол банку с сахаром и кувшин свежего молока. — Пора бы уже и научиться.

Анна старалась, очень старалась, но все равно помадка у нее постоянно подгорала снизу и крошилась по краям.

— Предательница! — с обидой шептала Анна своей любимице Виве, когда даже вечно голодная дворовая собака, готовая съесть что угодно, воротила нос и наотрез отказывалась от предложенной ей порции помадки, приготовленной Анной.

Хотя Анна окончила школу четыре года тому назад, она очень скучала по занятиям с фрекен Якобсон, учительницей, которая колесила по деревням провинции Телемарк, обучая местных детей грамоте. Каждую третью неделю месяца она проводила в их деревне. Уроки фрекен Якобсон нравились Анне гораздо больше тех занятий, которые проводил с ними строгий пастор Эрслев. Он заставлял учеников заучивать целые куски из Библии, а потом они читали эти отрывки наизусть перед всем классом. Анна ненавидела его уроки. Ее всегда бросало в жар, когда, стоя у доски, она чувствовала на себе десятки взглядов и, запинаясь и спотыкаясь, бубнила вслух всякие непонятные слова.

Жена пастора фру Эрслев была гораздо добрее своего мужа и проявляла больше терпения, когда они разучивали с ней гимны для последующего исполнения в церковном хоре. Очень часто именно Анне поручали солировать на этих выступлениях. Пение вообще, по мнению самой Анны, давалось ей гораздо легче, чем чтение. Когда она начинала петь, то просто закрывала глаза, открывала рот, и звуки, казалось, лились из нее сами собой, завораживая слушателей своей красотой.

Порой в своих мечтах Анна представляла себе, как поет перед прихожанами какой-нибудь большой церкви в Христиании. Ей всегда казалось, что именно в те минуты, когда она поет, она и живет настоящей жизнью. В реальной жизни, о чем постоянно напоминала ей мама, все обстояло иначе. Зачем деревенской девушке певческий талант? Разве что петь песенки для коров, чтобы они быстрее плелись с поля домой. А со временем она будет петь колыбельные, укладывая своих малышей спать. Нет, недюжинные вокальные способности Анны Ландвик едва ли потребуются ей в будущем. Все ее подружки-одногодки, с которыми Анна когда-то пела в одном хоре, либо

помолвлены, либо уже выскочили замуж. А теперь вот, бедняжки, пожинаяют плоды своего скороспелого решения стать замужними матронами, что, видно, совсем даже непросто. Во всяком случае, одни постоянно хворают, другие вначале растолстели, раздались вширь, а потом в положенный срок произвели на свет краснолицых, вечно хныкающих младенцев. И все как одна перестали петь в хоре.

На свадьбе старшего брата Нильса Анне пришлось выслушать от многочисленной родни не одну шутку в свой адрес. Дескать, засиделась в девках. Но поскольку конкретный соискатель на руку и сердце Анны так и не обозначился на горизонте, то и грядущую зиму ей придется коротать в родительском доме в обществе младшего брата, который уже стал открыто обзывать ее *вековухой*, как обычно кличут незамужних девиц в их деревне.

— На все воля Божия, — подшучивал над ней порой отец. — Вот увидишь! Отыщется тебе такой муженек, который не станет смотреть в тарелку с едой, что ты поставишь перед ним на столе, а будет только любоваться твоими красивыми голубыми глазками.

Анна догадывалась, кого конкретно ее родители имели на примете, рассуждая о замужестве дочери. Наверняка это Ларс Трулссен, тот смельчак, который регулярно мужественно поедал ее подгоревшие лакомства. Он тоже из Хеддала. Живет вместе с больным отцом на соседней ферме. Для двух ее братьев Ларс, единственный ребенок в семье, к тому же оставшийся в шесть лет без матери, был кем-то вроде третьего брата. Во всяком случае, в доме Ландвиков он был своим и часто оставался у них на ужин. Анна вспомнила, как в детстве они все вместе играли длинными зимними вечерами или днем, когда начинался снегопад и все вокруг утопало в снегу. Ее братья-сорванцы любили валяться на снегу, закапывать друг друга в глубокие сугробы. Их золотисто-рыжие волосы, как у всех Ландвиков, красиво выделялись на белоснежном поле. Между тем, к немалому изумлению мальчишек, Ларс, более хрупкий в сравнении с крепышами-братьями, всегда предпочитал их забавам уединение в доме, с книгой.

Будучи старшим сыном, Нильс, как и полагалось, после свадьбы остался жить с молодой женой в родовом доме Ландвиков. Однако вскоре родители молодой жены умерли, и она унаследовала родительскую ферму, расположенную в деревушке в нескольких часах езды от Хеддала. Туда и переехали молодые, начав вести

самостоятельное хозяйство. В доме остался только младший брат Кнут, который как заведенный целыми днями крутился с утра и до позднего вечера на ферме, помогая во всем отцу.

А Анна в это время сидела в доме рядом с Ларсом, который по-прежнему продолжал исправно навещать их. Он часто делился с Анной своими впечатлениями о только что прочитанной книге. Говорил он тихо, и девушке приходилось напрягать слух, чтобы расслышать, что он там рассказывает. А рассказывал Ларс всякие увлекательные истории о той жизни, которой живут люди в других местах и странах. И жизнь эта казалась Анне гораздо более интересной и насыщенной в сравнении с тем вялым и скучным существованием, которое они вели у себя в Хеддале.

— Я в полном восторге от «Пер Гюнта», — обронил Ларс как-то вечером в разговоре с ней. — Эту книгу мне прислал дядя из Христиании. Думаю, она тебе понравится. Мне кажется, что это лучшее из того, что написал Ибсен на сегодняшний день.

Анна молча опустила глаза. Ей было стыдно признаваться другу детства, что она понятия не имеет, кто такой этот Ибсен. Но Ларс и не думал упрекать девушку в отсутствии знаний. Он весьма обстоятельно поведал ей все, что знал сам, о великом норвежском драматурге, самом великом из всех живущих ныне, который, между прочим, родом из Скиена, соседнего с Хеддалом городка. Благодаря Ибсену норвежская литература, а если шире, то вся норвежская культура в целом стала известна во всем мире. Ларс прочитал все, что написал Ибсен. Впрочем, Анна была уверена, что ее друг прочитал почти все книги в мире. Однажды он даже признался ей, что и сам мечтает стать писателем.

— Но едва ли это возможно здесь, — добавил он, и его взволнованный взгляд уперся в Анну. — Норвегия — маленькая страна. Большинство людей здесь малообразованные. Вот Америка — совсем другое дело. Я слышал, что если там будешь трудиться изо всех сил, то сможешь добиться чего угодно.

Анна знала, что Ларс, готовясь к броску в Америку, самостоятельно научился читать и писать по-английски. Он даже начал сочинять стихи на английском и намеревался в скором времени отправить их какому-нибудь издателю. Всякий раз, когда Ларс заводил с ней свои разговоры об Америке, Анна чувствовала невольный укол

жалости к нему. Она прекрасно понимала, что юноше никогда не осилить такое трудное предприятие. Артрит превратил его отца в полного калеку со скрюченными в кулаки руками. Ларс выбивался из последних сил, в одиночку обихаживая отцовскую ферму и живя вместе с отцом в обветшалом и запущенном доме.

Если Ларс не приходил к ним на ужин, то отец Анны сразу же начинал жалеть парня, говорил, что отец и сын Трулссены уже столько лет лишены нормальной женской заботы. Никто за ними не ухаживает, да и в хозяйстве полнейший раздраз. Свиньи бегают по полям, вытаптывают землю, уничтожают плодородный слой, вот она и перестала родить.

— Тут еще эти дожди зарядили без конца и края, превращая все вокруг в одно сплошное болото, — продолжал размышлять вслух отец. — А мальчишка знай себе только книжки почитывает. Живет в мире фантазий, ему и дела нет до того, что творится у него на ферме и на полях.

Минувшей зимой, в один из вечеров, когда Анна старательно разбирала каждое слово, пытаясь разучить новый гимн, который дала ей фру Эрслев, за ней с противоположного конца стола, оторвавшись от своей книги, внимательно наблюдал Ларс.

— Хочешь, помогу? — вдруг предложил он.

Анна покраснела. Она поняла, что машинально произносила слова вслух, чтобы лучше запомнить их. Но терпеть рядом с собой Ларса ей тоже не очень-то и хотелось. От него вечно воняет свиньями. Однако она все же стеснительно кивнула. И Ларс передвинулся поближе к ней. Они принялись разбирать каждое слово вместе и трудились до тех пор, пока Анна не смогла свободно и без запинок прочитать весь текст гимна.

— Спасибо тебе за помощь, — поблагодарила она Ларса.

— Да не за что! — покраснел, в свою очередь, уже Ларс. — Хочешь, Анна, я помогу тебе научиться читать и писать как следует? А в знак благодарности за мои труды ты станешь изредка петь мне.

Анна понимала, что за те четыре года, что минули после окончания школы, ее навыки в чтении и письме изрядно подзабылись, а потому она согласилась. Так они с Ларсом и провели почти всю прошедшую зиму, вместе склонив головы над кухонным столом. Анна даже забросила свое рукоделие, к явному неудовольствию мамы.

Очень скоро от гимнов молодые люди перешли к чтению книг, которые Ларс приносил Анне из дома. Каждая книга была завернута в специальную обложку из вощенной бумаги, чтобы ни дождь, ни снег не могли повредить драгоценные страницы. А после того как с уроками было покончено, Анна пела для Ларса.

Поначалу отец с матерью неодобрительно относились к этим занятиям, боялись, что Анна тоже чрезмерно увлечется чтением в ущерб всему остальному, но со временем и сами стали с удовольствием слушать все то, что дочь читала им вслух по вечерам.

— Я бы, пожалуй, со всех ног убежала от этих троллей, — обронила она в один из вечеров, сидя у огня, когда закончила читать популярную норвежскую сказку «Три принцессы Белой Страны».

— А ты забыла, что у одного из троллей аж целых шесть голов? — не преминул указать ей Кнут.

— Но ведь с шестью головами на плечах быстро не побегаешь, правда? — широко улыбнулась в ответ Анна.

Она продолжала совершенствовать свои навыки и в письме. Порой Ларс подшучивал над ней, видя, как она судорожно вцепляется пальцами в карандаш и сжимает его с такой силой, что даже костяшки на руке делаются белыми.

— Никуда он от тебя не убежит, — посмеивался Ларс, кивая на карандаш, а потом начинал расправлять ее пальцы, укладывая каждый палец на свое определенное место.

Однажды поздно вечером, когда Ларс уже натянул на себя тулуп из волчьих шкур и приготовился брести по страшному холоду домой, он резко открыл дверь, и порывом ветра внутрь занесло целый рой снежинок и хлопьев снега. Одна, размером с бабочку, опустилась прямо Анне на нос. Ларс стеснительно смахнул снежинку с лица девушки, не дав ей растаять. Его большая огрубевшая рука скользнула по ее нежной коже, и тут же парень поспешно сунул руку в карман.

— Спокойной ночи, — пробормотал Ларс и вышел вон. Ночная тьма моментально поглотила его. И лишь хлопья снега продолжали медленно таять на полу возле закрытой двери.

Наконец Роза подошла вплотную к ней. Анна поднялась с земли и стала ласково почесывать корову за ушами. Потом поцеловала белую звездочку у нее на лбу. От зоркого глаза девушки не укрылось, что шерсть вокруг мягкого розового носа стала совсем седой.

— Пожалуйста, милая, дотяни до следующего лета, ладно? — прошептала она корове.

Убедившись в том, что Роза хоть и медленно, но уверенно движется в направлении остального стада, мирно жующего внизу траву, уже успевшую покрыться вечерней росой, Анна направилась в сторону их летнего дома. Она шла и размышляла о том, что пока не готова ни к каким серьезным переменам в своей жизни. И на следующее лето ей хотелось снова вернуться сюда и сидеть в поле вместе со своей любимой Розой. Наверняка домашние сочтут ее наивной дурочкой. Но Анна уже догадывалась, какое будущее уготовили ей родители. К тому же она отчетливо помнила, как странно повел себя Ларс, когда прощался с ней перед тем, как они с матерью уехали на летнюю ферму.

Он принес ей поэму Ибсена «Пер Гюнт», а вручая книгу, вдруг осторожно стиснул Анне руку. Анна даже замерла от неожиданности. Этот жест четко сигнализировал, что их отношения с Ларсом перешли на какой-то новый уровень близости и что он ей больше уже не брат, как она считала всегда. Она скользнула взглядом по его лицу и тут же заметила, что его ярко-синие глаза тоже смотрят на нее совсем иначе, чем обычно. Внезапно Ларс показался ей совсем чужим, незнакомым человеком. Ночью, лежа в постели без сна, Анна невольно ежилась, вспоминая тот взгляд Ларса. Она отлично понимала, что он значит.

Судя по всему, родители тоже были хорошо осведомлены о намерениях Ларса.

— Мы можем купить землю Трулссена в качестве приданого для Анны, — подслушала она однажды ночью разговор отца с матерью.

— Можно подыскать для Анны партию и получше, — тихо отвечала Берит своему мужу. — Вспомни, у Хааконсенсов из Бе сын до сих пор не женат.

— Нет, хочу, чтобы дочь жила рядом с нами, — ответил Андерс тоном, не терпящим возражений. — Конечно, земли Трулссена — не бог весть что. Пожалуй, года три, пока мы не восстановим почву, они не будут приносить никакого дохода. Но если мы все же сумеем

восстановить почвенный покров, то тогда наш урожай зерновых станет вдвое больше. Думаю, Ларс — это самая подходящая кандидатура для Анны... Тем более с учетом всех ее... недостатков.

Последние слова отца застряли в памяти Анны, словно заноза. В ней с каждым днем нарастало сопротивление родительским планам, особенно когда родители стали почти открыто обсуждать будущую свадьбу дочери и Ларса. Неужели они даже не спросят у меня, негодовала в душе Анна, *хочу* ли я выходить замуж за Ларса. Но никто и не собирался интересоваться ее мнением на сей счет, а сама Анна так и не осмелилась сказать отцу и матери, что, хотя Ларс ей нравится, она совсем не уверена в том, что сможет полюбить его.

Иногда она пыталась представить себе, каково это — поцеловать мужчину. Почему-то она заранее знала, что ей все эти поцелуи совсем не понравятся. Что же до другого, того акта, в результате которого на свет появляются дети, то тут она и вовсе терялась в догадках, смутно представляя, как все будет происходить. Иногда по ночам она слышала тихие стоны и поскрипывание кровати, звуки, долетавшие из родительской спальни. Однажды она даже спросила у Кнута напрямую, что бы это могло значить, но тот лишь хитровато ухмыльнулся в ответ и сказал, что именно так они все и появились на свет. И разве она не знает, как корову ведут на случку с быком... Анну само это сравнение привело в откровенное замешательство. Она вспомнила всю картину, как толкают упирающееся животное, чтобы оно взгромоздилось на холку коровы, а фермер в это время крепкой рукой направляет «штуковину» быка и заталкивает ее внутрь коровы. А потом через какое-то время на свет появляется теленок.

Хорошо бы спросить у мамы, неужели и у людей все происходит точно так же? Но разве у нее хватит храбрости интересоваться такими вещами у матери?

Что еще больше огорчало Анну, так это то, что все лето она сражалась с книгой под названием «Пер Гюнт». Дочитала до конца, потом перечитала заново и еще раз и все удивлялась сама себе. Никак она не могла взять в толк, ну почему главная героиня поэмы, бедная деревенская девушка по имени Сольвейг, всю свою жизнь прождала ужасного лоботряса и гулену Пера Гюнта. А когда он наконец *соизволил* вернуться, то с радостью приняла его и уложила шальную голову парня с его лживыми устами себе на колени.

— Я бы такую башку отрубила и бросила ее Виве, чтобы она играла с ней, как с мячом, — пробормотала Анна вполголоса, уже подходя к дому.

Единственным ее достижением за минувшее лето стало важное решение, которое она приняла: никогда, *никогда и ни за что на свете* не выходить замуж без любви.

В конце тропинки показался крепко сколоченный бревенчатый дом, который сохранял неизменным свой облик уже для нескольких поколений их семьи. Покрытая дерном крыша выделялась ярким квадратом, радующим глаз своей сочной зеленью на фоне более темных крон могучих елей, выступавших из лесной чащи. Анна зачерпнула ковш воды из бочки, стоявшей рядом с крыльцом, и наспех помыла руки, чтобы смыть с них запах коров, а потом вошла в дом. Веселенькая комната, одновременно и кухня и гостиная. Как она и предполагала, все керосиновые лампы уже горят на полную мощь.

Посреди комнаты — огромный стол, застеленный скатертью в яркую клетку, рядом у стены — пузатый резной буфет из соснового дерева. Старинная печь, которая топится дровами. Огромный открытый очаг, на огне которого они с матерью подогревают чугунный горшок с кашей на завтрак и ужин, а на обед варят овощи и мясо. В задней части дома располагались спальни: спальня для родителей, комната Кнута и крохотная спальня Анны.

Взяв лампу со стола, Анна пересекла комнату, ступая по изрядно выщербленному полу, и отворила дверь в свою каморку. Поскольку кровать стояла прямо за дверью, то Анна едва могла протиснуться в комнату, да и то боком. Она поставила лампу на ночной столик и сняла с головы чепец. Золотисто-рыжие волосы, делающие девушку похожей на модели Тициана, широкой волной рассыпались по плечам.

Анна взяла потемневшее от времени зеркальце и, усевшись на кровать, стала разглядывать себя. Вытерла грязь со лба. Нужно же появиться к ужину в пристойном виде. Какое-то время она бесцельно пялилась в потрескавшееся стекло. Нет, она совсем не находила себя привлекательной. Слишком маленький нос, особенно в сравнении с огромными голубыми глазами и пухлыми, красиво очерченными губами. Вот от зимы будет хоть одна польза. Веснушки, летом густо усеявшие переносицу и рассыпавшиеся по обеим щекам, вначале

побледнеют, а потом и вовсе исчезнут с ее лица, чтобы снова появиться вместе с наступлением весны.

Анна подавила вздох и отложила зеркальце в сторону, потом снова осторожно просунулась обратно на кухню и глянула на часы, висевшие на стене. Семь часов. Но в доме пусто. И где все? Ведь к ужину они ожидали отца и Кнута, которые должны были подъехать сюда с большой фермы.

— Эй, кто дома? — крикнула Анна, но ее вопрос остался без ответа. Тогда она вышла на крыльцо. Уже совсем стемнело. Она обошла дом с тыльной стороны и направилась туда, где прямо в землю был вколочен грубый массивный сосновый стол. К своему удивлению, именно там Анна и обнаружила своих. Родители и Кнут восседали за столом вместе с каким-то незнакомым господином. Его лицо освещал язычок пламени керосиновой лампы.

— Куда ты запропастилась, дитя мое? — спросила у Анны мать, поднимаясь из-за стола навстречу.

— Ты же сама, мама, попросила меня проверить, как коровы спустятся с горы в долину.

— Столько времени! Ты ведь ушла бог весть когда, — попеняла дочери Берит.

— Потому что долго искала Розу. Она отбилась от стада и отстала от остальных коров на целую милю, если не больше.

— Но, слава богу, ты уже дома! — В голосе Берит послышались нотки облегчения. — Этот господин приехал сюда вместе с твоим отцом и братом специально для того, чтобы повидаться с тобой.

Анна глянула на незнакомца. С чего бы ему вдруг захотелось повидаться с ней? Еще никто и никогда за всю ее, пусть и короткую, жизнь не выказывал такого желания. Она глянула на мужчину более внимательным взглядом и поняла, что он явно не из деревенских. Темный, хорошо сшитый сюртук с широкими лацканами, шелковый галстук, брюки из тонкой шерстяной фланели, слегка забрызганные грязью внизу. Нет, определенно все выдавало в нем жителя большого города. Большие, закрученные вверх усы, напоминающие рога барана. Судя по внешности, мужчине уже за пятьдесят. Внезапно Анна перехватила его взгляд и поняла, что он тоже рассматривает ее. Неожиданно он ободряюще улыбнулся.

— Ступай же, Анна, сюда и поздоровайся с герром Байером, — поманил ее пальцем отец, потчuya гостя домашним пивом.

Анна стеснительно приблизилась к незнакомцу, и тот тотчас же поднялся из-за стола и протянул ей руку для приветствия. Она тоже подала ему руку, но герр Байер не стал пожимать ее, а лишь слегка сжал обеими руками.

— Фрекен Ландвик, для меня большая честь познакомиться с вами.

— Неужели? — вполне искренне удивилась Анна, поразившись столь неожиданному приветствию. Надо же! Столько энтузиазма в голосе.

— Анна, не груби! — тотчас же одернула ее мать.

— О, не извольте беспокоиться, — немедленно подал голос незнакомец. — Уверен, Анна вовсе не хотела меня обидеть. С другой стороны, не каждый же день, возвращаясь домой с пастбища, застаешь незнакомца, который приехал специально для того, чтобы повидаться с тобой. Пожалуйста, Анна, присядьте, и я вам все сейчас объясню.

Все четверо выжидательно уставились на гостя.

— Во-первых, разрешите представиться. Меня зовут Франц Байер. Я — профессор университета в Христиании, преподаю историю Норвегии. А еще я — пианист и учитель музыки. Вместе со своими друзьями я каждое лето путешествую по провинции Телемарк. Мы изучаем народные традиции и культуру, которую вы, обитатели этих мест, сумели замечательно сохранить у себя до сих пор. Попутно мы ведем поиск молодых талантов, с тем чтобы потом представить их широкой публике в Христиании. И вот наконец я добрался до деревни Хеддал и, по своему обыкновению, первым делом направился в церковь. Там я познакомился с фру Эрслев, женой вашего пастора. Она рассказала мне, что руководит хором, а когда я спросил у нее, есть ли среди участников хора особо одаренные певцы с исключительными вокальными данными, она тотчас же назвала ваше имя. Разумеется, я сразу понял, что вы тоже из местных. Но фру Эрслев сказала мне, что на все лето вы уезжаете в горы, где у ваших родителей есть летняя ферма, и что для того, чтобы добраться туда, потребуется провести в пути целый день. К счастью, на помощь пришел ваш отец. Он и предоставил мне весь необходимый транспорт. — Герр Байер отвесил

церемонный поклон в сторону Андерса. — Милая барышня, не скрою, поначалу у меня возникли серьезные сомнения, стоит ли тащиться в такую даль, но фру Эрслев убедила меня в целесообразности поездки и заверила, что я не пожалею. Она сказала, что у вас поистине ангельский голос. И вот, — гость развел руками и широко улыбнулся, — я здесь, у вас. А ваши дражайшие родители были необыкновенно гостеприимны и позволили мне дожидаться вас.

От неожиданности Анна даже рот раскрыла, но тут же спохватилась и снова захлопнула его, плотно поджав губы и пытаюсь изо всех сил вникнуть в смысл того, что только что сообщил ей герр Байер. Не хочется выглядеть перед важным господином из города этакой неотесанной деревенской девчонкой.

— Для меня большая честь, мой господин, что вы проделали такую дальнюю дорогу только затем, чтобы повидаться со мной, — ответила она, сделав самый грациозный книксен из тех, что у нее получались.

— О, если руководительница вашего хора сказала мне правду, а ваши родители только что в разговоре со мной тоже подтвердили, что у вас есть талант, тогда это уже для меня большая честь познакомиться с вами, — любезно промолвил герр Байер. — И коль скоро вы уже здесь, хотелось бы послушать вас, Анна, и лишний раз убедиться в том, что ни фру Эрслев, ни ваши близкие не ошибаются. Спойте мне что-нибудь, Анна. Очень прошу вас.

— Конечно, споет! — безапелляционно воскликнул Андерс, глянув на дочь, которая нерешительно замерла перед ними. — Ну же, Анна!

— Но я знаю только народные песни и церковные гимны, герр Байер, — робко промолвила она.

— Уверяю вас, этого более чем достаточно, — приободрил ее герр Байер.

— Спой господину свою любимую «Музыкант Пер», — предложила мать.

— Отличное начало! — одобрительно кивнул герр Байер.

— Я раньше пела эту песню только для своих коров.

— Тогда представьте на миг, что я — ваша любимая корова и вы зазываете меня домой, — пошутил герр Байер, и в его глазах вспыхнули веселые искорки.

— Хорошо, мой господин. Я постараюсь.

Анна закрыла глаза и мысленно перенеслась на склон горы, туда, где она каждый вечер ищет, а потом зазывает домой свою любимую Розу. Сделав глубокий вдох, Анна запела. Слова полились сами собой. Грустная история о том, как бедный скрипач был вынужден продать единственную корову для того, чтобы выкупить свою скрипку. Но вот в ночном воздухе растаяла последняя нота, и Анна снова открыла глаза.

Она стеснительно глянула на гостя, ожидая его реакции на свое выступление. Некоторое время герр Байер молчал, напряженно вглядываясь в лицо Анны.

— А сейчас исполните какой-нибудь гимн, пожалуйста. Вы помните слова гимна «*Господи Боже, да святится имя Твое...*»? — прервал гость затянувшуюся паузу.

Анна молча кивнула в ответ, потом снова открыла рот и запела. На сей раз, закончив исполнение, она заметила, как герр Байер извлек из кармана большой носовой платок и промокнул им глаза.

— Вот что я скажу вам, милая барышня, — заговорил он взволнованно. — Ваше пение великолепно, оно выше всяческих похвал. А лично я готов даже вытерпеть боли в спине, которыми наверняка буду мучиться всю предстоящую ночь, так меня растроило по дороге. Но все это сущие пустяки в сравнении с тем, что я здесь услышал.

— Конечно, вы у нас заночуете, — подала голос Берит. — Мы устроим вас в комнате нашего сына Кнута. А он уляжется на кухне.

— Благодарю вас, моя госпожа. С удовольствием принимаю ваше приглашение, тем более что нам еще многое надо будет обсудить. Простите мою бесцеремонность, но не найдется ли у вас кусочка хлеба для бедного изголодавшегося странника? У меня за весь день маковой росинки во рту не было.

— О господи! — в ужасе воскликнула взволнованная Берит, начисто забывшая в суматохе появления неожиданного гостя о том, что она должна была бы первым делом покормить человека. — Простите меня, бестолковую, мой господин! Про все на свете перезабыла. Сейчас мы с Анной быстро накроем на стол.

— Отлично! А мы пока побеседуем с герром Ландвиком. Поразмыслим с ним над тем, как сделать талант вашей дочери

достоянием всей норвежской публики.

У Анны даже глаза округлись от этих слов, но она послушно заторопилась вслед за матерью в дом.

— И что этот важный господин сейчас подумает о нас? Решит, что мы начисто лишены гостеприимства... Или бедняки какие... Даже не покормили гостя! — продолжала заниматься самобичеванием Берит, выставляя на стол тарелку с хлебом, масло и блюдо с нарезанной солониной. — Вернется к себе в Христианию и начнет там рассказывать друзьям-приятелям о том, какие мы тут все неотесанные чурбаны. Скажет им, что все истории, которые они слышали о том, какой дикий народ эти деревенские, — чистая правда.

— Мамочка, герр Байер, судя по его виду, очень добрый господин. Не станет он распространять о нас всякие небылицы. Если тебе пока моя помощь не нужна, тогда я схожу во двор, принесу побольше дров для печи.

— Только поторопись! Нужно еще тарелки расставить, вилки, ножи разложить...

— Сию минуту, мамочка.

Анна вышла на улицу, неся под мышкой большую плетеную корзину. Она нагрузила полную корзину дров и какое-то время стояла, любуясь огоньками на склонах гор, сбегаящих к озеру. Огни свидетельствовали о том, что они здесь, в горах, не одни. Неподалеку тоже обитают люди. Сердце трепетало в груди Анны. Она была слишком взволнована всем тем, что только что произошло.

Собственно, пока Анна и понятия не имела, как появление в их доме неожиданного визитера отразится именно на ней. Да, она слышала, и не раз, всякие истории о том, как профессора, такие как герр Байер, ищут по всей провинции Телемарк талантливых певцов и музыкантов, а потом увозят их из родных деревень в город. А что, если герр Байер тоже предложит ей уехать вместе с ним? Хочется ли ей этого по-настоящему? Ведь она, кроме своей молочной фермы, поселка Хеддал да редких вылазок в соседний городок Скиен, нигде не была. А тут сама Христиания. Страшно даже подумать о том, что она может вот так сразу взять и уехать в столицу. Или о том, что с ней будет дальше.

Анна услышала голос матери, которая звала ее в дом. Подхватив корзину с поленьями, Анна поспешила на кухню.

На следующее утро Анна проснулась ни свет ни заря. Каких-то несколько секунд она лежала в полудреме, а потом вдруг вздрогнула, вспомнив события минувшего вечера. Вчера случилось что-то поистине невероятное. Припоминая все подробности вчерашнего ужина, она поднялась с кровати и стала одеваться. Весьма трудоемкий процесс, кстати. Вначале штанишки и нижняя сорочка, потом кремовая блузка и черная юбка, сверху жилет, украшенный разноцветной вышивкой. Ее повседневный наряд. Потом Анна собрала волосы и спрятала их под чепец, после чего принялась натягивать на ноги сапожки.

Вчера за ужином Анна спела для гостя еще две песенки и один гимн, а потом мама отправила ее спать. Разговор за столом вертелся не вокруг Анны, а вокруг того, какая необычно теплая погода установилась на дворе. Отец рассказывал гостю о видах на урожай будущего года. Но когда Анна ушла, то наверняка взрослые заговорили о ней. Прислушиваясь через стенку к приглушенным голосам родителей и герра Байера, Анна строила догадки, какое будущее они для нее планируют. Наконец она не выдержала и слегка приоткрыла свою дверь, чтобы подслушать, о чем же говорят за столом.

— Конечно, не скрою, меня заботит, что будет, если Анна уедет в город. Ведь тогда все домашнее хозяйство ляжет на плечи моей жены, — услышала она голос отца.

— По части стряпни и прочих домашних дел наша Анна, если честно, не из лучших, — призналась мать. — Но она у нас очень трудолюбивая девочка, любит животных и умеет хорошо ухаживать за ними, — добавила она.

— Не сомневаюсь, мы сможем обо всем договориться и устроить все наилучшим образом к общему удовольствию всех, — ответил герр Байер, успокаивая встревоженных родителей. — К тому же я готов компенсировать вам все издержки, которые будут сопряжены с отъездом Анны и потерей ее как работницы на вашей ферме.

Анна даже не поверила своим ушам, когда гость назвал конкретную цифру. Ну это уж совсем никуда не годится! Она тихонько прикрыла дверь.

— Да меня покупают, словно корову на рынке! — пробормотала Анна в ярости. Ее страшно разозлило, что родители станут принимать решение касательно ее будущего, руководствуясь исключительно денежными интересами. И все равно услышанное привело ее в несказанное волнение. Все внутри трепетало, и она долго не могла уснуть.

За завтраком Анна сидела молча, уткнувшись в свою миску с кашей, и слушала, как родители и брат обсуждают герра Байера, который еще крепко спал, устав после долгой и трудной дороги. Судя по всему, на смену тому энтузиазму, с которым вчера ее семья встретила предложение Байера, пришли более зрелые размышления. А правильно ли они поступят, отпустив свою единственную дочь в чужой город, да еще с незнакомцем?

— Пока мы можем верить ему только на слово, — с кислым видом сказал Кнут. Он, уступив свою кровать гостю, явно не выспался на новом месте. — Откуда нам знать, будет ли Анна в безопасности, живя в его доме?

— Ну если сама фру Эрслев отправила его к нам, одобрила его поездку сюда, то, значит, он человек богобоязненный и порядочный, — подала голос Берит, щедрой рукой накладывая кашу в миску, приготовленную для гостя. А сверху еще густо полила кашу брусничным вареньем.

— На следующей неделе, когда вернемся домой в Хеддал, обязательно схожу к пастору и переговорю и с ним, и с его женой, — сказал Андерс. Берит одобритительно кивнула.

— В любом случае он должен дать нам какое-то время, чтобы все хорошенько обдумать еще раз, — заметила она. — Пусть приедет попозже, тогда все и обсудим.

Анна не осмелилась подать голос. Ведь на весах сейчас все ее будущее. Впрочем, она и сама не до конца знала, в какую сторону должны качнуться весы, чтобы все получилось так, как ей хочется. Позавтракав, она незаметно выскользнула из дома, пока мама не успела надавать ей новых поручений. Уж лучше провести целый день среди коров, подумать обо всем в тишине и покое. Напевая про себя вполголоса, она бежала по тропинке, ведущей к пастбищу, и размышляла о том, почему ею так заинтересовался герр Байер. Будто в Христиании нет других девчонок, еще более голосистых, чем она.

Через несколько дней она вместе с родителями возвращается на зиму в Хеддал. И вдруг до Анны дошло: ведь может случиться так, что на следующее лето она уже и не приедет сюда. Обхватив Розу за шею и поцеловав ее, она снова запела во весь голос, чтобы побороть подступившие к горлу слезы.

* * *

Вернувшись через неделю в Хеддал, Андерс, как и пообещал жене, отправился с визитом к пастору. Пастор и его жена заверили Ландвика в полной благонадежности профессора Байера. Оказывается, он опекает и других молоденьких девушек, берет их под свое крыло и обучает искусству вокала. А одна из его нынешних учениц, по восторженному замечанию фру Эрслев, даже поет сейчас в хоре столичного оперного театра.

Когда через некоторое время герр Байер вторично наведалься к ним с визитом, Берит, не желая снова ударить в грязь лицом, расстаралась на славу и приготовила на обед отменную свиную лопатку. По завершении трапезы Анну отослали в курятник покормить цыплят и наполнить для них корытца свежей водой. Напрасно она еще какое-то время отиралась снаружи возле кухонного окна в надежде расслышать, о чем там говорят взрослые. Все ее усилия оказались тщетными. Наконец за ней явился Кнут и позвал в дом.

Снимая с себя пальто, Анна увидела, что родители все еще сидят за столом вместе с профессором и по-дружески потчуют его домашним пивом. Герр Байер приветствовал девушку веселой улыбкой, наблюдая за тем, как она усаживается за стол рядом с братом.

— Итак, Анна, — начал он, — ваши родители согласились отпустить вас на год в Христианию. Будете жить у меня. Я стану для вас и ментором, и учителем пения. Я уже пообещал вашим родителям, что буду опекать вас в столице. Как говорится, *in loco parentis*. Что скажете на это, Анна?

Анна молча уставилась на профессора, не зная, что сказать в ответ, чтобышний раз не продемонстрировать гостю свое невежество. Она и понятия не имела, что означает слово «ментор» или тем более *in loco parentis*.

— Герр Байер сказал, что ты будешь жить у него на квартире в Христиании, а он станет обучать тебе тому, как надо правильно петь. Профессор представит тебя в столице всяким влиятельным людям. Он пообещал нам, что будет заботиться о тебе, как о своей родной дочери, — пояснила Берит и ласково погладила Анну по коленке.

Взглянув на растерянное лицо Анны, герр Байер стал поспешно уговаривать девушку:

— Я уже пообещал вашим родителям, Анна, что вы будете жить в прекрасных условиях. В квартире проживает моя экономка фрекен Олсдаттер, она тоже будет заботиться о вас, удовлетворять все ваши нужды. Я также представил вашим родителям рекомендательные письма из университета и Музыкального общества в Христиании. А потому вам, моя юная барышня, бояться абсолютно нечего, уверяю вас.

— Понятно, — коротко обронила Анна, всецело сосредоточившись на чашке с кофе, которую мать поставила перед ней. Медленно сделала глоток, потом другой.

— Так вас устроит предложенный мною план, Анна? — настоятельно поинтересовался у нее герр Байер.

— Я... полагаю, да.

— Герр Байер также готов взять на себя все расходы по твоему содержанию в городе, — вступил в разговор отец. — Отличная возможность для тебя, Анна. Профессор считает, что у тебя большой талант.

— Я действительно так считаю, — подтвердил герр Байер. — Вы, Анна, обладаете голосом необыкновенной чистоты. Я еще не слышал таких прекрасных голосов. Разумеется, вы станете заниматься не только музыкой. Будете изучать иностранные языки. Я позабочусь о том, чтобы у вас появились достойные учителя, которые обучат вас письму и чтению...

— Простите, герр Байер, — не выдержала Анна столь откровенного унижения. — Но я и так умею и читать, и писать.

— Вот и замечательно! Значит, мы сможем приступить к нашим занятиям вокалом гораздо раньше, чем я предполагал. Так вы согласны, Анна?

Анне очень хотелось спросить у этого пожилого господина, почему он так старается. Зачем соглашается платить ее родителям

такие большие деньги? Тратить собственное время на то, чтобы совершенствовать и ее голос, и ее саму... Не говоря уже о том, чтобы позволить ей жить в его квартире... Но, поскольку никто из старших не задал подобных вопросов гостю, Анна посчитала, что и ей не стоит спрашивать о таких вещах.

— Но Христиания так далеко отсюда... И потом, целый год... Это так долго. — Голос Анны предательски дрогнул при мысли о том, что так внезапно обрушилось на нее и что ждет ее впереди. Ведь вся ее прежняя жизнь *в одночасье* станет совсем другой. Конечно, она прекрасно понимала, кто она есть. Простая деревенская девушка из самой что ни на есть глубинки. Затерянный в горах Хеддал. И впереди ее ожидало такое же простое и размеренное существование. Да, скучное, но зато вполне привычное. А тут такой разворот и полная неизвестность. К тому же ей предлагают сделать выбор, даже не дав времени поразмыслить. Нет, это уже слишком!

— Что ж...

Четыре пары глаз неотрывно смотрели на нее.

— Я...

— Да? — хором спросили у нее родители и герр Байер.

— Пожалуйста, обещайте мне, что вы не пустите Розу на мясо, когда она умрет, ладно? — попросила она отца и мать.

И с этими словами Анна Ландвик дала волю слезам.

14

После отъезда герра Байера к себе в Христианию в доме Ландвиков развернулась бурная подготовительная деятельность. Мама принялась в спешном порядке мастерить вализу — специальный вещевой мешок, в котором Анна повезет в Христианию свои незамысловатые пожитки. Две выходные юбки и две парадные блузки плюс нижнее белье, которое было перестирано и подштопано самым тщательнейшим образом. Потому что, как заметила Берит, она не допустит, чтобы ее дочь выглядела деревенской замухрышкой на фоне всех этих важных и надутых горожан. Фру Эрслев подарила Анне новенький молитвенник с чистыми хрустящими страницами и лишней раз напомнила ей о том, что она должна молиться каждый вечер на сон грядущий, благодарить Господа за все и ни в коем случае не

поддаваться соблазнам большого города. Было также решено, что пастор Эрслев встретит Анну в Драммене и будет сопровождать ее до самой Христиании, так как его пригласили в столицу на какую-то конфессиональную встречу проповедников.

У самой Анны тоже не было ни минуты свободного времени, чтобы посидеть в тишине и все хорошенько обдумать. Но как только ее начинали одолевать сомнения, а правильно ли она поступила, согласившись уехать из родительского дома на целый год, она тут же гнала сомнения прочь. Между делом мама сообщила Анне, что завтра к ним придет Ларс. И она тотчас же почувствовала, как тревожно забилося сердце в груди. Она вспомнила подслушанные разговоры своих родителей, которые обсуждали ее свадьбу с Ларсом как дело решенное. Вот так всегда. Постоянно другие люди решают за нее ее же собственное будущее, либо здесь, в Хеддале, либо в далекой Христиании.

* * *

— Ларс пришел! — крикнула ей мать утром следующего дня, будто Анна и сама не расслышала, как он месит грязь, тяжело ступая сапогами по дороге, размытой сентябрьским дождем. — Пойду открою ему дверь. Почему бы вам с ним не поговорить в зале, а?

Анна молча кивнула в знак согласия. Зала в их доме считалась «серьезной» комнатой. Там стояли диван с высокой спинкой — единственная мягкая мебель в их доме — и стеклянная горка, в которой были выставлены тарелки и всякие безделушки, которые, по мнению мамы, не стыдно было показывать людям. Когда-то в зале ставили гробы с двумя дедушками и бабушкой после того, как они отошли в мир иной. Направляясь узким коридорчиком к зале, Анна вдруг подумала, что как это ни странно, но в этой комнате в основном обитали покойники и очень редко в ней появлялись живые люди. Она открыла дверь, и сразу же в нос ударил спертый воздух давно не проветриваемого помещения.

Впрочем, предстоящий разговор с Ларсом был, по разумению Анны, под стать этой унылой и мрачной комнате и не предвещал ничего хорошего. Анна замерла у порога, прикидывая, где ей лучше

встать или сесть в момент появления Ларса. Заслышав его тяжелые шаги в коридоре, она поспешно уселась на диван, твердое сиденье которого было таким же жестким и неудобным, как и деревянная спинка.

Раздался стук в дверь, и Анну вдруг разобрал смех. Ведь еще никто не спрашивал у нее позволения войти в комнату, которая к тому же не была ее спальней.

— Входите! — сказала она достаточно громко.

Дверь отворилась, и на пороге показалась круглолицая мать.

— Ларс пришел! — сообщила она.

Анна молча смотрела на мать. Следом за ней в комнату вошел Ларс. По всему было видно, что он приложил немалые усилия для того, чтобы выглядеть достойно. Старательно причесал густые светлые волосы, надел выходную рубашку кремового цвета и темные бриджи — такая парадная форма одежды, в которой он появлялся только в церкви. А также темно-синий жилет, очень гармонирующий по цвету с его глазами. Анна вдруг подумала, что Ларс очень даже ничего. Вполне красивый парень. Но тут же вспомнила своего брата Кнута. Нет, определенно, ей вовсе не хочется *выходить замуж за Ларса*, который ей тоже как брат.

Они с Ларсом не виделись целое лето, с того самого дня, как он принес ей книжку под названием «Пер Гюнт». Анна вдруг вспомнила, как он тогда взял ее руки в свои, и нервно сглотнула слюну. Анна поднялась с дивана, чтобы поздороваться с Ларсом.

— Здравствуй, Ларс.

— Быть может, чашечку кофе, Ларс? — спросила у него мама, стоя уже у порога.

— Н-нет... Спасибо, фру Ландвик.

— Тогда я оставляю вас наедине, — проронила Берит после короткой паузы. — Побеседуйте пока без меня.

— Присаживайся, — пригласила Ларса Анна, когда за матерью закрылась дверь.

— Благодарю, — церемонно ответил Ларс, присаживаясь на диван.

Анна неловко пристроилась на противоположном конце дивана и нервно сплела на коленях кисти рук.

— Анна, — начал Ларс и слегка откашлялся. — Ты знаешь, зачем я пришел к тебе?

— Но ты же всегда ко мне приходишь, — простодушно ответила она.

Ларс издал произвольный смешок, но напряжение, повисшее в комнате, немного спало.

— Ты права. Я торчу у вас каждый день. Как прошло лето?

— Как обычно. Не хуже и не лучше, чем в прошлые годы.

— И все же это лето оказалось для тебя не совсем обычным. Разве не так? — не согласился с ней Ларс.

— Ты имеешь в виду визит герра Байера? Того господина, который приезжал к нам из Христиании?

— Да. Фру Эрслев рассказала всем о том, что он наведался к вам. Она тобой страшно гордится... И я тоже, — не преминул добавить он. — Думаю, ты сегодня самая знаменитая личность во всей нашей провинции Телемарк. Разумеется, не считая Ибсена. Так ты едешь в Христианию?

— Да. Папа и мама считают, что это для меня прекрасная возможность, которой грех не воспользоваться. По их словам, для меня огромная честь, что такой важный господин, как герр Байер, изъявил желание помочь мне.

— И они абсолютно правы. Но мне хотелось бы знать, а сама ты хочешь ехать в эту самую Христианию?

Анна задумалась.

— Знаешь, по-моему, я должна туда поехать, — промолвила она после некоторой паузы. — Тебе не кажется, что будет верхом грубости, если я отвечу этому человеку отказом? Ведь он проделал такой долгий путь сюда, а потом еще целый день добирался к нам в горы, и все для того, чтобы послушать, как я пою.

— Да, это было бы не совсем хорошо, — согласился с ней Ларс и уставился отрешенным взглядом на стену из тяжелых сосновых бревен, на которой висела картина, изображающая озеро Скисйеэн. В комнате повисло молчание, которое Анна так и не решилась нарушить первой. Наконец Ларс отвел взгляд от картины и посмотрел на Анну.

— Анна.

— Да, Ларс?

Он сделал глубокий вдох. Анна заметила, как дрожит его рука, которой он судорожно ухватился за подлокотник, чтобы унять эту дрожь.

— Перед тем как вы с матерью уехали на летнюю ферму, я имел разговор с твоим отцом. Спрашивал у него, не будет ли он против, если я... попрошу твоей руки... И мы с ним договорились, что я продам ему наши земли, а после свадьбы мы с твоими родителями будем вести совместное хозяйство. Ты была в курсе всех этих планов?

— Кое-что я слышала, — вынуждена была признаться Анна.

— И как ты отнеслась к ним? Я имею в виду, еще до приезда сюда герра Байера...

— О желании папы купить у тебя землю?

— Нет. — Ларс позволил себе иронично улыбнуться, услышав вопрос Анны. — О моем желании жениться на тебе.

— Если честно, то я посчитала все эти разговоры несерьезными. Ведь на самом деле ты вовсе не хотел жениться на мне. Во всяком случае, ты ни разу не говорил мне об этом.

Ларс бросил на нее удивленный взгляд.

— Неужели ты, Анна, никогда не догадывалась о моих чувствах к тебе? Ведь почти всю прошлую зиму я безвылазно проторчал у вас в доме. Каждый вечер учил тебя грамоте...

— Но Ларс! Ты ведь *постоянно* бывал у нас. Я тебя помню здесь с самого раннего детства. Ты... ты мне как брат. Понимаешь?

Его лицо исказила гримаса боли.

— Дело в том, Анна, что я люблю тебя. Люблю по-настоящему.

Анна взглянула на Ларса в немом изумлении. Ведь она считала, что для него брак — это нечто само собой разумеющееся, и неважно с кем, главное, чтобы было удобно для жизни. А уж что касается непосредственно ее самой, так не такая она уж и большая находка для него, особенно с учетом ее ограниченных талантов по части ведения домашнего хозяйства. Во всяком случае, большинство супружеских союзов, которые она видела за свою короткую жизнь, строилось именно на таких принципах. Чтобы было удобно и надежно. И вдруг она слышит, что Ларс любит ее... И это в корне меняет все дело...

— Ты очень добр ко мне, Ларс. Я имею в виду, что ты полюбил меня.

— Дело здесь совсем не в моей доброте, Анна. Это... — Он сконфуженно умолк. Последовала еще одна затянувшаяся пауза. Анна сидела, боясь проронить хоть слово, и размышляла о том, какими тихими и спокойными будут их семейные разговоры за ужином, когда они с Ларсом поженятся. Скорее всего, Ларс будет сидеть за столом, уткнувшись носом в свою тарелку, будет есть и молчать. Но разве это так уж хорошо?

— Вот что я хочу знать, Анна. Если бы герр Байер не предложил тебе поехать к нему в Христианию, ты бы согласилась выйти за меня замуж?

Она вспомнила, как Ларс помогал ей, как возился с нею всю минувшую зиму. И потом, он ведь ей действительно нравится и она любит его, правда, как брата, но все равно... А потому ответ может быть только таким.

— Думаю, я бы согласилась.

— Спасибо! — воскликнул Ларс и издал вздох облегчения. — Мы с твоим отцом договорились вот о чем. Я дал свое согласие на то, чтобы контракт на покупку нашей земли, с учетом всех сложившихся обстоятельств, был составлен незамедлительно. После чего я в течение года буду ждать твоего возвращения из Христиании. А когда ты вернешься, я сделаю тебе официальное предложение.

Анну охватила паника. Ларс все неправильно понял. Он не так истолковал ее слова. Вот если бы он спросил ее напрямую, *любит* ли она его так, как он любит ее, она бы честно призналась, что нет, не любит.

— Ты согласна, Анна?

И снова в комнате воцарилось молчание, пока Анна лихорадочно собиралась с мыслями.

— Надеюсь, со временем ты полюбишь меня так, как люблю тебя я, — тихо обронил Ларс. — Быть может даже, в один прекрасный день мы с тобой отправимся в Америку и начнем там новую жизнь. А это — тебе, в знак нерушимости обещания, которое мы только что дали друг другу. Надеюсь, эта вещица сейчас окажется полезнее, чем обычное кольцо.

Ларс сунул руку в карман жилета, извлек оттуда продолговатую узенькую деревянную коробочку, похожую на пенал, и протянул ее Анне.

— Я... спасибо! — немного растерялась Анна и, пройдясь пальцами по полированной поверхности деревянного пенала, открыла его. Внутри лежала перьевая ручка, самая красивая из всех, что она когда-либо видела. Наверняка, догадалась Анна, ручка обошлась Ларсу недешево. Корпус ручки был выточен из светлой сосновой древесины, по форме точно совпадающей с положением пальцев при письме. Венчал ручку изящный наконечник, куда вставлялось перо. Анна взяла ручку в свою руку так, как учил ее Ларс. Хоть она и не любила Ларса и отнюдь не горела особым желанием выходить за него замуж, но его подарок растрогал ее до слез.

— Ларс, это самая красивая вещь из всех, что у меня когда-либо были. Спасибо тебе!

— Я буду ждать тебя, Анна! — сказал Ларс. — Очень надеюсь на то, что ты воспользуешься этой ручкой для того, чтобы писать мне письма и рассказывать о своей новой жизни в Христиании.

— Обязательно! — заверила его Анна.

— Так ты согласна, чтобы по возвращении из Христиании было официально объявлено о нашей помолвке?

«Как же он сильно любит меня», — мелькнуло у Анны. Она глянула на свою новую красивую ручку, понимая, что в сложившейся ситуации ответ может быть только утвердительным.

— Да.

Лицо Ларса осветила широкая улыбка.

— Тогда я полностью доволен. А сейчас идем к твоим родителям и объявим им о нашем решении. — Ларс поднялся с дивана и взял Анну за руку. Осторожно поднес руку к губам и поцеловал ее. — Моя дорогая Анна, будем уповать на милость Божию и надеяться, что Он будет милосерден к нам обоим.

* * *

Спустя два дня все тревожные мысли о Ларсе и о том, что с ними будет через год, начисто выветрились из головы Анны. В день отъезда она поднялась засветло. Впереди ее ждала долгая дорога в Христианию. За завтраком Анна так разнервничалась, что с трудом проглотила пару вкусных блинчиков, которые мама специально

приготовила для нее. Но вот Андерс объявил, что пора в путь, и ноги у Анны тотчас же стали ватными. В последний раз она обвела глазами уютную кухню и вдруг почувствовала острое, почти непреодолимое желание немедленно распаковать свои вещи и остаться дома, оставить все как есть, выбросив все дальнейшие планы вон из головы.

— Все будет хорошо, милая. — Берит ласково погладила дочь по пушистым волосам и крепко обняла на прощание. — Не успеешь оглянуться, как год пролетит и ты снова будешь дома. Не забывай молиться, отходя ко сну. По воскресеньям обязательно ходи в церковь. И хорошенько расчесывай волосы.

— Мама, прекрати свои наставления, пожалуйста. Иначе Анна никогда отсюда не уедет, — натянуто бросил Кнут и тоже обнял сестру. — Повеселись там на полную катушку, ладно? — прошептал он ей на ухо и смахнул слезы с ее лица.

Отец запряг повозку, и они поехали в городок под названием Драммен, до которого почти день пути. Там Анна сядет на поезд, и дальше они поедут уже вместе с пастором Эрслевом. На ночлег отец с дочерью остановились в скромной гостинице, при которой была и конюшня, туда они определили на постой свою лошадь. Снова поднялись засветло, чтобы успеть к поезду на Христианию. Но на вокзал приехали намного раньше.

Пастор Эрслев уже поджидал их на платформе, запруженной пассажирами. Наконец поезд, пыхтя и извергая шипящие клубы пара, шумно въехал на платформу. Очень впечатляющее зрелище! Но вот раздался скрежет тормозов, поезд замер на перроне, и пассажиры заторопились к своим вагонам. Андерс взял увесистый вещевого мешок дочери, и они проследовали за пастором в свой вагон.

— Папочка, я очень боюсь, — прошептала Анна отцу.

— Девочка моя, ты же знаешь. Если тебе там будет плохо, ты всегда можешь вернуться домой, — поспешил успокоить ее отец и ласково погладил по щеке. — А сейчас пойдём, я усажу тебя на твое место.

Они поднялись по ступеньками вагона и пошли по узкому проходу, отыскивая места. Не успел Андерс уложить вализу с вещами Анны на металлическую полку сверху, как раздался свисток проводника, всех провожающих просили немедленно покинуть вагон. Отец торопливо поцеловал Анну на прощание.

— Не забывай регулярно писать Ларсу, чтобы все мы были в курсе твоих новостей. И помни, какая высокая честь тебе оказана. Покажи этим городским, что мы, деревенский люд, тоже знаем, как вести себя в приличном обществе.

— Постараюсь, папочка. Обещаю.

— Вот и умница. Увидимся на Рождество. Благослови тебя Господь, и храни Он тебя от всего дурного. До свидания, девочка моя.

— Не волнуйтесь, доставлю вашу дочь в столицу в целости и сохранности и передам ее из рук в руки герру Байеру, — заверил Андерса пастор Эрслев, на прощание пожимая ему руку.

Анна с трудом удержалась, чтобы не расплакаться при виде отца, покидающего вагон. Он вышел на платформу и пошел рядом с вагоном, махая вслед рукой. Но через какое-то мгновение лицо отца исчезло в клубах дыма и пара.

Пастор Эрслев тотчас же открыл свой молитвенник, а Анна занялась тем, что стала украдкой разглядывать остальных пассажиров вагона. И вскоре поняла, что она сильно выделяется в своем традиционном национальном костюме. Все мужчины и женщины были одеты по-городскому. На их фоне Анна снова почувствовала себя деревенской девчонкой, какой и была на самом деле. Она сунула руку в карман своей юбки и извлекла оттуда письмо Ларса, которое тот вручил ей вчера, когда зашел попрощаться. Он взял с нее слово, что она прочитает его письмо, когда уже будет в пути. Анна нарочито медленно вскрыла конверт. Пусть все видят, что она хоть и деревенская, но умеет *читать*.

Слова, написанные мелким бисерным почерком Ларса, зарябили перед глазами, но Анна решила не отступать и стала напряженно вчитываться в каждое слово.

Сталсберг Ванингшусет

Тиндевеген

Хеддал

18 сентября 1875 года

Дорогая Анна!

Хочу сказать, как я горжусь тобой. Постарайся воспользоваться любой возможностью для того, чтобы усовершенствовать свой голос

и лучше познакомиться с тем миром, который лежит за пределами нашего Хеддала. И не бойся новой жизни. Помни, что под красивыми городскими нарядами и вычурными манерами тех людей, с которыми тебе предстоит познакомиться, скрываются такие же простые смертные, как и мы с тобой.

А я буду с нетерпением ждать твоего возвращения домой. Пожалуйста, пиши мне о том, как тебе живется в Христиании, все ли у тебя там будет хорошо. Мне интересны любые подробности о твоей тамошней жизни.

*Остаюсь бесконечно верный тебе и любящий
Твой Ларс.*

Анна аккуратно сложила письмо и снова спрятала его в карман. Ей было трудно совместить в своем сознании неказистую внешность тихони Ларса, такого порой смешного и неловкого в обращении, с красноречивым потоком слов, буквально изливающихся из его души на бумагу. Поезд неспешно катил в сторону Христиании. Пастор Эрслев дремал, сидя в кресле напротив Анны. На носу у него повисла капелька пота, которая все дрожала, но никак не падала. Анна подавила в себе очередной приступ паники, которая тут же овладевала ею, стоило подумать о предстоящем бракосочетании с Ларсом. Однако впереди еще целый год, а за это время многое может измениться и случиться. Мало ли что... В человека, к примеру, ударит молния... Или он подхватит сильную простуду и умрет. Да и сама она тоже может умереть, почему нет, меланхолично подумала Анна, когда состав вдруг неожиданно сделал резкий крен вправо. С этой мыслью она закрыла глаза и постаралась уснуть.

* * *

— Добрый день, пастор Эрслев! Приветствую вас, фрекен Ландвик, в Христиании. Можно я буду впредь называть вас по имени, просто Анна? Ведь как-никак, а мы с вами отныне будем жить под одной крышей. Не возражаете? — спросил у Анны герр Байер, беря в руки ее вализу с вещами и галантно помогая сойти с поезда.

— Конечно, можно, мой господин, — стеснительно ответила Анна.

— Как прошла поездка, пастор Эрслев? — поинтересовался герр Байер у пожилого священника, семенящего рядом с ними по платформе.

— Спасибо, все было хорошо и вполне комфортно. Однако я выполнил свой долг и сейчас могу раскланяться, герр Байер. Тем более что уже вижу пастора Эриксона, поджидающего меня. — Пастор Эрслев сделал приветственный взмах рукой невысокому лысоватому мужчине, тоже облаченному в костюм священника. — До свидания, Анна.

— До свидания, пастор Эрслев.

Анна молча смотрела вслед пастору, с грустью наблюдая за тем, как рвется последняя ниточка, связующая ее с отчим домом и всем тем миром, в котором она обитала до сих пор. Но вот невысокая фигура пастора скрылась за воротами вокзала и смешалась с толпой пассажиров, устремившихся на привокзальную площадь, где их уже поджидали многочисленные конные экипажи.

— Сейчас мы тоже усядемся в один из них, — сказал ей герр Байер. — Обычно я еду домой на трамвае или на конке, но, как мне кажется, довольно с вас на сегодня новых впечатлений. Ведь поездка была такой долгой.

Продиктовав извозчику адрес, Байер помог Анне залезть в экипаж. Она уселась на мягкое сиденье, обитое мягким красным бархатом. «А оно гораздо удобнее, чем наш диван в парадной зале», — подумала она и почувствовала в груди приятное волнение. Надо же, она сидит в таком роскошном экипаже.

— Тут недалеко, совсем рядом, — пояснил герр Байер. — Моя экономка уже наверняка приготовила нам ужин. Вы, должно быть, сильно проголодались с дороги.

В глубине души Анне очень хотелось покататься в таком красивом экипаже подольше. Она слегка раздвинула вышитые шторы и глянула в окно, восхищенно разглядывая все вокруг, пока экипаж катил по центру города. Никакого сравнения с узенькими и кривыми улочками их соседнего городка Скиен. Широкие оживленные улицы, запруженные народом и движущимся транспортом. Все улицы по обе стороны обсажены стройными рядами деревьев. Они проехали мимо

катящейся по рельсам конки. Анна глянула на элегантно одетых пассажиров. Все мужчины в блестящих котелках, на головах у женщин — замысловатые шляпки, украшенные цветами и лентами. Анна представила себя в такой шляпке и с трудом удержалась, чтобы не рассмеяться.

— Нам, разумеется, еще многое предстоит обсудить, — сказал герр Байер, обращаясь к Анне. — Но, слава богу, времени у нас предостаточно, пока не...

— Пока что, мой господин? — поинтересовалась у него Анна.

— Пока вы не будете готовы предстать перед широкой публикой, моя юная барышня. Ну вот мы и приехали! — Профессор слегка приоткрыл окно и велел извозчику остановиться. Потом помог Анне выбраться из экипажа и подхватил ее багаж. Анна же во все глаза смотрела на кирпичное много-этажное здание. Во многих окнах ярко горел свет. Здание взметнулось высоко вверх, и казалось, что последние этажи уже достают до самых небес.

— К сожалению, пока наш дом не оборудован этими хитроумными подъемниками, новейшим изобретением, которое называется лифтом. Поэтому придется подниматься на свой этаж пешком, — пояснил Байер, когда они, миновав массивные и широкие двойные двери, вошли в просторный вестибюль с мраморным полом, каждый их шаг отдавался гулким эхом. — Всякий раз, когда я поднимаюсь к себе в квартиру, — продолжал разглагольствовать профессор, когда они стали подниматься по резной лестнице с начищенными до блеска бронзовыми поручнями, — я чувствую себя человеком, честно заработавшим свой ужин.

Анна насчитала три не очень длинных пролета и подумала, что преодолевать такую высоту гораздо проще, чем карабкаться под дождем на вершину горы, где обычно пасется их скот. Но вот герр Байер остановился на широкой лестничной площадке и отпер дверь.

— Фрекен Олсдаттер! Мы уже вернулись! Анна тоже здесь! — крикнул он куда-то в глубь квартиры и провел Анну в огромную гостиную, стены которой были оклеены дорогими обоями пурпурно-красного цвета. Такие же огромные окна, под стать размерам самой комнаты. Еще никогда Анна не видела таких больших окон.

— И куда же, позвольте спросить, запропастилась эта женщина? — несколько капризно спросил герр Байер, не обращаясь

ни к кому конкретно. — Извините меня, Анна. Оставлю вас на минуточку одну. Пойду на поиски своей экономки. А вы пока отдыхайте. Присаживайтесь и устраивайтесь поудобнее.

Однако Анна была слишком взбудоражена, чтобы просто сидеть на одном месте. А потому, оставшись одна, она стала прохаживаться по комнате, разглядывая обстановку. Возле одного из окон стоял большой концертный рояль. У другого окна примостился массивный письменный стол из красного дерева, заваленный нотами различных музыкальных произведений. По центру комнаты расположился большой диван. Он был гораздо больше и гораздо шикарнее того дивана, который украшал парадную залу в родительском доме. Возле дивана стояли два элегантных кресла с одинаковыми накидками из какой-то дорогой материи в розовато-коричневую полоску. Между диваном и креслами втиснулся невысокий журнальный столик из красивого темного дерева. На столике лежали стопки книг, а рядом — набор табакерок. Стены гостиной были увешаны картинами. В основном это были деревенские пейзажи, но совсем не такие, как в ее родных местах вокруг Хеддала. На одной стене висели какие-то дипломы в рамочках и благодарственные письма. Одно из них привлекло внимание Анны, и она подошла ближе, чтобы получше рассмотреть его.

**Университет имени короля Фридриха
награждает профессора доктора Франца Бьерна Байера,
профессора истории и члена научного совета,
Почетным дипломом
16 июля 1847 года, —**

прочитала Анна текст, написанный на норвежском языке. Чуть ниже стояла красная сургучная печать и подпись. Интересно, сколько же это лет надо учиться, подумала она, чтобы удостоиться такой высокой награды.

— Бог мой! Уже стемнело, а ведь еще только начало шестого! — воскликнул профессор, входя в комнату в сопровождении высокой худощавой женщины приблизительно одного возраста с матерью Анны. Она была облачена в платье из темной шерсти с высоким воротником-стойкой и длинной юбкой до самого пола. Несмотря на элегантный крой, фасон предельно прост, и никаких украшений. Разве что связка ключей, свисающая на цепочке с пояса и мелодично

позвякивающая при каждом движении женщины. Ее светло-каштановые волосы были собраны в аккуратный пучок, уложенный на затылке.

— Анна, это фрекен Олсдаттер, моя экономка.

— Рада познакомиться с вами, фрекен Олсдаттер. — Анна сделала вежливый книксен, как ее учили выказывать свое уважение по отношению к тем, кто старше.

— И я тоже рада, Анна, — ответила экономка. Глаза ее улыбались, глядя, как Анна после приседания возвращается в исходное положение. — Я здесь для того, чтобы обслуживать и заботиться о вас. — На последнем слове фрекен Олсдаттер сделала особое ударение. — А потому обо всех своих потребностях незамедлительно сообщайте мне... А также если вас что-то не устраивает.

— Я... — немного растерялась Анна. Неужели эта дама в таком красивом платье — обыкновенная служанка? Не может быть! — Спасибо.

— Пожалуйста, фрекен Олсдаттер, зажгите свет, — попросил ее герр Байер. — Анна, вы не замерзли? Если вам холодно, то мы можем растопить печь.

Анна на пару минут замешкалась с ответом, всецело сосредоточившись на том, что делает экономка. А та опустила с помощью длинного шнура люстру, свисающую с потолка, потом повертела какую-то бронзовую кнопку по центру люстры и поднесла к ней восковую свечу, выполняющую функцию зажигалки. И тут же крохотные язычки пламени побежали по периметру люстры, вспыхивая веселыми огоньками на замысловато украшенных консолях. Комната мгновенно наполнилась мягким золотистым светом, а саму люстру вернули в прежнее положение, подняв к потолку. Затем Анна глянула на печь, про которую только что упомянул герр Байер. Облицованная красивыми изразцами кремового цвета, с широким дымоходом, упирающимся в высокий расписной потолок. Резная каминная доска покрыта по краям позолотой. В сравнении с невзрачной чугунной печкой угольно-черного цвета, которая стоит в родительском доме, эта печка показалась Анне самым настоящим произведением искусства.

— Спасибо, герр Байер, — отреагировала она наконец на заданный ей вопрос. — Но мне очень тепло.

— Фрекен Олсдаттер, заберите, пожалуйста, у Анны пальто и отнесите его вместе с остальными вещами к ней в комнату, — попросил Байер экономку.

Анна развязала ленту у шеи, а фрекен Олсдаттер помогла ей снять пальто.

— Наверное, большой город показался вам довольно утомительным, — проронила она негромко, перекидывая пальто через руку. — Помню, я и сама была ошарашена, когда впервые приехала в Христианию из Алесунда.

Всего лишь несколько слов, из которых Анне немедленно стало понятно, что в прошлом экономка профессора была такой же простой деревенской девчонкой, как и она сама. И эта женщина прекрасно понимает все ее переживания.

— А сейчас, моя юная барышня, мы посидим, поговорим немного, выпьем чайку, если фрекен Олсдаттер любезно подаст его нам.

— Сию минуту, герр Байер! — кивнула экономка и, подхватив вализу с вещами Анны, исчезла за дверью.

Профессор жестом указал Анне на кресло, а сам устроился на диване напротив нее.

— Нам есть о чем поговорить, Анна, не так ли? Но поскольку главное — это всегда то, что происходит в настоящем времени, я начну с того, что расскажу вам, чем вы будете заниматься здесь, в Христиании. Вы сказали, что обучены грамоте, умеете хорошо читать и писать. Это сэкономит нам кучу времени. А ноты вы читать умеете?

— Нет, не умею, — честно призналась Анна.

Она увидела, как профессор придвинул к себе записную книжку в кожаном переплете и взял лакированную ручку, в сравнении с которой подарок Ларса показался обыкновенной деревяшкой. Профессор макнул перо в чернильницу, стоящую на низеньком столике рядом, и пометил что-то у себя в блокноте.

— Как я понимаю, иностранными языками вы тоже не владеете?

— Нет.

И снова профессор сделал запись.

— Доводилось ли вам когда-нибудь бывать на концерте? Я имею в виду, слушать музыкальное произведение в театре или в концертном зале.

— Нет, мой господин. Никогда. Я слушала музыку только в церкви.

— Тогда нам надо в срочном порядке восполнить этот пробел. А вы знаете, что такое опера?

— Немного знаю. Там люди поют на сцене, вместо того чтобы просто разговаривать, как в обычной пьесе.

— Именно так. А как у вас дела с арифметикой?

— Я могу считать до ста, — не без гордости в голосе сообщила профессору Анна.

Герр Байер с трудом подавил улыбку.

— Для занятий музыкой этого более чем достаточно, Анна. Как певица, вы должны уметь считать такты. Играете ли вы на каких-нибудь инструментах?

— У моего отца есть традиционная норвежская скрипка — хардингфеле, и я обучена азам игры на этой скрипке.

— О, тогда я смею заявить, что вы весьма подготовленная барышня, — удовлетворенно кивнул профессор, и в эту минуту в комнату вошла экономка с подносом в руках. — Сейчас попьем чайку, а потом фрекен Олсдаттер любезно проводит вас в вашу комнату. Встретимся уже за ужином в столовой. Ужин у нас в семь часов.

Внимание Анны немедленно привлек заварочный чайник весьма необычной формы, из которого фрекен Олсдаттер налила ей в чашку чай. По цвету чай был похож на некрепко заваренный кофе.

— Это знаменитый индийский чай «Дарджилинг», — пояснил герр Байер.

Боясь показаться невежей, Анна отхлебнула немного жидкости из чашки, имитируя каждое движение профессора. Напиток был приятен на вкус, но Анне он показался ни то ни се, особенно в сравнении с тем крепким кофе, который мама заваривала дома.

— У себя в комнате вы обнаружите кое-что из одежды, которую по моей просьбе приобрела для вас фрекен Олсдаттер. Конечно, размер ваш мы определили наугад. А сейчас, глядя на вас, я вижу, что вы еще миниатюрнее, чем показались мне в момент нашей первой встречи. А потому платья, скорее всего, придется немного подогнать по фигуре, — обронил герр Байер и добавил: — Как вы уже, видно, изволили заметить, в Христиании редко кто ходит по городу в национальных костюмах. Разве что по большим праздникам.

— Уверена, мне понравится все, что приготовила для меня фрекен Олсдаттер, и все мне окажется впору, мой господин, — вежливо ответила Анна.

— Моя милая Анна, должен признаться, я восхищен вашей выдержкой. Мне ведь приходилось иметь дело и с другими молодыми певицами, которые тоже приезжали в столицу из провинции. Понимаю, каким потрясением стал для вас подобный переезд, в одночасье сломавший привычный уклад вашей жизни. Кстати, многие из тех девушек не выдерживали подобных потрясений и при первой же возможности сбегали назад, домой. Словно мышки, ускользающие в свои норки. Почему-то мне кажется, что вы, Анна, не убежите. А сейчас ступайте к себе. Фрекен Олсдаттер поможет вам освоиться на новом месте. А я пока поработаю с бумагами, которые прихватил с собой из университета. Встречаемся ровно в семь за ужином.

— Хорошо, мой господин.

Анна поднялась с кресла и увидела, что фрекен Олсдаттер уже замерла в дверях, поджидая ее. Анна сделала еще один книксен, прощаясь с герром Байером, и вышла из гостиной. Экономка повела ее по длинному коридору в глубь квартиры. Наконец остановилась возле одной из дверей и открыла ее.

— Это ваша комната, Анна. Надеюсь, она покажется вам удобной. Юбки и блузки, которые я приготовила вам, висят в гардеробе. Позже надо будет их примерить, чтобы посмотреть, что и где следует подогнать.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Анна, окидывая взглядом огромную кровать, застеленную вышитым покрывалом. Да она раза в два больше, чем родительская кровать у них дома, мелькнуло у нее в голове. Анна увидела и новенькую льняную ночную сорочку, которая лежала на кровати в ногах.

— Я уже распаковала кое-что из ваших вещей, а с остальными помогу разобраться попозже. На ночном столике стоит кувшин с водой на тот случай, если ночью вам вдруг захочется пить. Ванная комната — в конце коридора.

«Ванная комната» — это было совершенно новое для Анны понятие. Ни с чем подобным ей еще не приходилось сталкиваться. Она посмотрела на экономку непонимающим взглядом.

— Это такая комната, — принялась объяснять фрекен Олсдаттер, — в которой имеется ватерклозет, или уборная, если по-нашему, и ванна, в которой можно мыться. Жена профессора была американкой, а потому она настояла, чтобы в квартире имелись все современные удобства. — Экономка слегка вскинула брови. Анна так и не поняла, то ли она одобряла, то ли, напротив, порицала жену герра Байера за все эти новшества. — Итак, мы вас ждем ровно в семь в столовой. — С этими словами фрекен Олсдаттер поспешно покинула комнату.

Анна подошла к гардеробу, широко распахнула дверцы и тут же издала восхищенный возглас при виде столь красивых нарядов. Четыре блузки из тончайшего батиста с высоким воротом и с застежкой из маленьких перламутровых пуговичек, две юбки из шерстяной материи. Но наибольший восторг у Анны вызвало нарядное вечернее платье с турнюром из какой-то блестящей шелковистой материи изумрудно-зеленого цвета. Наверное, это шелк, догадалась Анна. Она закрыла дверцы шкафа, чувствуя, как волна удовольствия разливается по всему телу, а потом отправилась на поиски ванной комнаты, руководствуясь подсказкой фрекен Олсдаттер.

Ванная комната показалась Анне самым чудесным из всех тех чудес, что она уже успела повидать за минувший день. В одном углу комнаты стояла широкая деревянная скамья, удерживающая эмалированный стульчак с дыркой посередине. Сверху на цепочке свисала железная ручка. Анна осторожно дернула за ручку, и вода автоматически омыла унитаз. Так вот он какой, этот туалет внутри дома, подумала она. По центру комнаты на полу, вымощенном кафельной плиткой, возвышалась глубокая, сверкающая белизной ванна. Разве можно сравнить ее с тем железным корытом, которым изредка пользовались они у себя дома в Хеддале, совершая семейные омовения. В том корыте разве что коз мыть, подумала Анна.

Размышляя обо всех тех чудесах, на которые она насмотрелась в течение дня, Анна вернулась к себе в комнату и взглянула на часы. Без четверти семь. Пора собираться на ужин. Она снова подошла к гардеробу, чтобы выбрать подходящий наряд для такого случая, и тут заметила, что на небольшом лакированном столике возле окна лежит ее ручка, которую предусмотрительно выложила экономка. Анна тут же дала себе слово, что немедленно напишет письмо Ларсу и своим

родителям, расскажет им обо всем, что уже успела увидеть. А потом занялась собственным туалетом. Надо же выглядеть пристойно на самом первом ужине в Христиании.

15

*Квартира 4
Дом 10, улица Святого Олафа
Христиания
24 сентября 1875 года*

Дорогие Ларс, мамочка, папа и Кнут!

Заранее прошу у вас прощения за ошибки по части правописания и грамматики, но, надеюсь, вы оцените мой почерк. Ведь он стал гораздо, гораздо лучше! Уже целых пять дней я живу в Христиании, и меня просто распирает от желания поскорее поделиться с вами всем тем, что я уже успела увидеть, наблюдая за городской жизнью.

Первое, что меня поразило больше всего (не сочтите, пожалуйста, нескромным, что я упоминаю о таких вещах, да еще в самом начале письма), это такое приспособление с ручкой, с помощью которой ты смываешь все после того, как сходил по нужде. И оно находится прямо в квартире! А еще огромная ванна, которую заполняют водой и потом в ней моются. Я теперь моюсь горячей водой два раза в неделю! Боюсь, что фрекен Олсдаттер, экономка профессора Байера, да и сам герр Байер вообразили, что я какая-то заразная, коль скоро меня часами надо отмачивать в горячей воде.

Еще здесь везде газовые лампы, а в гостиной стоит такая огромная печь, что она больше похожа на величественный церковный алтарь. Но зато и тепла она дает очень много. В квартире такая жара, что порой мне просто не хватает воздуха. Кажется, еще чуть-чуть, и я упаду в обморок. Фрекен Олсдаттер ведет домашнее хозяйство, готовит и подает на стол. А еще к нам каждое утро приходит служанка: она убирает квартиру, стирает и утюжит белье. Так что я пока и пальцем не пошевелила, чтобы помочь им. Никаких поручений мне пока не дают.

Мы живем на третьем этаже многоэтажного дома на улице Святого Олафа. Из окон квартиры открывается очень красивый вид

на парк, в котором местные жители гуляют по воскресным дням. Во всяком случае, из окна своей комнаты я вижу хоть какую-то зелень. И пару деревьев, но они уже почти голые. Ведь совсем скоро зима. И все же эти деревья хоть как-то напоминают мне о родном доме. (А вообще-то в городе с трудом отыщешь кусочек ничем не занятой земли: повсюду дороги, дома, улицы.)

Что же касается моих занятий музыкой, то я сейчас учусь играть на пианино. Герр Байер очень терпелив со мной, но мне кажется, что я очень тупая, и пока у меня получается плохо. Мои маленькие пальцы никак не хотят двигаться по клавишам так, как хотелось бы профессору.

Опишу вам свой обычный день, чтобы вы лучше поняли, как я тут живу. В восемь утра меня будит стуком в дверь фрекен Олсдаттер. Она уже стоит на пороге с подносом в руках. На подносе — мой завтрак. В этот момент я чувствую себя самой настоящей принцессой. Я пью чай. Постепенно я уже начинаю привыкать к его вкусу, съедаю также кусочек свежего белого хлеба. По словам профессора, точно такой же хлеб подают на завтрак в Англии и Франции. На подносе еще стоит вазочка с фруктовым повидлом, которое мажут на хлеб. После завтрака я одеваюсь в те платья, которые приготовила мне фрекен Олсдаттер. Они такие модные в сравнении с той одеждой, в которой я ходила дома. К девяти часам я иду в гостиную, и начинаются уроки музыки с герром Байером. Каждый урок длится чуть более часа. Он учит меня игре на пианино, а потом мы занимаемся нотной грамотой. Я учусь читать ноты. Мне нужно научиться понимать, как ноты, написанные на бумаге, совпадают с клавишами на пианино. Герр Байер — очень хороший учитель, и постепенно, благодаря его усилиям, я начинаю разбираться во всем этом. Отзанимавшись со мной, герр Байер идет в университет, где тоже преподает. Иногда встречается с друзьями, и они вместе обедают где-то в городе.

Середина дня — это мое самое любимое время. В первый день после приезда сюда фрекен Олсдаттер накрыла для меня одной обед в огромной столовой. И я сидела там совершенно одна, да еще за таким же огромным обеденным столом, и чувствовала себя ужасно одинокой. (Поверхность стола отполирована до такого блеска, что туда можно смотреться, как в зеркало.) Отобедав, я собрала посуду

— тарелки, стакан — и понесла все на кухню. Фрекен Олсдаттер была просто потрясена. Сказала, что это ее работа — убирать со стола. Но я в этот момент уголком глаза успела разглядеть еще одно чудо: большую чугунную плиту, которая тоже топится газом. Фрекен Олсдаттер даже показала мне, как именно она работает: поставила кастрюльку, а потом зажгла газовую горелку. И пожалуйста, вари себе что хочешь. Совсем другое дело в сравнении с тем, как варим мы на открытом огне очага. И все же и кухня, и эта плита, все так напомнило мне наш дом, что я попросила экономку, можно сказать, умолила ее позволить мне обедать вместе с ней на кухне в те дни, когда герр Байер обедает вне дома. И с тех пор мы почти каждый день обедаем вместе с ней. Ведем всякие разговоры, как старые добрые друзья. Она очень хорошая женщина и прекрасно понимает, какой странной кажется мне моя новая жизнь в большом городе. После обеда у меня час свободного времени. Я отдыхаю у себя в комнате, обычно читаю всякие книги, которые, как говорит герр Байер, должны расширить мой кругозор. Например, сейчас я читаю пьесу одного английского писателя в переводе на норвежский язык. Писателя зовут Уильям Шекспир. Наверняка вы слышали о нем. Правда, он уже давно умер. Первая из его пьес, которую я прочитала, повествует об одном шотландском короле по имени Макбет. Пьеса очень печальная. В конце все герои погибают!

Когда герр Байер возвращается из университета, я выхожу к нему. Мы вместе пьем чай, а он рассказывает мне, чем занимался весь день. На следующей неделе он собирается сводить меня в театр. Будем смотреть балет в исполнении каких-то русских артистов. Балет, по словам профессора, — это такое представление, когда все танцуют под музыку, но никто ничего не говорит. А мужчины-танцоры выступают даже не в брюках, а в рейтузах. Как девчонки. Ужас! После чая я возвращаюсь к себе в комнату. Через какое-то время переодеваюсь в вечернее платье, готовлюсь к ужину. Это платье сшила для меня фрекен Олсдаттер. Как бы я хотела, чтобы вы увидели его! Оно такое красивое... У меня еще никогда не было ничего подобного. За ужином мы пьем красное вино, которое герру Байеру присылают из Франции, и едим много рыбы под белым соусом. По словам профессора, здесь, в Христиании, все так едят. После ужина герр Байер закуривает сигару. Это табак, завернутый в сухой

табачный лист. После сигары выпивает немного бренди. А я в это время уже возвращаюсь к себе. Как правило, очень уставшая. На прикроватной тумбочке меня поджидает стакан горячего коровьего молока.

В минувшее воскресенье мы вместе с фрекен Олсдаттер ходили в церковь. Герр Байер пообещал, что в будущем он тоже составит нам компанию, но сейчас он сильно занят. Церковь огромная, как самый настоящий кафедральный собор. На службу собрались сотни людей. Как вы понимаете из того, о чем я вам рассказала, жизнь у меня здесь совсем другая, чем та, которую я вела в Хеддале. Порой мне даже кажется, что все это сон и я живу не наяву. А родной дом, он так далеко от меня.

Я думала, что герр Байер забрал меня в Христианию для того, чтобы я здесь пела. Однако пока я не пою, а только разучиваю гаммы. Гаммы — это такие упражнения для голоса, когда повторяешь по порядку все ноты от верхней до нижней и наоборот, и так по многу раз, но никаких слов.

Свой адрес я написала в самом начале письма. С нетерпением буду ждать ответа. Прошу прощения за чернильные пятна и помарки. Это ведь мое первое письмо в жизни, и оно получилось таким длинным. Я писала его долго, много часов. Твоей ручкой, Ларс! Ручка лежит на моем письменном столе, и она всегда у меня перед глазами.

Ларс, пожалуйста, передай моим маме, папе, братьям, что я очень скучаю по ним. Почитай им это письмо. Боюсь, у меня просто не будет времени написать еще одно письмо, уже им. Да они и не очень сильны в грамоте.

*Надеюсь, у тебя все хорошо. И твои свинки тоже в порядке.
Анна.*

Анна еще раз перечитала письмо самым внимательным образом. За последние пять дней она извела кучу бумаги, написав по меньшей мере дюжину вариантов письма. Начинала писать и тут же выбрасывала в урну. Она понимала, что в письме полно ошибок. Ведь она писала некоторые слова так, как их говорят, а не так, как они правильно пишутся. Но тут она здраво рассудила, что Ларс будет рад любой весточке от нее. Все же письмо, пусть и с ошибками, лучше,

чем никакого письма вовсе. К тому же ей не терпелось поделиться с близкими всеми теми чудесными переменами, какие происходят с ней в ее новой, столичной жизни. Анна аккуратно сложила письмо, поднялась из-за стола и тут случайно поймала свое отражение в зеркале. Какое-то время она внимательно изучала свое лицо.

«*Неужели это я?*» — спросила она у отражения. И, не получив ответа, направилась в ванную комнату.

Уже поздно вечером, лежа в постели, Анна прислушивалась к голосам и веселому смеху, долетавшему по коридору из гостиной. Поскольку у герра Байера были гости, то никакого ужина с ним за огромным полированным обеденным столом в этот вечер не было. Ужин Анне фрекен Олсдаттер принесла на подносе прямо в комнату. Вообще-то экономку зовут Лизой, как уже успела выяснить для себя Анна.

— Милая барышня, позвольте мне объяснить, — начал герр Байер, объявив Анне, что она не будет присутствовать на общем ужине, — причины такого моего шага. Вы делаете заметные успехи, это правда. Продвигаетесь вперед гораздо успешнее, чем многие из моих бывших студентов, которых я имел честь обучать. Но если я сейчас представлю вас своим гостям, то они наверняка тут же начнут упрашивать вас спеть для них что-нибудь. Ведь я им столько рассказывал о ваших выдающихся вокальных данных. А мы не можем устраивать ваш публичный показ, по крайней мере до тех пор, пока вы полностью не сформируетесь. И вот тогда вы предстанете перед всеми в лучах славы.

Анна уже успела привыкнуть к витиеватым речам профессора, однако выражение «полностью не сформируетесь» было ей не совсем понятно, и она долго размышляла над ним. Что это значит? Ей что, нужно отрастить себе третью руку? Конечно, третья рука ей бы не помешала на занятиях по фортепьяно. Или ей нужно нарастить пальцы на ногах, что помогло бы ей двигаться, как настоящей городской барышне? Именно об этом ей сказал один театральный режиссер, который навестил их сегодня во второй половине дня. Он сообщил Анне, что герр Байер специально пригласил его, чтобы он обучил Анну искусству, которое он сам назвал «умением держаться на сцене», в дальнейшем, когда она начнет работать в театре, это ей очень пригодится. Сюда входит и умение всегда держать голову высоко

поднятой, а пальцы ног при ходьбе постоянно стискивать так, чтобы мгновенно замереть на месте, если необходимо занять определенную позицию.

— Если вам нужно поклониться публике в самом начале выступления, то вначале дождитесь, пока стихнут аплодисменты. А уже потом легкий поклон... Вот так! — Режиссер опустил голову на грудь, коснувшись ее подбородком, приложив левую руку к правому плечу. — Таким образом вы даете присутствующим в зале понять, что по достоинству оценили их аплодисменты, после чего можете начинать петь.

В течение часа режиссер гонял Анну по гостиной, оттачивая каждое ее движение и шаг. Все это было ужасно скучно и действовало Анне на нервы. Хорошо! Она согласна! По части кулинарных дел и шитья успехи у нее не очень... Но уж ходить-то она умеет, это точно!

Анна беспокойно перевернулась на другой бок. Лежа на огромной кровати и чувствуя щекой необыкновенную мягкость подушки под головой, она в который раз спросила себя, а получится ли у нее в конце концов стать такой, какой хочет видеть ее герр Байер.

Как Анна и написала в письме Ларсу, она действительно была изначально уверена в том, что ее привезли в Христианию только из-за ее певческих талантов. И, однако, еще ни разу по приезде в столицу герр Байер не попросил ее спеть ни единой песенки. Анна понимала, что ей еще многому надо научиться и что трудно вообразить себе более терпеливого и доброго наставника, чем герр Байер. И все же порой Анне начинало казаться, что она теряет саму себя и уже никогда ей больше не быть прежней малообразованной и несведущей деревенской девочкой. Она как бы оказалась между двумя мирами. Еще какую-то неделю тому назад она и понятия не имела, что такое газовая плита или уборная в доме, а вот уже привыкла и к тому, что ее обслуживает служанка. Даже научилась пить красное вино, запивая им рыбу за ужином...

— О боже! — издала Анна произвольный стон при мысли о том, до каких же чертиков надоела ей эта бесконечная рыба.

Возможно, размышляла Анна, герр Байер считает ее наивной дурочкой, которая ни за что не догадается о его истинных намерениях на ее счет. Но довольно скоро Анна поняла, что профессор привез ее в Христианию не только затем, чтобы обучать искусству вокала, но и для

того, чтобы сделать из нее настоящую даму, с которой не стыдно показаться на людях. Ее натаскивали почти так же, как дрессируют животных. Она-то не раз видела таких дрессированных зверей на ярмарках, которые время от времени устраивались в Хеддале. Анна вдруг вспомнила тот самый вечер, когда герр Байер приехал к ним на высокогорную ферму, ужинал у них в летнем домике, и как он тогда разглагольствовал о национальной норвежской культуре, какие дифирамбы ей пел. Тогда зачем он так настойчиво и упорно добивается от Анны чего-то другого? Пытается изменить ее...

— Я для него всего лишь эксперимент... Но я не такая! — твердо сказала она сама себе, прежде чем окончательно погрузиться в сон.

Однажды морозным октябрьским утром Анна, как обычно, явилась в гостиную на очередной урок с герром Байером.

— Милая Анна, хорошо ли вы спали сегодня? — поинтересовался у нее профессор.

— Спасибо, очень хорошо, герр Байер.

— Вот и прекрасно! Рад сообщить вам, что сегодня мы с вами сделаем еще один шаг вперед. По-моему, вы уже вполне готовы к тому, чтобы начать петь. Как думаете?

— Да, герр Байер, думаю, что готова, — виновато ответила Анна, невольно почувствовав угрызения совести по поводу тех крамольных мыслей, которые пришли ей в голову несколько дней тому назад.

— Вы хорошо себя чувствуете, Анна? Что-то вы совсем бледненькая.

— Со мной все в порядке.

— Хорошо! Тогда не будем больше терять времени. Спойте-ка мне еще раз эту песенку «Музыкант Пер». Спойте мне так, как пели в тот вечер, когда я впервые увидел вас. А я вам подыграю на рояле.

Анна была настолько ошеломлена неожиданным поворотом событий, что замерла на месте, безмолвно уставившись на профессора.

— Так вы готовы?

— Я? Простите... Да, готова...

— Отлично! Начинайте!

Следующие сорок пять минут Анна перепела песенку, которую знала с колыбели, бесчисленное число раз. Герр Байер то и дело останавливал ее, просил уменьшить или, наоборот, усилить на какой-то определенной ноте «*вibrato*», как он это называл, или подольше держать паузу в некоторых местах. Или начинать считать такты... Анна старалась следовать всем указаниям своего учителя, но сделать это было не так-то просто. Ведь она пела эту песенку с четырех лет, и пела ее так, как привыкла.

Часов в одиннадцать в дверь позвонили. Анна услышала негромкие голоса в коридоре, а потом в гостиной появилась фрекен Олсдаттер в сопровождении представительного темноволосого

господина с ястребиным носом и лысиной, начинающейся прямо ото лба. Герр Байер поднялся из-за рояля и поспешил к гостю навстречу, чтобы поздороваться.

— Герр Хеннум, премного благодарен, что вы уделили нам свое время. Это фрекен Анна Ландвик, та девушка, про которую я вам рассказывал.

Господин повернулся к Анне и отвесил вежливый поклон.

— Фрекен Ландвик, герр Байер воспевал ваш голос на все лады!

— И сейчас ты лично услышишь этот дивный голос! — Профессор перешел на дружеский тон и снова повернулся в сторону рояля. — Анна, прошу вас, спойте так, как вы пели в самый первый вечер нашей встречи у себя в горах.

Анна бросила на профессора смущенный взгляд. Если ее наставник хочет, чтобы она пела так, как привыкла петь всегда, тогда почему изводил ее сейчас? Целый час потратил на то, чтобы заставить петь по-другому. Но времени задавать вопросы уже не было. Герр Байер уже коснулся клавиш, и послышались вступительные такты. А потому она просто открыла рот и запела, дав своему голосу полную свободу.

Закончив, Анна бросила вопросительный взгляд на профессора. Хорошо ли она спела? Или так себе? Кое-какие его замечания она помнила и даже постаралась учесть их во время исполнения, но многое уже успело улетучиться из памяти или просто перепуталось в голове.

— Что скажешь, Йохан? — спросил герр Байер, поднимаясь из-за рояля.

— Анна — именно такая, как ты и описал мне ее. Само совершенство! Бесподобно. Голос пока еще не вполне обработанный, но так даже лучше.

— Не думал, что у нас все так быстро получится. Я же говорил тебе, Анна в Христиании чуть больше месяца, и я только-только приступил к формированию ее голоса, — пояснил герр Байер.

Анна молча слушала, как эти два господина обсуждали ее и ее вокальные способности, и в эту минуту казалась самой себе очень даже «необработанной», похожей на такой кусок сырого мяса, которое мама приготовилась бросить в котелок, прежде чем поставить на огонь.

— Я еще не получил окончательный вариант партитуры, но, как только она появится у меня на руках, я немедленно вручу ее тебе, а потом мы возьмем Анну в театр и попросим ее спеть для герра Джозефсона. А сейчас мне пора. Фрекен Ландвик, мое почтение! — Йохан Хеннум отвесил Анне еще один галантный поклон. — Счастливым был услышать, как вы поете. Надеюсь, в самом скором будущем такую счастливую возможность получу не только я, но и многие другие слушатели. Доброго дня вам обоим.

С этими словами герр Хеннум исчез за дверями гостиной, только взметнулась вверх пелерина на его пальто.

— Отличная работа, Анна! — Профессор подошел к Анне, обхватил ее лицо руками и расцеловал в обе щеки.

— А кто этот господин? — робко поинтересовалась она у него.

— О, пока это не имеет никакого значения. А вот то, что действительно имеет значение для нас... Нам с вами предстоит много работы. Будем трудиться изо всех сил, чтобы подготовить вас как следует.

— Подготовить к чему? — не удержалась Анна еще от одного вопроса.

Но герр Байер уже не слушал ее. Он глянул на часы и воскликнул:

— О, мне тоже пора бежать. У меня через полчаса лекция. Фрекен Олсдаттер, — крикнул он в коридор, — будьте так любезны, подайте мне пальто. Сию же минуту! — Герр Байер заторопился на выход. Проходя мимо девушки, он снова улыбнулся ей. — Пока отдыхайте, Анна. А когда я вернусь, мы опять приступим к работе.

* * *

В течение двух последующих недель Анна тщетно пыталась выяснить, кто такой этот герр Хеннум и к чему такому важному они готовятся на своих ежедневных занятиях с профессором. Но тот был крайне немногословен и постоянно уходил от ответа, что буквально сводило Анну с ума. И еще она не понимала одной вещи. С чего это герр Байер вдруг пожелал, чтобы она перепела для него все народные песни, которые только знает? Ведь он же сам говорил ее родителям, что будет обучать ее такому пению, как поют в опере. *Какой прок от*

всех этих народных песен здесь, в городе? — размышляла она с несчастным видом, разглядывая унылый осенний пейзаж за окном. Еще до обеда профессор убежал в город на какое-то важное совещание. Она провела пальцем по оконному стеклу, повторяя траекторию движения дождевых капель снаружи, и внезапно почувствовала непреодолимое желание взять и выбежать на улицу. Весь минувший месяц она безвылазно проторчала дома, за исключением воскресных походов в церковь. Порой ей казалось, что она очень похожа на такого маленького дикого зверька в клетке. Неужели герр Байер забыл, что она выросла на природе и всю свою жизнь провела на открытых просторах? Ей катастрофически не хватало воздуха, она задыхалась в тесных помещениях городской квартиры, ей хотелось вернуться на родительскую ферму, где она была вольна ходить и бегать, сколько душе угодно.

— А в городе я превратилась в зверька, которого дрессируют, — сказала она сама себе, обводя глазами пустую комнату. Но тут на пороге появилась фрекен Олсдаттер и сообщила ей, что обед готов. Анна проследовала за экономкой на кухню.

— Что с вами, дорогая моя? — участливо поинтересовалась экономка у Анны. — У вас такой вид... Как у сельди, которая только что попала на крючок.

Они обе уселись за стол, и Анна поднесла ко рту первую ложку супа.

— Со мной ничего, — коротко ответила Анна. Ей не хотелось рассказывать экономке о своих переживаниях. Еще, чего доброго, та может посчитать Анну испорченной девчонкой, капризной и неблагодарной. В конце концов, ее положение в доме намного выше того положения, которое занимает сама фрекен Олсдаттер. Не говоря уже обо всех этих удобствах и том комфорте, в котором сейчас живет Анна. Она почувствовала на себе внимательный взгляд добрых и умных глаз фрекен Олсдаттер.

— Завтра я собираюсь на рынок. Надо купить мяса и овощей. Не хотите, Анна, пойти вместе со мной?

— С удовольствием! — выдохнула Анна. — Это было бы просто замечательно!

Анну тронуло, как безошибочно точно определила экономка причину ее дурного настроения.

— Тогда решено! — пообещала фрекен Олсдаттер. — Постараемся выкроить еще время, чтобы просто прогуляться по парку. У профессора завтра в университете лекции с девяти утра и до полудня. А потом он обедает где-то в городе. Так что у нас с вами, Анна, полно свободного времени. Но пусть это будет нашим маленьким секретом. Договорились?

— Да! — Анна энергично закивала в знак согласия. — Спасибо вам.

С этого дня их совместные походы на рынок стали регулярными, два раза в неделю. И Анна всегда с нетерпением ждала каждой очередной вылазки в город. Эти дни, наряду с регулярными посещениями церкви по воскресеньям, стали для Анны своеобразной отдушиной в ее размеренном и до уныния скучном существовании.

В конце ноября до нее вдруг дошло, что она торчит в Христиании уже больше двух месяцев. На самодельном календарике Анна отмечала каждый прожитый день, с нетерпением ожидая приближения Рождества, когда она поедет домой. Одна радость, в Христиании наконец выпал снег, что тоже хоть немного, но придало Анне хорошего настроения. Женщины теперь дефилировали по городским улицам в шубках, в пальто и шляпках, отороченных мехом, а руки прятали в муфты. Мода на муфты казалась Анне очень глупой. К тому же крайне неудобной. Захочешь почесать нос, к примеру, так и палец легко отморозить без рукавиц.

Внутренний распорядок ее жизни не претерпел существенных изменений. Те же ежедневные занятия вокалом. Правда, на прошлой неделе герр Байер вручил Анне экземпляр поэмы Ибсена «Пер Гюнт» и велел ей прочитать это произведение.

— А я уже читала эту книгу, — не без гордости в голосе ответила она профессору.

— Вот и хорошо! Тогда перечитывать ее вторично вам будет гораздо проще.

Но в первый вечер Анна не стала перечитывать, отложив книгу в сторону. Зачем попусту тратить время, подумала она. Ведь она и так прекрасно помнит, что там будет в конце. Но на следующее утро герр Байер устроил девушке самый настоящий допрос с пристрастием, выпытывая у нее мельчайшие подробности всего того, о чем повествуется на первых пяти страницах поэмы. Разумеется, такие

подробности уже давно выветрились из памяти Анны. Пришлось прибегнуть к откровенной лжи. Сослаться на то, что вчера вечером у нее сильно разболелась голова и она рано улеглась спать. Делать нечего! Надо приступать к чтению по новой. И тут Анна с радостью обнаружила, насколько проще ей дается сейчас сам процесс чтения, особенно если вспомнить ее летние мучения. Почти все слова были ей уже знакомы, а те немногие, которые все еще оставались непонятными, герр Байер растолковывал ей, можно сказать, разжевывал с превеликим удовольствием. Вот одного только Анна никак не могла взять в толк. Какое отношение поэма Ибсена имеет к ее будущему здесь, в Христиании?

* * *

— Моя дорогая Анна! Вчера я наконец получил обещанную партитуру от герра Хеннума! Приступаем к работе сию же минуту.

Невооруженным глазом было видно, как сильно взбудоражен профессор, как он торопится поскорее усесться за рояль и начать занятие. Сама же Анна пока с трудом представляла себе ту музыку, которую ей предстоит разучивать.

— Подумать только! У нас на руках находится экземпляр с нотами этой музыки! Ступайте ближе, Анна! Сейчас я наиграю ее вам.

Анна приблизилась к роялю и с интересом взглянула на ноты.

— «Песня Сольвейг», — пробормотала она про себя, прочитав заглавие на титульном листе.

— Именно так, Анна! И вы станете первой исполнительницей этой песни! Что скажете, а?

Анна уже успела усвоить, что на подобные вопросы наставника ответ у нее всегда должен быть только один: утвердительный.

— Скажу, что я счастлива.

— Отлично, отлично... Все до последнего надеялись, что сам маэстро Григ лично прибудет в Христианию для того, чтобы помочь оркестру и певцам в работе над его новым произведением, но, к превеликому сожалению, его родители, и отец и мать, недавно умерли, и он в настоящее время пребывает в трауре. А потому не сможет на данный момент покинуть свой родной Берген.

— Сам маэстро Григ написал эту музыку? — взволнованно переспросила Анна.

— Именно так! Генрик Ибсен попросил Эдварда Грига написать музыку к постановке драмы «Пер Гюнт» на сцене Театра Христиании. Премьера запланирована на февраль будущего года. Моя юная барышня, спешу доложить вам, что мы оба, герр Хеннум, тот человек, с которым вы познакомились несколько недель тому назад, известный дирижер, возглавляющий наш симфонический оркестр, и я, мы оба считаем, что песню Сольвейг должны спеть именно вы.

— *Я?* — не поверила своим ушам Анна.

— Да, *вы!* Именно вы, Анна.

— Но... Но я еще ни разу в жизни не выходила на сцену. Тем более на главную и самую прославленную сцену Норвегии.

— В этом-то, моя дорогая девочка, и есть вся изюминка. Герр Джозефсон, директор театра, выступающий одновременно и постановщиком спектакля, уже утвердил на роль Сольвейг одну известную актрису. Беда лишь в том, что, по словам герра Хеннума, можно быть великой актрисой, но при этом совершенно не уметь петь. Стоит ей только открыть рот, и она тут же начинает пищать, словно бродячая кошка, которую лупят за неподобающее поведение. А нам нужен чистый, прозрачный, безупречный голос. Кто-то будет стоять за сценой и исполнять песню Сольвейг, а мадам Хенсон в это время станет лишь раскрывать рот, имитируя пение. Понятно, дорогая моя?

Еще как *понятно*, подумала Анна, почувствовав укол ревности. Значит, ее так никто и *не увидит* на самой сцене. А эта неизвестная ей актриса с голосом мяукающей кошки станет притворяться, что это она сама поет. Однако тот факт, что сам главный дирижер оркестра прославленного на всю Норвегию театра полагает, что именно ее голосом должна петь некая мадам Хенсон, нельзя расценивать иначе как своеобразное признание талантов Анны. Анна прекрасно понимала, что в ее ситуации она не имеет права быть неблагодарной.

— Нам выпала величайшая удача, — взволнованно продолжал герр Байер. — Конечно, пока еще ничего не решено окончательно. Вам еще предстоит выступить перед герром Джозефсоном, режиссером постановки, чтобы он лично убедился в том, что ваш голос полностью раскрывает истинную натуру Сольвейг. Вы должны спеть песню героини Ибсена с такими чувствами, с такой самоотдачей, чтобы

публика не смогла сдержать слез, слушая ваше пение. Собственно, по замыслу постановщика, именно ваш голос должен стать своеобразным апофеозом всего спектакля, так сказать, заключительным аккордом, прежде чем опустится занавес. Маэстро Джозефсон назначил ваше прослушивание на двадцать третье декабря, на вторую половину дня. После чего он отправляется праздновать Рождество к своим родным. Окончательное решение он будет принимать по итогам прослушивания.

— Но ведь двадцать первого декабря я уезжаю в Хеддал! — протестующе воскликнула Анна, не в силах более сдержать свои чувства. — Если я задержусь в Христиании до двадцать третьего декабря, то не смогу попасть домой к Рождеству. Ведь дорога в Хеддал занимает почти два дня... Я... А не мог бы герр Джозефсон назначить мне другое время для прослушивания?

— Анна, как же вы не понимаете? Герр Джозефсон — очень занятой человек. Уже одно то, что он согласился уделить нам какую-то часть своего драгоценного времени, можно расценивать как великую честь. Понимаю, очень даже понимаю, что вам совсем не улыбается остаться на праздники здесь, в городе, вместе со мной. Но ведь это же такой шанс, быть может, единственный в вашей жизни, который способен в корне изменить все ваше будущее. А рождественских праздников у вас впереди еще очень много. И вы наверняка будете проводить их в кругу своей семьи. Но лишь раз в жизни выпадает случай исполнить песню Сольвейг в композиции, созданной совместными усилиями и талантом двух самых выдающихся наших современников и соотечественников — драматурга и композитора. Тем более речь идет о первом исполнении этого произведения! — Герр Байер раздраженно тряхнул головой. Редкий момент, когда выдержка изменила ему. — Постарайтесь, Анна, понять всю грандиозность того, что вам предлагают. А если вы не в состоянии этого сделать, что ж, тогда можете немедленно отправляться к себе домой и петь там для своих коров. И это вместо того, чтобы участвовать в премьерном показе спектакля на сцене Театра Христиании. Вне всякого сомнения, предстоящее событие навсегда войдет в культурную историю Норвегии. Так вы будете петь? Или же отказываетесь?

Анна почувствовала себя совершенно раздавленной и уничтоженной. Собственно, именно этого и добивался ее наставник.

Она послушно кивнула в ответ.

— Да, герр Байер, я буду петь.

У себя в комнате Анна до глубокой ночи проплакала в подушку. Пусть она, по словам профессора, «будет творить историю», но при мысли о том, что грядущее Рождество она проведет не дома, не в кругу семьи, и не встретится со своими близкими, сердце ее разрывалось на части от боли и тоски.

16

Христиания

16 февраля 1876 года

— Йенс, ты тут жив?! — Йенс Халворсен проснулся от голоса матери, раздавшегося за дверью его спальни. — Дора сказала мне, что ты спишь как убитый и она не может достучаться к тебе все утро.

Йенс с тяжелым вздохом сполз с кровати и внимательно изучил то, что отразило ему зеркало: взъерошенные волосы, помятая физиономия. Он спал даже не раздеваясь, в одежде.

— Я спущусь к завтраку через десять минут, — ответил он матери, не открывая дверь.

— Дорогой мой, уже обед! Завтрак ты благополучно пропустил.

— Хорошо, сейчас буду!

Йенс принялся тщательно разглядывать свои волосы в поисках первой седины в волнистой каштановой шевелюре. Конечно, имея всего лишь двадцать один год от роду, еще рано начинать заботиться о таких вещах, как седые волосы. Но он точно знал, что его отец поседел за одну ночь, когда ему только-только минуло двадцать пять. Вполне возможно, от пережитого потрясения по случаю собственного бракосочетания. Отец женился на его матери в том же самом году. Вот и Йенс каждое утро просыпался в некотором волнении: а не поседел ли и он за ночь от своих переживаний?

Десятью минутами позже, переодевшись во все чистое, он, как и обещал, появился в столовой. Поцеловав в щеку Маргарету, свою мать, Йенс занял место за столом, и Дора, их молодая служанка, начала подавать обед.

— Прости, мама. Я страшно виноват. Но вчера меня замучила сильнейшая головная боль. Именно поэтому я и провалялся в постели

допоздна. Да и сейчас мне все еще не очень хорошо. А если честно, чувствую я себя просто отвратительно.

Выражение лица матери мгновенно поменялось. От бывшего раздражения не осталось и следа. Сейчас оно было полно сочувствия и тревоги. Маргарета тут же подошла к сыну и пощупала его лоб.

— Да, лоб горячий. Неужели простуда? Бедный мальчик! Если тебе тяжело сидеть за столом, Дора подаст тебе обед прямо в постель.

— Спасибо, мама, не надо. Я отобедаю здесь. Только заранее прошу прощения за то, что съем немного. Совершенно нет аппетита.

На самом же деле Йенс, что называется, умирал от голода. Всю минувшую ночь он проторчал с приятелями в баре. Свою гулянку они закончили в каком-то портовом борделе. Что ж, вполне подобающий финал для подобных мероприятий. Наверняка вчера Йенс перебрал по части спиртного. Принял на грудь слишком большое количество скандинавской тминной водки, которую у них называют аквавитом. Во всяком случае, он весьма смутно помнил, как экипаж доставил его домой и как его стошнило прямо в канаву перед домом. А еще — как он долго и безуспешно пытался влезть по обледеневшему стволу дерева к себе в спальню, где Дора предусмотрительно оставила открытым окно. Она всегда так делала, когда он возвращался домой за полночь.

Получается, что не такой уж он отъявленный лгун. Ему действительно *было плохо* этим утром. А потом он отключился и заснул, и даже не проснулся, несмотря на все робкие попытки Доры разбудить его. Он знал, что девчонка влюблена в него по уши и всегда с готовностью подыграет ему, если это будет необходимо.

— Какая жалость, что ты отсутствовал вчера вечером, Йенс. У нас ужинал мой добрый старый друг герр Хеннум, дирижер симфонического оркестра Христиании, — прервала мать ход его мыслей. Маргарета слыла ревностной покровительницей искусства. Мать стала меценаткой благодаря деньгам отца, которыми она щедрой рукой оплачивала свое увлечение и которые они с сыном называли между собой не иначе как «пивные деньги».

— Так вечер прошел хорошо?

— О да! Вечер получился отменный. По-моему, я уже тебе рассказывала о том, что маэстро Григ написал замечательную музыку к спектаклю по не менее замечательной драме Ибсена «Пер Гюнт».

— Да, помню, мама. Ты рассказывала.

— Премьера должна состояться в феврале. К сожалению, по словам герра Хеннума, нынешний состав оркестра — увы! — не оправдал ожиданий Грига. Собственно, и самого дирижера он тоже не очень устраивает. Сама музыкальная композиция достаточно сложная. Для ее исполнения требуется высокопрофессиональный и хорошо подготовленный коллектив. Сейчас герр Хеннум занят поиском музыкантов, которые могут играть сразу на нескольких инструментах. Я сказала ему, что ты превосходно играешь не только на пианино, но еще и на скрипке, и на флейте. И он попросил, чтобы ты заглянул к нему в театр и что-нибудь сыграл.

Йенс откусил кусочек зубатки. Эту рыбу специально доставляли к ним домой с западного побережья Норвегии.

— Мамочка, напоминаю тебе, что на данный момент я изучаю химию в университете, это поможет мне продолжить семейный бизнес и тоже варить пиво, как и отец. И тебе не хуже меня известно, что папа никогда не позволит мне бросить учебу в университете и начать играть в оркестре. Боюсь, даже мое намерение тут же приведет его в бешенство.

— Но что мешает поставить отца уже перед свершившимся фактом? — спокойно возразила мать. — Вполне возможно, тогда ему останется только смириться.

— То есть ты предлагаешь мне солгать, да? — Внезапно Йенсу действительно стало плохо, и необходимость притворяться отпала сама собой.

— Нет, я говорю о другом. Когда тебе исполнится двадцать один год и ты станешь совершеннолетним, то сможешь уже самостоятельно принимать любые решения, касающиеся твоей жизни, без учета чьих-то мнений. В оркестре ты будешь получать жалованье, правда, не очень большое, но все же это хоть какой-то шаг к обретению финансовой независимости.

— Мама, до моего дня рождения еще целых шесть месяцев. А пока я всецело завишу от отца и нахожусь в его полной власти.

— Йенс, пожалуйста, послушай меня. Герр Хеннум ждет тебя завтра в театре в половине второго. Прошу тебя хотя бы просто встретиться с ним. Ведь никогда не знаешь, как и что повернется потом, в будущем.

— Мама! Я действительно нездоров! — Йенс резким движением поднялся из-за стола. — Прости, но мне лучше снова улечься в постель.

Маргарета молча проследила за тем, как сын пересек столовую, открыл дверь и громко захлопнул ее за собой. Она прижала пальцы ко лбу, чувствуя, как пульсирует кровь в висках. Маргарета прекрасно понимала, почему сын отреагировал на ее просьбу столь неподобающим образом, и виновато вздохнула.

Еще совсем маленького она сажала Йенса к себе на колени и обучала его игре на пианино. Пожалуй, одно из самых светлых и счастливых воспоминаний, связанных с детством сына, — это как его пухлые крохотные пальчики порхают над клавишами рояля. Самой ее заветной мечтой было, чтобы сын унаследовал ее музыкальные способности, которые она так и не смогла реализовать в полной мере, выйдя замуж за отца Йенса.

Ее муж Йонас Халворсен был совсем не артистической натурой. Единственное, что его волновало по-настоящему, так это количество крон, фигурировавших в бухгалтерских книгах его компании «Халворсен Брюинг». С самых первых дней их брака муж относился к музыкальным увлечениям жены с плохо скрываемым презрением, а уж занятия музыкой своего единственного сына и вовсе воспринимал в штыки. Но стоило Йонасу уйти на работу, и Маргарета тут же принималась с усердием шлифовать таланты маленького сына. К шести годам мальчик уже безо всяких видимых усилий играл сонаты, которые и не всякому студенту консерватории были бы под силу.

Когда Йенсу исполнилось десять, Маргарета, вопреки явному нежеланию мужа, устроила у себя в доме прием, на который пригласила все сливки музыкальной общественности Христиании. И все эти признанные и заслуженные музыканты пришли в полнейший восторг, услышав игру юного пианиста. И все в один голос предрекали ему большое артистическое будущее.

— Мальчика надо по достижении возраста обязательно отправить учиться в Лейпцигскую консерваторию. Там он получит должное образование и надлежащим образом усовершенствует свое мастерство. Ведь в Христиании, как вы знаете, возможности по этой части весьма ограничены, — сказал ей тогда недавно назначенный дирижером симфонического оркестра Христиании Йохан Хеннум. И добавил: — У

вашего сына огромный творческий потенциал, который обязательно раскроется при правильном обучении.

Маргарета немедленно передала разговор с дирижером мужу, но тот лишь рассмеялся в ответ.

— Моя дорогая Маргарета. Я понимаю, как ты жаждешь всей душой, чтобы наш сын стал знаменитым музыкантом. Но ты прекрасно знаешь и то, что по достижении совершеннолетия Йенс приступит к работе в нашей семейной фирме. Не для того мои предки, да и я сам не покладая рук трудились и продолжаем трудиться на протяжении полутора веков, чтобы наш семейный бизнес развалился или, что еще хуже, перешел в руки конкурентов. Если Йенсу и дальше будет нравиться тренькать на фортепьяно, пусть себе! Я не стану возражать, если он будет делать это в свободное от работы время. Но никакой профессиональной карьеры музыканта для своего сына я не допущу.

Однако столь серьезное предупреждение мужа не остудило пыл Маргареты. В дальнейшем она продолжила свои занятия музыкой с Йенсом. Помимо фортепьяно, обучила сына игре на скрипке и флейте. Она знала, что любой музыкант, выступающий в солидном симфоническом оркестре, должен владеть несколькими инструментами. Еще она обучала Йенса немецкому и итальянскому. По ее разумению, знание этих языков поможет ему в дальнейшем получить хорошее место в каком-нибудь солидном оркестре или в оперном театре уже европейского уровня.

Халворсен-старший продолжал упорно игнорировать мелодичные наигрыши, долетавшие до его кабинета из музыкальной комнаты и эхом разносившиеся по всему дому. Пожалуй, лишь единственный раз Маргарете удалось заставить мужа послушать игру сына. Это когда Йенс однажды после ужина взял в руки хардингфеле, норвежскую скрипку, и стал наигрывать на ней всякие народные мелодии. Она увидела, как моментально разгладились черты лица Йонаса, чему в немалой степени поспособствовали и несколько бокалов хорошего французского вина, выпитого за ужином. При звуках знакомой песенки по его лицу тотчас же стала блуждать мечтательная улыбка.

Но вопреки тому, что муж по-прежнему отказывался признавать музыкальные таланты сына и слышать ничего не хотел об артистической карьере для него, Маргарета продолжала истово верить

в то, что со временем, когда Йенс повзрослеет, они с сыном что-нибудь да придумают. Обязательно придумают! Но мальчик рос, прилежные занятия музыкой стали отходить на второй план, и постепенно Йонас прибрал сына к своим рукам. Вместо ежедневных двухчасовых уроков музыки Йенс теперь отправлялся вместе с отцом на пивоварню, где наблюдал за процессом варки пива или просиживал в конторе, принимая участие в подготовке разных финансовых отчетов.

Окончательно вся ситуация прояснилась три года тому назад. Тогда Халворсен-старший буквально силой заставил сына поступить в университет и заняться изучением химии. По его словам, им, пивоварам уже в третьем или четвертом поколении, знание химии очень даже полезно и необходимо. Помнится, тогда Маргарета чуть не на коленях умоляла мужа отпустить сына на учебу в Лейпцигскую консерваторию.

— У него нет никаких склонностей к химии или тем более к занятиям коммерцией! — с горячностью восклицала она. — У мальчика талант к музыке!

Йонас бросил на жену холодный взгляд.

— До поры до времени я потакал тебе и твоим увлечениям, Маргарета. Однако Йенс уже больше не ребенок и должен хорошо представлять себе, чем именно он станет заниматься в будущем. Он будет представителем пятого поколения семейства Халворсенов, которое владеет пивоваренным бизнесом. Напрасно ты обманывала себя все эти годы, строя какие-то планы насчет музыкальной карьеры для нашего сына. Пустые мечты! Семестр в университете начинается в октябре. Все! Разговор окончен, и тема закрыта раз и навсегда.

* * *

— Не плачь, мамочка, — успокаивал ее Йенс, когда она, явившись в полном отчаянии, рассказала сыну о своем разговоре с мужем. — Другого я от папы и не ожидал.

А дальше все пошло так, как и предполагала Маргарета. Йенс, которого насильно отлучили от музыки, не выказывал никакого интереса к химии. А потому учился в университете, как говорится, спустя рукава. Но что стало еще более огорчительным для его матери

— так это то, что присущий сыну веселый нрав плюс наплевательское отношение к учебе толкнули его на опасную дорожку прожигателя жизни.

Маргарета всегда плохо спала по ночам, просыпаясь от малейшего шума. А потому она была в курсе того, что очень часто сын возвращается домой уже на рассвете. У Йенса было полно приятелей, которых манили к себе его *joie de vivre* (радости жизни, которыми наполнилось его существование) и врожденный шарм. Маргарета знала о безрассудной щедрости сына. Порой он недотягивал и до середины месяца и приходил к ней с просьбой дать ему немного денег, потому как пособие, которое Йенс ежемесячно получал от отца, он уже успел спустить на подарки или одолжил друзьям.

Пугало и то, что от сына довольно часто пахло спиртным. Вполне возможно, именно чрезмерные возлияния в кругу друзей-приятелей и опустошали его карманы с такой пугающей быстротой. Наверняка в ночных похождениях Йенса были замешаны и женщины. Всего лишь на прошлой неделе она заметила следы губной помады на воротнике его рубашки. Но это она могла как-то объяснить самой себе. В конце концов, у всех молодых мужчин, да и у тех, кто постарше, есть потребность в женщинах. Это Маргарета хорошо знала по собственному опыту. Так уж устроены все мужчины, и ничего с этим не поделаешь.

Будущее сына рисовалось Маргарете вполне отчетливо: занятие делом, к которому изначально не лежала его душа, без любимой музыки, — все это неизбежно закончится тем, что с годами Йенс сопьется, станет топить свои разочарования в вине и путаться со всякими плохими женщинами, что до добра его точно не доведет. Маргарета поднялась из-за стола, молясь лишь об одном. Чтобы завтра Йенс встретился с Йоханом Хеннумом. Это единственное, подумала она, что может еще спасти сына.

* * *

Между тем Йенс, лежа в кровати, думал о том же самом, что и его мать. Он уже давно понял, что музыкальная карьера для него закрыта.

Через несколько месяцев он окончит университет и займет свое место в компании отца.

Сама мысль о подобной перспективе ужасала.

По правде говоря, он даже не знал, кого из родителей ему больше жаль: отца, сделавшегося рабом своих банковских счетов и превратившегося в простой придаток к своему успешному пивоваренному бизнесу, или мать, привнесшую в их брачный союз хорошую родословную и благородное происхождение, но всю жизнь стремившуюся к чему-то более высокому и не получившую в результате никакого удовлетворения от своей супружеской жизни. Впрочем, Йенс отлично понимал, что брак его родителей — это всего лишь выгодная для обеих сторон сделка, не более того. Беда была в том, что он оказался единственным отпрыском в их благородном семействе, а следовательно, изначально был обречен на то, чтобы стать разменной пешкой в родительских играх, касающихся его будущего. Уже давным-давно он понял, что в этой игре ему никогда не победить. А с возрастом он даже перестал и стараться, и вся его будущая жизнь стала ему совершенно безразличной.

Впрочем, сегодня мама сказала ему правду. Совсем скоро он достигнет *совершеннолетия*. Так, может, все еще есть хоть какой-то шанс *воплотить* свою давнюю мечту в жизнь? Ведь столько усилий было затрачено им в детстве на то, чтобы стать музыкантом.

Услышав, что мама после обеда отправилась куда-то в город, Йенс осторожно спустился вниз и вдруг, поддавшись неожиданному порыву, зашел в музыкальную комнату, где Маргарета занималась от случая к случаю со своими немногочисленными учениками, обучая их музыке.

Уселся на табуретку перед красивым концертным роялем, и его тело тут же автоматически приняло правильную позу. Приподнял полированную крышку и прошелся пальцами по клавишам, припомнив вдруг, что уже почти два года он не прикасался к инструменту. Начал с «Патетической» сонаты Бетховена, которая всегда была в списке его самых любимых произведений. Все материнские наставления, как именно играть эту пьесу, сами собой всплыли в его памяти, и музыка полилась свободно и легко.

— Ты должен отдавать музыке всего себя, — обронила однажды Маргарета. — Все тело и сердце, всю душу свою. Именно эти качества и отличают игру настоящих музыкантов.

Йенс совершенно забыл о времени. Музыка плыла по комнате, наполняя ее своими чистыми звуками, а вместе с ней от него вдруг отступила та неприязнь к скучнейшим лекциям по химии, которая извела его за все годы учебы в университете. И будущее, уготованное ему отцом, тоже уже не страшило. Йенс всецело растворился в божественной мелодии, которая рождалась под его пальцами. И так с ним было всегда, стоило ему сесть за рояль.

Но вот замер последний звук. Йенс почувствовал, как слезы выступили у него на глазах. Столь велика была его радость от соприкосновения с настоящей музыкой. И вдруг пришло спонтанное решение. Нет, он все же должен встретиться завтра с Йоханом Хеннумом. Обязательно должен!

* * *

Назавтра в половине второго Йенс уже восседал перед другим роялем в пустой оркестровой яме Театра Христиании.

— Я слышал, как вы играли десять лет тому назад, герр Халворсен. По словам вашей мамы, вы с тех пор успели стать непревзойденным пианистом, — обронил прославленный дирижер оркестра Йохан Хеннум в самом начале их разговора.

— Боюсь, мама, как всегда, преувеличивает мои успехи, герр Хеннум.

— Но еще она сказала мне, что вы не получили никакого систематического музыкального образования и никогда не учились в консерватории.

— К сожалению, это так. Последние два с половиной года я учусь в университете. Изучаю там химию. — По выражению лица дирижера Йенс понял, что тот уже жалеет, что согласился на встречу с ним. Пустая трата времени. Впрочем, с его стороны это с самого начала был скорее простой жест вежливости, так сказать, дань признательности за те щедрые жертвования на искусство, которыми славилась его мать. — Но я должен заметить, что мама регулярно занималась со мной музыкой на протяжении многих лет. А она, как вы знаете, является весьма авторитетным преподавателем музыки.

— Это истинная правда. Так какой из четырех инструментов, которыми вы владеете, вы считаете для себя главным?

— Разумеется, наибольшее удовольствие мне доставляет игра на фортепьяно, но я легко могу переключиться и на скрипку, и на флейту, и даже на хардингфеле, если потребуется.

— В партитуре музыки Грига к «Пер Гюнту» нет отдельной партии для фортепьяно. Но нам в оркестр нужна вторая скрипка и еще один флейтист. Вот! — Херр Хеннум протянул Йенсу несколько страниц с нотами. — Просмотрите партию флейты и прикиньте, что вы сможете сыграть, так сказать, на скорую руку. А я скоро вернусь и послушаю вас. — Дирижер отвесил Йенсу вежливый поклон и исчез за дверью, расположенной прямо под сценой.

Йенс принялся просматривать ноты. «Вступление к Акту IV: «Утреннее настроение». Потом он извлек из футляра флейту и собрал ее. В театре царил зверский холод. В помещении было почти так же холодно, как и снаружи. Температура явно опустилась уже ниже нулевой отметки. Йенс энергично потер онемевшие от холода пальцы, чтобы разогреть их и заставить бежать кровь быстрее. Затем поднес флейту к губам и наиграл первые шесть нот...

— Итак, херр Халворсен, как у нас тут дела? — нетерпеливо поинтересовался Йохан Хеннум, возникнув в оркестровой яме пятью минутами позже.

Йенс понял, что обязан произвести на этого человека должное впечатление, во всяком случае, доказать ему, что он умеет играть прямо с листа, как любой опытный музыкант. Но, слава богу, его зрительная память еще никогда не подводила его. В прошлом это не раз помогало Йенсу убедить маму в том, что он упражнялся на инструменте гораздо дольше, чем это было на самом деле. Вот и сейчас он начал играть почти по памяти, и очень скоро проникновенная музыка Грига захватила его целиком. Навязчиво повторяющаяся мелодическая тема западала в память сама собой. Ничего подобного он ранее не слышал. Но вот он закончил играть, отнял флейту ото рта и бросил вопросительный взгляд на дирижера.

— Недурственно! Очень даже недурственно для первой попытки. А сейчас попробуйте сыграть мне вот это! — воскликнул герр Хеннум и протянул Йенсу еще один листок с нотами. — Это партия первой скрипки. Посмотрим, как у вас получится.

Йенс достал из футляра скрипку и принялся настраивать ее. Потом несколько минут он внимательно изучал ноты, негромко пробуя некоторые пассажи, прежде чем начать играть.

— Очень хорошо, герр Халворсен. Ваша матушка ничуть не преувеличила, описывая ваши таланты. Сказать честно, я приятно удивлен. Вы отлично читаете с листа, что может очень даже пригодиться уже в самое ближайшее время, когда я наконец соберу всех своих оркестрантов воедино. А там очень разнородный состав, доложу я вам. Но времени на то, чтобы натаскивать нерадивых и цацкаться с неумехами, у меня не будет. Вообще-то, должен вам заметить, играть в составе оркестра гораздо труднее, чем выступать солистом. Со временем вы сами это поймете, но сразу же предупреждаю: никакой расхлябанности от своих оркестрантов я не терплю. Обычно я долго обдумываю, прежде чем взять в свой оркестр новичка, но тут меня подгоняет нужда. А потому рассчитываю на то, что в течение недели вы приступите к репетициям. Что скажете?

Йенс изумленно посмотрел на дирижера. Кажется, этот человек предлагает ему работу, если он только не ослышался. А ведь Йенс был абсолютно уверен, что при своем недостатке опыта может рассчитывать только на отрицательный ответ. Впрочем, ни для кого в Христиании не является таким уж большим секретом то, что местный симфонический оркестр — это действительно довольно пестрое сборище, что и не удивительно. Ведь в Норвегии пока нет признанной музыкальной школы по подготовке артистов, а потому и выбирать особенно не из кого. Йенс вспомнил, как мать однажды рассказывала ему, что одно время в оркестре играл даже десятилетний мальчишка.

— Для меня большая честь быть зачисленным в ваш оркестр накануне такой важной премьеры, — нашелся наконец с ответом Йенс.

— Я тоже буду счастлив числить вас среди своих музыкантов, герр Халворсен. Зарплаты у нас, правда, весьма скромные. Впрочем, не думаю, что это вас особо волнует. А вот репетиции в ближайшие несколько недель будут долгими и напряженными. Да и обстановка, как вы уже, наверное, сами успели заметить, не самая благоприятная. Советую укутываться потеплее.

— Хорошо, герр Хеннум.

— Вы сказали, что в настоящее время обучаетесь в университете, верно? Полагаю, что работа в оркестре доставит вам больше

удовольствия, чем лекции в аудиториях. Я прав?

— Да, — ответил Йенс, уже заранее зная, что отец отреагирует на эту новость совсем иначе. Но поскольку первоначальная инициатива исходила от матери, вот пусть теперь и разбирается сама со всеми семейными проблемами, грозящими возникнуть уже в ближайшие дни. Как бы то ни было, а это — его путь к свободе, и Йенс намерен следовать им.

— Пожалуйста, передайте своей матери, что я ей крайне признателен за то, что она прислала вас ко мне.

— Обязательно передам, герр Хеннум.

— Итак, повторяю еще раз. Репетиции начнутся со следующей недели. Жду вас ровно в девять утра в понедельник. А сейчас мне нужно срочно заняться поисками более или менее приличного фаготиста. А такого мне в жизни своей не найти в нашем забытом богом городе. Всего вам доброго, герр Халворсен. Надеюсь, дорогу найдете сами.

Йенс молча проследил за тем, как дирижер вторично ретировался из оркестровой ямы. Что говорить, Йенс был взволнован, сбит с толку тем, как внезапно жизнь совершила такой кульбит. Йенс повернулся лицом к зрительному залу. Пустое пространство зала показалось ему мрачным. Он много раз бывал здесь с матерью на различных концертах и оперных спектаклях. Но сейчас другое дело, подумал он, резко поднимаясь с табуретки у рояля. Совсем другое! И эта мысль приятно взволновала Йенса. Ведь он вполне отдавал себе отчет в том, как постепенно деградирует все последние годы, как живет, стараясь ни о чем не думать, как ненавидит свою учебу в университете и как страшится своего будущего в качестве потомственного пивовара.

И вот сейчас, когда он сыграл всего лишь несколько пассажей изумительной по своей красоте музыки из нового произведения Грига, он вдруг снова ощутил в себе то трепетное волнение и восторг, которые всегда испытывал в прошлом, когда занимался музыкой. В детстве он мог часами лежать без сна в постели, прокручивая в голове разные мелодии, которые на следующее утро пытался воспроизвести по памяти на фортепьяно. Кстати, он их никогда не записывал. Он просто сочинял музыку, и это доставляло ему величайшее удовольствие.

И вот сейчас, сидя в полутемной оркестровой яме, Йенс вдруг непроизвольно коснулся замерзшими пальцами клавиш рояля, пытаюсь вспомнить те мелодии, которые он сочинял в детстве. Там была одна, очень похожая на ту мелодию Грига, которую он только что озвучивал. Тоже такая своеобразная реминисценция старинных народных песен. И Йенс принялся наигрывать эту полузабытую мелодию перед пустым зрительным залом.

17

*Сталсберг Ванингшусет
Тиндевеген
Хеддал*

*14 февраля 1876 года
Дорогая Анна!*

Спасибо за последнее твоё письмо. Как всегда, в твоих письмах, где ты рассказываешь о своей жизни в Христианиши, много познавательного и забавного. Улыбка не сходит с моего лица, пока я их читаю. Кстати, должен заметить, что твои навыки письма улучшаются с каждым разом, и ошибок тоже все меньше и меньше. У нас в Хеддале все по-старому. Встретили Рождество, как обычно. Жаль только, что не было рядом тебя. А в остальном... Сама знаешь, это самое холодное и темное время года, когда в спячку впадают не только животные, но и люди. Снега в этом году выпало намного больше. Его так много, что не выдержала крыша в нашем старом деревенском доме. Прохудилась и дала течь. Надо срочно, еще до наступления весенней оттепели, менять дерн. Иначе мы рискуем получить внутри дома целое замерзшее озеро, на котором можно будет кататься на коньках. Отец говорит, что и не припомнит, когда этот дерн меняли в последний раз. Явно это было еще до его появления на свет. Так что крыша послужила нам верой и правдой много-много лет. Кнут обещал мне помочь по весне, за что я ему очень благодарен.

Он сейчас напропалую ухаживает за одной молодой барышней из соседней деревни, неподалеку от Скиена. Девушку зовут Сигрид, она очень милая, хорошенькая, правда, очень уж тихая. Но твоим

родителям она понравилась. Так что летом наверняка в нашей церкви прозвучат свадебные колокола в честь молодых. Молю Бога, чтобы к тому времени ты уже вернулась домой и смогла лично поприсутствовать на свадьбе брата.

Невозможно вообразить, что ты тоже будешь участвовать в премьерной постановке моей любимой драмы Ибсена, да еще исполнять музыку, написанную самим маэстро Григом. Довелось ли тебе увидеть живого Ибсена? Ведь наверняка он обязательно появится в театре, чтобы самолично убедиться в том, что сценическое воплощение драмы полностью совпадает с его замыслом. Впрочем, я где-то читал, что в настоящее время он обитает в Италии. Полагаю, у тебя сейчас не будет времени, чтобы сразу же ответить на мое письмо. Ведь до премьеры осталось всего ничего, каких-то десять дней, и ты все время занята на репетициях. А потому я заранее желаю тебе и твоему прекрасному голосу всяческих успехов и наилучшего выступления.

*Твой вечный почитатель
Ларс.*

P.S. Я посылаю тебе вместе с письмом одно из своих стихотворений, которое я сравнительно недавно отправил вместе с другими своими стихами в Нью-Йорк издателю по фамилии Скрибнер. Для тебя я специально перевел это стихотворение на норвежский язык.

Анна начала читать стихотворение, которое называлось «Ода в честь серебристой березы». Поскольку она и понятия не имела, что означает слово «ода», то она лишь пробежала текст глазами. Некоторые длинные слова ей тоже были неизвестны, а потому она отложила стихотворение в сторону и снова придвинула к себе тарелку, чтобы продолжить завтрак. Хорошо Ларсу писать о том, какой интересной и насыщенной жизнью живет она в Христиании. На самом деле это далеко не так. За все это время Анна лишь дважды побывала в театре. Первый раз — перед Рождеством, когда она показывалась герру Джозефсону. И тот согласился с тем, что именно она и будет петь партию Сольвейг. А второй раз она была там на прошлой неделе, когда состоялась генеральная репетиция и первый прогон всего спектакля.

Анна наблюдала за происходящим на сцене, стоя за кулисами и оттуда пытаясь вникнуть в смысл самой пьесы.

Конечно, она и предположить не могла, что такое величественное здание, как Театр оперы и балета, будет стоять в зимнее время неотопливаемым. А ей пришлось просидеть почти весь день за сценой, мало того что в холоде, так еще и на сквозняках. Домой она возвратилась, окоченев до смерти. Потому что вмешался еще и случай. Первые три акта прошли гладко, а потом случилось непредвиденное. Хенрик Клаузен, исполнитель роли Пера, зацепился ногой за что-то и запутался в синей ткани, которую снизу поддерживали десять мальчишек, ритмично двигаясь туда-сюда и имитируя таким незатейливым способом морские волны. Якобы Пер плывет по штормящему морю. В результате Хенрик растянул лодыжку, и репетицию пришлось прервать. Какой же может быть прогон без исполнителя главной роли?

А для Анны все закончилось тем, что она подхватила сильнейшую простуду и четыре дня провалялась в постели. И все это время герр Байер носился вокруг и квохтал над ней, словно старая несушка над яйцом.

— У нас осталась в запасе всего лишь неделя! — стонал он своим хрипловатым голосом. — Хуже и быть не может! Вам, милая моя барышня, надо есть побольше меда. Столько, сколько сможете одолеть. Будем надеяться, что мед поможет вам за этот срок полностью восстановить голосовые связки.

На пятый день рано утром, проглотив положенную порцию меда, Анна попыталась напеть несколько тактов. Еще немного, подумала она с усмешкой, и у нее отрастут крылышки, а тело покроется желтыми и коричневыми полосками, и она превратится в самую настоящую пчелку. А чего удивляться? Особенно если вспомнить, сколько меда она слопала за последние дни. Однако герр Байер страшно обрадовался, услышав ее пение.

— Слава богу! Слава богу! — восклицал он непрерывно, с явным облегчением в голосе. — Ваш голос восстановился. Скоро к нам должна приехать мадам Тора Хенсон, та актриса, которая исполняет роль Сольвейг. И вы сможете вместе поработать над тем, как синхронизировать ваше пение с ее артикуляцией. Большая честь, что она согласилась сама явиться к нам, в связи с вашим недомоганием.

Ведь, как вы знаете, она — одна из самых известных актрис в Норвегии. По слухам, любимица Ибсена, — добавил в заключение герр Байер.

В половине одиннадцатого Тора Хенсон, облаченная в красивое бархатное пальто, отороченное мехом, величаво вплыла в их квартиру. И тотчас же вошла в гостиную, где уже томилась Анна в ожидании гостя, распространяя вокруг себя тонкий аромат французских духов.

— Простите меня, милочка, за то, что я не стану приближаться к вам слишком близко. Хотя герр Байер сообщил мне, что вы уже на стадии выздоровления, а потому риск заражения минимальный, но я тем не менее не могу рисковать. Не хватало мне подхватить у вас заразу!

— Конечно, мадам Хенсон, — смиренно ответила ей Анна и сделала положенный книксен.

— Хорошо хоть, что мне не придется сегодня петь, — улыбнулась артистка. — Божественные звуки будете издавать вы, а я лишь стану послушно открывать рот, имитируя внешне все те чувства и переживания, которые маэстро Григ вложил в свою красивую музыку.

— Да, мадам, — снова безропотно согласилась с ней Анна.

В этот момент в гостиной появился герр Байер и немедленно стал суетиться вокруг гостя. Анна принялась исподтишка разглядывать артистку. В театре, да еще со сцены, она показалась ей гораздо старше. Но сейчас, разглядывая женщину вблизи, она поняла, что мадам Хенсон еще очень молода. Пожалуй, всего лишь на несколько лет старше самой Анны. К тому же она очень красива. Точеные черты лица, густая копна темно-каштановых кудрей. Впрочем, Анна с трудом представляла себе, как эта изысканная элегантная женщина обрядится в народный костюм и станет убеждать публику, что она простая деревенская девушка с гор.

Такая же, как сама Анна...

— Итак, начнем, пожалуй? Анна, *росо а росо*, — посоветовал герр Байер. — Не напрягайте голосовые связки. Пойте тихо. Иначе можно, чего доброго, вообще сорвать голос. Ведь он только-только начал восстанавливаться. Если вы готовы, мадам Хенсон, то мы можем начать с «Песни Сольвейг», а потом перейдем на «Колыбельную».

Всю оставшуюся первую половину дня Тора Хенсон и Анна усердно работали дуэтом, с той только разницей, что одна из них

просто безмолвно открывала рот, а вторая пела. Иногда Анна видела, как раздражалась актриса, если открывала рот немного невпопад, еще до того, как Анна успевала взять ту или иную ноту. В какой-то момент мадам Хенсон даже попросила ее покинуть комнату и встать за дверь, чтобы герр Байер смог полностью удостовериться в том, что публика не заподозрит подвоха и поверит в то, что это она сама поет со сцены. Стоя в коридоре, где тоже сильно сквозило, да еще с раскальвающейся от боли головой, чувствуя, как снова закладывает горло от бесконечного пения, Анна уже готова была возненавидеть все песни маэстро Грига. В ее теперешнюю задачу входило точно следовать за партитурой, соблюдая тот же самый темп и ритм и делая те же самые паузы, как обозначено в нотах. Чтобы мадам Хенсон имела возможность заучить на память, как и когда ей открывать и закрывать рот. Но именно повторение одного и того же десятки раз давалось Анне труднее всего. Ведь она привыкла петь, и неважно, для кого, для людей или для коров, всякий раз по-разному. Впрочем, с учетом того, что сейчас она вообще поет в закрытую дверь, коровы были бы даже предпочтительнее.

Наконец герр Байер удовлетворенно хлопнул в ладоши.

— Великолепно! Думаю, у нас получилось то, что надо. Отличная работа, мадам Хенсон! Анна, вы можете вернуться в комнату.

Анна вошла в гостиную. Мадам Хенсон повернулась и ласково улыбнулась Анне.

— Уверена, все у нас получится наилучшим образом. Только пообещайте мне, милочка, что на всех спектаклях вы будете петь одинаково, без каких-либо колоратур, ладно?

— Конечно, мадам Хенсон.

— Анна, что-то вы совсем бледненькая. Наверняка переутомились после всех этих вокальных упражнений. Сейчас ступайте к себе, отдохните немного, а я попрошу фрекен Олсдаттер, чтобы она подала вам обед прямо в спальню. И обязательно немного меда, чтобы смягчить голосовые связки.

— Хорошо, герр Байер, — послушно ответила Анна.

— Спасибо вам, Анна! — снова поблагодарила ее мадам Хенсон, еще раз улыбнувшись на прощание. — Надеюсь, в ближайшие дни мы увидимся с вами уже в театре.

Анна сделала еще один книксен и поспешила к себе в спальню.

*Квартира 4
Дом 10, улица Святого Олафа
Христианиа
23 февраля 1876 года*

Дорогие Ларс, мамочка, папа и Кнут!

Пишу второпях, потому что на сегодня у нас назначена генеральная репетиция, уже в костюмах, а завтра в театре состоится премьера спектакля «Пер Гюнт». Как бы я хотела, чтобы вы в этот вечер были рядом со мной, сидели бы в зрительном зале. Но я понимаю, поездка сюда стоит очень дорого, а потому лучше воздержаться от таких трат.

Я очень волнуюсь. И немного нервничаю. Герр Байер показал мне свежие газеты и сказал, что все они публикуют бесчисленные материалы о завтрашнем событии. Ходят слухи, что даже король с королевой почтут своим присутствием премьерный показ и будут восседать в королевской ложе. (Лично я сильно сомневаюсь, ведь их величества живут в Швеции. А потому поездка сюда даже для королевских особ — это весьма долгое и утомительное путешествие. Вряд ли они согласятся на него только для того, чтобы посмотреть пьесу. Но такие слухи продолжают упорно ходить по Христиании.) В театре атмосфера очень напряженная. Герр Джозефсон, режиссер-постановщик, уверен, что вся эта затея со спектаклем обернется полным провалом. А потому нас заставляют снова и снова проигрывать всю пьесу, от начала и до конца. Мы репетируем часами, без всяких перерывов, оттачивая каждую деталь. Режиссер добивается от артистов и всех, кто задействован в подготовке спектакля, чтобы были устранены любые неполадки, в том числе и чисто технические. Герр Хеннум, дирижер оркестра, человек, который мне очень нравится и который всегда сохраняет спокойствие, — даже он в последнее время срывается и постоянно кричит на своих оркестрантов за то, что они не умеют правильно отсчитывать такт.

Вы не поверите, но «Колыбельную» я так пока еще в театре и не спела. Потому что мы все никак не можем добраться до конца пьесы.

Но герр Хеннум клятвенно заверил меня, что сегодня это обязательно случится.

А пока я провожу время с детьми, которые исполняют в спектакле всякие небольшие роли. Например, играют троллей. Вначале, когда меня поместили к ним в гримерную, я даже немного оскорбилась. Потому что все другие хористки готовятся к спектаклю в другой гримерной. Может, посчитали, что я еще тоже ребенок? Но как бы то ни было, а мне пришлось по душе коротать время в детской компании. Мы много смеемся, играем в карты, и время проходит незаметно.

Заканчиваю, потому что мне уже пора ехать в театр. Но прежде чем поставить точку, сообщаю тебе, Ларс, новость, которая тебя не сильно обрадует. Генрик Ибсен пока в театре не появлялся.

*С любовью из Христиании ко всем вам,
Анна.*

Прежде чем покинуть квартиру и направиться в театр, Анна положила свое письмо на серебряный поднос в холле.

* * *

Генеральная репетиция продолжалась уже более четырех часов. Йенс устал, замерз и был до крайности взвинчен продолжительным прогоном, впрочем, как и все оркестранты. Напряжение в оркестровой яме за последние несколько дней достигло своего пика. Герр Хеннум постоянно повышал голос, кричал на всех, в том числе и на него. Йенсу нападки дирижера казались особенно несправедливыми. Особенно если учесть, что Саймон, первая скрипка, пожилой музыкант, сидевший рядом с ним, постоянно клевал носом. Впрочем, Йенс был, пожалуй, самым молодым в оркестре. Всем остальным оркестрантам было уже далеко за пятьдесят. Но отношения в оркестре были самыми дружескими. Йенсу нравился веселый дух товарищества, царивший в коллективе.

Пока ему удавалось своевременно появляться на всех репетициях, за исключением нескольких непредвиденных опозданий. Но подобные грешки водились и за другими оркестрантами, а потому Йенс полагал,

что он по всем параметрам отлично вписался в новый коллектив. К тому же среди хористок было полно хорошеньких девушек, которыми можно было беспрепятственно любоваться на сцене во время тех бесконечных пауз, которые устраивал им герр Джозефсон, то и дело меняя мизансцены и двигая артистов с места на место в соответствии со своими стихийно возникающими замыслами.

Новость о том, что Йенс получил место в оркестре, привела его мать в неопикуемый восторг. Йенс был растроган до слез ее реакцией на известие.

— Но что мы скажем папе? — поинтересовался он у матери. — Ты же знаешь, что мне придется пропускать лекции в университете ради репетиций оркестра.

— Думаю, — ответила ему Маргарета, — это даже к лучшему, что пока твой отец не в курсе... всех тех перемен, которые так внезапно случились в твоей жизни. Пусть считает, что ты по-прежнему учишься в университете. Боюсь, едва ли он изменит свои взгляды за столь короткое время.

Йенс понял, что мама попросту боится заводить с отцом разговор на столь щекотливую тему.

Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения, подумал Йенс, настраивая скрипку. Если и раньше он всей душой противился тому, чтобы последовать по стопам отца и тоже стать пивоваром, то теперь его решимость порвать с семейным бизнесом стала непреклонной. Да, долгие и утомительные часы репетиций, да, зверский холод, да, ядовитые комментарии дирижера, которыми он часто одаривал всех своих музыкантов без исключения. Все это правда. И все это ничто в сравнении с той радостью, которую он испытывал, ежедневно приобщаясь к музыке, радостью, которая снова вернулась к нему после стольких лет отсутствия. В партитуре Эдварда Грига было множество мелодий, будоражащих воображение, вызывающих в памяти самые красочные и яркие картинки из прошлого. Взять хотя бы композицию «В пещере горного короля» или «Танец Анитры». Стоило Йенсу лишь закрыть глаза, когда он начинал выводить на скрипке эту мелодию, и перед его мысленным взором тотчас же возникала восточная экзотика, нечто в марокканском стиле.

И все же любимой его пьесой оставалось «Утреннее настроение». Ею открывался IV акт спектакля. В этой музыке Григ снова отсылает

слушателей к той части пьесы, когда Пер просыпается на рассвете в далекой Африке, страдая от похмелья. И до него вдруг доходит, что он все потерял в своей жизни. И тогда он возвращается мыслями к себе на родину, в далекую Норвегию, представляет, как восходит солнце над вершинами гор, озаряя своим светом северные фьорды. Дивная музыка! Йенс мог играть ее бесконечно.

В настоящее время он и еще один флейтист, раза в три старше Йенса, по очереди исполняли первые четыре такта этой проникновенной мелодии. Но вот в оркестровой яме снова возникла фигура дирижера. Герр Хеннум постучал палочкой по пюпитру, призывая оркестрантов к вниманию, и в эту самую минуту Йенс вдруг осознал, что *ему страшно хочется* сыграть эту музыку на премьерном спектакле. Пожалуй, еще ничего в своей жизни он не хотел с такой страстью.

— Итак, приступаем к четвертому акту, — объявил дирижер после очередного, почти часового перерыва. — Фрейфорд, вы сегодня играете партию первой флейты. Через пять минут начинаем, — добавил он и снова исчез. Видимо, опять побежал консультироваться о чем-то с Джозефсоном, режиссером-постановщиком спектакля.

Йенс разочарованно вздохнул. Если Бьорду Фрейфорду поручили играть партию первой флейты на генеральной репетиции, то, скорее всего, именно ему предстоит выступать и на премьерном показе спектакля.

Через пару минут на сцене появился Хенрик Клаузен, исполнитель главной роли. Он подошел к самому краю оркестровой ямы, делая вид, что его тошнит прямо на головы музыкантов. Якобы так Пер Гюнт приходит в себя после тяжелого похмелья.

— Как поживаете, ребята? — по-дружески обратился артист к оркестрантам, глядя на них сверху вниз.

Послышался разрозненный гул голосов, но в этот момент за пультом снова появился Хеннум. Он вторично взял в руки дирижерскую палочку.

— Герр Джозефсон пообещал мне, что четвертый акт мы пройдем с минимальными остановками. Так что скоро приступим к пятому акту, — доложил он обстановку и добавил: — Все готовы?

Взмахнул палочкой, и из оркестровой ямы понеслись звуки флейты Бьорда. «*Он играет гораздо хуже меня*», — с обидой подумал

Йенс, укладывая скрипку под подбородок, чтобы тоже начать играть.

Спустя где-то час с небольшим, после всего лишь одной коротенькой заминки, в течение которой все спорные моменты были сняты на удивление быстро, они вплотную подошли к концовке четвертого акта. Йенс глянул на мадам Хенсон, которая играла роль Сольвейг. Даже несмотря на наряд простой деревенской девушки, она показалась Йенсу очень привлекательной. Хорошо было бы, мелькнуло у него, познакомиться с актрисой поближе. Может, это у него и получится на завтрашнем банкете, который должен состояться сразу же после окончания спектакля.

Йенс торопливо отогнал от себя посторонние мысли, увидев, как герр Хеннум еще раз взмахнул своей палочкой, давая знак скрипачам, и всецело сосредоточился на первых тактах чарующей музыки «Песни Сольвейг». Он и предположить не мог, что у мадам Хенсон такой дивный голос. Он слушал, как она поет, и поражался необыкновенной чистоте и свежести ее голоса. Ее пение завораживало, заставляло уноситься мыслями куда-то далеко, туда, в горы, где живет и страдает в одиночестве бедняжка Сольвейг. Нет, таких божественных голосов он еще никогда не слышал. Кажется, этот голос символизирует собой все: прекрасный горный воздух, красоту, молодость и, конечно, боль утраченных грез и несбывшихся надежд...

Пение актрисы настолько захватило Йенса, что он удостоился сурового взгляда от Хеннума, когда опоздал на целый такт. Когда они наконец подошли к концу пьесы и грустная, хватающая за душу мелодия «Колыбельной песни», которую поет Сольвейг Перу, когда тот после долгих странствий возвращается домой и она убаюкивает его, уложив голову своего возлюбленного себе на колени, полилась и заполнила собой все пространство огромного зала, Йенс почувствовал, что у него даже мурашки по спине побежали. Настолько совершенным было исполнение мадам Хенсон. Но вот упал занавес, и вдруг раздались аплодисменты. Аплодировал весь персонал театра, собравшийся послушать и посмотреть генеральную репетицию накануне премьеры.

— Нет, вы слышали такое? — восхищенно воскликнул Йенс, повернувшись к Саймону, который уже упаковал свою скрипку в футляр и приготовился в числе первых ретироваться из оркестровой ямы, чтобы, перебежав через дорогу, окунуться в атмосферу кафе

«Энгебрет». Главное — успеть до того, как дирижер начнет раздавать свои последние указания. — А я и понятия не имел, что у мадам Хенсон такой прекрасный голос.

— Господь с вами, дорогой Йенс! Голос, который мы с вами только что слышали, действительно очень красивый. Только он не имеет никакого отношения к мадам Хенсон. Разве вы не заметили, что она просто открывает рот? Эта женщина не может спеть ни одной ноты. Вот они и привлекли другую исполнительницу. Хотят создать впечатление, что это поет сама Тора Хенсон. По-моему, эта затея вполне удалась. Полная иллюзия достоверности происходящего! — Саймон весело хохотнул и похлопал Йенса по плечу, прежде чем покинуть яму.

— А кто же эта певица? — крикнул ему в спину Йенс.

— Вот в этом-то и вся загвоздка! — небрежно бросил через плечо Саймон. — Не певица, а какой-то дух святой. Во всяком случае, пока никто и понятия не имеет, кто это такая.

* * *

Между тем обладательница дивного голоса, столь сильно поразившая воображение Йенса Халворсена, сидела в карете, увозившей ее на квартиру герра Байера. Чувствуя себя немного не в своей тарелке из-за того, что она, как и все остальные хористки, была облачена в народный костюм, чтобы не выделяться из общей массы, Анна была рада тому, что наконец-то осталась одна и возвращается к себе домой. Позади остался еще один долгий и изнурительный день. Как хорошо, что дверь открыла фрекен Олсдаттер и тут же помогла ей снять пальто.

— Дорогая моя Анна, представляю, как вы устали. И все же расскажите мне, как вы спели сегодня? — ласково поинтересовалась она у Анны, провожая ее до дверей спальни.

— Даже не знаю, — чистосердечно призналась Анна. — Как только опустил занавес, я сделала так, как велел мне герр Байер. Покинула свое укрытие, вышла через заднюю дверь на улицу и села в карету. И вот я дома, — вздохнула она, разрешая фрекен Олсдаттер раздеть себя и уложить в постель.

— Герр Байер велел не тревожить вас завтра. Спите себе всласть. Он говорит, что вы должны хорошенько выспаться накануне премьеры, чтобы голос звучал свежо и чисто. Горячее молоко и мед уже ждут вас на тумбочке.

— Спасибо, — поблагодарила Анна экономку, беря в руку стакан с молоком.

— Спокойной ночи, Анна.

— Спокойной ночи, фрекен Олсдаттер. И спасибо вам за все.

Йохан Хеннум возник в оркестровой яме и, хлопнув в ладоши, призвал музыкантов к вниманию.

— Все готовы?

Дирижер бросил на своих оркестрантов влюбленный взгляд. Йенс невольно поразился тому, как кардинально отличается праздничная атмосфера, царящая в театре сегодня, от того, что тут творилось вчера. Все музыканты явились при полном параде, в вечерних костюмах и фраках вместо привычной повседневной одежды, в которой они приходили на репетиции. Публика, собравшаяся в зале на премьерный показ и гудевшая от возбуждения в преддверье такого важного культурного события, была им под стать. Зал постепенно заполнялся разодетыми в пух и прах зрителями. Дамы оголяли плечи, приспуская меховые палантины, являя всем присутствующим свои ослепительные вечерние туалеты и роскошные ювелирные украшения, сверкающие и переливающиеся тысячами разноцветных огоньков в мягком свете богато инкрустированной люстры, свисающей с потолка по центру зрительного зала.

— Господа! — обратился Хеннум к своим оркестрантам. — Сегодня всем нам выпала высокая честь навечно вписать свои имена в историю Норвегии. Несмотря на то что в этот вечер с нами нет маэстро Грига, мы все преисполнены решимости сделать все от нас зависящее, чтобы он гордился нами. Чтобы его удивительная и прекрасная музыка была исполнена так, как она того заслуживает. Уверен, когда-нибудь вы станете рассказывать своим внукам, что участвовали в столь грандиозном событии. Герр Халворсен, сегодня вы исполняете партию первой флейты в «Утреннем настроении». Итак, если мы с вами готовы, то...

Дирижер поднялся на свое дирижерское возвышение перед оркестром, показывая публике, что спектакль вот-вот начнется. Внезапно в зале наступила торжественная тишина. Такое ощущение, будто все собравшиеся вдруг затаили дыхание. А Йенс в это время мысленно вознес горячую благодарственную молитву за то, что исполнилось его самое заветное желание.

Никто, стоя за кулисами, не мог оценить в полной мере, какова была реакция публики по ходу представления. Анна медленно прошла на отведенное для нее место, чтобы исполнить первую песню. Ее сопровождал Руди, мальчуган, который участвовал в массовках наряду с другими детьми.

— В зале такая тишина стоит, фрекен Анна. Слышно, как муха пролетит. Я подглядывал из-за кулис за зрителями. По-моему, им все очень нравится.

Анна спряталась за декорациями, которые специально установили таким образом, чтобы она могла хорошо видеть мадам Хенсон. Внезапно Анну охватил страх. Хотя ее никто не увидит, а фамилия ее значится в общем списке всех участников хора, она знала, что герр Байер тоже сейчас находится в зале и будет слушать, как она поет. Да и столько важных господ собралось сегодня на эту премьеру.

Она почувствовала, как детская ручонка сильно стиснула ее руку.

— Не волнуйтесь, фрекен Анна, — прошептал ей Руди. — Мы все считаем, что вы поете очень красиво.

Потом Руди удалился, и Анна осталась одна. Она стояла и смотрела на мадам Хенсон, внимательно слушала, что она говорит, боясь пропустить свою очередь. Но вот оркестр сыграл первые такты «Песни Сольвейг», и Анна сделала глубокий вдох. Она вдруг вспомнила всех, кого оставила в родном Хеддале: свою семью, любимицу Розу, вспомнила и позволила своему голосу взлететь ввысь и воспарить над залом.

Через сорок минут опустился финальный занавес. Анна все еще стояла в кулисах. Она только что закончила петь «Колыбельную песню». В зале вдруг установилась необыкновенная, звенящая тишина. Между тем все участники представления уже собрались на авансцене, готовясь выйти на поклоны к публике. Анну никто не приглашал выйти вместе с остальными артистами, а потому она осталась там, где и стояла. Но вот занавес снова взвился вверх, явив зрителям всех исполнителей, задействованных в спектакле. И на какое-то мгновение Анна вдруг оглохла от громких аплодисментов и криков «браво». Люди вскакивали со своих мест, притопывали от возбуждения ногами и скандировали «бис».

— Мадам Хенсон, повторите «Песню Сольвейг», — услышала Анна чей-то возглас. Актриса грациозно качнула головой в знак того, что она не станет удовлетворять эту просьбу, присовокупив к своему отказу и элегантный взмах рукой. Наконец на сцену вышел режиссер-постановщик герр Джозефсон, который передал от имени Ибсена и Грига их извинения в связи с тем, что они не смогли лично поприсутствовать на премьере. Еще один, последний поклон, и занавес снова опустился, на сей раз до следующего представления. Артисты стали потихоньку расходиться, покидая сцену. Они проходили мимо Анны, но никто не обращал на нее никакого внимания. Все были взволнованы сверх всякой меры, оживленно переговаривались друг с другом. Судя по всему, успех премьеры превзошел все их ожидания. Заслуженная награда за многие и многие недели упорного труда.

Анна вернулась в свою гримерную, чтобы взять пальто и попрощаться с детьми. Вокруг ребятни хлопотали мамы, гордые успехами своих чад, помогая им переодеваться. Герр Байер заранее предупредил Анну, что карета будет ждать ее у входа в театр и что она должна уехать сразу же после окончания спектакля. Когда она уже шла по коридору, направляясь к выходу, то буквально наскочила на герра Джозефсона, выходявшего из гримерной мадам Хенсон.

— Анна, вы сегодня пели просто бесподобно. Наверное, в зале не осталось человека, который бы не прослезился. Прекрасное исполнение!

— Спасибо, герр Джозефсон.

— Доброго вам пути. До свидания. — Режиссер слегка склонил голову и отвесил на прощание вежливый поклон. И тут же отвернулся от девушки и постучал в гримерную Хенрика Клаузена.

Анна неохотно проследовала к служебному выходу и покинула театр.

— Так все же кто эта девушка, которая исполняла «Песню Сольвейг»? — спросил Йенс, обозревая толпу народа, собравшегося в фойе. — Она здесь?

— Понятия не имею. Лично я ни разу ее не видел, — откликнулся виолончелист из их оркестра по имени Исаак. Судя по его покрасневшему лицу, музыкант уже успел изрядно принять на

грудь. — Голос у нее действительно ангельский. Но кто его знает, какова она на вид. Вполне возможно, жаба жабой.

Но Йенс был преисполнен решимости выяснить все до конца. А потому отправился на поиски дирижера.

— Хорошо сыграл, мой мальчик, — дружески похлопал его по плечу Хеннум. Он явно все еще пребывал в эйфории после того грандиозного успеха, которым обернулось первое представление спектакля. — Очень рад, что ты целиком и полностью оправдал мое доверие. Тебя ждет прекрасное будущее. Но, как ты понимаешь, нужна практика, а с опытом все станет на свои места.

— Спасибо за добрые слова, герр Хеннум. Не могли бы вы сказать мне, кто эта таинственная девушка, которая сегодня так проникновенно исполнила «Песню Сольвейг»? Она сейчас здесь?

— Вы имеете в виду Анну? О, она ведь и в жизни самая настоящая Сольвейг, спустившаяся к нам с гор. Очень сомневаюсь, что Анна осталась на банкет. Она воспитанница и протеже Франца Байера. Девушка еще очень молода, к тому же не привыкла к жизни в большом городе. Байер очень опекает Анну. Так что, боюсь, ваша Золушка, Йенс, уже умчалась к себе домой, не дожидаясь, пока часы пробьют полночь.

— Какая жалость! А мне так хотелось лично поблагодарить ее за прекрасное пение. Оно тронуло меня до глубины души. Кстати, — не замедлил воспользоваться ситуацией Йенс, — я еще и большой поклонник таланта мадам Хенсон. Вы бы не могли представить меня ей, чтобы я смог воздать должное за ее игру на сегодняшнем спектакле?

— Конечно, могу, — тут же согласился герр Хеннум. — Уверен, она будет рада познакомиться с вами. Следуйте за мной.

На следующее утро Золушка восседала в гостиной напротив Франца Байера. Они вместе пили кофе, а герр Байер тем временем просматривал утреннюю прессу. Одна из старейших норвежских газет, ежедневная «Дагбладет», откликнулась на вчерашнюю премьеру хвалебной рецензией, полной восторженных комментариев в адрес

всех исполнителей. Одно высказывание, по мнению профессора, должно было понравиться и Анне. И он тут же зачитал его вслух:

— *«Мадам Хенсон была бесподобна в роли простой деревенской девушки Сольвейг, столько лет страдающей в разлуке с любимым, а ее прекрасный чистый голос буквально услаждал слух каждого, кто сидел в этот вечер в зрительном зале».* Что скажете на это, Анна?

Если бы в утренних газетах было напечатано *ее имя*, подумала про себя Анна, если бы все эти дифирамбы были пропеты в адрес *ее голоса*, то тогда ей было бы что сказать. А так что говорить? Анна предпочла вообще не задумываться обо всем том, что было вчера.

— Я очень рада, что им понравилась пьеса. И мой голос тоже, — выдавила она наконец после затянувшейся паузы.

— Разумеется, музыку маэстро Грига критики оценивают очень высоко. Вдохновенная, великолепная музыка, полностью раскрывающая содержание поэмы Генрика Ибсена. Что ж, поскольку сегодня спектакля нет, то вы, Анна, можете отдыхать, сколько вашей душе угодно. Думаю, вы заслужили хороший отдых. И вы можете гордиться собой, моя юная барышня. Да! Именно так! Гордиться! Невозможно было спеть лучше, чем это сделали вы вчера. Увы, но мне, к сожалению, отдохнуть сегодня не удастся. Убегаю в университет. — Профессор поднялся из-за стола. — Но вечером после работы мы обязательно отпразднуем наш успех. Хорошего вам дня, Анна.

Герр Байер ушел, а Анна принялась допивать свой уже ставший тепловатым кофе. Настроение у нее было скверным, и она испытывала какое-то странное раздражение на всех и вся. Все последние несколько месяцев были затрачены на то, чтобы состоялось вчерашнее событие. Столько усилий, столько труда... Но вот все закончено, а в ее жизни все осталось по-прежнему. Не то чтобы она ждала каких-то перемен. Но ведь что-то же *должно было произойти*, подумала она с досадой. Хоть что-то...

Интересно, знал ли герр Байер с самого начала, что ей уготована роль певицы-призрака? Знал ли он об этом, когда отыскал ее в горах, задалась резонным вопросом Анна. И не поэтому ли он и перетащил ее в город? Анна прекрасно понимала, что в театре все хотели сделать из нее человека-невидимку, с тем чтобы приписать ее голос мадам Хенсон.

Анна взяла одну из газет, лежавших на столе, и стала водить пальцем по буквам, отыскивая то место, где упоминается «чистый голос» актрисы.

— Но ведь это же *мой голос!* — воскликнула она, не в силах более выдерживать подобную несправедливость. — *Мой!*

И тут все напряжение, копившееся в ней со вчерашнего вечера, вдруг прорвалось наружу, выскочило из нее, словно пробка из бутылки с французским шампанским, которым потчует своих гостей герр Байер. Она упала лицом на диван и разрыдалась.

— Анна, дорогая моя, что случилось?

Анна приподняла залитое слезами лицо и увидела стоящую перед ней фрекен Олсдаттер, которая незаметно вошла в комнату.

— Ничего, — пробормотала Анна и принялась торопливо вытирать глаза.

— Это все переутомление. К тому же вы сильно перенервничали вчера. Да еще и от простуды не вполне оправились.

— Нет-нет... со мной все в порядке... Все хорошо. Спасибо вам, — постаралась Анна ответить как можно более твердым голосом.

— Наверное, соскучились по своим, да?

— Да, очень соскучилась. И по свежему деревенскому воздуху тоже... Я... я думаю, что мне пора возвращаться домой, в Хеддал, — едва слышно прошептала Анна.

— Очень вас хорошо понимаю, милая. Все эти настроения мне знакомы не понаслышке. Для нас, деревенских, тех, кто перебрался в город, тоска по дому всегда неизбежна. К тому же вы здесь влачите такое одинокое существование. Вы все время одна и одна.

— А вы тоже скучаете по своим? — неожиданно спросила у экономки Анна.

— Сейчас уже не так, как с самого начала. Привыкла понемногу. А вот сначала чувствовала себя самым несчастным человеком на свете. Моей первой хозяйкой была очень скаредная и зловредная особа. Ужасно третировала нас, своих слуг, обращалась с нами хуже, чем с собаками. Дважды я убегала от нее, но меня находили и возвращали на прежнее место. А потом я познакомилась с герром Байером. Он как-то раз пришел на ужин к моей хозяйке. Вполне возможно, он заметил, как плохо мне живется в ее доме. А может, на тот момент ему и действительно нужна была экономка. Но как бы то ни было, а он

буквально в тот же вечер предложил мне работу у себя. Моя прежняя хозяйка не стала закатывать мне скандал по этому поводу. Думаю, она тоже была рада избавиться от меня. И вот герр Байер привез меня сюда. Должна заметить вам, Анна, что, несмотря на некоторую эксцентричность характера, профессор очень хороший и добрый человек.

— Знаю, — немедленно согласилась с ней Анна. Ей стало стыдно за то, что она упивается жалостью к самой себе. Вон какая трудная жизнь была у фрекен Олсдаттер. Не сравнить все то, что случилось с ней, с теми испытаниями, которые выпали на долю пожилой экономки.

— Если, Анна, я могу вас хоть как-то утешить, то скажу лишь одно. Перед моими глазами за годы службы в этом доме прошло много девушек, которым протезировал герр Байер. Но никто из них не вызывал у него такого восхищения, как вы и ваш талант. Вчера вечером он рассказал мне, что все присутствовавшие на премьере пришли в полный восторг от вашего пения.

— Да, но только никто из них не знает, что это было *мое пение*, — едва слышно обронила Анна.

— Пока не знает. Но поверьте мне, Анна, в один прекрасный день все узнают. Вы еще так молоды, дорогая моя. А вам уже посчастливилось поучаствовать в таком грандиозном событии. Все самые влиятельные люди Христиании слышали, как вы поете. Терпение и еще раз терпение, моя дорогая Анна. И с Божьей помощью все у вас получится. А сейчас мне пора на рынок. Не хотите составить мне компанию и подышать немного свежим воздухом?

— С удовольствием! — воскликнула Анна, подсакивая с дивана. — Вы так добры ко мне, фрекен Олсдаттер! Спасибо вам.

* * *

А в это время всего лишь в какой-то паре миль от дома профессора Байера Йенс нервно мерил свою комнату шагами, напряженно прислушиваясь к громким голосам, которые долетали наверх из гостиной. В конце концов случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Их с матерью обман внезапно вскрылся. И произошло это сегодня утром, за завтраком, когда отец просматривал

утреннюю прессу. В одной из газет ему попала на глаза хвалебная статья по поводу премьеры спектакля «Пер Гюнт». Журналист был настолько любезен, что почел своим долгом отдельно упомянуть и фамилию Йенса. Вечная ему благодарность за это! Вот что он конкретно написал: *«Музыкальная пьеса, предваряющая начало четвертого акта, называется «Утреннее настроение». Пожалуй, это один из самых вдохновенных фрагментов из музыки Эдварда Грига к пьесе Генрика Ибсена «Пер Гюнт». Отдельной похвалы заслуживает Йенс Халворсен, не менее вдохновенно исполнивший эту мелодию на флейте».*

Лицо отца мгновенно покрылось краской и стало похожим на раскалившийся медный чайник, который забыли снять с плиты.

— Почему я узнаю об этом только сейчас? — взвился он, метнув свирепый взгляд на жену.

— Потому что я посчитала, что это не столь уж и важно, — ответила Маргарета, и по ее голосу Йенс понял, что мать уже заранее настраивается на грандиозный скандал с мужем.

— Ты посчитала это «неважным»?! — загрохотал по комнате голос Халворсена-старшего. — То есть я, отец семейства, должен узнавать из *утренних газет* о том, что мой сын, вместо того чтобы прилежно сидеть на лекциях в университете, подвизается в симфоническом оркестре, шляется по ночам по театральным подмосткам? И это ты находишь «неважным»? Безобразие! Немыслимый, возмутительный проступок!

— Уверяю тебя, Йонас, мальчик пропустил совсем немного занятий.

— Тогда изволь объяснить мне следующий пассаж из статьи этого авторитетного критика. *«Херр Йохан Хеннум, дирижер симфонического оркестра Христиании, потратил много месяцев на то, чтобы отыскать и собрать воедино этот коллектив музыкантов, а потом был еще долгий репетиционный период, в течение которого он добивался от оркестра слаженной и четкой работы, а также такого исполнительского уровня, который бы полностью соответствовал сложной оркестровке партитуры маэстро Грига».* И ты вполне серьезно полагаешь, что я поверю, будто наш сын, имя которого этот почтенный автор упомянул в своей статье, выучил столь серьезную музыку за пару вечеров? Так сказать, схватил все на лету.

Господи Боже мой! — Йонас яростно потрянул головой. — За какого же безмозглого идиота вы двое меня держите! Но впредь я не потерплю подобного к себе отношения. Предупреждаю!

Маргарета повернулась к сыну.

— Йенс, насколько я помню, тебе еще надо готовиться к семинарским занятиям. Ступай к себе в комнату и занимайся.

— Хорошо, мама, — покорно согласился Йенс и поспешно ретировался наверх, чувствуя себя, с одной стороны, немного виноватым, что оставляет мать наедине с разбушевавшимся отцом, а с другой — испытывая невероятное облегчение от того, что гнев отца сейчас обрушится не на него, а на кого-то другого.

И вот Йенс продолжает метаться по спальне, слушает, как отец рычит на мать, и обдумывает, что ему делать дальше. Конечно, отец узнал обо всем чисто случайно. Но рано или поздно он все равно прознал бы про то, чем еще занимается его сын, помимо обязательных лекций в университете. В глубине души Йенсу было обидно, что отец не оценил по достоинству хвалебный отзыв критика о его игре. Но, с другой стороны, он прекрасно понимал своего отца. В конце концов, кто такие все эти музыканты у них в Христиании? Люди, практически не имеющие никакого положения в обществе, к тому же располагающие более чем скромными доходами. Так с чего бы Халворсену-старшему ликовать по поводу того, что Халворсен-младший избрал для себя столь незавидную карьеру? Не говоря уже о том, что Йенс фактически отказался продолжать семейный бизнес, а со временем и стать во главе их фирмы «Халворсен Брюинг Компани».

Впрочем, Йенс чувствовал себя настолько счастливым, что даже нагоняй отца не смог бы омрачить до конца его приподнятое настроение. Наконец-то он обрел себя. Да, в будущем его место только в оркестре. Именно там он сможет реализовать себя полностью как музыкант. Товарищеская атмосфера, царящая в коллективе, веселый нрав музыкантов, их постоянные попойки в кафе «Энгебрет», где оркестранты собирались каждый вечер после завершения спектаклей, — все это как нельзя больше устраивало Йенса. В артистической среде он чувствовал себя как рыба в воде. Не говоря уже о достаточно свободных нравах, царящих за кулисами среди хорошеньких и молоденьких актеров, задействованных в той или иной пьесе...

Вчера герр Хеннум выполнил данное им слово и познакомил Йенса с мадам Хенсон. Когда банкет уже близился к своему завершению, он вдруг заметил, что актриса бросает в его сторону весьма недвусмысленные взгляды, и тут же предложил доставить красавицу в целости и сохранности до ее апартаментов. Все остальное было на редкость приятным и волнующим. Тора оказалась опытной женщиной, к тому же ненасытной. Словом, Йенс выбрался из ее кровати лишь под самое утро. А завтра ему еще предстоит утрясать свои взаимоотношения с Хильдой Омвик, хорошенькой хористкой, с которой он встречался все последние недели. Ему совсем не улыбалось, чтобы слухи о его любовных интрижках в театре докатились до мадам Хенсон. Правда, Хильда где-то через неделю выходит замуж, так что как-нибудь он с ней договорится...

Раздался стук в дверь, и Йенс тотчас же открыл ее.

— Йенс, я сделала все, что смогла, но твой отец желает поговорить и с тобой тоже. Прямо сейчас.

Лицо у матери было бледным, черты напряжены от только что пережитого волнения.

— Спасибо, мама. Сейчас иду.

— Когда он уедет на работу, мы обстоятельно поговорим с тобой обо всем.

Маргарета ласково потрепала сына по плечу, и он заторопился вниз по лестнице. Встретил по пути Дору, которая тут же сообщила, что отец уже ждет его в гостиной.

Йенс тяжело вздохнул. Все самые серьезные и самые неприятные разговоры в их доме всегда велись в гостиной. Комната была под стать отцу, такая же холодная и суровая. Он открыл дверь и переступил порог гостиной. Как всегда, в камине нет огня. Глаза слепило от сверкающего белизной снега, огромные сугробы которого возвышались прямо под высокими окнами.

Отец стоял возле одного из окон. Заслышав шаги сына, он повернулся к нему навстречу.

— Присаживайся, — махнул он рукой в сторону одного из кресел. Йенс послушно уселся, изо всех сил стараясь придать своему лицу смешанное выражение раскаяния и вызова.

— Во-первых, — начал Йонас, усаживаясь напротив сына в огромное кожаное кресло с высокой спинкой, — хочу сказать, что я не

виню тебя. Во всем виновата твоя мать, потакавшая этим твоим нелепым, если не сказать абсурдным, замыслам и амбициям. Однако в июле ты, Йенс, уже станешь совершеннолетним, то есть взрослым человеком, который должен сам принимать решения и отвечать за них. Пора уже тебе оторваться от маменькиной юбки.

— Да, папа.

— Вся ситуация в целом не претерпела никаких принципиальных изменений. После окончания университета ты приступаешь к работе на нашей фирме. Будем трудиться вместе, а в один прекрасный день компания перейдет в твои руки. И ты станешь представителем пятого поколения семьи Халворсен, владеющей пивоваренным бизнесом, который когда-то давным-давно основали мои прапрапрадеды. По словам твоей матери, твое участие в оркестре никоим образом не сказалось на твоей учебе в университете, хотя лично я сильно сомневаюсь в этом. И что ты мне скажешь в ответ?

— Мама права. Я пропустил совсем немного лекций, — бесстрашно солгал отцу Йенс.

— Конечно, я бы мог выдернуть тебя из оркестровой ямы прямо сейчас. Но едва ли это положительным образом отразится на репутации нашей семьи, да еще с учетом всех тех обязательств, которые были даны герру Хеннуму. Да и меня вы с матерью, можно сказать, поставили перед свершившимся фактом. А потому поступим так. Мы с твоей матерью договорились, что ты продолжишь играть в оркестре до тех пор, пока не завершатся все премьерные показы нового спектакля, что должно произойти уже в следующем месяце. Надеюсь, за это время ты полностью осознаешь и примешь как данность то будущее, которое ждет тебя впереди.

— Да, папа, — смиренно ответил Йенс.

Отец сделал короткую паузу и начал хрустеть костяшками пальцев — привычка, которая просто выводила Йенса из себя.

— Значит, решено. А как только со всеми твоими... экзерсисами на почве искусства будет покончено, еще раз предупреждаю тебя: впредь подобных выходов я не потерплю. Хочешь связать свою жизнь с профессией музыканта — пожалуйста! Но в этом случае я буду вынужден тотчас же лишить тебя наследства и выставить вон из дома. Не затем пять поколений Халворсенов горбатились на протяжении

полутора веков, чтобы наш единственный наследник пустил все состояние по ветру, балуясь игрой на скрипочке.

Йенс из последних сил постарался сделать так, чтобы не доставить отцу удовольствия увидеть на его лице выражение полнейшего потрясения.

— Да, папа. Я все понимаю.

— Вот и отлично! А сейчас я отбываю на работу. Я и так уже опоздал сегодня на целый час. А ведь мне надлежит показывать своим сотрудникам пример образцового отношения к работе. Как и тебе, впрочем, когда ты присоединишься ко мне и мы станем трудиться вместе. Всего хорошего, Йенс.

Отец кивнул Йенсу на прощание и ушел, оставив сына в полнейшей прострации от всего того, что он услышал о собственном будущем. Чувствуя, что он сейчас категорически не готов к разговору с матерью, да и вообще не хотел бы никого видеть, Йенс схватил свои коньки, висевшие на вешалке в холле, натянул меховую куртку, шляпу и перчатки и выбежал на улицу. Надо немного проветриться, а заодно и спустить пар.

Квартира 4

Дом 10, улица Святого Олафа

Христиании

10 марта 1876 года

Дорогие Ларс, мамочка, папа и Кнут.

Спасибо тебе, Ларс, за твое последнее письмо, в котором ты пишешь, что в своих письмах я стала делать гораздо меньше ошибок. Сомневаюсь, что это так. Но я сильно стараюсь. Прошло уже две недели после премьеры спектакля «Пер Гюнт» на сцене Театра Христиании (правда, лично я на этой сцене так и не появилась). Герр Байер сказал мне, что в городе только и разговоров об этом спектакле и все билеты на последующие спектакли в театре уже проданы до конца сезона. Подумывают даже о том, чтобы увеличить число представлений, коль скоро спектакль пользуется таким спросом.

А в остальном жизнь моя в Христиании течет прежним ходом. Разве что теперь герр Байер заставляет меня разучивать всякие

итальянские арии, которые я нахожу очень сложными для пения. Раз в неделю со мной занимается профессиональный оперный певец. Его зовут Гюнтер. Он немец и говорит с таким сильным акцентом, что я с трудом разбираю, что он там лопочет. А еще от него пахнет грязным бельем, и он все время нюхает табак, который то и дело вылетает из его ноздрей и зависает над верхней губой. Он очень старый и худой. И мне его искренне жаль.

Когда представления драмы «Пер Гюнт» подойдут к концу, то я и сама не знаю, чем стану заниматься здесь дальше. Наверное, тем же, чем и сейчас. Буду по-прежнему петь, шлифовать, по выражению профессора, свой голос, сидеть в четырех стенах и есть ужасно надоевшую мне рыбу. После Пасхи в театре начинается новый сезон. Поговаривают о том, чтобы возобновить постановку спектакля «Пер Гюнт» и в будущем. Ларс, наверное, тебя обрадует новость о том, что вроде бы Генрик Ибсен специально приезжает из Италии, чтобы побывать на одном из спектаклей. Если это так, то я обязательно сообщу тебе потом все подробности.

Пожалуйста, передай мамочке мою благодарность за те новые жилеты, которые она связала для меня. Долгими зимними месяцами они оченьгодились мне. С нетерпением жду наступления весны и надеюсь, что уже совсем скоро я вернусь домой.

Анна.

Анна свернула письмо и со вздохом запечатала конверт. Наверняка, подумала она, близкие ждут от нее всяких театральных сплетен, но что она может рассказать им? Днями напролет она просиживает в квартире герра Байера, а вечерами, сразу же по завершении спектакля, стремглав убегает к себе домой. Вот и все ее новости.

Анна подошла к окну и посмотрела на небо. Четыре часа дня, а еще светло. День ощутимо прибавился. Значит, весна действительно уже не за горами. А потом наступит лето... Анна прижалась лбом к холодной оконной раме, отделяющей ее от улицы с обилием свежего воздуха. Сама мысль о том, что все лето придется проторчать в этих душных стенах, вместо того чтобы носиться по горам вместе с Розой, была просто невыносима.

В оркестровой яме с очередным поручением появился Руди.

— Привет, Руди. Как дела? — поинтересовался у него Йенс.

— Все нормально, мой господин. Так вы написали записку, которую я должен вручить?

— Конечно. Вот она. — Йенс наклонился к мальчугану и прошептал ему прямо в ухо: — Передашь записку мадам Хенсон. — Он сунул записку в маленькую жадную ручонку, присовокупив еще и мелкую монетку.

— Спасибо. Обязательно передам, мой господин.

— Очень хорошо, — сказал Йенс и добавил, видя, что мальчик уже собрался уходить: — Кстати, а кто та молоденькая девушка, с которой я застал тебя вчера на выходе со сцены? Уж не подружка ли твоя? — слегка подначил он Руди.

— Росту она, пожалуй, одного со мной. Но ведь ей целых восемнадцать. А мне еще только двенадцать, — живо возразил мальчуган. — Это Анна Ландвик. Она тоже участвует в спектакле.

— Правда? Что-то я ее совсем не узнал. Да там и темно было. Только успел заметить ее длинные рыжие волосы.

— Да, Анна участвует *в спектаклях*, вот только на сцене она не появляется. — Мальчик с заговорщицким видом оглянулся по сторонам и поманил Йенса к себе поближе, чтобы прошептать ему прямо на ухо: — Она — голос Сольвейг.

— Ах вот оно что! Понятно! — с показной серьезностью отреагировал на это сообщение Йенс. Секрет о том, что мадам Хенсон поет не своим голосом, уже давно перестал быть секретом за кулисами театра. Но все театральные держали язык за зубами, притворяясь перед зрителями, что дивный голос действительно принадлежит артистке.

— Хорошенькая она, правда?

— Волосы у нее и правда роскошные. Но это единственное, что я успел разглядеть со спины.

— А мне ее очень жаль. Никто ведь так никогда и не узнает, кто на самом деле поет таким красивым голосом. Анну даже определили в одну гримерную вместе с нами, детьми. Вот такие дела. Но мне пора, — завершил свой монолог Руди, услышав звонок, означающий,

что до начала спектакля осталось ровно пять минут. — Все передам, как вы просили. Не извольте беспокоиться, мой господин.

Йенс сунул ему в ладошку еще одну монетку.

— Задержи фрекен Ландвик хоть на пару минут возле служебного входа, когда она будет уходить. Хочу получше разглядеть эту таинственную певицу.

— Постараюсь, мой господин, — пообещал Руди, вполне довольный сегодняшней двойной выручкой, метнувшись между рядами стульев с проворностью крысы, удирающей к себе в нору.

— Охотник снова пустился на поиски новых приключений, не так ли, Пер? — усмехнулся Саймон, первая скрипка оркестра.

А он на самом деле не так уж и глуховат, как притворяется, и наверняка кое-что услышал из их разговора с Руди, подумал про себя Йенс. Оркестранты уже успели прозвать Йенса шутливым прозвищем Пер, как бы подчеркивая, что он тоже напропалую волочитя за всеми хорошенькими артисточками труппы, и получается это у него совсем не хуже, чем у главного героя пьесы «Пер Гюнт».

— Какое там! — отмахнулся от него Йенс, заметив, что в оркестровой яме появился герр Хеннум. Поначалу прозвище Пер даже забавляло Йенса, однако со временем намек, заключенный в самой шутке, стал чересчур прозрачным. — Ты же знаешь, я предан мадам Хенсон до гробовой доски.

— Получается, что вчера я точно перебрал по части портвейна. Потому что мне показалось, что ты покинул «Энгебрет» под ручку с Йорид Скровсет.

— Наверняка портвейн во всем виноват, — согласился с Саймоном Йенс и поднес ко рту флейту, увидев, что Хеннум уже дал знак к началу.

После завершения спектакля Йенс тут же направился к служебному входу и замешкался там в ожидании Руди и таинственной незнакомки. Обычно он всегда отправлялся напрямиком в кафе «Энгебрет» и дожидался там Тору Хенсон, пока она переодевалась у себя в примерной и кокетничала со своими поклонниками. Как правило, она всегда садилась в карету одна, а потом подбирала Йенса уже на дороге, отъехав на некоторое расстояние от театра.

Йенс понимал, что именно его невысокий статус рядового оркестранта не позволял актрисе открыто появляться с ним на

публике. Порой он сам себе казался дешевой шлюхой, которая удовлетворяет физические потребности клиента, но с кем никогда не рискнешь показаться на людях. Что было тем более забавно и нелепо, ведь он принадлежал к одному из самых уважаемых семейств Христиании, являясь единственным законным наследником могущественной империи по производству пива, которой владело уже несколько поколений семейства Халворсен. Между тем Тора постоянно изводила его разговорами о своей насыщенной великосветской жизни, о том, как и где она ужинала с самыми знатными и влиятельными людьми Европы, как обожает ее сам Ибсен, который даже называет актрису своей музой. До поры до времени Йенс был вынужден мириться с заносчивыми выходками своей любовницы. В конце концов все свои унижения он потом с лихвой компенсировал в тиши ее спальни. Однако сейчас он впервые почувствовал, что так не может продолжаться до бесконечности и связь с капризной и своенравной любовницей пора прекращать.

Но вот в полутьме коридора показались две фигурки. На какое-то время они замерли на пороге. Луч света от газового фонаря выхватил из темноты лицо девушки, Руди ей что-то показывал.

Хрупкая девушка, тоненькая как былинка, с прекрасными голубыми глазами, аккуратным носиком, розовыми губками, похожими на два лепестка роз. Маленькое личико в форме сердечка и шикарные золотисто-рыжие волосы, тяжелыми волнами ниспадающие на плечи. Обычно не склонный к славословию и прочим сентиментальным порывам, Йенс вдруг почувствовал, что при виде этой девушки готов расплакаться. На него неожиданно пахнуло свежим горным воздухом и давно забытой чистотой. На фоне незнакомки остальные женщины выглядят обыкновенными размалеванными куклами, и только, подумал он.

Йенс стоял как замороженный, не в силах сдвинуться с места, потом он услышал, как девушка негромко обронила «до свидания», прощаясь с Руди, легкой тенью скользнула мимо Йенса и сразу же уселась в карету, которая уже поджидала ее на выходе из театра.

— Ну что? Видели Анну, мой господин?

Стоило карете отъехать, и Руди тут же нащупал взглядом притаившегося в полумраке Йенса.

— Сделал все, что смог. Задержать ее подольше не получилось бы. Меня уже мама ждет в раздевалке. Я и так ее обманул. Сказал, что мне нужно срочно передать записку привратнику.

— Да, я успел ее рассмотреть. Скажи, она всегда сразу после спектакля уезжает домой?

— Всегда. Каждый вечер.

— Тогда мне надо что-нибудь придумать, чтобы встретиться с ней.

— Удачи вам, мой господин, но мне действительно пора бежать. — Однако Руди замешкался, явно выжидая, когда ему заплатят за оказанную услугу. Йенс сунул руку в карман, и очередная монетка оказалась в ладонке мальчика. — Спасибо. Доброй вам ночи, мой господин.

Йенс побрел через дорогу в кафе «Энгебрет», уселся возле стойки бара и заказал себе порцию тминной водки.

— Ты нездоров, мой мальчик? Что-то ты сегодня очень бледненький? — поинтересовался у него Эйнар, ударник из их оркестра, усевшийся рядом с Йенсом. Йенс всегда восхищался непревзойденным умением Эйнара улизнуть из оркестровой ямы в самый разгар исполнения музыки, сбегать в «Энгебрет», выпить там кружку пива и снова вернуться на свое рабочее место, не пропустив ни такта, строго к тому моменту, когда в игру должны вступить его тарелки. Все музыканты с нетерпением ждали того вечера, во время которого должна будет разразиться катастрофа: Эйнар собьется со счета, считая такты, и не успеет вовремя появиться на своем месте. Однако за все десять лет его работы в оркестре давно ожидаемая катастрофа так и не случилась.

— Отвечаю «да» на оба твоих вопроса, — сказал Йенс, поднося рюмку водки ко рту и залпом осушая ее. Заказав себе еще одну порцию, он вдруг почувствовал, что ему действительно не по себе. Неужели он и вправду заболел? Или это Анна Ландвик так разбередила ему душу? Но как бы там ни было, решил он, а сегодня вечером мадам Хенсон вернется домой одна.

— Фрекен Анна, у меня для вас письмо.

Анна оторвалась от своих карт и взглянула на Руди, с которым они баловались игрой в безик. Мальчик широко улыбнулся и незаметно сунул в руку Анны свернутую записку. Они сидели в детской гримерной, а вокруг суетился народ, занятый приготовлением к вечернему представлению.

Анна уже хотела прочитать записку, но Руди тут же шикнул на нее.

— Не здесь! Мне было велено передать, чтобы вы прочитали записку, когда останетесь одна.

— А от кого она? — мгновенно смутилась Анна.

Руди напустил на себя таинственный вид и слегка покачал головой.

— Не могу знать. Я всего лишь письмоносец.

— Тогда почему этот незнакомый человек решил написать мне письмо?

— Вот прочитаете — и все узнаете сами.

Анна бросила на мальчугана самый суровый взгляд из всех, на кои она была способна.

— Скажи мне, кто это? — требовательно приказала она.

— Не могу.

— Тогда я больше не стану играть с тобой в безик.

— И не надо. Мне уже пора переодеваться. — Мальчишка подхватился из-за стола и ретировался в другой угол комнаты.

Анне хотелось рассмеяться при виде забавных уверток Руди. «Ах ты, маленький пройдоха», — подумала она. Вечно он носится по театру с записками или оказывает иные мелкие услуги, чтобы заработать лишнюю монетку или заполучить конфету. С возрастом из него должен вырасти отличный шпик или ловкий аферист и мошенник. Он уже и сегодня в курсе всех сплетен и слухов, бродящих по театру. Анна не сомневалась, что Руди знает, кто автор этой записки. Вполне возможно, он уже даже успел прочитать ее. Вон явно видны отпечатки пальцев вокруг взломанной печати на конверте. Анна украдкой положила конверт в карман своей юбки, решив, что прочитает записку дома, когда уляжется в постель. После чего тоже поднялась из-за стола и пошла готовиться к вечернему выступлению.

Театр Христиании

15 марта 1876 года

Дорогая фрекен Ландвик.

Простите мне мою наглую записку и тот неподобающий способ, с помощью которого она была вручена Вам. Ведь мы с Вами до сих пор не знакомы лично. Между тем, впервые услышав Ваш голос на генеральной репетиции, я был буквально очарован им. Я слушал Ваше пение с непередаваемым волнением и восторгом. Быть может, у нас появится возможность встретиться у служебного входа еще до начала спектакля? Скажем, в четверть восьмого вечера. И тогда мы сможем познакомиться уже лично.

Умоляю Вас, не откажите в моей смиренной просьбе!

Преданный Вам всей душой

Почитатель Вашего таланта.

Перечитав записку дважды, Анна спрятала ее в ящик прикроватной тумбочки. Наверняка ее написал мужчина, подумала она. Не станет же женщина расточать такие похвалы другой женщине. Анна потушила лампу, прикрутив фитиль, и удобно устроилась на подушках, приготовившись отойти ко сну. Наверняка автор записки — какой-нибудь пожилой господин, такого же возраста, как герр Байер, подумала она и вздохнула. Мысль о возможности именно такого сценария никак не воодушевляла...

* * *

— Так вы сегодня с ним встречаетесь, да? — поинтересовался у нее Руди, лицо — сама невинность.

— С кем «с ним»?

— Сами знаете *с кем*.

— Нет, не знаю. Кстати, а откуда об этом *знаешь ты*, а? — Анна чуть не расхохоталась, увидев смятение на физиономии мальчика, понявшего, что он выдал себя, задав весьма опрометчивый вопрос. — Клянусь, больше я никогда не сяду играть с тобой в карты, ни на деньги, ни на конфеты, если ты не скажешь мне, кто автор этой записки. Понятно?

— Фрекен Анна, я не могу. Простите меня, но я не могу сказать вам этого. — Руди слегка покачал головой, а потом понурил ее. — Я своей жизнью поклялся тому человеку, что не скажу вам, кто он.

— Хорошо. Не можешь назвать имя человека, не называй. Но хоть ответь на мои вопросы. Простым «да» или «нет».

— Хорошо, — согласился мальчик.

— Эту записку написал какой-то господин?

— Да.

— Ему меньше пятидесяти?

— Да.

— Меньше сорока?

— Да.

— Меньше тридцати?

— Фрекен Анна, я не знаю точно, сколько ему лет. Но думаю, ему меньше тридцати.

Ну, хоть что-то, подумала Анна и задала свой следующий вопрос:

— Он наш постоянный зритель?

— Нет... хотя... в какой-то степени да. — Руди почесал затылок. — Во всяком случае, он каждый вечер слушает, как вы поете.

— Он состоит в труппе?

— Да, но не совсем.

— Он музыкант, Руди?

— Фрекен Анна, я и так выболтал много лишнего. — Руди придал своему лицу трагическое выражение и тяжело вздохнул. — Больше я не скажу ни слова!

— Понятно! — воскликнула Анна, весьма довольная результатами своего импровизированного допроса. Она глянула на старые настенные часы, которые всегда опаздывали, а потом поинтересовалась у одной из матерей, тихонько занимавшейся рукоделием в дальнем углу комнаты, который сейчас час.

— Полагаю, около семи, фрекен Ландвик. Я только что выходила в коридор и увидела, что уже приехал герр Джозефсон, — ответила женщина и добавила: — А он ведь всегда такой пунктуальный. Приезжает в театр в одно и то же время.

— Спасибо, — поблагодарила ее Анна и снова глянула на настенные часы, которые сегодня, на удивление, показывали более или менее точное время. Что ж, если этому человеку меньше тридцати,

подумала она, то, вполне возможно, и мотивы его желания познакомиться с ней не совсем уж благонадежны. Наверняка им движет не только восхищение ее голосом. При мысли об этом Анна невольно покраснела. Сама идея, что встречи с ней *может искать* совсем еще молодой человек и что он жаждет увидеть ее не только из-за голоса, взволновали Анну гораздо сильнее, чем она это могла представить.

Часы продолжали тикать, медленно отсчитывая секунды на циферблате, а Анна все еще мялась в нерешительности, не зная, как поступить. В тринадцать минут восьмого она решила идти. Но уже в четырнадцать минут восьмого передумала и сказала сама себе, что никуда не пойдет...

А уже ровно в восемь пятнадцать она бежала по коридору к служебному входу. Прибежала и увидела, что там никого нет.

Халберт, привратник, несший свою вахту у служебного входа, распахнул окошко в своей будке и поинтересовался у Анны, что ей нужно. Но она лишь молча покачала головой в знак того, что ей ничего не нужно, и повернулась, чтобы бежать обратно к себе в гримерную. За спиной распахнулась входная дверь, и порыв холодного ветра с улицы обдал Анну с ног до головы. А уже в следующую секунду чья-то рука осторожно легла на ее плечо.

— Фрекен Ландвик?

— Да.

— Простите, я немного опоздал.

Анна повернулась на голос и увидела перед собой глубоко посаженные глаза светло-орехового цвета. И в ту же минуту она вдруг почувствовала странную пустоту в желудке, как это случилось с ней всякий раз перед тем, как она начинала петь. Халберт в своей будке какое-то время молча разглядывал их обоих, словно перед ним была парочка идиотов, потому что они безмолвно смотрели друг на друга, не в силах отвести глаз.

Молодой человек, стоявший напротив Анны, был приблизительно одного возраста с ней. И он был по-настоящему красив, с густой копной каштановых кудрей, ниспадавших на воротник. Невысокий, но коренастый и широкоплечий, что сразу же придавало его облику мужественность и даже некоторую властность. Анна вдруг почувствовала, как все ее естество, и душа, и тело, и каждая клеточка

ее сознания, все-все-все, плавно перетекают в этого незнакомого человека. Это было странное и совершенно необычное для нее состояние. Анну даже немного повело в сторону.

— С вами все в порядке, фрекен Ландвик? У вас такое лицо, будто вы увидели перед собой призрака.

— Благодарю вас, со мной все в порядке. Легкое головокружение, только и всего.

Прозвенел звонок, предупреждающий артистов труппы и музыкантов о десятиминутной готовности перед началом спектакля.

— Пожалуйста, умоляю вас, — едва слышно прошептал Йенс, заметив, что досужий Халберт продолжает буравить их взглядом сквозь очки, — у нас уже почти не осталось времени. И все же давайте выйдем на минутку на улицу, чтобы вы могли вдохнуть в себя хоть немного свежего воздуха.

Он услужливо подставил Анне руку, и ее головка безвольно опустилась к нему на плечо. Йенс снова открыл входную дверь и вывел Анну на крыльцо. Она была такой хрупкой, такой нежной, такой совершенной в своей женственности, что стоило ей только опустить головку к нему на плечо, и он в ту же минуту почувствовал себя ее защитником и телохранителем навек. И все это показалось ему таким естественным, таким правильным, чем-то само собой разумеющимся.

Анна стояла рядом с ним на тротуаре, а его рука бережно поддерживала ее. Анна сделала несколько глубоких вдохов, с наслаждением вдыхая в себя свежий морозный воздух.

— Почему вы искали встречи со мной? — спросила она наконец, немного придя в себя и поняв, что неприлично стоять в такой позе с незнакомым мужчиной. Впрочем, если честно, то у нее было такое чувство, будто она знала его всегда...

— Сам не знаю почему. Не стану хитрить и притворяться. Вначале меня очаровал ваш голос, а потом я упросил Руди и даже заплатил ему, чтобы он сделал так... Словом, я тайком увидел вас... фрекен Ландвик. А сейчас мне пора бежать. Иначе герр Хеннум сотрет меня в порошок. Но когда мы сможем увидеться снова?

— Не знаю.

— Вечером? После окончания спектакля?

— Нет. Меня уже будет ждать карета. И я сразу же должна буду уехать на квартиру герра Байера.

— А днем?

— Тоже нет. — Она приложила руки к своему покрасневшемуся лицу. — Ничего не могу придумать. К тому же...

— Что?

— Такая встреча представляется мне весьма неподобающей. Если герр Байер узнает о том, что мы встречались, то он...

Прозвенел второй звонок: до начала спектакля оставалось ровно пять минут.

— Умоляю вас, давайте встретимся завтра ровно в шесть на этом же месте. — В голосе Йенса прозвучала откровенная мольба. — А герру Байеру скажите, что вас попросили явиться на репетицию перед началом спектакля.

— Я... я... Доброго вам вечера, мой господин...

Анна повернулась и направилась ко входу. Открыла дверь, чтобы переступить порог, но, прежде чем дверь снова захлопнулась, она ухватилась за ручку двери своими тоненькими пальчиками и придержала ее.

— Могу я хотя бы узнать ваше имя, мой господин?

— О, простите меня великодушно! Забыл представиться. Меня зовут Йенс. Йенс Халворсен.

Анна побрела к себе в примерную, словно в тумане, а там обессиленно плюхнулась на стул, чтобы хоть как-то прийти в себя. Когда в голове немного прояснилось, она решила, что должна узнать о Йенсе Халворсене как можно больше, прежде чем соглашаться на новую встречу с ним.

Вечером, все то время, пока длился спектакль, она расспрашивала всех подряд, и тех, кому доверяет, и тех, кому не доверяет, что они знают о нем.

Оказывается, молодой человек играет в оркестре сразу на двух инструментах: на скрипке и на флейте. К большому сожалению, в театре у него репутация завязаного волокиты за хорошенькими женщинами. Музыканты даже придумали ему шутивную кличку Пер, в честь главного героя пьесы, который, как известно, тоже любил приударить за слабым полом. Одна из молоденьких хористок сообщила Анне, что Йенс встречается сразу с двумя девчонками из хора, с Хильдой Омвик и Йорид Скровсет. Но самое плохое, в театре

упорно ходят слухи, что он является тайным любовником самой мадам Хенсон.

Когда Анна заняла свое обычное место за сценой, чтобы пропеть «Колыбельную», она уже была настолько взвинчена всей полученной информацией, что опоздала со вступлением на целый такт. А в результате мадам Хенсон тоже захлопнула свой рот на два такта раньше положенного. Анна даже не осмелилась взглянуть в оркестровую яму, боясь случайно встретиться взглядом с Йенсом Халворсеном.

— Больше я и думать не буду об этом человеке, — решительно приказала она себе, прикручивая фитиль в лампе, стоявшей на ночном столике рядом с кроватью. — По всему видно, что он ужасный, бессердечный тип, — добавила она в сердцах, немного раздосадованная тем, что слухи о его амурных похождениях взволновали ее больше, чем это следовало бы. — Да мне и дела нет до него! Ведь я же дала слово выйти замуж совсем за другого человека.

Однако на следующий день Анне потребовалась вся сила воли, чтобы не солгать герру Байеру, будто ей надо поехать в театр пораньше, так как у нее назначена репетиция перед началом спектакля. В театр она приехала в свое обычное время, без пятнадцати семь. На тротуаре перед служебным входом было пусто. Странно, но она вдруг почувствовала непроизвольный укол разочарования и тут же рассердилась на себя за собственную слабость.

Она вошла в гримерную. Мамаши детворы, участвующей в спектакле, занятые, по своему обыкновению, рукоделием, нестройным хором приветствовали ее. Тут же Анну окружили дети в надежде, что она принесла что-то новенькое для игр с ними. И только один мальчишка стоял к ней спиной, понунив голову, и не подбежал, пока она обнимала других. Но вот он поднял голову и поверх голов малышни бросил на Анну печальный взгляд. Руди был не похож на себя. Но тут маленьких актеров пригласили на сцену. Одарив Анну еще одним грустным взглядом, мальчик вместе с остальными детьми устремился на подмостки. Однако в антракте он нашел ее.

— Мой друг сказал мне, что вы не встретились с ним сегодня вечером. Он очень переживает из-за этого. Он прислал вам еще одно письмо. — Мальчик извлек из кармана запечатанный конверт и протянул его Анне.

Но она отстранила от себя конверт.

— Пожалуйста, передай своему другу, что меня не интересуют его письма.

— Но почему?

— Потому что не интересуют, Руди! И на этом точка.

— Фрекен Анна, я сам видел, как он убит из-за того, что вы не пришли. Он очень переживает, честное слово.

— Руди, ты очень способный ребенок, это правда. И как актер, и как человек, умеющий выманить монетку-другую у взрослых. Однако есть вещи, которые ты еще не вполне понимаешь...

Анна открыла дверь и вышла из гримерной. Руди с видом побитой собаки поплелся за ней следом.

— Чего я не понимаю?

— Всякие взрослые дела, — ответила она на ходу, уже начиная терять терпение. Ей было рано занимать свое место в кулисах. Ее песня должна прозвучать еще не скоро, но Анне хотелось побыстрее отвязаться от мальчика с его назойливыми расспросами.

— Все я *понимаю* про ваши взрослые дела, фрекен Анна, — возразил Руди. — Наверняка наслушались всяких сплетен про него, когда выяснили, кто он и как его зовут.

— Ах, так и ты в курсе всех этих разговоров, да? Тогда почему же ты так настойчиво уговариваешь меня согласиться с ним на новую встречу? — возмутилась Анна и круто повернулась лицом к Руди, взглядом давая ему понять, чтобы он отстал от нее, наконец. — Да, у этого господина ужасная репутация! К тому же у меня уже есть молодой человек и в обозримом будущем, — Анна снова двинулась по коридору в сторону кулис, — мы с ним поженимся.

— Очень рад за вас, фрекен Анна. Но у этого господина самые благородные побуждения к вам. Честное слово!

— Руди, ради всех святых! Оставь меня в покое, ладно?

— Оставлю, оставлю! И все же вы должны встретиться с ним, фрекен Анна. Вы понимаете, я не прочь заработать, но сейчас я делаю все это совершенно бесплатно. Возьмите хоть письмо от него!

Анна не успела возразить, как мальчишка буквально силой втиснул ей в руку конверт и тут же стремглав бросился от нее по коридору. Анна спряталась среди декораций, мгновенно превратившись в невидимку для посторонних глаз, и стала слушать,

как настраиваются оркестранты ко второму акту. Потом взглянула в оркестровую яму и выхватила глазами фигуру Йенса Халворсена. Вот он занял свое место и извлек из футляра флейту. Слегка повертел головой в разные стороны, и в какой-то момент их глаза встретились. В его взгляде было столько страдания, что Анна невольно поежилась, боясь разжалобиться. Она осторожно выбралась из-за декораций и снова, словно в тумане, побежала к себе в гримерную, едва не столкнувшись по пути с мадам Хенсон. Облако знакомого французского парфюма шлейфом плыло по коридору вслед за актрисой. Она даже не заметила Анну, но та вдруг вспомнила все сплетни, что гуляют на их с Йенсом счет, и прежнее озлобление проснулось в ней с новой силой. Этот Йенс Халворсен — самый обыкновенный подлец! Негодный соблазнитель! Наверняка решил приударить, чтобы опорочить Анну и разрушить ей жизнь. Она вошла в гримерную с твердым намерением весь следующий антракт посвятить игре в карты с детьми. Надо же чем-то занять себя, чтобы не думать о нем.

Вечером, вернувшись домой после спектакля, Анна напрямик направилась в пустую гостиную. Огромным усилием воли она заставила себя достать из кармана нераспечатанный конверт с письмом Йенса и швырнула его напрямик в огонь.

* * *

В течение последующих двух недель Руди каждый вечер приносил ей очередное письмо от Йенса Халворсена. Но Анна сжигала их не читая. Сегодня же ее решимость положить конец всем этим несносным приставаниям Йенса еще более укрепилась после того, как она и все остальные участники спектакля стали невольными свидетелями весьма забавной сцены. Вдруг в разгар антракта послышался громкий визг из гримерной мадам Хенсон, а следом — звон разбитого стекла.

— Что там происходит? — спросила Анна у Руди.

— Не скажу! — ответил упрямый мальчишка, скрестив руки на груди.

— Почему? — удивилась Анна. — Ведь ты же все и про всех знаешь! Хочешь, я заплачу тебе? — пустила она в ход самый веский аргумент.

— Я не скажу вам ничего ни за какие деньги! Вот! Потому что у вас может сложиться неверное представление.

— Представление о чем?

Но Руди лишь отрицательно качнул головой и отошел от нее. Однако к следующему антракту ситуация более или менее прояснилась, так как в театре уже всю стали роиться слухи. Знакомая девушка из хора рассказала Анне, что якобы мадам Хенсон стало известно о том, что пару недель тому назад Йенса Халворсена видели вместе с Йорид, еще одной солисткой из их хора. Выслушав хористку, Анна совсем не удивилась этой новости. Судя по всему, вся эта история стала новостью только для самой мадам Хенсон, которая единственная во всем театре ни о чем не догадывалась.

* * *

Приехав на первое представление на следующей неделе, Анна увидела огромный букет алых роз, который лежал возле окошка вахтера рядом со служебным входом. Она уже прошла мимо цветов, направляясь к себе в гримерную, но тут услышала, как Халберт, вахтер театра, окликнул ее:

— Фрекен Ландвик.

— Слушаю вас.

— Эти цветы вам.

— *Мне?* — страшно удивилась Анна.

— Да, вам. Пожалуйста, заберите их отсюда. Они мне весь вид загораживают.

Анна покраснела до ушей, сама став похожей на розу, но повернулась и подошла к будке.

— Кажется, у вас, фрекен Ландвик, тоже завелся поклонник. Интересно, кто бы это мог быть? — Халберт многозначительно поднял бровь и бросил укоризненный взгляд на девушку, но Анна молча забрала огромный букет, стараясь не встречаться с привратником взглядом.

— Ну и ну! — воскликнула она про себя, шагая по коридору напрямиком в дамскую комнату, холодное и довольно вонючее помещение, общее для всех женщин, работавших в театре. — Это же надо иметь такое нахальство! Посылать мне цветы под носом у мадам Хенсон и Йорид Скровсет. Да он со мной играет, будто кошка с мышкой, — рассерженно прошептала она и, громко хлопнув дверью, заперлась в кабинке. — Решил, что раз мадам Хенсон пронюхала про его шашни, так можно переключиться на меня. Вообразил, что сумеет вскружить голову простой деревенской девчонке с помощью своего веника. Не тут-то было!

Анна прочитала карточку, приколотую к букету.

«Я совсем не такой, каким Вы меня считаете. Умоляю, дайте мне шанс доказать Вам это».

— Ха-ха-ха! — злорадно воскликнула Анна и порвала карточку на мелкие кусочки, а потом выбросила их в унитаз и смыла. Наверняка сейчас в гримерке начнутся расспросы, откуда цветы, кто их преподнес и прочее. Анне совсем не хотелось, чтобы кто-то в труппе догадался об их истинном происхождении.

— Какая прелесть, Анна! — воскликнула одна из мамаш, когда Анна вошла в гримерку с букетом роз в руках. — Что за дивные цветы!

— Кто вам их подарил? — немедленно поинтересовалась вторая мамаша.

Все в комнате замолчали в ожидании ответа.

— Разумеется, цветы мне прислал мой молодой человек, — ответила им Анна после короткой паузы. — Его зовут Ларс, и он живет в Хеддале.

Последовала новая порция восторженных восклицаний.

— Какой-то особый повод, да? Ведь эти розы стоят целую кучу денег, — не отставала от Анны одна особо любопытная матрона.

— Да, вы правы. Повод... есть. Сегодня у меня день рождения, — самым бессовестным образом солгала ей Анна.

И снова раздался хор удивленных голосов.

— Ваш день рождения?! Но почему же вы ничего не сказали нам?

Весь оставшийся вечер Анна была вынуждена принимать поздравления по случаю своего дня рождения. Ее обнимали, целовали, дарили всяческие безделушки и сувениры, демонстрируя всеобщую

симпатию и любовь. И лишь хитроватая улыбка на физиономии Руди несколько портила настроение, но Анна делала вид, что не замечает ее.

* * *

— Итак, Анна, вы в курсе того, что театральный сезон близится к своему завершению и вскоре представления спектакля «Пер Гюнт» будут завершены. В июне я устраиваю по этому случаю специальное суаре, на которое собираюсь пригласить все сливки нашего столичного общества. Хочу, чтобы они пришли и послушали, как вы поете. Пора вам начинать самостоятельную певческую карьеру. Явить себя, так сказать, миру и перестать быть таинственным привидением с дивным, ангелоподобным голосом.

— Понятно, герр Байер. Спасибо вам.

— Анна! — Профессор слегка нахмурился, бросив внимательный взгляд на Анну. — У вас есть какие-то сомнения касательно собственного будущего?

— Нет, я просто очень устала. Большое вам спасибо за то внимание, которое вы мне уделяете.

— Понимаю-понимаю! Последние несколько месяцев были действительно очень трудными. Но поверьте мне, Анна, многие мои знакомые из мира музыки уже в курсе того, кому принадлежит прекрасный голос Сольвейг. А сейчас ступайте к себе и немного отдохните. Вы и правда очень бледненькая.

— Хорошо, герр Байер.

Франц Байер с грустью посмотрел ей вслед. Ему были вполне понятны ее переживания, но что он мог сделать в сложившихся обстоятельствах? Анонимность исполнительницы была специально оговорена в контракте, подписанном Людвигом Джозефсоном и Йоханом Хеннумом. Но контракт уже близится к своему завершению, все условия его соблюдены и принесли огромную пользу для общего дела. Зато сейчас все самые влиятельные и авторитетные представители музыкального сообщества Христиании слетятся к нему на суаре, словно бабочки на огонь. И только затем, чтобы послушать таинственную обладательницу прекрасного голоса, которая так вдохновенно исполняла песни Сольвейг на протяжении всего сезона. А

впереди у него огромные, просто грандиозные планы касательно будущего его ученицы Анны Ландвик.

На душе у Йенса было особенно муторно, когда он проснулся. Неделю назад представления спектакля «Пер Гюнт» были завершены. И хотя Хеннум пообещал Йенсу постоянное место в оркестре для обслуживания гастролирующих оперных и балетных труп, которые, возможно, приедут в Христианию без своего музыкального сопровождения, перспектива все равно оставалась весьма неопределенной. Как бы то ни было, а до начала нового сезона, до которого еще оставалось больше месяца, никакой иной работы у него не было. Ситуацию еще более усугубило то обстоятельство, что с началом показа драмы «Пер Гюнт» в Театре Христиании Йенс появлялся в университете лишь от случая к случаю, посетив в общей сложности не более десятка лекций. А в результате к выпускным экзаменам подошел совсем неподготовленным. Он уже заранее настроился на то, что завалит все экзамены и не видать ему степени бакалавра как своих ушей.

На прошлой неделе перед началом предпоследнего спектакля он рискнул и показал Хеннуму свои последние композиции, над которыми прилежно трудился все последнее время, и это вместо того, чтобы готовиться к экзаменам в университете. Наиграл их дирижеру, и тот, поразмыслив немного, назвал его экзерсисы «вторичными по замыслу», впрочем, весьма недурственными для начинающего композитора.

— Хотел бы посоветовать вам, молодой человек, уехать из Христиании и продолжить свое музыкальное образование в какой-нибудь солидной консерватории. У вас есть несомненный композиторский талант, но вам еще надо научиться «слышать» мелодию, которая рождается у вас на бумаге. Представлять себе, как она будет звучать в исполнении самых различных инструментов. Вот взять, к примеру, этот фрагмент. — Хеннум ткнул пальцем в ноты. — Он рассчитан на то, чтобы его исполнял весь оркестр в полном составе? Или как? А может... — Дирижер сыграл первые четыре такта на рояле. Даже пристрастное ухо Йенса мгновенно уловило явную

перекличку с «Утренним настроением» Эдварда Грига. — А может, лучше попробовать сыграть это на флейте, а? И все сразу же станет ясно...

Герр Хеннум иронично улыбнулся, а Йенс тут же покраснел до корней волос.

— Понятно, герр Хеннум.

— А сейчас возьмем второй фрагмент. Это будет играть на скрипке? Или все же на виолончели? А может, альт лучше подойдет? — Хеннум вернул листок с нотами Йенсу и слегка потрепал его по плечу. — Вот вам мой совет, юный друг: если вы настроены серьезно последовать за Эдвардом Григом и его не менее известными коллегами, ступайте учиться. Вы должны научиться сочинять музыку так, чтобы она звучала не только в вашей голове, но и в партитуре.

— Но в Христиании нет педагогов, которые могли бы обучить меня мастерству оркестровки, — возразил ему Йенс.

— Вы правы. В Христиании таких педагогов нет. А потому вам следует ехать за границу. Все наши маститые композиторы из Скандинавии поступали именно так. Отправляйтесь, к примеру, в Лейпциг, как это в свое время сделал Эдвард Григ.

Йенс отошел от дирижера, ругая себя за собственную наивность. К тому же он прекрасно понимал, что если отец приведет свои угрозы в действие и лишит его наследства в случае выбора карьеры музыканта, то ни о каком дальнейшем продолжении образования в серьезном музыкальном заведении не может быть и речи. На это у него попросту не будет денег. Пока ему помогала и более или менее успешно вела по стезе музыки природная одаренность, но одного таланта мало, и Йенс это отлично понимал. Нужно обстоятельно и глубоко заняться изучением композиции, если он действительно хочет стать профессиональным композитором.

Покидая театр, Йенс ругал себя на чем свет стоит за тот разгульный образ жизни, который вел последние три года. Если бы он не растрачивал время и деньги на женщин и на спиртное, то сэкономленных средств вполне могло бы хватить для воплощения в жизнь всех его планов. Но сейчас, подумал он с тоской, уже слишком поздно. Он профукал все свои шансы и возможности, и винить в этом некого. Кругом виноват он один.

Несмотря на то что Йенс преисполнился решимости не предаваться прежней разгульной жизни с завершением театрального сезона и с окончанием представлений спектакля «Пер Гюнт», сегодня он снова проснулся с ужасной головной болью. Вчера вечером, пребывая в самом скверном расположении духа, он опять потащился в «Энгебрет», чтобы утопить свои горести в вине в компании знакомых музыкантов, которых он там наверняка встретит. А в результате сегодня голова раскалывается с похмелья.

В доме было тихо, и это косвенно указывало на то, что уже позднее утро, если вообще не день. Отец наверняка уже отбыл на работу, мама, по своему обыкновению, отправилась в город выпить чашечку кофе с какой-нибудь своей приятельницей. Йенс позвонил в колокольчик, вызывая к себе Дору. Ему позарез нужна сейчас чашечка кофе. Пришлось немного подождать. Но вот наконец раздался стук в дверь, и он попросил войти. На пороге появилась служанка с очень недовольным выражением лица. Она с нарочитым шумом поставила на его кровать поднос с завтраком.

— Который сейчас час? — поинтересовался у нее Йенс.

— Четверть двенадцатого. Что-нибудь еще?

Он глянул на Дору, отлично понимая, почему она дует на него. Последнее время он совсем не обращал на нее внимания. Может, ублажить ее прямо сейчас, мелькнуло у него. Облегчить, так сказать, себе жизнь, хотя бы в стенах родного дома. Он отхлебнул из чашки кофе и почему-то вспомнил вдруг Анну. И сразу же желание возиться с Дорой пропало.

— Нет, больше ничего. Спасибо, Дора.

Он поспешно отвел глаза от служанки, увидев, как она переменялась в лице, схватил с подноса газету и зарылся в нее с головой, делая вид, что читает, а сам с нетерпением ожидал того момента, когда Дора покинет комнату. Но вот она наконец ушла, Йенс тут же отложил газету в сторону и тяжело вздохнул. Ему было стыдно за проявленную вчера слабость. Это же надо! Напился как свинья. Но вчера у него было так мерзко на душе... Жить не хотелось... Вот он и решил забыться. Даже мысли об Анне Ландвик больше не способны были поднять ему настроение.

— Что с тобой, парень? — участливо поинтересовался у него вчера Саймон. — Наверняка опять женщины, да?

— Не женщины, а девушка. Та девушка, которая поет песни Сольвейг. Я все время думаю о ней, Саймон. По-моему, я влюбился... Влюбился впервые в жизни.

Саймон откинул голову назад и весело рассмеялся.

— Йенс, ну, как же ты не видишь очевидного?

— Не понимаю, что тут смешного? И что я должен увидеть?

— Эта девушка — единственная, кто на сегодняшний день отказала тебе. Сказала тебе «нет». Вот ты и решил, что влюбился в нее! Да, вполне возможно, она очаровала тебя своей чистотой и невинностью, этакая целомудренная сельская пастушка... Но неужели ты не понимаешь, что эта девочка совсем не пара такому рафинированному городскому мальчику, как ты?

— Ты ошибаешься! Какая мне разница, аристократка она или простая деревенская девушка? Я люблю ее! А ее голос! Он... он самый совершенный из всех, что мне довелось слышать. И личико у нее ангельское.

Саймон глянул на пустой стакан приятеля.

— Это в тебе сейчас тминная водка говорит, мой друг. Поверь мне на слово, Йенс. Все твои душевные страдания проистекают от того, что ты в первый раз в жизни получил отказ. Только и всего. И никакой любви тут нет.

Йенс медленно цедил уже остывший кофе, размышляя над вчерашним разговором. А может, Саймон действительно прав? Однако прелестный образ Анны, ее божественный голос по-прежнему будоражили воображение. И зачем ему эта лишняя головная боль, подумал он с отчаянием. У него и без Анны Ландвик проблем хоть отбавляй. Лучше бы он никогда ее не видел. И не слышал, как она поет...

* * *

Суаре назначили на пятнадцатое июня, приурочив к дню рождения маэстро Грига. Несколько дней тому назад, уже после

последнего показа спектакля «Пер Гюнт» на сцене, за традиционной чашечкой чая в гостиной герр Байер сказал Анне:

— Я пошлю приглашение Эдварду Григу. Пусть он своими глазами увидит ту девушку, которая первой исполнила песни его Сольвейг. Впрочем, говорят, он сейчас за границей. Но мы построим программу вашего выступления, Анна, таким образом, чтобы вы обязательно исполнили несколько народных песен. В том числе и из спектакля «Пер Гюнт», конечно. А еще обязательно арию Виолетты из «Травиаты» Верди. И какой-нибудь церковный гимн. Хочу, чтобы слушатели сами убедились, какой широкий диапазон у вашего голоса.

— Но успею ли я вернуться к себе в Хеддал, чтобы попасть на свадьбу брата? — осторожно поинтересовалась у профессора Анна, чувствуя, что еще месяц без свежего воздуха — и она попросту задохнется в четырех стенах городского дома.

— Конечно, дорогая моя. Обязательно успеете. Вы поедете в Хеддал сразу же после суаре и пробудете дома все лето. А с завтрашнего утра снова за работу. У нас в запасе всего лишь месяц. За этот срок мы должны довести до совершенства и вас, и ваш голос.

Для этой цели герр Байер пригласил целый ряд педагогов, которые, по его мнению, могли компетентно следить за тем, как Анна исполняет те песни, на которых они остановили свой выбор. Гюнтер по-прежнему натаскивал ее по части оперного репертуара, капельмейстер из кафедрального собора, с обгрызенными ногтями и со сверкающей лысиной, регулярно навещался к ним в качестве эксперта по исполнению духовной музыки. Сам герр Байер ежедневно в течение часа занимался с Анной техникой вокала. Потом приходила портниха, снимала с Анны мерки, чтобы сшить ей множество красивых нарядов, подходящих для восходящей оперной звезды. Но больше всего Анна радовалась тому, что герр Байер стал регулярно водить ее на самые разнообразные концерты.

Так, в один из вечеров, когда они собирались на премьеру оперы Россини «Севильский цирюльник», которую в их театре давала гастролирующая итальянская труппа, Анна вошла в гостиную в одном из своих новых вечерних платьев: изысканный наряд из небесного-голубого шелка.

— Моя юная барышня! — восторженно хлопнул в ладоши герр Байер при ее появлении и тотчас же поднялся со своего места. — Вы

сегодня просто неотразимы! Этот цвет вам очень к лицу. Очень! А сейчас позвольте мне нанести еще один маленький штришок.

Герр Байер вручил ей кожаную коробочку, в которой лежали сапфировое кольцо и сережки в форме двух продолговатых капель. Сверкающие камни с алмазной огранкой были закреплены на филигранном золотом ожерелье. Тонкая работа сразу же выдавала руку истинного мастера. Ошеломленная Анна молча уставилась на украшение, не зная, что сказать.

— Герр Байер...

— Эти украшения принадлежали моей жене. Хочу, чтобы вы надели их в этот вечер. Позвольте, я помогу застегнуть вам замочек.

Анна не посмела отказать. Профессор достал из футляра кольцо, а уже в следующую минуту она почувствовала легкое прикосновение его пальцев у себя на шее, когда он стал возиться с замком.

— Прекрасно дополняет ваш наряд! — воскликнул профессор, не скрывая своего удовлетворения. Герр Байер стоял так близко от Анны, что она явственно почувствовала его не совсем свежее дыхание. — А сейчас поспешим и предстанем перед почтенной театральной публикой во всей нашей красе.

* * *

Весь следующий месяц Анна упорно занималась музыкой, стараясь получить максимум удовольствия от своего пребывания в Христиании. Она регулярно писала письма Ларсу, а каждый вечер, отходя ко сну, истово молилась. Однако, несмотря на все свои старания, так и не смогла прогнать из своей головы мысли о Йенсе Халворсене Ужасном, как она его прозвала про себя. Сто раз она повторяла себе, что получила хороший урок, поддавшись минутной слабости ветреного сердца. Увы-увы! Мысли продолжали кружить по замкнутому кругу, словно стрелки на циферблате часов. Вот если бы она могла довериться какому-нибудь преданному ей человеку, поделиться, попросить помочь ей избавиться от этого наваждения. Ведь есть же, в конце концов, какое-то средство. Лекарство от любви.

— Господи боже мой! — вздохнула Анна однажды вечером, поднимаясь с колен после молитвы. — Думаю, я очень, очень больна.

Чем ближе была назначенная дата, тем сильнее волновался и сам герр Байер. Анна видела, в каком возбуждении он пребывал все последние дни.

— Итак, моя дорогая девочка, — объявил профессор в день, когда должно было состояться выступление Анны перед его гостями, — я пригласил скрипача и виолончелиста, чтобы они аккомпанировали вам. Сам я, конечно, буду за роялем. Они должны подъехать к нам с утра, и мы немного порепетируем все вместе. А потом у вас будет возможность хорошенько отдохнуть и подготовиться к вечернему выступлению.

В одиннадцать часов утра в дверь позвонили. Анна, сидя в гостиной в ожидании музыкантов, услышала, как фрекен Олсдаттер открыла дверь и с кем-то поздоровалась. Анна поднялась со своего места, когда музыканты вошли в гостиную в сопровождении герра Байера.

— Позвольте представить вам виолончелиста, герра Айсаксена, и скрипача, герра Халворсена, — объявил Байер прямо с порога. — Обоих мне настоятельно рекомендовал мой друг герр Хеннум.

У Анны снова закружилась голова при виде Йенса Халворсена Ужасного. А он как ни в чем не бывало пересек комнату и подошел к ней, чтобы по- здороваться.

— Фрекен Ландвик, для меня большая честь принять сегодня вечером участие в вашем суаре.

— Благодарю вас, — прошептала она едва слышно, заметив веселые огоньки, прыгающие в его глазах. Ей-то самой было вовсе не до смеха. Сердце колотилось как бешеное. Казалось, еще немного, и оно выскочит из груди.

— Пожалуй, начнем с Верди, — предложил герр Байер музыкантам, когда все трое расположились возле рояля.

— Хорошо, герр Байер, — согласились они.

— Тогда начинаем.

Судя по нескрываемому недовольству, читавшемуся на лице профессора, Анна на репетиции была далека от своей лучшей формы. Она начисто забыла все, чему ее учили весь минувший месяц, а в самом конце арии, на вибрато, даже сбилась с дыхания. *«А все ты виноват, Йенс Халворсен Ужасный»*, — злилась Анна про себя.

— Думаю, господа, на сегодня репетиций достаточно. Будем надеяться, что вечером наше выступление прозвучит более слаженно. Жду вас ровно в половине седьмого. Суаре начнется в семь.

Музыканты вежливо откланялись профессору, потом отвесили прощальные поклоны Анне. Но прежде чем покинуть гостиную, Йенс метнул в Анну многозначительный взгляд светло-карих глаз.

— Анна, что это с вами сегодня? — удивился герр Байер, когда они наконец остались одни. — Не думаю, что вас так разволновали аккомпаниаторы. Ведь вы уже привыкли петь в сопровождении целого оркестра.

— Простите, герр Байер. Просто у меня с утра немного болит голова.

— А все нервы, моя дорогая барышня, сплошные нервы. Что, впрочем, вполне понятно. — Лицо Байера просветлело, и он ласково погладил Анну по плечу. — Все пройдет, вот увидите. Легкий обед, потом отдыхать. А перед началом вечера мы с вами обязательно выпьем по небольшому бокалу вина... Чтобы успокоить ваши расхолодившиеся нервы. Уверен, сегодня вас ждет огромный успех, а уже завтра о вас будет говорить вся Христиания.

В пять часов вечера фрекен Олсдаттер появилась на пороге спальни Анны с чашкой воды и неизменной порцией надоевшего меда.

— Я приготовила вам ванну, моя дорогая. Пока вы будете купаться, я разложу на кровати ваш наряд для сегодняшнего вечера. Герр Байер сказал, что ему бы хотелось, чтобы вы появились в своем небесно-голубом платье и надели сапфиры его жены. Он также предложил сделать вам высокую прическу. Я помогу вам уложить волосы как следует.

— Спасибо вам, фрекен Олсдаттер, — поблагодарила экономку Анна.

Потом она долго лежала в ванне, прикрыв лицо фланелевой салфеткой и пытаясь утихомирить сердцебиение. А оно никак не утихало, можно сказать, с того самого момента, как она увидела перед собой Йенса Халворсена. Стоило бросить на него взгляд, и она тут же почувствовала, как подкосились ноги, как пересохло в горле и как застучало сердце в груди. словно весь ее организм вдруг взял и вышел из строя.

— Господи, помоги мне! Дай мне силы и мужества пережить сегодняшний вечер, — мысленно молилась Анна, вытираясь полотенцем. — И прости мне мои нехорошие мысли. Пусть он лучше заболит и не придет к нам вечером. Пусть у него желчь разойдется и он не сможет играть.

Переодевшись в вечернее платье и соорудив с помощью фрекен Олсдаттер на голове прическу, Анна направилась по коридору в гостиную. Тридцать позолоченных, обитых красным бархатом стульев были расставлены в форме полукруга в эркерном окне рядом с роялем. Йенс Халворсен и виолончелист уже были на месте, беседовали о чем-то с профессором. При виде Анны лицо герра Байера прояснилось.

— Выглядите превосходно, моя юная барышня! — воскликнул он, не скрывая своего восхищения, и протянул ей бокал вина. — Давайте выпьем за успех этого вечера, пока не началась вся сопутствующая ему суета.

Анна сделала глоток, зафиксировав боковым зрением, как глаза Йенса скользнули по ее декольте. Невозможно было понять, любит ли он сверкающими сапфирами на ее шее или его привлекла белоснежная кожа, видневшаяся в вырезе, но как бы то ни было, а Анна почувствовала, что краснеет.

— За вас, Анна! — провозгласил свой тост герр Байер.

— За фрекен Ландвик, — поддержал его Йенс, поднимая свой бокал.

— А сейчас, Анна, ступайте на кухню и посидите там какое-то время в компании фрекен Олсдаттер, пока я не приглашу вас.

— Хорошо, герр Байер.

— Удачи вам, любовь моя, — выдохнул Йенс, когда Анна прошла мимо него, направляясь к двери.

Трудно сказать, что сыграло свою решающую роль, то ли выпитое вино, то ли присутствие рядом Йенса Халворсена Ужасного, вдохновенно аккомпанировавшего ей в тот вечер на скрипке, но когда перед затихшей аудиторией в воздухе растаял последний звук, Анна поняла, что лучше она еще никогда не пела.

Последовали громкие и долгие аплодисменты. Потом гости, среди них и Йохан Хеннум, окружили юную певицу, поздравляли, наперебой предлагали устроить публичные концерты в Зале Вольных Каменщиков или в Зале для приемов при городской ратуше. Герр

Байер, сияя от удовольствия, стоял рядом с Анной, посматривая на девушку хозяйским взглядом. Йенс крутился на заднем плане. Но стоило профессору отойти в сторону, как Йенс тут же воспользовался возможностью, чтобы перекинуться с Анной парой слов.

— Фрекен Ландвик, примите мои самые искренние поздравления. Присоединяюсь к восторженному хору слушателей. Ваше пение сегодня было выше всяких похвал.

— Благодарю вас, герр Халворсен, — сдержанно поблагодарила его Анна.

— Пожалуйста, Анна! Умоляю вас, — добавил он вполголоса. — С тех самых пор, как я видел вас в последний раз, я буквально не нахожу себе места. Весь извелся... Постоянно думаю о вас... Неужели вы не понимаете, что сама судьба распорядилась так, чтобы снова свести нас вместе?

Впервые Анна услышала из его уст обращение к ней по имени. И оно, это имя, прозвучало так сердечно и нежно, что она лишь молча уставилась куда-то вдаль поверх его плеча, зная, что если они сейчас встретятся глазами, то она пропала. Ведь Йенс только что озвучил и ее собственные мысли.

— Пожалуйста, давайте встретимся... Назначьте мне встречу, в любое время... Где угодно... Я...

— Герр Халворсен, — оборвала его на полуслове Анна, обретя наконец голос, — я совсем скоро возвращаюсь к себе домой, в Хеддал, на свадьбу брата.

— Тогда позвольте мне увидеться с вами, когда вы снова приедете в Христианию. Анна, я... — Заметив приближающегося к ним герра Байера, Йенс тут же отвесил ей учтивый поклон. — Я получил огромное удовольствие от этого вечера, фрекен Ландвик. — Йенс посмотрел ей прямо в глаза, и Анна прочитала в его взгляде плохо скрываемое отчаяние.

— Превосходно пела, правда ведь? — Герр Байер покровительственно похлопал Йенса по плечу. — Особенно эти высокие ноты в среднем и верхнем диапазоне. А ее великолепное вибрато... Нет, определенно, это было ее лучшее выступление из всех, что я слышал.

— Вы правы. Сегодня фрекен Анна пела просто бесподобно. Однако мне пора. — Йенс бросил выжидательный взгляд на

профессора.

— Ах да! Конечно! Простите меня, дорогая Анна. Но я вынужден отлучиться на пару минут, чтобы рассчитаться с нашим молодым скрипачом.

Где-то через час Анна удалилась к себе в комнату, испытывая легкое головокружение и пребывая в состоянии полнейшей эйфории. То ли сегодняшний успех так на нее подействовал, то ли второй бокал вина, который она весьма опрометчиво выпила. Однако в глубине души она знала правду. Пока фрекен Олсдаттер помогала ей раздеваться, она не переставала думать о Йенсе Халворсене. Ее пьянила сама мысль о том, что он по-прежнему увлечен ею. Так же сильно, признавалась она себе с большой неохотой, как и она увлечена им...

Сталсберг Ванингшусет

Тиндевеген

Хеддал

30 июня 1876 года

Дорогая Анна.

У меня печальная новость. В минувший вторник ушел из жизни мой отец. К счастью, он упокоился с миром. Наверное, так будет лучше для него. Ведь ты же знаешь, как он страдал от болей все последние годы. Похороны состоятся еще до того, как ты получишь мое письмо, но я посчитал необходимым поставить тебя в известность.

Твой отец сказал мне, что виды на урожай овса очень хорошие и что его худшие ожидания, к счастью, не оправдались. Анна, когда ты приедешь на свадьбу брата, нам надо с тобой о многом поговорить. В том числе и о нашем будущем. Несмотря на мои печальные новости, я буду счастлив снова увидеть тебя.

А пока

Жду с нетерпением

Ларс

Прочитав письмо Ларса, Анна откинулась на подушки, почувствовав нескрываемое отвращение к собственной персоне. В

самом деле! А чем она лучше Йенса Халворсена Ужасного? Ведь с того момента, как они снова встретились на суаре в доме профессора, она только о нем и думает. И даже когда герр Байер, не без видимого удовольствия, сообщил о новых выступлениях, которые он организовал для нее, Анна так и не смогла отреагировать на эту приятную новость с должным воодушевлением.

Вчера вечером профессор попросил ее прийти в одиннадцать утра в гостиную для разговора с ним. Одевшись как положено, Анна направилась в гостиную и застала там своего наставника в состоянии крайнего возбуждения.

— Анна! У меня для вас просто потрясающая новость! Утром я встречался с Йоханом Хеннумом и Людвигом Джозефсоном. Вы ведь помните, что герр Хеннум тоже присутствовал на нашем суаре. Он сообщил мне, что, учитывая высокую популярность спектакля «Пер Гюнт», они решили возобновить постановку и в новом сезоне. И они предложили, чтобы вы попробовались на роль Сольвейг.

Анна бросила на него взгляд, в котором сквозили одновременно и удивление и отчаяние.

— Вы хотите сказать, что мне снова придется стоять за кулисами и петь, а мадам Хенсон будет в это время лишь открывать рот, притворяясь, что это она поет?

— Анна, как можно! Неужели вы думаете, что я вторично предложу вам пройти через подобное испытание? Конечно же нет, моя дорогая барышня! Эти господа хотят, чтобы вы полностью сыграли роль Сольвейг. Мадам Хенсон сейчас гастролирует где-то в Европе, а потому недоступна... А поскольку с некоторых пор музыкальная общественность Христиании уже в курсе, кто та таинственная обладательница прекрасного голоса, которым Сольвейг пела свои песни, то вот они и предложили, чтобы вы исполнили всю роль целиком. А самое главное — это то, что маэстро Григ объявил, что он обязательно приедет в Христианию, чтобы лично увидеть постановку. И Йохан, и Людвиг, они оба считают, что ваша интерпретация песен Грига безукоризненна. Лучше просто не спеть. А потому они приглашают вас в этот четверг на прослушивание. И после этого они решат, есть ли у вас достаточный талант драматической актрисы, чтобы выступить в роли Сольвейг. Вы помните текст этой роли?

— Конечно, герр Байер. Я много раз повторяла его про себя вслед за мадам Хенсон, — отвечала Анна, чувствуя, как нарастает внутри радостное возбуждение. Даже мурашки побежали по спине. Неужели это правда? И они захотят утвердить ее на главную роль? А Йенс Халворсен, уже совсем не такой ужасный, как раньше, будет играть для нее в оркестре?

— Это очень хорошо, Анна! Тогда на сегодня оставим в покое наши ноты, не будем разучивать новую арию, как я планировал ранее, а почитаем-ка мы вслух всю пьесу «Пер Гюнт», от начала и до конца, чтобы вы еще раз вспомнили все те слова, которые произносит Сольвейг. А потому устраивайтесь поудобнее. Вы же знаете, пьеса длинная, но надо постараться осилить ее всю. Итак, готовы? — спросил герр Байер у своей ученицы.

— Готова, герр Байер, — ответила она, старательно напрягая память, чтобы вспомнить текст роли.

* * *

— Недурно, совсем даже недурно! — воскликнул герр Байер часом позже, глянув на Анну с нескрываемым восхищением. — Я вижу, что у вас есть не только голос, но и талант драматической актрисы. Вы совсем неплохо передаете характер вашей героини. — Он взял руку Анны и поцеловал ее. — Моя дорогая юная барышня, позвольте сказать вам еще раз: вы не перестаете удивлять меня.

— Спасибо, герр Байер.

— И пожалуйста, Анна, не надо бояться предстоящего прослушивания. Прочтите текст так, как вы это сделали сегодня, и роль — ваша. А сейчас, думаю, нам уже пора и отобедать. Приглашаю вас разделить трапезу вместе со мной.

* * *

В четверг ровно в два часа дня Анна вышла на сцену театра, где ее уже поджидал герр Джозефсон. Они уселись рядом и стали читать пьесу вслух. Первые несколько строк она прочитала дрожащим

голоском, но постепенно голос ее стал обретать уверенность. Она прочитала обе сцены, ту, где Сольвейг впервые встречает Пера на свадьбе, а потом финальную сцену, когда он возвращается к ней после долгих странствий по свету и она прощает ему все.

— Отлично, фрекен Ландвик! — одобрительно констатировал герр Джозефсон, когда Анна бросила на него вопрошающий взгляд. — Думаю, для прослушивания более чем достаточно. Должен сказать, что поначалу я скептически отнесся к предложению герра Хеннума попробовать вас на эту роль, но вы сегодня показали себя с самой лучшей стороны, учитывая, что это всего лишь первая читка пьесы. Конечно, придется еще немного поработать, чтобы придать вашему голосу больше силы и выразительности, но, в принципе, я согласен отдать вам роль Сольвейг в предстоящем сезоне.

— Анна, разве это не потрясающая новость? — воскликнул герр Байер, который наблюдал за прослушиванием, сидя в зрительном зале и внимательно ловя каждое слово. Он подхватился со своего места и побежал к сцене.

— К репетициям приступим в августе. Открытие сезона запланировано на сентябрь. Надеюсь, вы никуда не собираетесь уезжать в это время? — обратился герр Джозефсон к Анне.

— Можете быть спокойны, герр Джозефсон, — заверил его герр Байер, не дав Анне даже рта раскрыть. — Анна будет здесь. А сейчас нам следует уточнить кое-какие денежные вопросы, не так ли? Надо согласовать новые гонорары для фрекен Ландвик с учетом того, что она будет играть главную роль.

Десятью минутами позже они с профессором уже сидели в карете. Герр Байер предложил Анне отметить ее очередной триумф чашечкой чая в ресторане Гранд-Отеля.

— Помимо всего прочего, что сулит вам этот контракт, велика вероятность того, что нынешней осенью маэстро Григ лично побывает на одном из спектаклей с вашим участием. Вы только подумайте, чем это может обернуться для вас, моя юная барышня! Если вы ему понравитесь, то тогда перед вами распахнутся двери театров и концертных залов по всему миру, и в Европе, и за океаном...

Между тем мысли Анны в этот момент были заняты совсем иным. Она представила себе Йенса Халворсена, сидящего в оркестровой яме.

Вот он неотрывно смотрит на нее, а она в это время произносит со сцены монолог Сольвейг, говорит ему о своей любви.

* * *

— Итак, я буквально сегодня же сажусь писать письмо вашим дражайшим родителям. Сообщу им наши замечательные новости и буду умолять их доставить всей Христиании и мне еще несколько месяцев удовольствия от общения с вами... Пока продлится ваш контракт на выступления в спектакле «Пер Гюнт». В июле вы съездите к себе домой, поприсутствуете на свадьбе брата, а уже к началу августа вернетесь назад в Христианию, — объявил Анне герр Байер вечером того же дня. — Я в это время тоже уеду на какое-то время из Христиании. Проведу пару недель в нашем семейном летнем доме в Дробаке, повидаюсь с сестрой и со своей хворающей матушкой.

— Так у меня же даже не будет времени съездить в горы! — воскликнула Анна, не в силах скрыть своего разочарования. Ведь ей так хотелось собственными глазами убедиться в том, что Роза еще жива.

— Анна, у вас впереди еще много лет, когда вы сможете петь для своих коров, но такой шанс — исполнить главную роль в пьесе «Пер Гюнт», да еще на сцене ведущего театра страны, — такой шанс может больше и не выпасть. К началу репетиций я тоже обязательно вернусь в Христианию.

— О, не беспокойтесь, герр Байер. Фрекен Олсдаттер позаботится обо мне, если вы не сможете вернуться. Не хочу никоим образом испортить своими нуждами ваш летний отпуск, — вежливо ответила Анна.

— Что за глупости, барышня! Отныне, моя дорогая, ваши нужды — это *мои* нужды.

Анна вернулась к себе в комнату, чувствуя некоторое облегчение от того, что осталась наконец одна. Кипучая натура герра Байера, его бесконечный энтузиазм — все это, конечно, очень хорошо. Но жить с таким человеком под одной крышей, общаться с ним изо дня в день все же утомительно, и чем дальше, тем больше. Вот Ларс — совсем другое дело, подумала она, само спокойствие... Она опустила на колени,

приготовившись прочитать вечернюю молитву. Совсем скоро она снова увидит Ларса. Самое время начать вспоминать все его положительные качества. Но даже сейчас, обращаясь ко Христу со словами о Ларсе, она продолжала мечтать о Йенсе Халворсене, чей образ неотступно витал в ее мыслях.

— Господи, прости мне мои сердечные заблуждения. Я точно знаю, что влюбилась в плохого человека. А еще прошу тебя, Господи, — взмолилась она, уже приготовившись подняться с пола, — сделай так, чтобы Роза прожила еще один год.

21

Через неделю Анна отправилась к себе в Хеддал. И в этот же самый день Йенс, прихватив с собой из дома самые дорогие его сердцу вещи, переехал в центр города. Он чувствовал себя совершенно разбитым после кошмарного скандала, случившегося в родительском доме несколько часов тому назад.

За завтраком, сидя за столом, Йенс старался изо всех сил держаться достойно и уверенно. Он даже не притронулся к еде, стоявшей перед ним. Сделав глубокий вдох, он наконец озвучил вслух все то, что уже давно намеревался сказать отцу.

— Папа, я сделал все, что смог, чтобы оправдать те надежды, которые ты возлагал на меня. Но я хочу стать профессиональным музыкантом. А в один прекрасный день, кто знает, я, быть может, даже стану композитором. Прости меня, но я ничего не могу с собой поделать.

Йонас продолжал солить яйцо всмятку, стоявшее перед ним. Потом съел ложечку и лишь после этого заговорил:

— Что ж, так тому и быть. Ты свой выбор сделал. Как я уже говорил тебе ранее, отныне ты не получишь от меня никаких средств к существованию. Из завещания твое имя тоже будет вычеркнуто. С этого момента ты мне более не сын. Смотреть за тем, как ты пускаешь по ветру семейное состояние, выше моих сил. Ты предал меня, предал нашу семью. А потому, как я и предупреждал тебя в нашем первом разговоре, прошу тебя незамедлительно покинуть мой дом. Чтобы к вечеру, когда я вернусь с работы, здесь и духа твоего не было.

Несмотря на то что Йенс внутренне был готов именно к такой реакции отца, все же его слова стали для него самым настоящим потрясением. Йенс взглянул через стол на перекошенное от ужаса лицо матери.

— Йонас, как же так, дорогой? — обратилась Маргарета к мужу. — Ведь через несколько дней нашему сыну исполняется двадцать один год. Мы устраиваем по этому поводу праздничный ужин. Позволь ему задержаться еще хотя бы на пару денечков, чтобы отпраздновать свой день рождения как полагается, с родителями и в кругу друзей.

— Не вижу особых поводов для праздничных торжеств. Думаю, нам всем нечего праздновать. А если ты, моя дорогая, надеялась на то, что я изменю свое первоначальное решение, дам слабину, так сказать, то вынужден тебя разочаровать. Ты сильно ошибалась. — Халворсен-старший, по своему обыкновению, свернул газету вдвое. — А сейчас мне пора на работу. Хорошего дня вам обоим.

Но вот парадная дверь с шумом захлопнулась за отцом, и тогда началось самое худшее. Мать тут же залилась слезами. Йенс утешал ее как мог, но смотреть на страдающую мать было выше его сил.

— Я очень подвел папу и хорошо понимаю это. Может, мне стоит передумать и...

— Нет-нет! Ни за что! Ты *должен* следовать избранным путем. Я в свое время не смогла поступить так же и до сих пор жалею об этом. Прости меня, Йенс. Наверное, я вела себя как наивная дурочка. До последнего надеялась на то, что твой отец не решится на крайние меры.

— А я не надеялся и поэтому внутренне как-то подготовился к тому, что должно было произойти. А сейчас я поступлю в соответствии с его пожеланиями. Покину этот дом. Прости меня, мама, но мне нужно упаковать вещи.

— Наверное, напрасно я поощряла твои занятия музыкой, — воскликнула Маргарета, с отчаянием заламывая руки. — Напрасно подталкивала тебя идти против воли отца. Ведь я же должна была понимать, что последнее слово все равно останется за ним. И в итоге он победит.

— Он не победил, мама. Я сам сделал выбор. Могу лишь еще раз повторить, как я безмерно благодарен тебе за то, что ты одарила меня

музыкальными способностями. Без музыки мое будущее было бы совсем уж мрачным.

Через час Йенс спустился в холл с двумя чемоданами, в которые сложил все те вещи, что мог унести.

Мама с залитым слезами лицом стояла в дверях гостиной.

— Ах, сынок, дорогой мой, — разрыдалась она с новой силой у него на плече. — Будем надеяться, что со временем отец раскается в том, что сделал сегодня, и попросит тебя снова вернуться домой.

— Мамочка, мы оба хорошо знаем, что он никогда не сделает этого.

— И куда ты сейчас пойдешь?

— У меня есть друзья в оркестре. Уверен, кто-нибудь из них сможет приютить меня на какое-то время. Меня больше волнуешь ты, мама. Я понимаю, что нельзя бросать тебя здесь одну, наедине с ним...

— За меня не волнуйся, сынок. Я справлюсь. Обязательно напиши мне. Сообщи, где ты обосновался.

— Конечно, — пообещал Йенс матери.

Мать сунула ему в руки небольшой сверток.

— Я продала бриллиантовое ожерелье и серьги, которые твой отец подарил мне на сорокалетие. Сделала это так, на всякий случай, если вдруг твой отец все же вознамерится привести свои угрозы в исполнение. Тут вырученные деньги за эти драгоценности. Я положила еще и обручальное кольцо своей матери. Его ты тоже сможешь продать в случае необходимости.

— Мамочка, но...

— Тише, сынок! Успокойся. Эти вещи принадлежат мне. А если он спросит, куда они подевались, я скажу ему правду. Этих денег должно хватить на год обучения и проживания в Лейпциге. Только поклянись мне, Йенс, что ты не растратишь деньги так, как уже не раз делал это в прошлом.

— Обещаю тебе, мамочка, — от избытка эмоций у Йенса перехватило в горле, — я так никогда не поступлю.

Боясь расплакаться, он заключил мать в свои объятия и нежно поцеловал ее на прощание.

— Когда-нибудь наступит день, и я буду сидеть в нашем театре и слушать, как ты дирижируешь оркестром, исполняющим твою музыку, — обронила она, печально улыбнувшись.

— Обещаю тебе, мамочка, я сделаю все от меня зависящее, чтобы так оно и было.

С этими словами Йенс покинул отцовский дом. Голова у него была как в тумане. Он был взволнован и возбужден собственной решимостью, хотя, несмотря на все уверения, которые он только что дал матери, готового плана дальнейших действий у него пока не было. И он смутно представлял себе, что станет делать сейчас, когда уже *свершилось* самое худшее. Разумеется, обо всем этом следовало подумать заранее, но вот оно *свершилось*, и Йенс направил свои стопы в «Энгебрет» на поиски кого-нибудь из знакомых музыкантов, кто мог бы приютить его хотя бы на одну ночь. Таким человеком оказался Саймон. Он услужливо написал Йенсу адрес, где обитает, а сам пообещал подтянуться домой чуть попозже.

Осушив несколько кружек пива в баре, Йенс почувствовал, что острота всего того, что он натворил, несколько притупилась. Немного полегчало, и он зашагал в ту часть города, где никогда раньше не бывал. Он явно выделялся в толпе своей модной и дорогой одеждой. Руки быстро занемели, оказалось совсем непросто нести два тяжелых чемодана. А потому он максимально ускорил шаг, стараясь не встречаться взглядами с прохожими.

Раньше Йенсу никогда не доводилось бывать на окраинах Христиании. Здесь все было совершенно иначе, чем в центре города. Повсюду теснились деревянные домишки, очень неказистые на вид. Городские власти еще не наложили запрет на возведение таких пожароопасных построек. Чем дальше он шел, тем все более ветхими становились окружающие его дома. Наконец он остановился перед старым домом и снова заглянул в ту бумажку с адресом, которую ему дал в кафе Саймон. Не ошибся ли он, случаем? Постучал в дверь. Изнутри раздалось недовольное ворчание, потом кто-то сплюнул. Наконец дверь распахнулась, и Йенс увидел перед собой полупьяного Саймона. Естественное для него состояние. Какое-то время он молча лыбился.

— Заходи! Заходи же, приятель. Добро пожаловать в мое убогое жилище. Не бог весть что, но все же крыша над головой.

Йенс переступил порог и вошел в крохотную переднюю. Сильно воняло испортившейся едой и табаком, которым Саймон набивал свою трубку. Все свободное пространство комнаты было заставлено

музыкальными инструментами. Две виолончели, альт, пианино, несколько скрипок...

— Спасибо, Саймон, что согласился дать мне ночлег. Большое тебе спасибо, — поблагодарил приятеля Йенс.

Но тот лишь небрежно отмахнулся.

— Какие благодарности! Не стоит! Любой молодой человек, который ради музыки готов бросить все, заслуживает участия и помощи. И лично я всегда рад помочь таким людям. Я горжусь тобой, Йенс. Честное слово! А сейчас ступай за мной наверх, и мы подумаем, куда тебя уложить.

— Однако, как я посмотрю, у тебя тут целая коллекция музыкальных инструментов, — сказал Йенс, осторожно лавируя между виолончелями и пианино и карабкаясь вслед за хозяином по узенькой деревянной лестнице.

— Не могу устоять, когда вижу хороший инструмент. Вот этой виолончели, к примеру, больше ста лет, — откликнулся Саймон. Лестничные половицы угрожающе заскрипели под тяжестью, когда Йенс поставил на ступеньки свои чемоданы.

Они вошли в комнату, в которой из мебели было только несколько рассохшихся стульев и пыльный стол, на нем валялись застарелые объедки и стояла бутылка со спиртным.

— Где-то у меня есть соломенный тюфяк. На нем и уляжешься спать. Понимаю, к такой постели ты не привык. Но это все же лучше, чем ничего. А сейчас, мой друг, предлагаю отпраздновать твою независимость чаркой тминной водки. Как смотришь?

Саймон подхватил со стола бутылку и грязный, весь в разводах, стакан. Понюхав стакан, он выплеснул то, что было на дне, прямо на пол.

— Спасибо.

Йенс взял предложенную ему выпивку. Что ж, если это и есть начало его новой жизни, то он должен принять ее с распростертыми объятиями. В тот вечер он нажрался по полной. Проснулся с тяжелой от похмелья головой. Все тело ныло с непривычки от сна на твердом тюфяке. Йенс тут же подумал, что Дора больше никогда не принесет ему кофе в постель, чтобы немножко взбодриться и привести себя в норму после вчерашней пьянки. И сразу в ужасе вспомнил про деньги, которые дала мать. Схватил пиджак и лихорадочно ощупал карман,

куда он положил сверток, уходя из дома. К счастью, сверток оказался на месте. Он открыл его и пересчитал деньги. Их действительно с лихвой должно хватить на год учебы в Лейпцигской консерватории. Или на то, чтобы снять себе приличный номер в приличной гостинице на предстоящие несколько ночей...

Нет и еще раз нет — тут же остудил он сам себя. Он ведь дал матери слово, и он сдержит это слово во что бы то ни стало и не растратит ее деньги по пустякам.

* * *

Анна села в поезд, на котором ей предстояло проделать первую часть пути домой. В Драммен поезд прибыл уже затемно. Анна вышла из вагона на перрон и тут же увидела поджидавшего ее отца.

— Папочка! Папочка! — с радостным криком бросилась она к нему и, неожиданно для самой себя, обхватила его руками за шею. Нежности, которые не были приняты в их семье. Демонстрировать свои чувства на людях, как можно?

— Тише, Анна! Успокойся! Вижу, ты устала с дороги. Сейчас поедем в гостиницу, где заночуем. Можешь отсыпаться себе всласть. А завтра с утра двинемся в путь, домой в Хеддал.

На следующее утро отдохнувшая, выспавшаяся Анна уселась в повозку, и Андерс, потрепав лошадку, понудил ее сдвинуться с места.

— При дневном свете ты, доченька, выглядишь совсем по-другому. Повзрослела, превратилась в настоящую женщину. И стала очень красивой.

— Ах, что ты, папа! Какая я красавица!

— Мы тут все с нетерпением ждали твоего приезда. Мама готовит праздничный ужин по случаю твоего возвращения. Ларс тоже обязательно будет. Мы получили письмо от герра Байера. Он описал нам твои успехи в Театре Христиании. Пишет, что тебе дали главную роль Сольвейг.

— Да, это так. То есть вы не возражаете, если я задержусь в Христиании еще на несколько месяцев?

— Как можем мы отказать герру Байеру в его просьбе после всего, что он для тебя сделал? — спокойно ответил отец. — Он пишет, что

после этой роли ты станешь настоящей знаменитостью, что о твоём голосе и так говорит вся столица. Мы очень гордимся тобою, доченька.

— Думаю, он немного преувеличивает, папочка, — возразила Анна, немного покраснев от смущения.

— Едва ли, — не согласился с ней Андерс. — Но как бы то ни было, а тебе, Анна, придется поговорить обо всем этом с Ларсом. Он, конечно, не испытывает особой радости из-за того, что ваша помолвка и свадьба снова откладываются. Однако будем надеяться, что его чувство к тебе так велико, что он все поймет правильно.

Анна почувствовала, как все в ней сжалось при упоминании имени Ларса. Но она тут же взяла себя в руки. Нет, она не позволит омрачить грустными мыслями радость возвращения домой. Обо всем неприятном она подумает после.

Наконец они выехали за пределы городка и поехали по проселочной дороге, день уже был в полном разгаре. Анна блаженно закрыла глаза, с наслаждением вслушиваясь в мерный цокот копыт их лошадки и веселое щебетание птиц на деревьях по обе стороны дороги. Она вдыхала полной грудью чистый свежий воздух, ощущая себя зверем, выпущенным наконец из клетки на волю. У нее даже мелькнула шальная мысль: а что, если не возвращаться больше в Христианию?

Андерс сообщил дочери еще одну радостную новость. Ее любимица, корова Роза, благополучно пережила зиму. Значит, молитвы, обращенные к Господу, были услышаны, подумала про себя Анна. Потом отец стал рассказывать о подготовке к свадьбе Кнута, о том, как мать крутится сейчас целыми днями, словно белка в колесе: печет, варит, парит, тушит и жарит угощение для застолья в честь молодых.

— Сигрид — очень славная девочка. Думаю, она будет Кнуту хорошей женой, — заметил Андерс. — А самое главное — она пришлась по сердцу твоей матери. Что особенно важно. Ведь молодожены будут жить под одной крышей с нами. А когда вы с Ларсом поженитесь, то ты переедешь к нему. Мы тут планируем в следующем году построить ему новый дом.

Домой они приехали лишь с наступлением вечера. Все домашние вышли ей навстречу. Даже старая кошка Герди приковыляла на трех

лапах, а собака Вива с радостным лаем прыгала и скакала вокруг Анны, то и дело норовя лизнуть ее в нос.

Мама крепко сжала дочь в объятиях.

— Весь день дожидаться тебя не могла. Как доехала, доченька? Боже, ты такая худенькая! И волосы такие длинные... Нужно обязательно подстричь их...

Анна рассеянно вслушивалась в радостную болтовню матери, пока они все вместе направлялись в дом. Стоило переступить порог кухни, и на Анну пахнуло знакомыми и такими родными запахами дров, маминой тальковой пудры и псины.

— Отнеси вещи Анны к ней в комнату, — приказала Берит сыну, ставя чайник на огонь, чтобы заварить кофе. — Надеюсь, Анна, ты не станешь возражать против того, что мы переселили тебя в комнату Кнута. Она у него совсем маленькая, и двуспальная кровать для молодоженов туда никак не помещается. Твой отец немного подправил старую койку Кнута, подремонтировал ее, и теперь она вполне сгодится для одного человека. Получилась довольно удобная односпальная кровать. Завтра ты познакомишься со своей золовкой. Сигрид придет к нам на ужин. Ах, Анна, я бы так хотела, чтобы ты полюбила ее. Такая добрая и ласковая девочка. А уж рукодельница какая! И готовит отменно. Будет мне хорошей помощницей. А то я всю зиму промучилась тут со своим ревматизмом.

Следующий час Анна слушала восторженные речи матери, которые та расточала в адрес своей будущей невестки. Анну немного задело, что ее столь бесцеремонным образом выставили вон из ее комнаты, по принципу «ну раз тебя нет, так можно». Впрочем, Анна постаралась ничем не выдать своего огорчения, немного омрачившего радость возвращения в родной дом. Выпив кофе, Анна направилась в свою новую комнату, чтобы распаковать и разложить свои вещи еще до ужина.

Переступив порог, она с удивлением обнаружила, что все ее вещи сложены в корзины, в которых мама обычно возила на рынок цыплят. Она присела на жесткий матрас, на котором спал ее брат, и подумала про себя: а куда же они подевали ее старую кровать, на которой она спала с самого детства? Но судя по тому, как обошлись со всеми ее остальными пожитками, отец, скорее всего, порубил кровать на дрова

для плиты. Чувствуя себя окончательно раздосадованной, Анна принялась распаковывать свою дорожную сумку.

Она развернула накидку для подушки, свадебный подарок для Кнута и Сигрид. Она вышивала эту накидку много дней, с тех самых пор, как узнала об их помолвке. Сколько исколотых пальцев, когда, сидя вечерами при свете лампы, она то и дело запутывала нитку или пускала неровный стежок. Все же какая она неумеха, корила она себя. Не умеет ни вышивать, ни вязать... Она расправила накидку на кровати и уставилась на следы от иглы, оставшиеся на суровом полотне в тех местах, где она по многу раз переделывала тот или иной стежок. Что ж, даже если ее будущая золовка застелет этой накидкой днище корзинки для щенков, все равно Анна знала, что каждый стежок вышивки сделан ею с любовью.

С высоко поднятой головой она вышла из своей комнаты, чтобы присоединиться к праздничному ужину, который устроили близкие по случаю ее возвращения домой.

Ларс появился в доме как раз тогда, когда Анна помогала матери накрывать на стол. Держа в руках миску с картошкой, Анна проследила за тем, как он вошел в кухню, поздоровался с Кнутом и ее родителями. И сразу же непроизвольно стала сравнивать его с Йенсом Халворсеном Ужасным, злясь на собственное малодушие и слабость. Полная противоположность друг другу эти двое, подумала она. Йенс всегда в центре внимания, а Ларс предпочитает оставаться в тени.

— Анна, ради всех святых, поставь ты эту картошку на стол и иди поздоровайся с Ларсом, — попеняла ей мать.

Анна поставила миску с картошкой на стол, вытерла руки о передник и подошла к Ларсу.

— Здравствуй, Анна, — тихо поздоровался он. — Ну как ты?

— Все хорошо, спасибо.

— Хорошо доехала?

— Да, очень хорошо. Спасибо.

Анна заметила замешательство Ларса, которое становилось все сильнее по мере того, как он смотрел на нее. Было видно, что он с трудом подбирает слова, не зная, о чем еще можно спросить ее.

— Вид у тебя... здоровый, — наконец нашелся он.

— Ты так считаешь? — вмешалась в их разговор Берит. — А я вот думаю, что от нее остались кожа да кости. А все рыба, которой они там

в городе давятся каждый день. От рыбы много жира ведь не нагуляешь...

— Анна всегда была худенькой... Такой уж сотворил ее Господь... — возразил Ларс и коротко улыбнулся Анне, явно желая поддержать ее.

— Прими мои соболезнования в связи с кончиной твоего отца, Ларс.

— Спасибо на добром слове.

— Не пора ли всем к столу, Берит? — поинтересовался у жены Андерс. — Твой муж проделал долгий путь, вначале туда, потом назад, и уже успел изрядно проголодаться.

За столом родные засыпали Анну вопросами о ее жизни в Христиании. Потом разговор переключился на предстоящую свадьбу Кнута и все те хлопоты, что связаны с этими торжествами.

— Устала, наверное, с дороги, Анна? — участливо спросил Ларс.

— Немного устала, — призналась Анна.

— Ну, так и ступай к себе. Ложись спать, — тут же предложила Берит. — В ближайшие дни всем нам тут будет не до сна. Дел еще хоть отбавляй.

Анна поднялась со своего места.

— Тогда всем спокойной ночи.

Ларс неотрывно смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверями своей комнаты. Анна уже наполовину разделась и только тут вспомнила, что в родительском доме нет ванной комнаты и прочих удобств. Тогда она снова натянула на себя платье и пошла в уборную во дворе. Наконец она улеглась, пытаясь устроиться поудобнее. Куда там! Подушка, набитая конским волосом, показалась ей твердой как камень, особенно в сравнении с теми пуховыми подушками, на которых она спала в доме герра Байера. Кровать тоже была слишком узенькой, а матрас весь сбился, в одних комках. Какое-то время Анна размышляла о том, как же быстро привыкла она ко всем удобствам городской жизни, воспринимая их сейчас как нечто само собой разумеющееся. В Христиании у нее не было никаких обязанностей по дому, а к ее услугам всегда была наготове служанка.

«Да ты совсем испортилась, Анна», — попыталась она урезонить саму себя. И с этой мыслью быстро заснула.

Вся последняя неделя перед свадьбой была заполнена стиркой, уборкой, готовкой и прочими хлопотами, неизбежными накануне такого важного события. А потому все трудились не покладая рук.

Несмотря на то что внутренне Анна была готова невзлюбить невесту своего брата уже хотя бы за то, что она такая умелица и хозяйка, Сигрид оказалась именно такой, как и описывала ей мать: милой и доброй. Конечно, не красавица, но спокойный, уравновешенный нрав с лихвой компенсировал постоянные истерики Берит, которые учащались по мере того, как приближался день свадьбы. Разумеется, Сигрид с восторженным почтением взирала на Анну, у которой такая красивая, такая великолепная жизнь в Христиании. А потому относилась к ней с величайшим почтением, беспрекословно соглашаясь с каждым ее словом.

Старший брат Анны Нил приехал к ним за день до свадьбы в сопровождении жены и двух ребятишек. Анна не видела их больше года и была просто счастлива познакомиться со своими маленькими племянниками.

Радость от того, что вся семья наконец собралась в полном составе, омрачалась лишь одним. Анне не давала покоя мысль о том, что, оказывается, для всех близких ее будущее представлялось ясным и уже вполне определенным. По завершении представлений спектакля «Пер Гюнт» она вернется домой, а там вскоре переедет в родовое гнездо Ларса на правах его законной жены. Будет делить с ним не только кров, но и *постель*.

Такая перспектива не придавала ей хорошего настроения, заставляя ночами мучиться без сна.

Утром в день свадьбы Анна помогала Сигрид облачаться в свадебный наряд. Темно-красная юбка, белая батистовая блузка, черная жилетка-болеро, расшитая золотистыми блестками, вышитый передник кремового цвета, который надевался поверх юбки. Какое-то время Анна восхищенно разглядывала замысловатый цветочный узор вышивки.

— Какая прелесть эти розы! — воскликнула она наконец. — Такая сложная работа. Я бы ни за что не смогла так. Ты такая умница, Сигрид.

— Да у тебя на все это просто нет времени, Анна, — возразила Сигрид. — Ты же там в Христиании занята целыми днями совсем другими делами. А я свое приданое готовила много месяцев, вышивала, шила долгими зимними вечерами. И потом, я же не могу петь так, как поешь ты. Ты ведь споешь для нас на свадьбе сегодня вечером, да?

— Конечно, спою, раз ты этого хочешь. Будем считать, что это станет моим свадебным подарком вам с Кнутом. Я тоже кое-что вышила для тебя, но, по-моему, получилось просто ужасно, — честно призналась Анна будущей золовке.

— Что за глупости, сестричка! Я знаю, ты вышивала свой подарок с любовью, а это — главное. А сейчас передай мне свадебный венец и помоги закрепить его на голове.

Анна достала из коробки тяжеленный свадебный венец, покрытый позолотой. Он обычно хранится в церкви, и вот уже на протяжении восьмидесяти лет все невесты из их деревни выходили замуж с этим венцом на голове. Анна надела венец на светлые волосы Сигрид.

— Вот теперь ты настоящая невеста! — воскликнула Анна, пока Сигрид разглядывала себя в зеркало.

Берит просунула голову в дверь.

— Время, девочки! О, да ты у нас настоящая красавица, Сигрид.

Сигрид положила ладонь на руку Анны.

— Спасибо тебе за помощь, Анна. Теперь моя очередь. Я тоже помогу тебе, когда ты будешь выходить замуж за Ларса.

Провожая невесту к поджидавшей повозке, украшенной полевыми цветами, Анна невольно содрогнулась при мысли о том, что ждет ее впереди.

В церкви она наблюдала за тем, как ее брат стоит перед алтарем рядом с Сигрид и пастором Эрслев. Так непривычно было думать, что отныне Кнут — это не просто Кнут, а уже глава семейства и скоро у него самого появятся рыжеголовые ребяташки. Украдкой Анна глянула и в сторону Ларса. Кажется, он впервые смотрел не на нее, а напряженно вслушивался в то, что сейчас говорит пастор.

После церемонии бракосочетания более сотни гостей проследовали за повозкой с молодоженами к дому Ландвиков. На протяжении многих недель Берит молила Бога, чтобы в день свадьбы была хорошая и теплая погода. Потому что разместить такое

количество гостей в их доме было просто невозможно. И, кажется, ее молитвы были услышаны. Деревянные столы, установленные на лужайке рядом с домом прямо под открытым небом, вскоре наполнились самыми разнообразными угощениями, включая и те, что принесли сами гости. Отварная и копченая свинина, солонина, нежнейший окорок, зажаренный на вертеле, и, конечно, селедка. От такого обилия слюнки потекли сами собой. Гости с радостью набросились на угощение, запивая еду домашним пивом и тминной водкой. Выпивка, как всегда в таких случаях, лилась рекой.

Уже ближе к вечеру, когда на дворе стали сгущаться сумерки, зажгли фонари, которые установили на высоких деревянных столбах вокруг импровизированной танцевальной площадки. Начались танцы. Но вот музыканты заиграли халлинг, такой быстрый танец с особыми прыжками и поворотами. Народ подтянулся к площадке поглазеть на происходящее. Танцоры выстроились в круг, по центру которого встала молодая девушка. Она держала в своих руках шест со шляпой наверху. Вот она высоко вскинула шест и стала поддразнивать мужчин-танцоров, предлагая им выйти в круг, чтобы попытаться сбить эту шляпу на землю. Первыми откликнулись оба брата Анны. Они завертелись вокруг девушки, пританцовывая и подпрыгивая, норовя добраться до шляпы. Остальные гости подбадривали их веселыми криками и свистом. Смотреть на это зрелище без смеха было просто невозможно.

Насмеявшись до слез, Анна оглянулась и увидела, что Ларс печально сидит за столом в полном одиночестве.

— Анна, ты не забыла? — обратилась к ней Сигрид, возникшая рядом. — Ты же обещала нам спеть.

— Да! — подтвердил запыхавшийся Кнут, тоже подошедший к ним. — Ты должна нам спеть.

— Спой нам «Песню Сольвейг»! — крикнул кто-то из толпы.

Послышались одобрителльные возгласы остальных гостей. Анна вышла в центр площадки, собралась с духом и запела. И сразу же мыслями улетела назад, в Христианию. Увидела перед собой того молодого музыканта, который был настолько очарован ее голосом, что стал преследовать ее своими ухаживаниями...

«И мы обязательно встретимся, любовь моя, и больше никогда не расстанемся. И больше никогда не расстанемся...»

При последних словах у нее на глазах выступили слезы. Какое-то время гости заворуженно молчали, а потом кто-то первым захлопал в ладоши. И его тут же поддержали все остальные. Над лужайкой понесли восторженные крики слушателей.

— Спой что-нибудь еще, Анна! — стали упрашивать ее собравшиеся.

— Да! Спой что-нибудь *наше, народное...*

В последующие полчаса у Анны не было времени размышлять о собственных чувствах. В сопровождении отца, подыгрывавшего ей на скрипке, она исполнила практически весь репертуар народных песен, которые большинство гостей знали наизусть. Но вот наступило время провожать молодых в опочивальню. Сопровождаемые добродушными шутками-прибаутками, веселым свистом и смехом, Кнут и Сигрид исчезли в доме. Гости тоже начали понемногу расходиться.

Помогая матери убирать со столов, Анна чувствовала себя безмерно усталой, да и на душе у нее было беспокойно. Двигаясь как автомат, она собирала со стола тарелки и блюда и складывала их в бочку, которую уже заранее наполнили водой из колодца.

— Выглядишь уставшей, Анна, — услышала она у себя за спиной, и кто-то легко тронул ее за плечо.

Она повернулась и увидела перед собой Ларса.

— Нет, все отлично! — Она слабо улыбнулась.

— Как тебе свадьба?

— Красивая получилась свадьба. Думаю, Сигрид и Кнут будут счастливы вместе.

Она отвернулась от него, чтобы начать мыть посуду, и вдруг почувствовала, как Ларс снял руку с ее плеча. Краешком глаза Анна увидела, как он, понунив голову, сунул руки в карманы.

— Анна, я так тосковал по тебе в разлуке, — промолвил он едва слышно. — А ты... Ты хоть немного скучала обо мне?

Анна застыла на месте. Намыленная тарелка выскользнула из ее рук.

— Конечно, скучала. Я скучала по всем вам. Но в Христиании у меня было столько дел. Я была занята днями напролет.

— Наверное, у тебя там появились новые друзья, да? — предположил Ларс.

— Да, я подружилась с фрекен Олсдаттер... А еще с детьми из театра, — ответила она поспешно, снова сосредоточившись на мытье посуды. Хоть бы он скорее ушел, что ли, мысленно взмолилась она.

Какое-то время Ларс неопределенно мялся на месте, не сводя с нее глаз.

— Сегодня для всех нас был трудный день. И такой долгий... — промолвил он наконец. — Мне пора домой... Но прежде позволь мне, Анна, задать тебе один вопрос. Я знаю, что завтра ты снова возвращаешься в Христианию. Только ответь мне со всей честностью. Так будет лучше для нас обоих.

Голос Ларса прозвучал необыкновенно серьезно, и что-то в его интонациях заставило Анну поежиться.

— Хорошо, Ларс. Я буду отвечать тебе честно.

— Ты... ты все еще хочешь выйти за меня замуж? С учетом всех тех перемен, которые случились в твоей жизни и которые будут происходить в ней и в дальнейшем... Клянусь тебе, я все пойму правильно и не обижусь, если ты скажешь мне «нет».

— Я... — Анна склонила голову над тарелкой и закрыла глаза. Хоть бы побыстрее все это закончилось, мелькнуло у нее. — Думаю, да.

— А я думаю, что нет. Анна, послушай меня. Пожалуйста! Будет лучше для нас обоих, если мы с тобой сейчас все выясним до конца. Я смогу ждать тебя сколь угодно долго, но лишь в том случае, если у меня будет надежда. А пока я не могу отвязаться от чувства, что ты с самого начала не испытывала особой радости от нашего предполагаемого союза.

— А как же мои родители? Что скажут мама и папа? Ведь ты же продал им свою землю...

Ларс тяжело вздохнул.

— Вот ты и ответила, Анна, на мой вопрос. Теперь я узнал все, что хотел знать. Сейчас я ухожу, но позже я напишу тебе письмо, в котором расскажу, как нам лучше уладить всю эту ситуацию. Родителям пока ничего не говори. Я сам все им скажу. — Он склонился над бочкой с грязной посудой и вынул руку Анны из воды. Потом поднес ее к своим губам и поцеловал. — Прощай, Анна. Благослови тебя Бог.

Анна молча смотрела ему вслед, пока его фигура не исчезла в темноте. Кажется, ее помолвка с Ларсом Трулссеном расторглась, не успев совершиться.

Август 2007 года

День был уже в разгаре, когда я наконец оторвалась от экрана компьютера и слепо уставилась на стену. Полосатые обои заплясали у меня перед глазами, пока глаза адаптировались к дневному свету. Хотя я и понятия не имела, каким образом вся эта история, происходившая сто тридцать с лишним лет тому назад, касается меня лично, но все то, что я только что прочитала, взволновало меня до крайности. В Женевской консерватории я познакомилась с жизнеописаниями многих композиторов, изучала их музыкальные произведения, много читала про то время, в котором жили все эти люди. Но книга так захватывающе, живо и ярко рассказывала об уже давно ушедшей эпохе. И надо же! Какое приятное совпадение... Йенс Халворсен тоже был флейтистом и даже исполнял на премьере спектакля «Пер Гюнт» знаменитое вступление к четвертому акту, одно из моих самых любимых музыкальных произведений.

Я вдруг вспомнила папино письмо. Интересно, он так хотел, чтобы я прочитала эту книгу, узнала, как появился на свет «Пер Гюнт», надеясь, что во мне снова возродится тяга к музыке? Или же он заранее знал, что в какой-то момент все это может понадобиться мне...

О да! Когда я играла на поминальной службе по Тео, то музыка странным образом *успокоила меня*. Даже те несколько часов, что я репетировала перед началом выступления, оказали благотворное воздействие, потому что хоть какое-то время не надо было думать о Тео. И вот с тех пор я регулярно беру в руки флейту и играю для собственного удовольствия. Точнее, чтобы притупить свою душевную боль.

Но сейчас вопрос в другом. Насколько глубока моя связь с героями этой книги? Может, между мной, Анной и Йенсом существуют кровные узы? Такая тонюсенькая шелковая ниточка,

протянувшаяся ко мне из прошлого, отстоящего от дня сегодняшнего более чем на сто тридцать лет...

«А что, если Па Солт, будучи еще ребенком, знал Йенса? Или Анну?» — пришла мне в голову неожиданная мысль. Отец умер, когда ему было уже далеко за восемьдесят, а потому такую возможность никак нельзя исключать. Просто нужно выяснить, как долго прожили Анна и Йенс. К сожалению, пока такой информацией я не располагаю, что весьма огорчительно.

Мои размышления прервал пронзительный телефонный звонок. Звонил стационарный телефон. Зная, что старый автоответчик у Селии сломался, а следовательно, телефон будет трезвонить и трезвонить, я неохотно вышла из своей спальни и потащилась вниз к телефону, который стоял в холле.

— Слушаю вас.

— Алло... Селия дома?

— В настоящий момент ее нет дома, — ответила я, сразу же узнав мужской голос с заметным американским акцентом. — Говорит Алли. Что передать Селии?

— Здравствуйте, Алли. Это Питер, отец Тео. Как у вас дела?

— Со мной все в порядке, — ответила я на автомате. — Селия вернется сегодня только к ужину.

— О, для меня это уже поздно. Я звоню, просто чтобы сообщить, что сегодня вечером улетаю обратно в Штаты. Вот решил поговорить с ней, прежде чем уехать.

— Я обязательно передам ей, Питер, что вы звонили.

— Спасибо. — На линии повисла короткая пауза. — Алли, а вы сейчас сильно заняты?

— Нет, не особо.

— Может быть, встретимся до моего отъезда в аэропорт? Я остановился в отеле «Дорчестер». Могу угостить вас чашечкой чая. Это в пятнадцати минутах езды от дома Селии.

— Я...

— Пожалуйста, прошу вас...

— Ладно, — неохотно согласилась я.

— Тогда давайте ровно в три в ресторане на первом этаже. В четыре мне уже нужно ехать в Хитроу.

— Хорошо, Питер. До встречи.

Я положила трубку на рычаг и погрузилась в размышления. В чем из того тряпья, что есть у меня при себе, не стыдно показаться в таком роскошном отеле, как пятизвездочный «Дорчестер»?

Часом позже, переступив порог вестибюля, я вдруг почувствовала какую-то необъяснимую вину перед Селией, словно я ее предала. Но ведь Па Солт учил меня никогда и никого не судить на основании чужих слов. К тому же Питер — отец Тео. Я просто обязана дать ему шанс выговориться.

— Сюда, пожалуйста, юная леди, — помахал он мне рукой, сидя за столиком в огромном зале с мраморными колоннами, куда можно было попасть прямо из вестибюля. При моем приближении Питер поднялся из-за стола и сжал мою руку в крепком и энергичном рукопожатии. — Устраивайтесь поудобнее. Ваших вкусов я не знаю, а потому, с учетом того, что время у нас ограничено, я заказал все что можно, опираясь уже на свой вкус.

Он жестом указал на низенький столик, заставленный фарфоровыми тарелками с самыми разнообразными бутербродами, а также многоярусную подставку для пирожных с нежнейшей французской выпечкой — сдобные булочки, заварные пирожные и прочее. Тут же стояли небольшие вазочки с джемом и стуженными сливками.

— Чая тоже сколько угодно, — добавил Питер. — Англичане ведь просто помешаны на своем чае!

— Спасибо, — вежливо поблагодарила я, присаживаясь на банкетку напротив отца Тео. Никакого желания наброситься на еду при виде всего этого изобилия я не почувствовала.

Но в ту же минуту передо мной возник вышколенный официант в белых перчатках и в безупречной форме и наполнил мою чашку чаем. Питер обслужил себя сам, а я в это время получила возможность получше рассмотреть его. Темноглазый, кожа чистая, практически без морщин, выдающих его возраст, — ведь ему наверняка уже за шестьдесят. Под дорогим, идеально скроенным пиджаком темно-синего цвета угадывается крепкое, физически развитое тело. Волосы он, судя по всему, подкрашивает. Немного ненатуральный каштановый цвет, как у боксера Мэтта Брауна, а в целом, подумала я, Тео был совсем не похож на своего отца. Но в эту минуту Питер улыбнулся, и

улыбка его оказалась точь-в-точь как у сына. У меня даже дыхание перехватило от столь разительного сходства.

— Итак, как дела, Алли? — снова поинтересовался он у меня, когда официант отошел от столика. — Справляетесь?

— Иногда справляюсь, иногда — нет. Как получается... А вы?

— По правде говоря, Алли, у меня пока плохо получается. Гибель Тео совершенно выбила меня из колеи. Постоянно думаю о нем. Вспоминаю его еще совсем ребенком, и потом... Он был таким смышленным, таким умным мальчиком. Как это несправедливо, когда твой ребенок уходит раньше тебя. Жестоко и несправедливо, вы согласны?

— Да, — ответила я, испытывая самое искреннее сострадание к переживаниям этого человека, о котором так нелюбезно высказывались в разговорах со мной и Тео, и Селия. А я сейчас, сидя лицом к лицу с Питером, видела, что он изо всех сил пытается держаться передо мной, но получается у него это плохо. Невооруженным глазом было видно, как ему больно. Его горе было почти осязаемым, оно сквозило в каждой черточке его лица, и это не могло оставить меня равнодушной.

— А как Селия? — спросил он.

— Так же, как и все мы. Держится из последних сил. Она была очень добра ко мне все это время.

— Что ж, это тоже своего рода терапия... Когда есть за кем ухаживать. Вот у меня, к сожалению, не за кем.

— Кстати, — я взяла с тарелки бутерброд с копченой семгой и откусила кусочек, — Селия сказала мне, что если бы она знала, что вы находитесь в церкви, то обязательно пригласила бы вас сесть рядом с нами в первом ряду.

— Правда? — Лицо Питера немного прояснилось. — Приятно слышать, Алли. Наверное, мне следовало сообщить ей о своем приезде. Но я представлял, как она была разбита горем на тот момент, а потому не захотел доставлять ей какие-то дополнительные огорчения. Как вы, наверное, догадываетесь, я уже давно не получаю от нее рождественских открыток. Да и в списке ее гостей не значусь на первых местах, если вообще фигурирую в этом списке.

— Наверное, ей трудно простить вам все то... Ну вы сами знаете что...

— Позвольте напомнить вам, моя дорогая леди, слова, что я сказал вам в тот день по окончании поминальной службы. Всегда есть две стороны у одной медали. И у всякой истории тоже имеется сразу несколько продолжений и вариантов. Однако не будем касаться всего этого сейчас. Да, я признаю, в нашей с ней истории я виноват в гораздо большей степени. Между нами, девочками... Признаюсь вам по большому секрету... Я до сих пор люблю Селию. — Питер подавил тяжелый вздох. — Черт меня дерь! Но я люблю эту женщину так сильно... до боли во всем своем естестве... Знаю, в каком-то смысле я предал ее, натворил много глупостей. Но мы поженились так рано, еще совсем молодыми. Оглядываясь сейчас назад, в прошлое, понимаю, что мне надо было хорошенько нагуляться еще до того, как я женился, а не пускаться во все тяжкие, уже будучи женатым человеком. А Селия, она... — Он слегка пожал плечами. — Она вся такая леди, до самых кончиков ногтей, если вы понимаете, о чем я... Короче, в этой части мы оказались полными противоположностями друг другу. Однако в любом случае жизнь преподала мне хороший урок.

— Понимаю, — коротко обронила я, не желая усугублять разговор на столь щекотливую тему, подталкивая отца Тео к новым откровениям. — Между прочим, мне кажется, Селия тоже до сих пор любит вас.

— Правда? — Питер скептически вскинул бровь. — Надеюсь, вы понимаете, что я не провоцировал вас на подобное, довольно неожиданное признание?

— Разумеется, вы не предполагали услышать нечто подобное. Но, поверьте мне, это читается в ее взгляде, когда она начинает говорить о вас... Даже если она говорит о вас плохо... Между прочим, ваш сын как-то сказал мне, что между любовью и ненавистью существует очень тонкая грань.

— Согласен с ним целиком и полностью! Вот взгляд на проблему умного, интеллигентного, тонко чувствующего человека. А именно таким человеком был Тео. Хотел бы я приблизиться к нему хотя бы наполовину по части понимания человеческой природы. Он понимал людей чрезвычайно глубоко. — Питер снова тяжело вздохнул. — Это качество он точно унаследовал не от меня.

Внезапно до меня дошло, что в своем разговоре о прошлом семьи Тео я зашла слишком далеко, и тем не менее я вдруг решила

высказаться до конца, по принципу «будь что будет».

— Вы знаете, мне кажется, Тео был бы счастлив, если бы его родители снова встретились и поставили крест на прошлом. Пожалуй, это стало бы единственным правильным продолжением случившейся трагедии. По крайней мере, хоть что-то хорошее...

Какое-то время Питер безмолвно взирал на меня, пока я пила свой чай.

— Вот сейчас я наконец до конца понял, почему мой сын так полюбил вас. Вы совершенно удивительная женщина, Алли, не похожая ни на кого. Но увы-увы! Понимаю, что вами движут исключительно благородные порывы, однако я уже давно не верю в чудеса.

— А я верю! Да, я верю! — повторила я дважды. — Взять, к примеру, нас с Тео. Мы провели с ним всего лишь несколько недель, но эти несколько недель в корне изменили всю мою жизнь. Разве это не чудо, что мы с ним встретились? Что мы так идеально дополнили друг друга... Несмотря на всю ту боль, которую я сейчас испытываю, я понимаю, что моя любовь к Тео сделала меня лучше, много лучше.

Наступила моя очередь делать признания, рвущие душу. Питер слегка подался вперед и ласково погладил мою руку.

— Я безмерно восхищаюсь вами, Алли. Вы пытаетесь найти положительное даже в самой ужасной ситуации. Когда-то и я тоже пытался поступать так же. Давным-давно...

— А почему бы не попробовать это снова?

— Развод начисто выбил из меня подобные желания. Однако хватит о прошлом. Поговорим о ваших планах на будущее. Мой сын оставил вам что-нибудь?

— Да, оставил. Составил новое завещание накануне гонок. По этому завещанию мне отходит его яхта и старый сарай на острове Анафи, неподалеку от вашего прекрасного дома. Если честно, несмотря на то что я любила Тео всем сердцем и всей душой, я не уверена, что когда-нибудь отправлюсь на этот остров, который мы между собой звали просто «Где-то посреди моря». Не стану я воевать с греческими властями, чтобы построить там дом его мечты.

— Так он оставил вам этот ужасный загон для скота? — Питер слегка откинулся назад и рассмеялся. — Между прочим, я десятки раз

предлагал Тео купить для него дом, и всякий раз он наотрез отказывался от моих предложений.

— Это в нем гордость говорила, — пожала я плечами в ответ.

— Или глупость, — тут же возразил мне Питер. — Мой сын был спортсменом, отдавшим всего себя любимому спорту. Я хорошо понимал, что ему необходима финансовая поддержка, но он никогда не брал у меня денег. Готов поспорить на что угодно, что у вас, Алли, тоже нет своего жилья. Да и откуда? В наши дни любому молодому человеку, даже имеющему среднестатистический доход, практически нереально построить дом.

— Своего дома у меня действительно нет, — согласилась я с Питером. — Зато сейчас у меня есть собственный загон для овец, — добавила я с улыбкой.

— Да, пока не забыл... Хочу, чтобы вы знали... Мой дом на острове всегда открыт для вас. Можете бывать там в любое время, когда захотите. Вам всегда будут там рады. Селия прекрасно знает, что этот дом открыт и для нее, но она решительно отказывается приезжать на остров. Наверное, это связано с тем, что я что-то неосторожно сказал ей еще в те далекие времена, когда мы были вместе. Только не спрашивайте меня, что именно я сказал ей тогда... Я уже и сам не помню. И вот еще что, Алли. Если вам потребуется какая-то помощь в решении вопросов с местными властями, дайте мне знать. В этом деле я — ваш человек! Я вложил в этот остров столько денег, что мне впору баллотироваться на пост тамошнего мэра. У вас уже есть документы на право собственности?

— Пока еще нет. Должно ведь пройти какое-то время, прежде чем завещание вступит в свою законную силу, разве нет? Думаю, в положенный срок меня уведомят об этом.

— Тогда повторяю, моя дорогая леди. Если у вас возникнут там проблемы, немедленно обращайтесь ко мне. Я разрулю их в два счета. Это самое меньшее, что я могу сейчас для вас сделать. Позаботиться о девушке, которую любил мой мальчик.

— Спасибо, — поблагодарила я Питера. Какое-то время мы с ним сидели молча, каждый погруженный в воспоминания о Тео.

— Однако, — заговорил первым Питер, — вы еще ничего не рассказали мне о своих дальнейших планах.

— Пока у меня нет никаких особых планов. Потому и говорить не о чем.

— Тео говорил, что вы замечательная спортсменка. Вас даже пригласили в состав олимпийской команды Швейцарии по парусному спорту.

— Я уже отказалась от участия в Олимпийских играх. И не спрашивайте меня, Питер, почему я так поступила. Я просто не могу. Не могу, и все тут!

— А мне и не нужны никакие объяснения. Простите меня за некоторую метафоричность, но, насколько я понимаю, море — это не единственный источник вдохновения для вас. В вашем луке натянута и еще одна тетива, верно? Вы прекрасный музыкант, Алли. Я был очень впечатлен вашей игрой на флейте на поминальной службе по Тео.

— Спасибо за добрые слова, Питер. Но, по-моему, моя игра была весьма далека от совершенства. Ведь я долгие годы вообще не прикасалась к инструменту.

— Мне так не показалось. Если бы у меня были такие же способности к музыке, как у вас, то я точно не стал бы разбрасываться ими. Это у вас семейное?

— Не уверена... Хотя кто знает... Мой отец умер всего лишь несколько недель тому назад и...

— Алли! Как ужасно! — Питер был явно ошеломлен услышанным. — Боже мой! Это какую же силу духа надо иметь, чтобы справиться с двойной потерей. Потерять одного за другим самых дорогих для вас людей... Как вы справились со всем этим, Алли? Как справляетесь до сих пор?

— Сама не знаю как, — выдохнула я, сглотнув слюну и чувствуя, как эмоции переполняют меня через край. Я всегда держалась до тех пор, пока меня не начинал кто-то жалеть. — Вообще-то я была приемным ребенком. Отец удочерил меня и еще пять моих сестер. А незадолго до своей смерти папа написал мне письмо, в котором дал кое-какие наводки касательно моего прошлого. Пока мне известно еще очень мало, но из того, что я уже успела узнать, вполне возможно, музыка действительно *была в моих генах*.

— Понятно! — Карие глаза Питера, устремленные на меня, были полны сочувствия. — Собираетесь продолжить свои поиски в этом направлении?

— Пока не уверена. До недавнего времени меня вообще не занимало собственное прошлое. Ведь рядом со мной был Тео, и все мои мысли были обращены только в будущее.

— Естественно, так оно и было. А у вас уже есть какие-то определенные планы на предмет того, чем вы займетесь в ближайшие недели?

— Нет, пока никаких определенных планов у меня нет.

— Тогда вот вам мой совет. Воспользуйтесь теми подсказками, которые оставил вам отец. Наверняка они приведут к чему-то значимому. Думаю, Тео тоже одобрил бы ваши поиски. А сейчас, — Питер глянул на часы, — как ни жаль, но мне пора... Иначе я рискую опоздать на свой рейс. Здесь за все уже заплачено, а потому не торопитесь, пожалуйста, уходить. Побалуйте себя всеми этими вкусняшками еще какое-то время. И еще раз повторяю. Если вам что-то будет нужно, Алли, пожалуйста, только дайте мне знать.

Питер поднялся из-за стола. Я тоже встала. Неожиданно он привлек меня к себе и крепко обнял.

— Алли, к сожалению, у нас было так мало времени, чтобы поговорить по душам. Но я искренне рад, что познакомился с вами поближе. Наша встреча стала для меня единственным положительным моментом после всего того, что случилось, и я благодарю вас за это. И помните, как сказал мне когда-то один человек, жизнь посылает нам только те испытания, с которыми, по ее разумению, мы можем справиться. Вы — необыкновенная девушка, Алли. — Питер протянул мне свою визитку. — Будьте на связи.

— Буду, — твердо пообещала я.

Прощальный взмах рукой, грустный взгляд, и вот Питер уже торопливо отходит от столика.

Я снова уселась на стул, глянув на то роскошное изобилие, которое стояло передо мной на столе, потом заставила себя почти силой взять сдобную булочку. Сама мысль о том, что вся эта вкуснятина вскоре отправится в бак для пищевых отходов, была для меня нестерпимой. Жаль, что разговор с Питером получился таким коротким. Что бы там Селия ни рассказывала мне о своем бывшем муже и что бы он там ни натворил в их прошлой семейной жизни, а этот человек мне определенно нравится. Несмотря на все свое огромное богатство и далеко не самое примерное поведение, было в

Питере что-то трогательное, какая-то человеческая неприкаянность и уязвимость сквозила в нем, и это располагало к себе.

Вернувшись домой, я застала Селию в спальне. Она укладывала вещи в чемодан.

— Хорошо провела день? — спросила она у меня.

— Да, хорошо. Спасибо. Встречалась с Питером за чашечкой чая. Он звонил с утра, хотел поговорить с вами. Но, поскольку вы уже ушли, говорить пришлось мне.

— Удивительно, что он решил позвонить мне. Обычно, когда он возвращается в Штаты, он об этом никогда не ставит меня в известность.

— Обычно никто из вас не терял сына. Как бы то ни было, а он просил передать вам привет и свою любовь.

— Замечательно! А сейчас, Алли, — нарочито жизнерадостно воскликнула Селия, — поговорим о нас с тобой. Как ты знаешь, завтра на рассвете я улетаю. Что касается тебя, то ты можешь оставаться здесь столько времени, сколько захочешь сама. А если решишь уехать, то просьба лишь одна: не забудь включить сигнализацию на случай возможного ограбления, а ключи от квартиры опусти через отверстие в парадной двери. Но спрашиваю еще раз... Ты точно не хочешь сейчас поехать вместе со мной? В Тоскане в это время года очень красиво. А Кора — не только моя старинная подруга, она еще и крестная мать Тео.

— Большое спасибо за приглашение, но, думаю, мне пора заняться своими делами, решить, что я буду делать дальше.

— Тебе не кажется, что ты немного торопишься? По-моему, еще слишком рано. Вот я, к примеру, развелась с Питером двадцать лет тому назад, но так и не определилась до сих пор, чем мне заняться в этой жизни. — Она скорбно пожала плечами. — В любом случае можешь жить у меня сколь угодно долго.

— Спасибо. Кстати, на обратном пути я заскочила в пару магазинов. Хочу в знак благодарности приготовить вам прощальный ужин. Ничего необычного. Просто пасту. Надеюсь, это блюдо настроит вас на предстоящую встречу с Италией.

— Как мило, Алли! Спасибо тебе, моя дорогая. Паста — это чудесно.

Мы ужинали на террасе. Наш последний совместный ужин. У меня совсем не было аппетита. Я вяло ковыряла вилкой в своей

тарелке, разглядывая палисадник Селии. Ее любимые розы уже отцветали, скорбно свесив головки. Соцветия поблекли, а края лепестков потемнели и стали ломкими. Даже воздух стал иным, более тяжелым, что ли. Уже запахло приближающейся осенью. Мы ели молча, каждая погруженная в свои невеселые мысли. Обе мы понимали, что настало время выбираться из нашего добровольного заточения, где мы, как могли, утешали друг друга. Пора двигаться вперед, начинать жизнь с чистого листа.

— Спасибо тебе, Алли, за то, что все эти дни ты была рядом со мной. Не знаю, что бы я без тебя делала, — негромко промолвила Селия, когда мы с пустыми тарелками вернулись на кухню.

— И я не знаю, что бы я делала, если бы рядом со мной не было вас, — ответила я, беря в руки кухонное полотенце, чтобы вытирать посуду, которую уже начала мыть Селия.

— И вот еще что, Алли. Имей в виду, отныне мой дом — это и твой дом. Будешь в Лондоне, знай, я тебе буду рада всегда.

— Спасибо.

— Не хочу сейчас говорить об этом, но... По возвращении из Италии я заберу прах Тео. Нам с тобой надо будет согласовать дату, когда мы вместе сможем поехать в Лимингтон, чтобы развеять там прах, согласно его последней воле.

— Да, конечно. — Я нервно сглотнула слюну при мысли о предстоящем действе.

— Я буду скучать по тебе, Алли. За это время ты стала мне как дочь, которой у меня, к сожалению, никогда не было. А сейчас, — отрывисто добавила она, — пойду-ка я к себе, улягусь пораньше спать. Я заказала такси на половину пятого утра. А потому никаких проводов. Слишком рано поднимать тебя с постели. Попрощаемся прямо сейчас. И пожалуйста, не забывай меня, ладно? Будь на связи. Договорились?

— Договорились.

Я плохо спала. Всю ночь меня мучили какие-то бессвязные сны, пугавшие той неопределенностью, которую сулило мне собственное будущее. Ведь до сих пор все в моей жизни было упорядоченно и размеренно. Я всегда точно знала, куда мне ехать и чем заниматься. Образовавшаяся пустота пугала, все последние недели я прожила словно в летаргическом сне. И это было нечто новое для меня, то, чего я раньше никогда не испытывала.

— Может, мое нынешнее состояние и есть то, что люди называют депрессией, — уныло пробормотала я себе под нос, почти силой заставив себя на следующее утро подняться с кровати и пойти в душ. Меня уже с самого утра слегка подташнивало, и это тоже не добавляло настроения. Просушив волосы полотенцем, я включила свой ноутбук и набрала в поисковике фамилию Йенса Халворсена. К моему величайшему разочарованию, все немногочисленные отсылки к этому имени были на норвежском языке. Тогда я переключилась на сайт продажи книг по интернету. Стала просматривать книги на французском и английском в надежде отыскать среди них хоть малейшие упоминания о Халворсене.

И наконец нашла кое-что.

УЧЕНИК ГРИГА

Автор: Том Халворсен

Дата выпуска (в США): 30 августа 2007

Я быстро прокрутила весь текст в поисках синопсиса.

«Том Халворсен, известный виолончелист, выступающий в составе Филармонического оркестра Бергена, написал биографию своего прапрадедушки Йенса Халворсена. В книге рассказывается о жизни талантливого композитора и музыканта, тесно сотрудничавшего с Эдвардом Григом. Мы имеем возможность взглянуть на фигуру великого Грига глазами тех людей, кто знал его близко, кто общался с ним в неформальной, домашней обстановке и кто сохранил милые семейные воспоминания об этих встречах».

Я немедленно оформила заказ на книгу, хотя и прочитала уведомление о том, что на доставку одного экземпляра из Штатов уйдет как минимум две недели. И вдруг меня осенило. Я достала из кошелька визитку Питера и тут же настрочила ему письмо по электронной почте. Поблагодарила его за вчерашний чай, а заодно и попросила помочь мне раздобыть одну книгу, которая пока доступна только в Америке. Никаких особых угрызений совести в том, что я обременяю его своими просьбами, я не почувствовала. Не сомневаюсь, у такого человека, как он, тьма людей на побегушках. Так что он с легкостью найдет того, кого отправит на поиски нужной мне книги.

Затем я набрала в поисковике «Пер Гюнт» и стала изучать многочисленные комментарии. Кстати, выяснила, что в Осло, в столице Норвегии, которая во времена Анны и Йенса называлась Христианией, есть Музей Ибсена. Директор музея — некто Эрик Эдвардсен. Наверняка это признанный во всем мире, авторитетный ученый и исследователь творчества и биографии Генрика Ибсена. Что, если я напишу ему? А вдруг он согласится помочь?

Мне не терпелось продолжить свои поиски. Да и дочитать до конца присланный перевод тоже очень хотелось. Но пришлось временно приостановить работу компьютера. Я с большой неохотой отключила свой ноутбук. Надо поспешить. Через полчаса меня ждет Стар на ланч. А еще ведь нужно добраться до Баттерси.

На улице я тут же поймала такси. Когда мы пересекали Темзу по красивому, вычурному мосту, окрашенному в розовый цвет, я вдруг поймала себя на мысли, что потихоньку начинаю влюбляться в Лондон. Есть в этом городе какая-то своя, особая элегантность. Я бы даже сказала, державное величие. Ничего общего с шумным, брызжущим энергией Нью-Йорком или провинциально спокойной Женевой. Лондон, как, впрочем, и все в Англии, буквально светится гордостью за свою славную историю и источает незыблемую уверенность в собственной исключительности.

Такси остановилось возле здания, которое в прошлом было чем-то вроде складских помещений. Оно располагалось прямо на берегу реки. Легко представить себе, как в былые времена сюда причаливали баржи, груженные чаем или восточными специями. Я расплатилась с водителем и нажала на кнопку звонка рядом с номером, который продиктовала мне Стар. Тут же сработал автоответчик, дверь распахнулась, а голос сестры в трубке велел мне подниматься на лифте на третий этаж. Выйдя из кабинки лифта, я увидела, что Стар уже поджидает меня, стоя на лестничной площадке.

— Здравствуй, дорогая Алли! — поздоровалась она и обняла меня. — Ну, как ты?

— Помаленьку справляюсь, — бодро солгала я, и мы вошли в просторное помещение-студию, выдержанное в белых тонах, с огромными окнами от потолка до пола, выходящими на Темзу.

— Какой чудесный вид! — воскликнула я, подходя к одному из окон, чтобы полюбоваться открывающимся пейзажем. —

Фантастически красивое место!

— Это Сиси отыскала его, — ответила Стар, слегка пожав плечами. — Говорит, здесь хватает места для ее работы. И света тоже предостаточно.

Я обвела взглядом студию. Открытое пространство, минимум мебели, разбросанной там и сям на светлом деревянном полу, элегантная винтовая лестница, уходящая наверх. Судя по всему, туда, где располагаются спальни. Пожалуй, лично я вряд ли бы остановила свой выбор на таком жилье. Домашнего уюта здесь явно маловато, зато впечатляет своей экстравагантностью.

— Что тебе предложить выпить? — поинтересовалась у меня Стар. — У нас есть вино на любой вкус. И, конечно, пиво.

— Тогда налей мне, Стар, то же, что и себе, — ответила я, проходя вслед за сестрой в ту часть комнаты, где расположилась кухня. В духе времени все сверкало нержавеющей сталью и лучилось матовым стеклом. Сплошной ультрамодерн. Стар открыла дверцу массивного холодильника с двумя камерами и замерла в некоторой нерешительности.

— Может, немного белого? — предложила я.

— Отличная мысль, — согласилась она со мной.

Я молча глядела на свою младшую сестру, наблюдая за тем, как она берет из буфета два бокала и наполняет их вином. А ведь Стар, подумала я, никогда не выскажет собственного мнения. Привыкла, что все и всегда за нее решают другие. Мы с Майей часто обсуждали эту тему, пытаюсь понять, в чем причина слабыхарактерности Стар. Врожденное ли это у нее качество — всем уступать? Или это результат доминирующего влияния Сиси в их связке?

— Вкусно пахнет, — махнула я рукой в сторону кастрюли, кипевшей на большой варочной панели и наполнявшей все пространство вокруг вкуснейшими ароматами. Через стеклянную дверцу духовки было видно, что и там доходит какое-то блюдо.

— Сегодня ты, Алли, выступишь в роли подопытного кролика. Хочу опробовать на тебе один новый рецепт. Но у меня практически все уже готово.

— Отлично! — обрадовалась я. — Тогда за твое здоровье, Стар. Будем, как говорят здесь, в Англии.

— Да, будь здорова.

Мы обе сделали по глотку вина, и я тут же отставила свой бокал в сторону. По каким-то совершенно непонятным мне причинам вино сразу же превратилось в моем желудке в сплошной уксус. Я посмотрела, как Стар размешивает содержимое кастрюли, и лишний раз восхитилась тем, какой юной она кажется с роскошной копной белокурых волос, рассыпавшихся по ее плечам. А эти длиннющие ресницы, которые, словно две завесы, обрамляют ее прозрачно-голубые глаза, закрывают и защищают их, не давая до конца понять, что же они выражают. Глядя на это хрупкое, нежное создание, невозможно представить себе, что Стар — уже взрослая женщина двадцати семи лет от роду.

— Ну как вы устроились в Лондоне? — спросила я у нее.

— Неплохо. Совсем даже неплохо. Во всяком случае, мне в Лондоне нравится.

— А как твоя кулинарная школа?

— О, я уже ее закончила. Мне очень понравилось.

— То есть ты можешь в перспективе заняться кулинарией, да? — задала я еще один наводящий вопрос, надеясь выудить из Стар более развернутый ответ.

— Не думаю... Все же кулинария — это не мое.

— Понятно. Тогда чем думаешь заняться?

— Пока не знаю.

В комнате повисло молчание. Так всегда бывает в разговорах со Стар. Но вот после некоторой паузы она заговорила первой:

— А как ты, Алли? Представляю, как все это было ужасно... Пережить такое, и так скоро после смерти папы.

— Честно говоря, Стар, я и сама пока не знаю, как я. Все в моей жизни так резко и так внезапно изменилось. Еще совсем недавно будущее представлялось мне вполне определенным, ясным и понятным. И вот от него остались одни лишь осколки. Я уже поставила в известность руководителя национальной олимпийской команды Швейцарии, что не буду участвовать в предстоящей Олимпиаде. Я просто не смогла бы выступить там так, как положено. Многие говорят, что я поступаю неправильно. Я и сама чувствую себя виноватой за то, что у меня сейчас нет сил продолжить занятия спортом. Но почему-то мне кажется, что было бы как-то не по-людски,

если бы я согласилась на участие в олимпийских играх. А ты как думаешь?

Длинные ресницы тотчас же взметнулись вверх. Стар обозрела меня осторожным взглядом.

— Думаю, ты должна поступать так, как сама считаешь нужным, Алли. Правда, порой очень трудно решиться на такой самостоятельный шаг, правда?

— Ты права. Но мне ведь не хочется никого подводить.

— Вот именно. — Стар издала короткий вздох и уставилась с отрешенным видом в окно. Потом снова повернулась к плите и стала раскладывать содержимое кастрюльки по двум тарелкам. — Давай пообедаем на террасе.

— С удовольствием.

Я снова глянула на реку и на широкую террасу, протянувшуюся на всю длину комнаты, и подумала с некоторой скарედностью в душе: интересно, какова квартплата за эти хоромы? Уж очень они не похожи на скромную артстудию, которую сняла себе и своей бесцельно плывущей по жизни сестре будущая художница, не имеющая пока ни гроша за душой. Наверняка Сиси удалось-таки разорить Георга Гофмана и выцыганить у него кругленькую сумму в то утро, когда они со Стар навещали его в Женеве.

Мы перенесли нашу еду на столик, примостившийся среди многочисленных цветов, источавших нежнейший аромат. Растения свешивались из огромных горшков, установленных по краю вдоль всей террасы.

— Какая красота! — невольно восхитилась я. — Как называются эти цветы? — Я указала на горшок, в котором буйным цветом полыхали соцветия сразу трех цветов: белые, оранжевые и розовые.

— А... Это *Sparaxis tricolor*... Спараксис трехцветный, если по-нашему. Вообще-то эти цветы не любят сквозняков и холодных бризов с реки. У себя в садах, особенно в сельской местности, англичане выращивают спараксис на специально защищенных участках.

— Ты сама развела их тут? — поинтересовалась я, отправляя в рот лапшу, тушенную с морепродуктами. Это угощение Стар предложила в качестве основного блюда.

— Да, сама. Я всегда развожу цветы. Помню, я с удовольствием помогала папе ухаживать за нашим садом в Атлантиде.

— Вот как? А я и понятия не имела о твоём увлечении цветоводством. Господи, до чего же вкусно, Стар! — похвалила я ее кулинарные изыски, хотя была совсем не голодна. — Надо же! Сколько скрытых талантов я обнаружила в тебе всего лишь за один сегодняшний день. А вот я совсем не могу готовить. Разве что-нибудь совсем простенькое. И по части ботаники я тоже не ах! Пожалуй, не смогла бы вырастить даже кресс-салат в горшке. А уж развести такую красоту...

Я обвела рукой великолепное многообразие цветов, заполнивших собой всю террасу.

В нашем разговоре опять повисла долгая пауза, но я не стала нарушать затянувшееся молчание.

Снова первой заговорила Стар:

— Знаешь, я в последнее время часто размышляю над тем, что такое талант. Это что-то такое, что дается тебе с рождения? Или как? — Стар словно размышляла сама с собой. — Вот ты, к примеру... Тебе пришлось затратить много усилий, чтобы научиться так красиво играть на флейте?

— Пожалуй, не так уж и много... Особенно поначалу. А вот уже потом, когда нужно было совершенствовать свое мастерство, заниматься пришлось много и упорно. Как мне кажется, на одних способностях, даже если они есть у тебя к чему-то, далеко не уедешь. Талант не отменяет тяжкий ежедневный труд. Вот возьми любого великого композитора. Мало слышать в своей голове, скажем, мелодию для флейты. Нужно еще уметь воспроизвести эту мелодию на бумаге с помощью нот, а потом еще и оркестровать музыку, уметь писать партитуры своих произведений. А для этого нужны многие годы учебы и каждодневное совершенствование своего мастерства. Людей с врожденными способностями миллионы и миллионы, но нужно еще уметь раскрыть эти свои способности, задействовать весь, так сказать, свой творческий потенциал, а для этого требуются полная самоотдача и упорный труд. Иначе ничего у нас не получится.

Стар кивнула в знак согласия.

— Ты уже закончила? — поинтересовалась она у меня, глянув через стол на мою практически нетронутую тарелку.

— Да, прости меня, Стар. Все очень вкусно. Просто у меня совершенно нет аппетита.

Потом мы еще немного поболтали с ней о сестрах и о тех переменах, которые случились в их жизни за последнее время. Стар рассказала мне о том, что Сиси всецело занята своими инсталляциями. Я, в свою очередь, поведала ей о весьма неожиданном для всех нас решении Майи перебраться в Рио. Впрочем, все мы очень рады за нее. Наконец-то Майя обрела свое счастье.

— Честное слово, история с нашей Майей меня очень взбодрила, — сказала я и с улыбкой взглянула на Стар. — И так здорово, что я повидалась с тобой.

— И я рада тебя видеть, Алли. Но куда ты сейчас пойдешь? Уже думала над этим?

— Скорее всего, я отправлюсь в Норвегию. Займусь там поисками своих корней по тем координатам, что оставил мне Па Солт, — ответила я и сама удивилась тому, что только что сказала. Пожалуй, удивилась не меньше самой Стар. Ведь мысль о поездке в Норвегию пришла спонтанно, только что... Пришла и тут же засела занозой в моей голове.

— Хорошая идея, — одобрила мои планы Стар. — Конечно, поезжай.

— Ты тоже так считаешь?

— А почему нет? Те подсказки, которые оставил тебе папа, могут изменить всю твою дальнейшую жизнь. Посмотри, как это случилось с нашей Майей. Вполне возможно, — Стар немного помолчала, — в один прекрасный день они изменят и мою жизнь.

— Даже так?

— Да.

Мы снова замолчали. Я понимала, нельзя сейчас приставать к Стар и требовать у нее каких-то откровений. Еще не время...

— Что ж, пожалуй, мне пора. Большое тебе спасибо за обед. — Я поднялась из-за стола, чувствуя какую-то непривычную усталость во всем теле. Скорей бы вернуться к себе и к своему одиночеству. — Такси здесь можно поймать? — спросила я у Стар, когда она проводила меня до парадной двери.

— Да. Сверни за угол, и ты окажешься на проезжей части. До свидания, Алли. — Стар расцеловала меня в обе щеки. — Дай мне знать, если соберешься лететь в Норвегию.

Вернувшись в пустой дом Селии, я поднялась к себе в спальню и открыла футляр с флейтой. Какое-то время я напряженно разглядывала ее, словно она могла дать ответ на все те вопросы, что роились в моей голове. И первый из них буквально жег раскаленным железом. Куда мне сейчас податься? Конечно, можно укрыться от целого мира на нашем с Тео острове «Где-то посреди моря». Достаточно одного телефонного звонка Питеру, и его прекрасный дом на острове Анафи будет всецело в моем распоряжении. Столько времени, сколько я захочу. В конце концов, что мешает мне весь следующий год заниматься реконструкцией того сарая, который оставил мне в наследство Тео? В голове завертелась его любимая мелодия *Mamma Mia* в исполнении АББА. Я издала произвольный смешок и с сомнением покачала головой. Как ни привлекательна сама идея обрести покой и уединение на нашем с Тео острове, я понимала, что там у меня нет никакой перспективы. Я просто стану жить в том мире, в котором когда-то мы жили вместе с Тео. Но Тео больше нет. А значит, нет и того прежнего мира. Так стоит ли искать забвение там, где его больше нет?

В равной степени и жизнь в Атлантиде тоже не сулила мне ничего хорошего. Что меня там будет удерживать? Да по большому счету ничего. Иное дело — Норвегия. Правда, и там мне предстоит копаться в собственном прошлом и прошлом моих предков. А мне ведь следует подумать о будущем. Впрочем, кто сказал, что, оттолкнувшись от прошлого, я не смогу двигаться вперед? Итак, передо мной стоит альтернатива. Возвращаться в Атлантиду или лететь в Норвегию? Но наверняка ведь, принялась я убеждать саму себя, несколько дней, проведенные в новой для меня стране, где я смогу вдали от всех и вся поразмышлять над собственным будущим, пойдут мне на пользу. Там никто и ничего не знает о моих недавних утратах. Уйду с головой в прошлое и хоть немного отвлекусь от невеселых мыслей о настоящем. Даже если мои поиски и не увенчаются успехом, все равно будет занятие, чтобы хоть как-то заполнить образовавшуюся вокруг меня пустоту.

Я открыла ноутбук и стала лихорадочно изучать расписание самолетов до Осло. Есть еще один вечерний рейс на сегодня. И даже

билеты имеются в наличии. Впрочем, если я хочу успеть на этот рейс, то мне нужно немедленно выезжать в Хитроу. Какое-то мгновение я пялилась в пустоту, стараясь принять окончательное решение.

— Вперед, Алли! — хрипло прошептала я, нажимая на кнопку бронирования билета. — Что тебе терять?

Ничего.

К тому же, кажется, я уже готова узнать всю правду о себе.

23

Когда поздним августовским вечером самолет с ревом оторвался от взлетной полосы и взял курс на север, я еще раз бегло просмотрела всю ту информацию, которую нарыла о Музее Ибсена и о Национальном театре в Осло. Завтра с утра я наведуясь в оба этих места, решила я. Вдруг там отыщется человек, который прольет свет на всю ту информацию, что я почерпнула из книги Йенса Халворсена?

Сойдя по трапу в аэропорту Осло, я вдруг неожиданно обнаружила, что шагаю по тротуару с уже подзабытой легкостью. Кажется, я даже немножко взволнована. После таможенного досмотра я сразу же направилась к справочному бюро и попросила молодую девушку за стойкой посоветовать мне какой-нибудь отель рядом с Музеем Ибсена. Она порекомендовала мне Гранд-Отель, немедленно позвонила туда и сообщила, что, к сожалению, сейчас у них свободны только дорогие номера-люкс.

— Не имеет значения, — бодро отреагировала я. — Меня устроит любой вариант.

Девушка вручила мне квиток, подтверждающий, что мне зарезервирован номер в Гранд-Отеле, потом заказала такси и лично проводила до стоянки.

К центру Осло мы уже добрались в полной темноте. А потому никакой ориентации, где и как мы ехали. И никаких впечатлений о самом городе. Наконец такси подкатило к помпезному каменному зданию и остановилось возле центрального входа в Гранд-Отель, ярко освещенного светом уличных фонарей. Портье немедленно провел меня в фойе. После обычных формальностей на ресепшн мне показали мой номер, который имел свое название: «Номер Ибсена».

Мальчишка-лифтер, вручая мне ключ от апартаментов, спросил на английском:

— Вас устраивает этот номер, мадам?

Я обвела взглядом красивую гостиную с роскошной хрустальной люстрой, элегантно свисавшей с потолка, посмотрела на многочисленные фотографии Генрика Ибсена, висевшие на стенах, обитых полосатым шелком, и улыбнулась, утвердительно кивнув.

— Замечательный номер! Спасибо.

Получив чаевые, мальчишка исчез. Я же принялась с почтительным восторгом знакомиться со своим новым жилищем. А ведь я могу поселиться здесь и на все то время, что пробуду в Осло, вдруг мелькнуло у меня. Приняв душ, я вышла из ванной комнаты под звон церковных колоколов, возвещавших наступление полночи. А все же хорошо, мелькнуло в голове, что я прилетела сюда. Скользнув между накрахмаленными простынями, я удобно устроилась на постели и почти мгновенно уснула.

На следующее утро я проснулась рано, вышла на крохотный балкончик, чтобы обозреть город уже при свете наступающего дня. Прямо подо мной простиралась квадратная площадь, окаймленная со всех сторон деревьями. По всему периметру площади теснились красивые старинные здания из камня, разбавленные в нескольких местах современными постройками. Глянув вдаль, я разглядела розовый замок, примостившийся на самой вершине горы.

Я вернулась в комнату, и тут до меня дошло, что со вчерашнего обеда у меня крошки во рту не было. Я заказала себе завтрак прямо в номер и уселась на кровать в махровом халате, чувствуя себя самой настоящей принцессой в обретенном ею новом замке. И принялась изучать карту города, которую вчера вечером мне услужливо дала дежурная на ресепшн. Оказывается, Музей Ибсена совсем рядом, в паре шагов от отеля.

После завтрака я переоделась и спустилась на лифте, предусмотрительно прихватив с собой карту. Пересекла площадь, направляясь к музею. В нос ударил знакомый запах моря, и тут я вспомнила, что Осло расположен во фьорде. А еще я обратила внимание на то, что большинство прохожих светлолицые и рыжеволосые. Помню, в школе в Швейцарии девчонки вечно подшучивали надо мной, над моей светлой веснушчатой кожей, над

золотисто-рыжими кудряшками. Тогда мне казалось это очень обидным. Помнится, я даже упрашивала Ма позволить мне перекрасить волосы.

— Нет, дорогая моя, мы не станем красить твои волосы, — ответила отказом Марина. — Ведь они — твоя гордость и краса. Когда-нибудь все эти противные девчонки еще будут завидовать тебе. Вот увидишь.

Шагая по улице, я вдруг странным образом почувствовала, что здесь я своя среди своих. *Тут я точно ничем не выделяюсь из толпы*, подумала я.

Наконец я остановилась возле величественного светлого здания с колоннадой из серого мрамора.

— NATIONAL THEATER —

прочитала я выгравированную надпись на элегантном фасаде здания, а чуть ниже, на каменных табличках, были выгравированы имена Ибсена и еще две неизвестные мне фамилии. Так вот оно, то здание театра, в котором состоялась премьера спектакля «Пер Гюнт», подумала я. К моему разочарованию, в столь ранний час театр был еще закрыт. Тогда я продолжила свой путь по широкой оживленной улице в сторону Музея Ибсена. Подошла, открыла парадную дверь и вошла в музей. Прямо в вестибюле разместился небольшой книжный магазин. На стене слева от себя я увидела демонстрационный стенд с указанием дат и всех важнейших этапов в творческой жизни великого Ибсена. Сердце мое забилось учащенно, когда я прочитала одну из дат. «*24 февраля 1876 года — премьера спектакля «Пер Гюнт» в Театре Христиании*».

— Доброе утро! Чем могу помочь вам? — обратилась ко мне на норвежском молоденькая девушка, стоявшая за прилавком.

— Вы говорите по-английски? — ответила я вопросом на вопрос.

— Конечно, — улыбнулась она. — Могу ли я быть чем-то вам полезной? — снова повторила она свой вопрос, но уже на английском.

— Надеюсь, что сможете, — ответила я, извлекла из сумки фотокопию обложки книги Халворсена и положила ее перед девушкой. — Меня зовут Алли Деплеси. Провожу некоторые изыскания, касающиеся творчества композитора Йенса Халворсена и

певицы Анна Ландвик. Они оба участвовали в первой постановке спектакля «Пер Гюнт» в Театре Христиании. Быть может, кто-нибудь из сотрудников музея сможет рассказать мне побольше об этих людях?

— К сожалению, я точно не смогу. Я еще студентка, а здесь просто подрабатываю на кассе, — призналась девушка. — Но я сейчас сбегаю наверх, посмотрю, на месте ли Эрик, директор нашего музея.

— Спасибо, — поблагодарила я ее.

Девушка тотчас же исчезла за дверью в стене, которая вела из магазинчика куда-то в глубь музея. В отсутствие продавщицы я побродила по книжному залу, ознакомилась с ассортиментом и даже отложила для себя один экземпляр драмы «Пер Гюнт» на английском языке. По крайней мере, хоть это я смогу прочитать, решила я.

— Да, Эрик на месте, — подтвердила девушка, снова возникая за прилавком. — Сейчас он спустится к вам.

Я еще раз поблагодарила девушку и расплатилась за покупку.

Через несколько минут появился элегантный светловолосый мужчина.

— Приветствую вас, мисс Деплеси. Меня зовут Эрик Эдвардсен. — Он протянул мне руку для рукопожатия. — Ингрид сказала мне, что вас интересуют Йенс Халворсен и Анна Ландвик?

— Да, — подтвердила я, пожимая протянутую руку. После чего предъявила ему фотокопию обложки.

Он внимательно изучил ее и коротко кивнул.

— Кажется, экземпляр этой книги имеется в фондах нашей библиотеки. Она у нас наверху. Пожалуйста, пройдемте за мной.

Он провел меня через дверь, и мы очутились в еще одном вестибюле, строгом, почти аскетичном, особенно в сравнении с современным интерьером книжного магазина. Такое чувство, словно мы мгновенно переместились во времени и окунулись в далекую старину. Он открыл дверцу допотопного лифта, потом закрыл ее за нами и нажал на кнопку. Пока лифт, тарахтя и дребезжа, тащил нас наверх, Эрик ткнул пальцем в один из этажей, мимо которого мы проехали.

— Здесь находится квартира Ибсена. В ней он прожил последние одиннадцать лет своей жизни. Для нас, сотрудников музея, большая честь, что это место находится под охраной именно нашего музея. Итак, — продолжил он, когда лифт наконец остановился и мы вошли в

просторное, хорошо проветриваемое помещение, все стены которого от пола и до самого потолка были уставлены стеллажами с книгами, — вы, как я понимаю, историк?

— Увы, нет, — ответила я. — Книга досталась мне по наследству от отца, который умер несколько недель тому назад. Честно признаться, для меня она — такой своеобразный ключ к разгадке некоторых наших семейных тайн. Хотя я еще не до конца уверена в том, что она имеет какое-то отношение лично ко мне. Я заказала полный перевод книги с норвежского на английский, но пока получила лишь первую часть переведенного материала. Из прочитанного узнала, что Йенс был музыкантом, играл в оркестре. И именно он в день премьеры исполнил на флейте вступительные аккорды «Утреннего настроения» Грига. А Анна, стоя за сценой, озвучивала своим голосом песни Сольвейг.

— Боюсь, у меня немногим получится помочь вам, потому что я занимаюсь главным образом изучением творчества Генрика Ибсена. Эдвард Григ интересует меня лишь по касательной, но никак не входит в сферу моих научных изысканий. Вам нужен эксперт, который занимается исключительно творчеством Грига. И такой человек у меня на примете есть. Это директор Музея Грига в Бергене. Уж если кто и поможет вам по-настоящему, так это он. Впрочем, — добавил Эрик, скользнув взглядом по книжным полкам, — у меня, кажется, есть кое-что для вас. Сейчас покажу. А вот и она! — Он снял с полки большую старинную книгу. — Автор этой книги — Рудольф Расмуссен. Его еще звали Руди. Ребенком он вместе с другими детьми тоже был задействован в первой постановке спектакля «Пер Гюнт».

— Да, я читала о Руди. Он был кем-то вроде мальчика на побегушках, приносил Анне письма от Йенса, когда молодой человек познакомился с девушкой и влюбился в нее.

— Вот как? — удивился Эрик, рассеянно перелистывая страницы книги Расмуссена. — Взгляните! Вот фотографии, сделанные после окончания премьерного показа. Все артисты еще в своих театральных костюмах.

Эрик передал мне книгу, и я с некоторым удивлением посмотрела на лица тех людей, о которых совсем недавно прочитала в книге Халворсена. Вот Генрик Клаузен в роли Пера, а вот Тора Хенсон в роли Сольвейг. Позирует в деревенском наряде Сольвейг. Я

постаралась представить себе, как выглядела на самом деле эта яркая прима тогдашней норвежской сцены. А вот групповые снимки всех участников спектакля. Едва ли Анна запечатлена хоть на одном из них. Это я знаю наверняка, прочитав книгу Халворсена.

— Могу сделать для вас копии этих фотографий, если хотите, — предложил мне Эрик. — Тогда вы сможете на досуге изучить их более внимательно.

— Буду вам весьма признательна. Большое спасибо.

Эрик подошел к копировальной машине, стоявшей в углу комнаты. А я тем временем принялась разглядывать фотографию старого театра.

— Я сегодня как раз проходила мимо Национального театра, — нарушила я повисшее молчание. — Сейчас могу почти воочию представить себе, как все было в день премьеры.

— Вообще-то премьера спектакля «Пер Гюнт» прошла не в Национальном театре. Она состоялась в Театре Христиании.

— Вот как? А я решила, что это одно и то же здание. Просто поменяли название театра.

— К сожалению, старого Театра Христиании больше нет. Он располагался неподалеку отсюда, в пятнадцати минутах ходьбы, не более. На Бланкплассен. Сейчас в этом здании размещается музей.

Я воззрилась на Эрика в немом изумлении, широко раскрыв рот от неожиданности.

— Вы хотите сказать, что там сейчас размещается Музей современного искусства?

— Именно так. Театр Христиании был официально закрыт в 1899 году, и все музыкальные представления с тех пор идут на сцене Национального театра. Вот ваши фотографии! — Эрик вручил мне стопку фотокопий.

— Спасибо. Боюсь, я и так отняла у вас слишком много времени, но еще раз хочу поблагодарить вас за то, что согласились встретиться со мной.

— Тогда позвольте вручить вам на прощание электронный адрес директора Музея Грига. Напишите, что это я дал вам его координаты. Уверен, он сумеет помочь вам гораздо лучше, чем это получилось у меня.

— Позвольте заверить вас, герр Эдвардсен, что вы мне очень помогли, — возразила я, пока он писал на листке бумаги электронный адрес.

— Что ж, даже я вынужден признать очевидное, — улыбнулся он в ответ, провожая к лифту. — Сегодня музыка Грига к драме «Пер Гюнт» превзошла своей славой саму пьесу. Она известна и любима во всем мире. Всего вам доброго, мисс Деппеси. Был бы рад узнать, удалось ли вам разгадать все ваши семейные тайны. Если вам потребуется еще какая-то помощь, вы всегда сможете найти меня здесь.

— Большое спасибо.

Покинув Музей Ибсена, я почти бегом возвратилась к себе в гостиницу. Наконец-то координаты, указанные на армиллярной сфере, начали приобретать вполне определенный смысл. Первым делом я направилась в Гранд-кафе, которое расположилось на первом этаже отеля, рядом с парадным входом. Вошла в зал. Сразу же в глаза бросился портрет Ибсена, украшавший одну из стен кафе. Я принялась разглядывать портрет, уже ни минуты не сомневаясь в том, что судьбы Анны и Йенса каким-то непонятным пока образом переплелись с моей судьбой.

После обеда я связалась по электронной почте с директором музея Грига, как и посоветовал мне Эрик. Затем, движимая обычным любопытством, заказала такси и поехала взглянуть на старое здание Театра Христиании. Музей современного искусства расположился на площади, в центре которой, прямо напротив фасада здания, работал помпезный фонтан. Современное искусство меня никогда особо не привлекало. Вот Сиси — та наверняка бы с радостью приобщилась к экспозиции, выставленной в музее. А я решила туда не ходить. Зато прямо напротив бывшего театра я увидела знаменитое кафе «Энгебрет» и направилась напрямик туда. Надо же посмотреть, каково оно внутри.

Вошла в помещение и огляделась по сторонам. Грубые деревянные столы и стулья, все, как я и представляла себе, прочитав описания Йенса. В воздухе витали устоявшиеся запахи алкоголя и пыли. А еще немного пахло сыростью. Я закрыла глаза и попыталась представить себе Йенса в компании друзей-приятелей из оркестра, коротавших здесь время более века тому назад.

Просиживали в кафе часами напролет, заливая все свои неприятности и беды аквавитом, знаменитой тминной водкой. Я уселась у стойки бара и заказала себе чашечку кофе. Глотала горячую горькую жидкость и досадовала на то, что не могу прочитать всю книгу до конца. Придется запастись терпением, пока переводчица не перешлет мне оставшуюся часть текста.

Я вышла из кафе и, достав из сумочки карту города, принялась изучать ее, вознамерившись прогуляться пешком до своей гостиницы. Своими глазами увидеть те улицы, по которым когда-то бродили Анна и Йенс. Конечно, за сто с лишним лет, минувших с тех пор, город вырос, стал другим, но, несмотря на обилие ультрасовременных зданий, по-прежнему радовали глаз многочисленные старинные дома и постройки. Я вернулась в Гранд-Отель, уже полностью очарованная Осло и той особой красотой, которая, казалось, была присуща только этому городу. Сравнительно небольшой, компактный. Было во всем его облике что-то патриархальное, что немедленно располагало к себе и заставляло чувствовать себя здесь как дома.

У себя в номере я первым делом просмотрела электронную почту и обнаружила, что директор музея Грига уже откликнулся на мое к нему обращение.

Глубокоуважаемая мисс Деплеси.

Да, мне известно кое-что о Йенсе и Анне Халворсен. Собственно, Эдвард Григ в какой-то степени был их наставником, как Вам, наверное, известно. Я бываю в Музее Грига в Тролльхаугене (это рядом с Бергеном) каждый день с девяти утра и до четырех часов дня. Буду рад встретиться с Вами и помочь, чем смогу, в Ваших поисках.

С наилучшими пожеланиями

Эрлинг Даль-младший.

Поскольку я и понятия не имела, в какой именно стороне находится Берген, то пришлось искать в интернете карту Норвегии. Внимательно изучив ее, обнаружила, что город Берген располагается на Атлантическом побережье к северо-западу от Осло. Скорее всего, добираться туда тоже придется самолетом. Разглядывая карту, я вдруг поняла, какая же большая страна Норвегия. Обширные ее территории простираются от Бергена далее на север вплоть до самой Арктики. Я

решила лететь в Берген завтра утренним рейсом и тут же написала ответ директору Музея Эдварда Грига. Сообщила ему, что завтра в середине дня я уже буду в Бергене.

Шел седьмой час вечера, но на улице все еще было светло. А каково здесь коротать долгие зимы с обильными снегопадами, когда темнеет сразу же после обеда, а все вокруг утопает в сугробах снега. Почему-то вдруг вспомнилось, как сестры постоянно говорили, что я вообще нечувствительна к холоду. Всегда сплю с открытыми окнами, люблю, чтобы в комнате было свежо. Раньше я думала, что моя невосприимчивость к холоду как-то связана с занятиями парусным спортом. Но тут я вспомнила, как обожает тепло Майя, как легко переносит она любую жару, как буквально за считанные минуты на солнце покрывается шоколадным загаром ее кожа. В то время как я превращаюсь за эти же самые минуты в вареную свеклу. Так что же получается? Зима — это естественная среда обитания моих предков, да? А вот предки Майи — те явно из теплых краев, где всегда солнечно и жарко.

Потом мысли мои произвольно переключались на Тео, как это всегда случалось с наступлением ночи. Я представила себе, как он был бы рад сопровождать меня в этом путешествии, как стал бы, по своему обыкновению, анализировать мою реакцию на все происходящее. Я улеглась на кровати. Сегодня она показалась особенно большой для меня одной. Я стала размышлять о том, кто займет его место рядом со мной в будущем и случится ли такое вообще. Едва ли... Стараясь не давать волю невеселым мыслям, взяла будильник, завела его на семь утра, потом закрыла глаза и постаралась заснуть.

Разглядывать норвежские пейзажи с высоты птичьего полета — захватывающее занятие. Темной полосой протянулись густые хвойные леса, окаймляющие бездонно голубые фьорды, а дальше уже вечная мерзлота... Взметнулись ввысь белоснежные шапки гор, на вершинах которых снег не тает даже в начале сентября. В аэропорту Бергена я запрыгнула в такси и велела водителю везти меня прямо в Тролльхауген, дом, в котором когда-то жил Эдвард Григ и в котором теперь размещается его мемориальный музей. Мы ехали по широкой

двухполосной автостраде. Мимо проносились деревенские пейзажи, мелькая сквозь густые кроны деревьев по обочинам запруженной машинами дороги. Но вот мы свернули с автострады и поехали уже по узкой проселочной дороге.

Небольшая лужайка впереди, и такси остановилось перед прелестным деревянным домом, обшитым досками светло-желтого цвета. Я расплатилась с водителем, вышла из такси и, забросив рюкзак на плечо, замерла, изучая внешний вид дома. Огромные живописные окна в деревянных рамах, выкрашенных в зеленый цвет, резной балкон, выступающий со второго этажа. Один угол дома увенчан башенкой, на которой установлен флагшток с трепещущим на ветру государственным флагом Норвегии.

Дом Грига примостился на самом склоне горы и обращен своим фасадом к озеру, окруженному со всех сторон холмами, поросшими густой сочной травой и высокими величественными елями. Красота окружающих мест поражала своей прозрачной, умиротворяющей тишиной. Какое-то время я замороженно созерцала эту красоту, а потом направилась к зданию уже современных архитектурных форм, на котором значилось, что это вход в Мемориальный музей Грига. Зашла в вестибюль и представилась девушке, стоявшей за прилавком сувенирной лавки. Я попросила ее сообщить директору музея о моем приезде, но в этот момент машинально глянула на стеклянную витрину и ощутила, как занялось дыхание от переизбытка чувств.

— *Mon Dieu!* — пробормотала я в полном замешательстве, даже не заметив, что автоматически перешла на французский. Под стеклом выстроилась в ряд целая вереница крохотных коричневых лягушек, точно таких же, как та, которую папа вложил в конверт вместе с письмом.

— Эрлинг сейчас подойдет, — сказала мне девушка, кладя телефонную трубку на рычаг.

— Спасибо. А не могли бы вы рассказать мне, почему в вашей сувенирной лавке продаются эти лягушки?

— У Эдварда Грига всегда была при себе такая лягушка. Он носил ее в кармане везде и повсюду как свой счастливый талисман, — пояснила девушка. — А укладываясь спать по ночам, он всегда целовал лягушку.

— Здравствуйте, мисс Деплеси. Я — Эрлинг Даль. Как долетели? — Рядом со мной появился красивый седовласый мужчина.

— Чудесно долетела. Спасибо, — ответила я, лихорадочно собираясь с мыслями после откровений девушки насчет лягушек. — И пожалуйста, зовите меня просто Алли.

— Ладно, Алли. Позвольте еще один вопрос. Вы не голодны? Предлагаю вместо того, чтобы торчать в моем заваленном бумагами кабинете, прогуляться до кафе, заказать там по паре бутербродов и поговорить. Свои вещи можете оставить под присмотром Элси. — Он знаком указал на девушку.

— Отличная мысль! — одобрила я, вручая рюкзак Элси. Поблагодарив девушку кивком, я проследовала за Эрлингом. Мы миновали несколько дверей и оказались в помещении, все стены которого были сплошь из стекла. Через стекло открывался необыкновенной красоты вид на озеро, по берегам которого возвышались могучие ели. Я глянула на обширную водную гладь, переливающуюся на солнце, с разбросанными там и сям крохотными островками, поросшими соснами. Озеро раскинулось вплоть до самого горизонта, его противоположный берег терялся в дымке тумана.

— Озеро Нордас великолепно, правда? — воскликнул Эрлинг. — Мы в повседневной своей суеде порой забываем, как нам всем повезло работать в таком прекрасном месте.

— Превосходный пейзаж, — издала я восхищенный возглас. — Вам действительно очень повезло.

Когда мы с Эрлингом заказали себе кофе и бутерброды, он поинтересовался у меня, чем может быть полезен. И снова я извлекла из сумочки фотокопию обложки папиной книги и принялась объяснять ему, что конкретно мне хотелось бы выяснить.

Он внимательно глянул на фотокопию.

— Никогда не читал этой книги. Хотя приблизительно знаю, о чем она. Сравнительно недавно я помогал Тому Халворсену, праправнуку Анны и Йенса, в его изысканиях. Он как раз трудился тогда над составлением их новой биографии.

— Знаю. Я уже заказала себе его книгу в Штатах. Так вы знакомы с Томом Халворсеном?

— Конечно. Я его хорошо знаю. Он живет всего лишь в нескольких минутах ходьбы от музея. А музыкальные круги Бергена

очень небольшие, и все всех знают. Том играет на виолончели в нашем местном филармоническом оркестре. А недавно его назначили вторым дирижером оркестра.

— Как вы думаете, можно ли договориться о встрече с ним? — задала я свой следующий вопрос, когда нам принесли бутерброды.

— Не вижу никаких проблем. Единственное, сейчас его нет в Бергене. Он вместе со своим оркестром находится на гастролях в Штатах. Но они возвращаются буквально на днях. А как далеко продвинулись вы в своих поисках?

— Я пока еще не дочитала до конца эту книгу. Жду, когда мне перешлют перевод второй части. Я остановилась как раз на том месте, когда отец Йенса попросил его покинуть родительский дом, а Анне предложили в новом сезоне выступить в роли Сольвейг.

— Понятно. — Эрлинг одарил меня доброжелательной улыбкой, потом глянул на свои часы. — К сожалению, прямо сейчас у меня нет времени добавить к прочитанному вами кое-какие дополнительные подробности. У нас через полчаса начнется так называемый «обеденный» концерт. Но в любом случае, думаю, будет лучше, если вы все же сначала прочитаете до конца книгу Йенса, а уже потом можно будет поговорить и обо всем остальном.

— А где состоится концерт?

— О, у нас для концертов выстроен специальный зал. Он так и называется: Тролльзален. На протяжении всех летних месяцев мы приглашаем к нам пианистов, которые исполняют музыку Грига. Вот и сегодня прозвучит Концерт для фортепиано с оркестром ля минор.

— Как интересно! Вы не возражаете, если я тоже приду послушать?

— Буду только рад, — сказал Эрлинг, поднимаясь из-за стола. — Доедайте свой бутерброд, и милости просим в наш концертный зал. А я пойду проверю, все ли в порядке с нашим пианистом.

— Спасибо, Эрлинг. Большое спасибо за приглашение.

Кое-как затолкав в себя остаток бутерброда, я побрела через густой лес, которым порос склон горы, к концертному залу, руководствуясь указателями, расставленными по всему маршруту следования. Но вот наконец и само здание концертного зала, оно уютно расположилось среди сосен. Я вошла в амфитеатр и стала спускаться по ступенькам вниз. Зал уже был заполнен публикой почти

на две трети. Сравнительно небольшая сцена, в центре которой возвышается роскошный концертный рояль «Стейнвей». Сцена со всех сторон обрамлена огромными окнами, через которые открывается потрясающий вид на озеро и могучие ели, такой своеобразный живописный задник в исполнении самой природы.

Не успела я усесться, как на сцене появился Эрлинг в сопровождении хрупкого темноволосого молодого человека. Даже на расстоянии его внешность поражала своей неординарностью. Эрлинг заговорил вначале на норвежском, а потом на английском, обращаясь уже к многочисленным зарубежным туристам, которых было полно в зале.

— Счастливы представить вам, глубокоуважаемые слушатели, пианиста Вильема Каспари. Этот молодой артист уже снискал известность во всем мире. А сравнительно недавно он принял участие в выпускном концерте в Альберт-Холле в Лондоне. Мы очень признательны маэстро Каспари за то, что он согласился почтить своим присутствием и наш скромный уголок.

В ответ раздались доброжелательные аплодисменты публики. Каспари бесстрастно кивнул в ответ, потом уселся за рояль, выжидая, когда в зале станет тихо. Но вот зазвучали вступительные аккорды, и я тотчас же закрыла глаза, уносясь мыслями в те далекие дни, когда училась в Женевской консерватории. Студенткой я каждую неделю посещала концерты классической музыки, да и сама нередко участвовала в них. Классическая музыка в те годы была моей страстью, но, к своему большому стыду, приходилось признаться, что последние десять лет я вообще не бывала на концертах, даже на самых скромных. Я слушала Грига, чувствуя, как с меня постепенно спадает напряжение последних дней. Легкие, умелые пальцы пианиста буквально порхали по клавишам. Надо немедленно выправлять положение. Буду снова ходить на концерты, пообещала я себе.

Но вот концерт закончился, Эрлинг отыскал меня в зрительном зале и повел на сцену, чтобы познакомить с Вильемом Каспари. Выразительное лицо с выступающими вперед скулами, бледная кожа туго натянута на череп. Выделяются глаза бирюзового цвета и полные, кроваво-красные губы. С головы до пят этот человек поражает безупречностью своего внешнего вида. Все идеально чисто, все доведено до совершенства. Темные волосы аккуратно уложены,

волосок к волоску, черные концертные туфли надраены до блеска. Но при этом общее впечатление довольно странное, будто видишь перед собой такого красивого вампира.

— Спасибо, — поблагодарила я пианиста. — Прекрасное выступление!

— Не стоит благодарностей, мисс Деплеси, — ответил он и принялся тщательно вытирать руки белоснежным носовым платком, прежде чем обменяться рукопожатием со мной. Какое-то время он напряженно вглядывался в мое лицо, а потом обронил: — Знаете, у меня такое чувство, что мы с вами уже где-то встречались.

— Неужели? — растерялась я, не в силах припомнить, когда бы это могло случиться.

— Да. Я учился в Женевской консерватории. Полагаю, вы поступили на первый курс, когда я уже заканчивал консерваторию. Вообще-то у меня отличная память на лица. А кроме того, я запомнил и вашу фамилию. Она мне тогда показалась весьма необычной. Вы ведь флейтистка, если я не ошибаюсь?

— Да, — ответила я, не скрывая своего удивления. — Во всяком случае, когда-то я играла на флейте.

— Даже так, Алли? А мне вот вы ничего об этом не рассказали. — Наступил уже черед Эрлинга удивляться.

— Просто это все было очень давно.

— Так вы больше не играете? — рассеянно поинтересовался у меня Вильем, методично расправляя лацканы своего пиджака, скорее такой неосознанный жест, чем желание привлечь внимание к своей персоне.

— Нет, я не играю.

— Припоминаю, что однажды мне довелось присутствовать на одном из ваших сольных выступлений. Вы тогда еще исполняли сонату для флейты и рояля.

— Да, было такое. У вас просто поразительная память.

— Да, то, что я хочу запомнить, я запоминаю навсегда. Впрочем, это качество моей памяти имеет как свои хорошие, так и плохие стороны. Увы-увы!

— Как интересно! — подал голос Эрлинг. — Ведь музыкант, поисками материалов о котором сейчас занимается Алли, тоже был флейтистом.

— А что за музыкант вас заинтересовал, позвольте полюбопытствовать? — спросил Вильем, уставившись на меня своими фосфоресцирующими глазами.

— Один норвежский композитор по имени Йенс Халворсен и его жена Анна. Она была певицей.

— К сожалению, ничего не слышал ни о ком из них.

— Тем не менее в Норвегии они оба были широко известны, особенно Анна, — сказал Эрлинг. — А сейчас позвольте предложить вам совершить экскурсию по дому Грига, если, конечно, у вас есть на это время. Можете также посетить и его маленький домик в горах, где он сочинял свою музыку.

— О, с большим удовольствием! — откликнулась я.

— Не возражаете, если я составлю вам компанию? — спросил у меня Каспари. Он все еще продолжал изучать меня, склонив голову набок. — Я приехал в Берген вчера ночью. И у меня еще просто не было времени осмотреться здесь.

— Совсем даже не возражаю, — ответила я. Пусть уж лучше идет рядом со мной, подумала я про себя, чем сверлит насквозь своим внешне бесстрастным, но очень сосредоточенным взглядом.

— Тогда отправляйтесь на экскурсию прямо сейчас, — немедленно предложил нам Эрлинг. — И обязательно загляните ко мне попрощаться, когда будете уходить. Еще раз от всей души благодарю вас, Вильем, за ваше вдохновенное выступление.

Мы трое вышли из концертного зала, а дальше уже только с Каспари направились через лес к дому Эдварда Грига. Вошли в дом, проследовали в гостиную. На деревянном полу возле одной из стен стоял старинный «Стейнвей». Остальная обстановка представляла собой эклектичную смесь из простой деревенской мебели и нескольких элегантных образчиков из красного дерева и ореха. На стенах, облицованных панелями из сосны приятного цвета спелого меда, висели многочисленные портреты и пейзажи.

— До сих пор чувствуется атмосфера жилого дома, не правда ли? — обратилась я к своему спутнику.

— Вы правы, — согласился со мной Вильем.

По всей комнате были разбросаны фотографии в рамках, на которых были запечатлены Григ и его жена Нина. Одна из них, та, на которой они были засняты на фоне рояля, особенно привлекла мое

внимание. На губах Нины застыла легкая улыбка. Понять выражение лица Грига было труднее. Тяжелые густые брови и пышные усы придавали ему непроницаемый вид.

— Какие они оба крохотные на фоне этого огромного рояля, — невольно удивилась я. — Прямо как две маленькие куклы!

— Да, они оба были невысокого роста, не более пяти футов. А вы знали, что у Грига был коллапс легкого? И когда он фотографировался, то всегда подкладывал под пиджак небольшую подушечку. Поэтому он всегда на фотографиях прижимает одну руку к груди.

— Надо же! А я этого и не знала, — пробормотала я вполголоса, пока мы медленно шли вдоль стен, разглядывая выставленные экспонаты.

— А почему вы решили оставить музыку? — неожиданно заинтересовался у меня Вильем. В принципе, такой стандартный вопрос, к которым я уже привыкла. Но в эту минуту Вильем показался мне очень похожим на такой процессор, который работает в автоматическом режиме по заранее заданной программе. Что-то щелкнуло у него внутри, словно подсказывая, что предыдущая тема уже обработана и надо переходить к следующей теме, указанной в общем списке.

— Я стала профессионально заниматься парусным спортом.

— То есть вместо флейты решили поиграть на волынке, чтобы ваши товарищи по команде могли сплясать под эту музыку матросский танец хорн-пайп? — Он издал короткий смешок, явно довольный собственной шуткой. — По флейте не скучаете?

— По правде говоря, последние годы скучать просто не было времени. Парусные гонки стали моей жизнью.

— А я вот не могу представить собственную жизнь без музыки, — негромко обронил Вильем, кивнув в сторону рояля Грига. — Этот инструмент для меня и страсть и боль одновременно. И основная движущая сила в моей жизни. Больше всего я боюсь заработать артрит, когда пальцы перестанут гнуться. Музыка для меня все, а я без нее — ничто. Понимаете?

— Значит, вы верите в собственный талант сильнее, чем я. В какой-то момент учебы в консерватории я вдруг почувствовала, что достигла потолка своих возможностей. Как бы много я ни работала, а существенных перемен к лучшему в моей игре не наступало.

— О господи! Да подобные страхи меня снедают каждый день и на протяжении уже многих и многих лет. Но я должен верить в то, что в моей игре все же *есть прогресс*, иначе я просто убью себя. А сейчас предлагаю отправиться в тот домик, где великий Эдвард Григ сочинял свои шедевры.

Домик расположился неподалеку от основного дома, в котором обитало семейство Грига. Глянув через стекло в парадной двери, я увидела скромное пианино, стоявшее у стены, рядом примостилось старое кресло-качалка. Возле большого окна с видом на озеро — небольшой письменный стол. А на столе — еще одна лягушка, точная копия моей. Но о лягушках я решила пока не заводить разговор со своим новым знакомым.

— Какой потрясающий вид! — вздохнул Вильем. — Такие красоты могут вдохновить кого угодно.

— Но как-то здесь уж очень одиноко, вы не находите?

— Лично я не имею ничего против одиночества. Более того, я счастлив, когда я один. Наверное, я очень самодостаточный человек, — с некоторым недоумением пожал плечами Каспари.

— Кстати, я в одиночестве тоже чувствую себя вполне комфортно. Хотя в последнее время все чаще ловлю себя на мысли, что одиночество в конце концов сведет меня с ума. — Я взглянула на Вильема с доброжелательной улыбкой. — Ну, что? Пошли назад?

— Да, пора возвращаться. Ко мне в отель к четверем часам должен подъехать журналист. Хочет взять у меня интервью. Администратор здесь, в музее, сказала, что закажет мне такси. А вы где остановились? Могу подвезти вас до города.

— Дело в том, что пока еще нигде. Поездка сюда была довольно спонтанной, потому я не бронировала заранее номер в отеле, — пояснила я Вильему, пока мы спускались вниз с горы. — Думаю, в городе имеется справочно-информационный центр для туристов, и там мне наверняка помогут.

— А почему бы вам для начала не проверить наличие свободных номеров в моем отеле? Чистота идеальная, здание стоит на берегу старинной бухты. Прекрасный вид на фьорд. Кстати, я весьма впечатлен вашим полнейшим безразличием по отношению к тому, где и как устроиться. Лично я, отправляясь в дорогу, бронирую себе номер за многие недели вперед. Мне важно заранее знать, где я буду обитать.

Неопределенность в этом вопросе может надолго выбить меня из колеи.

— Наверное, сказались годы занятий парусным спортом. Они сделали свое дело и сформировали, можно сказать, наплевательское отношение к удобствам или к их отсутствию. Полнейший пофигизм, или, если по-научному, политика *laissez-faire*. Одним словом, мне все равно, где и как. В принципе, я могу спать на чем придется.

— Зато у меня крен в другую сторону. Я буквально помешан на организационных вопросах. Знаю, моя дотошность зачастую сводит с ума всех, кто вынужден общаться со мной.

Я забрала свой рюкзак у Элси, той девушки, которая встретила меня на кассе, потом подождала у входа, пока Вильем утрясал вопросы с такси. Разглядывала его исподтишка и думала, что внутреннее напряжение, которым он постоянно сдается, проявляется и чисто внешне, например, в том, как он держится. Даже сейчас, пока Элси разговаривает по телефону с оператором из таксомоторного парка, выясняя время прибытия машины на место, он не выглядит расслабленным. Глянешь на этого человека со стороны, настоящий солдафон. Каждый мускул напряжен, руки сжаты в кулаки, жилы выпирают наружу.

Гонимый... Именно так, несчастный, гонимый человек, мелькнуло у меня.

— Итак, где же вы обитаете, когда не носитесь по океану под парусом и не блуждаете по белу свету в поисках информации о давно умерших музыкантах и их женах? — поинтересовался он у меня, когда такси наконец прибыло и мы уселись в него.

— В Женеве, в родительском доме.

— То есть своего жилья у вас нет?

— Нет. Да и зачем мне оно? Я вечно в разъездах.

— Вот еще одно кардинальное различие между нами. А я живу в Цюрихе, и моя квартира там — это моя крепость. Мое убежище и пристань. И имейте в виду, я страшный зануда. Мне стоит больших усилий не попросить человека, проходящего ко мне в дом, снять обувь прямо в прихожей или почти силой втиснуть ему в руку гигиеническую салфетку, чтобы он вытер ею свои руки, прежде чем поздороваться со мной.

Я тут же непроизвольно вспомнила, как тщательно протирали свои руки Вильем после того, как закончил играть на рояле.

— Понимаю, со стороны я выгляжу немного чужаковатым, если не сказать больше, — констатировал он и любезно добавил: — А потому не смущайтесь и думайте про меня все что хотите.

— Не вы первый, уверяю вас. Большинство музыкантов, с которыми мне приходилось сталкиваться по жизни, — весьма эксцентричные люди. Порой я даже думаю, что эксцентричность характера — это неотъемлемая часть любой артистической натуры.

— Скорее уж аутистической. Так, во всяком случае, утверждает мой психиатр. Впрочем, между двумя этими типами натур такая тонкая, едва уловимая грань. Мама постоянно твердит мне, что рядом со мной обязательно должна присутствовать какая-нибудь сильная личность. И тогда со мной все будет в полном порядке. Но кто же в здравом уме согласится терпеть все мои фобии? А у вас есть друг?

— Я... Был... Но несколько недель тому назад он погиб, — ответила я, отрешенно уставившись в окно машины.

— Мне очень жаль, Алли. Мои соболезнования.

— Благодарю.

— Даже не знаю, что можно сказать в подобной ситуации.

— О, не переживайте, — постаралась успокоить его я. — Никто не знает.

— И поэтому вы решили отправиться в Норвегию?

— Наверное, да.

Такси медленно покатило вдоль красивой набережной. По одну сторону проезжей части выстроились в ряд деревянные здания, выкрашенные в самые разные цвета: все оттенки белого, бордо, охры, желтого. У всех без исключения домов V-образные крыши, покрытые красной черепицей. Многоцветие красок вдруг запрыгало перед моими глазами и расплылось кругами. Я почувствовала, что еще немного, и из глаз брызнут слезы.

— Что ж, — Вильем откашлялся после продолжительной паузы, — обычно я предпочитаю не вести разговоры на эту тему, но у меня тоже имеется кое-какой опыт по части того, через что пришлось пройти вам. Мой партнер умер пять лет тому назад, сразу же после Рождества. Тяжелые воспоминания.

— Сочувствую! — Я слегка погладила его сжатый кулак. Кажется, он тоже погрузился в невеселые мысли о прошлом.

— Как сказать... В моем случае смерть можно даже посчитать благословением. Джек был очень болен. Очень! И страшно мучился в конце. А у вас?

— Несчастный случай в море. Секундное дело. Мгновение тому назад Тео был еще жив, а в следующее его уже не стало.

— Если честно, даже не знаю, что хуже. Скажем, у меня было хоть какое-то время примириться с мыслью о неизбежном. С другой стороны, мне пришлось ухаживать за больным, видеть страдания человека, которого я любил. Я и сейчас все еще люблю его. Однако не буду больше грузить вас своими проблемами. У вас и своих достаточно. Простите меня за откровенность.

— Не надо просить прощения. Знаете, как ни странно, но мысль о том, что и другим людям тоже пришлось пройти через подобные испытания, утешает, хоть немного... — ответила я, и в эту минуту такси затормозило возле высокого кирпичного здания.

— А вот и мой отель. Предлагаю вам пройти вместе со мной к администратору и узнать, есть ли у них свободные номера. Сильно сомневаюсь, что вам подвернется что-то получше.

— Действительно, вряд ли, если судить по тому, какой красивый вид открывается отсюда, — согласилась я с Вильемом.

Я вышла из такси и увидела, что отель «Хавнеконторет» расположился всего лишь в нескольких метрах от причала. Там на приколе стояла красивая старинная двухмачтовая шхуна.

— Тео тут точно понравилось бы, — добавила я негромко, благодарная своему спутнику хотя бы за то, что он поймет мои слова правильно.

— Да. Тогда идем. Позвольте мне взять ваш багаж.

Я попросила водителя такси подождать пару минут и проследовала за Вильемом в вестибюль. У стойки администратора выяснила, есть ли у них в наличии свободные номера, и тут же забронировала себе место. После чего снова вышла на улицу и отпустила машину.

— Я рад, что все так быстро устроилось, — сказал Вильем, расхаживая возле стойки в ожидании меня и уже пребывая в явном

напряжении. — Однако, кажется, мой интервьюер уже на месте. Ненавижу журналистов, но делать нечего. Увидимся позже.

— Конечно, — согласилась я, проследив глазами за тем, как он быстрой походкой направился к женщине, поджидавшей его в вестибюле.

Расплатившись кредиткой и получив пароль для Wi-Fi, я поднялась на лифте в свой номер. Он расположился под самой крышей, откуда открывался просто фантастический вид на бухту. Уже совсем стемнело. Ночь постепенно вступала в свои права. Я переоделась, сменила джинсы на трико и спортивную фуфайку и включила свой ноутбук. В ожидании, пока заработает интернет, стала размышлять о Вильеме. Несмотря на все его очевидные странности, этот человек мне явно нравился. Но вот засветился экран, и я бросилась проверять свою электронную почту. И обнаружила еще одно письмо от Магдалены Йенсен, которая занималась переводом моей книги.

От: Magdalenajensen1@trabs.no

Кому: Allygeneva@gmail.com

Тема: Grieg, Solveig og Jeg/ Григ, Сольвейг и я

1 сентября 2007 года

Дорогая Алли!

Пересылаю Вам вторую часть перевода. Саму книгу я отправлю по почте на Ваш женевский адрес. Надеюсь, вы получите удовольствие от чтения. История очень интересная.

С пожеланиями всего наилучшего, Магдалена.

Щелкнув на клавишу «Открыть вложение», я нетерпеливо уставилась на экран в ожидании, когда компьютер загрузится текстом второй части перевода. Но вот операция завершена, и я снова погружаюсь в чтение...

Анна

*Христиания, Норвегия
Август 1876 года*

25

— Анна, дорогая моя! Как хорошо, что вы наконец вернулись! — не переставала восклицать фрекен Олсдаттер, сопровождая Анну в прихожую и помогая ей раздеться. — Герр Байер пока еще в Дробаке. В квартире никого. Просто мертвая тишина какая-то... Как отдохнули в деревне?

— О, прекрасно. Жаль только, мало, — ответила Анна, проследовав за экономкой в гостиную.

— Чашечку чая?

— С удовольствием, — обрадовалась Анна.

— Сию минуту принесу.

Фрекен Олсдаттер заторопилась на кухню, оставив Анну одну. А та вдруг подумала, как же она рада снова оказаться в Христиании рядом с заботливой и внимательной фрекен Олсдаттер. *«Ну и пусть кто-то посчитает, что городская жизнь меня испортила. А мне все равно, что они там подумают»*, — решила она про себя и с облегчением вздохнула при мысли, что уже сегодня будет спать на удобном матрасе, а завтра утром ей подадут завтрак прямо в постель. Не говоря уже о том, что впереди ее ждет горячая ванна...

В гостиной снова возникла фрекен Олсдаттер с подносом в руках, нарушив ход мыслей Анны.

— У меня для вас полно новостей, — промолвила она, разливая чай по чашкам из тончайшего фарфора. Одну чашку она протянула Анне. — Герр Байер пока не может вернуться в Христианию. Его бедная матушка очень больна. Герр Байер полагает, что скоро уже наступит конец ее страданиям. Разумеется, он хочет провести последние дни жизни матери рядом с ней. А поэтому вплоть до его возвращения вы поступаете на мое попечение.

— Мне очень жаль, что матушка герра Байера так серьезно больна, — поспешила отреагировать на эту новость Анна, хотя в глубине души она была только рада тому, что на какое-то время возвращение герра Байера в Христианию откладывается.

— Через день в театре уже начнутся репетиции. Я буду сопровождать вас. Будем ездить на трамвае туда и назад. После того как допьете чай, ступайте к себе в комнату и взгляните на те обновки, которые вам приобрел герр Байер. Зимняя одежда, которую он специально заказывал в ателье, уже доставлена. Прекрасные вещи, доложу я вам! Там вас еще и письмо ждет. Я специально отнесла его к вам в комнату.

Через десять минут Анна была уже у себя в комнате. Она открыла дверцу гардероба и с восхищением обнаружила, что он заполнен множеством красивейших нарядов, сшитых под заказ. Блузки модных фасонов из нежнейшего шелка и муслина, юбки из тонкой шерстяной материи, два изысканных вечерних платья. Одно — цвета топаза, второе — дымчато-розового цвета. Плюс два новых корсета, несколько пар штанишек и чулки, такие тонкие, что смахивали на паутинку.

Анна невольно покраснела при мысли о том, что герр Байер самолично заказывал для нее столь интимные предметы гардероба, но она тут же отогнала эти мысли прочь. Почему обязательно герр Байер? Вполне возможно, бельем как раз занималась фрекен Олсдаттер. На самой верхней полке платяного шкафа стояли две пары новеньких туфель на высоких каблуках. Одна пара атласных туфелек в тон бледно-розовому платью с крохотными серебряными пуговками спереди, вторая пара — цвета слоновой кости, богато украшенная белоснежной вышивкой. Анна тут же принялась примерять розовые туфельки, но в этот момент взгляд ее упал на шляпную коробку. Она осторожно сняла коробку с полки, открыла ее и издала восхищенный возглас. Шляпа с самой вычурной отделкой перьями и лентами была в тон розовому платью. Анна еще никогда в жизни не видела подобной красоты. Она вдруг вспомнила, как в самый первый свой день в Христиании увидела на железнодорожном вокзале дам в красивых шляпках и как восторгалась тогда этими предметами туалета. Так вот, шляпка, которую она с великой предосторожностью тотчас же водрузила себе на голову, затмевала своей красотой все увиденные тогда головные уборы. Какое-то время Анна старательно училась

ходить на высоких каблуках и в шляпке на голове. Медленно расхаживала по комнате и сама себе казалась и выше, и много старше своих лет. И не переставала удивляться тому, как же сильно она изменилась с тех пор, как приехала в Христианию.

Потом, не снимая шляпу с головы, уселась за письменный стол и взяла письмо, которое оставила для нее фрекен Олсдаттер. И сразу же подавила тяжелый вздох, увидев, что оно от Ларса. Нехотя вскрыла конверт, уже заранее опасаясь того, что он написал ей.

Сталсберг Ванингшусет

Тиндевеген

Хедда

22 июля 1876 года

Дорогая Анна!

Я обещал, что напишу тебе, чтобы разъяснить некоторые подробности того короткого разговора, который у нас с тобой состоялся в ночь после свадьбы твоего брата.

Для меня за последние несколько месяцев стало вполне очевидным, что жизнь в Христиании полностью изменила твои представления и планы на будущее. И, пожалуйста, дорогая Анна, не вини себя за это. Естественно, они должны были поменяться, а как же иначе? У тебя большой талант, и, что еще важнее, этот талант заметили важные столичные люди. Они могут отшлифовать его, а затем представить всему миру.

Хотя твои родители полагают, что никаких кардинальных изменений в твоей жизни не произошло, я-то понимаю — изменилось многое. Очень многое. Этой осенью ты появишься на сцене Театра Христиании в роли Сольвейг. Отличная возможность, которая тоже обязательно должна повлиять и на тебя, и на твое будущее. Как ни тяжело мне сознавать это, но я должен принять и смириться с тем, что, скорее всего, брак со мной уже более не входит в твои планы. Более того, он и не привлекает тебя. Я очень сильно сомневаюсь в том, что он вообще привлекал тебя когда-нибудь.

Понимаю, твои моральные принципы, твое доброе сердце никогда бы не позволили тебе открыто признаться в этом, выказать свои истинные чувства по отношению ко мне. Естественно, ты ни за что на свете не хотела обижать меня, не говоря уже о том, что, как

послушная дочь, ты никогда не посмела бы перечить воле родителей. Поэтому, как мы с тобой и договорились, я сам сообщу им о своем решении. Скажу, что не могу больше ждать тебя. Твой отец уже купил у меня землю, что существенно улучшило мои финансовые возможности. Признаемся друг другу честно: из тебя выйдет плохая домашняя хозяйка, так и из меня плохой фермер. А сейчас, когда отца больше нет в живых, ничто более не удерживает меня в здешних местах.

Тем более что на горизонте замаячила альтернатива.

Должен сообщить тебе, Анна, что сравнительно недавно я получил письмо от издателя из Нью-Йорка, господина Скрибнера, того человека, которому, как я писал тебе ранее, я отправил свои стихи. Так вот, они хотят опубликовать их и даже предложили мне за публикацию небольшой гонорар. Как ты знаешь, я всегда мечтал уехать в Америку. А сейчас, когда у меня появились деньги после продажи земли, мне вполне по силам осуществить такое путешествие. Можешь вообразить, как волнующа для меня такая перспектива. Сама мысль о том, что мои стихи будут опубликованы, что они увидят свет... Это же неслыханная честь для меня. Конечно, моим самым заветным желанием всегда было видеть тебя моей женой, чтобы мы вместе поехали в Америку и начали там нашу новую жизнь вдвоем. Однако судьба распорядилась иначе. Но даже если бы обстоятельства сложились по-другому, признайся, Анна, ты ведь никогда не смогла бы полюбить меня так, как люблю тебя я.

У меня нет обиды на тебя, Анна, и я от всей души желаю тебе только добра. Сам Господь управил наше будущее, даровав нам, пусть и странным образом, свободу выбора, чтобы мы могли идти далее по жизни каждый своим путем. К великому сожалению, наши пути расходятся. Хотя нашей свадьбе уже не бывать, но надеюсь на то, что останусь тебе добрым другом.

Я отплываю в Америку через полтора месяца.

Ларс

Анна присела на кровать и положила письмо рядом с собой, после чего погрузилась в глубокую задумчивость. Письмо Ларса тронуло ее своей искренностью и одновременно взволновало до слез.

Америка... А ведь она всегда считала, что для Ларса Америка — это так, детские фантазии и мечты, не воспринимала его слова всерьез. И вот вам пожалуйста! Ларс отправляется в Америку. Там опубликуют его стихи... И кто знает, быть может, в один прекрасный день он сравнится славой с самим Генриком Ибсеном.

Впервые в жизни Анна увидела Ларса в новом свете. Нет, он не жертва, не грустная собачонка, которой нужно просто немного ласки. И хотя он продал землю, обещанную в качестве приданого, ее отцу, зато получил отличную возможность вырваться из Хеддала, осуществить наконец свою мечту, как и Анна осуществляет свою.

По крайней мере, хоть это утешало.

А вот интересно, поехала бы она вместе с ним в Америку, если бы он позвал ее туда?

— Нет!

Ответ сорвался с ее уст сам собой. Она откинулась на подушки. Новая атласная шляпка сползла ей на глаза.

*Улица Святого Олафа, дом 10,
квартира 4*

4 августа 1876 года

Дорогой Ларс!

Спасибо тебе за письмо. Очень рада, что впереди тебя ждет такое прекрасное будущее. Надеюсь, ты мне обязательно напишешь из Америки. И еще раз спасибо тебе огромное за все, что ты для меня сделал. Твоя помощь в обучении чтению и письму очень облегчила мою нынешнюю жизнь здесь, в Христиании.

Передай мамочке и отцу, что я очень-очень люблю их. Надеюсь, они не станут сердиться и кричать на тебя, когда ты сообщишь им о том, что наша с тобой свадьба отменяется. И как это благородно с твоей стороны — взять всю вину на себя.

Очень надеюсь, что в Америке ты найдешь себе жену получше меня. Я тоже очень хочу остаться тебе другом.

Анна

Анна запечатала письмо в конверт, и тут, кажется, впервые до нее дошло все значение и важность того, о чем написал ей Ларс. И так,

отныне он ей только друг, и он уезжает в Америку. Скорее всего, она будет скучать о нем.

«А что, если бы я вышла за него замуж?» — спросила она себя мысленно и, поднявшись из-за стола, подошла к окну. Уставилась в глубокой задумчивости на улицу внизу. «Ларс был так добр и внимателен. Наверняка в Америке его ждет успех, а я так и умру здесь в старых девах...»

Она вышла в коридор, чтобы положить письмо на серебряный поднос для дальнейшей отправки, и в эту минуту почувствовала, как порвалась последняя тонюсенькая ниточка, связывавшая ее с прошлой жизнью.

* * *

Репетиции спектакля «Пер Гюнт» начались через три дня. Основная труппа, а многие из артистов участвовали и в премьерной постановке, встретили Анну очень доброжелательно и, как могли, помогали ей. Но если пение и заучивание текстов песен по-прежнему не вызывали никаких проблем, то выступать на сцене в качестве драматической актрисы оказалось совсем не так просто, как предполагала Анна. Все время случались какие-то досадные сбои. То она встанет на нужное место, но при этом забудет произнести свою реплику, то произнесет слова своей роли без запинки, но не сумеет отразить на лице нужные переживания. Режиссер-постановщик спектакля герр Джозефсон был предельно терпелив, работая с ней. Но Анна постоянно чувствовала себя не в своей тарелке. «Это все равно, — думала она, — что во время быстрого танца тебя то гладят по головке, то щиплют за живот».

На четвертый день репетиций она и вовсе пала духом, решив, что у нее ничего и никогда не получится. Уже на выходе из театра она вскрикнула от неожиданности, когда кто-то крепко схватил ее за руку в тот момент, когда она направлялась к служебному входу.

— Фрекен Ландвик, до меня дошла новость о том, что вы вернулись в Христианию. Как провели время в деревне?

Анна увидела перед собой Йенса Халворсена Ужасного. Сердце екнуло в груди. Впервые он стоял так близко. Правда, он слегка разжал

свою руку, но продолжал удерживать Анну. Даже через ткань рукава она чувствовала, какая горячая у него рука. Анна нервно сглотнула слюну и повернулась к нему лицом. И невольно поразились тем переменам, которые произошли в Йенсе. Его всегда сияющие здоровым блеском кудри висели вокруг лица неопрятными патлами, вместо элегантного костюма на нем было что-то мятое и не вполне чистое. Такое впечатление, что он уже не мылся несколько недель кряду, и ее обоняние подтвердило, что она права в своих догадках.

— Я... Меня ждет на улице моя опекунша, — растерянно прошептала она. — Пожалуйста, отпустите мою руку.

— Сейчас отпущу. Но только после того, как скажу, что я страшно скучал без вас. Надеюсь, я в полной мере доказал вам свою любовь и преданность. Так умоляю, скажите же мне, когда вы соизволите встретиться со мной?

— Я не стану с вами встречаться! — отрезала она.

— Тогда я буду преследовать вас здесь, в театре. Вы же понимаете, фрекен Ландвик, что ничто и никто не смогут помешать мне в этом, — крикнул он ей уже вдогонку, когда она торопливо открыла служебную дверь и с громким стуком захлопнула ее за собой.

И действительно, всю следующую неделю Йенс каждый день упорно караулил ее после репетиций на выходе из театра.

— Герр Халворсен, это уже выходит за все рамки приличия, — рассерженно прошептала Анна в один из дней, перехватив любопытный взгляд вахтера. Халберт, по своему обыкновению, восседал в будке и с интересом наблюдал за развитием их романа.

— И пусть себе выходит! Надеюсь, что в конце концов вы сдадитесь и позволите мне хотя бы пригласить вас на чашечку чая.

— Думаю, моя опекунша с удовольствием составит нам компанию. Пожалуйста, поставьте ее в известность о вашем приглашении, — обронила Анна, минуя молодого человека и с трудом сдерживая улыбку. На самом деле эти ежедневные встречи с Йенсом стали для нее самыми долгожданными и приятными событиями дня. Она уже заранее предвкушала каждую встречу с ним и даже постепенно стала расслабляться, понимая, что они оба затеяли такую увлекательную игру в кошки-мышки. В конце концов, а что такого? Ларс больше «не ждет ее», а она, если уж быть честной до конца, все лето только и грезилась о Йенсе, несмотря на все свои тщетные усилия

забыть его. Словом, Анна чувствовала, что ее решимость продолжать держать оборону до последнего постепенно тает.

И вот в следующий понедельник после долгих выходных, проведенных в квартире наедине с фрекен Олсдаттер, Анна услышала из уст экономки нечто неожиданно приятное. Оказывается, фрекен Олсдаттер надо срочно отлучиться куда-то по делам герра Байера. Но она считает Анну вполне разумной и самостоятельной девушкой и полагает, что та сумеет и одна вернуться на трамвае домой. Покидая после репетиции театр, Анна точно знала, что наконец-то наступил подходящий момент, когда можно сдаться на милость победителя.

Йенс, как всегда, поджидал ее на выходе из театра.

— Когда же вы наконец скажете «да» в ответ на мою просьбу, фрекен Ландвик? — жалобно спросил он, когда она прошествовала мимо него. И добавил: — Должен признаться, что ваше упрямство постепенно подрывает мою решимость и впредь добиваться встречи с вами.

— Тогда сегодня? — спросила она, резко повернувшись к нему.

— Я... да, хорошо! Сегодня...

Ошеломленное лицо Йенса позабавило Анну.

— Предлагаю отправиться в кафе «Энгебрет». Оно на другой стороне площади. В паре минут ходьбы от театра.

Анна была много наслышана об этом кафе. Конечно, заманчиво увидеть его своими глазами. Но как же быть с осторожностью?

— А что, если кто-то из знакомых увидит нас там вместе? И я одна, без сопровождения... Это же неприлично...

— Да кто там нас увидит! — хохотнул в ответ Йенс. — «Энгебрет» — это место, где собираются в основном представители богемы и пьяные музыканты. А им, уверяю вас, наплевать на все. Даже если вы станцуете на столе голой, они и глазом не моргнут. Кроме своего стакана, ничего не видят вокруг. Поверьте мне на слово, на нас попросту не обратят внимания. Пойдемте же скорее, фрекен Ландвик. Зачем понапрасну терять время?

— Хорошо, тогда идем, — согласилась Анна, чувствуя приятное волнение в груди.

Молодые люди молча вышли из театра, пересекли площадь и вошли в кафе. Анна сразу же высмотрела столик в самом темном и спокойном уголке зала. Они уселись за стол, и Йенс заказал чай.

— Итак, Анна, расскажите же мне, как вы провели лето.

— Думаю, гораздо лучше, чем вы, если судить по вашему внешнему виду. Выглядите вы... не очень, я бы сказала... Больны, что ли?

— Спасибо за то, что нашли такое вежливо обтекаемое слово «не очень». — Йенс издал короткий смешок, явно забавляясь ее прямолинейностью. — Но я не болен, спешу успокоить вас. Просто на данный момент сижу без денег. А еще мне не помешала бы хорошая ванна. Да и одежду пора сменить. Зато Саймон, он играет вместе со мной в оркестре, говорит, что сейчас я стал похож на настоящего музыканта. Добрый человек! Пустил меня к себе на постой, когда я вынужден был уйти из родительского дома.

— Боже мой! Но почему?

— Отец категорически не одобрил моего увлечения музыкой. Он хотел, чтобы я пошел по его стопам и со временем возглавил наш пивоваренный бизнес, которым владели еще мои предки.

Анна смотрела на Йенса в немом восхищении. Надо же! Какую силу духа надо иметь, подумала она, чтобы порвать со своей семьей, отказаться от домашнего комфорта, и все ради искусства...

— Впрочем, с началом театрального сезона ситуация стала постепенно выправляться. Я наконец-то стал зарабатывать деньги. Что позволит мне в обозримом будущем переехать в более приличное место. Отто, наш гобоист, вчера сказал, что готов сдать мне комнату в своей квартире. Его жена недавно умерла, а она была довольно зажиточной особой. Надеюсь, условия жизни там более комфортные. Кстати, квартира Отто всего лишь в пяти минутах ходьбы от дома, в котором живете вы, Анна. Так что в перспективе мы с вами станем соседями. Будете приходить ко мне на чай, договорились?

— Рада, что у вас наметились перемены к лучшему, — сдержанно ответила она.

— Вот так бывает в нашей жизни. Я оказался в сточной канаве, а ваша звезда, напротив, воссияла высоко в небе. Надеюсь, со временем вы станете богатой женщиной и будете покровительствовать всяким нищим музыкантам... Таким, как я, — шутливо заметил Йенс, когда им принесли чай. — Вот я смотрю на вас сейчас и откровенно люблюсь. Красивый наряд, шикарная парижская шляпка. Просто живое воплощение современной молодой девушки при деньгах.

— А, не говорите так. Моя звезда может рухнуть, еще не успев зажечься. Думаю, из меня вряд ли получится хорошая актриса. Возможно, в скором времени я вообще лишусь работы, — неожиданно для себя разоткровенничалась Анна, явно обрадовавшись тому, что нашелся человек, которому она может довериться и с кем можно пооткровенничать.

— Что за ерунда, Анна. Я вчера собственными ушами слышал, как герр Джозефсон говорил герру Хеннуму, когда оркестр собрался на свою первую репетицию, что дела у вас идут «совсем недурно».

— Вы не понимаете меня, герр Халворсен. Одно дело — стоять перед публикой и петь. Это для меня привычное занятие. И совсем другое — играть на сцене драматическую роль. У меня такое чувство, что я просто боюсь сцены, — горячо возразила Анна, бесцельно теребя ручку чашки. — Пока и представить себе не могу, каково это будет — выйти перед публикой на самом первом представлении.

— Анна... можно мне называть вас Анной? А вы зовите меня Йенсом. По-моему, мы уже достаточно давно знакомы друг с другом и можем позволить себе такое обращение.

— Да, пожалуйста... Зовите меня Анной, я не возражаю. Но только когда мы вдвоем.

— Благодарю вас, Анна. Так вот, я продолжаю... Уверен, публика придет в полнейший восторг от вашей красоты и от того, как вы поете. А на все остальное, на то, что и как вы там станете говорить, они попросту не обратят внимания.

— Вы очень добры... Йенс. Но, честное слово, от всех своих страхов я потеряла сон. Больше всего на свете боюсь кого-нибудь подвести.

— Уверен, такого не случится. А сейчас расскажите, как там поживает ваш суженый?

— Он собирается уехать в Америку. Один, — ответила Анна, осторожно подбирая каждое слово и стараясь не встречаться взглядом с Йенсом. — Мы больше не помолвлены.

— Мои соболезнования... Хотя, с другой стороны, эта новость одномоментно сделала меня самым счастливым человеком на свете. Я ведь не переставал думать о вас все то время, что мы не виделись. Только мои думы о вас помогли мне пережить это сложное для меня лето. Признаюсь без лишних слов, я влюблен в вас по уши.

Какое-то время Анна молча смотрела на Йенса, потом тихо промолвила:

— Как так можно? Вы же меня совсем не знаете. Мы едва обменялись с вами парой фраз. Как же можно полюбить человека, не зная его? Ведь любят за что-то... За характер... За добрый нрав...

— О, я прекрасно знаю вас, Анна. Намного лучше и глубже, чем вы думаете. Например, я знаю, что вы очень скромная девушка. Помню, как вы краснели от смущения на том суаре, когда слушатели восторженно приняли ваше пение и долго аплодировали вам после выступления. Потом, я знаю, что вы спокойно относитесь к своей внешности, потому что не вижу на вашем лице ни следов пудры, ни румян. Еще я понимаю, что вы по-настоящему цельный человек и преданный друг, что у вас есть твердые моральные принципы. Вот почему мне так тяжело дался весь этот период ухаживания за вами. А еще мне почему-то кажется, что если вы уже что-то решили для себя, то будете потом стоять на своем до конца. Упрямица вы такая! Из собственного опыта могу сказать, что я еще не встречал женщины, которая бы швыряла в огонь письма от своего ухажера, даже не удосужившись взглянуть на них. Даже в том случае, если она — да! — считала его пылкие ухаживания не совсем подходящими.

Анне стоило большого труда скрыть свое изумление. Она искренне поразилась пронизательности Йенса.

— И все же, — начала она, нервно сглотнув слюну, — вы многого обо мне *не знаете*. К примеру, моя мама считает меня никудышной хозяйкой. Готовлю я из рук вон плохо. Шить вообще не умею. Отец говорит, что я могу ухаживать только за животными, но никак не за людьми.

— А мы станем жить, питаясь нашей любовью. И заведем себе кота, — пошутил в ответ Йенс.

— Прошу простить, но мне действительно пора домой. Тем более сейчас подойдет мой трамвай, — сказала Анна, поднимаясь из-за стола. Она достала из сумочки несколько монеток и положила их на стол. — Пожалуйста, позвольте мне самой расплатиться за чай. Всего доброго... Йенс.

— Анна! — Он схватил ее за руку, когда она уже собралась уходить. — Но мы же с вами встретимся еще, да?

— Вы же прекрасно знаете, что я бываю в театре каждый день, с десяти утра и до четырех дня.

— Тогда я буду ждать вас ровно в четыре на нашем месте! — крикнул он вдогонку, когда она уже открывала дверь. Когда Анна ушла, Йенс глянул на монетки, оставленные на столе. Хватит не только на то, чтобы расплатиться за чай, но и заказать себе еще миску супа и стопку тминной водки.

Усевшись в трамвае, Анна мечтательно закрыла глаза и улыбнулась. Как прекрасно побыть наедине с Йенсом Халворсеном. То ли потому, что так резко изменились его жизненные обстоятельства, то ли потому, что он так долго и упорно преследовал ее своими ухаживаниями, но Йенс уже больше не казался ей самовлюбленным хлыщом, надменным и капризным мальчишкой, каким он предстал перед ней в самом начале их знакомства.

— О Господи, — горячо молилась она в тот вечер перед сном, — прости мне, пожалуйста, если я скажу, что не считаю Йенса Халворсена Ужасного таким уж плохим человеком. Жизнь испытала его на прочность, и он во многом стал другим. Ты знаешь, Господи, как я изо всех сил старалась не поддаться соблазну, но... — Анна слегка прикусила губу. — Думаю, сейчас я уже могу уступить. Аминь.

* * *

Все время, пока длились репетиции и вплоть до первого спектакля в новом сезоне, Анна и Йенс встречались регулярно, каждый день. Во избежание всяких компрометирующих слухов, Анна предложила Йенсу, чтобы он поджидал ее уже в самом кафе «Энгебрет». Там во второй половине дня всегда было спокойно и тихо. Особого наплыва посетителей не наблюдалось, и мало-помалу Анна стала терять бдительность. Однажды она даже позволила Йенсу взять ее за руку. Прецедент был создан, после чего они постоянно сидели за столом, сплетя пальцы своих рук воедино, ничуть не опасаясь, как это выглядит со стороны. Конечно, возникли некоторые проблемы. Разливать чай одной рукой или добавлять в чашки молоко было совсем даже не просто. Но ей-же-богу! Все эти неудобства с лихвой

компенсировались непередаваемыми мгновениями самого настоящего блаженства.

Йенс тоже стал больше походить на себя прежнего. Он перебрался на квартиру к Отто и, по его словам, наконец-то избавился от вшей и клопов. У Отто была прислуга. Она обстирывала и Йенса. Анна с облегчением отметила про себя, что пахнуть от молодого человека стало гораздо лучше.

Но главное, что волновало Анну и занимало все ее мысли, так это нежные и на первый взгляд вполне невинные, но многообещающие прикосновения его руки к ее руке, когда она всем своим естеством чувствовала его кожу на своей коже. Больше ни о чем другом она и думать не могла. Наконец-то ей открылась вся правда характера Сольвейг и стало понятно, почему она так многим пожертвовала ради своего любимого Пера.

Чаще всего влюбленные сидели молча, даже не прикасаясь к чаю. Они словно пили друг друга, подпитываясь обуревающими их чувствами. И хотя Анна постоянно твердила себе, что должна быть начеку, что надо соблюдать осторожность, в глубине души она прекрасно понимала, что уже сдалась на милость победителю. И чем дальше, тем все больше подпадает под его чары.

26

За три дня до открытия сезона в Театре Христиании возобновились интенсивные совместные репетиции оркестра и актеров, занятых в постановке спектакля «Пер Гюнт». На сей раз Анна уже больше не делила раздевалку, расположенную в глубине кулис, с Руди и другими детьми, задействованными в спектакле. Ей выделили примерную, которую ранее занимала сама мадам Хенсон. Шикарное помещение, одна стена которого была сплошь из зеркал. А еще в комнате стояла кушетка со спинкой вместо изголовья, обитая бархатом, на которую можно было прилечь и немного отдохнуть, если чувствуешь усталость после репетиций.

— Красивая комната, правда, Анна? — коротко прокомментировал увиденное Руди, забежав взглянуть, как она обустроилась на новом месте. — Могу сказать, что за последние несколько месяцев кое-кто из нас взлетел до небес. Не будете возражать, если я изредка стану

забегать к вам, чтобы пообщаться? Или теперь я для вас уже неподходящая компания?

Анна ущипнула мальчишку за его пухлые румяные щечки и весело рассмеялась.

— Времени на то, чтобы играть с тобой в карты, у меня точно не будет. А в остальном... Приходи, когда пожелаешь.

Зайдя к себе в гримерную в первый вечер нового сезона, Анна обнаружила, что вся комната утопает в цветах. Множество открыток с пожеланиями успеха. Одно письмо было даже от родителей и от Кнута. Анна не стала читать его сразу. Отложила в сторону. Наверняка в письме сожаления о разорванной помолвке с Ларсом. Пока Ингеборг, гримерша Анны, наносила ей на лицо грим, она бегло просмотрела другие послания. Добрые слова всех, кто не забыл поздравить ее со столь знаменательным событием, трогали. Среди прочих открыток выделялась одна с прикрепленной к ней алой розой. Анна взяла открытку в руки, и в тот же миг все тело пронзила сладостная дрожь.

Я буду рядом. Буду наблюдать сегодня вечером за Вашим восхождением к звездам. Чувствую всем сердцем, что так оно и будет.

Пой, моя прекрасная птичка. Пой!

Й.

Но вот раздался звонок, возвещающий начало спектакля. Анна мысленно вознесла молитву.

— Господи, не дай мне сегодня опозориться и опозорить свою семью. Аминь.

После чего поднялась со стула и направилась за кулисы.

* * *

Анна знала, что какие-то мгновения этого незабываемого вечера навсегда запечатлеются в ее памяти. Достаточно вспомнить то ужасное состояние, в котором она вышла на сцену во втором акте и вдруг поняла, что начисто забыла весь текст роли. В отчаянии она глянула в оркестровую яму и увидела Йенса, который лихорадочно артикулирует ей забытые строки. Анна быстро пришла в себя. Пожалуй, публика

даже не успела ничего заметить. И все же до конца спектакля Анна заметно нервничала. Разве что в заключительной сцене, когда она запела «Колыбельную песню», а Пер положил ей голову на колени и они остались на сцене только вдвоем, она обрела прежнюю уверенность, и голос ее снова полился широко и свободно, переполняя эмоциями всех, кто ее слушал.

Но вот растаяла в воздухе последняя нота, и раздались бурные аплодисменты. Потом последовали бесконечные вызовы. Множество букетов было вручено ей и Мари, актрисе, которая исполняла роль матери Пера. Наконец упал финальный занавес, и Анна, едва сойдя со сцены, тут же громко разрыдалась, припав к плечу герра Джозефсона.

— Ну же! Моя дорогая девочка... Не надо плакать, — принялся успокаивать он ее.

— Я сегодня была ужасна! Я знаю это! Хуже просто не бывает!

— Вовсе нет, Анна! Разве вы не понимаете, что ваша естественная скованность лишь добавляет очарования ранимой натуре Сольвейг? А уж в самом конце спектакля... публика и вовсе была покорена вашим пением. Эта роль словно специально написана для вас... Думаю, и Генрик Ибсен, и маэстро Григ будут довольны, увидев вас на сцене. Я уже не говорю о том, как вы пели сегодня. Не голос, а мечта... Впрочем, как всегда. А потому, моя дорогая девочка, — герр Джозефсон осторожно смахнул пальцем слезинку со щеки Анны, — ступайте к себе и начинайте праздновать свой успех.

Когда Анна вернулась к себе в гримерную, там уже было не протолкнуться. Множество поклонников и доброжелателей, и все хотели присутствовать при коронавании новой принцессы, причем выращенной здесь, дома. Анна из последних сил старалась не ударить в грязь лицом. Вежливо беседовала с каждым, произносила в ответ на похвалы нужные и правильные слова. Но вот в гримерную вошел герр Хеннум и тут же выставил всех остальных посетителей за дверь.

— Я сегодня с большим удовольствием дирижировал оркестром. Радовался тому, что могу лицезреть, Анна, ваш дебют на сцене. Нет, не скажу, что ваша игра была верхом совершенства. Но все придет постепенно, с опытом. Вы приобретете уверенность, станете держаться на сцене раскованнее и свободнее. В этом я не сомневаюсь, поверьте. А сегодня, пожалуйста, постарайтесь в полной мере насладиться своим успехом. Вы его вполне заслужили. Христиания у

ваших ног. Через пятнадцать минут в фойе театра состоится банкет в честь открытия нового театрального сезона и первого спектакля. Герр Джозефсон зайдет за вами и лично сопроводит вас к гостям.

Дирижер откланялся и вышел из примерной. Анна осталась одна.

Когда она переодевалась, в дверь негромко постучали, и просунулась мордашка Руди.

— Прошу прощения, фрекен Анна, меня попросили доставить вам записку. — Он с веселой ухмылкой вручил ей послание. — Позвольте также сказать вам, что сегодня вы были очень красивы. А вы не попросите мою маму, чтобы она отпустила меня на банкет вместе с вами? Думаю, она разрешит, если попросите именно вы.

— Ты же знаешь, Руди, я не могу этого сделать. Но раз ты уже здесь, то, пожалуйста, помоги мне застегнуть платье.

Когда Анна появилась в фойе в сопровождении герра Джозефсона, собравшиеся встретили ее бурными аплодисментами. Йенс наблюдал за своей возлюбленной издалека. Еще никогда он не любил ее так сильно, о чем он постарался сообщить Анне в записке, которую передал ей Руди. Йенс следил за тем, как Анна мило улыбается, как непринужденно беседует с гостями, и невольно поражался тому, как же высоко взлетела его райская птичка с тех самых пор, как он впервые услышал ее пение.

И тут же сердце у него упало. К Анне приближалась знакомая фигура. Огромные усы, явно завитые вручную, выражение полнейшего ликования на лице. Все невольно расступались перед этим человеком, давая ему дорогу.

— Анна! Моя дорогая юная барышня! Даже болезнь моей матушки не смогла удержать меня вдали от вас. Я не мог не приехать, хотел самолично стать свидетелем вашего триумфа. Вы были великолепны, моя дорогая. Просто великолепны!

Йенс заметил, как на какое-то мгновение у Анны напряглись черты лица, но уже в следующую минуту она взяла себя в руки и тепло поздоровалась с герром Байером. Йенс предпочел немедленно удалиться прочь. Теперь, когда рядом с Анной замельтешила фигура ее наставника, вряд ли у него будет шанс перекинуться с ней парой слов наедине, чтобы сказать ей лично, как он гордится ею и ее выступлением.

По своему обыкновению, Йенс ретировался в «Энгебрет», чтобы залить свое подпорченное настроение водкой. Уж он-то, в отличие от Анны, прекрасно видел и понимал, откуда ветер дует. Одно дело — отвязаться от притязаний деревенского соискателя руки и сердца. И совсем другое — герр Байер. Вне всякого сомнения, этот человек влюблен в свою воспитанницу. К тому же он может дать ей все, что она пожелает. Еще каких-то несколько месяцев тому назад, с грустью подумал Йенс, он тоже мог осыпать Анну своими дарами и подношениями.

Впервые за все это время он задумался, а так ли уж правильно он поступил, уйдя из дома. Не совершил ли он тогда непоправимую ошибку?

* * *

— *«Фрекен Ландвик пока еще не демонстрирует той уверенности, которая отличала игру мадам Хенсон в роли Сольвейг. Такая уверенность в себе дается лишь многолетней практикой, но недостаток сценического опыта с лихвой компенсируется юностью фрекен Ландвик и совершеннейшим исполнением ею песен Сольвейг».*

— А в утреннем выпуске «Дагбладет» рецензент особо отметил вашу красоту и молодость. А еще...

Но Анна не слушала герра Байера. Она была счастлива уже тем, что весь этот кошмар, которым стало для нее первое выступление на сцене, позади. А думать о том, что начиная с завтрашнего вечера еще много раз придется выходить на подмостки, она пока просто не могла.

— К великому сожалению, Анна, я могу остаться в Христиании лишь до утра. А затем должен снова отправиться на пароме к матушке. Как можно скорее оказаться рядом с ней, — промолвил герр Байер, закрывая газету.

— А как она сейчас?

— Не хуже и не лучше, — тяжело вздохнул он в ответ. — У моей матери всегда была необыкновенная сила духа. Она-то и держит ее на этом свете. Помочь ей я, к сожалению, ничем не могу. Разве что буду рядом с ней, пока не наступит конец. Но хватит о грустном. Сегодня, Анна, я хочу устроить для нас особо торжественный ужин. С

интересом послушаю ваш рассказ о том, что произошло в вашей жизни за то время, что мы с вами не виделись.

— О, я буду только рада. Правда, я чувствую себя немножко уставшей. Можно я немного отдохну перед ужином?

— Конечно, моя юная барышня. И еще раз примите мои самые искренние поздравления.

Франц Байер молча проследил за тем, как Анна вышла из комнаты, и удивился, как сильно она изменилась за минувший год. И даже за то короткое время, что они не виделись. Анна всегда представлялась ему таким нежным бутонем, который вот-вот должен распусться. Но сейчас она действительно в полном цвету. Прекрасна, словно богиня, а под его умелым руководством приобрела особую грациозную статью, превратившись в по-настоящему изысканную барышню.

Несмотря на то что Анна только что заявила об усталости, она вся как будто светилась изнутри. Что-то неуловимое появилось во всем ее облике, что-то такое, что он пока не мог понять и объяснить. Оставалось лишь надеяться, что все эти перемены, случившиеся с его воспитанницей, не имеют никакого отношения к тому скрипачу, который аккомпанировал ей на суаре в июне месяце. Профессору тогда даже показалось, что девушка увлеклась молодым человеком. Да и герр Джозефсон пошутил не без намека при встрече с ним. Так и сказал: «вовремя же ты, Франц, вернулся в город». А потом между делом сообщил ему, что его воспитанницу неоднократно замечали в обществе того самого скрипача в кафе «Энгебрет».

До поры до времени герр Байер предпочитал не распространяться в разговоре с Анной о своих планах на будущее. Он не хотел заранее пугать ее или настраивать против себя. Но после разговора с герром Джозефсоном он понял, что наступил момент, когда надо открыто заявить о своих намерениях.

* * *

— Моя дорогая юная барышня, как вы ослепительно хороши сегодня вечером! — приветствовал герр Байер появление Анны в столовой. Анна была в вечернем платье цвета топаз. Слова наставника

она восприняла равнодушно. Сейчас все эти люди, особенно мужчины, твердят ей, какая она красавица, подумала она про себя даже с некоторым раздражением, но хотела бы она послушать, что они сказали бы, если бы увидели ее без слоя пудры на лице. Сразу бы выступили все веснушки, придающие ей простоватый деревенский вид.

В ответ на комплимент герра Байера она постаралась ответить не менее галантной любезностью, восхитившись его элегантным новым галстуком, впрочем, весьма пестрой расцветки. Оставалось лишь надеяться, что наставник не заподозрит ее в неискренности.

— Как поживают ваши близкие?

— О, дома все хорошо. Спасибо. И свадьба была очень красивой.

— Фрекен Олсдаттер сообщила мне, что, к сожалению, вы расстались с тем молодым человеком, с которым были помолвлены?

— Да. Ларс не смог больше ждать меня.

— Сильно переживали, Анна?

— Думаю, так будет лучше для нас обоих, — ответила Анна, стараясь дать максимально обтекаемый ответ, и наколола на вилку кусочек рыбы. Хоть бы скорее закончился этот ужин, подумала она про себя. Ибо больше всего на свете ей сейчас хотелось поскорее улечься в постель и начать мечтать о Йенсе.

После кофе фрекен Олсдаттер появилась с бренди для герра Байера и, к немалому изумлению Анны, с ведерком, заполненным льдом, в котором лежала бутылка шампанского. Время слишком уж позднее, чтобы принимать спиртное, подумала Анна. Неужели герр Байер ждет еще каких-то гостей?

— Фрекен Олсдаттер, — обратился он к экономке, — попрошу вас, закройте за собой дверь поплотнее.

Когда экономка удалилась, плотно прикрыв за собой дверь, как ей было велено, профессор повернулся к Анне.

— Послушайте меня, Анна. Моя дорогая юная барышня. У меня есть что сказать вам. — Герр Байер слегка откашлялся. — Наверняка вы уже успели заметить, что за все то время, что вы прожили со мной под одной крышей, мое доброе отношение к вам только возросло. Надеюсь, вы по достоинству оценили те усилия, которые я приложил, чтобы направить вашу музыкальную карьеру в нужное русло.

— Да, герр Байер. У меня не хватит слов, чтобы выказать вам свою благодарность.

— Давайте, Анна, обойдемся без формальностей. Зовите меня просто Францем. Вы ведь уже успели хорошо узнать меня...

Анна растерянно смотрела на своего наставника, который вдруг оборвал себя на полуслове и погрузился в затяжное молчание. Кажется, впервые за все то время, что они были знакомы, она видела профессора таким смущенным. Судя по всему, он попросту не знал, как ему сказать все то, что он собирался сказать ей. Но вот он оправился от смущения и продолжил:

— Все дело в том, Анна, что я старался пестовать ваш талант не только ради него самого, но еще и потому... потому, что понял, что влюбился в вас. Конечно, как человек благородный, зная, что вы обещаны другому, я не смел заводить с вами разговор о своих чувствах. Но сейчас... сейчас вы свободны... А я в разлуке с вами особенно остро почувствовал, как сильно люблю вас. Понимаю, быть может, сейчас и не время заводить такой разговор. Я должен снова уехать к своей умирающей матушке, оставить вас здесь одну... И пока я и понятия не имею, как долго я буду отсутствовать. Но, с другой стороны, я подумал, что будет лучше, если я четко и недвусмысленно обозначу свои намерения прямо сейчас. — Герр Байер снова замолчал и сделал глубокий вдох, после чего закончил: — Анна, прошу вас, окажите мне честь, станьте моей женой.

Анна потрясенно смотрела на него, не в силах скрыть ужаса, который в ту же минуту отразился на ее лице.

Заметив смятение Анны, герр Байер снова откашлялся.

— Понимаю, мое предложение явилось для вас полнейшей неожиданностью. Но подумайте сами, Анна, что этот брак сулит нам обоим в перспективе. Я уже поспособствовал блистательному началу вашей карьеры здесь, и вы успели завоевать своим талантом Христианию. Но Норвегия — слишком маленькая страна. Она слишком мала для вашего огромного таланта. Я уже списался с несколькими режиссерами музыкальных театров, с комитетами, курирующими репертуарную политику оперных театров в Европе. Дания, Германия, Париж... Я рассказал им о вашем необыкновенном даровании. Впрочем, после вчерашнего выступления они и сами узнают о вашем триумфе. Если мы поженимся, я стану сопровождать

вас в турне по всей Европе, а вы начнете выступать в крупнейших концертных залах. Я смогу должным образом защитить вас, уберечь... Я потратил много лет на поиски такого редкого таланта, каким обладаете вы. Но получилось, что меня покорила не только ваш талант. Вы украли и мое сердце, — поспешно добавил он.

— Понимаю, — выдохнула Анна, зная, что обязана сказать хоть что-то в ответ.

— Наверняка я вам нравлюсь, Анна. Разве нет?

— Да. И я вам... очень признательна.

— Уверен, мы с вами станем хорошими партнерами и на сцене, и за ее пределами. В конце концов, вы уже год прожили под одной крышей со мной и успели узнать все мои дурные привычки. — Герр Байер издал короткий смешок. — Смею надеяться, и хорошие тоже. А потому супружество не внесет никаких существенных перемен в нашу с вами жизнь, как, быть может, вы того опасаетесь. Мы будем продолжать жить так, как живем сейчас.

Анна внутренне содрогнулась, хорошо понимая, какие *именно* перемены все же должны случиться.

— Вы молчите, моя дорогая Анна. Вижу, я вас сильно удивил. Что ж, если для меня подобное развитие событий — это вполне естественная закономерность, то вы, наверное, и думать не смели о такой возможности.

«*Вот тут ты прав. О таком я точно подумать не могла*», — мысленно сказала Анна, а вслух обронила лишь короткое:

— Нет.

— Наверное, шампанское — это несколько самонадеянный шаг с моей стороны. Сейчас мне ясно, что я должен дать вам некоторое время на раздумья. Как думаете, Анна?

— Да, герр Байер... то есть, я хотела сказать, Франц. Ваше предложение для меня — большая честь, — пролепетала та в ответ несчастным голосом.

— Я покидаю Христианию по меньшей мере на две недели. Вполне возможно, задержусь и дольше. Что ж, полагаю, у вас будет достаточно времени, чтобы хорошенько поразмыслить над моим предложением. Надеюсь и молю Бога о том, чтобы получить от вас утвердительный ответ. Признаюсь как на духу. Когда вы поселились здесь, у меня дома, я вдруг особенно остро осознал всю степень своего

одинокости, в котором пребывал все последние годы после кончины моей супруги.

Вид у герра Байера был действительно не самый веселый. В какой-то момент Анне даже захотелось утешить его. Приласкать... так, как она приласкала бы своего отца. Но она тут же прогнала эту мысль и поднялась со своего места, понимая, что ей больше нечего добавить к сказанному.

— Я тщательно обдумываю ваше предложение. И дам свой ответ по вашему возвращении. Доброй ночи... Франц.

Усилив воли Анна заставила себя не броситься опрометью к дверям, а выйти из гостиной чинным шагом. Но в коридоре она тут же перешла на бег. Вбежала к себе в спальню, закрыла за собой дверь и заперла ее на ключ. Потом плюхнулась на кровать и обхватила голову руками, все еще не в состоянии уразуметь все то, что только что произошло. Стала лихорадочно перебирать в памяти все прошлые эпизоды ее контактов с герром Байером. Нет, она никогда не давала ему повода подумать, что хочет выйти за него замуж. Ее поведение всегда было исключительно достойным. Никакого кокетства. Никогда она не строила ему глазки, выражаясь языком молоденьких хористок, задействованных в постановке спектакля «Пер Гюнт».

Но, однако же, и с этим приходится согласиться, родители позволили ей поселиться под одной крышей с этим пожилым господином. Он ее кормил, одевал, дал ей все, о чем можно только мечтать. Не говоря уже о том, что он заплатил кругленькую сумму ее отцу. Вполне естественно, что с учетом всего того, что герр Байер для нее сделал, он мог возмнить, что все его усилия и старания будут вознаграждены соответствующим образом. Увенчаются в конце концов законным браком.

— Господи, я не вынесу этого, — простонала Анна в полном изнеможении.

Все последствия тоже вполне очевидны, и они, эти последствия, огромны. Если она откажет герру Байеру, то это означает, что больше она не сможет жить с ним под одной крышей. И куда же ей податься?

Анна понимала, что сегодня она всецело зависит от этого человека. Наверное, многие молоденькие девушки, окажись они на ее месте, да и женщины постарше, такие, как фрекен Олсдаттер, к примеру, с радостью ухватились бы за предложение герра Байера стать

его женой. Уж точно бы не упустили своего шанса. Почему нет? Профессор богат, образован, вращается в высших кругах Христиании. К тому же он добрый и уважаемый человек. Но! Но он же почти в три раза старше ее.

Да и не это главное... Анна вдруг вспомнила клятву, которую дала сама себе. Она не любит герра Байера. Вот что главное. Она любит Йенса Халворсена.

27

На следующий вечер после завершения спектакля, который прошел ровно и гладко, но без того воодушевления, который сопутствовал первому представлению, Анну на выходе из театра встретил Йенс.

— Зачем вы здесь? — шикнула она на него. Заметив поджидавший ее экипаж, сразу же заторопилась к нему. — Нас ведь могут увидеть.

— Не бойтесь, Анна. Я вовсе не намерен порочить вашу репутацию. Просто хотел сказать вам, что в первый вечер вы были восхитительны. А сегодня... позвольте поинтересоваться, хорошо ли вы себя чувствуете?

Услышав вопрос, Анна замедлила шаг и повернулась к Йенсу:

— Что вы имеете в виду?

— Я наблюдал за вами сегодня весь вечер. По-моему, вы какая-то сама не своя. Впрочем, никто ничего не заметил, уверяю вас. Играли вы великолепно.

— Тогда откуда вам знать, что и как я чувствую? — набросилась она на него, и слезы тотчас же брызнули из глаз. Но на душе у нее почему-то стало легко при одной только мысли, что вот Йенс каким-то образом *все заметил и понял*.

— Значит, я прав, — промолвил Йенс, сопровождая Анну до кареты. Кучер распахнул перед ней дверцу. — Может, я чем-то могу помочь?

— Я... не знаю... Мне надо домой...

— Понимаю. Но пожалуйста! Нам надо поговорить наедине. — Йенс понизил голос, чтобы кучер не расслышал его слов. — Вот вам мой адрес. — Он сунул в ее маленькую ручку клочок бумаги. — Мой

хозяин Отто отправится с частным уроком к одному из своих учеников. Так что с четырех и до пяти вечера я буду в квартире совершенно один.

— Я... посмотрю, как у меня получится, — прошептала она в ответ и стала взбираться по ступенькам в экипаж. Кучер захлопнул за ней дверцу. Анна безвольно опустилась на сиденье. Она увидела, как Йенс машет ей рукой на прощание, потом, изогнув шею, проследила за тем, как он пересек площадь и направился в кафе «Энгебрет». Карета тронулась с места, Анна откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как колотится сердце в ее груди. Она прекрасно понимала: наносить визит одинокому мужчине — это же верх неприличия. Но ей так отчаянно нужно было поделиться с кем-то тем, что произошло накануне, рассказать о том разговоре, который состоялся у нее с герром Байером вчера вечером.

* * *

— Сегодня к четырем часам мне нужно отлучиться в театр, — за завтраком сообщила Анна фрекен Олсдаттер. — Герр Джозефсон устраивает репетицию, так как он недоволен одной сценой во втором акте.

— К ужину вернетесь?

— Думаю, да. Наверняка репетиция не продлится более двух часов.

Вполне возможно, Анне это только померещилось, но экономка бросила на нее подозрительный взгляд. Так обычно на нее смотрела мама, когда была уверена, что дочь говорит ей неправду.

— Хорошо. Мне заказать вам экипаж, чтобы он забрал вас из театра?

— Нет, не надо. Трамваи в это время еще ходят. Сама доберусь. Я же хорошо знаю дорогу домой.

Анна поднялась из-за стола и удалилась к себе, стараясь ничем не выдать своего волнения.

Позднее она покинула квартиру в таком же взвинченном состоянии.

Села в трамвай, чувствуя, как бешено колотится сердце в груди. Странно, что пассажир, сидевший рядом с ней, не слышит этого. На следующей остановке Анна сошла с трамвая и быстрым шагом направилась по улице, отыскивая тот адрес, который дал ей Йенс. Свой необдуманный во всех отношениях поступок она пыталась по пути оправдать тем, что Йенс на сегодняшний день — единственный человек, которому она может довериться и которого считает своим другом.

— А вот и вы! — широко улыбнулся Йенс, открывая входную дверь в квартиру. — Пожалуйста, проходите.

— Спасибо.

Анна проследовала за ним в прихожую, а потом по длинному коридору в просторную гостиную. Она была обставлена с той же элегантной роскошью, что и гостиная герра Байера.

— Хотите чаю? Только предупреждаю, заваривать придется мне самому. Наша служанка в три часа уже ушла домой.

— Нет, спасибо. Я попила чай перед выходом из дома. А дорога сюда заняла совсем немного времени.

— Тогда прошу вас, присаживайтесь! — Йенс жестом указал на кресло.

— Спасибо, — поблагодарила она, усаживаясь и радуясь в душе тому, что кресло стоит рядом с печкой. Ибо ее начало знобить, то ли от холода, то ли от волнения. Йенс устроился напротив нее. — А у вас здесь очень уютно, — выдавила она из себя.

— Вы бы посмотрели, в какой берлоге я жил до этого! — Йенс слегка покачал головой и рассмеялся. — Скажу вам так. Я безмерно счастлив, что нашел ей альтернативу. Однако не будем терять время на пустые разговоры. Анна, что стряслось? Вы можете говорить об этом открыто?

— Ах, боже мой! — Анна порывисто прижала руку ко лбу. — Все... так сложно... так запутанно.

— В жизни всегда полно проблем.

— Дело в том, что герр Байер попросил моей руки. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж.

— Понятно! — ответил Йенс, стараясь ничем не выдать охватившего его волнения. Однако руки его непроизвольно сжались в кулаки. — И что вы ему ответили?

— Вчера рано утром он снова уехал в Дробак. Его мать находится при смерти, и он безотлучно дежурит при ней. Я должна буду дать ответ, когда он вернется.

— И когда это будет?

— Полагаю, после смерти его матери.

— Скажите мне, только честно, что вы испытали в тот момент, когда он сделал вам предложение?

— Я пришла в ужас. И одновременно почувствовала себя виноватой. Вы же понимаете, герр Байер был необыкновенно добр ко мне. Он дал мне так много.

— Анна, это ваш талант дал вам все то, чем вы располагаете на сегодняшний день.

— Но он обучал меня, создал все те возможности, о которых я бы и понятия не имела, если бы осталась жить в Хеддале.

— Что ж, тогда вы с ним квиты. Играете на равных, так сказать.

— Не совсем так! — упрямо возразила Анна. — Скажем, я отвечу герру Байеру отказом... И куда мне после этого податься?

— Так вы все же хотите отказать ему?

— Конечно! А как же еще? Выйти замуж за него — это все равно что выйти замуж за собственного дедушку. Ведь ему уже гораздо больше пятидесяти. Но убраться из его квартиры мне все равно придется. К тому же я наверняка наживу себе врага в его лице.

— О, не переживайте так сильно, Анна. Вот взять меня, к примеру. У меня полно врагов. — Йенс тяжело вздохнул. — Впрочем, я сам их себе нажил, по доброй воле. А герр Байер отнюдь не такой влиятельный человек в Христиании, каким он себя воображает. Или каким кажется вам.

— Может, вы и правы, Йенс. Но все равно, куда мне идти?

В комнате повисло молчание. Оба погрузились в раздумья над тем, что только что было сказано. И над тем, что осталось невысказанным. Первым заговорил Йенс:

— Анна, мне сейчас очень сложно говорить о вашем будущем. Еще зимой я мог предложить вам все, что предлагает герр Байер. Но! Я понимаю, вы женщина, а потому для вас существует целый ряд ограничений. Ваши жизненные возможности существенно уже, чем у мужчин. Однако не стоит забывать и другое. Сегодня вы пользуетесь успехом и снискали его по праву. Вы — звезда первой величины на

небосклоне Христиании. А потому ваша зависимость от герра Байера не такая уж всеобъемлющая, как вам это представляется.

— Ну этого я не узнаю до тех пор, пока не приму окончательного решения. Разве не так?

— Нет, не так. — Йенс невольно улыбнулся прагматизму Анны. — Вы прекрасно знаете, что я чувствую к вам, Анна. Но увы! В душе я готов бросить к вашим ногам все, однако пока и понятия не имею, как сложатся мои материальные условия в будущем. Только верьте мне, я буду самым несчастным человеком в Христиании, если вы пойдете под венец с герром Байером. И не только потому, что мне будет жаль самого себя. Нет! Мне и вас будет страшно жаль, потому что я знаю — вы не любите его.

Анна вдруг поняла, как ужасно тяжело было Йенсу выслушивать все то, что она ему сообщила. Ведь он открыто признается ей в своих чувствах, а сама она пока так и не отважилась на подобное признание. В страшном волнении она поднялась со своего места, намереваясь уйти.

— Простите меня, Йенс. Мне не нужно было приходить сюда. В высшей степени, — она замолчала, подыскивая нужное слово, такое, какое использовал бы герр Байер в подобной ситуации, — неподобающий поступок с моей стороны.

— Понимаю. Трудно выслушивать признания в любви еще от одного мужчины. Хотя... хотя, наверное, вся Христиания будет приветствовать ваше решение выйти замуж за герра Байера.

— Да, думаю, вы правы. — Анна отвернулась от Йенса и направилась к дверям. — Простите, но мне действительно нужно идти.

Она уже открыла дверь, но в эту минуту он схватил ее за руки и втащил обратно в комнату.

— Пожалуйста, умоляю вас! Каковы бы ни были наши обстоятельства, не будем тратить впустую те драгоценные мгновения, когда мы впервые остались наедине. — Йенс подошел к Анне вплотную и обхватил руками ее личико. — Я люблю вас, Анна. И не устану повторять это снова и снова. Я люблю вас.

И, кажется, впервые за все время их знакомства Анна поверила ему. Они стояли так близко друг к другу, что ей было слышно, как трепещет сердце в его груди.

— И еще я хочу сказать вам, — продолжил он. — Прежде чем решиться на что-то, подумайте вот о чем. Признайтесь наконец, почему вы пришли *именно ко мне*. Признайте же очевидное! Вы тоже любите меня. Вы любите меня...

И прежде чем она успела вымолвить слово в ответ, Йенс начал целовать ее. И уже в следующую секунду Анна почувствовала, что ее губы непроизвольно отвечают на его поцелуи. Конечно, это все неправильно. Она не должна так поступать... Но слишком поздно, слишком поздно. Совершенно непередаваемые ощущения. Ей хотелось, чтобы эти поцелуи длились и длились. А с другой стороны, разве есть какие-то веские причины для того, чтобы он перестал целовать ее?

— Так ты скажешь мне, да? — взмолился Йенс, когда она уже собралась уходить.

Анна повернулась к нему лицом.

— Да, Йенс Халворсен, скажу. Я люблю тебя.

* * *

Где-то через час Анна открыла своим ключом дверь в квартиру герра Байера. Недаром же она обучается сейчас мастерству драматической актрисы. Вопросы фрекен Олсдаттер, которая перехватила Анну на полпути в спальню, не застали ее врасплох.

— Как прошла репетиция, Анна?

— Хорошо, спасибо.

— В какое время будете ужинать?

— Прошу вас, подайте мне ужин прямо в спальню, если это не составит вам большого труда. Что-то я чувствую себя совершенно разбитой. Вчерашний спектакль, а тут еще эта репетиция...

— Конечно-конечно. Вам приготовить ванну?

— О, это было бы чудесно. Спасибо! — воскликнула Анна, входя к себе в комнату и с облегчением закрывая дверь. Она тут же упала на кровать, обхватила себя руками, заново переживая тот экстаз, который испытала, когда ощутила губы Йенса на своих губах. Одно Анна знала наверняка. Что бы ни случилось в дальнейшем, она должна отказать герру Байеру.

На следующий вечер по театру поползли слухи.

— Я слышал, он приезжает.

— Нет, он опоздал на свой поезд из Бергена.

— А я слышал, как герр Джозефсон беседовал с герром Хеннумом. И оркестр сегодня собрали на репетицию раньше обычного, сразу же после обеда...

Анна знала, что в театре есть лишь один человек, который может пролить свет и либо подтвердить, либо опровергнуть эти слухи. А потому она послала за Руди. Мальчишка буквально через минуту возник в ее примерной.

— Вы хотели меня видеть, фрекен Анна?

— Да, хотела. Так это правда? В театре все только об этом и говорят.

— О том, что маэстро Григ придет на спектакль?

— Да.

— Что ж. — Руди обхватил руками свое худенькое тельце. — Все зависит от того, кто именно вам говорил.

Анна со вздохом опустила в его ладошку монетку. Мальчишка улыбнулся во весь рот.

— Тогда я подтверждаю, что в настоящий момент герр Григ сидит в кабинете наверху вместе с герром Хеннумом и герром Джозефсоном. Останется ли он на спектакль, сказать пока не могу. Но коль скоро он уже в театре, то очень на то похоже.

— Спасибо за информацию, Руди, — поблагодарила Анна мальчика, уже собравшегося уходить.

— Да не за что, фрекен Анна. Удачи вам в сегодняшнем представлении.

Когда прозвенел звонок к началу спектакля и артисты, участвовавшие в первом акте, заняли свои места за кулисами, бурные аплодисменты по другую сторону занавеса подтвердили лучше всяких слов, что — да! — в зрительном зале появилась действительно очень важная персона. К счастью, у Анны не было особого времени размышлять о том, что все это значит уже лично для нее. Оркестр начал исполнять «Прелюдию». Спектакль начался.

Незадолго перед тем, как выйти на сцену в первом действии, Анна почувствовала, как кто-то стиснул ее руку. Оглянулась и увидела Руди, околачивающегося рядом с ней. Он приложил палец к губам и прошептал едва слышно. Она даже слегка наклонилась, чтобы получше расслышать то, что сказал ей мальчишка.

— Помните, фрекен Анна, как говорит моя мама, даже король вынужден ходить по малой нужде.

Анна с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться в ответ. Во всяком случае, когда она вышла на сцену, глаза ее все еще продолжали искриться от смеха. Получив такое напутствие, да плюс еще присутствие любимого Йенса в оркестровой яме, Анна расслабилась и постаралась сыграть на славу. Когда спустя три часа в театре опустился занавес, публика закатила невиданные овации и почти впала в истерику, особенно когда Григ, сидевший в ложе, встал и поклонился залу. Анна со счастливой улыбкой глянула вниз на Йенса, едва успевая принимать букет за букетом.

— Я люблю тебя, — выразительно произнес он губами.

Но вот занавес упал в последний раз, и артистов пригласили на сцену и велели немного обождать. К ним присоединились и музыканты из оркестра. Анна снова встретила глазами с Йенсом, и он тотчас же послал ей воздушный поцелуй.

Наконец на сцене в сопровождении герра Джозефсона появился невысокий, приблизительно одного роста с Анной, человек довольно тщедушного телосложения. Артисты тоже встретили его появление бурными аплодисментами. Анна принялась исподтишка разглядывать композитора и пришла к выводу, что Эдвард Григ намного моложе, чем она себе его представляла. Слегка выющиеся светлые волосы отброшены со лба назад, усы, очень похожие на усы герра Байера, и даже еще более роскошные, чем у профессора. Для нее стало полной неожиданностью, что маэстро направился напрямик к ней, отвесил поклон, потом взял ее руку и поцеловал.

— Фрекен Ландвик, о более совершенном голосе, чем ваш, я не мог и мечтать, когда сочинял песни Сольвейг.

Затем он повернулся к Хенрику Клаузену, исполнителю роли Пера, и обменялся с ним парой слов. Поговорил с другими актерами, занятыми в главных ролях.

— Я чувствую свою вину перед всеми вами, и актерами, и музыкантами, за то, что так долго собирался навестить вас в театр. Но на то были... — Григ замолчал, словно собираясь с силами, чтобы продолжить. — Были свои веские причины, задержавшие меня. Все, что я могу сегодня, — так это выразить свою безмерную благодарность и восхищение герру Джозефсону и герру Хеннуму за сценическое воплощение столь сложного произведения. Горд тем, что я тоже причастен к этой работе. Мои поздравления оркестру, сумевшему трансформировать мои такие далекие от совершенства композиции в столь чарующие мелодии. Моя отдельная благодарность всем актерам и певцам, оживившим своей игрой героев пьесы. От души благодарю вас всех.

Эдвард Григ снова обратил свой взор на Анну. Актеры и музыканты стали постепенно расходиться со сцены. Маэстро подошел к Анне и опять взял ее за руку. Потом пальцем поманил к себе режиссера и дирижера оркестра, чтобы они тоже присоединились к их разговору.

— Господа, — обратился он к Людвигу Джозефсону и Йохану Хеннуму. — Наконец-то я посмотрел спектакль и готов уже завтра обсудить с вами некоторые незначительные изменения, которые следует внести в постановку. Но в целом я доволен и еще раз благодарю вас за ваш титанический труд, увенчавшийся на выходе таким замечательным театральным событием, ибо отлично понимаю, в каких напряженных условиях вам пришлось работать. Герр Хеннум, оркестр был великолепен. О таком прекрасном исполнении своей музыки я не мог даже и мечтать. А что касается этой юной барышни, — Григ впился в Анну своими выразительными голубыми глазами, — то человек, которому пришла в голову мысль назначить ее на роль Сольвейг, сделал поистине гениальный ход.

— Благодарю вас, герр Григ, — прочувствованно поблагодарил композитора герр Хеннум. — Анна действительно очень талантлива. Это наше юное дарование.

Эдвард Григ слегка наклонился к Анне и прошептал ей на ухо:

— Мое дорогое дитя, нам следует побеседовать с вами отдельно. Подумаем, чем лично я смогу помочь вам, чтобы ваша звезда воссияла на нашем норвежском небосклоне в полную силу.

Доброжелательно улыбнувшись, он выпустил ее руку из своей и снова повернулся к герру Джозефсону. Покинув сцену, Анна не без внутреннего трепета размышляла о том, какой очередной крутой вираж произошел в ее жизни. Самый прославленный композитор Норвегии сегодня вечером публично воздал должное ее таланту. И позднее, уже у себя в гримерной, снимая сценический костюм и удаляя с лица следы грима, она продолжала думать все о том же. Трудно поверить, что еще какой-то год тому назад она была простой деревенской девчонкой, распевавшей свои песни коровам, поторапливая их побыстрее возвращаться домой. «Неужели она — это я? — спрашивала себя Анна и мысленно отвечала себе: — Нет, конечно же, нет». За этот год она стала совсем другой. Ничего от прежней скромницы Анны из Хеддала.

— Но, как бы я ни переменялась, это все же по-прежнему я, — уговаривала она себя, прислушиваясь к мерному цокоту копыт по мостовой.

* * *

Вопреки своему обыкновению, на сей раз герр Хеннум присоединился после окончания спектакля к остальным музыкантам в кафе «Энгебрет».

— Маэстро Григ просит извинить его за то, что он не сможет присоединиться к нам за стойкой бара, но, как вы знаете, он еще соблюдает траур по своим усопшим родителям. Однако он дал мне достаточную сумму денег, чтобы вы пребывали в отличном настроении, по крайней мере весь ближайший месяц, — объявил герр Хеннум собравшимся. Новость была встречена радостными криками и веселым смехом.

Музыканты и без того пребывали в самом отличном расположении духа, частично потому, что уже успели изрядно взбодрить себя вином и тминной водкой, а частично потому, что понимали: наконец-то их убогое существование за более чем скромное жалованье, когда редко от кого дождешься похвалы за свой каторжный труд, скрасилось сегодня вечером тем, что сам композитор искренне поблагодарил и воздал должное их многотрудным усилиям.

— Герр Халворсен! — Дирижер поманил к себе молодого человека. — Подойдите ко мне на пару слов.

Йенс беспрекословно подошел к герру Хеннуму.

— Наверное, вам будет интересно узнать о том, что я охарактеризовал вас маэстро Григу как многообещающего молодого композитора. Сказал ему, что слышал некоторые ваши композиции. Саймон уже доложил мне, что вы все лето трудились над новыми сочинениями.

— Неужели вы полагаете, что герр Григ захочет взглянуть на мои работы?

— Гарантировать этого я не могу, но зато знаю другое. Маэстро Григ — большой энтузиаст в том, что касается молодежи. Он с особым удовольствием покровительствует молодым норвежским талантам. Так что совсем не исключено, что он захочет познакомиться и с вами. Дайте мне кое-что из того, что у вас есть на сегодня, а завтра утром я покажу эти композиции Эдварду Григу. Тем более что он собирается наведаться в театр.

— Конечно-конечно... Сейчас принесу... У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас, герр Хеннум.

— Саймон также сообщил мне, что летом вам пришлось сделать трудный выбор. Музыкант, который готов пожертвовать всем ради искусства, заслуживает уважения. И помощи тоже. Чем смогу, тем помогу. А сейчас мне пора уходить. Доброй ночи, герр Халворсен.

Йохан коротко кивнул Йенсу на прощание и покинул бар. Йенс отправился в зал, отыскал там Саймона и принялся тискать его в объятиях.

— Что за новости? — страшно удивился его приятель столь бурному проявлению чувств. — Ты что, уже успел переключиться с женщин на мужчин?

— Все может быть, — шутливо отмахнулся от него Йенс. — Просто хочу поблагодарить тебя, Саймон. Честное слово, я тебе чертовски благодарен.

* * *

На следующий день где-то в середине завтрака посыльный принес на квартиру герра Байера письмо для Анны.

— От кого бы это? — поинтересовалась у Анны фрекен Олсдаттер, пока та изучала почерк на конверте.

— Понятия не имею, — ответила Анна, вскрывая конверт.

Начала читать и тут же в удивлении вскинула брови.

— Это письмо от композитора Эдварда Грига. Он хочет навестить меня сегодня во второй половине дня.

— Боже мой! — в полном смятении воскликнула фрекен Олсдаттер и тут же стала лихорадочно обзирать нечищенное серебро на серванте. Потом глянула на часы, висевшие на стене. — Когда именно он намеревается посетить нас?

— В четыре часа.

— Боже! Какая честь! Ах, какая жалость, что с нами нет герра Байера. Вы же знаете, какой он ревностный поклонник музыки герра Грига. Уж как он был бы рад принять его у себя дома. Простите меня, Анна, но сейчас я вас покину. Мы ожидаем такого важного и почетного гостя. Я должна соответствующим образом подготовиться, чтобы достойно встретить его.

— Конечно, я понимаю, — ответила Анна, наблюдая за тем, как экономка почти опрометью выбежала из столовой.

Анна закончила завтракать, но нервы уже дали о себе знать. В желудке стало неприятно пусто. Она вернулась в свою комнату, чтобы переодеться к чаю. Было решено, что они станут потчевать такого выдающегося композитора именно чаем. Открыла шкаф и уставилась на новую обширную коллекцию нарядов, которую ей недавно справили. Блузки забраковала все до одной. То слишком чопорные, то слишком откровенные, то чересчур простенькие, то вообще какие-то безвкусные. Нет, для встречи с маэстро нужно что-то более достойное. Наконец она остановила свой выбор на вечернем платье из бледно-розового шелка.

Но вот раздался звонок в дверь, и через минуту фрекен Олсдаттер ввела композитора в гостиную. Комната благоухала свежими цветами, недавно доставленными к ним домой. Вкусно пахло свежей выпечкой. Фрекен Олсдаттер все же успела испечь свои фирменные пироги. Больше всего она переживала, что маэстро явится к ним в

сопровождении целой свиты. Но маэстро приехал один, и Анна поднялась ему навстречу, чтобы поздороваться.

— Моя дорогая фрекен Ландвик, благодарю вас за то, что смогли уделить мне немного времени, тем более что мой визит к вам носит незапланированный характер.

— Пожалуйста, присаживайтесь. Чашечку чая? Или кофе? — неуверенно предложила гостю Анна, еще не привыкшая принимать гостей самостоятельно.

— Если можно, стакан воды, пожалуйста.

Фрекен Олсдаттер кивком подтвердила заказ и тотчас же поспешила из комнаты за водой.

— К сожалению, у меня очень мало времени. Уже завтра я должен вернуться к себе в Берген. А как вы понимаете, здесь, в Христиании, мне еще нужно успеть повидаться со многими. И тем не менее мне очень захотелось снова встретиться с вами. Фрекен Ландвик, у вас удивительный, совершенно неповторимый голос. Впрочем, я не строю иллюзий на сей счет. Наверняка я не первый, кто говорит вам об этом. Насколько я слышан, герр Байер лично руководит выстраиванием вашей карьеры?

— Да, это правда, — подтвердила Анна.

— Что ж, после вчерашнего спектакля могу смело заявить, что он проделал поистине блистательную работу. Но его возможности... они ограничены, в том смысле, чтобы раскрыть ваш творческий и певческий потенциал в полной мере, создать вам такие условия, которых вы заслуживаете. К счастью, у меня такие возможности имеются. Я могу лично представить вас ведущим импресарио по всей Европе. Вскоре у меня запланированы поездки в Копенгаген и в Германию. Я обязательно расскажу о вашем таланте тамошним моим знакомым. Фрекен Ландвик, вы должны понимать, как ни грустно нам сознаваться в этом, но Норвегия — это всего лишь такое крохотное пятнышко на европейском культурном ландшафте. — Григ замолчал и улыбнулся, заметив растерянность на лице Анны. Она не вполне поняла то, что он только что сказал ей. — Я лишь хочу сказать, моя милая, что с радостью поспособствую продвижению вашей карьеры уже за пределами нашей страны.

— Вы очень добры, мой господин. Для меня это огромная честь.

— Однако вначале я хотел бы прояснить кое-какие детали. Вы сможете поехать в Европу? Или вас связывают здесь какие-то обязательства? — поинтересовался маэстро у Анны. В эту минуту в гостиной появилась фрекен Олсдаттер с графином воды и двумя стаканами.

— После того как закончатся представления спектакля «Пер Гюнт», да, я свободна, и у меня нет никаких обязательств здесь, в Норвегии.

— Хорошо. Очень хорошо, — удовлетворенно кивнул он, наблюдая за тем, как экономка покидает комнату. — И вы пока не замужем, как я понимаю. Или уже помолвлены с каким-нибудь молодым человеком?

— Нет, я ни с кем не помолвлена.

— Но я не сомневаюсь, что у вас тьма поклонников. Ибо вы не только обладаете большим талантом, но еще и очень красивы. Скажу вам, что вы во многом напоминаете мне мою дорогую жену Нину. У нее тоже голос самой настоящей певчей птички. Итак, договорились. Я напишу вам из Копенгагена. Посмотрим, что можно сделать, чтобы продемонстрировать ваш уникальный голос самой широкой публике. А сейчас простите, но я вынужден откланяться.

— Спасибо, мой господин, что навестили меня, — робко сказала Анна, когда композитор поднялся со своего места.

— И еще раз примите мои самые искренние поздравления. Вчера вы были превосходны. Ваше пение даже вдохновило меня. Но мы еще с вами обязательно увидимся, фрекен Ландвик. Уверен в этом. Всего вам доброго.

Григ поцеловал Анне руку и скользнул по ней заинтересованным взглядом, каким обычно мужчины — Анна уже успела научиться понимать такие взгляды — смотрят на приглянувшихся им женщин.

— До свидания, — пробормотала она и сделала на прощание вежливый книксен.

* * *

— Так он уже уехал из Христиании?

— Да. Я же говорил, ему надо срочно вернуться в Берген.

— Тогда все кончено! Одному Богу известно, когда он снова появится здесь, — в отчаянии воскликнул Йенс, плюхаясь на свой неудобный стул, стоявший в оркестровой яме, после чего поднял жалобный взгляд на герра Хеннума.

— Но есть и хорошая новость, — продолжил тот. — Я таки успел показать ему кое-что из ваших композиций. И он попросил меня передать вам вот это. — Герр Хеннум вручил Йенсу конверт, на котором было написано: *«Предъявить по месту назначения»*.

Йенс недоуменно уставился на конверт.

— Что это?

— Это рекомендация, которую он дает вам для поступления в Лейпцигскую консерваторию.

Йенс издал радостный вопль. Вот он, его пропуск в будущую жизнь!

28

— После окончания сезона я уезжаю в Лейпциг. Анна, прошу тебя, поехали вместе со мной! — уговаривал свою возлюбленную Йенс. Они снова сидели в гостиной квартиры Отто, и Йенс обвил руками хрупкую фигурку Анны. — Я ни за что на свете не оставлю тебя здесь, в Христиании, да еще в лапах этого герра Байера. У меня нет полной уверенности в том, что после того, как ты ответишь отказом на предложение выйти за него замуж, он поведет себя как порядочный человек. — Йенс осторожно поцеловал Анну в лоб. — Давай поступим так, как поступают все влюбленные во все времена. Убежим вместе. Ты говоришь, он хранит в сейфе все твои деньги, которые тебе выплачивают в театре?

— Да. Но я уверена, что если я попрошу, то он отдаст эти деньги мне. — Анна сконфуженно умолкла, слегка прикусив губу. — Йенс, тебе не кажется, что с моей стороны будет крайне непорядочно повести себя по отношению к нему таким неблагодарным образом? Ведь герр Байер столько сделал для меня. И потом, а что я стану делать там, в Лейпциге?

— Господи! Да Лейпциг — это центр музыкальной Европы! Уверен, там для тебя откроются по-настоящему блестящие возможности. Ведь сам маэстро Григ сказал тебе, что здесь, в

Христиании, все слишком узко, слишком ограниченно, слишком провинциально. Твой талант заслуживает гораздо большего признания, — принялся умасливать Анну Йенс. — Между прочим, издатель Грига тоже живет в Лейпциге. Да и сам маэстро часто бывает в этом городе. Так что в будущем ничто не помешает вам возобновить ваше знакомство. Анна, прошу тебя, подумай хорошенько над моим предложением. По-моему, это единственно приемлемое решение для нас обоих. Пока мне в голову не приходят никакие другие варианты.

Анна застенчиво взглянула на Йенса. Больше года она привыкала к новой для себя жизни в Христиании. Что, если там, куда он зовет ее, она не сможет прижиться? К тому же по мере того, как росла ее уверенность в своих силах, она все больше и больше влюблялась в роль Сольвейг. Ей нравилось быть Сольвейг. И она будет скучать по фрекен Олсдаттер... И по Руди тоже... Однако стоило ей подумать о том, каково это — жить в Христиании, зная, что Йенса здесь больше нет, и у нее тут же начинало ныть сердце.

— Знаю, я прошу от тебя слишком много. — Йенс словно прочитал ее мысли. — Да, ты можешь остаться здесь и со временем стать самой известной сопрано во всей Норвегии. Но ведь можно же наметить себе и более высокие цели. И при этом не только жить вместе с любимым человеком, но и приобрести гораздо более внушительный успех. Конечно, нам будет непросто. У тебя денег нет. А у меня их слишком мало. Только те, что дала мне мама, чтобы оплатить мою учебу и проживание в Лейпциге. Что ж, будем жить, питаюсь музыкой, своей любовью друг к другу и верой в наши таланты, — закончил он на несколько патетической ноте.

— Йенс, но что я скажу своим родителям? Ведь герр Байер наверняка сообщит им о моем поступке. Я опозорю всю нашу семью, навлеку бесчестье на родных. Мне даже страшно подумать о том... Я не вынесу, если они подумают, что я... — Анна умолкла, в отчаянии приложив руку ко лбу. — Дай мне время поразмыслить. Я должна все хорошенько обдумать...

— Конечно, должна, — миролюбиво согласился Йенс. — Ведь до окончания театрального сезона есть время. «Пер Гюнт» будет идти на сцене еще целый месяц.

— И потом... Я не смогу... Да, я не смогу быть с тобой, если мы не поженимся, — выпалила Анна, залившись краской смущения. Ей

было стыдно уже от того, что она сама затронула столь деликатную тему. — Я буду гореть в аду за такой грех. А мама заживо сварит себя в котле, не вынеся такого позора.

Столь богатое воображение Анны вызвало улыбку на устах Йенса.

— Как я понимаю, фрекен Ландвик, — проговорил он, нежно беря ее руки в свои, — вы желаете получить *третье предложение руки и сердца* кряду от череды ваших соискателей, да?

— Да нет же! Я просто хочу сказать, что...

— Анна! — Йенс поцеловал ее худенькую ручку. — Я знаю, что ты хочешь сказать. И прекрасно понимаю тебя. И заявляю тебе со всей ответственностью, неважно, убежим мы с тобой в Лейпциг или нет, но предложение руки и сердца я намереваюсь тебе сделать в любом случае.

— Правда?

— Чистейшая правда. Если мы поедem в Лейпциг, то обещаю, мы обязательно поженимся перед отъездом, но только в тайне от всех. В мои намерения вовсе не входит подрывать твои моральные принципы.

— Спасибо.

У Анны отлегло на душе. По крайней мере, намерения у Йенса действительно самые серьезные. Так что, даже если им придется тайно бежать в Лейпциг — она мысленно содрогнулась от такой перспективы, но тут же постаралась загнать свои страхи поглубже в себя, — то хотя бы в глазах Господа они будут законными супругами.

— Скажи мне, когда вернется герр Байер и начнет донимать тебя, требуя ответа на свое предложение? — спросил у нее Йенс.

— Понятия не имею, зато... — Анна глянула на часы, висевшие на стене, и в ужасе прижала руку к губам, увидев, который час. — Зато я знаю, что мне пора бежать в театр. Я должна появиться там за полтора часа до начала спектакля, чтобы гримерша успела нанести грим.

— Конечно, беги. Но вот что еще, Анна. Хочу, чтобы ты поняла: если случится так, что я не уеду в Лейпциг, а ты откажешь герру Байеру, то у меня такое чувство, что он все равно не даст нам спокойно пожить в Христиании. А сейчас поцелуй меня на прощание. Вечером я буду лицезреть тебя на сцене. Но, прошу тебя, ты без промедления должна дать мне ответ.

После спектакля Анна возвратилась домой совершенно без сил. Ей хотелось только одного — побыстрее пройти к себе в комнату и лечь в постель.

— Как прошел спектакль, Анна?

Фрекен Олсдаттер бросила на девушку вопросительный взгляд. Она уже принесла ей в спальню стакан горячего молока и начала помогать раздеваться.

— Все прошло хорошо, спасибо.

— Рада слышать это. И рада за вас, милая. Должна сообщить вам, что вечером пришла телеграмма от герра Байера. Он сообщает, что его матушка скончалась сегодня днем. Он останется с сестрой на похороны, но уже в пятницу вернется домой.

Осталось всего лишь три дня, пулей пролетело в сознании Анны.

— Мне очень горько слышать столь печальную новость, — сказала она вслух.

— Да, новость невеселая. Одно утешает, что фру Байер наконец-то отмучилась.

— С нетерпением буду ждать возвращения герра Байера, — солгала она фрекен Олсдаттер, когда та уже собралась уходить. Однако, устроившись в постели, Анна тут же почувствовала, как у нее начались нервные колики в животе от одной только мысли о том, что герр Байер возвращается.

На следующее утро она вышла к завтраку, всецело погруженная в свои невеселые мысли.

— Анна, милая, что-то вы сегодня с самого утра такая бледненькая. Плохо спали? — участливо поинтересовалась у нее фрекен Олсдаттер.

— Да так... Мысли всякие донимали...

— Если какие неприятности, так поделитесь со мной. Вдруг я сумею чем-то помочь?

— Вряд ли кто-то сможет помочь мне, — тяжело вздохнула в ответ Анна.

— Понятно. — Фрекен Олсдаттер окинула ее внимательным взглядом, но не стала более расспрашивать. — Обедать будете дома?

— Нет. Мне уже пора. Надо явиться... сегодня в театр пораньше.

— Тогда, Анна, я жду вас к ужину.

Следующие три дня фрекен Олсдаттер вместе с приходящей прислугой трудились не покладая рук, наводя идеальную чистоту во всем доме. Анна же проводила время все в тех же невеселых раздумьях. Ломала голову над тем, как объяснить герру Байеру, почему она не может принять его предложение и стать его женой.

Точно время приезда профессора было им неизвестно. Все затаились в ожидании. К половине четвертого Анна уже была не в силах переносить то напряжение, которое буквально витало в воздухе. Она набросила на себя накидку и сказала фрекен Олсдаттер, что пойдет немного прогуляться по парку. Экономка посмотрела на девушку несколько отрешенным взглядом, каким обычно смотрела на нее все последнее время. В этом взгляде читалась смесь недоверия и холодного притяия того, что ей сообщалось. Дескать, в парк так в парк.

Как это всегда бывало, прохладный свежий воздух подействовал на Анну благотворно. Она уселась на свою излюбленную скамейку и уставилась на фьорд. В сгущающихся сумерках водная гладь мерцала серебристым блеском.

«Я там, где я есть, — мысленно сказала она себе. — Единственное, что я могу себе позволить, так это поступить благородно и по совести, так, как учили меня мои родители».

Она поднялась со скамейки. При мысли о родителях на глаза навернулись слезы. Они прислали ей короткое, но очень теплое письмо. Утешали, как могли, после того, как Ларс разорвал свою помолвку с ней, а совсем недавно неожиданно для всех отбыл в Америку. Впервые Анна искренне пожалела о том, что герр Байер отыскал ее когда-то в горах и привез в Христианию. А так жила бы она себе спокойно в родном Хеддале, вышла бы замуж за Ларса и была бы счастлива.

— Герр Байер должен быть дома еще до ужина, — объявила экономка, едва Анна переступила порог квартиры, возвратившись домой с прогулки. — Я уже наполнила вам ванну и приготовила ваше вечернее платье.

— Спасибо, — рассеянно поблагодарила ее Анна и, миновав фрекен Олсдаттер, направилась к себе, чтобы подготовиться к непростому разговору, который ждал ее впереди.

— Анна, *любовь моя!* — приветствовал ее герр Байер совсем по-семейному, когда она вошла в столовую. Он схватил ее ручку своей огромной лапой и запечатлел на ней прочувствованный поцелуй. — Проходите же, садитесь.

За ужином профессор пространно рассказывал о кончине своей матушки, в подробностях живописуя всю процедуру похорон. В глубине души у Анны еще теплилась крохотная надежда на то, что все печальные события последних дней, случившиеся в жизни герра Байера, отодвинут на второй план все остальное и он попросту забудет о своем предложении. Однако, когда они перешли в гостиную, куда подали кофе и бренди, Анна почувствовала, что атмосфера разговора как-то неуловимо изменилась.

— Итак, моя дорогая юная барышня, вы подумали над тем важным вопросом, который я задал вам накануне своего отъезда?

Анна отхлебнула кофе, собираясь с мыслями. Хотя, по правде говоря, она уже раз сто повторила про себя все те слова, которые сейчас намеревалась сказать вслух.

— Герр Байер, для меня ваше предложение большая честь...

— Счастлив слышать это! — перебил он ее, широко улыбаясь.

— Да, я польщена, это так. Но, поразмыслив хорошенько, я пришла к выводу, что вынуждена отказать вам.

Выражение лица профессора мгновенно изменилось.

— Могу я поинтересоваться, почему? — спросил он, недовольно прищурившись.

— Потому что я чувствую, что не соответствую всем тем высоким... Словом, вам нужна совсем другая жена.

— Что за глупости! И что конкретно вы имеете в виду?

— У меня нет никаких задатков, чтобы в будущем стать хорошей хозяйкой и образцово вести ваш дом. У меня не хватает образования, чтобы развлекать ваших гостей. И потом...

— Анна! — Черты лица Байера немного разгладились, и Анна тут же сообразила, что она по глупости своей выбрала не совсем правильную аргументацию. — Вы — милая и очень скромная девушка. Вот и сейчас в вас говорит скромность. Как же вы не понимаете, что все эти мелочи не имеют для меня никакого значения?

Ваш талант с лихвой компенсирует все те качества, которых вам недостает. А ваша молодость и ваша неопытность — это тоже одна из причин, по которым вы стали мне так дороги. Поэтому прочь все сомнения, моя юная барышня! Перестаньте изводить себя мыслями, что вы недостойны меня. Я действительно очень привязался к вам. Полюбил всей душой... А что же до всего остального, варка, стирка, уборка, то для этих целей у меня имеется фрекен Олсдаттер.

В комнате повисло напряженное молчание. Анна лихорадочно пыталась найти другие, более убедительные доводы.

— Герр Байер...

— Анна, я же просил вас. Зовите меня просто Франц.

— Франц, что бы вы там ни говорили и как бы я ни чувствовала себя польщенной вашим предложением, я не могу принять его. И на этом все.

— У вас кто-то есть?

Анна невольно вздрогнула, услышав столь прямолинейный вопрос.

— Нет, но я...

— Анна, прежде чем вы продолжите, хочу сказать вам, что, несмотря на то, что последние несколько недель я отсутствовал в Христиании, у меня тут осталось достаточно осведомителей. Если вы отвергаете мое предложение руки и сердца из-за того смазливого хлыща, который пиликает на скрипочке в вашем оркестре, то я вынужден самым серьезным образом предупредить вас. И не только как любящий мужчина, готовый бросить к вашим ногам все, что вы пожелаете, о чем, быть может, вы никогда и не мечтали, но и как ваш более опытный, умудренный жизнью наставник и друг. Вы еще слишком юны и наивны, чтобы понимать все хитросплетения мира, в котором все мы живем.

Анна подавленно молчала, понимая, что потрясение от услышанного уже отразилось на ее лице.

— Так вот она — вся правда без прикрас! — Герр Байер звонко хлопнул себя по упитанным бедрам. — Я вынужден бороться за ваши чувства в одной компании с этим нищим, ни на что не годным мальчишкой, искателем дешевых приключений, подвизающимся в оркестре. Хороший же соперничек мне достался! — Он откинул голову и громко расхохотался. — Прошу простить мне, Анна, этот

неуместный смех. Но, видит Бог, вы только что в полной мере продемонстрировали мне, до какой же степени вы наивны.

— Простите и вы меня... Да, возможно, я наивна... Но мы *любим друг друга!* — Анна почувствовала, как ее начинает распирать самая обыкновенная злость. Как смеет этот человек так безжалостно насмеяться над ее чувствами? И над чувствами Йенса тоже. — И мне не важно, одобряете вы это или нет, это правда. — Она поднялась со стула. — В сложившихся обстоятельствах, думаю, мне лучше уйти. Хочу еще раз поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. И мне жаль, что я огорчила вас своим отказом.

Анна торопливо направилась к дверям, но Байер, сделав два больших шага, подскочил к ней и потянул назад.

— Подождите, Анна. Нельзя нам расстаться вот так. Пожалуйста, прошу вас, присядьте и успокойтесь. Давайте поговорим, как взрослые люди. В прошлом вы всегда относились ко мне с доверием. Я же хочу лишь одного: наглядно показать вам, какую огромную ошибку вы сейчас совершаете. Я прекрасно знаю этого человека. И отлично понимаю, кто он на самом деле. Вижу все те примитивные уловки, которые он пустил в ход, чтобы оболести вас. Вы ведь так невинны... И о да! Вы искренне верите в то, что влюблены в него. Так вот, скажу вам одно. Примете ли вы сейчас мое предложение или ответите мне отказом — это не столь уж и важно в сложившихся обстоятельствах. Важно другое. Этот человек не только разобьет вам сердце, он погубит вас, как погубил уже многих женщин до вас.

— Нет, это неправда! Вы не знаете его...

Анна в отчаянии заломила руки, слезы обиды и негодования градом покатались по ее лицу.

— Ну же! Успокойтесь, прошу вас. Это уже похоже на истерику. Давайте сядем и поговорим без эмоций.

Силы оставили Анну, и она позволила герру Байеру взять ее за руку и усадить в кресло.

— Моя дорогая девочка, — начал герр Байер, осторожно подбирая слова. — Вы, должно быть, в курсе, что у герра Халворсена были многочисленные связи с другими женщинами.

— Да, я знаю.

— Взять хотя бы Йорид Скровсет, она пела в хоре. Он разбил этой девушке сердце. Йорид ушла из театра и категорически отказалась

вернуться обратно. Да что там говорить! Сама мадам Хенсон вынуждена была уехать за границу, чтобы привести себя в норму после того, как жестоко обошелся с ней Йенс Халворсен. Частично именно поэтому вам и досталась ее роль в Театре Христиании.

— Но я знаю... Мне Йенс сам рассказывал...

— Простите меня, Анна, — перебил он ее. — Но вы совершенно не знаете этого человека. Понимаю, я вам не отец и, к великому сожалению, не ваш нареченный, а потому не могу влиять на ваши дальнейшие решения. Но повторяю вам еще раз, потому что я на самом деле глубоко озабочен вашей судьбой. Йенс Халворсен — это сплошные неприятности. Он уничтожит вас, Анна, как до этого уничтожил всех тех несчастных, которые попались в его сети. Он испорченный и в корне порочный человек. А главный его порок — это женщины и пьянство. Я боюсь за вас, говорю вам это совершенно искренне. И этот страх преследует меня с тех самых пор, как я впервые услышал о вашей... любовной истории, так сказать.

— Так вы все знали? — растерянно прошептала Анна, не смея поднять глаза на своего наставника.

— Давным-давно. И должен предупредить вас, что весь театр тоже в курсе вашего романа. Не скрою, именно эта новость и побудила меня поскорее сделать вам предложение. Уже хотя бы потому, что я хочу спасти вас и ваш талант от вас же самой. Знайте, если вы уйдете к нему, то очень скоро он бросит вас ради очередной жертвы. А я не могу смириться с мыслью о том, что вы жертвуете всем, своим будущим, своим талантом, ради этого само- влюбленного Казановы. Столько наших совместных усилий, столько труда — все будет брошено на ветер.

Анна молчала, не в силах найти подходящие слова для ответа. Герр Байер налил себе вторую порцию бренди.

— Поскольку вы молчите, тогда я скажу, что мы будем делать дальше. Если вы по-прежнему хотите быть с этим человеком, что ж, воля ваша... Но, так как мне будет больно наблюдать за тем, как станут развиваться дальше все эти драматичные события, я согласен с вами. Вы должны немедленно покинуть мою квартиру. А затем, после того, как закончатся представления спектакля «Пер Гюнт», можете отправляться вместе с ним в Лейпциг. — Профессор глянул на ошеломленное лицо Анны и продолжил: — Если вы считаете, что это

именно то, что вам нужно, я тут же вручу вам все те деньги, которые вы заработали в театре. И, как говорится, скатертью дорога. Но если мои слова все же нашли хоть малейший отклик в вашей душе и заставили вас задуматься над случившимся, более того, если вы готовы порвать с герром Халворсеном и стать моей женой, не сразу, а когда закончится траур по моей матушке, тогда милости просим! Живите здесь и дальше. Ей-богу, не стоит делать никаких резких движений. Спешка тут совсем ни к чему. Пока мне важно знать лишь ваши дальнейшие намерения, и только. Прошу вас, Анна... Умоляю... Подумайте еще раз над моими словами, прежде чем принимать окончательное решение. Ибо это решение поистине судьбоносное. От него зависит вся ваша будущая жизнь, изменится она в лучшую сторону или пойдет под откос.

— Но если вы все знали, то почему не сказали мне об этом раньше? — жалобно спросила она. — Получается, что вы знали и то, что я откажу вам, да?

— Частично потому, что я виню во всем случившемся в первую очередь самого себя. Я долгое время отсутствовал в Христиании, меня не было рядом, чтобы оградить вас от ухаживаний этого ловеласа. Но сейчас, слава богу, я вернулся и заявляю со всей ответственностью, что *смогу защитить* вас. Но при одном условии. Вы немедленно вычеркиваете Йенса Халворсена из своей жизни. Если бы вы отказали мне ради какого-то другого своего воздыхателя, я бы смирился и принял все как должное. Но в этом случае я не могу оставаться в стороне. Потому что знаю наверняка, этот человек погубит вас.

— Я люблю его, — выдохнула Анна, понимая всю бессмысленность своего признания.

— Знаю, вам кажется, что вы его любите. И понимаю, вам будет тяжело согласиться на те условия, которые я вам только что озвучил. Но когда-нибудь, надеюсь, вы поймете, что я руководствовался самыми добрыми побуждениями и исключительно в ваших же интересах. А сейчас, думаю, нам обоим пора немного отдохнуть. Последние несколько недель были для меня очень изнурительными. Я страшно устал. — Герр Байер взял руку Анны и поцеловал ее. — Доброй ночи, Анна. И сладких вам снов.

Вечером следующего дня Анна отправилась в театр почти с радостью. Там все было как обычно, и это тоже подействовало на нее успокаивающе. Всю минувшую ночь она не сомкнула глаз, снова и снова прокручивая в голове их разговор с герром Байером. Что делать? Последовать голосу разума? Или прислушаться к зову собственного сердца? Как ни верти, а в словах герра Байера много правды, особенно если посмотреть на все происходящее глазами постороннего человека. Ведь и у нее самой поначалу были точно такие же мысли касательно Йенса. Так за что же ей винить герра Байера или упрекать его в какой-то необъективности? И, уж само собой, все в один голос будут советовать ей выйти замуж за профессора, а не за какого-то нищего музыканта без гроша за душой.

Однако все эти рациональные и правильные доводы не разрешали и не могли разрешить в принципе самую главную дилемму. Ибо стоило Анне только подумать о том, что придется порвать с Йенсом Халворсенем, расстаться с ним навсегда, и она понимала, что такое просто невозможно, что она никогда этого не сделает, и все, даже самые разумные аргументы тотчас же превращались в пыль.

Вот и сейчас, покидая свою гримерную, чтобы направиться на сцену, она подумала о том, какое это счастье, что уже через пару минут она увидит Йенса. По крайней мере, он хоть как-то подбодрит ее своими взглядами из оркестровой ямы. В этих взглядах столько любви и нежности. Она уже написала ему коротенькую записку с предложением встретиться сразу же после окончания спектакля. В первом антракте она попросит Руди отнести записку Йенсу. Начался спектакль, и Анна тотчас же постаралась взять себя в руки, чтобы успокоиться и немного унять сердцебиение. Она вышла на авансцену, начала декламировать первые строки из своей роли и тут же исподтишка бросила взгляд в оркестровую яму, чтобы встретиться с глазами Йенса.

И, к своему ужасу, обнаружила, что Йенса на месте нет. Вместо него на стуле восседает миниатюрный пожилой мужчина, очень похожий на сказочного эльфа.

К концу первого акта Анна была уже сама не своя от всяких дурных предчувствий. Спустившись со сцены, она попросила Руди заглянуть к ней в гримерную.

— Добрый вечер, фрекен Анна. Как ваши дела?

— Со мной все в порядке, — бодро солгала Анна. — А ты, случайно, не знаешь, куда подевался герр Халворсен? Я смотрю, он сегодня не выступает в составе оркестра.

— Правда? Вот так номер! В первый раз слышу нечто такое, чего пока не знаю сам. Сейчас побегу, выясню, в чем там дело.

— Сделай одолжение.

— Договорились. Но на это уйдет какое-то время. Поэтому я прибегу к вам уже во втором антракте, ладно?

Весь второй акт Анна провела на грани отчаяния. Когда в антракте к ней в примерную наконец заглянул Руди, она уже была в полуобморочном состоянии от того внутреннего напряжения, в котором пребывала все это время. Незнание пугало, и Анна не могла дожидаться новостей от Руди.

— Никто ничего не знает, фрекен Анна, — прямо с порога объявил ей мальчик. — Может, он заболел. Одно точно. В театре его сегодня никто не видел.

Анна плохо помнила, как доиграла спектакль до конца. Все было как в тумане. Как только отшумели аплодисменты и закончились выходы на поклон, она опрометью бросилась к себе в примерную, торопливо переделалась и, усевшись в карету, велела извозчику везти ее напрямик на квартиру Йенса. Вот экипаж остановился возле знакомого дома, Анна бросила возницу, чтобы тот ее обождал, а сама бегом помчалась к подъезду, вбежала в парадное и так же бегом стала подниматься по лестнице вверх. Запыхавшись, стала что есть силы барабанить в дверь. Но вот в прихожей послышались чьи-то шаги.

Дверь широко распахнулась, и Анна увидела перед собой Йенса. И тут же рухнула в его объятия, обессиленно прошептав:

— Слава богу! Слава богу! Я уже...

— Анна, ты? — Йенс почти силой втащил ее в прихожую. Анна вся дрожала. Он обнял ее за плечи и повел в гостиную.

— Где ты был? Я уже подумала, что ты уехал, и я...

— Анна, прошу тебя, успокойся. Позволь, я все сейчас объясню тебе. — Йенс усадил Анну в кресло, а сам пристроился рядом. — Сегодня я приехал в театр, как обычно, к началу репетиции, и тут Йохан Хеннум объявляет мне, что в моих услугах оркестр более не нуждается. Они уже подыскали себе и другого флейтиста, и другого скрипача. И те сразу же заменили меня. Я поинтересовался у него,

отстраняют меня от работы временно или навсегда. И он ответил, что навсегда. Он выплатил мне в полном объеме всю зарплату и отослал восвояси. Клянусь тебе, Анна, я и понятия не имею, за что меня уволили.

— Зато я имею! Ах, боже мой, боже... — Анна обхватила голову обеими руками. — Все дело не в тебе и не в твоём поведении. Все дело во мне. Вчера вечером я объявила герру Байеру, что не могу стать его женой. Тогда он, в свою очередь, сообщил мне, что прекрасно осведомлен о нас с тобой. Представляешь?! И добавил, что позволит мне и дальше жить под одной крышей с ним лишь при одном условии. Если я немедленно порву с тобой. А поскольку я не готова пойти на такой шаг, то должна немедленно покинуть его дом.

— Вот беда! — тяжело вздохнул Йенс. — Теперь все понятно. Вначале тебе предложили покинуть его квартиру, затем мне предложили покинуть оркестр. Наверняка он все рассказал Хеннуму и Джозефсону. Да еще добавил, что я, дескать, дурно влияю на их восходящую юную звезду.

— Прости меня, Йенс. Никогда не думала, что герр Байер способен на такую подлость.

— А я говорил тебе, предупреждал. Помнишь? Еще как способен! — пробормотал Йенс. — Что ж, теперь я хотя бы знаю, почему меня так внезапно выставили за дверь.

— И что ты сейчас собираешься делать?

— Уже делаю. Как видишь, я складываю свои вещи.

— Собираешься уезжать? Но куда? — в ужасе воскликнула Анна.

— В Лейпциг. Куда же еще? Ведь это же очевидно даже слепцу. Здесь у меня нет будущего. Я решил уехать, и как можно скорее.

— Понятно. — Анна опустила глаза, прилагая все усилия, чтобы не расплакаться от такой новости.

— Я собирался написать тебе письмо и оставить его в театре.

— Неужели и правда собирался? Или просто выдумываешь? А на самом деле решил исчезнуть, даже не попрощавшись.

— Анна, родная моя, понимаю, как тебе сейчас трудно. Иди же ко мне. — Йенс заключил Анну в объятия и стал ласково гладить ее по спине. — Но ведь и мне непросто. Я же узнал о своем увольнении всего лишь несколько часов тому назад. Само собой, я намеревался все

рассказать тебе. А как же иначе? Если ты еще помнишь, ведь это я умолял тебя поехать в Лейпциг вместе со мной.

— Да... Ты прав. — Анна вытерла слезы с глаз. — Я просто не в себе немного. А еще зла на герра Байера за то, что тебя так наказали из-за меня.

— Не расстраивайся, не надо. В конце концов, все идет по плану. Я же все равно собирался уезжать. Просто весь процесс ускорился, только и всего. Герр Байер был очень зол на тебя, любовь моя?

— Нет, он вообще не злился. Только сказал, что не хочет, чтобы я загубила свою жизнь, оставшись с тобой. И добавил, что ради собственного блага я не должна видаться с тобой впредь.

— И поэтому меня таким бесцеремонным образом вышвырнули вон из оркестровой ямы. И что ты сейчас собираешься делать?

— Герр Байер дал мне день на размышления. Но как он может! Как он *посмел* так грубо вмешиваться в нашу с тобой жизнь!

— Да, мы с тобой оказались в положении хуже некуда. — Йенс тяжело вздохнул. — Что ж, я уезжаю завтра. Занятия в консерватории начались всего лишь две недели назад. Так что я немного пропустил. А ты, если захочешь, приедешь в Лейпциг и присоединишься ко мне уже после того, как завершится показ всех спектаклей «Пер Гюнт».

— Йенс, после того, что они сделали с тобой, я никогда более не переступлю порог театра. Никогда! — Анну даже передернуло от возмущения. — Я поеду с тобой прямо сейчас.

Йенс бросил на нее изумленный взгляд.

— Ты полагаешь, Анна, что это разумный шаг? Ведь если ты покинешь театр до завершения сезона, то ты уже никогда не сможешь более выступать на подмостках Театра Христиании. Твое имя навечно занесут в черные списки. Впрочем, как и мое.

— А я и сама не захочу там больше появляться, — с жаром возразила она. Глаза ее сверкали от негодования. — Я никогда и никому не позволю, как бы ни был этот человек влиятелен и богат, обращаться со мной так, будто я его собственность.

Йенс издал короткий смешок. Воинственность Анны откровенно позабавила его.

— Вот ты какая боевая! Вижу, что под милой и нежной оболочкой скромницы и тихони скрывается самая настоящая смутьянка. Я прав?

— Такой уж меня воспитали... Чтобы уметь отличать хорошее от плохого. А я прекрасно понимаю, что с тобой они сейчас обошлись плохо. Очень плохо.

— Ты права, любовь моя. Но, к большому сожалению, мы не в силах что-то изменить. А потому, Анна, со всей ответственностью предупреждаю тебя еще раз. Как бы велико ни было твое негодование, хорошенько подумай, прежде чем уехать вместе со мной завтра. Я не хочу стать причиной краха твоей театральной карьеры. И знай, — он жестом приказал ей замолчать, увидев, что она уже открыла рот, чтобы возразить ему, — я говорю это вовсе не потому, что не хочу, чтобы ты поехала вместе со мной. Но подумай сама. Завтра мы ступим на паром, который доставит нас в Гамбург, потом сядем на ночной поезд до Лейпцига. А ведь мы оба и понятия не имеем пока, куда нам преклонить свои головы по прибытии туда. Мы даже не знаем, зачислят ли меня в консерваторию.

— Конечно, зачислят, Йенс. Ведь у тебя же есть рекомендательное письмо от самого маэстро Грига.

— Да, письмо имеется. И вполне возможно, меня примут в консерваторию. Но в любом случае не забывай: я — мужчина и могу переносить всяческие физические лишения, а ты — молодая девушка, и у тебя есть... свои потребности.

— Да, но эта молодая девушка родилась и выросла в деревне. А туалет в доме увидела, лишь когда попала в Христианию, — возразила Анна. — Честное слово, Йенс, у меня такое чувство, что ты стараешься изо всех сил, чтобы уговорить меня не ехать с тобой.

— Ничего я не стараюсь. Но потом не говори, что я тебя ни о чем не предупреждал, ладно? — Неожиданно он улыбнулся. — Что ж, я действительно старался, как мог, чтобы переубедить тебя, но ты, любовь моя, отказалась внимать голосу разума. Во всяком случае, совесть моя чиста. Завтра на рассвете мы уезжаем. Приходи сюда, Анна. Будем держаться вместе, черпать силы друг у друга. Мы с тобой связываемся в очень рискованное предприятие, и впереди нас ждет еще много испытаний.

Йенс поцеловал Анну, и его поцелуй мгновенно растопил все ее сомнения. Что из того, что он пытался отговорить ее? Он же хотел как лучше. Думал о ее благе. Но вот наконец их уста разъединились, и

Анна положила голову на грудь возлюбленному, а тот стал ласково гладить ее волосы.

— И вот что еще мы должны с тобой обсудить, дорогая. В дороге мы будем выдавать себя за супружескую пару. И в Лейпциге тоже. Уже завтра утром в глазах всех окружающих ты станешь фру Халворсен. Иначе ни один уважающий себя хозяин дома не сдаст нам квартиру, особенно если поймет, что имеет дело с обычной любовной парочкой. Что скажешь на это?

— Скажу, что мы должны будем пожениться сразу же по приезде в Лейпциг. Я не смогу допустить... любые... — Голос ее сорвался, и она сконфуженно умолкла.

— Разумеется, мы поженимся, Анна. И, пожалуйста, не волнуйся. Даже если нам придется ночевать в одной постели, верь, я поведу себя как порядочный человек. Никаких поползновений с моей стороны. А сейчас... — Йенс выскочил из комнаты и через короткое время вернулся с небольшой бархатной коробочкой в руке. — Отныне ты будешь носить вот это. Это обручальное кольцо моей бабушки. Мама вручила его мне перед тем, как я покинул дом. Сказала, что я могу продать кольцо, если мне вдруг понадобятся деньги. Можно я надену его тебе на палец?

Анна молча смотрела на тоненькое золотое колечко. Нет, совсем не о такой свадьбе она когда-то мечтала. Но приходится принимать жизнь такой, какая она есть.

— Я люблю вас, фру Халворсен. — С этими словами Йенс осторожно надел кольцо на ее палец. — Обещаю, в Лейпциге мы с тобой поженимся по-настоящему. А сейчас тебе пора домой, чтобы подготовиться к завтрашнему отъезду. Сможешь приехать ко мне в шесть утра?

— Смогу, — твердо пообещала она, направляясь к дверям. — Маловероятно, что я вообще смогу сегодня заснуть.

— Анна, а деньги хоть какие-то у тебя есть?

— Нет, денег у меня нет. — Она слегка прикусила губу. — Едва ли после всего случившегося я стану просить у герра Байера, чтобы он отдал мою зарплату. Да и неправильно все это будет. Ведь я страшно подвела его. И других тоже.

— Тогда заживем мы с тобой, как двое бездомных нищих. Но не беда. Рано или поздно мы все же встанем на ноги, я думаю.

— Конечно, встанем. Спокойной ночи, Йенс, — тихо обронила в ответ Анна.

— Спокойной ночи, любовь моя.

* * *

Когда Анна вернулась домой, в квартире царила тишина. Крадучись Анна стала пробираться по коридору к себе в комнату, но в эту минуту заметила встревоженное лицо фрекен Олсдаттер, выглядывавшее из-за дверей.

— Я тут вся испереживалась, Анна, — прошептала она, делая ей шаг навстречу. — Слава богу, что герр Байер сегодня рано отправился на покой. Вечером жаловался, что у него озноб. Где вы пропадали?

— Я была в городе, — ответила Анна, берясь за дверную ручку, намереваясь поскорее войти к себе в комнату. Больше она ни перед кем не станет отчитываться.

— Давайте пройдем на кухню. Я подогрею вам молока.

— Я... — начала Анна, но тут же спохватилась. Экономка была так добра к ней все то время, что она жила здесь. Как же может она покинуть дом профессора, ничего не рассказав фрекен Олсдаттер? — Спасибо, — коротко поблагодарила она экономку и проследовала за ней на кухню.

За чашкой молока Анна рассказала все без утайки. В конце своего рассказа она даже почувствовала некоторое облегчение от того, что проявила откровенность.

— Вот так дела! — растерянно пробормотала фрекен Олсдаттер. — А вы, Анна, оказывается, большая мастерица по части разбивания мужских сердец. Кавалеры буквально не дают вам проходу. Итак, вы решили уехать вместе со своим скрипачом в Лейпциг? Немедленно?

— У меня нет иного выбора. Герр Байер предупредил меня, что если я не порву с Йенсом прямо сейчас, то должна незамедлительно покинуть его дом. А после того, как он попросил герра Хеннума уволить Йенса из оркестра, я больше не желаю находиться в Христиании ни минуты.

— А вам не приходило в голову, Анна, что герр Байер просто старается защитить вас? Что на самом деле он движим самыми благими побуждениями?

— Какие же это благие побуждения, если *он хочет* того, чего *не хочу я*?

— Но как же ваша певческая карьера, Анна? Вы ведь так талантливы. По-моему, вы приносите слишком большую жертву, даже во имя любви.

— Но так надо! Я не могу остаться в Христиании без Йенса, — упорствовала Анна. — И потом, я же могу петь где угодно. Сам маэстро Григ обещал мне свою поддержку, если я обращусь к нему за помощью.

— Что ж, герр Григ действительно очень влиятельный человек, — согласилась с ней экономка. — А как у вас насчет денег, Анна?

— Герр Байер пообещал отдать все заработанные мною деньги. Но я решила, что не стану просить его ни о чем.

— Это очень благородно с вашей стороны. Но даже влюбленным надобно что-то есть. Да и крыша над головой им тоже нужна. — Фрекен Олсдаттер поднялась со своего места и направилась к кухонному буфету. Выдвинула один из ящиков и достала оттуда железную коробку. Потом взяла маленький ключик, болтавшийся у нее на поясе на тонкой цепочке, и отомкнула замок. Внутри коробки лежал кисет, полный монет. Она вручила кисет Анне. — Вот! Это мои сбережения. Мне пока деньги не нужны, а вам они сейчас очень пригодятся. Я не могу допустить, чтобы вы покинули этот дом с пустыми руками.

— О, что вы! Я ни за что не возьму у вас эти деньги! Я не могу... — жалобно взмолилась Анна.

— Сможете! И возьмете как миленькая! — сказала, как отрезала, фрекен Олсдаттер. — В один прекрасный день, когда я узнаю, что вы выступаете в Лейпцигской опере, я разрешу вам пригласить меня на спектакль. Буду сидеть и слушать вас. Это и станет вашей платой мне.

— Спасибо вам, фрекен Олсдаттер, спасибо! Вы так добры, так добры. — Анну до глубины души тронул этот великодушный жест со стороны экономки. Анна взяла фрекен Олсдаттер за руку и промолвила, глядя ей в глаза: — Вы, наверное, думаете, что я поступаю плохо?

— Кто я такая, чтобы судить других? Но как бы ни отразилось ваше решение на вашем будущем, будет оно во благо или нет, скажу лишь одно. Вы — мужественная девушка и к тому же с твердыми принципами. А потому я не могу не восхищаться силой вашего характера. Возможно, потом, когда пройдет какое-то время и вы немного успокоитесь, вы напишете герру Байеру?

— Боюсь, он будет очень зол на меня.

— Не будет, Анна, уверяю вас. Скорее он будет сильно тосковать по вас. Это в ваших глазах он уже старик, но не забывайте, с возрастом наши сердца открыты чувствам точно так же, как и в молодости. Не вините его за то, что он влюбился в вас и вознамерился оставить рядом с собой навсегда... любой ценой. А сейчас, поскольку вам завтра подниматься ни свет ни заря, советую поскорее улечься в кровать и постараться хоть немного поспать, если сможете.

— Постараюсь.

— И пожалуйста, Анна. Обязательно напишите мне из Лейпцига. Дайте знать, что с вами все в порядке. Герр Байер — не единственный обитатель этой квартиры, кто станет скучать, когда вы уедете. И помните, у вас есть молодость, талант и красота. Не растрачивайте эти дары понапрасну, ладно?

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы этого не случилось. Спасибо вам, фрекен Олсдаттер, за все.

— А что же вы скажете своим родителям? — неожиданно спросила у Анны фрекен Олсдаттер.

— Сама не знаю, — вздохнула та в ответ. — Честное слово, не знаю. Всего вам доброго. Прощайте.

Паром вышел из фьорда и взял курс на Гамбург, шумно выпуская клубы дыма и пара из всех своих труб. Анна стояла на палубе одна и смотрела, как стремительно удаляется от нее родной берег, уже теряясь в осенней дымке. Она смотрела и задавалась лишь одним вопросом: а увидит ли она еще когда-нибудь эти берега?

Ровно через сутки Анна и Йенс наконец-то ступили на платформу Лейпцигского железнодорожного вокзала. Было еще очень рано, солнце едва встало. Анна была вымотана сверх всяких сил. Она едва держалась на ногах. Йенс нес свой чемодан и ее дорожную сумку. В поезде, следовавшем из Гамбурга в Лейпциг, имелись и спальные вагоны, но влюбленные посчитали, что не стоит тратить деньги на удобные спальные места, и поехали в общем вагоне. Всю ночь просидели, выпрямившись, на жестких скамьях. Правда, Йенс мгновенно задремал, уронив голову на плечо Анне. Чем дальше уносил их поезд к месту назначения, тем сильнее одолевали ее сомнения. Невероятно, думала она, решиться на такой смелый шаг. Неужели это все сотворила она?

Но вот наконец наступило утро, яркое солнечное утро. Они вышли из вокзала, кишящего народом, и направились к центру города. Как ни устала Анна, но все же и она, оглянувшись по сторонам, сумела оценить красоту Лейпцига. Даже настроение немного поднялось от увиденного. Широкие мощные улицы, застроенные по обе стороны высокими каменными домами. Прямо не дома, а величественные дворцы, один краше другого. Многие здания украшены декоративной лепниной, с резными фронтонами, с нарядными широкими окнами в элегантных переплетах. Прохожие разговаривали между собой на незнакомом языке, проглатывая буквы и даже целые слоги. За время долгого путешествия поездом Анна уже немного привыкла к особенностям немецкой речи. К тому же Йенс успокоил ее, сказал, что

владеет немецким более или менее сносно. Сама она пока смогла понять лишь пару слов, похожих на норвежские.

Наконец они оказались на центральной рыночной площади. Рядом с площадью бросалось в глаза величественное здание городской ратуши под красной черепичной крышей с высокой куполообразной башней, украшенной курантами. По фасаду ратуши протянулись арочные своды. Рыночная площадь уже была заставлена прилавками и кишела народом. Йенс остановился возле одного из прилавков, на который продавец выкладывал свежую хлебную выпечку. Анна с наслаждением втянула в себя вкусный аромат сдобы и только тут поняла, как же сильно она проголодалась.

Однако Йенс не собирался ничего покупать.

— *Entschuldigung Sie, bitte. Wissen Sie wo die Pension in der Elsterstrabe ist?* — поинтересовался он у продавца. Тот что-то ответил ему.

— Отлично! — воскликнул Йенс. — Оказывается, мы совсем рядом с тем самым пансионом, который и порекомендовал мне маэстро Григ.

Пансион разместился в скромном, наполовину деревянном здании на узенькой улочке, примыкающей к площади. Анна прочитала вывеску с названием улицы: *Elsterstrabe*. Все здесь было совсем иным в сравнении с теми красивыми улицами, которые они только что миновали, добираясь до Рыночной площади. Никакой помпезности и никаких признаков роскоши. Все довольно убогое, общее впечатление затрапезности и нищеты. Но Анна тут же напомнила себе, что пока они могут позволить себе только такое жилье, и безропотно поплелась вслед за Йенсом. Он подошел к входной двери и громко постучал дверным молотком. Спустя пару минут на пороге появилась женщина, поспешно запахивая на себе халат, чтобы спрятать под ним ночную сорочку. Анна сообразила, что еще нет и семи утра.

— *Um Himmels willen, was wollen Sie denn?!* — недовольно поинтересовалась у них хозяйка.

Йенс ответил что-то по-немецки. Из всего Анна поняла лишь «герр Григ». Однако, услышав имя известного композитора, женщина подобрела, черты ее лица разгладились, и она впустила молодых людей в прихожую.

— Хозяйка говорит, что сейчас у нее все комнаты заняты. — Йенс принялся переводить для Анны монолог женщины. — Но коль скоро нас прислал к ней сам герр Григ, то она может временно поселить нас в комнате для прислуги, которая расположена в мансарде.

Потом они долго карабкались вверх по узеньким деревянным ступеням, жалобно повизгивающим под их ногами. Наконец они поднялись на самый верхний этаж. Женщина распахнула дверь в крохотную каморку, примостившуюся под крышей. Из мебели — только узкая железная кровать и небольшой комод. На нем — таз и кувшин с водой. Но в целом комната выглядела чистой и опрятной.

Последовал еще один короткий обмен репликами на немецком, в ходе которого Йенс жестом указал хозяйке на кровать. Женщина кивнула головой и удалилась.

— Я предупредил ее, что мы поселимся у нее временно, пока я не подыщу нам более подходящее жилье. А еще я сказал, что кровать слишком узкая для двоих. Сейчас она принесет какой-нибудь тюфяк, и я улягусь на полу.

Оба они замерли посреди комнаты, погрузившись в унылое молчание. Наконец появилась хозяйка с тюфяком в руках. Йенс выудил из кармана несколько монеток.

— *Nur Goldmark, keine Kronen*, — отрицательно замотала головой женщина.

— Возьмите пока кроны, а я в течение дня поменяю деньги и заплачу как положено, — предложил Йенс.

Она неохотно взяла протянутые монетки и положила их в карман. Потом еще дала какие-то инструкции Йенсу, указав пальцем под кровать, после чего покинула комнату.

Анна, пошатываясь от усталости, села на кровать. Голова кружилась, но еще сильнее подпирала нужда. Ей срочно необходимо в уборную. Краснея от смущения, она спросила Йенса, не объяснила ли ему хозяйка, где у них тут туалет.

— Вынужден тебя разочаровать. Вон там. — Он ткнул пальцем под кровать. — Справляй свою нужду, а я пока постою за дверью...

Щеки Анны пылали от стыда, но, едва Йенс вышел за дверь, она быстренько сделала все то, что отчаянно хотела уже на протяжении нескольких часов. Ее невольно передернуло, когда она накрыла

содержимое горшка муслиновой салфеткой, которая прилагалась к горшку вместо крышки. После чего позвала Йенса обратно в комнату.

— Ну как самочувствие? Получше? — ухмыльнулся он.

— Получше, — натянуто ответила Анна.

— Вот и отлично! А сейчас давай немного отдохнем с дороги.

Анна покраснела и отвела глаза в сторону, когда Йенс стал поспешно сдирать с себя одежду. Наконец он остался перед ней в одних хлопчатобумажных кальсонах и нижней рубашке. И тут же улегся на матрас, укрывшись своим пальто.

— Не беспокойся, Анна. Я не стану подглядывать. Честное слово! — Йенс издал короткий смешок. — Сладких тебе снов, любимая. Вот увидишь, поспим немного, и нам станет гораздо лучше. — Йенс послал ей воздушный поцелуй и перевернулся на другой бок, лицом к стенке.

Анна развязала ленты на своем плаще, потом сняла с себя тяжелую юбку и блузку, оставшись в нижней сорочке и штанишках. Йенс уже начал тихо похрапывать во сне. Анна залезла под кусачее шерстяное одеяло и положила голову на подушку.

«Что я учудила?» — спросила она себя мысленно. Герр Байер был абсолютно прав. Наивная и упрямая девчонка, вот кто она на самом деле! К тому же совершенно не задумывающаяся о последствиях своего шага. И вот итог! Все мосты за собой она уже сожгла, отрезав пути к отступлению, а в результате очутилась в этой убогой комнатенке, в которой катастрофически не хватает свежего воздуха. Да еще совсем рядом с мужчиной, с которым они пока еще не повенчаны. Даже нужду они вынуждены будут справлять практически на глазах друг у друга.

— Господи, прости мне то зло, что я причинила другим людям, — прошептала Анна, обращаясь к небесам. Наверняка ведь Господь в эту минуту взирает на нее с высоты. Он все видит, все понимает и скоро выпишет ей билет в преисподнюю. Наконец Анна забылась тяжелым, беспокойным сном.

* * *

Анна уже успела подняться с кровати и одеться, когда Йенс наконец пошевелился в своем углу. Ей отчаянно хотелось пить. К тому же мучил голод.

— Удобная кровать? — спросил он, зевая и потягиваясь.

— Постараюсь привыкнуть к ней.

— А сейчас, — Йенс стал одеваться, и Анна тотчас же отвернулась от него, — мы должны поменять наши кроны на немецкие марки. Самое время перекусить чего-нибудь. Но вначале я попрошу тебя покинуть комнату и дать мне опорожниться. Подожди меня снаружи, ладно?

Анна замерла в смятении при мысли о том, что он сейчас увидит в горшке. Однако молча вышла за дверь. Через какое-то время появился Йенс, к ее ужасу, с горшком в руках.

— Надо спросить хозяйку, куда нам девать содержимое, — сказал он и, миновав Анну, стал спускаться по скрипучей лестнице.

Анна, пламенея от стыда, поплелась следом. Конечно, до своего приезда в Христианию она была простой деревенской девчонкой. Но никогда еще за всю жизнь ей не приходилось сталкиваться с таким омерзительным и грязным действием. Дома в Хеддале туалет у них, конечно, был во дворе. Все просто, но чисто, и гораздо комфортнее, чем ночной горшок с салфеткой вместо крышки. У герра Байера Анна быстро привыкла ко всем современным удобствам, к комфортной ванной комнате, к удобному унитазу. Впервые она задумалась над тем, как же справляют свою нужду простые горожане, а главное, куда они потом девают свои испражнения.

Они столкнулись с хозяйкой в холле, и Йенс вручил ей горшок с таким видом, словно это была кастрюля с мясным рагу. Она молча указала куда-то в глубь дома, но взяла горшок из его рук.

— Так, одно дело сделано, — радостно провозгласил Йенс, открывая входную дверь.

Они пошли по запруженным народом улицам. На небольшой площади отыскивали какую-то пивную и сразу же уселись за столик. Йенс заказал пиво, а потом они оба уставились на грифельную доску, на которой мелом было нацарапано не очень обширное меню. Анна не смогла прочитать ни единого слова.

— Ну вот! Выбор такой: их хваленые колбаски. Говорят, они тут очень вкусные, правда, пожирнее, чем у нас дома, — начал переводить

меню Йенс. — А дальше какой-то *Knodel*... Только не спрашивай меня, что это такое. Шпик, ну это понятно. Сало, одним словом...

— Заказывай мне то же, что и себе, — устало бросила Анна. Официант принес пиво и поставил на стол миску с черным хлебом. Хотя вода была бы предпочтительнее, но, увидев кружку, Анна схватила ее и с жадностью припала к пиву.

Потом глянула сквозь мутные окна на улицу. На площади было многолюдно. Женщины в подавляющем большинстве облачены в простые темные платья с белыми или серыми фартуками поверх, которые еще больше подчеркивали их бледную кожу и тонкие, чисто немецкие черты лица. Анна ожидала увидеть в Лейпциге более нарядную и рафинированную публику. Ведь ей говорили, что Лейпциг — один из важнейших городов Европы. Но вот по улице проехал старинный экипаж, мельком явив взору модную шляпку с перьями на голове какой-то богатой горожанки.

Наконец подали обед, и Анна в один присест разделалась с жирными колбасками и картошкой. Пиво уже успело ударить ей в голову. Анна улыбнулась Йенсу и посмотрела на него влюбленным взглядом.

— Как мне попросить воды по-немецки?

— Скажи *Ein Wasser, bitte*, — ответил Йенс и тут же переключил свое внимание на небольшой уличный оркестрик. Несколько музыкантов играли на скрипках, перед ними лежала шапка, куда прохожие бросали монетки. Анна заметила, как Йенс подался к окну, с наслаждением вслушиваясь в звуки музыки.

— Ну разве не прекрасный город, этот Лейпциг? — воскликнул он с жаром. — Вот где наша судьба. Уверен в этом! — Он потянулся через стол и взял Анну за руку. — И как тебе самое начало нашего приключения, любовь моя?

— Я чувствую себя грязной, Йенс. Как ты думаешь, когда мы вернемся в гостиницу, можно ли будет спросить у хозяйки, есть ли у них место, где можно помыться и постирать свою одежду?

Йенс посмотрел на нее тяжелым, немигающим взглядом.

— Анна, очнись! А кто говорил, что она простая деревенская девушка, привыкшая к лишениям и неудобствам? И это все, что ты мне можешь сказать про город Лейпциг?

Анна с тоской подумала о своем родном Хеддале. Вспомнила, как зимой они собирали на дворе чистый снег, потом топили его на огне и мылись в этой воде. А летом вокруг их фермы полно чистых прозрачных ручьев, в которых всегда можно искупаться.

— Прости. Я привыкну ко всему. Постараюсь. Думаю, у меня получится.

Йенс взялся за вторую кружку с пивом, но тут же отставил ее в сторону.

— А знаешь, я даже должен быть благодарен герру Байеру за то, что он почти насильно выпроводил меня навстречу будущему.

— Я рада, что тебе здесь нравится, Йенс.

— Очень нравится! Ты только вдохни полной грудью этот воздух, Анна. Он здесь совсем иной, чем в Христиании. Этот город наполнен творчеством и музыкой. Взгляни, какая толпа народа собралась возле этих уличных музыкантов. Видела ли ты нечто подобное у нас? Да, в этом городе музыка действительно правит бал. И никто не насмехается над музыкантами, не упрекает их в пустячности занятий. Подумать только! И я *тоже стану* участником этого бала.

С этими словами Йенс осушил вторую кружку пива и, швырнув несколько монеток на стол, поднялся со своего места.

— А сейчас нам надо вернуться к себе. Я возьму рекомендательное письмо от маэстро Грига и отправлюсь вместе с ним напрямик в консерваторию. Вот оно, начало новой жизни, о которой я всегда мечтал.

Возвратившись в пансион, Йенс порылся в своем чемодане и извлек из него драгоценное письмо. Поцеловав Анну, ринулся к дверям.

— Ты пока отдыхай, дорогая. А я скоро вернусь с вином и хорошими новостями.

— А ты спросишь, не могли бы они прослушать, как я пою? — крикнула она ему вдогонку, но дверь за Йенсом уже захлопнулась.

Анна обессиленно опустилась на кровать. Наконец-то до нее дошло, что у этого их так называемого «приключения» есть две стороны, как у той медали. И у нее, и у Йенса своя сторона. Йенс бежал из Христиании *навстречу чему-то*. Она же убежала *от того, что имела*. Но главное, думала она, мысленно приходя в полнейшее отчаяние, уже ничего нельзя исправить или поменять.

Через несколько часов вернулся Йенс. Судя по выражению его лица, он пребывал в полной эйфории.

— Когда я переступил порог консерватории и спросил у швейцара, могу ли я увидеть ректора, господина Шлинца, тот глянул на меня, как на деревенского идиота. Тогда я показал ему свое рекомендательное письмо. Он прочитал его и тут же побежал вместе с письмом в кабинет ректора. Представляешь? Через какое-то время тот спустился и попросил меня сыграть на скрипке, затем наиграть одну из своих композиций на рояле. И ты не поверишь! — Йенс энергично рассек кулаком воздух. — Он мне даже отвесил поклон! Анна, он мне поклонился! Потом мы с ним поговорили немного о маэстро Григе. Ректор сказал, что для консерватории большая честь, если в ее стенах будет обучаться протеже самого Грига. Словом, с завтрашнего дня я приступаю к занятиям в Лейпцигской консерватории.

— Ах, Йенс! Как же я за тебя рада! Чудесная новость! — Анна изо всех сил постаралась придать своему голосу как можно больше жизнерадостности.

— Я заскочил по пути в ателье, заплатил закройщику двойную цену, чтобы они к завтрашнему утру подобрали мне что-нибудь приличное. Не хочу, чтобы в консерватории меня посчитали за эдакого простачка из страны фьордов. Ну разве все это не здорово? — Йенс рассмеялся, потом обнял Анну за талию, слегка приподнял ее и закружил по комнате. — Но прежде чем мы с тобой начнем праздновать нашу первую победу, нам надо перебраться на новую квартиру.

— Ты уже что-то подыскал?

— Да. Не дворец, конечно, но гораздо лучше этой убогой лачуги. Ты пока тут складывай вещи, а я пойду рассчитаюсь с хозяйкой. Отдам ей золотые марки. Буду ждать тебя внизу.

— Я...

Анна уже приготовилась сказать, что едва ли она сможет снести вниз чемодан Йенса и свою дорожную сумку, но он уже опять успел скрыться за дверью. Спустя несколько минут Анна, пыхтя от напряжения, с трудом стащила вещи в холл, где ее уже поджидал Йенс.

— Отлично! — воскликнул он. — А сейчас держим курс на наше новое пристанище.

Анна вышла вслед за ним на улицу и с удивлением увидела, что Йенс просто пересек проезжую часть и вошел в дом, расположенный напротив пансиона.

— Я увидел в окне объявление о наличии здесь свободных мест, когда возвращался из консерватории. Заглянул к ним и все разузнал, — пояснил он ей.

Дом был очень похож на тот, из которого они только что вышли. Но их комната была на втором этаже, и она была гораздо просторнее той каморки в мансарде, где они провели свою первую ночь в Лейпциге. Огромная железная кровать заполнила собой практически все пространство комнаты. Сердце у Анны неприятно екнуло при мысли о том, что здесь даже нет места на полу, куда можно было бы положить матрас.

— В коридоре возле лестничной площадки находится ватерклозет. Такое удобство, само собой, удорожает стоимость проживания, но, полагаю, эту новость ты воспримешь с удовлетворением. Я прав, Анна?

— Да, — стоически кивнула она в ответ.

— Вот и славненько! — Йенс вручил несколько монеток фрау Шнайдер, хозяйке гостиницы. Окинув женщину взглядом, Анна решила, что ее внешний вид тоже предпочтительнее, чем у прежней хозяйки. — Надеюсь, тут с лихвой хватит за первую неделю нашего проживания, — сказал он, вручая в порыве великодушия больше, чем требовалось.

— *Kochen in den Zimmern ist untersagt. Abendbrot um punkt sieben Uhr. Essen Sie hier heute Abend?*

— Она говорит, что в номере готовить нельзя, но каждый вечер ровно в семь мы можем ужинать у них внизу. — Йенс принялся терпеливо переводить слова хозяйки Анне. Потом повернулся к фрау Шнайдер и добавил: — Очень заманчивое предложение. И сколько это будет стоить?

Последовала еще одна передача денег из рук в руки, после чего дверь за хозяйкой закрылась.

— Итак, фрау Халворсен, как вам наши новые семейные апартаменты? — Йенс с улыбкой взглянул на Анну.

— Я...

Он прочитал страх на ее лице, когда она взглянула на широченную кровать.

— Анна, подойди ко мне, — велел он.

Анна молча повиновалась. Йенс крепко обнял ее и прижал к себе.

— Успокойся, любовь моя. Я же обещал, что не прикоснусь к тебе пальцем, пока ты сама не разрешишь. Но, знаешь, холодными ночами лучше все же спать вдвоем. Будем хоть как-то согревать друг друга.

— Йенс, нам нужно как можно быстрее пожениться, — снова напомнила ему Анна. — Мы должны отыскать здесь лютеранскую церковь, где нас могли бы повенчать, и...

— Мы так и сделаем. Обязательно! Но не стоит расстраиваться из-за всего этого прямо сейчас, — нежно проворковал он, пытаясь поцеловать ее в шею.

— Йенс! То, что мы сейчас с тобой творим, — это грех! — воскликнула она, отталкивая его от себя.

— Да, конечно, ты права, — согласился он и вздохнул, обдав горячим дыханием ее кожу, после чего разжал кольцо своих рук. — Тогда займемся более прозаичными вещами. Думаю, нам с тобой уже пора как следует вымыться, а потом пойдем в город. Перекусим где-нибудь, выпьем вина. Согласна? — Он слегка приподнял подбородок Анны и посмотрел ей прямо в глаза.

— Да, — ответила она и улыбнулась.

31

В течение последующих двух недель Анна постепенно обвыклась на новом месте. Или, по крайней мере, нашла, чем заниматься долгими часами, пока Йенс учился в своей консерватории.

Зима уже всю давала о себе знать, и по утрам в их комнате стоял просто зверский холод. Часто после того, как Йенс уходил на занятия, Анна снова укладывалась в кровать, пытаясь хоть как-то согреться под теплыми шерстяными одеялами в ожидании, пока разгорится и даст хоть немного тепла уголь, который она с самого утра забрасывала в маленькую печурку. Потом она умывалась, одевалась и отправлялась в город. Прогуливалась по улицам Лейпцига, шла на рынок, покупала там хлеб и нарезанное порциями холодное мясо на обед.

Горячее они с Йенсом ели лишь раз в день, в семь часов вечера, когда фрау Шнайдер кормила их ужином. Чаще всего это были колбаски с картошкой или сыроватые на вкус хлебные кнедлики, плавающие в каком-то непонятном соусе. Анна скучала по свежим овощам, по всей той вкусной и полезной еде, к которой она привыкла с детских лет.

Много часов Анна потратила на то, чтобы решиться и написать наконец герру Байеру и своим родителям. Зажав между пальцами перо, подаренное ей когда-то Ларсом, она мысленно прикидывала, где он сейчас. Приплыл ли он уже в свою Америку, как мечтал о том всю жизнь? А порой, когда настроение у нее было хуже некуда, она даже начинала сомневаться, а правильно ли она поступила в свое время, не захотев уехать вместе с ним.

Лейпциг

1 октября 1876 года

Дорогой герр Байер!

Вам уже, наверное, известно, что я уехала в Лейпциг. Мы с герром Халворсеном поженились. И мы счастливы. Хочу еще раз поблагодарить Вас за все, что Вы для меня сделали. Пожалуйста, используйте те деньги, которые я заработала в Театре Христианин, чтобы хоть как-то возместить те расходы, которые Вы понесли из-за меня. Надеюсь, что Вы сможете продать кое-что из тех нарядов, которые Вы мне покупали. Они ведь все очень красивые.

Простите меня, герр Байер, за то, что я не смогла полюбить Вас.

С пожеланиями всего наилучшего

Анна Ландвик.

Потом она взяла еще один листок бумаги и написала второе письмо.

Дорогие мамочка и папа!

Я вышла замуж за Йенса Халворсена и уехала вместе с ним в Лейпциг. Мой муж учится в здешней консерватории, а я веду домашнее хозяйство. Я счастлива, только очень скучаю по вас. И по Норвегии тоже.

Анна

Анна сознательно не указала обратный адрес. Она все еще чувствовала себя страшно виноватой и боялась получить в ответ одни упреки и обвинения. После обеда она, как правило, шла немного прогуляться по парку или просто бродила по улицам, хотя ее накидка и не спасала от пронизывающего холодного ветра. Но так, по крайней мере, она хоть была не одна, а среди людей. Свой статус музыкальной столицы Германии Лейпциг являл повсюду. Огромное число улиц было названо в честь великих немецких композиторов. Плюс бесчисленные статуи композиторов. Плюс мемориальные дома-музеи Мендельсона и Шумана, в которых они когда-то жили.

Особенно Анне нравилось любоваться величественным зданием Нового театра с колоннами, портиком и огромными дугообразными окнами. На подмостках этого театра выступала оперная труппа Лейпцига. Анна подолгу разглядывала здание со всех сторон и гадала, можно ей хотя бы надеяться на то, что когда-нибудь она сможет спеть на сцене этого театра. Однажды она даже набралась смелости и постучала в дверь служебного входа, а потом постаралась, как смогла, с помощью жестов, объяснить вахтеру, что она ищет себе место певицы, но тот, естественно, ровным счетом ничего не понял из ее жестикуляций.

Обескураженная неудачной попыткой, Анна чем дальше, тем сильнее чувствовала себя страшно одинокой и никому не нужной в этом чужом городе. Тогда она попыталась найти отдушину в посещении *Томаскирхе*, церкви Святого Фомы, самого большого готического храма в Лейпциге, увенчанного красивой колокольней из белого камня. Конечно, этот собор не шел ни в какое сравнение с их маленькой церквушкой в Хеддале. Но общая атмосфера внутри храма живо напомнила Анне их уютную деревенскую церковь. Тот же запах ладана, те же чинные лица людей, все как у них дома. В тот день, когда она наконец собралась с духом и отправила письма герру Байеру и

своим родителям, она тоже пошла в эту церковь, надеясь обрести хоть немного утешения. Уселась на скамью и, низко склонив голову, стала горячо молиться, просить Бога об искуплении своих грехов, о том, чтобы Господь даровал ей силы и наставил на путь истинный.

— Господи, прости мне ту чудовищную ложь, которую я написала в своих письмах. Но самое страшное, — Анна нервно сглотнула подступивший к горлу комок, — это то, что я написала, что счастлива. А на самом деле я совсем даже не счастлива. Хотя умом и понимаю, что не заслуживаю никакого снисхождения или тем более прощения за свои грехи.

Вдруг кто-то осторожно тронул ее за плечо.

— *Warum so traurig, mein Kind?*

Она вздрогнула от неожиданности и подняла глаза. На нее с доброжелательной улыбкой смотрел пожилой пастор.

— *Kein Deutsch, nur Norwegisch,* — пролепетала она, вспомнив, как учил отвечать в таких случаях Йенс.

— Ах, вот как! — воскликнул священник. — Я немного понимаю по-норвежски.

Как ни старалась Анна побеседовать с пастором, у них мало что получилось. Его норвежский был не многим лучше, чем ее немецкий. Но одну важную вещь она для себя уяснила. Йенс должен обязательно поговорить с этим священником насчет их венчания, по крайней мере, он сможет объяснить пастору, что они тоже лютеране.

Пиком дневных впечатлений были для Анны ежедневные разговоры с Йенсом за ужином. Он много и пространно рассказывал ей о консерватории, в стенах которой обучались студенты со всей Европы. Она молча слушала его рассказы о том, сколько в консерватории замечательных концертных роялей фирмы «Блютнер», какие у них там прекрасные педагоги. Ведь многие из его наставников еще и выступают в качестве музыкантов в составе знаменитого Лейпцигского оркестра Гевендхауза. А сегодня ему впервые доверили сыграть на скрипке самого Страдивари. Какой звук, какое качество, восклицал он восхищенным голосом.

— Качество звучания невозможно сравнить с обычными инструментами. Это все равно что сравнивать какую-нибудь певичку из бара с оперным сопрано, исполняющей арию в стиле бельканто, — продолжал витийствовать Йенс. — Отныне я буду играть на этой

скрипке каждый день. И это помимо обязательных занятий на рояле, лекций по композиции, гармонии и музыкальному анализу. Эти лекции дают мне бездну полезной и нужной информации. А что же до истории музыки, то я уже выучил некоторые произведения Шопена и Листа, о которых раньше даже не слышал. Представляешь? Скоро я буду играть скерцо номер два Шопена на студенческом концерте в зале Гевендхауза.

— Рада, очень рада за тебя. — Анна постаралась придать своему голосу как можно больше энтузиазма. — А ты еще ни с кем не беседовал насчет меня? Чтобы меня прослушали...

— Анна, я помню, ты уже не раз просила меня об этом, — с набитым ртом ответил Йенс. — Но повторяю тебе еще раз, пока ты не освоишь немецкий хотя бы в пределах разговорной речи, тебе будет очень трудно найти себе что-то стоящее в этом городе.

— Но неужели во всем городе нет ни одного человека, кто согласился бы прослушать меня? Я же могу спеть по-итальянски арию Виолетты из оперы Верди «Травиата». А немецкие слова я выучу потом.

— Хорошо, хорошо, любовь моя! Не переживай! — Йенс взял ее за руку. — Обещаю, еще раз наведу справки насчет тебя.

После ужина наступало особенно неловкое для обоих время, когда нужно было укладываться в постель. Анна в туалете переодевалась в ночную рубашку, а потом быстренько ныряла под одеяла, где уже возлежал Йенс. Он обнимал ее за плечи, и она устраивалась поудобнее у него на груди, немного расслабляясь и с наслаждением впитывая в себя его мужской запах. Потом Йенс начинал целовать ее, и Анна чувствовала, как ее тело страстно реагирует на эти поцелуи. Впрочем, как и его. Оба они желали большего... Но в какой-то момент она отталкивала его от себя, а он лишь тяжело вздыхал в ответ.

— Я не могу, ты же знаешь, — прошептала она как-то ночью, глядя в темноту. — Вначале мы должны пожениться.

— Знаю, дорогая, знаю. Конечно же, мы обязательно поженимся. Но ведь можно же пока...

— Нет, Йенс! Нет и еще раз нет! Я просто... не могу. Знаешь, я тут обнаружила одну церковь. Нас вполне могли бы там обвенчать. Но вначале тебе следует переговорить с пастором, чтобы все решить.

— Анна, ты же прекрасно знаешь, у меня нет ни минуты свободного времени. Тем более на подобные разговоры. Учеба занимает все мое время. К тому же в консерватории теперь совсем другие веяния. Среди студентов полно радикалов. Они считают церковь пережитком, говорят, что она просто манипулирует людьми. У них более прогрессивные взгляды на жизнь. Взять хотя бы того же Гёте и его «Фауста». В этом произведении Гёте рассматривает все аспекты духовной и метафизической жизни. Один приятель дал мне почитать эту книгу. А на выходных я свожу тебя в знаменитый лейпцигский бар «Погреб Ауэрбаха», один из самых старинных ресторанов города. В свое время его завсегдатаем был сам Гёте. Именно настенные росписи внутри ресторана и вдохновили его на создание своего шедевра.

Анна ничего не слышала о выдающемся немецком писателе и, разумеется, понятия не имела о его вдохновенном творении под названием «Фауст». Единственное, что она знала и понимала, — так это то, что она должна стать замужней женщиной в глазах Господа, прежде чем решиться на физическую близость с Йенсом.

* * *

Наступило Рождество, ставшее очередной точкой отсчета для них обоих. Прошло уже три месяца с тех пор, как они приехали в Лейпциг. Анне очень хотелось пойти на Рождественскую мессу. Пастор Мейер даже дал ей листок с текстом традиционного немецкого гимна, который обычно исполняется в ходе этой праздничной службы. Она напевала про себя *Stille Nacht* («Тихая ночь»), мысленно радуясь уже тому, что после столь долгого перерыва сможет просто попеть вместе с другими прихожанами. Но Йенс настоял на том, чтобы они встречали сочельник у Фридриха, одного из его приятелей-однокурсников по консерватории.

Сжимая в руке кружку с горячим глинтвейном, Анна молча слушала, сидя рядом с Йенсом, отрывистую немецкую речь, не понимая практически ничего из разговора за столом. Йенс, уже в изрядном подпитии, даже не попытался переводить для нее. После

ужина гости устроили музицирование, но Йенс и не подумал предложить Анне что-то спеть.

Морозной ночью они возвращались домой под перезвон церковных колоколов, возвещающих о наступлении Рождества. Вот из церкви, мимо которой они проходили, слышались церковные песнопения. Анна глянула на Йенса, на его раскрасневшееся от веселья и выпивки лицо и мысленно вознесла молитву за своих родных, встречающих Рождество у себя в Хеддале. О, как бы ей сейчас хотелось быть вместе с ними!

* * *

Весь январь и февраль Анна томилась от безделья и скуки, не зная, чем себя занять. «Еще немного, и я сойду с ума», — уныло думала она. Все домашние хлопоты, которые поначалу хоть как-то заполняли ее день, привлекая некоторой новизной, давно превратились в поднадоевшую рутину. В Лейпциге уже выпал снег. Порой было так холодно, что у Анны немели кончики пальцев на ногах и руках. Днями напролет она таскала к себе в комнату корзины с углем и топила печь, стирала белье в промерзшей насквозь судомойне или пыталась заставить себя разобраться в непонятных словах, которыми написан «Фауст». Йенс порекомендовал ей обязательно изучить эту книгу для того, чтобы улучшить свой немецкий.

— Какая же я безмозглая дура! — разозлилась на себя Анна в один из дней, захлопывая книгу. После чего расплакалась от жалости, опять же к самой себе. Впрочем, в последнее время она плакала регулярно, и это не могло не настораживать.

Йенс с головой ушел в свои консерваторские занятия и общение с однокурсниками. Часто он возвращался домой после очередного концерта уже далеко за полночь. От него разило пивом и табаком. Анна притворялась спящей, когда он принимался настойчиво ласкать ее тело сквозь ночную рубашку. Она слышала, как он негромко чертыхался, злясь, что она не отвечает на его ласки, а у нее в этот момент сердце готово было выскочить из груди. Но вот он недовольно отворачивался от нее, и тут же раздавался его громкий храп. И лишь

тогда Анна, облегченно переведя дыхание, немного успокаивалась и тоже погружалась в сон.

Последнее время она все чаще ужинала одна. Сидела за столом и разглядывала из-под опущенных ресниц других постояльцев пансиона. Контингент менялся каждую неделю. Скорее всего, большинство из этих людей были коммивояжерами. Но Анна заприметила одного пожилого господина, который, судя по всему, был здесь постоянным жильцом, как и они с Йенсом. Всегда хорошо одет, правда, немного старомодно, и вечно сидит за столом, уткнувшись носом в книгу.

За ужином Анна нет-нет да и посмотрит в его сторону. Ее воображение стали занимать мысли о том, кто этот человек, откуда он, как и почему решил скоротать свою старость в таком заведении, как этот пансион. Иногда за ужином были только они вдвоем. Господин вежливо кивал головой, проходя мимо нее, и произносил короткое *Guten Abend*, а уходя, неизменно ронял *Gute Nacht*. Анне он очень напоминал герра Байера. Те же вежливые манеры, седые волосы, пышные усы.

— Если я уже начинаю скучать, вспоминая герра Байера, то дела мои действительно обстоят хуже некуда, — пробормотала она в один из вечеров, покидая столовую.

Спустя пару вечеров они снова сошлись за ужином с заинтересовавшим ее постояльцем. Закончив трапезу, незнакомец поднялся из-за стола с неизменной книжкой в руке и направился к выходу. *Gute Nacht*, — вежливо кивнул он Анне и уже взялся за дверную ручку, чтобы выйти в коридор, но в самый последний момент вдруг повернулся к Анне и спросил:

— *Sprechen sie Deutsch?*

— *Nein, Norwegisch.*

— Так вы из Норвегии? — удивленно воскликнул мужчина.

— Да, — обрадовалась она тому, что с ней наконец заговорили на родном языке.

— А я датчанин, но моя мать была родом из Христиании. В детстве она даже учила меня норвежскому.

Анне захотелось броситься этому человеку на грудь и расцеловать его. Впервые за долгие месяцы, прожитые вдали от родины, у нее наконец появилась возможность поговорить с кем-то, кроме Йенса, на своем родном языке.

— Как я рада нашей встрече, мой господин! — совершенно искренне воскликнула она.

Мужчина замялся возле дверей, видно, что-то обдумывая. Потом глянул на нее.

— Так вы по-немецки не разговариваете?

— Я знаю только несколько слов и пару фраз.

— И как же вы тогда живете в этом городе?

— Если честно, мой господин, то с превеликим трудом.

— Ваш муж, он тут работает?

— Нет, он учится в Лейпцигской консерватории.

— Ах, так он музыкант... Теперь понятно, почему он так редко появляется за ужином вместе с вами. Простите, могу я узнать, как вас зовут?

— Анна Халворсен.

— А меня — Стефан Хогарт. — Мужчина отвесил вежливый поклон. — Рад познакомиться. Значит, вы нигде не работаете, фру Халворсен?

— Пока нет. Но надеюсь в обозримом будущем получить где-нибудь место певицы.

— Тогда, если вы не возражаете и если у вас есть свободное время, давайте я помогу вам освоить немецкий. Хотя бы научу вас разговорной речи, — предложил Хогарт. — Можем встречаться прямо здесь, в столовой, после завтрака. Так сказать, общаться на глазах нашей хозяйки, чтобы ваш муж не заподозрил ничего дурного.

— О, вы очень добры, мой господин. Честное слово, я буду вам крайне признательна за вашу помощь. Но сразу предупреждаю, я не самая лучшая ученица, да и с грамотой у меня не очень. Я и на своем родном языке пишу плохо.

— А мы с вами просто удвоим наши усилия, и все у нас получится, вот увидите. Итак, завтра в десять утра. Идет?

— Да. Я буду ждать вас.

В этот вечер Анна улеглась в постель в гораздо более приподнятом настроении, чем обычно, хотя Йенс, по своему обыкновению, отсутствовал и его место рядом с ней пустовало. Сказал, что задерживается на репетиции. Но уже одно то, что наконец нашелся человек, с которым можно просто поговорить, более того, общение с которым внесет некоторое приятное разнообразие в

унылое повседневное существование, уже это одно не могло не радовать Анну. А уж если она научится хоть немного изъясняться по-немецки, то, кто знает, вполне возможно, у нее снова появится шанс петь и выступать на публике...

* * *

На деревьях уже показалась первая зелень. Приближение весны ощущалось во всем. Каждое утро Анна спускалась вниз, изо всех сил тренировала свою память, стараясь запомнить все то, чему учил ее герр Хогарт, послушно повторяя за ним каждое слово. Спустя несколько дней он вызвался сопровождать Анну в ее регулярных походах на рынок. Обычно он останавливался чуть в стороне и внимательно вслушивался в то, что она говорит. Вот она поздоровалась с продавцом, потом попросила что-то продать ей, расплатилась за товар и наконец попрощалась. Вначале подобные упражнения слегка нервировали Анну, она запинаясь, спотыкалась о каждую коротенькую фразу, которую, казалось бы, уже зазубрила наизусть, но мало-помалу к ней стала приходить уверенность, и Анна почувствовала себя гораздо свободнее в общении.

Между тем их совместные с герром Хогартом вылазки в город становились все разнообразнее. Постепенно Анна даже научилась, как правильно делать заказ в ресторане, и даже пару раз заказывала им обоим обед, причем всегда настаивала, что платить за все будет она. Такая маленькая благодарность за то, что герр Хогарт тратит на нее свое свободное время.

Она по-прежнему знала об этом человеке очень немного. Разве что он вдовец, жена его умерла несколько лет тому назад. Оставшись один, герр Хогарт перебрался из деревни в город, чтобы наслаждаться всеми культурными возможностями Лейпцига, не обременяя себя при этом домашними хлопотами.

— А что мне еще надо? — разоткровенничался он в разговоре с Анной, широко улыбаясь. — Полный желудок, чистые простыни, всегда выстиранная одежда. Плюс прекрасный концертный зал всего лишь в нескольких минутах ходьбы.

Герр Хогарт страшно удивился, узнав, что Йенс никогда не приглашает свою жену на те концерты, в которых он выступает. Объясняет это тем, что у них, дескать, нет лишних денег, чтобы тратить их на билеты. Герр Хогарт сказал Анне, что вход на многие концерты свободный. По правде говоря, Анна все реже и реже виделась со своим так называемым мужем, а сравнительно недавно он и вообще пару раз не явился ночевать. Как-то утром, стоя у распахнутого окна и вдыхая в себя полной грудью свежий весенний воздух, Анна, прежде чем спуститься вниз на очередное занятие с герром Хогартом, вдруг подумала, что, если бы не этот человек, она бы уже давным-давно бросилась под какой-нибудь трамвай.

В одну из таких совместных прогулок по центру города Анна буквально остолбенела от неожиданности, увидев Йенса, восседавшего за столиком у окна в одном из лучших ресторанов Лейпцига под названием «Тюрингер Гоф». Обычно в этом ресторане собирались местные аристократы, демонстрируя остальной публике свои изысканные наряды, элегантные экипажи, выстроившиеся в ряд возле центрального входа, а лошади, впряженные в кареты, терпеливо поджидали своих хозяев, чтобы развезти их после обильного и сытного обеда по домам. Когда-то, живя в Христиании, и она наслаждалась такой же великосветской жизнью, удрученно подумала Анна.

Она напрягла зрение, чтобы получше разглядеть между теснящимися друг возле друга экипажами, с кем же именно обедает Йенс. Судя по ярко-алой шляпке с перьями на голове его собеседника, это наверняка была женщина. Анна, к немалому изумлению герра Хогарта, протиснулась поближе. Темноволосая женщина с чересчур большим носом. Помнится, мама про таких говорила, что у них римский профиль.

— Ради всех святых, Анна! Что вы там такого увидели? — воскликнул герр Хогарт, подойдя к ней сзади. — У вас сейчас такой вид, как у героини одной из моих любимых сказок Ганса Кристиана Андерсена «Девочка со спичками». Тоже хотите, как и она, прижаться носом к стеклу? — Он негромко рассмеялся.

— Нет, не хочу, — ответила Анна, отводя взгляд в сторону, в то время как Йенс и его собеседница придвинулись друг к другу поближе, о чем-то оживленно беседуя. — Просто обозналась.

В тот вечер Анна решила во что бы то ни стало не ложиться спать и дожждаться Йенса. Тот, как всегда, вернулся далеко за полночь. В такие дни он обычно раздевался в уборной и потом тишком пробирался в постель, чтобы не потревожить Анну. Не разбудить ее ненароком. И, конечно, каждый раз будил. Каждую ночь одно и то же.

— Почему ты еще не спишь? — страшно удивился он, увидев, что керосиновая лампа все еще горит.

— Вот решила дожждаться тебя. Мы ведь в последнее время так редко видимся.

— Знаю-знаю, — тяжело вздохнул в ответ Йенс и рухнул как подкошенный рядом с ней. Судя по запаху, он опять пил. — К сожалению, такова жизнь музыканта, да еще студента знаменитой Лейпцигской консерватории. Ты не поверишь, но днем с трудом выкраиваю пару минут, чтобы где-нибудь перекусить. И так каждый день!

— То есть даже на обед у тебя нет времени? — Слова сорвались с языка сами собой, и Анна поняла, что сейчас ее уже не остановишь.

Йенс повернулся к ней.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То и хочу сказать, что как раз сегодня я видела тебя преспокойно обедающим в городе.

— Правда? Так почему не зашла? Не поздоровалась?

— Потому что вряд ли меня пустили бы в такое шикарное место. Да и ты был всецело занят разговором с какой-то женщиной.

— Ах, вот что... Это баронесса фон Готфрид. Она известная меценатка. Жертвует большие суммы и на нужды консерватории, и на студентов. На прошлой неделе она присутствовала на концерте, где нам, четверем начинающим композиторам, дали возможность исполнить на публике свои короткие пьесы. Я сыграл как раз ту композицию, над которой работал все последнее время. Ну ты же помнишь...

Ничего она не помнила и ничего не знала. Йенс так редко теперь бывал дома, а когда бывал, то не стремился посвящать Анну в свои дела.

— Понятно, — ответила Анна, сглотнув комок, подступивший к горлу. Она вдруг почувствовала, как нарастает волна негодования и обиды. Почему? — спросила она мысленно. Почему Йенс, дебютируя

на сцене со своим произведением, даже не счит нужным пригласить ее на этот концерт?

— Баронесса сама пригласила меня на ланч. Захотела обсудить мои дальнейшие творческие планы. Она изъявила желание поспособствовать тому, чтобы моя композиция прозвучала и на других концертах. И даже не только в Лейпциге. У нее ведь обширные связи во всех крупнейших городах Европы. Париж, Флоренция, Копенгаген... — Йенс мечтательно улыбнулся, закинув руки за голову. — Ты только представь себе, Анна! Моя музыка зазвучит по всему миру, в самых больших концертных залах... Мы еще покажем герру Хеннуму, кто есть кто!

— Очень рада за тебя. Безусловно, у тебя есть все основания чувствовать себя счастливым.

— Что за тон, Анна? — Йенс мгновенно уловил ледяные нотки в ее голосе. — Ну же, выкладывай, что у тебя стряслось? Говори, что хочешь сказать!

— И скажу! — Анна поняла, что уже не в силах совладать с охватившим ее гневом. — Я неделями не вижу тебя дома, а ты мне сейчас сообщаем, что, видите ли, он выступал на концерте. Но я, твоя нареченная, более того, твоя жена в глазах всех людей, даже не была приглашена на этот концерт. Сижу здесь днями, сторожу наши пожитки, как верный пес. У меня нет друзей, знакомых... Только и делаю, что убираю, стираю, снова убираю. И никакой перспективы на самостоятельную певческую карьеру! И, в довершение всего, вдруг вижу тебя, обедающего с другой женщиной в одном из лучших ресторанов города. Как говорится, приехали! Вот все, что я хотела тебе сказать.

Едва Анна успела закончить свой монолог, как Йенс тут же вскочил с кровати.

— А теперь ты послушай меня, Анна. Мне тоже нужно много чего сказать тебе. Ты хоть раз подумала, каково это — каждую ночь ложиться рядом с женщиной, с любимой женщиной... Чувствовать ее красивое молодое тело и знать, что я не могу ни приласкать ее, ни поцеловать? А то немногое, что ты мне порой позволяешь, лишь сильнее разжигает меня. Из ночи в ночь я лежу и представляю, как мы с тобой занимаемся любовью, извожу себя до такой степени, что потом долго не могу успокоиться. Чтобы не сойти с ума от этой

безысходности, чтобы не терзаться муками, лежа рядом с тобой, не изводить себя желанием, я и приползаю домой за полночь, да еще в подпитии. И в таком состоянии укладываюсь в кровать и тут же отключаюсь. Да, ты права! — Йенс драматично сцепил руки. — *Та жизнь...* которой мы сейчас с тобой живем, — это не жизнь! Ты моя жена, и одновременно ты мне не жена. Ты вечно сидишь надутая, замкнулась в себе... Такое впечатление, что ты только и мечтаешь о том, чтобы собраться и уехать домой. Но, Анна, вспомни! Это было *твое решение*. Ты сама захотела поехать вместе со мной в Лейпциг. Так уезжай обратно! Коль скоро ты здесь несчастлива, уезжай... Ведь получается, что это я, я сделал тебя несчастной!

— Йенс, ты говоришь неправду! И к тому же страшно несправедлив ко мне. Ты не хуже меня знаешь, как я страстно мечтаю выйти за тебя замуж, стать твоей законной женой и начать нормальную семейную жизнь, как муж и жена. Но всякий раз, когда я прошу тебя встретиться с пастором, у тебя находится сто отговорок. Ты, видите ли, страшно занят! А сейчас обвиняешь меня во всем, что происходит не по моей воле. В чем же тут моя вина?

— Ты права. Здесь твоей вины нет. — Черты лица Йенса немного разгладились. — Но как ты думаешь, почему я до сих пор все тяну с визитом к пастору?

— Потому что ты не хочешь жениться на мне. Так?

— Анна! — Йенс издал раздраженный смешок. — Ты и представить себе не можешь, как отчаянно я хочу стать твоим законным мужем. Но, полагаю, ты понятия не имеешь, во сколько нам может обойтись это удовольствие. Тебе понадобится свадебное платье, все прочие аксессуары... Потом свидетели, праздничное угощение... Ведь все это — те банальные мелочи, которых заслуживает каждая невеста. И мне хочется, чтобы и у нас все так было. Но пока у нас просто нет денег на подобное мероприятие. Ты же сама видишь, мы существуем буквально на гроши.

Но Анна уже успела остыть после своего гневного выпада. Она даже сумела вникнуть в суть того, что говорил ей Йенс. Более того, она поняла его доводы.

— Ах, Йенс! Не нужны мне никакие пышные свадьбы... Правда! Единственное, чего я хочу, так это стать твоей законной женой.

— Что ж, если то, что ты только что сказала мне, действительно правда, тогда мы поженимся немедленно. Хотя девочкой — увы! — ты наверняка мечтала о другой свадьбе.

— Мечтала! — Анна снова нервно сглотнула слюну при мысли о том, что на церемонии их с Йенсом бракосочетания не будет никого из ее родных. Ни мамы, ни папы, ни Кнута с Сигрид. И церковную службу будет вести не пастор Эрслев. И не суждено Анне быть увенчанной их деревенской короной для новобрачной. — Но теперь все это уже не имеет значения.

Йенс снова уселся на постель и нежно поцеловал Анну.

— Тогда мы идем к твоему пастору и назначаем точную дату нашего венчания.

32

Церемония венчания в церкви Святого Фомы была краткой, предельно простой и без свидетелей. На Анне было простенькое белое платье, которое она купила на деньги фрекен Олсдаттер специально для этого мероприятия. Волосы Анна украсила несколькими белыми цветами. Пастор Мейер сердечно улыбался новобрачным, когда они произносили слова клятвы, которая должна была отныне и навеки связать их жизни.

— *Ja, ich will*, — поспешно повторил каждый из них, отвечая на вопрос священника о том, хочет ли он и она взять себе в спутники жизни того, с кем сейчас стоит рядом. После чего Йенс уверенным движением надел ей на палец простое обручальное кольцо, доставшееся ему от бабушки. Анна закрыла глаза, когда жених запечатлел на ее устах целомудренный поцелуй, чувствуя облегчение от того, что наконец-то она законная жена в глазах Господа. Вполне возможно, Господь даже простит ее за все содеянное.

Потом состоялась небольшая свадебная вечеринка в пивном погребеке «Биркиллер». При появлении молодых приятели Йенса из числа музыкантов экспромтом исполнили для них свадебный марш, а остальные гости вскинули в приветствии свои кубки с пивом. За трапезой, когда подали традиционный немецкий суп для новобрачных, Анна вдруг почувствовала, как рука Йенса крепко сжала ее коленку. Какое счастье, подумала Анна, что благодаря усилиям герра Хогарта

она сейчас может даже немного пошутить с друзьями Йенса, которые наперебой пили за здоровье молодых. Можно сказать, что она уже почти стала своей в этом незнакомом и все еще чужом для нее мире.

Когда вечером они поднимались по лестнице к себе в номер, пальцы Йенса вдруг впились в самый низ ее позвоночника. Волна радостного возбуждения тут же пробежала по всему ее телу. Что-то еще будет впереди?

— Смотрю на тебя и не могу насмотреться! — прошептал он страстным шепотом, с горящими от желания глазами, едва закрыв за собой дверь. — Ты такая хрупкая, такая невинная... Само совершенство! — После этих слов он заключил Анну в свои объятия и стал обшаривать руками ее тело. — Я должен взять свою жену! — шепнул он ей на ухо, потом поднял ее личико за подбородок, притянул к себе и поцеловал. — И я еще искал утешения где-то на стороне. Дурак набитый!

При последних словах Анна слегка отпрянула от него.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, дорогая, ровным счетом ничего... Я лишь хочу сказать, что я *хочу тебя*. Только и всего!

И прежде чем она успела ответить, он снова принялся целовать ее, ласкать ее спину, бедра, грудь... Все остальное тоже случилось естественно, как само собой разумеющееся. Он сорвал с нее одежду, и рухнули все барьеры, разделяющие их, чтобы они наконец могли стать одной плотью. Йенс бережно положил ее на кровать, быстро разделся сам и лег сверху. Анна осторожно прошлась руками по напрягшимся мускулам на его спине. И когда наконец он вошел в нее, она поняла, что уже давно была готова к этому акту соития, с того самого момента, как впервые увидела его.

Конечно, сам процесс был для нее довольно необычным и даже немного странным, но, когда Йенс, сопя и вздыхая, откинулся на подушку рядом с ней, Анна тут же пристроила головку у него на плече, а сама подумала, что все эти страшные истории о первой брачной ночи, которые ей довелось в свое время услышать от подружек, — полная чушь. А сейчас важно другое. Он наконец-то стал ее, а она отныне принадлежит ему.

Все последующие недели Йенс исправно являлся к ужину. Оба они торопились поскорее разделаться с едой и тут же бежали к себе в комнату. Очень скоро Анна поняла, что ее муж — искусный и опытный любовник. Он постепенно раскрепощался в общении с нею, да и она тоже позволяла себе расслабиться, с удовольствием отдаваясь его любовным ласкам. А потому каждая ночь становилась для них неповторимой, удивительной, красочной, таким чудесным и увлекательным путешествием в страну любви. То одиночество, которым терзалась Анна все последние месяцы, ушло, безвозвратно кануло в Лету. Сейчас она в полной мере осознала, какая большая разница между понятием «друг» и понятием «любовник». И кажется, они даже поменялись ролями с Йенсом, ибо сейчас уже она все время жаждала его ласк, его прикосновений к своему телу.

— Ну ты, женушка, даешь! — воскликнул он как-то ночью, откидываясь в изнеможении на подушку рядом с Анной. — Я уже начинаю жалеть, что приобщил тебя к этой новой для тебя игре. А ты, моя родная, поистине ненасытна!

И она действительно была ненасытна. Потому что именно в эти моменты Йенс полностью принадлежал ей. Когда утром он высвобождался из кольца ее рук и одевался, чтобы бежать в консерваторию, Анна видела, как неуловимо меняется выражение его лица. Его мысли уже блуждали совсем в ином мире, далеком от нее. Тогда она взялась провожать мужа до консерватории. Там он наспех обнимал ее, говорил, что любит, и тут же исчезал за дверьми. Другая жизнь, другой мир поглощали его без остатка.

«*Мой враг*», — иногда мысленно восклицала она в сердцах, глядя на здание консерватории, а потом медленно брела обратно домой.

От зорких глаз герра Хогарта не укрылось то, какой пружинисто легкой стала походка Анны в последнее время, как лучезарно она улыбается ему, здороваясь по утрам, когда у них начинался очередной урок.

— Вы сейчас выглядите абсолютно счастливой, фру Халворсен, и я искренне рад этому, — заметил он однажды в разговоре с ней.

Избыток позитивных эмоций повлиял и на ее успехи в освоении немецкого, а они были уже заметны даже невооруженным глазом. Анна начала говорить уверенно и свободно, что не могло не вызывать одобрения герра Хогарта. Да у нее и у самой появилось такое чувство,

будто каждое новое слово, которое она заучивала на уроках, тянуло за собой, словно на веревочке, целую вереницу других слов.

Для себя она тоже кое-что решила. Не будет она больше сидеть и ждать, пока Йенс отыщет для нее подходящее место певицы. Анна написала письмо Эдварду Григу. Рассказала ему о своем переезде в Лейпциг, а также попросила о содействии. Вдруг у него здесь есть знакомые, которые могли бы прослушать ее? По ее просьбе Йенс узнал в консерватории адрес лейпцигского издателя произведений Грига, господина К. Э. Питерса. Отыскав на улице Талстрабе дом под номером десять, Анна вручила свое письмо какому-то молодому человеку, обслуживающему покупателей в нотном магазине на первом этаже. И с тех пор каждый вечер, ложась спать, она исправно молилась о том, чтобы письмо благополучно дошло до адресата и чтобы маэстро Григ ответил ей.

* * *

В июне у Анны и вовсе случилось знаменательное событие: целых пятнадцать минут она беседовала на немецком, не допустив ни единой ошибки. Герр Хогарт отвесил ей уважительный поклон.

— Фру Халворсен, это было превосходно. Примите мои поздравления!

— *Danke*, — рассмеялась в ответ Анна.

— Должен также сообщить вам, что вскоре я отбываю на воды в Баден-Баден. Я всегда отправляюсь туда летом. Здесь, в Лейпциге, в летнюю пору для меня слишком жарко, а я и так в последнее время сильно ослаб. А вы с мужем тоже, наверное, поедете к себе в Норвегию по завершении его учебы?

— Муж пока ничего не сообщал мне о планах на лето.

— А я вот уезжаю завтра утром. Так что, скорее всего, встретимся снова уже осенью, если все сложится благополучно.

— Очень на это надеюсь! — воскликнула Анна, поднимаясь вместе с ним из-за стола. Как бы ей хотелось в эту минуту выказать свою привязанность и самую искреннюю благодарность этому человеку не так дежурно, как того требуют хорошие манеры. Однако

вслух она ограничилась стандартной фразой: — Я вам очень признательна, мой господин. Очень!

— О, не стоит благодарностей. Поверьте, фру Халворсен, заниматься с вами было одно удовольствие, — обронил герр Хогарт перед тем, как уйти.

Итак, герр Хогарт отбыл в свой Баден-Баден. А еще Анна заметила, что Йенс сильно изменился за последнее время. Опять перестал приходить домой к ужину, а когда изредка появлялся, то был весь на нервах. Метался по комнате, словно кот по раскаленной печке. Даже когда они занимались любовью, Анна чувствовала некий холодок, которым веяло от него.

— Что случилось? — не выдержала она однажды ночью. — Я же вижу, что-то у нас не так.

— Все в порядке, — резко ответил он, разжимая кольцо ее рук и откидываясь на спину. — Просто я очень устал, только и всего.

— Йенс! Любимый мой! Я слишком хорошо тебя знаю. Скажи мне правду, прошу тебя.

Какое-то время он лежал неподвижно, потом перевернулся на бок и посмотрел ей в лицо.

— Хорошо, скажу. У меня тут возникла одна проблема, и я не знаю, как ее решить.

— Что за проблема? Скажи мне, ради всех святых! Может, я чем сумею помочь?

— Думаю, тебе совсем не понравится все то, что я сейчас скажу.

— Тем более говори!

— Хорошо. Помнишь ту женщину, с которой я обедал тогда в ресторане?

— Ту баронессу? Ну как я могла забыть ее? — недовольно фыркнула в ответ Анна.

— Так вот, она приглашает меня на лето в Париж. У них с мужем есть свой замок во Франции, недалеко от Версаля. И там каждую неделю она проводит музыкальные вечера, на которые собираются все сливки от мира искусств. Вот она и хочет, чтобы на одном из таких вечеров я выступил со своими последними композициями. Разумеется, о подобной перспективе я даже не мог и мечтать. Баронесса фон Готфрид — очень влиятельная особа, и, как я уже говорил тебе, она с энтузиазмом покровительствует молодым талантам. Она рассказывала

мне, что на одном из таких суаре у нее даже выступал сам маэстро Григ.

— Так в чем же дело? Конечно, надо ехать. И мы поедem. Не вижу тут никакой проблемы.

Из груди Йенса вырвался тихий стон.

— Анна, я не сказал тебе самого главного. Я не могу взять тебя с собой. В этом и есть вся проблема.

— Ах, так? Позволь спросить, почему не можешь?

— Потому что... — Йенс тяжело вздохнул. — Потому что баронесса фон Готфрид ничего не знает о твоem существовании. Я никогда не говорил ей о том, что женат. Если честно, боялся, что, узнав о том, что я женатый человек, она перестанет оказывать мне свое покровительство. К тому же, когда я познакомился с баронессой, у нас с тобой, ну ты помнишь... отношения были напряженными. Да и жили мы тогда словно брат с сестрой. Или хорошие друзья... Вот так все и вышло. Короче, она и понятия не имеет о твоem существовании.

— Так почему же ты сейчас не скажешь ей, что я все же *существую*? Что мешает? — холодно спросила Анна, вполне уловив скрытый смысл всего того, о чем только что поведал ей муж.

— Потому что... я боюсь. Да, Анна! Именно так. Твой Йенс боится. Боится того, что баронесса не захочет взять меня в Париж после того, как узнает, что я женат.

— То есть ты хочешь, чтобы баронесса считала тебя свободным человеком? Ибо только в этом случае она будет содействовать в продвижении твоей карьеры, да?

— Да, Анна, да! Боже, какой же я осел...

— Так оно и есть! — Анна невозмутимо глянула на мужа. А тот придвинул к себе подушку и зарылся в нее лицом. Ведет себя словно капризный ребенок, которого отчитывает мать, подумала Анна, глядя на Йенса.

— Прости меня, Анна! Прости... Я сам себя ненавижу. Но хоть у меня хватило смелости рассказать тебе все, как есть.

— И на какое время она приглашает тебя к себе?

— Только до конца лета. — Йенс тут же высунул голову из-под подушки. — Ты же понимаешь, я стараюсь ради нас обоих. Если моя карьера пойдет успешно, то я сумею заработать деньги. И мы сможем

переехать куда-нибудь в более приличное место, и у тебя наконец появится свой дом, который ты уже давно заслужила.

«А ты в это время будешь купаться в лучах славы, которую, по твоему мнению, ты тоже заслужил», — подумала она с раздражением, но вслух сказала:

— Что ж, тогда поезжай.

— Правда? — Йенс недоверчиво глянул на жену. — Но почему ты отпускаешь меня?

— Да потому что ты сам поставил меня в безвыходное положение. Если я не отпущу тебя, то ты будешь сидеть тут целое лето и дуться на меня. Станешь винить меня во всех своих бедах. И потом, что бы там ни начали говорить другие, разубеждать меня или даже запугивать, но лично я тебе доверяю.

— Неужели? — Йенс бросил на нее изумленный взгляд. — Тогда ты поистине святая женщина!

— Йенс, ты мой муж. В чем тогда смысл брака, если не доверять друг другу? — ответила Анна, впрочем, без особого воодушевления в голосе.

— Спасибо тебе! Спасибо, моя дорогая, моя ненаглядная жenuшка!

* * *

Йенс уехал через несколько дней. Анне он оставил какую-то сумму денег, чтобы она смогла прожить на них несколько недель до его возвращения домой. В сущности, он проявил невиданную щедрость, вполне возможно, в знак благодарности за то, что жена не стала мешать ему в осуществлении амбициозных планов. А Анна уже в который раз подумала, что в сложившейся ситуации она поступила правильно. Каждую ночь, лежа рядом с ним в постели, она ловила на себе его восхищенный взгляд, которым он разглядывал ее.

— Я люблю тебя, Анна, я люблю тебя... — снова и снова повторял он. А прощаясь в день отъезда, прижал жену к себе с такой силой, словно ему нестерпима была сама мысль о том, что вот сейчас он должен будет выпустить ее из кольца своих рук.

— Обещай, что ты меня дождешься, что бы там ни случилось, ладно? Моя родная, моя любимая жена...

— Конечно, дождусь, Йенс. Ведь ты же мой муж.

* * *

Анна с трудом пережила душное лейпцигское лето, можно сказать, продержалась исключительно на силе воли. Несмотря на распахнутые настежь окна, в комнате стояла невыносимая духота. Свежий ветерок с трудом проникал в узкие улочки, впритык застроенные с двух сторон домами. По ночам она ложилась в кровать голой и все равно покрывалась потом, изнемогая от изнуряющей жары.

Она наконец прочитала «Фауста» Гёте и переключилась на другую книгу, тоже немецкую, которую взяла в городской библиотеке для того, чтобы расширить свой словарный запас. Купила себе на рынке материи и теперь отправлялась заниматься рукоделием куда-нибудь в парк. Садилась под тенистое дерево и принималась мастерить себе новое платье из вельвета и теплую зимнюю накидку. Снимая с себя размеры, Анна с некоторым огорчением обнаружила, что хотя ей нет еще и двадцати, а талия уже изрядно раздалась вширь. Впрочем, решила она, все замужние женщины обычно полнеют, не она первая. Через день она исправно посещала свою церковь Томаскирхе, черпая там душевные силы и просто получая короткую передышку от жары под прохладными сводами храма. Собственно, единственное место в городе, где Анна могла хоть ненадолго укрыться от палящего зноя.

Йенсу она писала регулярно по тому адресу, который он ей оставил перед отъездом в Париж. Но от него получила лишь две коротенькие записки, в которых он уведомлял ее о том, что очень занят, что у него без конца какие-то встречи с важными друзьями баронессы фон Готфрид. Еще он написал, что его выступление на публике прошло успешно и что сейчас в свободное время он работает над каким-то новым произведением.

«Замок и живописные окрестности вдохновляют меня на творчество. Кажется, сейчас я пишу свое самое лучшее произведение! Да и как можно не творить, когда живешь среди такой красоты?»

Лето медленно, но неуклонно близилось к концу. И чем дальше, тем чаще Анне приходили на ум невеселые мысли, хотя она и старалась гнать их прочь. Но они, словно черви, прогрызали себе все новые и новые проходы в ее сознании. Интересно, что это за покровительница такая у Йенса? Богатая, влиятельная... И какое влияние она имеет на ее мужа? Но он же скоро вернется, тут же спохватывалась она. Йенс вернется к ней, и они снова заживут с ним прежней семейной жизнью, как муж и жена.

Впрочем, Йенс ведь так и не назвал ей точную дату своего возвращения. И вот в первых числах сентября, когда она завтракала внизу, хозяйка пансиона фрау Шнайдер весьма недвусмысленно поинтересовалась у нее, точнее, спросила напрямую, а не приезжает ли сегодня ее муж. Дескать, с завтрашнего дня в консерватории уже возобновляются занятия.

— Конечно, он должен приехать, а как же иначе? — невозмутимо ответила Анна, стараясь ничем не выдать своего удивления. После чего заторопилась к себе наверх, быстро причесалась и переделалась в новое платье. Потом глянула на собственное отражение в крохотном зеркальце, которое стояло на комод, и решила, что выглядит она очень даже неплохо. Правда, личико у нее за последний месяц изрядно округлилось, но Йенсу это даже понравится, и он, вернувшись домой, наверняка одобрит ее внешний вид. Муж ведь часто подшучивал над ней, впрочем, как когда-то и ее родные в Хеддале, говорил, что она чересчур уж худенькая.

Весь остаток дня Анна провела в своей душевной камерке, с нетерпением поджидая Йенса.

Но наступил вечер, и ее настроение заметно упало. Неужели Йенс пропустит первый день занятий в своей любимой консерватории, недоумевала она. Потом наступила полночь, зазвонили церковные колокола, возвещая наступление нового дня. Анна аккуратно сняла с себя обновку и улеглась в постель прямо в нижней юбке. Она точно знала, до утра никаких поездов больше не будет.

Так прошло три дня. Анна металась в неведении, не зная, что делать. Наконец она отправилась в консерваторию, дождалась окончания занятий, когда студенты веселой гурьбой высыпали на

крыльцо, оживленно переговариваясь друг с другом и дымя трубками. Выискала в толпе знакомое лицо. Тот самый Фридрих, у которого они отмечали минувшее Рождество. Анна смущенно подошла к нему.

— Прошу простить меня, герр Фридрих, за то, что беспокою вас, — начала Анна, сообразив, что она даже не знает его фамилии, — но вы не видели Йенса? Он вообще появлялся в консерватории на этой неделе?

Молодой человек недоуменно уставился на нее, видимо, пытаясь сообразить, кто с ним говорит. Наконец узнал и как-то странно переглянулся со своими приятелями, стоявшими рядом.

— Нет, фрау Халворсен. Вынужден огорчить вас, но Йенса я не видел. А вы не видели? — поинтересовался он у остальных.

Все отрицательно замотали головами, смущенно отводя глаза в сторону.

— Боюсь, с ним что-то случилось в Париже. Вот уже месяц, как я не получала от него известий. А ведь он должен был вернуться к началу занятий. — Анна принялась нервно крутить обручальное кольцо на пальце. — А кто-нибудь в консерватории знает о его точном местонахождении?

— Я могу поинтересоваться у преподавателя герра Халворсена. Быть может, он в курсе. Но буду с вами откровенен, фрау Халворсен. Насколько я был наслышан о его планах, Йенс намеревался обосноваться в Париже. Он мне как-то сказал, что денег у него хватит только на один год обучения в консерватории. Хотя, вполне возможно, он похлопотал о получении стипендии, чтобы продолжить учебу. Так он получил стипендию?

— Я...

Анна почувствовала, как все поплыло у нее перед глазами, и ее тут же повело в сторону. Фридрих быстро схватил ее за руку, не позволяя упасть.

— Фрау Халворсен, вам явно нездоровится, да?

— Нет-нет, все в порядке. — Она вырвала свою руку. Гордость не позволила показать постороннему человеку, как ей плохо. — *Danke*, герр Фридрих.

Она кое-как попрощалась с остальными кивком головы и пошла прочь, из последних сил стараясь высоко нести голову.

— О господи! О господи! — в отчаянии шептала она, то и дело спотыкаясь и останавливаясь. Брела по запруженным улицам города, возвращаясь домой. В голове шумело, было трудно дышать, а перед глазами стоял сплошной туман.

Дома она без сил рухнула на кровать. С трудом поднесла ко рту стакан с водой, стоявший на тумбочке у изголовья, с жадностью выпила. Немного полегчало. И жажда тоже отступила.

— Не может быть! Не может быть! Этого *не может быть!* — повторяла она как заклинание. — Если он решил остаться в Париже, то почему не забрал меня? — вопрошала она голые стены своей комнатенки, но те хранили молчание. — Он ведь не бросит меня! Нет! Ни за что! — убеждала она себя. — Он любит меня. И потом, я же его жена...

Всю ночь Анна так и не сомкнула глаз. Под утро она уже решила, что сейчас сойдет с ума от тревожных мыслей, которые теснились в ее голове одна мрачнее другой. Пошатываясь, она кое-как спустилась к завтраку и увидела фрау Шнайдер, которая стояла в холле с письмом в руках.

— Доброе утро, фрау Халворсен. Хотя оно и не такое доброе, как хотелось бы. Плохие новости. Вот получила письмо... Ваш друг герр Хогарт скончался две недели тому назад от сердечного приступа. Его родственники просят меня упаковать все его вещи. Они потом пришлют за ними подводу.

Анна в ужасе закрыла рот рукой.

— О боже! Нет! Только не это! — воскликнула она, и тут у нее все потемнело в глазах, и она потеряла сознание.

* * *

Анна пришла в себя и поняла, что находится в частных покоях хозяйки, в ее гостиной. Лежит на диване, к голове приложена влажная тряпица.

— Ну слава богу... Очнулась, — вполголоса пробормотала фрау Шнайдер. — Я знаю, как вы его любили... Впрочем, как и я. Конечно, сильно расстроились. Тем более мужа рядом нет. А в вашем положении...

Анна проследила глазами за взглядом хозяйки, которая принялась обозревать ее живот.

— Я... Что вы хотите сказать? Какое мое положение?

— Как какое? Я имею в виду вашу беременность. Вы уже приблизительно знаете, когда появится на свет младенец? А вы такая хрупкая, фрау Халворсен. Вам надо очень беречься.

Анна опять почувствовала головокружение и испугалась, что ее сейчас вырвет прямо на бархатный диван фрау Шнайдер.

— Выпейте немного воды. — Хозяйка поднесла Анне стакан с водой.

Анна отхлебнула из стакана, а женщина между тем продолжала щебетать:

— Хочу поговорить с вами насчет будущего... Когда вернется ваш муж... Одно из моих правил — никаких детей здесь. Детские крики распугают остальных моих постояльцев.

Еще минуту тому назад Анна думала, что хуже быть не может. Но, оказывается, очень даже может.

— Однако до его возвращения я, разумеется, не выставлю вас на улицу. Это было бы просто не по-человечески. Поэтому разрешаю вам оставаться у меня до появления младенца на свет, — величественным тоном бросила хозяйка напоследок.

— *Danke*, — прошептала Анна, понимая, что фрау Шнайдер уже не терпится вернуться к своим обычным утренним делам. Анна медленно поднялась с дивана. — Мне уже полегчало. Спасибо за заботу. И простите, что доставила вам лишние хлопоты. — Она вежливо поклонилась и вышла из комнаты.

Весь остаток дня Анна пролежала на своей постели. Старалась лежать с закрытыми глазами и не шевелиться в надежде на то, что все то страшное, что случилось *утром*, больше не повторится. А еще лучше было бы, если бы она вообще взяла и умерла. Но стоило ей хоть чуть-чуть пошевелить рукой или ногой, и она понимала, что все еще жива. Что она дышит, а значит, надо собираться с силами и обдумывать, что делать дальше.

— О Господи! Помоги мне! — взмолилась она, обращаясь к Всевышнему.

Кое-как она сползла с кровати, чтобы сходить в туалет, а вернувшись к себе, сняла платье и, оставшись в короткой рубашке и

штанишках, стала разглядывать свое тело. Опустила глаза вниз и сразу же заметила, как слегка округлился ее живот. Да, но почему она никогда не думала, что стала полнеть потому, что беременна?

— Ах ты, безмозглая дурочка! — принялась корить она себя. — Как же ты ни о чем не догадывалась? Наивная, глупая деревенщина! Правильно говорил герр Байер! Такая я и есть...

Она подошла к ящику, достала оттуда чернила, перо и бумагу и, усевшись на кровать, принялась писать письмо мужу в Париж.

* * *

— Вам сегодня утром пришло письмо, — объявила фрау Шнайдер, вручая Анне запечатанный конверт. Дитя, а именно так мысленно окрестила хозяйка свою хрупкую постоялицу, глянула на нее запавшими, воспаленными глазами. И, кажется, впервые за долгое время фрау Шнайдер заметила в них некий проблеск надежды. — На конверте французская марка. Наверняка это письмо от вашего мужа.

— *Danke*, — едва слышно прошептала в ответ Анна.

Фрау Шнайдер молча кивнула и вышла из столовой, давая возможность «дитяти» остаться наедине с письмом. За последние две недели Анна превратилась в собственную тень. Она безразлично взирала на любую еду, которую ставила перед ней хозяйка, и та через какое-то время уносила тарелки нетронутыми. Вот и сейчас фрау Шнайдер тяжело вздохнула, глянув на свою постоялицу, и пошла в судомойню мыть посуду, сложенную после завтрака в большое деревянное корыто. Подобные истории она наблюдала за свою жизнь много раз. Конечно, ей было жаль Анну, она даже испытывала к ней нечто похожее на сочувствие и очень надеялась, что письмо, которое она только что вручила, как-то выправит сложившуюся ситуацию. Впрочем, фрау Шнайдер уже давно приучила себя к тому, что не стоит сильно вникать в проблемы своих жильцов. В конце концов, это их жизнь, и, как бы драматично ни складывались их жизненные обстоятельства, им самим выпутываться из них.

Поднявшись к себе в комнату, Анна трясущимися пальцами вскрыла конверт. Несколько недель тому назад она написала мужу

письмо, адресовав его в замок. Сообщила Йенсу о том, что ждет ребенка. И вот наконец пришел долгожданный ответ от него.

Париж

13 сентября 1877 года

Моя дорогая Анна!

Прости, что так затянул с ответом. Но я решил, что прежде обустроюсь на новом месте, а уже потом отвечу тебе. Я сейчас снимаю квартиру в Париже и беру уроки композиции у Августа Терона, известного профессора музыки. Он очень помог мне в совершенствовании композиторских навыков. Баронесса фон Готфрид проявила большую щедрость ко мне. Фактически она стала моим спонсором. В ноябре моя покровительница планирует устроить специальное суаре, на котором у меня будет возможность выступить со своими произведениями перед парижским обществом.

Я говорил тебе перед отъездом, что посчитал неудобным рассказывать баронессе о твоём существовании, но на самом деле все обстоит несколько иначе. Просто я не хотел тогда расстраивать тебя. А правда такова: деньги наши закончились, и, если бы не помощь баронессы, мы бы сейчас с тобой жили в канаве. Уезжая из Лейпцига, я оставил тебе все, что у меня было. Знаю, у тебя есть еще кое-какие деньги, которые тебе дала фрекен Олсдаттер. Так что очень надеюсь на то, что ты не голодаешь.

Анна, понимаю, ты можешь воспринять мой отъезд и отказ возвратиться в Лейпциг как некий акт предательства по отношению к тебе и к нашей любви. Но, пожалуйста, верь мне! Я люблю тебя. Повторяю, я тебя ЛЮБЛЮ! А сделал я это все исключительно ради нас с тобой и нашего будущего. Как только моя музыка получит признание и я смогу обеспечить нашу материальную независимость, я тотчас же приеду за тобой. Верь мне, моя любовь! Я клянусь этим на Библии, которая для тебя поистине священна. Клянусь нашим браком, Анна.

Пожалуйста, умоляю тебя, Анна. Дождись меня, как ты и обещала. И постарайся понять, что я делаю это только ради нас с тобой. Понимаю, тебе будет трудно поверить мне, но ты постарайся. Пойми, так будет лучше для нас обоих.

*Скучаю по тебе, любовь моя, сильно скучаю.
Люблю тебя всем сердцем.
Твой Йенс*

Письмо само выпало из рук Анны, а она, обхватив голову руками, попыталась остановить вихрь мыслей, завертевшихся в ее сознании. Первое, что озадачивало: ни малейшего упоминания о ребенке. Неужели Йенс не получил ее письмо? И как долго ей придется ждать его?

«Этот человек разобьет вам сердце и разрушит вашу жизнь», — вспомнила она слова герра Байера, сказанные им когда-то в разговоре с ней. Вспомнила и почувствовала, как тает ее решимость и впредь безоговорочно доверять своему мужу.

* * *

Кое-как Анна протянула весь следующий месяц. Она и понятия не имела, когда может состояться возвращение Йенса домой, а между тем деньги, которые дала ей фрекен Олсдаттер, тоже продолжали стремительно таять, монетка за монеткой, и так изо дня в день. Надо подыскать себе какую-нибудь работу в городе, решила она в конце концов.

В течение недели она исходила весь Лейпциг, пытаясь устроиться в каком-нибудь кафе на раздаче или, на худой конец, посудомойкой. Но стоило потенциальному нанимателю увидеть ее раздавшийся живот, и он лишь отрицательно мотал головой, и она уходила ни с чем.

— Фрау Шнайдер, может, вам нужна какая помощь на кухне? Или нужно убирать в номерах? — поинтересовалась она однажды у хозяйки. — Герра Хогарта больше нет. Муж пока тоже не вернулся. Вот я и не знаю, чем себя занять. А так хоть какую-то пользу принесу.

— Вообще-то работы у нас море, самой разной... Если вы уверены в своих силах, — фрау Шнайдер окинула Анну внимательным взглядом, — то да, пожалуй, от лишней пары рук я не откажусь.

Вначале фрау Шнайдер определила Анну на кухню, чтобы та готовила завтраки для постояльцев. Что означало следующее: каждое утро она должна была подниматься с постели в половине шестого.

Потом, уже после завтрака, перемыв всю посуду, она обходила все комнаты и меняла постельное белье в тех номерах, где это было нужно. Какое-то время после обеда она была свободна, но уже к пяти вечера должна была снова быть на кухне. Чистила картошку, готовила ужин. Какая ирония судьбы, размышляла порой Анна, усмехаясь про себя. Крутиться целыми днями на кухне, и это при том, что у нее никогда не было никаких склонностей к подобным занятиям. А в принципе, изо дня в день тяжелый, изнурительный труд. Набегавшись в течение дня по лестнице, туда-сюда, вверх-вниз, она чувствовала, как ноет живот от этой беготни. Правда, был и плюс. К себе в комнату она возвращалась такой измотанной, что тут же засыпала как убитая.

— Вот чем все кончилось! — мысленно воскликнула Анна однажды, лежа в кровати и размышляя о том, к чему она пришла в итоге. — Восходящая звезда Христиании за какие-то считанные месяцы превратилась в обычную посудомойку.

После чего Анна, по своему обыкновению, сотворила вечернюю молитву. Особенно горячо она молилась о том, чтобы муж вернулся.

— Господи всемилостивый, — шептала она. — Дай мне силы на то, чтобы и впредь сохранить свою любовь к мужу и доверие к нему. Не дай мне усомниться в том, что он поступает правильно. Искорени из моего сердца всяческое сомнение в его благих помыслах.

* * *

Наступил ноябрь, подули холодные, пронизывающие до костей ветра. Как-то ночью Анна почувствовала нестерпимую боль в животе. Не с первой попытки, но все же ей удалось зажечь керосиновую лампу, которая стояла на столике возле изголовья. Анна поднялась с кровати и слегка выпрямилась, чтобы немного уменьшить боль. И тут, к своему ужасу, увидела, что все простыни перемазаны кровью. Между тем приступы боли стали повторяться, и чем дальше, тем острее. Анна с трудом сдерживала крик. Слишком напуганная тем, что с ней творилось, она не стала звать никого на помощь. Боялась, что это может вызвать неудовольствие со стороны фрау Шнайдер. Так она промучилась весь остаток ночи, а когда забрезжил рассвет, то она увидела, что между ее ног неподвижно лежит крохотный

новорожденный младенец. Она разглядела тонкий кусочек кожи, который протянулся от его пупка куда-то к ней. Не в силах более сдерживать свой ужас от всего увиденного, она издала истошный крик, вложив в него всю свою боль, все свои страхи и весь остаток сил, которые еще теплились в ней после этой бессонной ночи. На крик тут же прибежала фрау Шнайдер. Ей хватило и одного взгляда на постель, чтобы понять, что происходит, и она опрометью выбежала из комнаты, чтобы поскорее привести к роженице повитуху.

Анна очнулась от забытья, от того беспорядочного и лихорадочного сна, в котором она пребывала последние пару часов, от прикосновения чьих-то ласковых и мягких рук. Эти руки осторожно отбросили ей волосы со лба и положили туда влажную тряпицу.

— Ну же, милая, потерпите еще немного, — негромко обратился к ней незнакомый женский голос. — Сейчас я перережу пуповину, а потом приведу вас в порядок.

— Она что, умирает? — В ее сознание ворвался резкий голос фрау Шнайдер. — Да, надо мне было выставить ее вон в ту же самую минуту, как только я узнала о том, что она беременна. Вот до чего доводит неразумная доброта!

— Нет, с молодой женщиной все будет в порядке. Она оправится. А вот младенец, к несчастью, мертворожденный.

— Конечно, неприятная история. Однако мне пора заниматься другими делами. — С этими словами фрау Шнайдер выплыла из комнаты Анны с недовольной, брезгливой миной на лице.

Через час с небольшим Анну помыли и уложили на чистые простыни. Повитуха запеленала младенца в какую-то шаль и протянула его Анне, чтобы та попрощалась со своим первенцем.

— У вас, моя дорогая, была девочка. Но вы не переживайте. Думаю, в будущем у вас еще обязательно будут детки.

Анна взглянула на прелестное личико своей мертворожденной дочурки. Правда, кожа уже приобрела синеватый оттенок. Она нежно поцеловала девочку в лобик. Горе было настолько оглушительным, что у Анны даже не нашлось слез. Она лишь безвольно позволила повитухе забрать ребенка из ее рук и унести прочь.

— Ну вот! Вы немного окрепли, и теперь можно поговорить с вами более серьезно, — промолвила фрау Шнайдер, забирая с колен Анны тарелку с нетронутым завтраком. «Дитя», как мысленно окрестила Анну хозяйка, провалялась в кровати еще с неделю после родов. У нее просто не было сил, чтобы встать на ноги. Однако фрау Шнайдер все же решила, что пора и меру знать. Побездельничала немного, и хватит.

Анна вяло кивнула в ответ. Она уже наперед знала все то, что собирается сообщить ей хозяйка. Ну и пусть себе *вышвыривает ее* на улицу, если ей так хочется. Ей сейчас все равно.

— Как я понимаю, вы за всю осень не получили от мужа ни одного письма.

— Да.

— Он сообщил вам, когда вернется?

— Нет. Только написал, что вернется.

— И вы все еще верите ему?

— А зачем ему обманывать меня?

Фрау Шнайдер глянула на Анну с нескрываемой жалостью. Какая наивность!

— У вас есть деньги, чтобы заплатить мне за проживание на минувшей неделе?

— Да.

— А как насчет следующей недели? И, кстати, остальных недель тоже?

— Я не смотрела, фрау Шнайдер, что у меня там осталось в запасе. Сейчас посмотрю.

Анна пошарила рукой под матрасом и извлекла оттуда железную коробочку со своими сбережениями.

Впрочем, фрау Шнайдер и без того знала, сколько монеток хранится в заветной коробочке. Немного, совсем немного... пару штук... Она молча наблюдала за тем, как «дитя» открыла коробку. Голубые глаза Анны мгновенно наполнились страхом. Она молча достала из жестянки две монетки, протянула их хозяйке и тут же захлопнула крышку.

— *Danke*, — промолвила фрау Шнайдер и добавила: — А как насчет оплаты повитухи? Вы можете прямо сейчас дать мне денег, чтобы я рассчиталась с ней? Она, уходя, оставила мне счет. А потом

все эти расходы, связанные с упокоением вашего младенца. Он ведь до сих пор лежит в городском морге. Конечно, девочку можно упокоить и в общей могиле для нищих. Но если вы хотите похоронить ее по-людски, со службой, с могилкой на кладбище, то за это тоже придется платить.

— А сколько это будет стоить?

— Понятия не имею. Но явно больше того, чем вы сейчас располагаете, если уж честно.

— Вы правы, — уныло согласилась с ней Анна.

— Дитя мое, я отнюдь не самая плохая женщина. Но и не ангел. Да, вы мне нравитесь, я к вам даже по-своему привязалась. Это правда. Я знаю, что вы хорошая богобоязненная девочка. И во всех ваших бедах повинен только муж. К тому же я не настолько бессердечна, чтобы взять вот так и вышвырнуть вас на улицу. Особенно после того, что вы пережили. Но давайте взглянем на вашу ситуацию БЕЗ ПРИКРАС. Такой, как она есть. Ваша комната — это самое лучшее, что я могу предложить своим постояльцам. Тех денег, что вы заработали у меня, помогая по хозяйству, едва ли хватит, чтобы покрыть стоимость проживания всего лишь за две ночи из семи, если брать понедельную оплату. Имеются у вас и другие задолженности...

Фрау Шнайдер метнула на Анну быстрый взгляд, ожидая увидеть хоть какую-то реакцию на ее лице. Никакого проблеска в мертвых, неподвижных глазах. Тогда она тяжело вздохнула и продолжила:

— Поэтому я предлагаю вам следующее. Вы и впредь будете помогать мне по дому. Но начнете работать уже полный день и будете работать до тех пор, пока не вернется ваш муж, если он вообще когда-нибудь вернется. Пока же вам придется переехать в комнату для прислуги. Она расположена в заднем крыле дома, прямо за подсобкой. Проживание пойдет в счет зарплаты. Питаться станете тем, что останется от завтраков и ужинов. Вдобавок ко всему я одолжу вам деньги, чтобы вы могли рассчитаться с повитухой и упокоить свою дочку как положено, по-христиански. Ну и что вы мне скажете в ответ на мое предложение?

Анна молчала. Ей нечего было сказать. У нее вообще не было в голове ни мыслей, ни слов. Она лишь физически присутствовала в этом мире. Но выбора тоже не было, и она послушно, словно автомат, кивнула головой.

— Вот и прекрасно! Значит, решено! Завтра вы перетащите все свои пожитки в вашу новую комнату. Тут объявился один господин, который хочет снять вашу комнату на целый месяц.

Фрау Шнайдер повернулась к дверям, уже взялась своей большой ловкой рукой за дверную ручку, но тут снова развернулась лицом к Анне, слегка нахмурившись.

— И вы даже не собираетесь сказать мне спасибо, дитя мое? Другие на моем месте в два счета вышвырнули бы вас вон.

— Спасибо, фрау Шнайдер, — повторила Анна, словно попугай.

Хозяйка что-то недовольно буркнула, выходя из комнаты. Анна поняла, что выказала мало благодарности. Она закрыла глаза, пытаясь отключиться от всего на свете. Как бы ей хотелось сейчас оказаться где-нибудь там, где никому нет до нее дела. Чтобы ее оставили одну и навсегда.

В холодный и ветреный день в самом начале декабря Анна отправилась на городское кладбище. Долго стояла в полном одиночестве возле могилки своей дочери.

Сольвейг Анна Халворсен.

Бог, в которого она всегда верила, любовь, ради которой она пожертвовала всем, и вот, наконец, ее крохотная дочурка... Все ушли, все ушло, и ничего не осталось.

В последующие три месяца Анна не жила, а просто тупо существовала. Она работала от темна и до темна. Фрау Шнайдер умело воспользовалась сложившейся ситуацией, буквально закабалив ее теми финансовыми обязательствами, которые она опрометчиво дала хозяйке, когда хворала. Что ни день, хозяйка, вальяжно развалившись в кресле в своих частных покоях, нагружала Анну все новыми и новыми обязанностями. По ночам, укладываясь на свой соломенный тюфяк в крохотной камерке, пропахшей помоями, долетавшими сюда из судомойни и из выгребной ямы на заднем дворе, Анна моментально отключалась, настолько она уставала за день. Сразу же погружалась в тяжелый сон, но без каких-либо сновидений. Она ни о чем не думала, ни о чем не мечтала.

Ей просто не о чем было мечтать.

Когда же она отважилась как-то раз поинтересоваться у хозяйки, сколько ей еще осталось платить по долгам и когда она сможет

наконец получить хоть какое-то жалованье, та лишь злобно фыркнула в ответ:

— Неблагодарная девчонка! Я забочусь о том, чтобы у тебя была крыша над головой, кормлю тебя... А тебе, видите ли, этого мало! Подавай тебе больше!

«Нет, это тебе подавай больше», — подумала про себя Анна, ложась спать в ту ночь. Фрау Шнайдер взвалила на плечи Анны практически всю работу в доме. Она одна тянула на себе весь пансион. И понимала, что надо срочно искать другое место, такое, где она смогла бы заработать хоть какие-то крохи. Она стянула с себя платье и обозрела в зеркале свое исхудавшее лицо. Самая настоящая крыса с помойки, подумала она, разглядывая собственное отображение. Истощенная донельзя, в лохмотьях, пропахшая чужой грязью и потом. Кто возьмет на работу такую замарашку? Кто прельстится на эту оборванку?

А не написать ли ей фрекен Олсдаттер, мелькнуло у нее как-то раз. Или, может быть, вообще броситься к ногам родителей и вымолить у них прощение? Но когда она поинтересовалась в закладной лавке, сколько бы они могли дать за то перо, которое когда-то подарил ей Ларс, то оказалось, что вырученных денег не хватит даже на то, чтобы отправить письмо в Норвегию.

Да и чувство собственного достоинства, те крохи, которые еще остались от него, подсказывали Анне, что она сама повинна во всех тех несчастьях, какие свалились ей на голову, а потому никакого сострадания и жалости она не заслуживает.

Так минуло Рождество. Наступил январь. Морозы и холода выстудили последние капли надежды, которые все еще питали Анну. Но вот не осталось ни веры, ни надежды. Сейчас, молясь на ночь, она молила Господа уже не о спасении, не о всепрощении, а лишь о том, чтобы не проснуться утром.

— Да и нет никакого Бога... Все это сплошные выдумки... Все ложь... — прошептала она как-то раз, прежде чем забыться беспробудным сном.

Но вот однажды вечером, уже в марте месяце, в кухню неожиданно вплыла фрау Шнайдер. Вид у нее был самый что ни на есть взволнованный. Анна как раз чистила овощи для ужина постояльцам.

— Анна, тебя хочет видеть какой-то господин.

Анна взглянула на хозяйку, мгновенно просветлев лицом.

— Нет-нет, это не твой муж. Я проводила этого господина в свои апартаменты. Сними фартук, вымой лицо и немедленно ступай к нему.

Сердце у Анны ушло в пятки. А вдруг это герр Байер, подумала она. Приехал, чтобы поиздеваться над ней вдоволь. Ну и пусть, обреченно решила она, направляясь по коридору в гостиную фрау Шнайдер. Ей сейчас все равно. Анна робко постучала в дверь и вошла в комнату.

— Фрекен Ландвик! Точнее, фру Халворсен, как положено обращаться к вам ныне. Как поживаете, моя маленькая певчая птичка?

— Я... — Анна оцепенело уставилась на господина, который показался ей таким редким экспонатом из ее прошлой жизни. Из давно забытой жизни...

— Подойди же, дитя, поближе. Поговори с герром Григом, — медоточивым голосом подсказала ей фрау Шнайдер. — Сейчас что-нибудь скажет... Она у нас говорит только тогда, когда сама захочет, — ядовито добавила она.

— Да, она всегда была мужественной девочкой, гордой, правда, немного упрямой и своенравной. Что ж, мадам, приходится мириться. Таковы издержки артистического темперамента.

— Артистического темперамента? — Фрау Шнайдер окинула Анну презрительным взглядом. — А я думала, что она просто мужняя жена. Вот только и муж куда-то пропал бесследно...

— Муж этой женщины — прекрасный музыкант, это так. Но она сама — это истинный талант. И в их семье первую скрипку, несомненно, играет именно она. Неужели вы, мадам, ни разу не слышали, как она поет? У нее ведь дивный голос. Таких прекрасных голосов я и не слышал... Конечно, если не считать мою дорогую жену Нину...

Анна молча слушала, как эти двое говорят о ней, мысленно наслаждаясь тем эффектом, который произвели слова маэстро Грига на ее хозяйку. Воистину, фрау Шнайдер только что пережила самое настоящее потрясение.

— Какая жалость! — воскликнула она. — Ведь если бы я знала о ее талантах, то непременно пригласила бы в гостиную попеть что-нибудь для моих постояльцев. А сама аккомпанировала бы ей на

пианино. Я, конечно, всего лишь любитель, но музыкой интересуюсь очень живо.

Фрау Шнайдер ткнула пальцем в допотопное пианино, стоявшее в углу комнаты. За все то время, что Анна прожила в пансионе, она ни разу не слышала, чтобы хозяйка прикасалась к инструменту или тем более что-то играла на нем.

— О, вы наверняка скромничаете, мадам! — любезно расшаркался перед ней Эдвард Григ и тут же переключил все свое внимание на Анну. — Мое бедное дитя, — перешел он на норвежский, чтобы мадам не имела возможности подслушать все то, о чем они станут говорить дальше. — Я только недавно приехал в Лейпциг, и мне сразу же отдали ваше письмо. У вас очень изможденный вид. Простите меня... Знай я, в каких ужасных обстоятельствах вы сейчас пребываете, я бы обязательно приехал пораньше...

— Герр Григ, пожалуйста, не стоит хлопотать обо мне. У меня все хорошо.

— Увы, дитя! Но мне вполне очевидно, что у вас все плохо. Очень плохо. И я с огромным удовольствием помогу вам, чем смогу. Вы еще что-то должны этой ужасной особе?

— Не думаю, мой господин. Она не платила мне жалованья за последние шесть месяцев. Полагаю, все мои долги уже давным-давно погашены. Впрочем, вполне возможно, она думает иначе.

— Бедное, бедное дитя! — проговорил маэстро нарочито жизнерадостным тоном, чтобы фрау Шнайдер, которая продолжала пожирать его глазами, не догадалась, о чем они говорят. — А сейчас я попрошу вас принести мне стакан воды. А потом ступайте к себе и быстро упакуйте свои вещи. После чего вы немедленно покинете этот дом. Я буду ждать вас в пивном погребе «Биркеллер» на углу Элстерстрабе. Ступайте, а я пока улажу все ваши дела с фрау Шнайдер.

— Я только что попросил фру Халворсен принести мне немного воды, — обратился он к фрау Шнайдер уже на немецком. — Совсем жажда замучила.

Фрау Шнайдер молча кивнула, и Анна заторопилась к себе в подсобку, наспех побросала вещи в дорожную сумку, как ей велел герр Григ. А затем наполнила стакан водой из кувшина и понесла его в

гостиную. Свою сумку она оставила за дверью, а сама вошла в комнату.

— Спасибо, мое дитя, — поблагодарил маэстро, когда Анна подала ему стакан с водой. — Что ж, а сейчас я вынужден откланяться. Да и у вас наверняка есть дела. Перед отъездом обязательно навещу вас. — Григ повернулся к фрау Шнайдер, чтобы попрощаться с ней, но при этом успел украдкой подмигнуть Анне, которая поспешно ретировалась из комнаты, схватила свою дорожную сумку и опрометью выбежала на улицу.

Возле погребка Анна промаялась в ожидании Грига минут двадцать, совершенно оглушенная всем тем, что случилось с ней в течение последнего часа. Наконец она увидела знакомую фигуру своего спасителя, шагающего к ней по тротуару.

— Ну-с, милейшая фру Халворсен, когда-нибудь ваш непутевый муж должен будет возместить мне в полном объеме все, что я сейчас потратил на ваш выкуп!

— О господи! Неужели она заставила вас заплатить за меня?

— Хуже! Денег она не потребовала, но прицепилась ко мне, чтобы я исполнил свой концерт ля минор на этом ее ужасном инструменте. Его уже давно пора пустить в печь на дрова, чтобы согреть ее тучные тела в зимнее время. — Григ издал короткий смешок, подхватывая вещи Анны. — Пришлось пообещать этой даме, что я обязательно сыграю для нее. Разумеется, это тот редкий случай, когда я вовсе не намерен держать свое слово. Сейчас мы возьмем на площади экипаж, и он отвезет нас на Талстрабе. А вы по пути расскажете мне, что вам пришлось пережить в лапах этого чудовища по имени фрау Шнайдер. Слово в сказке, вы — Золушка, она — злая мачеха, запершая вас на кухне и превратившая в свою прислугу. Только двух уродин-сестриц не хватает!

Григ помог Анне сесть в экипаж. И в этот момент она вдруг почувствовала себя самой настоящей принцессой из сказки, которую так неожиданно спас принц.

— Сейчас мы направляемся в дом моего доброго друга и издателя всех моих музыкальных произведений Макса Абрахама, — пояснил Григ.

— Он меня ждет? — удивилась Анна.

— Нет, моя дражайшая мадам, он вас не ждет. Но уверен, услышав о тех невзгодах, через которые вам пришлось пройти, он будет счастлив предоставить вам свой кров. Я сам часто квартирую в его апартаментах, когда приезжаю в Лейпциг. Вам там будет вполне комфортно. А потом мы подыщем вам другое жилье. Пока же я готов спать хоть на рояле, если потребуется освободить место для вас.

— Ах, пожалуйста! Я вовсе не хочу, чтобы у вас по моей вине возникали какие-то проблемы или неудобства, мой господин.

— Уверю вас, никаких неудобств, дорогая мадам. Это всего лишь шутка, — ласково улыбнулся ей ответ Григ. — В доме Макса полно свободных комнат. Так расскажите же мне, дитя мое, как вы умудрились свалиться в такую бездну с тех звездных высот, на которых пребывали, когда я видел вас в последний раз?

— Я...

— Впрочем, ничего не рассказывайте! — Григ слегка взмахнул рукой, потом разгладил свои усы. — Дайте-ка я сам все вам расскажу! Итак, заботы герра Байера стали чересчур навязчивыми, да? Вполне возможно, он даже сделал вам предложение. А вы ему отказали, потому что на тот момент были уже влюблены в нашего ветреного красавца-скрипача и будущего композитора. Он сообщил вам, что собирается отправиться на учебу в Лейпциг, и вы решили выйти за него замуж и поехать вместе с ним. Я прав?

— Ах, мой господин, пожалуйста, не смейтесь надо мной. — Анна сокрушенно покачала головой. — Наверное, вам уже кто-то поведал нашу историю. Потому что все, что вы только что сказали, правда, от первого и до последнего слова.

— Фру Халворсен... Можно я буду звать вас просто Анной?

— Конечно.

— Недавно герр Хеннум рассказал мне о вашем внезапном исчезновении, но всех подробностей я не знал. Впрочем, все это очевидно. В Христиании уже давно ходили разговоры о том, что намерения герра Байера относительно вас простираются много дальше, чем просто озабоченность вашей певческой карьерой. Так ваш муж, тот скрипач, он все еще в Париже?

— Полагаю, да, — невольно удивилась Анна осведомленности композитора.

— Не удивлюсь, если он до сих пор обитает в роскошных апартаментах своей покровительницы, имя которой баронесса фон Готфрид.

— Понятия не имею, где он обитает. Уже много месяцев я не получаю о нем никаких известий. Я даже более не считаю его своим мужем.

— Моя дорогая Анна. — Григ ласково погладил ее руку. — Вы много перестрадали. К несчастью, баронесса обожает оказывать покровительство молодым талантам из мира музыки. И чем они моложе и красивее, тем лучше для них.

— Простите, мой господин. Но мне совершенно не интересны все эти подробности.

— Разумеется, разумеется. Простите мою опрометчивость. Но есть и хорошая новость во всем том, что случилось. Совсем скоро ваш муж надоест баронессе, и она переключится на новый объект, а он в итоге снова окажется рядом с вами. — Григ бросил короткий взгляд на свою собеседницу. — Я же не раз повторял, что вы, Анна, олицетворяете душу моей Сольвейг. Вы тоже, как и она, дождетесь возвращения своего мужа.

— Нет и еще раз нет! — ожесточенно воскликнула Анна и нахмурилась. Проницательность маэстро задела ее за живое. — Я не Сольвейг, и я не стану ждать возвращения Йенса. Он мне больше не муж, а я ему — не жена.

— Пусть так, Анна. Но пока не будем об этом, ладно? Вы сейчас со мной, и вы в полной безопасности. А я постараюсь сделать все возможное, чтобы помочь вам. — Григ замолчал. Между тем карета остановилась возле красивого белокаменного здания в четыре этажа. Величественный фасад украшали высокие арочные окна. Анна сразу же узнала это здание. Здесь размещается музыкальное издательство, сюда она когда-то принесла свое письмо, адресованное Эдварду Григу. — Однако давайте сделаем с вами так, — снова подал голос композитор. — Соблюдаем благопристойность, по крайней мере. Пусть другие думают, что вам довелось пережить тяжелые времена и нужду в ожидании возвращения мужа из Парижа. Понимаете, о чем я, Анна? — Его блекло-голубые глаза встретились с глазами Анны, и в этот момент он слегка пожал ей руку.

— Да, мой господин.

— Пожалуйста, зовите меня просто Эдвард. Ну вот мы и приехали наконец, — промолвил Григ, выпуская руку Анны из своей ладони. — Идемте же и объявим хозяину о своем прибытии.

Анну, все еще пребывающую в полном тумане от всех калейдоскопических событий минувшего дня, служанка тут же препроводила в красивые, наполненные воздухом комнаты, расположенные в мансарде. И наконец-то Анне снова представилась волшебная возможность погрузиться в ванну. Анна долго соскребала с себя въевшиеся за последние месяцы грязь и копоть, потом переделалась в прелестное шелковое платье, которое каким-то волшебным образом появилось на ее кровати под балдахинном. Странно, но платье оказалось того изумрудно-зеленого цвета, который так шел ей. Более того, оно было ей как раз впору, идеально подчеркивая все изгибы хрупкого тела.

Анна подошла к огромному окну и зачарованно глянула на Лейпциг, раскинувшийся внизу. Среди окружающего великолепия в памяти стали постепенно таять картинки недавнего прозябания в тесной конуре, куда ее определила на постой хозяйка пансиона. Анна направилась вниз, размышляя по дороге, что если бы не герр Григ, то она бы до сих пор чистила картошку на закопченной кухне фрау Шнайдер.

Горничная сопроводила ее в столовую, и вот Анна уже сидит за длинным столом между Эдвардом, как ей велено называть великого композитора, и хозяином дома герром Абрахамом. Он встречал их, когда они приехали, и Анна в самую первую минуту уловила доброжелательность его глаз, поблескивающих за круглыми стеклами аккуратных очков. За столом сидели и другие музыканты. Слышался веселый смех. Еда тоже была отменной. Несмотря на то что все последние месяцы Анна откровенно голодала, сейчас она попросту не могла съесть много. Ее желудок уже отвык переваривать такое количество пищи. Поэтому вместо того, чтобы наброситься на еду, она тихонько сидела на своем месте, внимательно слушала, о чем беседуют гости за столом, время от времени пощипывая себя за локоть. Да уж не приснилось ли ей все происходящее?

— Эта красивая дама, — промолвил Григ, поднимая свой бокал с шампанским, — самая талантливая певица в современной Норвегии. Вы только взгляните на нее! Это же вылитая Сольвейг! Именно ее

образ и вдохновил меня в этом году написание нескольких песен, выдержанных в народной манере.

Гости немедленно стали приставать к Григу с просьбами, чтобы он наиграл им эти песни, а Анна бы спела их.

— Друзья, давайте чуть позже, и то если у Анны еще остались на это силы. Ей ведь пришлось пережить очень тяжкое время, оказавшись в заложницах у самой зловредной старухи во всем Лейпциге!

Композитор тут же поведал собравшимся историю ее спасения. Гости сочувственно охали и ахали, а Анна усилением воли гнала из своей памяти страшные воспоминания обо всем том, через что ей пришлось пройти.

— А я уже переживал, что моя муза исчезла бесследно! Но вот она, слава богу, живая и невредимая. Нашлась в Лейпциге и сидит сейчас перед нами! — с ликующими нотками в голосе закончил маэстро свой рассказ. — Предлагаю тост за здоровье Анны!

— За Анну!

Гости разом вскинули свои бокалы и выпили до дна за ее здоровье.

После ужина Эдвард жестом пригласил Анну подойти к роялю и разложил перед ней ноты.

— А сейчас, Анна, в знак благодарности за то, что я вызволил вас из плена, не смогли бы вы спеть кое-что для меня? Например, вот эту песенку. «Первый цветок примулы». Ее, кстати, еще никто не исполнял. Потому что она писалась специально для вас. Ступайте же сюда. — Григ похлопал по вертящемуся стулу у рояля, приглашая Анну присесть на него. — Садитесь рядом со мной. Порепетируем пару минут.

— Мой господин... Эдвард, — пробормотала она в полном смятении. — Я так давно не пела.

— Вот и хорошо! Значит, голосок ваш отдохнул, и вы сейчас запоете, словно птичка. Послушайте, как это звучит.

Анна стала слушать то, что принялся наигрывать ей Григ. Ах, если бы они были только вдвоем... Одно дело — совершать ошибки наедине с наставником, и совсем другое — на публике, да еще в присутствии таких высокоуважаемых господ. Но вот композитор объявил, что они готовы. Собравшиеся с нетерпением воззрились на них.

— Пожалуйста, Анна, поднимитесь со стула. Так вам будет легче контролировать свое дыхание. Слова сумеете прочесть через мое плечо?

— Да, Эдвард.

— Тогда вперед!

Зазвучали первые аккорды, и Анна почувствовала, как напряглась буквально каждая клеточка ее тела. Голосовые связки очень долго томились в бездействии, а потому она и понятия не имела, какие звуки польются из ее горла, когда она откроет рот. И действительно, первые несколько нот были немного сумбурными, голос еще не вполне подчинялся ей. Но, по мере того, как прекрасная музыка вливалась ей в душу, голос креп и воспарял ввысь, обретая былую мощь и красоту.

Во всяком случае, к концу номера Анна поняла, что не ударила в грязь лицом. И бурные аплодисменты были тому красноречивым подтверждением. Гости наперебой стали кричать «Бис!», требуя повтора.

— Превосходно, моя дорогая Анна! Просто превосходно! Как я и предполагал... Так ты включишь эту песню, Макс, в свой каталог?

— Само собой. Но мы еще дополнительно устроим концерт в зале Гевендхауза, на котором прозвучат и другие народные песни, написанные тобой. И именно в ангельском исполнении Анны. Мне совершенно очевидно, что все эти песни действительно написаны только для ее неповторимого голоса.

Макс Абрахам отвесил Анне почтительный поклон.

— Все устроим, как ты скажешь! — пообещал Григ и с улыбкой взглянул на Анну, которая уже с трудом сдерживала зевету.

— Моя дорогая девочка! Да вы совсем без сил. Думаю, гости поймут вас правильно и простят, если вы отправитесь отдыхать прямо сейчас! — воскликнул Макс к вящему облегчению Анны. — Как нам поведает Эдвард, вам действительно пришлось пережить необыкновенно тяжелые времена.

Григ тоже поднялся из-за рояля и поцеловал руку Анне.

— Доброй ночи, Анна.

Анна мигом преодолела три лестничных пролета и вошла к себе в комнату. Горничная как раз подкладывала очередную порцию дров в печку. На широкой двуспальной кровати уже лежала приготовленная для Анны ночная сорочка.

— Могу ли я поинтересоваться у вас, кому принадлежат эти чудесные вещи? Они все мне точно по размеру.

— Это вещи Нины, жены Эдварда Грига. Маэстро сказал мне, что у вас нет при себе никаких вещей, и попросил, чтобы я подыскала что-нибудь подходящее из гардероба фрау Григ, — ответила служанка и начала расстегивать пуговицы на платье, чтобы помочь Анне снять его.

— Спасибо, — немного смутилась та, уже отвыкшая от того, чтобы ее раздевала служанка. — А сейчас можете ступить к себе.

— Доброй ночи, фрау Халворсен.

Служанка вышла из комнаты. Анна разделась и натянула на себя ночную сорочку из мягкого поплина, затем улеглась на кровать и с наслаждением вытянулась между свежими льняными простынями.

Впервые за многие и многие месяцы она молилась, прося у Бога прощения за то, что отвернулась от Него, за то, что потеряла веру. Потом закрыла глаза. Она слишком устала, чтобы думать о чем-то еще. И почти сразу же погрузилась в глубокий сон.

* * *

История чудодейственного спасения Анны из когтей зловредной старухи по имени фрау Шнайдер наделала много шума в Лейпциге. В последующие недели только и разговоров, причем изрядно приукрашенных, было о ней и о ее приключениях. А между тем знаменитый ментор Анны продолжал знакомить ее с музыкальной общественностью города и с самыми влиятельными и знатными горожанами, благо все двери были распахнуты перед ними. Они побывали на нескольких приемах и парадных ужинах в самых красивых особняках Лейпцига. Естественно, Анну всякий раз просили что-нибудь спеть. В качестве платы за ужин, как шутливо заметил однажды Эдвард Григ. Она также приняла участие в нескольких музыкальных вечерах вместе с другими певцами и композиторами.

Григ всегда представлял свою протееже как «живое воплощение всего чистого и прекрасного, что есть на моей родине» или как «мою несравненную музу из Норвегии». Исполняя его песни про стада коров, цветы, фьорды и горы, Анна порой ловила себя на мысли, а не обмотаться ли ей национальным флагом Норвегии. И тогда герр Григ

стал бы размахивать ею перед публикой. Конечно, она не стала бы сопротивляться. Ведь для нее это такая неслыханная честь... Сам великий композитор проявил интерес к ее персоне. А уж если сравнить ту жалкую жизнь, которую она влачила в Лейпциге до его приезда сюда, с тем, как живет ей сейчас, так это и вообще было чудом из чудес. Каждый миг ее новой жизни был абсолютным чудом...

За последнее время она познакомилась со многими выдающимися композиторами современности. Самым запомнившимся и волнующим знакомством стала встреча с Петром Чайковским. Его романтическую, наполненную страстью музыку Анна просто обожала. Композиторы часто заходили к Максиму Абрахаму, под руководством которого издательский дом С. Э. Питерс превратился в одно из самых престижных и влиятельных издательств Европы, занимающихся выпуском музыкальных произведений.

Собственно, само издательство располагалось в том же доме, где жил Макс. Анне нравилось спускаться на цокольный этаж и разглядывать там стопки свежееотпечатанных нот в красивых переплетах, с запоминающимися обложками светло-зеленого цвета. Она могла часами любоваться нотами таких корифеев музыки, как Бах или Бетховен. Да и сам полиграфический процесс, который совершался в полуподвальном помещении внизу, тоже привлекал своей новизной. Так интересно было наблюдать за тем, как из печатных машин буквально на твоих глазах на огромной скорости выскакивают страница за страницей, испещренные нотными знаками.

Хорошая еда, полноценный отдых, а главное — забота и внимание всех домочадцев сделали свое дело. Постепенно Анна окрепла и обрела прежнюю уверенность в собственных силах.

Конечно, вероломство Йенса, его предательство по отношению к ней нет-нет да и напоминали о себе, и тогда Анна моментально вскипала от холодной ярости. А потому она старалась изо всех сил гнать из головы мысли и о муже, и о его поступке. К тому же она уже больше не наивная девочка, свято верящая в любовь, а взрослая женщина, чей талант может обеспечить все ее потребности.

Приглашения для участия в концертах теперь поступали регулярно, не только из Германии, но и из-за рубежа. На сей раз Анна озаботилась тем, чтобы взять под свой контроль все финансовые дела. Больше она не попадет в денежную кабалу и не будет всецело зависеть

от мужчины. Она рачительно откладывала каждую заработанную копейку в надежде на то, что в один прекрасный день обзаведется собственной квартирой. Эдвард Григ поощрял ее в этом начинании, оказывая всяческое покровительство. И чем больше они общались, тем сильнее возрастала духовная близость между ними.

Порой, просыпаясь на рассвете, Анна слышала печальную музыку, долетавшую снизу. Это Эдвард Григ музицировал на рояле, сочиняя новые произведения, иногда ночами напролет.

Однажды ночью, уже в последние дни весны, она проснулась от одного и того же, часто повторяющегося в последнее время сна. Будто ее крохотная дочурка лежит в земле совсем холодная и одна-одинешенька. Анна подхватила с постели, кубарем скатилась вниз, села на последнюю ступеньку лестницы прямо напротив гостиной и стала слушать меланхоличную мелодию, которую наигрывал Григ. Слезы сами собой полились по лицу, и Анна зарыдала навзрыд, обхватив голову руками и одновременно чувствуя, как вместе со слезами из души вытекает вся та боль, которую она пережила, потеряв ребенка.

— Моя дорогая девочка, что случилось? — Анна даже подпрыгнула от неожиданности, почувствовав руку на своем плече. Подняла глаза и увидела добрый взгляд голубых глаз Грига.

— Простите меня. Это так на мою душу подействовала ваша прекрасная музыка, которую вы только что играли.

— Думаю, не только музыка. Идемте сюда. — Григ взял Анну за руку и повел в гостиную, потом плотно прикрыл за ними дверь. — Садитесь рядом со мной и вытрите глаза. — Он протянул ей большой шелковый платок.

Однако участливое отношение композитора вызвало лишь новые потоки слез, совладать с которыми у Анны уже не было сил. Выплакавшись всласть, она смущенно подняла на него глаза, понимая, что просто обязана объяснить своему благодетелю истинную причину столь бурных слез. После чего сделала глубокий вдох и рассказала Григу о том, как потеряла ребенка.

— Бедное мое дитя! Представляю, через что вам пришлось пройти. Такие страдания... Наверное, вам известно, что я тоже похоронил своего ребенка, и тоже девочку. Александра умерла в два годика. Она была прелестным созданием. Самое дорогое и светлое, что

было в моей жизни. Ее смерть разбила мне сердце. Как и вы, я на какое-то время потерял веру в Бога. Да и сама жизнь утратила для меня всякий смысл. Признаюсь, уход дочери наложил свой отпечаток даже на нашу с Ниной супружескую жизнь. Жена была безутешна в своем горе. У нас не было сил хоть как-то облегчить то ужасное состояние, в котором мы оба пребывали.

— К счастью, хоть сия чаша меня миновала на тот момент, и мне не пришлось никого утешать, — сухо обронила Анна, и Григ невольно издал короткий смешок.

— Моя дорогая Анна, признаюсь, вы стали мне очень дороги... Я безмерно восхищаюсь силой вашего духа, вашим мужеством, вашей стойкостью. Мы с вами оба на собственном опыте пережили горечь утрат, знаем, каково это — терять дорогих твоему сердцу близких... И вот что я вам скажу. Наверное, единственным утешением для нас может стать только наша музыка. В ней одной должны мы черпать свои силы и вдохновение. И... — Григ взглянул на Анну, а потом бережно взял ее за руку, — вполне возможно, и друг в друге тоже.

— Да, Эдвард. Вы правы, — ответила Анна, прекрасно поняв, что именно композитор имел в виду. — Думаю, у нас получится.

* * *

Спустя год с небольшим Анна смогла с помощью Эдварда Грига обзавестись своим жильем. Она переехала с Талстрабе в собственный комфортабельный дом на улице Себастьяна Баха, в одном из лучших районов Лейпцига. Сейчас она разъезжала по городу исключительно в шикарных экипажах и могла позволить себе роскошь обедать в самых дорогих и элитарных ресторанах города. Имя ее стало известным всей Германии. Вместе с Григом она выступила с концертами в Берлине, Франкфурте, других городах. Значительно расширился и ее репертуар. Помимо произведений Грига, она стала исполнять Арию с колокольчиками из оперы Делиба «Лакме», премьеры которой недавно состоялась в Лейпциге, а также трогательную арию Иоанны «Простите вы, холмы, поля родные...» из оперы Чайковского «Орлеанская дева».

Анна наведалась и в Христианию. Выступила с концертом в том самом театре, на сцене которого когда-то состоялся ее дебют. Она

заранее сообщила о предстоящем концерте родителям и фрекен Олсдаттер, пригласила их на концерт, присовокупив к своему приглашению достаточное количество крон, чтобы они смогли расплатиться за билеты, и забронировала для всех номера в Гранд-Отеле, в котором остановилась сама.

Анна с некоторым душевным трепетом ожидала ответной реакции родителей на это приглашение. Ведь в свое время она поступила очень скверно, можно сказать, подвела их во всем. Но все ее страхи оказались напрасными. Родители с великой радостью откликнулись на приглашение, приехали, и наконец-то состоялось долгожданное воссоединение семьи. За праздничным ужином после концерта фрекен Олсдаттер тихонько шепнула Анне на ухо, что герр Байер недавно скончался. Анна высказала самые искренние соболезнования экономке своего бывшего наставника, а потом стала упрашивать ее переехать к ней в Лейпциг и стать экономкой уже в ее новом доме.

И фрекен Олсдаттер с радостью приняла ее предложение. Анна тоже была очень довольна. Ведь теперь в ее доме появится человек, которому она всецело доверяет.

Что же до своего ветреного мужа, то Анна старалась и вовсе не думать о нем. По слухам, баронесса фон Готфрид снова объявилась в Лейпциге. Судачили, что у нее появился новый протеже, очередной молодой композитор. А вот про Йенса никто ничего не знал. О нем не было слышно уже много лет. Как однажды обронил Григ, повеса бесследно растворился в сточных канавах Парижа. Лучше бы он умер, думала Анна в такие минуты. А сама она была счастлива, хотя и жила несколько иной жизнью, чем это было принято.

Так продолжалось вплоть до зимы 1883 года, когда Анна вызвала к себе Грига срочным письмом. Тот приехал, выслушал ее и сказал:

— Но ты же прекрасно понимаешь, дорогая, что нам надлежит сделать в этой ситуации, не так ли? Так ведь будет лучше для всех нас.

— Понимаю, — ответила Анна, поджимая губы.

* * *

А весной 1884 года объявился Йенс. Горничная негромко постучала в дверь гостиной, чтобы сообщить Анне, что ее хочет

видеть какой-то незнакомый мужчина.

— Я велела ему подождать возле черного входа, но он отказался сдвинуться с места. Сказал, что дождется вас. Парадная дверь закрыта, а потому он уселся прямо на ступеньки крыльца. — Горничная подошла к широкому окну и указала на согбенную фигуру внизу. — Может, мне вызвать полицию, фрау Халворсен? По виду самый настоящий бродяга. А может, он вор или что еще похуже!

Анна поднялась с оттоманки, на которой отдыхала, и подошла к окну. Мужчина сидел на крыльце, обхватив голову руками.

Она почувствовала, как у нее упало сердце. «Господи, — мысленно взмолилась она, — дай мне силы и на сей раз. Помоги пережить и это тоже. Ты же ведь знаешь, у меня нет иного выбора».

— Пожалуйста,пусти этого человека, — приказала она служанке. — Судя по всему, мой муж наконец вернулся.

*Берген, Норвегия
Сентябрь 2007 года*

«В пещере горного короля»

Я буквально обмерла, прочитав о том, что Йенс вернулся к Анне. Торопливо стала листать страницы, чтобы прочитать о том, что случилось потом, по его возвращении к жене. Само собой, Йенс был предельно лаконичен, повествуя о первых, самых напряженных и трудных месяцах их новой совместной жизни. Гораздо подробнее он остановился на их переезде в Берген годом позже, там они приобрели дом под названием Фроскехасет, кстати, расположенный рядом с именем Грига Тролляхауген. А потом пространно рассказал о премьере своего сочинения, которая тоже состоялась в Бергене. Но я это все пробежала глазами и сразу же переключилась на «Послесловие автора» в самом конце книги.

«Эта книга посвящается моей замечательной жене Анне Ландвик Халворсен, которая, к несчастью, скончалась в самом начале текущего года от воспаления легких в возрасте пятидесяти лет. Если бы она не изъявила готовность простить меня и принять обратно, когда я появился на пороге ее дома, я бы действительно кончил свои дни в парижских клоаках. А так, благодаря ее необыкновенному дару

прощать, мы прожили вместе с ней и нашим дорогим сыном Хорстом много счастливых лет.

Анна, мой ангел, моя муза... Это ты научила меня всему самому важному в этой жизни.

Люблю тебя и скорблю о твоём уходе.

Твой Йенс».

Я вдруг не на шутку разволновалась, отключив свой компьютер. Надо же! Не могу поверить... Анна, с её сильным характером, бескомпромиссная в том, что касается моральных принципов, собственно, именно эти качества и помогли ей выстоять, выжить после всего, что сделал с ней Йенс. И нате вам! Она его прощает. Более того, с готовностью принимает назад в качестве мужа.

— Да я бы выставила его вон и тут же подала бы на развод, — сказала я вслух, обращаясь к голым стенам своего гостиничного номера. Конец истории Анны, невероятной по своему накалу и по насыщенности событиями, ужасно разочаровал меня. Скажу больше. Я попросту разозлилась на Анну. Конечно, сто с лишним лет тому назад все было другим, и люди, и их отношения. Но сдаётся мне, что Йенс Халворсен, это живое воплощение Пера, выскочил, как говорится, сухим из воды, не понеся никакого наказания за все свои фокусы.

Я глянула на часы. Одиннадцатый час ночи. Пошла в ванную, потом вскипятила чайник и заварила себе чашку чая.

Завесив тяжёлые драпри на окнах, чтобы не так слепили огни, мерцающие в бухте Бергена, я стала всерьёз размышлять о том, смогла бы я простить Тео, если бы он обошелся со мной подобным образом. Предательски бросил бы меня. Впрочем, он и так меня бросил... Самым ужасным и непоправимым способом. Да, горечь утраты все ещё слишком сильна во мне, она переполняет злостью все мое естество. А ведь мне тоже нужно собраться с духом и простить мироздание за то, что стихия отняла у меня Тео. В отличие от Йенса и Анны, наша с Тео история продлилась всего ничего. Можно сказать, она оборвалась, даже не успев толком начаться. И никто из нас двоих в этом не виноват.

Боясь дать волю своим переживаниям, я переключилась на электронную почту. Стала проверять последнюю корреспонденцию, попутно перекусывая фруктами из вазы, стоявшей на столе. Я

чувствовала себя слишком разбитой, чтобы тащиться вниз в ресторан, а в этом отеле после девяти вечера еду в номера уже не приносят. Писем было море. От Ма, от Майи, от Тигги, в котором она написала, что постоянно думает обо мне. Отец Тео тоже прислал короткую весточку. Сообщил, что раздобыл экземпляр книги Тома Халворсена и сейчас интересуется, по какому адресу мне ее выслать. Питеру я ответила тут же. Попросила его воспользоваться экспресс-почтой и переслать книгу на адрес отеля. И тут же решила остаться в Бергене до тех пор, пока не получу книгу.

Завтра же отправлюсь на поиски дома Йенса и Анны, стала я строить планы на завтрашний день. Потом загляну к Эрлингу, доброжелательному директору Мемориального музея Грига. Вдруг он расскажет о них что-нибудь интересное. Тем более что в Бергене мне нравится. Здесь хорошо, даже при том, что на данном этапе мои изыскания явно зашли в тупик.

Неожиданно зазвонил телефон, стоявший у изголовья кровати. Я даже подпрыгнула от неожиданности.

— Алло?

— Это Вильем Каспари. Ну как вы там? С вами все в порядке?

— Да, спасибо. Все прекрасно.

— Я рад. Алли, не хотите утром позавтракать со мной? У меня тут появилась одна мыслишка. Хочу поделиться ею с вами.

— Мм... — промямлила я в некотором раздумье. — Да, согласна. Это будет здорово.

— Отлично. Тогда спокойной ночи.

Телефон отключился так же внезапно, как и зазвонил, и в трубке установилась тишина. Я положила трубку на рычаг, испытывая некий дискомфорт. Все же напрасно я приняла приглашение Каспари, мелькнуло у меня. Потому что, если честно, я уже почувствовала, как что-то внутри меня откликается на присутствие этого человека. Нечто, отдаленно похожее на физическое влечение. И что толку отдавать приказы своей голове или сердцу? Тело мое реагирует на окружающих по своим законам, не желая прислушиваться ни к голосу разума, ни к предостережениям сердца. Впрочем, что такое совместный завтрак? Это же не любовное свидание, в конце концов. К тому же Вильем сам поведал мне о своем умершем друге, который был ему больше, чем

другом. Получается, что мой новый знакомый — стопроцентный гей, и беспокоиться мне не о чем.

Уже приготовившись отойти ко сну, я вдруг неожиданно для себя хихикнула. Воистину, вот это увлечение мне уж точно ничем не грозит. Да и, наверное, меня привлек его талант пианиста, а не что-то другое. Музыка всегда влияла на меня и на мои чувства, порой даже разжигая в крови желания. Ну и слава богу, подумала я, засыпая.

* * *

— Итак, что вы думаете на сей счет? — поинтересовался Вильем за завтраком, вперив в меня пристальный взгляд своих бирюзовых глаз.

— А когда должен состояться концерт?

— В субботу вечером. Но вы же играли эту вещь и раньше. К тому же у нас впереди целая неделя для репетиций.

— Боже мой, Вильем! Что вы такое говорите... Играла... Когда это было? Десять лет тому назад. Конечно, я польщена вашим предложением, но...

— «Соната для флейты и рояля» — такая прекрасная музыка. Я никогда не забуду, как вдохновенно вы исполняли это произведение в тот вечер на концерте в Женевской консерватории. Между прочим, уже одно то, что я запомнил и вас, и вашу игру, и помню до сих пор, несмотря на то, что минуло целых десять лет, тоже подтверждает, что ваше исполнение было превосходным.

— Господи боже мой! — протестующе воскликнула я. — Разве можно сравнивать меня и такого талантливого, успешного во всех отношениях музыканта, как вы? Одумайтесь, Вильем! В прошлом году вы выступали в Карнеги-Холл. Куда уж выше... Так что спасибо за приглашение, но я говорю вам «нет».

Он глянул на меня и на мой нетронутый завтрак. Я действительно чувствовала себя преотвратно.

— Вы, наверное, боитесь, да?

— А как вы полагаете? Конечно, боюсь. Подумайте сами, как зазвучали бы под вашими пальцами клавиши рояля, если бы вы не прикасались к ним столько лет?

— Кто знает, кто знает... Вполне возможно, я бы заиграл совершенно по-новому, появился бы новый напор, иной накал чувств, энтузиазм... А потому — перестаньте трусить. По крайней мере, сделайте хотя бы попытку. Присоединяйтесь ко мне прямо сегодня после моего дневного концерта. И мы сможем помузицировать вместе. Думаю, Эрлинг не будет возражать. Хотя, вполне возможно, сочтет некоторым богохульством. Еще бы! Играть Франсиса Пуленка на родине самого Грига, среди его любимых болот и озер. А что же касается театра Логен, где должен пройти субботний концерт, то это прекрасное место. Уверяю вас, вы там почувствуете себя свободно и непринужденно с самых первых минут пребывания на сцене. И это тоже облегчит вам возвращение в музыку.

— Да вы смеетесь надо мной, Вильем! — вспыхнула я, чувствуя, что еще немного, и я расплачусь. — Но с какой стати вы так печетесь обо мне?

— Если бы не нашелся человек, который после смерти Джека буквально силой усадил меня за рояль, то, клянусь вам, я бы никогда в жизни более не притронулся к клавишам. Значит, это карма. А сейчас я просто возвращаю свои долги. Ну пожалуйста, прошу вас!

— Хорошо! Будь по-вашему. После обеда я собираюсь снова наведаться в Тролльхауген. Попробуем, — уступила я, понимая, что меня попросту загнали в угол.

— Вот и отлично! — Вильем даже в ладоши прихлопнул от удовольствия.

— Но заранее предупреждаю. Вы придете в ужас от моей игры. Да, я играла на церемонии прощания с Тео, но это было совсем другое.

— А вы отнеситесь к этому мероприятию как к такой небольшой прогулке по прекрасному парку, и только. — Вильем поднялся из-за стола. — Итак, жду вас ровно в три.

Я молча проследила за тем, как он удалился. Стройный, ладный... И где в нем только поместился весь тот обильный завтрак, который он только что умял на моих глазах? Наверняка этот человек существует исключительно на одном адреналине. Минут через десять я вернулась к себе в номер, осторожно извлекла из футляра флейту, взяла ее в руки и стала разглядывать со всех сторон, будто передо мной враг, с которым предстоит сразиться.

— Во что я только ввязалась! — пробормотала я вполголоса, собирая отдельные части инструмента воедино и выравнивая его надлежащим образом. Потом настроила флейту и взяла несколько аккордов. После чего попыталась воспроизвести по памяти самое начало сонаты. Для первой попытки получилось совсем неплохо, подумала я рассеянно, вытерла избыток влаги, почистила под клавишами и положила флейту обратно в футляр.

А потом отправилась в город. Совершила длительную пешую прогулку по набережной, зашла в один из магазинчиков, разместившихся в деревянных постройках вдоль берега, и купила там себе норвежский рыбацкий свитер. Температура на дворе падает, а в моем рюкзаке только летние шмотки.

Вернувшись в отель, я снова достала флейту и заказала такси. В машине я спросила у водителя, знает ли он дом под названием Фроскехасет, расположенный как раз по дороге в Мемориальный музей Грига. Водитель сказал, что такого дома он не знает. Но пообещал, что когда мы выедем на дорогу, то будем в четыре глаза читать названия всех домов, мимо которых станем проезжать. И мы таки его вычислили, этот дом! Всего лишь в нескольких минутах ходьбы от той горы, на которой расположился Мемориальный музей Грига. Отпустив такси, я принялась разглядывать красивый деревянный дом кремового цвета, выдержанный в традиционном норвежском стиле. Но, приблизившись к воротам, я поняла, что дом пребывает в изрядном запустении. Краска на стенах облупилась, сад неухожен. Какое-то время я слонялась по улице, не рискуя двинуться дальше. Очень похоже со стороны на грабителя, задумывающего налет. Интересно, кто обитает в этом доме сегодня? А что, если взять и постучать в дверь и все выяснить прямо на месте? Однако я не отважилась на столь дерзкий поступок и направилась напрямиком в музей Грига.

По дороге заглянула в кафе, и меня тут же снова начало мутить. После гибели Тео я начисто лишилась аппетита. Даже невооруженным глазом было видно, что за последние недели я сильно похудела. Я еще не была голодна, но все равно заказала бутерброд с тунцом и буквально силком затолкала его в себя.

— Добрый день, Алли! — поздоровался со мной зашедший в кафе Эрлинг, который сразу же заметил меня за столиком в самом дальнем

углу зала. — Слышал, у вас сегодня намечается репетиция сразу же после концерта?

— Если вы не станете возражать, Эрлинг.

— Я никогда не возражаю против того, чтобы здесь звучала хорошая музыка, — заверил меня директор музея. — Ну что нового прочитали о жизни Йенса Халворсена?

— Между прочим, сегодня ночью я дочитала книгу до конца. И только что видела дом, в котором они с Анной жили, когда перебрались в Берген.

— Даже так? А сейчас в этом доме живет Том Халворсен, биограф и праправнук Анны и Йенса. Так вы полагаете, что тоже связаны какими-то родственными узами с семейством Халворсен?

— Если даже это и так, то пока я просто не вижу, каким именно образом я связана со всеми этими людьми. Во всяком случае, пока не вижу.

— Что ж, быть может, Том сумеет пролить немного света на вашу загадку, когда вернется домой из Нью-Йорка. Кстати, он будет в Бергене уже в конце недели. Вы собираетесь на концерт Вильема?

— Да. Он очень талантливый пианист, не правда ли?

— Согласен. К тому же недавно пережил большое личное горе. Но наверняка он вам сам рассказывал об этом. Впрочем, испытания лишь закалили его характер, сделали более совершенной его исполнительскую технику. Трагедии в жизни человека, они ведь как? Либо убивают тебя, либо исцеляют. Ну вы понимаете, что я имею в виду.

— Еще как понимаю, — прочувствованно ответила я.

— Тогда до встречи, Алли. — Эрлинг попрощался со мной кивком головы и вышел из кафе.

Спустя полчаса я снова сидела в концертном зале мемориального музея и слушала игру Вильема. На сей раз он исполнял редко звучащую пьесу Эдварда Грига «Настроения». Это произведение было написано композитором в самом конце его жизни, когда из-за болезни он практически не покидал дом. Но все же кое-как, ковыляя и спотыкаясь на каждом шагу, добредал до своей хижины, в которой творил. Вильем играл выше всяческих похвал, и я снова задалась вопросом: какого черта я вообще согласилась выступать в паре с таким

выдающимся пианистом? Впрочем, ведь он сам предложил мне выступить в дуэте с ним.

После бурных и продолжительных аплодисментов, последовавших в конце выступления, Вильем поманил меня к себе на сцену. Заметно нервничая, я поднялась к нему.

— Никогда прежде не слышала этой музыки, — призналась я. — Прекрасная музыка, и ваше исполнение тоже выше всяких похвал.

— Благодарю! — Он куртуазно поклонился мне, потом сделал шаг назад и стал внимательно разглядывать меня. — Алли, вы белая как мел. Однако не будем тянуть и начнем прямо сейчас. Ладно? Иначе вы передумаете и броситесь от меня наутек.

— Сюда не станут заглядывать всяческие любопытствующие? — немедленно поинтересовалась я, опасливо глянув на двери в самом конце зала.

— Ради всех святых, Алли! Уж не начинается ли у вас паранойя? Хотя я и сам подвержен таким приступам.

— Простите меня, — виновато пробормотала я, достала из футляра флейту, собрала ее и поднесла к губам в ожидании того момента, как Вильем даст знак начинать. Честно говоря, потом я даже испытала некий прилив гордости. Еще бы! Ведь я продержалась целых двенадцать минут и нигде не сфальшивила. Ни единого разу! Правда, помог безупречный аккомпанемент. Вильем просто интуитивно чувствовал, где и как надо подыграть мне. Да и «Стейнвей» не подвел. Звучание рояля тоже было превосходным.

Закончив играть, Вильем стал аплодировать мне. Звуки аплодисментов эхом разнеслись по пустому залу.

— Знаете, что я вам скажу? — воскликнул Вильем. — Если человек способен так играть после десятилетнего перерыва... Думаю, нам стоит удвоить стоимость билетов на субботний концерт.

— Вы очень любезны, Вильем, но моя игра была далека от совершенства.

— Нет, вы ошибаетесь! Вы играли превосходно. Для дебютного выступления так и вообще просто фантастически. А теперь я предлагаю повторить сонату, но уже в более медленном темпе. Есть несколько пассажей, которые нам надо довести до совершенства. Проутюжить, так сказать, все малейшие изъяны.

В следующие полчаса мы повторили сонату трижды, раз за разом. После чего я упрятала свою флейту в футляр, и мы вышли из зала. И тут до меня дошло, что за последние сорок пять минут я ни разу не подумала о Тео.

— Сейчас едем в город, да? — спросил у меня Вильем.

— Да.

— Тогда я организую такси.

По пути в центр Бергена я поблагодарила Вильема за репетицию и заверила его, что обязательно выступлю вместе с ним на субботнем концерте.

— Счастлив слышать! — Вильем рассеянно глянул в окно. — Все же Берген чудесный город. И очень своеобразный. Вы не находите?

— Да, мне он тоже очень нравится.

— Кстати, одна из причин, по которой я согласился дать серию дневных концертов в Тролльхаугене, состоит в том, что Филармонический оркестр Бергена приглашает меня стать их постоянным солистом. Вот я и решил устроить своеобразные смотрины, что да как. Ведь если я приму их предложение, то мне придется покинуть свое уединение в Цюрихе и перебраться сюда на постоянное место жительства. А после всего того, что случилось в моей жизни в последнее время, такое решение дастся мне непросто. Совсем непросто...

— Джек жил вместе с вами в Цюрихе?

— Да. Но, наверное, пришло время начать все сначала. Во всяком случае, здесь, в Норвегии, хотя бы чисто и с экологией полный порядок, — закончил он с самым серьезным выражением лица.

— Что чисто, то чисто, — согласилась я со смешком. — И люди очень дружелюбные. Вот только язык... Не представляю, как вообще можно выучить такой трудный язык.

— А у меня хороший слух на языки. Можно сказать, повезло. Ноты запоминаю с ходу, языки учу легко. Изредка решаю всякие математические головоломки. Мой интеллектуальный багаж, так сказать. Да к тому же здесь все поголовно говорят на английском.

— Уверена, оркестру очень повезет, если вы все же примете их предложение.

— Благодарю вас. — Он улыбнулся, что случилось с ним крайне редко. — Итак, — продолжил он, когда такси остановилось возле отеля

и мы вошли в холл, — что вы делаете сегодня вечером?

— Еще не думала.

— Тогда приглашаю вас на ужин.

Заметив мою нерешительность, Вильем тут же дал задний ход:

— Простите меня. Вы наверняка сегодня устали. Тогда до встречи завтра ровно в три. Всего доброго.

Он резко развернулся и зашагал прочь, оставив меня в вестибюле, совершенно сбитуую с толка. Мне было неловко, я чувствовала себя виноватой. Хотя, с другой стороны, мне что-то действительно было не по себе. Еще никогда я не чувствовала себя так скверно. Я медленно побрела в свой номер и сразу же улеглась на кровать, размышляя о том, сколько в моей жизни в последнее время происходит всякого разного, чего никогда не случалось раньше.

35

Я отправилась по магазинам Бергена в поисках чего-то подходящего и пристойного для выступления на концерте. Выбор пал на простое черное платье. Надела его перед концертом, стараясь не думать о том, что в похожем наряде выступала на траурной церемонии по Тео. Нанесла на лицо немного пудры, чувствуя, как начинает бурлить адреналин в крови. Наверное, адреналина оказалось слишком много. Пришлось бежать в туалет, где меня благополучно вырвало. Вытерев насухо слезящиеся глаза, я снова уселась перед зеркалом, опять припудрилась и слегка тронула помадой губы. Потом подхватила футляр с флейтой, плащ и направилась к лифту. Мы договорились с Вильемом встретиться внизу, в вестибюле.

По правде говоря, в последние дни на мое плохое самочувствие влияли не только погодные условия. Настораживала та холодность, с которой держался в последнее время Вильем после того приглашения на ужин. Разговаривал он сейчас исключительно о делах. Даже в такси мы обсуждали с ним только музыку, которую только что репетировали.

Но вот запахнулись дверцы лифта, и я вышла в вестибюль. Вильем уже поджидал меня, стоя у ресепшн. Очень импозантный в своем идеально сшитом черном смокинге. Неужели он так обиделся на меня за то, что я отказалась тогда поужинать с ним? Почему-то мне вдруг вспомнилось, что на начальном этапе наших отношений с Тео

тоже возникали неловкие моменты. А еще что-то подсказывало мне, что Вильем совсем не гей...

— Прекрасно выглядите, Алли! — приветствовал он, поднимаясь со стула мне навстречу.

— Благодарю. Но чувствую, что это далеко не так.

— О, все женщины излишне самокритичны, и вы тоже не исключение, — заметил он как бы мимоходом по пути к такси, которое уже поджидало нас.

Всю дорогу мы ехали молча. Напряженная тишина, витавшая в салоне машины, действовала мне на нервы. Что за кошка пробежала между нами, недоумевала я. Почему Вильем так скован в общении со мной? Так холоден...

Прибыв в театр Логен, Вильем первым делом отыскал организатора концерта. Она уже поджидала нас в фойе.

— Сюда, пожалуйста, — пригласила нас женщина и ввела в красивый зал с высокими потолками. В партере тянулись ряды кресел. Горели люстры и канделябры, освещая узкий балкон, который опоясал зал сверху. На пустой сцене возвышался величественный концертный рояль. Рядом стоял пупитр для нот. То и дело мигали огни ramпы. Светотехники проводили последнюю проверку сценического освещения.

— Оставляю вас одних, — сказала организаторница. — Можете пока порепетировать. Зрителей начнут запускать в зал за пятнадцать минут до начала концерта. Так что в вашем распоряжении по крайней мере минут тридцать, чтобы проверить акустику зала и качество звучания рояля.

Вильем коротко поблагодарил ее и взбежал по ступенькам на сцену. Подошел к роялю, поднял крышку и пробежался пальцами по клавишам.

— Слава богу, это «Стейнвей», — с явным облегчением выдохнул он. — Звук хороший. Ну что? Повторим все по-быстрому?

Я извлекла из футляра флейту и стала собирать ее. И тут заметила, как у меня трясутся пальцы. Мы быстро проиграли всю сонату. Потом Вильем стал повторять свои сольные номера, а я отправилась на поиски уборной, где меня снова вырвало. Я ополоснула лицо холодной водой и глянула критическим оком на свое отражение в зеркале. Что же это со мной такое творится, в который раз задалась я одним и тем

же вопросом. Я никогда не страдала морской болезнью. Даже в самые неприятные моменты, когда море штормило и волновалось, я вела себя как подобает моряку. А тут нате вам пожалуйста! До начала концерта чуть менее двадцати минут, а я расклеилась, словно салага, впервые в своей жизни попавший в шторм. И как же я стану играть на флейте перед слушателями?

Через какое-то время я вернулась за кулисы и глянула в зрительный зал. Публика постепенно заполняла партер. Потом украдкой взглянула на Вильема. Судя по всему, он настраивал себя на выступление, творил свое-образный подготовительный ритуал. Что-то бормотал, разминал пальцы, расхаживал туда-сюда. Я не решилась побеспокоить его. К сожалению, Соната для флейты и рояля значилась в программе концерта последним номером. Что означало, что мне еще долго придется томиться за кулисами, ждать своего выхода и волноваться.

— С вами все в порядке? — шепотом спросил у меня Вильем, когда конференсье уже объявил его и стал зачитывать наиболее впечатляющие факты из его творческой биографии.

— Все хорошо, спасибо, — коротко ответила я.

В зале раздались громкие аплодисменты.

— Хочу еще раз принести самые глубокие извинения за проявленную бестактность тогда, когда я пригласил вас на ужин. Учитывая все обстоятельства, это был крайне неподобающий поступок. Совершенно неуместный. Мне вполне понятны ваши чувства и ваши переживания. Обещаю, впредь я буду относиться к ним с должным уважением. Надеюсь, мы останемся друзьями.

С этими словами Вильем направился на сцену, поклонился слушателям и сразу же сел к роялю. Свое выступление он начал с Этюда № 5, соль-бемоль мажор Фредерика Шопена, быстрого и технически чрезвычайно сложного произведения. Но вот растаяли в воздухе последние аккорды дивной музыки, и в этот момент я вдруг почувствовала нечто отдаленно похожее на разочарование. Почему Вильем предложил мне только дружбу, мелькнуло у меня, и я сама испугалась подобных мыслей. Интересно, как бы отреагировал Тео на мое внезапно возникшее влечение к Вильему?

Мне показалось, что прошла целая вечность в томительном бездействии, пока я нервно расхаживала за кулисами в ожидании

нашего совместного номера. Наконец я услышала, как Вильем объявил мое имя, и я устремилась на сцену. Широко улыбнулась ему, словно благодаря за ту поддержку и ту доброту, которые он проявил ко мне в последние несколько дней. Потом поднесла флейту к губам, давая понять, что я готова. И мы начали играть.

Но вот наконец Вильем отыграл самый последний номер своей программы, после чего мы оба вышли на поклон публике. Мне было так странно стоять рядом с ним на авансцене и кланяться зрителям. Устроители концерта даже преподнесли мне небольшой букетик цветов в знак благодарности.

— Хорошо сработано, Алли! Очень хорошо, на самом деле, — поздравил меня Вильем, когда мы направились за кулисы.

— Присоединяюсь к вашим словам, Вильем. Согласен целиком и полностью.

Я повернулась на знакомый голос и увидела Эрлинга, директора Мемориального музея Грига. Он стоял в кулисах, а рядом с ним — еще двое незнакомых мужчин.

— Добрый вечер, — улыбнулась я. — Спасибо за добрые слова.

— Алли, позвольте представить вам Тома Халворсена, потомка Йенса Халворсена и, по совместительству, его биографа. Я уже не говорю о том, какой он виртуозный скрипач. А еще, тоже по совместительству, второй дирижер Филармонического оркестра Бергена. А это — Дэвид Стюарт, руководитель нашего оркестра.

— Рад познакомиться с вами, Алли, — обратился ко мне Том, в то время как Стюарт тут же переключил свое внимание на Вильема. — Эрлинг рассказал мне, что вы тут проводите кое-какие изыскания, касающиеся моих предков, так?

Я подняла глаза на Тома и подумала, что его лицо мне очень знакомо. Вот только не пойму, откуда я его знаю. Рыжеволосый, как и большинство местных жителей, россыпь веснушек вокруг носа, огромные голубые глаза.

— Да, пытаюсь, по крайней мере.

— Буду рад помочь вам, чем сумею. Но только, пожалуйста, не сегодня. Я только что прилетел из Нью-Йорка. Эрлинг встретил меня в аэропорту и привез прямо сюда, на концерт, чтобы я смог послушать игру Вильема.

— Такой долгий перелет умотает кого угодно! — воскликнули мы с ним почти одновременно и после короткой паузы смущенно улыбнулись друг другу.

— Вы правы, — снова подтвердила я. В эту минуту к нам повернулся Дэвид Стюарт.

— К сожалению, я вынужден покинуть вас прямо сейчас. А потому говорю всем до свидания. Том, перезвони мне, если будут хорошие новости.

Прощальный взмах рукой, и Дэвид исчезает из виду.

— Вы, наверное, в курсе, Алли, что мы все стараемся убедить Вильема присоединиться к нашему коллективу, филармоническому оркестру. Что надумали, Вильем?

— Кое-какие мысли имеются. Впрочем, вопросы тоже, Том.

— Тогда предлагаю заглянуть в одно местечко, это рядом, через дорогу. Перекусим, пропустим по рюмочке, а заодно и поговорим. Надеюсь, вы составите нам компанию, — обратился Том к Эрлингу и ко мне.

— Если у вас с Вильемом есть темы для обсуждения, то, пожалуй, мы не станем мешать вам.

— Никаких особых тем у нас нет. Жажду услышать от Вильема «да», и тут же откупориваем бутылку шампанского.

Десятью минутами позже все мы уже сидели в уютном ресторанчике за столиком при свечах. Том и Вильем, перегнувшись через столик, беседовали о чем-то своем, а я разговаривала с Эрлингом, сидевшим напротив меня.

— Вы действительно очень хорошо выступили, Алли. Слишком хорошо, чтобы не заметить, как вы талантливы. Не говоря уже о том, какое удовольствие вы получали сами от того, что играете.

— А вы тоже музыкант? — поинтересовалась я у него.

— Да. Во всяком случае, я родился в семье музыкантов. Как и Том. Играю на виолончели. Даже иногда выступаю в городе с небольшими оркестрами. Берген ведь очень музыкальный город. А наш филармонический оркестр — один из старейших в мире.

— Итак, — объявил нам Том, — можно заказывать шампанское! Вильем дал согласие.

— Мне никакого шампанского! Спасибо, но я никогда не пью после девяти вечера, — категорическим тоном отреагировал Вильем.

— А вы потихоньку начинайте приобщаться к спиртному и в неурочное время, коль скоро решили перебраться в Норвегию, — шутливо посоветовал ему Том. — Алкоголь — это то, что помогает нам, здешним жителям, пережить долгие и суровые зимы.

— Что ж, коль так, то присоединяюсь к вам в честь столь знаменательного события, — благосклонно уступил Вильем, когда возле столика появился официант с бутылкой шампанского.

— Ваше здоровье, Вильем! — хором провозгласили мы здравицу, когда подали еду.

— А мне вот после бокала шампанского сразу же полегчало, — улыбнулся Том, глянув на меня. — И я даже готов послушать ваш рассказ, Алли. Так все же, что именно связывает вас с Йенсом и Анной Халворсен.

Я коротко рассказала Тому о завещании Па Солта. Сказала, что среди тех дорогих вещей, которые оставил мне в наследство покойный отец, была и книга Йенса Халворсена, в которой он изложил биографию своей жены. Упомянула я и про армиллярную сферу, координаты на которой и привели меня вначале в Осло, а потом сюда, в Берген, в музей Грига.

— Поразительная история! — пробормотал Том вполголоса, внимательно разглядывая меня. — Выходит, нас связывают какие-то родственные узы. Вопрос лишь в том, какие именно. Я недавно достаточно скрупулезно изучал свою родословную, но пока не усматриваю никаких видимых связей между нами.

— Я тоже, — поспешила я с ответом, чувствуя себя неловко от того, что Том может подумать, будто я копаюсь в чужих жизнях исключительно из корыстных побуждений. — Между прочим, я заказала вашу книгу. Она сейчас летит ко мне по экспресс-почте из Штатов.

— Очень любезно с вашей стороны, Алли. Но, кажется, у меня дома есть лишний экземпляр. Могу подарить, если хотите.

— Спасибо. Но только с вашим автографом. Или подпишете хотя бы ту книгу, которая прибудет ко мне из Америки. Что ж, коль скоро я теперь знакома с вами лично, то, может, вы согласитесь помочь мне? Прояснить, так сказать, некоторые детали. Хотелось бы узнать, как складывалась история семьи Халворсен уже после того, как ушел из жизни Йенс. Вы в курсе?

— Более или менее да. К сожалению, его потомкам выпало жить в очень непростое время. Как-никак, а на этот временной отрезок приходится сразу две мировых войны. Во время Первой мировой войны Норвегия оставалась нейтральной страной, но зато в ходе Второй сильно пострадала от немецкой оккупации.

— Правда? А я и понятия не имела, что Норвегия *была оккупирована*, — честно призналась я. — История никогда не числилась среди моих любимых школьных дисциплин. Я даже не задумывалась никогда над тем, какой урон нанесла минувшая война таким небольшим странам, как Норвегия. Считала, что основные действия на военном театре разворачивались между главными противниками. А тут Норвегия, такая мирная, спокойная страна. К тому же удаленная от всех и вся.

— Что ж, так или иначе, но мы все изучаем в школе историю своей страны. А у вас своя страна какая?

— Швейцария. — Я негромко рассмеялась, глянув на собеседника.

— Тоже нейтральная, — хором сказали мы оба.

— Но вернемся к моей стране, — продолжил свой рассказ Том. — Нас оккупировали в 1940 году. Кстати, когда я пару лет тому назад выступал с концертом в Люцерне, то Швейцария показалась мне очень похожей на Норвегию. И не только из-за обилия снега. Обе эти страны живут в какой-то самоизоляции от остального мира. Вы не находите?

— Пожалуй, — согласилась я, наблюдая за тем, как Том с аппетитом уплетает свою еду. И все же почему его лицо кажется мне таким знакомым? — снова подумала я. Должно быть, что-то общее объединяет его с теми предками, на фотографии которых я насмотрелась в последнее время. — Так все же Халворсены уцелели во время этих двух мировых войн?

— История довольно печальная. И не для моего затуманенного после длительного перелета сознания. Словом, давайте отложим наш разговор на потом. Встретимся где-нибудь отдельно и поговорим. Как насчет того, чтобы заглянуть завтра после обеда ко мне домой? Ведь в этом доме когда-то жили Анна и Йенс. Можно сказать, что там прошли самые счастливые годы их совместной жизни.

Том слегка нахмурился, и меня охватило волнение при мысли о том, что он наверняка без прикрас знает всю историю их

взаимоотношений.

— Да я уже видела ваш дом пару дней тому назад, когда навевывалась в Тролльхауген.

— Значит, тогда вы без труда найдете дорогу. А сейчас, Алли, прошу простить меня, но мне уже давно пора баиньки. — Том поднялся со своего места и глянул на Вильема. — Желая вам благополучного возвращения в Цюрих. Администрация нашего оркестра свяжется с вами незамедлительно. Если что надумаете новенького, непременно звоните мне. Итак, Алли, жду вас завтра у себя ровно в два часа дня. Договорились?

— Да. Спасибо вам, Том.

— Что, если нам прогуляться до гостиницы пешком? — спросил у меня Вильем после того, как мы распрощались с Эрлингом, который вызвался отвезти Тома домой. — Здесь совсем недалеко.

— Отличная мысль! — сразу же согласилась я. Немного свежего воздуха совсем не помешает моей раскалывающейся от боли голове. Мы медленно побрели по мощенным булыжником улочкам и вышли к гавани. Вильем замер у самой кромки воды.

— Берген... Моя новая родина! Правильно ли я решил, Алли? Как думаете?

— Не знаю, Вильем, не знаю. Но вряд ли отыщется второй такой красивый город, в котором захотелось бы жить. Трудно поверить, что здесь, в Бергене, может вообще происходить что-то плохое.

— Вот это-то меня и беспокоит, Алли! Не бегу ли я прочь от своих проблем? Не пытаюсь ли забыться после всего, что произошло с Джек? После ее смерти я колесил по свету, как безумный. И вот наконец решил осесть в Бергене. Зачем? Чтобы спрятаться ото всех и вся? — Вильем тяжело вздохнул и отвернулся от воды. Мы медленно побрели вдоль набережной по направлению к нашему отелю.

А я внутренне даже задохнулась от удивления. Ведь Вильем только что недвусмысленно обозначил, что его умерший партнер был женщиной.

— Но можно ведь объяснить все и в более позитивном ключе. Например, обосновать ваш переезд сюда тем, что вы хотите получить шанс на новый старт, — предложила я.

— Можно, да, — согласился Вильем. — Кстати, Алли, давно хотел спросить вас, а как вы пережили свою трагедию, ведь все время

невольно задаешься вопросом: «Почему я продолжаю жить, когда их (его, ее) уже нет?»

— Во-первых, я ее еще не пережила. Еще продолжаю переживать. К тому же у меня есть и ряд отягощающих обстоятельств. Ведь это Тео буквально силой заставил меня сойти на берег прямо в ходе регаты. И вскоре после этого погиб сам. Боже! Сколько бессонных ночей я провела, задаваясь одним и тем же вопросом: спасла бы я его, если бы в ту самую минуту была рядом с ним, на борту яхты? Умом понимаю, что едва ли, но не перестаю думать об этом.

— Да... Поистине, это дорога в никуда. Я уже давно понял, что жизнь — это не более чем цепь случайных и очень непредсказуемых событий. Взять хотя бы нас с вами, к примеру. Мы живы, значит, надо двигаться куда-то вперед. Продолжать жить со своим горем. Мой психотерапевт, кстати, объяснил мне, откуда у меня вдруг появились симптомы обсессивно-компульсивного расстройства, все эти неврозы, навязчивые состояния и прочее. После смерти Джек я словно с цепи сорвался. Потерял всякий контроль над собой. Вот в последнее время стараюсь как-то компенсировать. Но, наверное, даже немного перестарался по этой части. Впрочем, я чувствую себя гораздо лучше. Даже вот позволил себе сегодня бокал шампанского после девяти вечера. — Вильем слегка пожал плечами. — Как бы то ни было, Алли, а малыш учится ходить заново. Да, именно так, учится ходить...

— И замечательно. А как полное имя Джек?

— Жаклин. В честь Жаклин де Пре. Ее отец был виолончелистом.

— Когда вы впервые упомянули имя Джек, я подумала, что речь идет о мужчине, а не о женщине...

— Ага! Вот вам еще один пример формы моего самоконтроля. И ведь работает же... Во всяком случае, защищает от избыточного внимания со стороны чересчур назойливых женщин, которые изредка попадают на моем пути. Стоит мне упомянуть имя своего партнера — Джек, и их тут же как ветром сдувает. Я, конечно, не рок-звезда какая-то, но и у меня, как у всякого концертирующего пианиста, тоже имеются свои поклонницы и даже обожательницы. Пожирают меня глазами, а после выступления пристают с просьбами продемонстрировать им свой... как бы это поделикатнее выразиться, инструмент. Одна пылкая дама с неумной эротической фантазией

даже предложила, чтобы я сыграл для нее Этюд № 2 Рахманинова абсолютно голым.

— Надеюсь, вы сразу догадались, что я не из числа таких дам?

— Конечно! Более того...

Мы остановились возле входа в отель, и Вильем снова оглянулся назад, взглянул на залив, прислушался к тихому прибою.

— Более того... У нас с вами все как раз наоборот. Снова повторяюсь. Мое приглашение на ужин было крайне неуместным. Впрочем, это так типично для меня. — Вильем угрюмо вздохнул. — В любом случае благодарю вас за чудесное выступление. Надеюсь, и в будущем мы с вами останемся на связи.

— Вильем, это мне надо благодарить вас. Ведь это вы снова вернули мне музыку. А сейчас мне пора укладываться спать. Глаза слипаются сами собой. Иначе я рискую уснуть прямо здесь, на тротуаре.

— Завтра я улетаю первым утренним рейсом, — сообщил Вильем, когда мы с ним зашли в пустой вестибюль гостиницы. — У меня в Цюрихе целая куча дел. Всякие организационные вопросы... Все надо порешать... Том торопит, настаивает на том, чтобы я как можно скорее влился в их коллектив.

— А когда вы вернетесь сюда?

— Где-то в конце октября — начале ноября, чтобы успеть подготовиться к концерту в честь столетия со дня смерти Эдварда Грига. Вы еще будете в Бергене? — поинтересовался он, когда мы остановились перед лифтом.

— Пока не знаю, Вильем, — честно призналась я.

— Тогда... — Мы вошли в кабинку лифта и нажали каждый на свой этаж. — Вот вам моя визитка, так, на всякий случай. Дайте о себе знать. Хочу быть в курсе того, как у вас в дальнейшем будут складываться дела.

— Обязательно! — пообещала я.

Лифт замер на его этаже.

— До свидания, Алли.

С этими словами Вильем одарил меня мимолетной улыбкой, слегка поклонился и вышел из кабинки.

Десять минут спустя я отключила ночник возле своей кровати и подумала, что *постараюсь* не потерять Вильема из виду. Нет-нет,

никаких намерений закрутить с ним роман или что-то в этом роде. Просто он мне нравится. К тому же он сам только что косвенно признался, что и я ему тоже нравлюсь.

— Приветствую вас у себя дома! Проходите! — Том широко улыбнулся, открывая дверь в свой Фроскехасет. Я вошла в прихожую. — Пожалуйста, сюда! В гостиную. Что будете пить?

— стакан воды, если не возражаете.

Том вышел, а я в это время стала разглядывать комнату. Несколько причудливый декор, выдержанный, как я догадалась, в традиционном норвежском стиле. Много домотканых вещей, и все очень уютно. Большое количество разнокалиберных кресел, диван с высокой спинкой, на которую наброшено кружевное покрывало. Вся мебель сгруппирована вокруг огромной чугунной печи, которая наверняка способна согреть дом в любые морозы. Единственная вещь, выбивающаяся из общего стиля, — черный лакированный рояль возле эркерного окна, выходящего на великолепный фьорд, раскинувшийся внизу.

Я поднялась со своего места, чтобы получше разглядеть многочисленные фотографии в рамочках, расставленные на крышке бюро, примостившегося в дальнем углу комнаты. Довольно безобразный образчик мебели в стиле псевдорозы. Одна фотография особо притянула мое внимание: возле фьорда мальчуган лет трех, скорее всего, Том, сидит на коленях у женщины. Мать и сын запечатлены в яркий солнечный день. Оба улыбаются во весь рот, у обоих огромные выразительные глаза, которые буквально светятся изнутри. Когда в гостиной снова появился Том, я тут же заметила очевидное сходство хозяина дома с тем малышом.

— Приношу свои извинения за некоторый беспорядок в доме. Я перебрался сюда всего лишь несколько месяцев тому назад, после смерти мамы. И вот все еще руки не дошли, чтобы заняться интерьером. Сам я большой поклонник минимализма. Этот стиль нынче очень моден в современной Скандинавии. А все эти реликвии прошлого оставляют меня совершенно равнодушным.

— А я как раз сидела и думала о том, как мне по душе такая патриархальная старина. От этих вещей веет...

— *Реальностью!* — снова заговорили мы хором.

— Прочитали мои мысли! — усмехнулся Том. — Но коль скоро вы копаетесь в прошлом, изучаете жизнь Йенса и Анны, то я подумал, что вам будет интересно увидеть своими глазами тот первозданный интерьер, в котором они когда-то обитали, пока я не вышвырнул отсюда большую часть вещей на свалку. Ведь большинство мебели в доме — это еще их мебель. Всем этим вещам более ста двадцати лет. Собственно, все в доме, включая даже водопровод, насчитывает приблизительно такой же возраст. Они купили этот участок земли, точнее, его купила Анна, в 1884 году. Потом год ушел на то, чтобы построить здесь дом.

— Я никогда ничего не слышала о них обоих, пока не прочитала эту книгу, — извиняющимся тоном проговорила я.

— Что ж, это и не удивительно. Правда, Анна была более известна в Европе, но в свое время Йенс тоже снискал некоторую славу, особенно в Бергене. Можно сказать, что после смерти Грига в 1907 году он обрел наконец свой голос, хотя его музыка всегда была немного вторичной по отношению к музыке маэстро. И даже откровенно подражательной, если уж быть честным до конца. Не знаю, насколько вам известно, как тесно была переплетена жизнь Грига с жизнью Йенса и Анны, но...

— О, мне известно достаточно много, то есть мне известно все, о чем написал сам Йенс. Особенно то, как Григ, можно сказать, спас Анну в Лейпциге, вызволив ее из рабской кабалы у хозяйки пансиона.

— Да. Но вы еще не знаете самого главного. Это станет вам известно, когда вы прочитаете уже мою книгу. Ведь это Григ разыскал Йенса в Париже, где он на тот момент жил с какой-то натурщицей на Монмартре. Баронесса, его покровительница, уже бросила его, и Йенс перебивался случайными заработками, играя на скрипке. Пил беспробудно, баловался опиумом. Ну да все это было типичным явлением в богемных кругах Парижа того времени. Наверняка Григ устроил ему разнос, поговорил с гуленой, так сказать, по-мужски. После чего купил ему билет до Лейпцига и буквально в приказном порядке отправил обратно, велел явиться к Анне и вымаливать у нее прощение.

— Кто вам рассказал все эти подробности?

— Мой прадедушка Хорст. А ему, в свою очередь, это рассказала сама Анна, уже лежа на смертном одре.

— И когда Йенс вернулся к Анне?

— Где-то приблизительно в 1884 году.

— То есть спустя несколько лет после того, как Григ спас Анну. По правде говоря, Том, финал книги меня разочаровал. Я так и не смогла понять Анну, которая приняла мужа обратно, и это после стольких лет отсутствия и такого предательства, которое он совершил по отношению к ней. С другой стороны, мне непонятно, зачем Григу понадобилось разыскивать Йенса в Париже. Ведь маэстро прекрасно знал, какие чувства питает к нему Анна. Что-то здесь не стыкуется, как мне кажется.

Какое-то время Том молча изучал меня, словно что-то прикидывая в уме.

— Да, в истории постоянно случаются подобные казусы. Я это понял, когда занялся изучением истории своей семьи, — заговорил он после некоторой паузы. — Вроде факты тебе известны, но истинной мотивации тех или иных человеческих поступков нам никогда не узнать. Во всяком случае, такие знания даются большим трудом. Не забывайте, мы ведь изучаем историю жизни Халворсенов, рассказанную Йенсом. Это он написал биографию своей жены, это его интерпретация тех давних событий. То есть я хочу сказать, что мысли самой Анны нам фактически не известны. Мы не знаем, что она думала, что и как переживала... Да и книга была опубликована уже после ее смерти, стала, по сути своей, таким подношением в ее честь.

— Лично я на месте Анны схватилась бы за разделочный нож, увидев Йенса на пороге своего дома. Нет, что ни говори, а ее жених Ларс был во всех отношениях более предпочтительным вариантом.

— Вы имеете в виду Ларса Трулссена? Вы же знаете, он уехал в Америку. И даже приобрел там некоторую известность как поэт. Женился на одной состоятельной барышне из семьи ньюйоркцев в третьем поколении, но с норвежскими корнями, обзавелся целым выводком ребятни.

— Правда? Вот это хорошая новость. У меня даже настроение улучшилось после такого сообщения. Я очень за него переживала. Но

мы, женщины, все так устроены. Не всегда выбираем лучших парней, верно?

— Пожалуй, мне лучше оставить ваше заявление без комментариев, — рассмеялся в ответ Том. — Скажу лишь одно, что, впрочем, лежит на поверхности. Остаток жизни они прожили счастливо, в любви и согласии. Наверное, Йенс до конца своих дней был глубоко признателен Григу за то, что тот вытащил его из парижских подворотен, и Анне за то, что она простила его. Кстати, эти две супружеские пары были очень дружны, много времени проводили вместе, да и жили по соседству, совсем рядом друг с другом. После смерти Грига Йенс помогал в организации музыкальной кафедры и факультета музыки в университете Бергена на средства, которые завещал для этих целей Эдвард Григ. Сегодня факультет преобразовался в Академию Грига. Ее я и окончил в свое время.

— Я ничего не знаю об истории семьи Халворсен после 1907 года. Этим годом, между прочим, и заканчивается книга Йенса Халворсена. И музыки его я никогда не слышала.

— Мне кажется, что среди его сочинений не так уж много достойных, заслуживающих того, чтобы их услышали. Впрочем, когда я разбирался в его нотах, которые многие годы пылились в коробках на чердаке, то отыскал пару-тройку очень любопытных произведений. К примеру, концерт для фортепьяно с оркестром. Насколько мне известно из моих изысканий, его никогда не исполняли на публике.

— Неужели?

— Между прочим, в рамках празднования столетия со дня смерти Эдварда Грига запланировано множество всяких разных мероприятий, в том числе и большой концерт здесь, в Бергене, который станет финальным аккордом всех празднований.

— Да, Вильем говорил мне об этом.

— Как вы понимаете, программа концерта будет составлена таким образом, чтобы максимально полно представить слушателям норвежскую музыку. Как было бы здорово, если бы на этом концерте состоялась и премьера сочинения моего прапрадедушки. Я побеседовал на этот счет с членами организационного комитета и с самим Эндрю Литтоном. Это наш известный и уважаемый дирижер, а на данный момент еще и мой непосредственный руководитель. Они прослушали фрагмент сочинения, один из самых вдохновенных, по

моему мнению. Короче, концерт для фортепьяно с оркестром внесен в программу концерта, запланированного на седьмое декабря. Как только я отыскал ноты на чердаке, то тут же переслал их одному талантливому парню для дальнейшей оркестровки. Но вчера, вернувшись из Нью-Йорка домой, нашел на своем автоответчике удручающую новость. Оказывается, у этого человека заболела мать, серьезно заболела. Это случилось несколько недель тому назад, а в результате он даже еще не приступал к работе над оркестровкой.

Том замолчал. По унылому выражению его лица было понятно, что новость совершенно выбила его из колеи.

— Получается, что едва ли мы успеем что-то сделать до декабря месяца. Очень жаль... Очень! Повторяю, на мой вкус, это, несомненно, лучшее из того, что написано Йенсом. И конечно, весь антураж... Представляете, премьерное исполнение концерта Халворсена на торжествах в честь Эдварда Грига, того самого Халворсена, который когда-то играл в составе оркестра на премьере спектакля «Пер Гюнт». Лучшего обрамления и не придумаешь. Впрочем, хватит о моих бедах. Поговорим лучше о вас, Алли. Вы когда-нибудь работали в оркестре?

— Господь с вами! Конечно, нет. Не думаю, что уровень моего исполнительского мастерства тянет на работу в серьезном профессиональном коллективе. Я себя расцениваю как такого любителя игры на флейте.

— После того, что я слышал вчера, категорически с вами не соглашусь. Вильем сказал мне, что вы четыре года отзанимались в Женевской консерватории. И после этого вы, Алли, пытаетесь уверить меня в том, что вы всего лишь любитель. Стыдно! — укорил меня Том.

— Ну, может быть, я немножко приврала... Но в любом случае до последнего времени я числила себя в рядах профессиональных яхтсменов.

— Вот так дела! И каким же образом вы приобщились к миру профессионального спорта, интересно знать?

За чашечкой чая с травами, которые Том специально для меня отыскал в кухонном буфете, я поведала ему всю причудливую историю своей жизни, включая и те события, которые привели меня в конце концов в Берген. Кажется, я уже стала привыкать к тому, что мне приходится снова и снова рассказывать эту историю самым разным

людям. Правда, не столько эмоционально привыкла, сколько к самим фактам. Сама не знаю, хорошо это или плохо.

— Боже мой, Алли! А я-то думал, что у меня сложная жизнь. По сравнению с вашей... да... Не могу представить, как вам удалось пережить столько горя. Салютую вам, Алли! Примите мое самое искреннее восхищение.

— Рецепт прост. Постоянно ищу, чем заняться. Вот погрузилась в изучение собственного прошлого, — натянуто ответила я. Мне уже не терпелось поменять тему разговора. — Впрочем, я вам уже достаточно задурила голову пустыми разговорами о себе. А потому прошу вас о небольшом одолжении. Расскажите мне, пожалуйста, о следующих поколениях Халворсенов, ненамного отстоящих от нас по времени. Если вы, конечно, не против, — добавила я на всякий случай, понимая, что, вольно или невольно, вторгаюсь уже на личную территорию Тома. Ведь речь идет о членах его семьи, о его близких. К тому же мне ужасно не хотелось, чтобы он подумал, будто я претендую на какое-то родство со всеми этими людьми. — Ведь мне только тридцать лет, а потому, как ни верти, если меня что-то и связывает с Халворсенами, то это «что-то» лежит в недавнем прошлом.

— Мне тоже тридцать. Я родился в июне. А вы?

— Тридцать первого мая. Так, во всяком случае, сказал мой приемный отец.

— Вот как? А я первого июня.

— С разницей в один день, — задумчиво бросила я. — Но продолжайте, пожалуйста. Я уже вся превратилась в слух.

— Ну что вам сказать? — Том отхлебнул из своей чашки. — Я вырос здесь, в Бергене. Меня воспитывала мама. Она умерла год тому назад. После чего я перебрался в этот дом.

— Мои самые искренние соболезнования, Том. Мне хорошо известно, что это значит — терять родителей.

— Благодарю. Да, действительно было непросто. Частично потому, что мы с мамой были очень близки. Мама растила меня одна. Никакого отца рядом, никого, кто бы помог нам или поддержал.

— А вы хотя бы знаете, кто ваш отец?

— Еще как знаю! — Том иронично вскинул бровь. — Между прочим, он прямой потомок Йенса Халворсена. Феликс, так зовут моего отца, его правнук. Но, в отличие от своего прадеда, который все

же нашел в себе мужество вернуться к Анне и повиниться перед ней, мой отец из категории тех людей, кто ни под каким предлогом не желает нести ответственность за свои поступки.

— Он еще жив?

— Вполне вероятно. Хотя на момент встречи с мамой он был на двадцать лет старше ее. По моему мнению, отец — самый музыкально одаренный потомок Халворсенов по мужской линии. А вот у моей мамы, как и у Анны, был прекрасный голос. В общих чертах история такова. Мама брала у моего отца уроки игры на фортепьяно, а потом в какой-то момент он попросту соблазнил ее. Когда ей исполнилось двадцать, она забеременела. Но Феликс отказался признать ребенка своим и предложил ей сделать аборт.

— Тихий ужас! Это мама вам рассказала?

— Да. Впрочем, зная Феликса, я поверил каждому ее слову, — нарочито бесстрастно обронил Том. — Ей, конечно, пришлось нелегко, когда я появился на свет. Родители тут же лишили ее наследства. Они родились в деревне на севере, где до сих пор еще очень сильны стародавние традиции на сей счет. Марта, так звали мою маму, сильно бедствовала в те годы. Не забывайте, тридцать лет тому назад Норвегия была сравнительно бедной страной.

— Ужасно, Том! Просто ужасно! И что она сделала?

— К счастью, в ситуацию вмешались мои прадедушка и прабабушка, Хорст и Астрид. Они предложили маме кров, поселили здесь, у себя. Впрочем, как мне кажется, мама так и не оправилась от того удара, который нанес ей Феликс. У нее начались тяжелейшие приступы депрессии, которые продолжались вплоть до самой ее смерти. И, само собой, ей так и не удалось реализоваться в качестве певицы.

— А Феликс в конце концов признал вас своим сыном?

— Он был вынужден пойти на попятную после того, как суд постановил провести анализ ДНК, когда я был уже в подростковом возрасте, — мрачно пояснил Том. — После смерти прабабушки дом перешел по наследству ко мне, а не к Феликсу, который приходился ей внуком. Тогда он попытался оспорить завещание, называл нас с мамой мошенниками, которые обманым путем завладели его имуществом. Но провели тест на ДНК. И бинго! Стопроцентная вероятность того, что в моих жилах течет кровь Халворсенов. Впрочем, я в этом никогда

и не сомневался. Мама никогда не врала. Не стала бы она лгать мне и в этом случае.

— Что ж, скажу вам, что ваше прошлое складывалось не менее драматичным образом, чем мое, — попыталась я изобразить улыбку и очень обрадовалась, когда Том улыбнулся в ответ. — Встречаетесь ли вы с отцом?

— Изредка я вижу его в городе. Но никаких прямых контактов между нами нет.

— Так он тоже живет в Бергене?

— О да, здесь, в горах. Неразлучен с бутылкой виски и по-прежнему обожает женщин, которые бесконечной вереницей тянутся к дверям его дома. Вот он и есть истинный Пер Гюнт по своей натуре. Человек, который не способен признавать свои ошибки, не говоря уже о том, чтобы раскаяться в них. — Том уныло пожал плечами.

— Послушайте, Том, я тут немного запуталась... Вы только что рассказали мне о своих прадедушке и прабабушке. Но тогда получается, что одно поколение у нас выпадает. А что стало с родителями Феликса, вашими дедушкой и бабушкой?

— Вот про эту печальную историю я вчера вскользь упомянул в разговоре с вами. Я их никогда не видел. Они умерли еще до моего появления на свет.

— Как обидно, Том! — воскликнула я, чувствуя, как слезы сами собой брызнули из моих глаз.

— Ради бога, Алли! Не плачьте! Все замечательно, жизнь продолжается, и я в полном порядке. Вам пришлось значительно хуже, чем мне.

— Понимаю, Том. Все понимаю... Простите... Но эта история такая грустная, что я невольно расчувствовалась, — сказала я, в душе, однако, не совсем понимая, что же именно так растрогало меня до слез.

— Сами догадываетесь, я не большой любитель распространяться на эту тему. Честно признаюсь, сам поражен, что так разоткровенничался с вами.

— И я вам за это крайне благодарна. Честное слово, Том. И последний вопрос, если можно... А версию вашего отца обо всем случившемся вы знаете? То есть его вариант этой истории вам известен?

Том бросил на меня ледяной взгляд.

— Разве у этой истории может быть другой вариант?

— Ну знаете ли...

— Знаю! Это никчемный эгоист и подонок, который бросил мою мать в беде, да еще беременной... Вы это имеете в виду, рассуждая об ином варианте?

— Да, — поспешила я заверить своего собеседника, понимая, что ступаю на весьма зыбкую почву. И тут же дала задний ход. — Да, из того, что вы рассказали мне, Том, так оно и есть. И тут вы абсолютно правы.

— Что не мешает мне порой испытывать к Феликсу нечто похожее на жалость. — Том тоже пошел на попятную. — Ведь он превратил свою жизнь в сплошной кошмар и растратил впустую потрясающий талант. Хвала богам, какие-то крохи этого таланта достались и мне, за что я буду ему всегда благодарен.

Том мельком глянул на часы, и я поняла, что мне пора откланяться.

— Мне пора... Надо бежать. Я и так отняла у вас столько времени.

— Нет, Алли, не торопитесь. Побудьте еще немного. Я вот только подумал, что очень хочу есть. Глянул на часы. В Нью-Йорке как раз сейчас время завтрака. Как насчет блинов, а? Это единственное блюдо, которое я могу сварганить, не заглядывая в поваренную книгу.

— Том, только честно! Скажите сами, когда мне надо будет выметаться из вашего дома, ладно?

— Договорились. Но пока еще рано. Сейчас вы пройдете вместе со мной на кухню. Будете помощником шеф-повара, ладно?

— Ладно.

Пока мы занимались жаркой блинов, Том продолжал расспрашивать о моей жизни.

— Из того, что вы рассказали мне, следует, что ваш приемный отец был очень оригинальным человеком.

— О да! Еще каким оригинальным.

— И столько сестер... Наверняка вам никогда не было скучно. Знаете, единственный ребенок в семье — это сложно. Иногда чувствуешь себя очень одиноким. В детстве мне так хотелось братика или сестричку.

— Вот уж что правда, то правда. От одиночества я никогда не страдала. Всегда рядом были подружки для игр, было чем заняться. К тому же большая семья научила меня умению делиться.

— А вот я рос эгоистом. Все только для себя. Для мамы я вообще был принцем, не иначе, — обронил Том, раскладывая блины по тарелкам. — И одновременно постоянно чувствовал некоторое давление с ее стороны. Ей хотелось, чтобы, став взрослым, я оправдал все ее ожидания. Ведь я в какой-то степени был смыслом всей ее жизни, самым дорогим, что у нее было.

— А вот нас с сестрами всегда учили оставаться самими собой, — сказала я, присаживаясь к кухонному столу. — Вы никогда не чувствовали себя виноватым за то, что причинили вашей маме столько страданий своим появлением на свет?

— Чувствовал. Скажу вам даже больше, хотя и прозвучит жестоко. Когда на маму накатывали эти ее приступы депрессии, она порой упрекала меня, говорила, что это по моей вине ее жизнь пошла под откос. И тогда мне хотелось накричать на нее, сказать, что я вообще-то не просил, чтобы она меня рожала. Что это был *ее сознательный* выбор.

— Что ж, получается, мы с вами такая сладкая парочка, не правда ли?

Вилка Тома зависла в воздухе. Он глянул на меня.

— Получается так, Алли. По правде говоря, я даже рад тому, что нашелся наконец человек, который вполне понимает мои запутанные семейные проблемы.

— Да и мои семейные проблемы не проще, — улыбнулась я. И он тоже улыбнулся, и я тут же почувствовала некое дежавю от всего происходящего.

— Странно, — добавил Том спустя несколько секунд, словно размышляя вслух, — но у меня такое ощущение, будто я знал вас всегда.

— Понимаю, — немедленно согласилась я с ним.

Чуть позже Том отвез меня на своей машине в гостиницу.

— Завтра вы свободны? — поинтересовался он на прощание.

— Пока никаких определенных планов нет.

— Отлично! Тогда я заеду за вами, и мы совершим небольшую лодочную прогулку по бухте. А я в это время расскажу вам, что

случилось с Пипом и Карин, моими дедушкой и бабушкой. Как я уже говорил, это сложная, очень болезненная и драматичная глава в истории семьи Халворсен.

— Хорошо. Но одно «но». Вы не возражаете, если мы переместим нашу прогулку на сушу? После гибели Тео я полностью утратила былую морскую удаль. Как говорится, ноги меня больше на воде не держат.

— Понимаю. А что, если вы снова заглянете ко мне во Фроскехасет? Я заеду за вами в гостиницу ровно в одиннадцать. Идет?

— Идет.

— Тогда всего доброго, Алли.

— Всего доброго, Том.

Я помахала ему рукой, стоя у входа в отель. Потом поднялась к себе в номер. Долго стояла возле окна, любовалась открывшейся панорамой и размышляла о том, что мы проговорили с Томом несколько часов. Говорили о чем угодно, *обо всем*. Но как же непринужденна и легка была наша беседа, никаких усилий, никакого напряжения ни с чьей стороны. Я приняла душ и улеглась в постель. Чем бы ни закончились мои исследования по поводу собственного прошлого, подумала я, одно ясно уже сейчас. Я обзавелась новыми друзьями. Хорошими друзьями...

И с этой приятной мыслью я быстро заснула.

37

Проснувшись на следующее утро, я поняла, что от вчерашнего благодушного настроения не осталось и следа. Я опрометью бросилась в ванную, где меня тут же стошнило. Кое-как доползла до кровати и снова улеглась. Ну почему мне так плохо? — в отчаянии вопрошала я со слезами на глазах. Я привыкла считать себя абсолютно здоровым человеком. В детстве я болела лишь единожды и всегда была надежной помощницей Ма, мужественно сражаясь вместе с ней против всяких вирусных инфекций, которыми по очереди болели остальные мои сестры.

Но сегодня я чувствовала себя просто ужасно. Стала припоминать, что первый приступ тошноты у меня случился еще на острове Наксос. Уж не занесла ли я тогда себе в желудок какую-нибудь

инфекцию? И эта зараза продолжает мучить меня по сию пору. Ведь, по правде говоря, все последнее время я чувствовала себя неважно. Более того, мне даже стало намного хуже, чем тогда. Конечно, уныло размышляла я, все эти стрессы последних недель тоже наложили отпечаток на мое самочувствие. Нет, надо взять себя в руки и начинать есть. Наверняка уровень сахара в моей крови и так ниже некуда. С такими мыслями я заказала себе полноценный завтрак — кофе и булочку с джемом, преисполнившись решимости хоть силой, но впихнуть все это в себя. *«Думай о том, что ты сейчас борешься со своей болезнью, Алли»*, — подбадривала я себя, сидя в кровати с подносом на коленях и сражаясь с каждым куском булки не на жизнь, а на смерть.

Двадцатью минутами позже весь мой сытный завтрак оказался в унитазе. Чувствуя общую слабость, я тем не менее кое-как оделась, зная, что через полчаса за мной заедет Том. Надо все же спросить у него, не знает ли он какого-нибудь хорошего врача из местных. Потому что, вне всякого сомнения, я больна. И в этот момент зазвонил мой мобильник.

— Алло?

— Алли, это ты?

— Тигги! Здравствуй! Как дела?

— Я... Со мной все в порядке. А как ты?

— Я все еще в Норвегии.

Последовала короткая пауза, а затем короткое:

— Да?

— В чем дело, Тигги?

— Ничего... ничего такого... просто захотела узнать, не вернулась ли ты в Атлантис.

— К сожалению, пока еще нет. А что там? Что-то случилось?

— О нет, что ты! Там все прекрасно. Вот позвонила, решила узнать, как ты.

— У меня все хорошо. Узнала кучу интересного о тех вещах-подсказках, которые оставил мне Па Солт.

— Отлично! — чересчур жизнерадостно воскликнула в трубку сестра. — Ты все же дай мне знать, когда вернешься из Норвегии. Возможно, у нас получится пересечься. Люблю тебя, Алли!

— И я люблю тебя, Тигги.

Спускаясь на лифте в вестибюль, я ломала голову над тем, какой странный получился сегодня разговор с Тигги. Я привыкла к тому, что она у нас постоянно пребывает в безмятежном состоянии души и тела. Не говоря уже об этой ее уникальной способности улучшать самочувствие людей вокруг себя, заряжая их своими эзотерическими верованиями и надеждами. Но сегодня в ее голоске я не услышала ни обычной безмятежности, ни эзотерической надежды. Надо будет обязательно послать ей письмо по электронной почте и обо всем расспросить как следует. Сегодня же! Сразу же по возвращении...

— Здравствуйте, Алли, — поздоровался со мной Том прямо на выходе из лифта.

— Привет, — ответила я, широко улыбаясь и всеми силами стараясь скрыть свое плохое самочувствие.

— С вами все в порядке, Алли? Вы сегодня... какая-то бледненькая...

— Да... То есть не совсем, — призналась я, когда мы с ним направились к выходу. — Неважно себя чувствую... Все последние дни. Надеюсь, ничего серьезного. Обычная желудочная инфекция, скорее всего. Кстати, я хотела спросить вас, не могли бы вы порекомендовать мне хорошего доктора здесь, в Бергене?

— Конечно, могу. Более того, могу вас отвезти к нему прямо сейчас.

— Ради бога, нет. Я еще не настолько плоха. Просто чувствую себя... не очень, — призналась я, пока Том помогал мне усесться в его старенький «Рено».

— Вид у вас, Алли, действительно нездоровый, — сказал Том, беря в руку мобильник. — Давайте я договорюсь о визите к нему во второй половине дня.

— Большое спасибо. И простите, что грузю вас своими проблемами, — пробормотала я в ответ, пока Том набирал нужный номер. Потом он перекинулся парой слов на норвежском со своим собеседником.

— Ну вот! Все в порядке. Записал вас на прием к врачу на половину пятого. А сейчас, — он обзрел мое бледное лицо и ободряюще улыбнулся, — предлагаю следующий план действий. Я отвожу вас к себе во Фроскехасет и укладываю на диван под теплый плед. После чего вы сами решите, что предпочитаете: выслушать

историю про моих дедушку и бабушку или послушать, как я буду играть для вас на скрипке.

— А совместить оба эти действия никак нельзя? — Я слабо улыбнулась в ответ, немного удивившись, как Том сумел догадаться, что в такой стылый осенний день, да еще с проблемами в желудке, теплый плед, занимательная история и хорошая музыка — это действительно все, что мне нужно.

Через полчаса я уже удобно устроилась на диване, получив дополнительный бонус в виде накалившейся докрасна чугунной печки. Немного согревшись, я попросила Тома сыграть для меня на скрипке.

— Ладно! — Он подавил шутливый вздох. — Только не подумайте, пожалуйста, что музыка, которую я сейчас буду исполнять, как-то связана с вашим нынешним состоянием.

— Хорошо! Не подумаю, — пообещала я, несколько озадаченная столь неожиданной репликой.

— Что ж, тогда начнем.

Том любовно подложил скрипку себе под подбородок и пару секунд настраивал инструмент, потом коснулся смычком струн, и зазвучали первые, невообразимо прекрасные аккорды одного из моих любимых произведений. И я невольно рассмеялась, поняв наконец, что означал его шутливый намек.

Том прервал игру и тоже улыбнулся.

— Повторяю, к вам это не имеет никакого отношения.

— Но вы все равно угадали. Потому что «Умирающий лебедь» Сен-Санса тоже числится в списке моих любимых.

— Вот и прекрасно.

С этими словами он возобновил игру, а я возлежала на диване, мне было тепло и уютно, мне играл серенаду талантливый виртуоз-скрипач. И вообще, я удостоилась чести быть единственным слушателем на этом приватном концерте. Растаяли в воздухе последние волшебные звуки, и я зааплодировала.

— Великолепно! Bravo!

— Спасибо. Что изволите послушать еще?

— Все, что вам самому нравится.

— Ладно. Тогда вот это...

Следующие сорок минут пролетели как один миг. Я прослушала замечательную подборку самых любимых произведений Тома,

включая первую часть Концерта для скрипки с оркестром Чайковского и знаменитую сонату Тартини «Трель дьявола». Я смотрела на Тома и видела, как он всецело погружается в мир музыки, витает сейчас мыслями далеко отсюда. Собственно, это происходит со всяким настоящим музыкантом, когда он начинает играть. Как же я могла целых десять лет прожить без музыки, без общения с музыкантами, уже в который раз подумала я. Ведь и мне когда-то было знакомо это блаженное чувство отрешенности от всего земного и парения в небесах. Наверное, в какой-то момент я все же задремала. Расслабилась и душой, и телом настолько, что отключилась от всего и вся. Проснувшись от того, что кто-то осторожно тронул меня за плечо.

— Ой, простите меня! — воскликнула я, открыв глаза. Передо мной стоял Том и сосредоточенно разглядывал меня.

— Другой бы на моем месте разобиделся не на шутку. Единственный слушатель, понимаете ли, засыпает прямо по ходу концерта. Но так и быть! Я не стану относить ваше поведение на свой счет.

— И не надо, Том! Честное слово! Между прочим, то, что я умудрилась заснуть под вашу музыку, — это тоже своеобразный комплимент вашему исполнительскому мастерству. Можно мне воспользоваться вашей ванной? — Я осторожно выбралась из-под пледа.

— Да, пожалуйста. Прямо по коридору и налево.

— Спасибо.

Я вернулась в гостиную в гораздо более терпимом состоянии, особенно в сравнении с тем, что творилось со мной сегодня утром. Тома я нашла на кухне хлопочущим возле плиты.

— Чем занимаетесь? — поинтересовалась я.

— Готовлю ланч. Уже второй час дня. Полагаю, вы проспали больше двух часов.

— Какой позор! Неудивительно, что вы почувствовали себя оскорбленным. Любой бы на вашем месте... Простите еще раз!

— Какие извинения, Алли! Вам ведь столько пришлось пережить за последние недели.

— Пришлось, — согласилась с ним я. Почему-то мне не стыдно было признаваться перед этим человеком в своих слабостях. — Я так тоскую по Тео.

— Не сомневаюсь. Знаете, звучит дико, но я понимаю. И в какой-то степени даже завидую вам.

— Почему?

— Потому что сам я еще ни разу не испытывал подобных чувств по отношению к женщине. Понятное дело, связи у меня были, и не одна, но все, как правило, заканчивалось ничем. Я пока еще не встретил «ту единственную», о которой всегда говорят и мечтают.

— Еще встретите, Том. Обязательно встретите!

— Может быть, может быть... Но, сказать по правде, с возрастом надежды мои тают, а иллюзии развеиваются. Наверное, Алли, я просто прикладываю мало усилий в поисках своей единственной.

— А не надо никаких усилий, поверьте мне, Том. Ваша единственная появится так же неожиданно, как возник в моей жизни Тео. Вы это сразу же почувствуете. А что вы готовите?

— Единственное, что точно могу не испортить. Макароны по собственному рецепту. Так сказать, пасту а-ля Том.

— Не знаю, что вы добавляете в свою пасту, но лично я готова поспорить, что паста в моем исполнении, которую я окрестила «особой пастой», будет намного лучше, — слегка подначила я его. — «Особая паста» — это мое фирменное блюдо.

— Что ж, пари так пари! Принимаю ваш вызов! Да знаете ли вы, что люди со всего Бергена съезжаются ко мне только затем, чтобы отведать моей пасты. Даже с близлежащих гор спускаются, — с важным видом проговорил Том, отбрасывая макароны на дуршлаг. Потом выложил пасту на блюдо и полил сверху соусом. — Прошу к столу! Угощайтесь!

Я ела с величайшей осторожностью. Перспектива снова бежать в туалет мне совсем не улыбалась. Но на самом деле блюдо, приготовленное Томом — паста с заправкой из сыра, бекона и пряных трав, — оказалось необыкновенно вкусным и пошло легко.

— Ну как? — поинтересовался Том, взглянув на мою пустую тарелку. — Вкусно?

— Очень! — не стала кривить я душой. — Ваша паста побила мою и получает пальму первенства. А вот сейчас я готова послушать концерт вашего прапрадедушки, если вы согласитесь исполнить его для меня.

— С удовольствием. Но имейте в виду, рояль — это не мой основной инструмент. А потому в моем исполнении это будет далеко не самый лучший вариант.

Мы снова вернулись в гостиную. Я опять уселась на диван, но на сей раз именно уселась, а не улеглась. Том снял с полки ноты.

— Это оригинальная рукопись Йенса? — спросила я.

— Да, — ответил он, раскладывая ноты на пюпитре. — Ладно! Запасайтесь терпением, пока я буду сражаться с инструментом.

Но вот Том тронул рукой клавиши, и я тут же закрыла глаза, всецело сконцентрировавшись на самой музыке. Конечно, отголоски музыки Грига сильны, и они заметны сразу же. Но одновременно что-то свое, не похожее ни на чью другую музыку. Великолепная главная тема, которая буквально завораживает с самых первых тактов. Что-то отдаленно напоминает Рахманинова, где-то слышатся мотивы Стравинского, и все же свое, и только свое. Эффектный финал, и вот уже Том разворачивается ко мне лицом.

— Ну как вам?

— Я ее уже мысленно напеваю, Том. Музыка буквально сама врезается в память.

— И я такого же мнения. И Дэвид Стюарт, и Эндрю Литтон тоже. Завтра же займусь поисками человека, который помог бы мне с оркестровкой. Не уверен, что по срокам кто-то успеет проделать такой объем работ, но попытаться-то надо. Ума не приложу, как наши предки справлялись с подобной работой. Ведь даже сегодня, при таком обилии современных компьютеризированных средств, когда не надо вручную переписывать каждую ноту, а потом сводить воедино все партии для каждого инструмента, входящего в состав оркестра, это все равно адский труд. Неудивительно, что великие композиторы тратили столько времени на оркестровку своих симфоний и концертов. Готов снять шляпу перед Йенсом и его современниками. Честное слово, преклоняюсь перед ними.

— Да вы ведь и сами принадлежите к этой известной фамилии, разве не так?

— Так. А вот с вами, Алли, пока большой вопрос, — проговорил Том медленно, видно взвешивая каждое слово. — После того как вы вчера ушли от меня, я долго раздумывал над тем, каким образом вы можете быть причастны к клану Халворсенов. Мой отец Феликс был

единственным ребенком в семье, побочных детей не было ни у деда, ни у бабушки... Но все же я кое-что надумал.

— Что именно?

— Боюсь только, вы обидитесь, Алли.

— Не валяйте дурака, Том. Говорите все как есть, — насела я на него.

— Ладно! Зная о том, что у отца были многочисленные связи с женщинами, я предположил, что у него вполне мог быть внебрачный ребенок. Ребенок, о существовании которого не подозревал *даже он*.

Я вытаращила глаза на Тома, пытаясь мысленно переварить все то, что он только что сказал.

— Что ж, теоретически вполне возможно, — заговорила я после короткой паузы. — Но пожалуйста, имейте в виду, что пока у нас нет никаких доказательств того, что я прихожусь кровной родственницей Халворсенам. И вообще, мне как-то неловко развивать эту тему. Свалилась тут как снег на голову и сразу же стала качать права, чтобы занять свое место в истории вашей семьи.

— Что за ерунда! Чем больше Халворсенов, тем веселее будет моя книга. Ведь на сегодняшний момент я — последний из рода Халворсен.

— По-моему, есть один-единственный способ докопаться до правды. Спросить обо всем вашего отца.

— Уверен, он тут же солжет! — с горечью бросил Том. — Он всегда так поступает.

— С учетом того, что вы рассказали мне о нем, не хотелось бы думать, что я имею к нему какое-то отношение.

— Алли, я вовсе не старался сгустить краски, поверьте. Но при всем желании отыскать в этом человеке хоть что-то позитивное очень сложно, если вообще возможно, — пожал плечами Том.

— Хорошо, отставим пока Феликса в сторону и перейдем к другим членам вашего семейства. Итак, у Йенса и Анны был сын по имени Хорст?

— Да, именно так. — Том подошел к бюро и взял книгу, лежавшую сверху. — Вот та биография, над которой я трудился. В книге я привожу и наше генеалогическое древо. Вот! — Том вручил мне книгу. — Древо в самом конце книги перед разделом «Благодарности».

— Спасибо.

— Хорст был виолончелистом, предпочел учиться в Париже, а не в Лейпциге, — продолжил свой рассказ Том, пока я листала книгу в поисках нужной страницы. — После учебы вернулся в Норвегию, почти всю жизнь играл в составе Филармонического оркестра Бергена. Чудесный был человек. Я его помню как очень активного и жизнерадостного старика, хотя, когда я родился, ему уже было девяносто два года. Собственно, он первым вложил в мои руки скрипку, едва мне исполнилось три года. Так, во всяком случае, мама рассказывала. А умер дедушка в возрасте ста одного года, не проболев за всю свою жизнь ни одного дня. Дай-то бог, чтобы я унаследовал его гены.

— А его дети?

— Хорст женился на Астрид, которая была на пятнадцать лет моложе. Всю свою жизнь они прожили здесь, во Фроскехасет. У них был сын, которого они называли Йенсом, в честь дедушки. Впрочем, в семье его почему-то все звали Пипом.

— И что с ним стало? — спросила я, немного смутившись после того, как глянула на генеалогическое древо.

— Тяжелая история. Я бы даже сказал, душераздирающая. А вам, Алли, сегодня нездоровится. Быть может, отложим наш разговор на эту тему до другого раза, как думаете?

— Никакого другого раза! — твердо отрезала я.

— Ладно. Тогда слушайте. Йенс-младший тоже был талантливым музыкантом и отправился учиться в Лейпциг, как когда-то, много лет тому назад, и его дед. Но на дворе был уже 1936 год, и мир сильно поменялся...

Пип

*Лейпциг, Германия
Ноябрь 1936 года*

38

Йенс Хорст Халворсен, более известный как Пип, прозвище, которое ему дали родные, когда он был еще в утробе матери, не спеша шел по улице в направлении величественного здания из светлого камня, в котором размещалась Лейпцигская консерватория. Утром должен состояться мастер-класс для студентов, который будет проводить сам Герман Абендрот, прославленный дирижер, руководитель Лейпцигского оркестра Гевендхауза. Пип пребывал в радостном предвкушении предстоящего события. Два с половиной года тому назад он приехал в Лейпциг, оставив родной город, провинциальный Берген, с его очень замкнутым и сравнительно небольшим музыкальным мирком. А здесь перед Пипом открылся совершенно иной мир, полный самых разных творческих и личных контактов.

Вместо — да! — красивой, но, на слух Пипа, немного старомодной музыки Грига, Шумана, Брамса, которую он постоянно, с самого раннего детства, слушал вместе со своим отцом Хорстом, в стенах консерватории Пип очень скоро приобщился к музыке своих современников, композиторов, которые продолжали творить и сегодня. Особенно его увлекал Рахманинов. Два года тому назад в Америке впервые прозвучала его виртуозная Рапсодия на тему Паганини, сразу же ставшая одним из самых любимых произведений Пипа. Музыка Рахманинова даже вдохновила его начать писать собственную музыку. И вот сейчас, неспешно вышагивая по широким улицам Лейпцига, Пип негромко насвистывал под нос мелодию своей будущей пьесы. Занятия композицией, игра на фортепьяно не только разбудили его творческое воображение, но и приобщили к современным музыкальным идеям. Наряду с восхищавшей его музыкой Рахманинова Пип, как говорится, «запал» и на «Весну священную»

Стравинского, дерзкую, ультрасовременную музыку, будоражащую воображение и вызывающую ожесточенные споры. Хотя премьера «Весны священной» состоялась в Париже в 1913 году, но и сегодня, спустя более двадцати лет, его отец, талантливый, высококвалифицированный виолончелист, клеймил музыку Стравинского, называл ее не иначе как «непристойной» и «бесстыдной».

Пип шел и не переставал думать еще об одной любви всей его жизни, о своей ненаглядной Карин. Она стала для него самой настоящей музой, вдохновляющей на постоянное самоусовершенствование. Когда-нибудь он напишет концерт и посвятит его ей.

Они познакомились на концерте в зале Гевендхауз холодным октябрьским вечером год тому назад. Пип только-только приступил к занятиям на втором курсе консерватории, а Карин была первокурсницей. В фойе, в ожидании того момента, когда они смогут занять свои места в последних рядах партера, Карин случайно обронила на пол шерстяную перчатку. Пип поднял ее и отдал владелице. В этот миг их глаза встретились, и с тех самых пор они неразлучны.

Карин, такая экзотическая смесь французских и русских корней, выросла в сугубо богемной среде Парижа. Ее отец — довольно известный французский скульптор, мама — успешная оперная дива. Собственная творческая индивидуальность Карин проявилась в игре на гобое. Она была в числе немногих девушек, которые обучались в консерватории игре на этом инструменте. Черные блестящие волосы, напоминающие своим блеском шерсть пантеры, сверкающие, глубоко посаженные карие глаза, высокие скулы, необыкновенно белая кожа, не тронутая загаром даже в самый разгар лета и напоминающая Пипу снега родной Норвегии, — вот такова была Карин с лица. И одевалась она тоже в особом стиле. Никаких обычных женских побрякушек и бантиков. Карин предпочитала щеголять в брюках и артистических смокингах или во фраках. Однако этот сугубо мужской гардероб лишь еще больше подчеркивал ее и без того броскую и яркую красоту. Единственным заметным недостатком во внешности Карин, на который она постоянно жаловалась, был большой нос, явно унаследованный от отца-еврея. Но Пипу было наплевать на ее нос,

пусть бы он даже был таким же огромным, как у Пиноккио. Для него Карин была само совершенство, идеальная во всех отношениях женщина.

Они уже не раз обсуждали свое совместное будущее. Конечно, они постараются после окончания консерватории найти себе работу в каком-нибудь симфоническом оркестре здесь, в Европе. Накопят немного денег и рванут в Америку, где начнут новую жизнь. Собственно, об Америке больше мечтала Карин, чем Пип. Тот был бы счастлив везде, где угодно, только бы рядом с ним была его Карин. Однако он хорошо понимал, почему любимая так жаждет поскорее уехать в Америку. В Германии с каждым днем ширилась и набирала обороты антисемитская кампания, развязанная нацистской партией. Антисемитизм все откровеннее давал о себе знать не только в столице, но и в других регионах страны. Евреев уже преследовали повсеместно, им угрожали открыто и безнаказанно.

К счастью, бургомистр Лейпцига, Карл Фридрих Герделер, был ярким противником нацистской идеологии. Каждый день Пип убеждал Карин, что здесь, в Лейпциге, с ней не случится ничего дурного. Да и он ведь рядом, защитит, в случае чего. Тем более когда они поженятся и она возьмет его норвежскую фамилию вместо довольно провоцирующей фамилии Розенблум, тогда и вообще никто и ничего не заподозрит. По поводу же ее фамилии Пип всякий раз, когда у них заходил разговор о будущем, шутил, дословно переводя ее: «Хотя ты у меня *прекрасная* роза в цвету, но фамилию все же придется менять».

Но сегодня, в такое солнечное и прекрасное утро, все эти напряженные разговоры о нацистских угрозах казались несущественными и очень сильно преувеличенными. Несмотря на то что было уже довольно холодно, Пип все же решил прогуляться пешком, а не ехать в консерваторию на трамвае. Такая приятная во всех отношениях двадцатиминутная прогулка от его квартиры, которую он снимал на Йоханштрассе. Конечно, город сильно вырос по сравнению с тем временем, когда здесь бывал его отец. Хотя большую часть своей жизни Хорст Халворсен безвылазно провел в Бергене, но ведь когда-то он тоже наезжал в Лейпциг. И эта своеобразная семейная традиция усиливала у Пипа чувство сопричастности к здешней жизни и к самому городу.

Уже на подходе к консерватории он миновал бронзовую статую Феликса Мендельсона, одного из основоположников и организаторов консерватории. Монумент возвышался напротив концертного зала Гевендхауз. Мысленно Пип приподнял фуражку, отдавая честь великому композитору, потом мельком глянул на часы и ускорил шаг, ибо времени уже оставалось в обрез.

Тем более что возле колоннады, образующей арочный свод над входом в консерваторию, его уже поджидали два ближайших друга — Карстен и Тобиас.

— Привет, соня. Поди, опять Карин не давала спать всю ночь. Я прав? — с двусмысленной ухмылкой поинтересовался у Пипа Карстен.

Но Пип дружелюбно улыбнулся в ответ:

— Вообще нет. Просто я решил прогуляться сегодня пешком. Вот и припозднился немного.

— Эй, вы! Отставить разговорчики! Поторопитесь! Или вы хотите опоздать на мастер-класс к самому герру Абендроту? — прервал их пикировку Тобиас.

Все трое влились в поток студентов, быстро заполняющих Большой зал, огромное помещение со сводчатым потолком, поддерживаемым двумя рядами колонн, и галереей вверху, нависающей над партером и над сценой. Это помещение использовалось и как лекционная аудитория, и как концертный зал. Усаживаясь на свое место, Пип слегка поморщился, вспомнив, что именно в этом зале состоялся его первый концерт. Тогда и однокурсники, и профессора отнеслись к его игре на фортепьяно весьма строго, гораздо строже, чем обычные слушатели-меломаны, для которых он, собственно, и будет играть в обозримом будущем. После того концерта его выступление разобрали буквально по косточкам, и ему изрядно досталось от всех критиков.

Но сегодня, проведя в стенах консерватории уже два с половиной года, Пип стал более толстокожим и невосприимчивым к любым замечаниям. Консерватория всегда гордилась тем, что готовит высококвалифицированных музыкантов, которые после окончания учебы могут с легкостью претендовать на место в любом симфоническом оркестре мирового уровня.

— Видел утреннюю прессу? — прошептал ему на ухо Тобиас, пока они пробирались к своим местам. — Наш бургомистр направился

в Мюнхен на встречу с руководством партии. Наверняка там станут давить на него, а в скором времени запустят в ход антисемитскую кампанию и здесь, в Лейпциге. Да, с каждым днем ситуация делается все более взрывоопасной.

Зал приветствовал появление Германа Абендрота бурными аплодисментами. Пип тоже аплодировал, но после того, что ему только что сообщил Тобиас, на сердце стало тревожно.

Вечером того же дня Пип встретился с Карин и ее лучшей подругой Элле в их любимой кофейне, расположенной неподалеку от дома Пипа и от того места, где квартировали подруги. Девушки подружились еще на первом курсе, сразу же, как только приступили к занятиям в консерватории, когда их поселили в одной комнате. Поскольку обе они были француженками и их родным языком был французский, то они сблизилась почти мгновенно. На сегодняшнюю встречу Элле пришла не одна, а вместе со своим приятелем Бо. Про него Пипу было известно только то, что он тоже учится в консерватории на втором курсе. Для начала все заказали себе по кружке пива «Гуз». В ожидании заказа Пип исподтишка разглядывал девушек, невольно поражаясь тому, насколько они разные. Яркая, темноглазая Карин и прелестная голубоглазая блондинка Элле. *Цыганка и роза*, мелькнуло у него, когда им подали пиво.

— Надеюсь, ты уже слышал новость? — Карин слегка понизила голос, обращаясь к Пипу. Такое время на дворе, что никогда не угадаешь, где и кто может тебя подслушать.

— Слышал, — коротко ответил он, заметив, как напряглись черты лица Карин.

— Элле и Бо тоже очень волнуются. Ты же знаешь, Элле еврейка, хотя по внешнему виду этого никогда не скажешь. Хоть в чем-то ей повезло, — пробормотала Карин, глянув на приятелей, сидевших напротив них.

— Мы полагаем, что это только вопрос времени. В скором будущем здесь повторится все, что они творили у себя в Баварии, — негромко обронила Элле.

— Надо подождать немного. Посмотрим, чего сумеет добиться наш бургомистр в Мюнхене. Но даже если случится худшее, думаю, едва ли они посмеют тронуть студентов консерватории. Немцы ведь в душе все музыканты, независимо от того, каких политических

взглядов они придерживаются, — попытался успокоить всех Пип. Но даже ему самому собственные слова показались пустопорожней болтовней. Он глянул через стол на Бо. В запавших глазах молодого человека застыл страх. Он крепко обнимал Элле за плечи, словно пытаясь защитить ее от всех возможных угроз. — Как у тебя дела, Бо?

— Да вроде все нормально.

Бо вообще по жизни немногословен. А прозвище свое заработал потому, что везде и всюду был неразлучен со своей виолончелью. Куда бы ни шел, тащил ее за собой. Пип был наслышан, что Бо считают одним из самых талантливых виолончелистов в консерватории. Профессора предсказывают ему блестящее будущее.

— Где собираешься встречать Рождество?

— Я...

В эту минуту Бо глянул поверх Пипа и буквально содрогнулся от ужаса. Лицо его мгновенно стало мертвенно-бледным. Пип повернулся и увидел двух эсэсовцев, входящих в кофейню. На поясе у каждого болтался пистолет в кожаной кобуре. Конечно, Пип заметил, как задрожал от страха Бо, но тут же отвел глаза в сторону. К сожалению, сегодня в Лейпциге многие так реагируют на появление эсэсовцев в общественных местах.

Офицеры молча обозрели посетителей кафе, после чего уселись за столик неподалеку от них.

— Мы еще пока не решили, — ответил наконец Бо на вопрос Пипа, немного придя в себя. Потом повернулся к Элле и что-то тихо прошептал ей на ухо. А спустя несколько минут они поднялись со своих мест и покинули кафе.

— Они оба страшно перепугались, — вздохнула Карин, наблюдая вместе с Пипом за тем, как максимально незаметно старалась держаться парочка, пробираясь на выход.

— Разве Бо тоже еврей?

— Он говорит, что нет. Но ведь сегодня многие лгут, говорят, что не евреи, хотя на самом деле это так. Впрочем, мне кажется, что больше всего Бо беспокоит судьба Элле. Не удивлюсь, если в скором времени они уедут из Германии.

— Куда?

— Пока они еще и сами не знают куда. Возможно, в Париж. Хотя Элле говорит, Бо боится, что Германия развяжет войну и сразу же

захватит Францию. Подумать только! Мою родину. — Карин протянула руку к Пипу. Тот взял ее руку в свою и увидел, как дрожат пальцы.

— Давай все же подождем возвращения Герделера, а потом станем думать, что делать дальше, — повторил свою прежнюю мысль Пип. — Но в любом случае знай, если что, Карин, уедем вместе.

На следующее утро Пип снова отправился пешком в консерваторию. Серый ноябрьский туман застилал улицы Лейпцига. Вот он подошел к Гевендхаузу и вдруг почувствовал, как у него подкосились ноги при виде огромной толпы, собравшейся возле здания. Еще вчера на этом месте горделиво возвышалась статуя Феликса Мендельсона, еврея по национальности, стоявшего у истоков становления Лейпцигской консерватории, а сегодня там лежит лишь груда камней и мусора.

— Господи, что же это такое творится? — выдохнул Пип, торопливо обходя толпу. Молодежь из гитлерюгенда, обряженная в нацистские униформы, истошно скандировала оскорбительные речевки, приплясывая на руинах бывшего монумента. — Неужели уже началось?

Он вошел в здание консерватории. Перепуганные студенты теснились в фойе, глядя на происходящее в окна. Пип отыскивал глазами Тобиаса и подошел к нему.

— Что происходит?

— Заместитель бургомистра Хаак дал приказ снести статую. Специально спланировали провести эту акцию тогда, когда Герделер будет отсутствовать в городе. Он ведь сейчас в Мюнхене. Думаю, его все же сместят с поста бургомистра. И тогда Лейпциг точно пропал безвозвратно.

Пип отыскивал в толпе студентов Карин. Она сидела, пристроившись возле одного из арочных окон, и оцепенело смотрела на улицу. Пип осторожно положил руку ей на плечо. Карин даже подпрыгнула от неожиданности. Тут же оглянулась, и Пип заметил в ее глазах слезы. Она лишь молча покачала головой, и Пип так же молча обнял ее и привлек к себе.

Ректор консерватории Вальтер Дэвисон отменил все занятия, сочтя ситуацию слишком непредсказуемой и угрожающей безопасности студентов. Карин сказала, что у них с Элле намечена

встреча в кофейне на углу Вассерстрабе. Пип тут же вызвался проводить Карин до места встречи. Бо и Элле уже поджидали их в кафе, укрывшись от остальных посетителей в отдельной кабинке.

— После всего случившегося защитить нас некому, — сказала Карин, подсаживаясь вместе с Пипом за столик к друзьям. — Все мы отлично знаем, какая репутация у Хаака. Отъявленный антисемит. Вспомните, как он проталкивал у нас все эти ужасные законы, которые уже действуют в других немецких землях. Интересно, через какое время и здесь, в Лейпциге, будет введен запрет на то, чтобы врачи-евреи лечили больных? Или чтобы арийцы приходили к ним на консультации?

Пип взглянул на побледневшие лица всех троих.

— Давайте все же не будем паниковать и дождемся возвращения Герделера. Газеты пишут, что он вернется в Лейпциг буквально через пару дней. А пока он прямо из Мюнхена отбыл в Финляндию по поручению Торговой палаты. Впрочем, если он узнает о том, что здесь творится, то наверняка приедет еще раньше.

— Однако в городе все пронизано ненавистью! — возразила Элле. — Все местные прекрасно осведомлены о том, сколько евреев обучается в Лейпцигской консерватории. Что, если им взбредет в голову сровнять с землей и здание консерватории, как это сделали с синагогами в других городах Германии?

— Консерватория — это храм музыки. При чем здесь политика или религия? Пожалуйста, прошу вас! Давайте будем сохранять спокойствие, — снова повторил Пип, словно заклинание. Но Элле и Бо уже не слушали его, обсуждая шепотом что-то свое.

— Тебе легко говорить! — негромко бросила Карин. — Ты ведь не еврей. Вполне сойдешь за одного из них. — Она принялась внимательно разглядывать бледно-голубые глаза и выющиеся рыжевато-белокурые волосы своего возлюбленного. — А вот у меня все иначе. Я сегодня по пути в консерваторию столкнулась с группой юнцов. Увидев меня, они стали выкрикивать: «Жидовская сука!»

Она закрыла глаза, пытаясь отогнать от себя эти страшные картинки. Жидовская сука! Пип почувствовал, как в нем вскипает ярость от бессильной злобы. Да, но чем он сумеет помочь Карин, потеряв контроль над собой?

— А самое ужасное — это то, — продолжила Карин, — что я даже со своими родителями сейчас не могу поговорить. Они оба в Америке, готовят экспозицию последних скульптурных произведений папы.

— Любовь моя! Я позабочусь о твоей безопасности. Если потребуется, я даже увезу тебя в Норвегию, но обещаю, с тобой не случится ничего плохого.

Пип схватил Карин за руку, потом отбросил шелковистую прядь ее смоляных волос с лица.

— Ты правда обещаешь?

Пип нежно поцеловал Карин в лоб.

— Обещаю, любовь моя.

* * *

На радость Пипа, в последующие несколько дней ситуация несколько разрядилась. Герделер вернулся домой и тут же пообещал восстановить памятник Мендельсону. Возобновились занятия в консерватории. Всякий раз, проходя мимо того места, где раньше возвышался монумент, Пип и Карин старательно отводили глаза в сторону. Порой казалось, что даже музыка, которую сейчас исполняли студенты, вдруг наполнилась какой-то новой страстью, в ней появились мучительная острота и боль. Словно молодые люди играли не на жизнь, а на смерть.

Рождественские каникулы были достаточно непродолжительными, а потому ни Карин, ни Пип не поехали домой, а встретили Рождество вместе. Провели целую неделю в небольшом отеле, выдав себя за супружескую пару. Вообще-то Пип вырос в лютеранской семье с весьма строгими нравами, особенно в той части, которая касается добрых сексуальных отношений. Совсем иное дело Карин. Пип был поражен ее раскованностью и свободой в этих вопросах. Она сама предложила ему переспать всего лишь через несколько недель после знакомства. К тому же, в отличие от него самого, Карин была уже не девственницей. Помнится, она откровенно потешалась над ним и его стеснительностью, когда они занялись любовью в первый раз.

— Но ведь это самый что ни на есть естественный процесс для двух людей, влюбленных друг в друга, — заявила она, стоя перед ним абсолютно голой и грациозно переступая своими длинными белыми ногами. И при каждом ее движении маленькие, совершенной формы грудки соблазнительно подрагивали и подпрыгивали вверх. — Наши тела созданы для того, чтобы получать удовольствие. Так зачем же отказывать себе в этом?

За последние месяцы Пип весьма преуспел в искусстве любви, с головой окунувшись в тот сладостный омут, который их местный пастор называл когда-то в своих проповедях не иначе как «грехами плоти». И вот впервые Пип встречал Рождество вдали от родного дома. Впрочем, думал он, валяться в постели вместе с Карин гораздо интереснее и намного предпочтительнее всех тех подарков, которые прислал бы ему Святой Николай накануне Рождества, в сочельник.

— Люблю тебя! — шептал Пип на ухо Карин, засыпая и просыпаясь. И снова повторял: — Я люблю тебя.

* * *

В январе начался очередной семестр. Пип, понимая, что впереди уже маячат выпускные экзамены, всецело сконцентрировался на закреплении всех тех знаний, которые приобрел за годы учебы в консерватории. Пробираясь по заснеженным улицам Лейпцига в морозные зимние дни, он постоянно напевал про себя мелодии Рахманинова, Прокофьева, Симфонию псалмов Игоря Стравинского. И одновременно в его голове все чаще начинали звучать собственные мелодии.

Прибегал в консерваторию, хватал озябшими руками чистый нотный лист из своей папки и тут же начинал записывать эти мелодии на бумаге, пока они не исчезли из памяти. Лично он предпочитал сочинять музыку, повинаясь свободе мысли и давая полную волю своему воображению. Скрупулезное планирование темы, как это часто делали другие его однокурсники, записывая на бумаге всего лишь один-единственный тщательно выверенный такт, — такая метода была ему не по душе.

Однажды он показал свое сочинение преподавателю, тот раскритиковал его в пух и прах, но одновременно и напутствовал на дальнейшую работу. Пип жил в состоянии радостного возбуждения, предвкушая все, что ждет его впереди, и понимая, что он лишь в самом начале своего творческого пути. Он буквально чувствовал, как начинает бурлить кровь в его жилах, стоит лишь прислушаться к голосу собственной музыки внутри себя.

В городе было относительно спокойно. Герделер выдвинул свою кандидатуру на переизбрание на предстоящих в марте выборах нового бургомистра. Вся консерватория с энтузиазмом поддержала его выдвижение. Студенты разносили листовки, расклеивали плакаты, призывая горожан отдать свои голоса за Герделера. Кажется, даже Карин поверила в то, что он может победить.

— Да, пока ему не удалось восстановить статую Мендельсона, это правда, — говорила она. — Но если народ все же скажет свое веское слово и его переизберут, то тогда властям рейха не останется ничего иного, как поддержать его инициативу. Как думаешь? — с надеждой в голосе спросила она однажды у подружки. Они вместе с Элле пили кофе, вернувшись домой после долгого дня агитации за своего кандидата.

— Все может быть, — уклончиво ответила Элле. — Но не забывай, Хаак категорически против его переизбрания. А уж совершив акт вандализма, снеся статую Мендельсона, он четко обозначил собственную позицию в отношении евреев.

— Хаак сознательно нагнетает напряжение в городе, чтобы потрафить всем этим нацистским выкормышам, — уныло согласилась с подружкой Карин.

В ночь подсчета голосов все четверо, Пип, Карин, Элле и Бо, стояли в толпе народа, собравшегося возле городской ратуши. Весть о том, что Герделер переизбран на должность бургомистра, горожане встретили с ликованием.

* * *

Но уже в мае, когда наконец наступило тепло и зацвели деревья, послевыборная эйфория резко пошла на спад.

Пип днями напролет просиживал в репетиционных классах, оттачивая свое мастерство. Там и разыскала его в один из дней Карин, чтобы сообщить последние новости.

— Из Мюнхена поступил негласный приказ. Статую не восстанавливать, — сказала она, задыхаясь от волнения.

— Ужасная новость! — согласился с ней Пип. — Но, дорогая, постарайся не расстраиваться. Нам здесь осталось пробыть совсем немного времени. А там трезво оценим ситуацию и решим, что делать дальше.

— Но, Пип, ситуация может обостриться и стать предельно опасной гораздо раньше. Что тогда?

— Уверен, этого не случится. А сейчас ступай домой. Увидимся вечером.

Карин оказалась права. Спустя пару дней Герделер подал в отставку со своего поста, и город снова погрузился в хаос.

* * *

Пип с утра до вечера готовился к выпускным экзаменам. И одновременно трудился над своим первымopusом, непрестанно совершенствуя его. Он собирался исполнить собственное сочинение на традиционном концерте выпускников перед завершением семестра. Засиживался до глубокой ночи, занимаясь оркестровкой, и лишь изредка вырывался на свежий воздух и вытаскивал на прогулку отчаявшуюся Карин, всячески пытаясь успокоить ее.

— Элле сказала, что они с Бо уезжают из Лейпцига в конце семестра, то есть где-то через две недели, и больше сюда не вернутся. Говорят, что оставаться здесь и дальше крайне опасно. Ведь национал-социалисты в любой момент могут ввести против евреев те же санкции, что они практикуют и в других городах Германии.

— И куда они собираются?

— Пока и сами не знают толком. Возможно, во Францию, хотя Бо уверен, что рано или поздно наци доберутся и туда. У рейха полно сторонников по всей Европе. Напишу родителям. Спрошу совета у них. Но если Элле уедет, то я тоже последую за ней.

Последние слова Карин заставили Пипа вздрогнуть.

— Как так? А я думал, что твои родители все еще в Америке...

— Так оно и есть. Более того, папа всерьез подумывает о том, чтобы остаться там до тех пор, пока в Европе не утихнут антисемитские страсти.

— Значит, ты собираешься к ним? — Пип мгновенно почувствовал неприятные спазмы в желудке.

— Если родители посчитают, что так будет лучше для меня, то да, я поеду к ним.

— А что же... мы? Что я стану делать здесь без тебя? — воскликнул Пип, почувствовав в своем голосе нескрываемую жалость к самому себе.

— Ты можешь поехать вместе со мной.

— Карин, ты ведь прекрасно знаешь, что у меня нет денег на то, чтобы прямо сейчас ехать в Америку. И чем я стану там зарабатывать на жизнь, не окончив консерватории? И не получу хоть немного практического опыта здесь, в Европе?

— Дорогой, мне кажется, ты не вполне понимаешь весь драматизм сложившейся ситуации. У евреев, которые родились в Германии и чьи предки из поколения в поколение жили здесь, уже отнято гражданство. Евреям не разрешают больше жениться на девушках арийского происхождения, служить в армии, появляться с немецким флагом на улицах. Я слышала, что в некоторых землях уже началась депортация евреев. Если власти пошли на такое, что может остановить их в дальнейшем? Остается лишь гадать, что еще у них на уме! — Карин резко вскинула подбородок, словно пытаясь отодвинуть от себя надвигающуюся угрозу.

— Итак, ты отплывешь в Америку и бросишь меня здесь одного?

— Да, ради того, чтобы спастись, я готова поступить именно так. И ради бога, Пип! Не вздумай меня упрекать. Я знаю, как ты сейчас поглощен своим произведением. Но в любом случае, думаю, ты предпочтешь все же видеть меня живой, а не мертвой. Или я не права?

— Права, конечно. Как тебе только в голову пришло, что я могу подумать иначе? — ответил он, но в голосе непроизвольно прорвалась злость.

— Потому и пришло, что ты отказываешься серьезно воспринимать все происходящее. Привык жить в своей безопасной Норвегии, где вам никто и никогда не угрожает. А вот мы, евреи,

понимаем, что в любую минуту нас могут начать преследовать. Так всегда было, на протяжении веков. И сегодня, к сожалению, ничего не изменилось. А потому все мы буквально кожей чувствуем, откуда нам грозит опасность. Возможно, во мне просто говорит дух сопричастности к своему племени, так сказать, интуиция на родовом уровне, но мы, евреи, всегда нутром ощущаем грядущую опасность.

— Я не верю, что ты сможешь уехать, бросив меня здесь.

— Пип! Пожалуйста! Взгляни же наконец на все глазами взрослого мужчины. Ты прекрасно понимаешь. Да, я люблю тебя и готова провести вместе с тобой весь остаток своей жизни. Но... ситуация эта вовсе не нова. В рейхе начали преследовать евреев открыто, а в принципе, нас всегда не любили. В Париже много лет тому назад на одной из выставок, на которой экспонировались скульптуры отца, его забросали тухлыми яйцами. Антисемитизм существует уже тысячи лет. Пойми же ты это наконец!

— Но почему?

Карин слегка пожала плечами.

— Потому, мой дорогой, что из нас, евреев, сделали таких козлов отпущения. Да и потом, люди привыкли с опаской относиться к тем, кто не похож на них. На протяжении столетий нас заставляют переезжать с места на место, постоянно искать себе новое пристанище. И мы находим это пристанище, обустроиваемся на новом месте и вскоре добиваемся успеха. Мы привыкли держаться друг друга. Так нас учили... И поэтому мы всегда выживаем.

Пип смущенно опустил глаза долу. А ведь Карин абсолютно права, подумал он. Эх, простофиля! Он разозлился на самого себя. Привык преспокойно жить в небольшом городке, затерянном на краю света. А то, о чем сейчас говорит Карин, кажется фантастикой, чем-то диковинным, будто из параллельных миров. Но даже несмотря на то, что Пип своими глазами видел, как молодчики глумились над поверженной статуей Мендельсона, он все равно в глубине души продолжал надеяться на лучшее, считал, что учиненное безобразие — это лишь такое спорадическое проявление вандализма случайной ватагой безмозглых юнцов. В конце концов, у них в Норвегии рыбаки тоже порой устраивают бурные протесты. Особенно если растет цена на топливо, а оптовики отказываются повышать цену на покупаемую у них рыбу.

— Ты права, — согласился Пип после короткой паузы. — Прости меня, Карин. Я просто наивный дурак.

— Думаю, что это не столько наивность, сколько твое *нежелание* видеть правду такой, какая она есть, без прикрас. Тебе не хочется, чтобы огромный, бурлящий мир вторгся в твою жизнь и разрушил планы на будущее. Впрочем, а кому хочется? Но тем не менее мы имеем то, что имеем. — Карин тяжело вздохнула. — А правда, она такова. В Германии я более не чувствую себя в безопасности. — Она пружинисто поднялась со своего места. — Через полчаса я встречаюсь с Элле и Бо в кафе «Баум». Хотим обсудить создавшееся положение. А с тобой увидимся позже. — Карин поцеловала Пипа в макушку и ушла.

После ухода Карин Пип долго разглядывал ноты, лежавшие перед ним на столе. До запланированной даты его выступления с концертом оставалось чуть менее двух недель. Мысленно ругая себя за эгоизм и черствость, он одновременно задавался вопросом: а состоится ли вообще его выступление?

* * *

С Карин они встретились во второй половине дня. Она была уже гораздо спокойнее.

— Я написала родителям, обрисовала ситуацию и попросила их совета. Буду ждать, что они ответят. Другого выбора у меня нет. Вполне возможно, я даже успею поприсутствовать на концерте и услышу твой шедевр, так сказать, своими ушами.

Пип взял ее за руку.

— Карин, прости меня. Я такой эгоист, — снова повинился он.

— Само собой, я прощаю тебя. Я ведь хорошо понимаю, время сейчас такое... Хуже не придумаешь.

— Я вот тут подумал...

— О чем?

— О том, что лучший вариант для тебя — отправиться вместе со мной в Норвегию на все лето. По крайней мере, там ты будешь в полной безопасности.

— Ты приглашаешь меня отправиться в страну снегов, рождественских елок и северных оленей? — шутливо воскликнула Карин.

— Ну, во-первых, у нас там не всегда снег. Летом там очень красиво. Думаю, тебе понравится, — немедленно бросился Пип защищать свое отечество. — В Норвегии есть и небольшая еврейская община. К евреям у нас относятся как и ко всем остальным гражданам. Говорю же тебе, у нас ты будешь в полной безопасности. А уж если начнется война в Европе, то вряд ли она докатится до Норвегии. И никакие нацисты к нам никогда не пожалуют. У нас все говорят, что мы слишком маленькая и незначительная страна, чтобы они обратили на нас свое внимание. Кстати, в Бергене есть отличный симфонический оркестр, один из старейших в мире. Мой отец служит в нем, играет на виолончели.

Карин впиалась в Пипа долгим, испытующим взглядом живых темных глаз.

— И ты готов привезти меня к себе домой?

— Конечно! А что такого? Мои родители уже наслышаны о тебе. Они знают и о том, что мы с тобой собираемся пожениться.

— А то, что я еврейка, они знают?

— Нет. — Пип почувствовал, как краска ударила в лицо, и тут же разозлился на самого себя. — Но вовсе не потому, что я *не хотел* говорить с ними на эту тему. Просто вопросы веры для нас не столь уж существенны. Карин, мои родители — образованные люди, а не какие-то там темные крестьяне, вчера спустившиеся с гор. Вспомни, мой отец родился в Лейпциге. Учился музыке в Париже. Сколько он мне всего порассказал о богемной жизни на Монпарнасе во времена знаменитой «Прекрасной эпохи».

Сейчас просить прощения пришлось уже Карин.

— Ты прав. Что-то меня повело не в ту сторону. Возможно. — Она стала энергично растирать указательным пальцем точку на переносице. Она всегда так делала, когда обдумывала что-то серьезное. — Возможно, это и выход, если я не смогу уехать в Америку. Спасибо тебе, дорогой. Теперь я буду знать, что, в случае чего, у меня в будущем есть надежное убежище. — Карин перегнулась через стол и поцеловала Пипа.

Ложась вечером в постель, Пип мысленно вознес молитву, чтобы это «будущее» не сильно торопилось наступать и чтобы он смог исполнить свой опус на публике.

* * *

В газетах постоянно писали о том, что евреев побивают камнями, когда они выходят из синагоги. Сообщали и о других устрашающих инцидентах. Однако, несмотря на все эти тревожные сообщения, Карин заметно успокоилась. Возможно, потому, что сейчас она знала: в случае чего, у нее имеется альтернативный план действий. Следующие две недели Пип был всецело занят музыкой. Старался не думать о том, что будет, когда закончится семестр. А еще с душевным трепетом ожидал ответного письма родителей Карин. Вполне возможно, они скомандуют ей немедленно отправляться к ним в Америку. Мысль о разлуке была мучительна, ибо он знал: денег на то, чтобы следовать за своей возлюбленной, у него сейчас нет. Их он сможет заработать только тогда, когда станет дипломированным музыкантом и начнет выступать самостоятельно.

В день выпускного концерта, на котором должны были прозвучать шесть небольших произведений, написанных студентами-выпускниками, Пипа разыскала за обедом Карин.

— Успехов тебе, дорогой, — напутствовала она его по-французски. — Мы с Элле обязательно будем присутствовать на концерте. Устроим тебе овацию. Бо считает, что твоя композиция — самая лучшая.

— Очень мило с его стороны. Тем более что он тоже внесет свой посильный вклад в мое сочинение. Ведь он будет играть в оркестре партию виолончели. А сейчас мне пора на последнюю репетицию.

Пип легонько поцеловал Карин в нос и направился длинным, продуваемым сквозняками коридором в репетиционный класс.

Ровно в семь тридцать, минута в минуту, Пип, облаченный во фрак, восседал в первом ряду Большого зала вместе с остальными пятью молодыми композиторами, участниками концерта. Вальтер Дэвисон, ректор консерватории, коротко представил каждого из них публике, и первый участник поднялся на сцену. Пип в списке

выступающих значился последним. Какая же это мука — ждать! Полтора часа ожидания показались Пипу вечностью. Но вот наконец наступил и его черед. Он мысленно прочитал короткую молитву и стал подниматься по ступенькам на сцену, боясь только одного: вот сейчас он оступится и упадет, потому что ноги дрожали и не держали его. Он слегка поклонился публике и занял свое место у рояля.

Пип смутно помнил, что было потом, после того, как он уже закончил играть. Бурные аплодисменты, крики «браво» и радостный гул, когда на сцену поднялись и остальные пятеро композиторов. Но одно он знал точно: в этот вечер он выложился по полной. Сыграть лучше было бы уже просто невозможно. И это было для него самым главным.

В фойе его окружили студенты и преподаватели. Все поздравляли, дружески хлопали по плечу. И все в один голос предрекали ему великое будущее. Какой-то газетный репортер даже попросил у Пипа интервью.

— Вот теперь у меня есть собственный Григ, — весело хихикнула Карин, когда ей наконец удалось протиснуться сквозь толпу и обнять его. — Дорогой, впереди у тебя блестящая карьера, а сегодняшний успех — это всего лишь начало твоего творческого пути.

* * *

На следующее утро кто-то разбудил Пипа громким стуком в дверь. Накануне, празднуя свой первый успех, он выпил слишком много шампанского, а потому не пришел в особый восторг от того, что кто-то ломится к нему в такую несусветную рань. Кое-как он сполз с кровати, шаткой походкой подошел к двери и открыл ее. На пороге стояла квартирная хозяйка. Она была еще в ночной сорочке, и вид у нее был крайне недовольный.

— Герр Халворсен, какая-то молодая дама ждет вас внизу, — раздраженно бросила она. — Говорит, ей нужно срочно повидаться с вами.

— Благодарю вас, фрау Приве.

Пип торопливо натянул на себя первую же попавшую под руку рубашку и побежал вниз.

На ступеньках крыльца его поджидала белая как мел Карин. Даже в такой экстраординарной ситуации фрау Приве не поступилась своим принципом «Никаких девушек в доме» и не пустила Карин на порог.

— Что стряслось?

— Минувшей ночью в Лейпциге подожгли три дома. В них во всех жили евреи. Сгорел и дом, в котором квартировал Бо.

— О господи! А он сам...

— Он жив. Ему удалось спастись. Выпрыгнул из своей комнаты, расположенной на первом этаже, и убежал. Вместе со своей ненаглядной виолончелью, разумеется. — Карин грустно усмехнулась. — Бо и Элле покидают Лейпциг немедленно. Думаю, и мне пора сделать то же самое. Пошли, выпьем где-нибудь кофе. Ужасно хочу кофе. Да и тебе он не помешает.

Маленькая кофейня, расположенная рядом с консерваторией, еще только-только распахнула свои двери для посетителей. В зале было пусто. Они уселись за столик возле окна и сделали заказ. Пип стал энергично растирать лицо руками, стараясь окончательно проснуться и начать осмысливать все произошедшее. Его мутило и подташнивало. Словом, типичное состояние похмелья.

— От родителей пока еще нет ответа?

— Если бы был, то ты бы знал об этом еще вчера. Нет, пока письма от них нет. А сегодня еще слишком рано для почтальона, — немного раздраженно бросила в ответ Карин. — Ведь с того момента, как я отправила им письмо, не прошло еще и двух недель.

— Что собираются предпринять Элле и Бо?

— Как можно скорее покинуть Германию. Однако денег у них, чтобы уехать далеко, нет. Да и потом, кто знает, где сегодня можно надежно спрятаться. Что касается меня... Наша парижская квартира сейчас сдана внаем, пока родители в Штатах. Так что и мне фактически некуда ехать, — сказала Карин, обреченно пожимая плечами.

— Тогда... — начал Пип, сразу же догадавшись о том, что осталось недоговоренным.

— Да, Пип, я согласна. И если твое предложение все еще в силе, то я готова поехать в Норвегию хоть сейчас и побыть там какое-то время. По крайней мере, до тех пор, пока не получу весточку от своих. Иного выбора у меня нет. До конца семестра остаются считанные дни,

твое сочинение уже прозвучало на публике. А потому я не вижу никаких особых причин тянуть с отъездом. Как сказали Элле и Бо сегодня утром после этих ночных пожаров, видно, в Лейпциге решили взяться за евреев по-настоящему. А потому надо бежать немедленно, пока у нас еще остаются шансы на спасение.

— Ты права, — согласился с Карин Пип. — Надо уезжать.

— Знаешь... Я хочу кое о чем попросить тебя.

— О чем именно?

— Ты же знаешь, что с того времени, как я приехала в Лейпциг и познакомилась здесь с Элле, она мне стала как сестра. Родителей у нее нет. Погибли во время Великой войны. Их с братом отдали в сиротский приют. Но брата еще совсем маленьким ребенком усыновила какая-то семья, и с тех самых пор она о нем ничего не знает. Элле повезло меньше. Ее так никто и не взял на воспитание. Однако учитель музыки сумел разглядеть ее талант. Он же помог ей выхлопотать стипендию, чтобы она смогла получить образование в Лейпцигской консерватории и у нее появилось какое-то будущее.

— Получается, что дома у нее нет?

— Только сиротский приют. А потому ее дом здесь, в Лейпциге, в той самой комнате, в которой мы с ней живем. Кроме меня и Бо, у нее нет близких. Вот я и спрашиваю тебя, Пип: можно они тоже поедут вместе с нами в Норвегию? Останутся там хотя бы на пару недель... Понаблюдают из своего убежища, как будет развиваться ситуация в Европе, а потом решат, куда им двинуться дальше. Понимаю, я прошу слишком много. Но я просто не могу бросить Элле здесь. А поскольку она не сдвинется с места без Бо, то получается, что и он должен ехать вместе с нами.

Пип глянул на страдальческое выражение лица Карин, мысленно прикидывая, каково это будет, когда его родители увидят на пороге своего дома сына в компании еще трех друзей, которых он привез с собой в Норвегию на все летние каникулы. Однако он знал, его родители — гостеприимные и добрые люди. К тому же все трое тоже музыканты.

— Конечно, пусть едут вместе с нами. Что за разговор! Если ты считаешь, что так будет лучше для них, любовь моя, то, разумеется, они поедут с нами.

— И давай максимально ускорим наш отъезд, ладно? Чем скорее мы уедем из Лейпцига, тем лучше. *Ну пожалуйста, прошу тебя...* Да, тебе придется пропустить официальную церемонию вручения дипломов, но...

Теперь уже и Пип понимал, что каждый очередной день здесь, в Лейпциге, таит для Карин все новые и новые угрозы. К тому же в любой момент может прийти письмо из Америки, в котором ее родители дадут добро на переезд к ним. А потому он без лишних колебаний сказал:

— Конечно. Уедем прямо сейчас. Все вместе.

— Спасибо тебе! Огромное спасибо! — Карин обвила его руками за плечи, и он увидел, как просветлела она лицом.

— Пошли же! Скажем Элле и Бо, что они тоже едут вместе с нами.

39

Через два дня Пип в сопровождении своих измученных и смертельно уставших друзей спустился по сходням парохода, доставившего всех четверых в бухту Бергена. Короткий телефонный звонок, который позволил ему сделать ректор консерватории прямо из своего кабинета, все же хоть как-то помог Пипу предупредить родителей о появлении в их доме нежданных гостей. Потом торопливые прощания с друзьями, однокурсниками, преподавателями. Слова благодарности, бесконечные рукопожатия, дружеские похлопывания по спине, восторги по поводу его благородства и бескорыстия. Надо же! Везет друзей к себе на родину, спасает их в Норвегии.

— Я не смогу остаться в Лейпциге до конца семестра, — предупредил Пип ректора, обмениваясь с ним прощальным рукопожатием.

— Думаю, вы поступаете весьма разумно, — согласился с ним Вальтер Дэвисон и тяжело вздохнул. — Кто знает, что здесь будет завтра. А потому поторопись, мой мальчик. И обязательно напиши мне, когда вернешься домой.

Пип оглянулся на своих друзей. Все трое устало таращились на деревянные дома, выкрашенные в цвет карамели, протянувшиеся

сплошной стеной вдоль всей береговой линии бухты. Молодые люди явно пытались приспособиться к новой для себя обстановке. Бо передвигался с большим трудом. Лицо его было сплошь в синяках. Он получил сильные ушибы, когда прыгал из окна, спасаясь от пожара. Пип подозревал, что у приятеля трещина или даже перелом в локтевом суставе. Элле кое-как закрепила его правую руку своим шарфом, привязав руку к груди. За всю долгую дорогу Бо ни разу не пожаловался на боль, хотя по его лицу было видно, как сильно он страдает.

Пип сразу же выискал глазами своего отца. Хорст стоял на причале, поджидая гостей. Пип направился к нему, широко улыбаясь.

— Папа! — радостно воскликнул он. Отец обнял его за плечи. — Ну как ты тут?

— Спасибо, все отлично! И мама тоже пребывает в полном здравии, — ответил Хорст, одарив доброжелательной улыбкой всех четверых. — А сейчас познакомь меня со своими друзьями.

Пип по очереди представил своих спутников Хорсту, и каждый из них с благодарностью пожал руку его отцу.

— Добро пожаловать в Норвегию! Рады приветствовать вас на своей земле! — с некоторым пафосом в голосе воскликнул Хорст.

— Папа! — тут же напомнил ему Пип. — Мои друзья не говорят по-норвежски.

— Ах, конечно, конечно! Тысячу извинений. Немецкий? Французский?

— Французский — мой родной язык. Но мы говорим и по-немецки, — сказала Карин.

— Тогда французский! — Хорст громко хлопнул в ладоши, как это делают дети, когда их что-то сильно обрадовало. — Разве можно упустить такой счастливый случай и не продемонстрировать нашим гостям мое безупречное произношение? — добавил он, улыбнувшись во весь рот, и тут же перешел на французский язык. Они мило поболтали обо всяких пустяках, направившись к машине Хорста.

Разговор продолжился и в салоне автомобиля, пока машина, петляя по извилистой дороге, поднималась в горы, покидая пределы Бергена и направляясь к Фроскехасет. Пип, слабо понимая французский, сразу же почувствовал себя лишним в этой оживленной компании. Сидя на переднем сиденье рядом с отцом, он изредка

посматривал на него. Уже изрядно поредевшие светлые волосы зачесаны назад, годы наложили свой отпечаток на Хорста, черты лица слегка заострились, но общий благодушный облик остался прежним. Ведь его отец постоянно пребывал в самом что ни на есть хорошем расположении духа. Пип никогда не видел его без улыбки на лице. Сейчас Хорст отрастил небольшую козлиную бородку и усы и стал очень похожим на тех людей, которых когда-то изображали французские импрессионисты на своих портретах. Как и предполагал Пип, отец встретил его друзей с радостью. Пип почувствовал, как переполняет его сердце любовь к отцу, оказавшему столь радушный прием неожиданным гостям.

Дома их уже поджидала Астрид, мать Пипа, как всегда, красивая и улыбчивая. Она сама открыла дверь и приветствовала гостей с тем же радушием, что и ее муж, но только уже на норвежском. И мгновенно обратила свой взор на Бо, который был настолько измучен болью, что уже не мог передвигаться самостоятельно и ковылял, опираясь на руку Элле.

Астрид в ужасе поднесла руку ко рту.

— Что с ним случилось? — спросила она у сына.

— Выпрыгнул неудачно из окна, спасаясь от огня. Их дом подожгли, — объяснил Пип.

— Бедный мальчик! — сочувственно воскликнула Астрид. — Хорст, отведите с Пипом девочек в гостиную. А вы, Бо, — она жестом указала на стул, стоявший в прихожей рядом с телефоном, — садитесь сюда. Сейчас я осмотрю ваши раны.

— Мама у нас дипломированная медсестра, — негромко пояснил Пип Карин, когда они вместе с Хорстом и Элле направились в гостиную. — Наверняка в обозримом будущем тебе еще предстоит выслушать историю любви моих родителей. Ведь мама влюбилась в моего отца, выхаживая его после операции аппендицита.

— Выглядит она моложе его.

— Так оно и есть. У них разница в возрасте пятнадцать лет. Отец любит повторять, что выбрал себе в невесты девочку. Ведь мама забеременела мною, когда ей едва исполнилось восемнадцать. Эти двое обожают друг друга.

— Пип...

Он почувствовал, как тонкие нежные пальцы Карин коснулись его руки.

— Спасибо тебе за все... от всех нас...

* * *

Вечером, уже после визита врача, который перебинтовал раны Бо и выписал ему направление в больницу, чтобы сделать рентген локтевого сустава и определить, не сломана ли кость, Элле и Астрид помогли Бо подняться наверх и уложили его на кровать в комнате Пипа.

— Бедный мальчик, — снова повторила Астрид, спустившись вниз, чтобы заняться приготовлением ужина, и Пип проследовал за ней на кухню. — Он совершенно обессилел. Отец рассказал мне кое-что из того, что творится сейчас в Лейпциге. Подай мне, пожалуйста, нож для чистки картофеля.

— Вот! — Пип подал матери нож.

— Получается, что они не столько гости, приехавшие познакомиться с Норвегией, сколько беженцы, спасающиеся от погромов.

— И то и другое, я думаю.

— И как долго они собираются здесь пробыть?

— Если честно, мама, не знаю.

— Они евреи?

— Карин и Элле — да, насчет Бо — не уверен.

— Трудно поверить в то, что в Германии могут твориться подобные безобразия. Однако приходится верить. Сегодня в нашем мире полно жестокостей. — Астрид вздохнула. — А что Карин? Как я понимаю, это и есть та самая девушка, о которой ты нам столько рассказывал, да?

— Да, — ответил Пип, ожидая продолжения. Но мать всецело сосредоточилась на чистке картофеля без каких-либо дополнительных комментариев.

— Энергичная девушка... И очень броская... С такой точно не соскучишься, — наконец обронила Астрид после затянувшейся паузы.

— Да, мама, она меня определенно вдохновляет. Благодаря Карин я столько всего узнал, — ответил Пип, словно оправдываясь перед матерью.

— Это именно то, что тебе надо. Сильная женщина рядом. Взять твоего отца, к примеру. Одному богу известно, что бы он стал делать без меня, — рассмеялась Астрид. — В любом случае я горжусь тобой, сын, за то, что ты вызвался помочь друзьям, оказавшимся в беде. Мы с твоим отцом постараемся помочь им, чем сможем. Хотя...

— Хотя что, мама?

— Хотя твое гостеприимство имеет и обратную сторону. Придется тебе спать в гостиной на диване до тех пор, пока Бо не поправится.

* * *

После ужина на террасе с видом на прекрасный фьорд Элле отправилась наверх, посмотреть, как там Бо и поужинал ли он. Еду она подала ему на подносе прямо в постель. Посидев немного возле Бо, Элле пошла к себе отдыхать. Хорст и Астрид тоже объявили, что отправляются почивать. Пип слышал, как они негромко посмеивались между собой, поднимаясь по лестнице. Наблюдая за тем, как разгладились и просветлели лица девушек за ужином, он испытал новый прилив гордости за своих родителей, согласившихся приютить его друзей в Норвегии.

— Пожалуй, мне тоже пора, — сказала Карин. — Устала страшно... Но такой дивный вид. Не хочется уходить. Ты только взгляни! Уже скоро одиннадцать часов, а светло, как днем.

— И солнце завтра поднимется гораздо раньше тебя. Говорил же тебе, у нас здесь очень красиво.

Пип поднялся из-за стола и, подойдя к краю террасы, облокотился на деревянные перила. Такая своеобразная граница между домом и могучими соснами, которыми поросли склоны гор, сбегających к самой воде.

— Не просто красиво! Дух захватывает от такой красоты. И вообще от всего... Не только от природы. И гостеприимство твоих

родителей, их доброта и участие... У меня эмоции просто зашкаливают.

Пип осторожно обнял Карин, и она тихонько расплакалась у него на плече. Но то были слезы радости и облегчения.

— Скажи, что мне никогда не придется уезжать отсюда.

И Пип с готовностью, слово в слово, повторил пожелание Карин.

* * *

На следующее утро Хорст повез Бо и Элле в местную больницу, где Бо диагностировали смещение локтевого сустава и сложный перелом со смещением кости. Тут же провели операцию, чтобы вправить кость. Следующие несколько дней Элле провела в больнице, безвылазно дежуря возле постели Бо. А Пип в это время постепенно познакомил Карин с красотами Бергена.

Он сводил ее в Тролльхауген, дом Эдварда Грига, который располагался совсем рядом с их домом и в котором сейчас организовали Мемориальный музей композитора. Карин пришла в полнейший восторг от небольшого домика, укрывшегося высоко в горах, почти на самом берегу фьорда, где маэстро сочинил многие свои произведения.

— Ты тоже заведешь себе такую хижину отшельника, где будешь творить, когда станешь знаменитым, да? — шутливо поинтересовалась у него Карин. — А я буду приносить тебе на обед сладости и вино, и мы сможем заниматься любовью прямо на полу.

— Ну знаешь ли... Тогда я стану запираюсь от тебя на замок. Ты же не хуже меня понимаешь, что композитора нельзя отвлекать, когда он работает, — подначил он в ответ.

— Что ж, тогда мне придется завести любовника, который постарается скрасить мое одиночество, — хитровато улыбнулась Карин и повернулась, чтобы тронуться в обратный путь.

Пип рассмеялся и, поймав Карин на ходу, обнял за талию и притормозил ее. Потом коснулся губами изгиба ее шеи.

— Ни за что! — прошептал он ей на ухо. — Никогда и никаких любовников. Только я!

Иногда они отправлялись на трамвае в город, бродили по узеньким, мощенным камнем улочкам Бергена, заходили в какое-нибудь кафе пообедать. Карин даже успела попробовать норвежской тминной водки.

Помнится, они тогда оба сильно смеялись, когда, отхлебнув впервые водки, Карин округлила глаза и воскликнула:

— Да она же крепче, чем абсент.

И тут же заказала себе вторую рюмку. После обеда Пип повел Карин к зданию Народного театра Бергена. Когда-то Ибсен служил в этом театре художественным руководителем, а Григ возглавлял симфонический оркестр, тоже выступавший на сцене театра.

— Сегодня у оркестра имеется собственное помещение, так называемый Концертный зал. В этом здании отец проработал большую часть своей жизни. Он ведь играет партию первой виолончели в оркестре, — пояснил Пип.

— Как ты думаешь, Пип, он сможет помочь нам обоим с трудоустройством?

— Уверен, что он сможет замолвить за нас словцо, — ответил Пип, не желая вдаваться в подробности. Ему не хотелось заранее огорчать Карин или тем более гасить на корню ее энтузиазм, хотя сам он отлично знал: в Филармоническом оркестре Бергена никогда не играли женщины. И вряд ли такое случится в обозримом будущем.

На следующий день они воспользовались Флойбанен, миниатюрной железной дорогой с фуникулером, которая подняла их на вершину горы Флойен, одну из семи высоких гор, расположенных вокруг Бергена. Со смотровой площадки открывался потрясающий вид на раскинувшийся внизу город и на сверкающие воды фьорда. Карин, опершись на перила, издала восхищенный возглас, обозревая всю панораму.

— Неужели где-то на земле можно отыскать что-то более красивое, чем этот вид? — выдохнула она.

Пипу нравилось, с каким неподдельным восторгом Карин воспринимала красоты его родного города. Особенно если учесть, что до недавних пор все ее мечты были устремлены только в сторону огромной, в сравнении с Норвегией, Америки. Карин даже попросила Пипа обучить ее норвежскому языку. Ее очень беспокоило, что она до сих пор не может общаться с его матерью без посредника-переводчика.

— Твоя мать так добра ко мне, дорогой. Мне бы хотелось выказать ей свою благодарность за все, что она для меня сделала, именно на норвежском языке.

* * *

Бо вернулся после больницы домой. Его правая рука все еще была в гипсе. По вечерам после ужина молодые люди собирались на террасе и устраивали там импровизированные концерты. Пип усаживался к роялю в гостиной, широко распахнув двери на террасу. В зависимости от того, какое произведение он исполнял, ему помогали Элле на своей скрипке, Карин на гобое и Хорст на виолончели. Собственно, репертуар был самый обширный, от простеньких народных песен, которым терпеливо обучал их Хорст, до серьезной музыки таких прославленных корифеев, как Бетховен и Чайковский, и до современных произведений Бартока и Прокофьева. Правда, что касается Стравинского, то тут Хорст четко выдерживал прежнюю линию открытого неприятия его музыки. Словом, вечерами они музицировали. Дивная музыка плыла над тихими водами фьорда, и в эти минуты Пип ощущал полнейшую гармонию с окружающим миром, объединившим в себе все, что он любил и что ему было нужно для счастья. Как здорово, думал он в такие минуты, что судьба распорядилась именно так и что его друзья оказались в Норвегии вместе с ним.

И лишь поздно ночью, кое-как устроившись на самодельном топчане в комнате, которую он сейчас делил с Бо, Пип начинал предаваться мечтам о чувственном теле Карин. Как было бы хорошо, если бы она сейчас лежала рядом с ним, сокрушенно вздыхал он, понимая, что все несовершенно в этом мире. И вряд ли можно вообще добиться абсолютного совершенства.

* * *

Благоуханный, напоенный ароматами трав и цветов август близился к своему завершению, а в доме Халворсенов все чаще велись

разговоры о будущем. Первый такой серьезный разговор состоялся у Карин с Пипом. Помнится, все уже отправились спать, а они, по своему обыкновению, засиделись вдвоем на террасе. Карин наконец получила письмо от своих родителей, в котором они сообщали дочери, что решили остаться в Америке. Так сказать, переждать, пока развеются грозовые тучи над Европой, где уже вовсю пахло войной. Родители настоятельно порекомендовали Карин ни в коем случае не возвращаться в Германию к началу занятий в консерватории. Однако при этом не советовали ей сию же минуту отправляться в Америку, считая нецелесообразным столь дорогостоящее и долгое путешествие. Тем более если в Норвегии ей хорошо и она чувствует себя там в полной безопасности.

— Папа с мамой передают тебе приветы и просят выразить самую искреннюю благодарность твоим родителям, — обронила Карин, складывая письмо обратно в конверт. — Как думаешь, они не будут возражать, если я задержусь у вас чуть подольше?

— Конечно, нет. Папа, тот вообще, как мне кажется, немного влюблен в тебя. Во всяком случае, в твою игру на гобое — точно, — улыбнулся в ответ Пип.

— Но если я останусь в Бергене, то мы с тобой не можем и далее злоупотреблять гостеприимством твоих родителей. Если бы ты только знал, дорогой, как я по тебе соскучилась! — негромко воскликнула Карин, прислонившись к Пипу, и принялась осторожно покусывать зубами его ухо. Но вот ее губы нашли его губы, и они поцеловались. Однако Пип тут же оторвался от Карин, потому что в этот момент наверху хлопнула дверь.

— Пока мы живем с родителями... Ты должна понимать, что...

— Да все я прекрасно понимаю, дорогой. Но давай снимем себе квартиру где-нибудь в городе. Я так истосковалась по тебе...

Карин взяла руку Пипа и положила ее к себе на грудь.

— И я тоже, любовь моя, — откликнулся Пип, благоразумно отдернув руку, чтобы — не дай бог! — никто не застал их врасплох в столь интимной позе. — Но пойми же! Хотя мои родители довольно прогрессивные люди и готовы закрыть глаза на многое из того, чего категорически не принимают другие у нас в Норвегии, однако любая попытка зажить с тобой семейной жизнью, спать с тобой в одной постели, дома или на съемной квартире, не так уж и важно,

категорически неприемлема. Не говоря уже о том, что тем самым мы выкажем неуважение к ним, и это после всего того, что они для нас сделали.

— Все я понимаю... Но что же нам делать? Жить под одной крышей и быть врозь — это же мука для меня. — Карин округлила глаза. — Ты же знаешь, как важна для меня именно эта часть наших отношений.

— И для меня тоже, — ответил Пип, хотя порой ему казалось, что в их союзе с Карин он играет скорее подчиненную, женскую роль, а она — главенствующую, мужскую. — Но, повторяю, все станет возможным лишь тогда, когда ты примешь нашу веру и выйдешь за меня замуж. По-другому в Норвегии никак нельзя.

— То есть я должна буду стать христианкой?

— Точнее, лютеранкой.

— Боже мой! Не слишком ли большую цену приходится платить за секс? Уверена, в Америке таких драконовских законов нет.

— Наверное, ты права. Но мы с тобой, Карин, живем не в Америке. Мы живем в крохотном норвежском городке. И как бы сильно я тебя ни любил, я никогда не пойду на то, чтобы жить с тобой невенчанным открыто, да еще под носом у своих родителей. Понимаешь?

— Понимаю. Очень даже понимаю... Но, если я перейду в твою веру, не будет ли это актом предательства по отношению к своему народу? Да, в свое время мама, чтобы выйти замуж за отца, тоже поменяла веру и приняла иудаизм. Так что я еврейка лишь наполовину. В любом случае мне надо посоветоваться с родителями, узнать их мнение на сей счет. Они дали мне номер телефона, который установлен в галерее отца, так, для всяких экстренных случаев. Полагаю, что наш с тобой случай как раз из этой категории. Но, предположим, они дадут согласие. И что тогда? Как скоро мы сможем пожениться в этом случае?

— Я не слишком силен по части процедурных вопросов. Но, думаю, не раньше, чем пастор увидит твое свидетельство о крещении.

— Тебе не хуже меня известно, что такового у меня нет. Можно ли получить это свидетельство у вас?

— То есть ты согласна покреститься и стать лютеранкой?

— Боже мой, Пип! Пару капель воды и крест, приложенный ко лбу, едва ли сделают меня в душе христианкой, если ты это имеешь в виду.

— Нет, но... — немного растерялся Пип, поняв, что Карин не вполне понимает суть предстоящего таинства. Да и все остальное, что с ним связано, тоже. — Я хочу сказать, что секс — это одно, вопрос в другом. Ты вполне уверена в том, что хочешь стать моей женой?

— Ах, прости меня, Пип! — воскликнула Карин, улыбаясь во весь рот. — Острая заинтересованность в решении чисто практических вопросов, связанных с законным браком, несколько заслонила от меня романтическую сторону наших взаимоотношений. *Конечно же*, я хочу стать твоей женой. И сделаю все, что нужно, чтобы это случилось как можно быстрее.

— То есть ты даже готова поменять веру ради меня? — Пип был явно впечатлен и растроган столь высоким накалом чувств Карин. Уж он-то хорошо знал, как много для нее значит принадлежность к еврейской нации.

— Если мои родители дадут на это согласие, то да. Дорогой, я должна быть благоразумной. И потом, я уверена, то доброе, что есть в вере каждого из нас, дарует мне прощение, приняв во внимание все обстоятельства, толкнувшие меня на такой шаг.

— Даже если я стану думать, что тебя больше интересует мое тело, чем все остальное? — неловко пошутил Пип.

— Даже так, — охотно согласилась Карин. — Завтра обязательно попрошу твоего отца разрешить мне сделать один звонок в Америку.

Пип молча проследил за тем, как Карин вышла из комнаты. И подумал, как часто она ставит его в тупик своим взрывным темпераментом и причудливым ходом мыслей. Наверное, размышлял он, ему никогда не понять ее до конца. Одно он знал точно. Если они с Карин поженятся, то в будущем ему точно не придется скучать рядом с ней.

Родители Карин перезвонили ей вечером следующего дня.

— Они согласились, — хмуро объявила она. — И не только ради того, чтобы я смогла выйти за тебя замуж. Родители полагают, что для меня во всех смыслах будет лучше, если я перейду на твою фамилию. Мало ли что...

— Я счастлив! — воскликнул Пип, заключая Карин в свои объятия и прижимаясь губами к ее губам.

— Итак... — Через какое-то время Карин высвободилась из его объятий, заметно повеселев. — Как скоро можно будет все организовать?

— Как только ты встретишься с пастором и он назначит тебе дату крещения.

— Завтра, да? — нетерпеливо спросила она, и ее рука скользнула к его паху.

— Перестань! Будь же серьезной! — укоризненно попенял Пип, с трудом удерживая сладостный стон, после чего неохотно убрал ее руку. — Ты и правда будешь счастлива навсегда остаться в Норвегии?

— Знаешь, жить можно везде. На свете полно худших мест. А что же до нас, то, как мне кажется, мы должны жить сегодняшним днем. Поживем, увидим, что будет потом. Да, мне здесь нравится. Разве что язык у вас ужасный.

— Тогда мне нужно будет немедленно заняться поисками работы, чтобы содержать семью. Либо в здешнем оркестре, либо в Осло.

— Возможно, и мне удастся найти себе подходящее местечко.

— Может быть, может быть, но только при условии, что ты освоишь на нашем «ужасном языке» не только «пожалуйста» или «спасибо», но и кое-что еще, — пошутил Пип.

— Ладно! Обещаю! Буду стараться...

— Вот и прекрасно. — Пип поцеловал возлюбленную в кончик носа. — Я знаю, у тебя все получится.

* * *

Когда Пип и Карин объявили о своем решении пожениться, Астрид устроила для всех шестерых торжественный ужин.

— То есть вы с Карин решили обосноваться у нас в Бергене? — поинтересовалась она у сына.

— Пока да, — ответил тот. — Но просьба к тебе, папа. Не сможешь ли ты помочь мне с трудоустройством?

— Конечно, я немедленно наведу справки, — пообещал Хорст. При этих словах Астрид вскочила из-за стола и заключила свою

будущую невестку в объятия.

— Все! Хватит о делах! — радостно объявила она. — Сегодня у нас особый ужин. Мои поздравления, дорогая Карин. Приветствую тебя в качестве полноправного члена семейства Халворсен. Я счастлива. И отдельное тебе спасибо за то, что вернула нашего сына домой. Я ведь была уверена, что Пип станет развивать свои музыкальные таланты где-нибудь в Европе или в Америке.

Пип перевел слова матери Карин и увидел, как глаза обеих женщин заблестели от слез.

— Примите и наши поздравления, — неожиданно подал голос Бо. — Надеюсь, мы с Элле в скором будущем последуем вашему примеру.

* * *

Астрид, хорошо знавшая пастора местной церкви, отправилась к нему для разговора. Она не стала рассказывать, поставила ли она священника в известность, что невеста Пипа — еврейка, но лишь сказала, что пастор согласился безотлагательно окрестить ее. Все семейство Халворсен в полном составе присутствовало на этой сравнительно короткой церемонии. Вернувшись домой, Хорст отвел Пипа в сторону.

— Хорошо, что Карин окрестили. Во всех смыслах хорошо. Один мой приятель из оркестра недавно вернулся из Мюнхена. Выступал там с концертом. Рассказывал, что антисемитская кампания в Мюнхене набирает обороты.

— Неужели она докатится и до нас?

— Хочется думать, что нет. Хотя кто его знает, что взбредет в голову этому полоумному... Ведь у него полно сторонников не только в Германии, — задумчиво обронил Хорст. — Одному богу известно, чем это все в итоге закончится.

Вскоре Бо и Элле объявили, что они тоже остаются в Бергене. С руки Бо уже сняли гипс, но еще предстояло разрабатывать локтевой сустав, чтобы можно было начинать играть на виолончели.

— Мы оба молимся, чтобы этот процесс не затянулся надолго. Бо, он ведь такой талантливый, — поделилась с Карин Элле, когда они

вечером укладывались в своей комнате. — Все его мечты только о музыкальной карьере. Но пока Бо нашел себе работу картографа в портовом магазинчике, там изготавливают и торгуют всякими картами. Прямо над магазином имеется небольшое помещение, и нам предложили поселиться там. Мы сказали хозяину, что мы супружеская пара. Так что отныне я — жена картографа.

— Вы уже настолько хорошо освоили норвежский, что можете вести разговоры и на подобные темы? — поинтересовалась у подруги Карин, не скрывая зависти по поводу их лингвистических успехов.

— У Бо результаты гораздо заметнее. Ему вообще легко даются языки. Но я тоже стараюсь изо всех сил. Сам хозяин — немец по национальности, так что никаких проблем в общении с ним у нас не возникло. Мы ведь оба хорошо говорим по-немецки.

— А вы когда-нибудь поженитесь по-настоящему?

— Мы очень хотим этого, но нужно еще подсобрать хоть немного денег. Так что пока придется жить во грехе и творить ложь. Впрочем, Бо говорит, что наша с ним правда запечатлена в наших сердцах, а не на бумаге.

— Согласна, — ответила Карин и взяла Элле за руку. — Обещай мне, что мы с тобой останемся близки и после того, как вы переедете в город.

— Само собой, Карин. Ведь ты мне не просто подруга. Ты мне как сестра. Я люблю тебя всем сердцем. У меня даже нет слов, чтобы выразить тебе и Пипу свою благодарность за все, что вы сделали для нас.

* * *

— А у нас с тобой скоро появится собственная крыша над головой? — спросила Карин у Пипа, объявив ему на следующее утро новость об Элле и Бо.

— Если завтрашнее собеседование пройдет нормально, на что я очень надеюсь, то тогда — да, — ответил Пип. Отец выхлопотал ему аудиенцию у Харальда Хейде, дирижера, руководящего Филармоническим оркестром Бергена.

— Уверена, что так оно и будет, дорогой, — подбодрила его поцелуем Карин. — Все у тебя будет хорошо, вот увидишь.

* * *

Пожалуй, Пип, отправляясь на собеседование в Концертный зал, волновался даже больше, чем при поступлении в консерваторию. Возможно, потому, размышлял он, напрягаясь всем телом, что от итогов его прослушивания теперь уже зависит многое в реальной взрослой жизни. А что там какой-то юнец-абитуриент, у которого нет никаких обязанностей ни перед кем и который отвечает только за самого себя? На входе Пип представился билетерше, и та провела его коридором в один из репетиционных классов, просторное помещение с роялем и множеством пюпитров. Вскоре в комнате появился высокий широкоплечий крепыш с густой темной шевелюрой и с живыми глазами, который отрекомендовался как Харальд Хейде.

— Ваш отец неоднократно рассказывал мне о ваших талантах, герр Халворсен. По-моему, он просто счастлив, что вы снова вернулись в Норвегию, — сказал Хейде, обмениваясь крепким рукопожатием с Пипом. — Как я понимаю, вы в равной степени владеете и скрипкой и фортепьяно?

— Да, герр Хейде, это так. Хотя основной мой инструмент — фортепьяно. Я надеюсь когда-нибудь в будущем стать композитором.

— Что ж, тогда давайте начнем прослушивание. — Герр Хейде жестом указал Пипу на табурет возле рояля, а сам уселся на узенькую скамью, примостившуюся возле стены. — Если вы готовы, герр Халворсен, я вас слушаю.

Пип вскинул руки над клавиатурой. Они слегка дрожали. Но, как только он заиграл первые такты, похожие на отдаленные удары колокола, Второго фортепьянного концерта до минор Сергея Рахманинова, он тут же забыл все свои страхи. Музыка мгновенно наполнила его накалом своих страстей. Он закрыл глаза, всецело погрузившись в стихию звуков и мысленно воспроизводя партии струнных и духовых инструментов оркестра, а пальцы в это время легко порхали по клавишам, подчиняясь стремительному ритму

мелодии. На середине медленной лирической части ми-бемоль мажор герр Хейде остановил его.

— Думаю, достаточно. То, что я сейчас услышал, действительно прекрасно. Если вы владеете скрипкой хотя бы наполовину так же хорошо, как фортепьяно, то скажу, что не вижу никаких препятствий к тому, чтобы вы получили место в нашем оркестре, герр Халворсен. А сейчас попрошу вас проследовать ко мне в кабинет, и мы продолжим наш разговор.

Пип возвратился домой через час, окрыленный первым успехом. Он тут же оповестил Карин и родителей, что отныне он — полноправный музыкант в составе Филармонического оркестра Бергена.

— Пока я буду работать на подмене. Буду подменять то пианиста, то скрипача, работающих на постоянной основе, в случае, если они заболели или отсутствуют по каким-либо иным причинам. Но, по словам герра Хейде, пианист, работающий сейчас в оркестре, уже довольно стар и часто болеет, не всегда может выступать. Скорее всего, в скором времени он покинет оркестр.

— Да, Франц Вульф кряхтит и скрипит, как плохо смазанные ворота. Пальцы совсем скрутило артритом. Так что шансов занять его место у тебя много, сынок. Молодец! — Хорст ласково похлопал сына по спине. — Будем играть в оркестре вместе. В свое время мы играли точно так же с моим отцом, Йенсом.

— А ты сказал ему, что ты еще и композитор? — подала голос Карин.

— Да. Но Рим ведь не сразу строился. А потому на сегодняшний день я счастлив, что смогу содержать семью, когда мы поженимся.

— Может быть, когда-нибудь и я смогу присоединиться к тебе и тоже буду играть в оркестре. — Карин слегка надула губки. — Не думаю, что из меня получится образцовая домохозяйка.

Пип перевел слова Карин матери, но та лишь усмехнулась.

— Не беспокойся, сынок. Пока вы с отцом будете заниматься своей музыкой, я обучу Карин всему тому, что должна знать и уметь хорошая хозяйка, чтобы содержать свой дом в надлежащем порядке.

— Два Халворсена будут играть в оркестре, мой сын вот-вот женится, и в скором будущем у меня появится много внуков, которых я

буду любить всем сердцем! — воскликнул Хорст, и лицо его просияло от счастья.

Пип заметил, как недоуменно вскинула бровь Карин при последних словах Хорста. Она довольно часто повторяла в разговорах с Пипом, что не создана для материнства. Слишком любит саму себя, чтобы еще обзаводиться детишками. Впрочем, Пип никогда не принимал эти ее речи всерьез. Карин любит шокировать людей своими неожиданными заявлениями. Впрочем, ему нравилось в ней все, и это качество тоже.

* * *

Карин и Пип поженились за день до сочельника. Накануне шел снег, укутав весь город своим белым пушистым покрывалом. Мерцающие огоньки иллюминации, украсившей центральные улицы Бергена, тоже поспособствовали созданию сказочной атмосферы вокруг церемонии их бракосочетания. После венчания молодые в карете, запряженной лошадьми, направились в Гранд-отель «Терминус». Там состоялись прием и свадебный ужин, который устроил для новобрачных Хорст. Он же оплатил и все расходы. Но вот наконец молодожены распрощались со своими гостями и поднялись к себе в номер. Этот номер в качестве свадебного подарка зарезервировали для них Элле и Бо. Переступив порог своей комнаты, Карин и Пип сразу же упали друг другу в объятия, изголодавшись за последние полгода воздержания. Они целовались, а Пип в это время расстегивал пуговички на кружевном платье своей молодой жены. Вот наконец платье соскользнуло с ее плеч и рук, и пальцы Пипа проворно побежали следом, прошлись по изящным ключицам Карин, потом переместились на пухлые темно-розовые соски. Карин застонала от наслаждения и, схватив мужа за прядь волос, оторвала губы Пипа от своих губ и направила его голову к груди. Он стал ласкать губами ее соски, а она лишь вскрикивала от этих сладостных прикосновений. Потом рывком сорвала с себя платье, и оно упало на пол. Пип подхватил жену на руки и понес ее к кровати. Дыхание его стало прерывистым и учащенным от переизбытка желания. Он тоже, стоя

возле постели, стал неуклюже срывать с себя одежду. Но Карин поднялась на колени и остановила его.

— Нет, сейчас моя очередь! — воскликнула она хриплым от возбуждения голосом. И стала умелыми движениями расстегивать ему рубашку, потом брюки. И уже через каких-то несколько секунд он упал на нее сверху, и они оба тут же погрузились в пучину страсти.

Потом лежали, пресыщенные, в изнеможении от пережитого, лежали молча, прислушиваясь к перезвону курантов на старинной городской площади, пробивших полночь.

— Нет, ради такого стоило покреститься, — сказала Карин, приподнявшись на локте. Она улыбнулась, заглянув Пипу прямо в глаза, потом осторожно прошла по лицу кончиками пальцев. — Не помню, говорила ли я тебе это раньше, но сейчас, как твоя законная жена, скажу. Хочу, чтобы ты помнил это всегда: я люблю тебя, дорогой. И еще! Я никогда не была так счастлива, как сегодня ночью.

— И я тоже, — прошептал он в ответ. Снял ее руку со своей щеки и поднес к губам. — И так будет всегда.

— Да, всегда.

40

1938 год

Весь январь, февраль и март Берген попеременно то засыпало снегом, то поливало дождем. Короткие дневные часы резко сменялись беспроглядной тьмой. Каждый день Пип пропадал на репетициях оркестра, которые иногда длились по несколько часов кряду. Поначалу его приглашали для участия в вечерних концертах не чаще одного раза в неделю. Но, поскольку у старого пианиста, бедолаги Франца, проблемы с артритом становились день ото дня все более серьезными, то он все чаще отсутствовал на работе, и вскоре Пип получил постоянное место в оркестре.

А в свободное время он начал работать над своим первым концертом для фортепьяно. Пока он никому не показывал результаты своих усилий. Даже Карин. Про себя же решил, что, когда сочинение будет завершено, он посвятит его своей жене. После окончания репетиции Пип часто оставался в Концертном зале один. Атмосфера

пустого зрительного зала, без оркестра на сцене и слушателей в партере, действовала на него магически. Сидя в оркестровой яме за фортепьяно, он мог музицировать часами, оттачивая свое произведение.

В свою очередь, Карин под чутким руководством любящей свекрови приобщалась к делам домашним. Наметился некоторый прогресс и в ее норвежском, не говоря уже о том, что умелое наставничество Астрид тоже принесло свои плоды. Карин старалась изо всех сил, осваивая искусство домоводства.

Если Элле позволяла работа, то Карин навещала подругу в их с Бо скромной квартирке, расположенной прямо над мастерской по производству карт и картографическим магазином, что находился рядом с бухтой. И тогда подруги с упоением предавались мечтам о будущем, обсуждая свои планы на жизнь.

— Мне так завидно, что у вас с Бо уже есть собственный угол, — призналась однажды Карин своей подруге за утренней чашкой кофе. — Вот мы с Пипом уже женаты, а все еще живем вместе с его родителями и даже спим в его прежней детской. Сама понимаешь, воспоминания о детстве и обо всем том, что с ним связано, не способствуют созданию романтической обстановки в комнате. Воистину, никаких соблазнов вокруг тебя. Мы вынуждены заниматься любовью тихо, чтобы никого, не дай бог, не потревожить. А я хочу предаваться любовным утехам, не озираясь по сторонам. Хочу полноценного секса без каких-либо ограничений.

Но Элле уже успела привыкнуть к вызывающим откровениям подруги.

— Потерпи немного, твое время еще придет, — улыбалась она в ответ. — Зато вам с Пипом повезло в другом. Его родители помогают вам. А вот нам с Бо все еще приходится нелегко. Правда, локоть у него уже немного разработался, но до полного восстановления еще очень далеко. Во всяком случае, пока Бо и мечтать не может о каком-нибудь прослушивании для работы в оркестре как в самом Бергене, так и в других местах. Что приводит его в отчаяние. Ведь музыка для Бо — это все, его страсть и его жизнь. Да и я тоже переживаю за него, чего уж греха таить.

Карин, как никто, понимала чувства и переживания своих друзей. Ведь после переезда в Берген вся ее жизнь сосредоточилась

исключительно вокруг домашних дел. А что касается музыки, то свои музыкальные таланты она лишь изредка демонстрировала на семейных концертах, которые они устраивали у себя дома, во Фроскехасет. Впрочем, она понимала и другое. Ее нереализованные артистические амбиции — это ничто в сравнении с теми проблемами, которые приходилось решать Элле и Бо.

— Прости меня, Элле, — уже в который раз повинулась Карин перед подругой. — Я такая эгоистка.

— Да нет, сестричка! Ты совсем не эгоистка. Просто для всех нас музыка — это смысл жизни, и потому нам так тяжело приходится без нее. Но в нашей с Бо нынешней жизни есть и кое-что хорошее. Пока он не может играть, но он не на шутку увлекся картографией, с энтузиазмом изучает разнообразные методы и приемы, используемые в навигации. Работа ему нравится, а раз так, то и я довольна.

— И я тоже рада за вас, — сказала Карин. — И счастлива, что все мы живем в одном городе и можем встречаться, когда захотим. Не знаю, что бы я без тебя делала, Элле.

— А я без тебя.

* * *

В начале мая Пип объявил Карин, что подсобрал немного денег, которых должно хватить на то, чтобы снять себе небольшой домик на Театергатен, театральной площади, расположенной в самом центре Бергена, буквально в двух шагах от Концертного зала.

Услышав эту новость, Карин даже расплакалась.

— Как здорово! — воскликнула она сквозь слезы. — Как раз вовремя, дорогой! Потому что... потому что я должна сообщить тебе нечто очень важное. Дело в том... Ах, боже мой! Я беременна.

— Вот это действительно потрясающая новость! — Пип с восторгом заключил жену в объятия. — И пожалуйста, не делай такое страдальческое лицо, — шутливо попенял он ей и, взяв за подбородок, развернул жену к себе так, чтобы встретиться глазами. — Ты-то, со всеми своими натуралистическими воззрениями, должна понимать, как никто. Ребенок — это просто результат работы двух любящих сердец, бьющихся в унисон.

— Все это я знаю, но каждое утро меня тошнит, выворачивает наизнанку. А что, если я не смогу полюбить этого ребенка? Что, если из меня получится плохая мать? Что, если...

— Тише, тише, дорогая. Успокойся. Ты просто напугана. Все беременные женщины ведут себя в подобной ситуации точно так же.

— Нет и еще раз нет! Я знавала многих беременных женщин. И все они страшно гордились собой и упивались своим новым состоянием. Сидят, развалившись, разомлев от любви к себе, и поглаживают свои огромные животы, наслаждаясь всеобщим вниманием. А я пока чувствую совсем *другое*. Внутри меня поселилось какое-то инородное тело, которое вскоре вздует мой плоский живот, а пока оно высасывает из меня энергию. Все мои силы!

С этими словами Карин упала к Пипу на грудь и снова разрыдалась.

Пип с трудом подавил улыбку, сделал глубокий вдох и принялся утешать свою безутешную половину.

Вечером того же дня они сообщили новость Астрид и Хорсту, объявив им, что в скором времени те станут бабушкой и дедушкой. А также сказали, что в обозримом будущем съезжают от родителей в собственный дом.

Конечно, радостные возгласы, поздравления и все прочее, приличествующее такому случаю. Хотя при этом Хорст благоразумно не налил Карин водки, когда была откупорена бутылка.

— Вот видишь! — недовольно пробурчала Карин, укладываясь рядом с Пипом в кровать. — Отныне все мои удовольствия уже в прошлом.

Пип лишь рассмеялся в ответ, привлек жену к себе и, запустив руку под ночнушку, стал гладить крохотное вздутие на ее животе. Подумать только! Скоро у них будет ребенок... Рождение ребенка, подумал он, можно сравнить с появлением серпа молодого месяца на небе, сплошь усыпанном звездами. И они с Карин сотворили это чудо вместе.

— Потерпи, Карин! Недолго ведь ждать. Всего каких-то шесть месяцев. Обещаю тебе, что в ночь, когда на свет появится наш младенец, я принесу тебе в постель целую бутылку тминной водки, и ты выпьешь столько, сколько захочешь. Хоть целую бутылку.

* * *

В первых числах июня Пип и Карин переехали в свой новый дом на Театергатен. Домик был небольшой, но хорошенький, как картинка. Снаружи обшит дранкой, выкрашенной в зеленовато-голубой цвет. Прямо с кухни имелся выход на деревянную террасу. Все лето, пока Пип был занят на работе, Карин вместе с Астрид и Элле трудились не покладая рук, обустривая дом изнутри и облагораживая его снаружи. Так, вскоре вся терраса была уставлена горшками с цветущей петунией и лавандой. Несмотря на скромный бюджет молодой семьи, им в сравнительно короткий срок удалось превратить свое жилище в настоящий райский уголок, в котором воцарились спокойствие и уют.

* * *

В октябре, аккурат в день своего рождения (Пипу исполнилось двадцать два года), он, вернувшись вечером домой после очередного концерта, застал в гостиной Карин, Элле и Бо. Все трое встречали его стоя.

— С днем рождения, любимый, — поздравила мужа Карин. Глаза ее горели от радостного возбуждения. Но вот друзья расступились в разные стороны, явив взору именинника пианино, стоявшее в углу комнаты. — Понимаю, это пока не «Стейнвей», но для начала неплохо, — добавила Карин.

— Но как? Откуда? — воскликнул Пип, сраженный наповал столь щедрым подарком. — У нас ведь нет денег, чтобы позволить себе такую дорогую вещь.

— Это уже моя забота, дорогой, а ты должен получать лишь удовольствие от подарка. Каждому композитору нужен собственный инструмент. Так было во все времена. А как иначе сможет он творить, вдохновляемый своей музой? Ступай же, Пип, к пианино и дай нам послушать твою игру.

— Сейчас.

Пип приблизился к пианино и осторожно прошелся пальцами по крышке, закрывавшей клавиатуру. Потом какое-то время любовался простой, но очень милой инкрустацией, украсившей панель корпуса,

изготовленного из древесины золотистого цвета. На инструменте не значилась марка производителя, но конструкция пианино была хорошей, да и сам инструмент находился в отличном состоянии. Достаточно было взглянуть на его сияющую, покрытую лаком поверхность. Явно кто-то долго, старательно и с любовью полировал дерево, доводя его до полного блеска. Пип поднял крышку над сверкающими клавишами и осмотрелся по сторонам в поисках того, на что можно было бы сесть.

Тут Элле поспешно выступила вперед.

— А вот это тебе подарок от нас.

Она извлекла из-за стоявшего рядом стула обитый материей табурет и поставила его рядом с пианино.

— Бо сам вырезал его из дерева, а я обшила тканью сиденье.

Пип растерянно глянул на изящно выгнутые ножки табурета, явно выточенные из сосны, на сложный узор ручной работы, которым Элле украсила сиденье, чувствуя, как его переполняют эмоции.

— Даже не знаю, что и сказать, — промолвил Пип наконец, присаживаясь к инструменту. — Разве что огромное спасибо вам обоим.

— Это такой пустяк, Пип. Особенно в сравнении с тем, что ты и твои родители сделали для нас, — негромко обронил Бо. — С днем рождения тебя.

Пип прикоснулся рукой к клавишам и наиграл первые несколько тактов знаменитого Итальянского каприччио Петра Чайковского. Бо оказался прав, у инструмента действительно было очень приятное звучание. Какое счастье, подумал взволнованный Пип, что теперь он сможет работать над своим концертом в любое время дня и ночи.

* * *

Карин становилась все объемнее. Близилась сроки появления младенца на свет. А Пип урывал каждую свободную минуту, чтобы поработать за своим любимым инструментом. Лихорадочно испещрял нотные листы пометками, экспериментировал со струнами, вносил изменения в мелодический строй. Страшно торопился, понимая, что с

рождением ребенка о покое и тишине в доме придется забыть, и надолго.

15 ноября 1938 года на свет благополучно появился Феликс Мендельсон Эдвард Халворсен, получивший свое первое имя в честь бабушки, отца Карин. Как и предполагал Пип, все страхи Карин оказались напрасными, и в роли матери она моментально почувствовала себя, как утка в воде. Конечно, Пипу было радостно наблюдать за тем, как жена с удовольствием хлопчет вокруг их дитяти, но одновременно у него возникало странное чувство, что в этой трогательной идиллии взаимоотношений матери и ребенка он явно третий лишний. Сейчас все внимание Карин было сосредоточено исключительно на их дражайшем сыне. А Пипу это одновременно и нравилось и не нравилось, поскольку он сам уже не находился в фокусе внимания своей жены. Что определенно вызывало недовольство. Особенно злило его то, что Карин, которая в прошлом сама побуждала его работать над композициями, сейчас, стоило ему присесть к инструменту, тут же начинала покрикивать на него:

— Пип! Малыш спит, а ты его можешь разбудить.

Была лишь одна веская причина, заставляющая Пипа радоваться тому, что жена с головой *ушла* в свои материнские обязанности. Она перестала читать газеты, а следовательно, была не в курсе того, как стремительно, буквально день ото дня, нарастает напряжение в Европе. После того как Германия аннексировала Австрию в марте 1938 года, к концу сентября появились некие проблески надежды на то, что войны все же удастся избежать. Франция, Германия, Британия и Италия подписали так называемое Мюнхенское соглашение, согласно которому Судетская область Чехословакии отошла к Германии. При этом Гитлер пообещал, что впредь никаких территориальных претензий со стороны Германии не последует. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен даже заявил в своей речи, что подписанное соглашение «гарантирует мир на долгие времена». Всем сердцем Пип надеялся на то, что Чемберлен окажется прав в своих оптимистичных прогнозах. Но уже к осени стало понятно, что надежды тщетны. И в оркестре, и на улицах Бергена только и было разговоров о том, что война неизбежна. Немногие верили, что Мюнхенские соглашения будут соблюдаться.

Рождественские праздники внесли хоть какое-то приятное разнообразие в эту унылую обстановку, царившую вокруг. Молодая пара встречала Рождество в доме родителей Пипа вместе с Элле и Бо. Накануне Нового года Карин и Пип устроили небольшую вечеринку уже у себя. Под перезвон курантов, оповещающих жителей Бергена о наступлении нового, 1939 года, Пип обнял жену и нежно поцеловал ее.

— Любовь моя, всем, что у меня есть, я обязан тебе. Мне никогда не отблагодарить тебя за все то, что ты мне дала, чем ты стала в моей жизни и в моей судьбе, — прошептал он. — Свой первый тост я поднимаю за нас троих.

* * *

В первый день Нового года Карин, которую с трудом уговорили на короткое время вверить Феликса заботам любящих бабушки и дедушки, вместе с Пипом, Элле и Бо поднялись на палубу парохода «Хуртигрутен» в бухте Бергена, чтобы совершить круиз вокруг величественных красот западного побережья Норвегии. Карин даже на время забыла о своих материнских переживаниях, любуясь бесконечной чередой красивейших пейзажей, мимо которых они проплывали. Особенно ее впечатлил водопад Семь сестер в Гейрангер-фьорде, словно подвешенный в воздухе над самым краем фьорда.

— Дух захватывает от этой красоты, дорогой! — восклицала она, стоя на палубе вместе с Пипом, укутанная с ног до головы в шерстяные вещи, спасающие от любых морозов. С замиранием сердца все они восторженно разглядывали невероятные по своей красоте скульптуры изо льда, созданные самой природой, когда в самом начале зимы падающие сверху потоки воды замерзали прямо на лету, едва соприкоснувшись с холодными водами океана.

Пароход прошелся вдоль всего побережья, поднимаясь все выше и выше на север, поочередно заходя во все фьорды, делая короткие остановки в небольших портовых городках для пополнения запасов продовольствия и для того, чтобы забрать корреспонденцию от местных жителей, связывая таким образом эти отдаленные населенные пункты, разбросанные вдоль всего побережья, с остальной частью страны.

Когда они наконец достигли самой северной точки своего путешествия, деревушки Мехамн, расположенной на побережье Северного Ледовитого океана, Пип принялся пространно объяснять своим друзьям явление северного сияния.

— Северное сияние — это такое чудо. Кажется, сам Господь задумал и поставил это грандиозное световое шоу, — начал он свой рассказ и тут же понял, что бессилён объяснить обычными словами всю красоту этого поистине фантастического зрелища. Оказывается, в его словаре нет даже таких слов, с помощью которых можно описать столь необыкновенное по своей красоте природное явление.

— А ты сам видел северное сияние?

— Да, но только один раз. Так сложились тогда погодные условия, что северное сияние можно было наблюдать даже в Бергене, расположенном намного южнее. А в этих северных широтах я раньше и не бывал никогда.

— А как оно начинается, это сияние? — поинтересовалась у Пипа Элле, разглядывая ясное, усыпанное звездами небо, раскинувшееся над их головами.

— Наверное, есть какое-то сугубо физическое объяснение этому явлению, но я не силен в физике, а потому не смогу объяснить все, как должно, — честно признался Пип.

— Да нам и ни к чему сложные теоретические объяснения, — сказал Бо. — Главное, что красиво.

Очередной переход до Тромсё оказался сложным, море все время волновалось, и обе женщины предпочитали отсиживаться в своих каютах. Наконец пароход пристал к конечному пункту путешествия, к побережью мыса Нордкап, самой северной точке Норвегии. Капитан объявил пассажирам, что это самое лучшее место для наблюдения за северным сиянием. Но Пип, зная, как измучилась Карин от морской болезни, был вынужден оставить Бо в одиночестве любоваться природным световым шоу, а сам пошел вниз, чтобы хоть как-то помочь жене.

— Я же тебе всегда говорила, что ненавижу воду, — простонала Карин, снова утыкая голову в специальный пакет, которыми предусмотрительно снабдили всех пассажиров на тот случай, если у них случатся приступы морской болезни.

Они покинули мыс Нордкап, когда над прозрачными водами Северного Ледовитого океана уже начал заниматься рассвет. Пароход взял обратный курс на Берген. Бо поджидал Пипа в столовой, сторя от нетерпения поделиться с другом своими впечатлениями от увиденного.

— Представляешь, я видел его! Я видел это чудо! Знаешь, это зрелище настолько фантастично, что, увидев его, любой, даже самый закоренелый атеист поверит в существование высших сил. Цвета... зеленый, желтый, голубой... Все небо горит разноцветными огнями! Я... — Бо задохнулся от волнения. Потом через какое-то время снова обрел голос. В глазах у него блестели слезы. Он протянул обе руки к Пипу и крепко обнял его. — Спасибо тебе, мой друг! Спасибо! — воскликнул он прочувствованно.

* * *

Они вернулись в Берген, и потекла обычная семейная жизнь. Чтобы не мешать маленькому Феликсу, Пип теперь уединялся для работы либо в пустом Концертном зале, либо приходил к родителям и использовал отцовский инструмент. Последнее время он катастрофически не высыпался по ночам и все время пребывал в несколько заторможенном состоянии. А спать ночами не давал Феликс. Плакал и плакал без остановки от мучивших его колик. И хотя Карин поднималась к малышу сама и старалась не тревожить Пипа, зная, как тот загружен работой днем, пронзительные крики Феликса легко проникали сквозь тонкие, можно сказать, бумажные стены комнат в их маленьком доме. Нигде нельзя было спрятаться от детского плача, а потому бодрствовали в равной степени и Карин и Пип.

— А что, если мне капнуть немного тминной водки в его бутылочку с молоком? Вдруг это поможет? — воскликнула как-то раз за завтраком измученная вконец Карин. — Этот ребенок меня доконает, — вздохнула она в отчаянии. — Прости, дорогой, что извожу тебя бессонными ночами. Но у меня никак не получается заставить его замолчать. Наверное, я просто плохая мать.

Пип обнял жену и смахнул кончиками пальцев слезинки с ее глаз.

— Ты прекрасная мать, любовь моя. Не выдумывай! А Феликс просто перерастет свои колики. Вот увидишь.

Приближалось лето, и молодые родители уже отчаялись верить, что им удастся когда-нибудь выспаться. Зато когда наконец разразилась первая ночь тишины, они оба уже на автомате проснулись ровно в два часа ночи. Обычно именно в это время малыш и затевал свой ночной концерт, надрываясь ревом на все голоса.

— Как думаешь, с ним все в порядке? Почему он не плачет? Бог мой! А вдруг он умер? — воскликнула Карин и опрометью бросилась к колыбельке, примостившейся в углу их крохотной спальни. — Нет, слава богу! Он дышит... И жара вроде бы нет, — прошептала она, склонившись над Феликсом и щупая его лобик.

— А что он делает? — спросил у нее Пип.

Легкая улыбка тронула губы Карин.

— Представляешь, дорогой? Он спит... просто спит.

* * *

Итак, в их маленьком домике снова воцарились мир и покой. А Пип снова возобновил свою работу над сочинением концерта. После многих размышлений он решил назвать его *«Героический концерт»*. История, которую он когда-то прочитал, о жрице, поправшей строгие правила храмовой жизни, позволив своему возлюбленному соблазнить себя и заняться с ней любовью, а потом, когда он утонул, броситься в море вслед за ним, как нельзя лучше соответствовала независимому и страстному характеру Карин, которой он собирался посвятить свое сочинение. Да и потом, именно Карин и была *его героиней*. Пип знал наверняка, что если он потеряет ее, то тоже не сможет дальше жить.

Однажды августовским днем он отложил в сторону карандаш, которым заполнял нотные листы, и с наслаждением развел руки в стороны. Последняя оркестровка была наконец завершена. Его концерт готов.

В воскресенье они всей семьей отправились на трамвае навестить родителей во Фроскехасет. После обеда Пип раздал ноты для партий виолончели, скрипки и гобоя Хорсту и Карин и велел им бегло ознакомиться с партитурой. Потом последовала короткая репетиция, ведь и отец, и жена хорошо умели читать ноты прямо с листа, и вот

Пип уселся за рояль, и их маленький оркестр начал исполнять его концерт.

Минут через двадцать Пип положил руки на колени и вопросительно взглянул на мать, утиравшую слезы с глаз.

— Мой сын написал это... — растроганно прошептала она, глядя на мужа. — Я думаю, Хорст, он унаследовал талант твоего отца.

— Пожалуй, ты права, — согласился с ней Хорст, явно тоже впечатленный музыкой сына. Он подошел к Пипу и дружески похлопал его по плечу. — Музыка действительно звучит вдохновенно, мой мальчик. Нужно поскорее показать ее Харальду Хейде. Убежден, он с радостью устроит премьеру твоего концерта у нас в Бергене.

* * *

— Конечно, идея купить тебе пианино принадлежала исключительно мне, и я купила его на собственные деньги, — призналась ему Карин с несколько легкомысленным видом, когда они снова уселись в трамвай, чтобы ехать к себе домой. — Но скоро ты разбогатеешь, я надеюсь, и тогда возместишь мне тот урон, который я понесла, продав ради пианино свое жемчужное кольцо.

Она наклонилась к мужу и поцеловала его в щеку, а увидев его потрясенное лицо, добавила:

— Не злись, дорогой, ладно? Мы с Феликсом еще будем гордиться тобой. И мы так тебя любим.

Через какое-то время Пип набрался храбрости и перед началом еженедельного вечернего концерта отыскал за кулисами Харальда Хейде. Пип признался ему, что написал концерт для фортепьяно с оркестром, и объяснил, что хотел бы знать мнение маэстро о своем сочинении.

— Тогда не будем терять времени понапрасну. Почему бы вам не наиграть его мне прямо сейчас? — предложил ему Хейде.

— Э-э-э... — немного растерялся Пип. — Да, конечно... Сейчас.

Заметно нервничая, он уселся к роялю, тронул пальцами клавиши и начал играть по памяти свой концерт. Он сыграл его полностью, и Хейде не стал его прерывать или останавливать. А когда Пип закончил, то принялся громко аплодировать.

— Что ж, это очень и даже очень хорошо, герр Халворсен. Сквозная тема концерта оригинальна, в хорошем смысле этого слова, и она буквально завораживает. Я уже мысленно напеваю ее. Глянув на нотные листы с записью вашего концерта, вижу, что по части оркестровки есть еще кое-какие пробелы. Но я обязательно помогу вам разобраться с этим. Неужели, — проговорил он, широко улыбаясь и протягивая ноты Пипу, — у нас снова появился собственный Григ? Безусловно, влияние его музыки прослеживается даже в самой структуре концерта. А еще, я явственно расслышал отголоски музыки Рахманинова и Стравинского.

— Надеюсь, вы слышали и кое-что мое, герр Хейде, — отважился возразить Пип.

— Еще как слышал! Еще как слышал! Хорошая работа, молодой человек. Думаю, ближе к весне мы включим ваш концерт в программу наших выступлений. Так что у вас еще имеется в запасе какое-то время, чтобы поработать над оркестровкой.

Вернувшись домой после концерта, Пип был настолько взбудоражен, что даже разбудил спящую жену.

— Ты не поверишь, дорогая... Но это случилось! Ровно через год в это же самое время я уже буду считаться профессиональным композитором! Представляешь?

— Замечательная новость! — искренне обрадовалась за мужа Карин. — Хотя я, со своей стороны, никогда и не сомневалась в том, что так оно и будет. Ты еще завоеешь мир своей музыкой. — И добавила с коротким смешком: — Скоро я буду женой знаменитого Пипа Халворсена.

— Конечно. Только не Пипа, а Йенса Халворсена, — поправил жену Пип. — Не забывай, ведь меня назвали в честь деда.

— Уверена, он бы гордился тобой, мой дорогой. Как горжусь я.

Они отметили хорошую новость, выпив по рюмке водки, а потом завершили свой импровизированный праздник, занявшись любовью. Предавались утехам молча, чтобы не разбудить Феликса, который безмятежно спал в своей колыбельке, стоявшей в ногах их супружеского ложа.

Ну, почему счастье всегда так мимолетно? — уныло вопрошал себя Пип, развернув газету за 4 сентября. Новости были хуже некуда. После того как Германия вторглась 1 сентября на территорию Польши, Франция и Британия объявили ей войну. Пип вышел из дома, чтобы отправиться на репетицию в Концертный зал. Даже такого короткого пути ему хватило, чтобы ощутить атмосферу страха и тревоги, в которую погрузились все жители города.

— В минувшую войну Норвегии удалось сохранить свой нейтралитет. Даст бог, удастся и на сей раз. Мы — миролюбивый народ, и нам нечего бояться, — разглагольствовал один из музыкантов оркестра по имени Самуил, пока они, сидя в оркестровой яме, настраивали свои инструменты. Чувствовалось, что новость ошарашила всех, на репетиции царил обстановка общей нервозности и уныния.

— Вы, приятель, забыли о существовании такой фигуры, как Видкун Квислинг, который возглавляет нацистскую партию у нас в Норвегии. Уж этот станет бить в литавры что есть сил, оповещая всех о поддержке Гитлера и проводимой им политики, — мрачно напомнил ему Хорст, натирая канифолью смычок своей виолончели. — Он уже, к слову говоря, выступил с целым рядом лекций, посвященных так называемому «еврейскому вопросу». Не дай бог, если такие, как он, придут к власти. Вне всякого сомнения, он немедленно выступит на стороне Германии.

После концерта Пип отозвал отца в сторонку.

— Папа, ты на самом деле считаешь, что нас могут втянуть в войну?

— К сожалению, к великому сожалению, такой расклад весьма вероятен. — Хорст слегка пожал согбенными плечами. — Даже если, предположим, наша страна откажется вступить в войну и поддержать ту или иную сторону в этом конфликте, вряд ли немцы оставят нас в покое. Сильно сомневаюсь в этом.

Ночью Пип старался, как мог, успокаивая Карин. В ее глазах снова появился уже знакомый ему по Лейпцигу страх.

— Прошу тебя, успокойся, дорогая, — уговаривал он жену, которая нервно расхаживала по кухне, инстинктивно прижимая к груди извивающегося Феликса, будто нацисты вот-вот ворвутся к ним в дом и вырвут сына из ее рук. — Разве ты забыла? Ты — крещеная

лютеранка, и твоя фамилия — Халворсен. Предположим, нацисты захватят Норвегию, что маловероятно, но пусть так. И откуда им знать, что ты еврейка?

— Ах, Пип! Замолчи, ради бога! Ты такой наивный! Да одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять, кто я есть на самом деле. Немного покопаются в наших документах, и правда тут же всплывет наружу. Или ты уже забыл, как скрупулезно они ведут свои досье? Да их ничто не остановит, чтобы выяснить все до конца. А теперь подумай о нашем сыне. Он ведь тоже наполовину еврей! Что, если его схватят вместе со мной?

— Пока я не вижу, каким образом они могут это раскопать. И потом, будем надеяться, что они сюда вообще не придут, — возразил жене Пип, намеренно отгоняя от себя все те соображения, которыми поделился с ним сегодня отец. — Я уже слышал от нескольких человек, что евреи со всей Европы сплошным потоком устремляются через Швецию к нам, в Норвегию, *спасаясь* от преследований нацистов. Выходит, они считают Норвегию безопасным приютом. Такая тихая гавань, в которой можно отсидеться. Тогда чего боишься ты?

— Все эти люди могут ошибаться, Пип... Они могут ошибаться.

Карин подавила вздох и безвольно опустилась на стул.

— Неужели это чувство страха будет преследовать меня постоянно?

— Клянусь тебе, Карин. Я сделаю все возможное, чтобы защитить тебя и Феликса. Любой ценой! Обещаю тебе, любовь моя.

Карин подняла глаза на мужа. В них застыли обреченность и недоверие.

— Знаю, дорогой. Твои намерения — самые благородные, и я благодарю тебя за твою решимость. Но, к превеликому сожалению, едва ли тебе удастся спасти меня на сей раз.

Обстановка в Бергене напомнила Пипу те дни в Лейпциге, когда фашистские молодчики разрушили до основания статую Мендельсона. Весь следующий месяц город прожил в напряженном ожидании того, что будет дальше. Кажется, мало-помалу все в Норвегии начали осознавать масштаб случившейся катастрофы, соответственно реагируя на недавние события. Хотя король Норвегии Хокон и премьер-министр Йохан Нигаардсвольд старались, как могли,

успокаивая своих подданных и сограждан, заверяя их, что Германия не испытывает никакого интереса к такому крохотному клочку земли, как Норвегия. А потому оснований для паники нет, твердили они, словно заклинание, но при этом была объявлена мобилизация армии и флота. Да и другие меры тоже предпринимались, чтобы хоть как-то обезопасить население в случае, если все же произойдет самое худшее.

Между тем Пип, направляемый опытной и умелой рукой Харальда Хейде, все свободное время занимался оркестровкой своего концерта. Накануне Рождества Хейде очень обрадовал молодого композитора, сообщив, что его «Героический концерт» запланирован для исполнения в весеннем репертуаре оркестра. Само собой, и эту приятную новость Пип, вернувшись домой после очередного концерта, отметил вместе с Карин рюмкой водки.

— Мое первое исполнение будет посвящено тебе, любовь моя, — расчувствовался Пип, приняв на грудь внушительную порцию тминной водки.

— А я в это время буду сидеть в зале, лично присутствовать при рождении твоего шедевра. Ты же присутствовал, когда я рожала свой шедевр! — воскликнула Карин, тоже изрядно охмелевшая, падая в объятия мужа. На сей раз они занялись любовью с размахом, не стесняя себя ни в чем. Благо можно было шуметь сколько душе угодно, потому что сын остался на ночь у дедушки с бабушкой.

41

Дождливым мартовским утром 1940 года Пип, сидя за завтраком напротив жены, увидел, как вдруг нахмурилось лицо Карин, погруженной в чтение письма от родителей.

— Какие новости, любовь моя? — поинтересовался он у нее.

Карин оторвалась от чтения и подняла глаза на мужа.

— Мои родители пишут, чтобы мы немедленно выехали в Америку. Они уверены, что в своей борьбе за мировое господство Гитлер не остановится ни перед чем. Вначале завоюет всю Европу, а потом двинется дальше. Родители даже выслали мне денег, сколько смогли. Чтобы оплатить дорогу. Вот! — Карин помахала банкнотами перед глазами Пипа. — Если мы продадим пианино, то тогда денег

точно должно хватить на всех нас. Они говорят, что Франция и даже Норвегия на очереди. Скоро немцы вторгнутся в пределы этих стран.

До премьеры концерта Пипа, запланированной на 14 апреля на специальном воскресном концерте в Национальном театре Бергена, оставались считанные недели. Пип стойко выдержал взгляд жены.

— Прости, дорогая, но как могут твои родители, находясь за тысячи миль от Европы, знать и судить о том, что творится здесь?

— Могут. Ведь они наблюдают за ситуацией извне, находясь в нейтральной стране. А мы все тут, внутри, варимся в этом котле, да еще и обманываем сами себя, пытаюсь найти в этом самообмане хоть какое-то утешение. Пип, я согласна с родителями. Я тоже считаю, что нам пора уезжать. Самое время! — набросилась она на мужа.

— Дорогая, ты не хуже меня понимаешь, что наше будущее, будущее всей нашей семьи сейчас всецело зависит от того, насколько успешной будет премьеры моего концерта. Так как же я могу стронуться с места и прямо сейчас отправляться на другой конец света? Зачем? С какой стати?

— С такой стати, чтобы обезопасить жизни жены и сына, я полагаю.

— Карин, пожалуйста! Не говори так! Не надо... Я делаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя, и буду делать это и впредь. Если мы действительно хотим иметь какое-то будущее в Америке, то для этого я вначале должен приобрести репутацию здесь, у себя на родине. Имя, которое будет идти впереди меня. А так что? Еще один потенциальный композитор ступит на землю Соединенных Штатов, только и всего. Да еще представитель страны, о которой большинство американцев и не слышали даже. Сомневаюсь, что в Нью-Йоркском филармоническом оркестре меня встретят с распростертыми объятиями. Да и в любом другом оркестре тоже. Кто я для них? Какой-то мальчишка на побегушках, и только.

Внезапно в глазах Карин полыхнул гнев.

— Так все же что тебя волнует больше? Деньги? Или собственное «я»?

— Пожалуйста, смени покровительственный тон, а свои поучения оставь при себе, — холодно парировал Пип, поднимаясь из-за стола. — В конце концов, я — твой муж, отец нашего сына. И мне

решать все и вся в этом доме. Через двадцать минут у меня встреча с Харальдом Хейде. А с тобой мы поговорим позже.

Пип вышел из дома, крайне раздосадованный размолвкой с женой. Он был по-настоящему зол на Карин. Жена, думал он, действительно порой переходит всякую грань, требуя от него невозможного. Что она там себе напридумывала? Он постоянно отслеживает все новости по газетам, он в курсе того, о чем говорят люди вокруг, в том числе и его коллеги по оркестру. У них в коллективе два еврея, но никто из них не собирается никуда бежать. Так что оснований для паники нет. Как нет и никаких доказательств того, что Гитлер вынашивает планы в скором времени напасть на Норвегию. А родители Карин, они просто перестраховщики, размышлял Пип, шагая по тротуару. Или даже откровенные паникеры... Как они могут требовать уехать из страны немедленно, когда до премьеры осталось всего лишь три недели? Сущее безумие.

Нет, думал он, чувствуя, как в нем снова нарастает волна раздражения, на сей раз он заставит жену прислушаться к его мнению. Покажет наконец Карин, кто в их доме хозяин.

* * *

— Будь по-твоему, — равнодушно пожала плечами Карин, когда вечером Пип сообщил ей свое окончательное решение. Они остаются в Бергене вплоть до премьеры его концерта. — Если ты полагаешь, что твои жена и сын здесь в полной безопасности, что ж, я тебе верю. Ибо у меня нет другого выбора.

— Да, я так полагаю! Во всяком случае, пока здесь безопасно. А там посмотрим, что и как будет.

Пип проследил глазами, как Карин поднялась со стула после того, как, с трудом сдерживая себя, выслушала все обвинения, которые обрушил муж на ее родителей и на нее саму за потакание своим глупым предчувствиям.

— Но, если ты все же хочешь уехать немедленно, я не могу запретить тебе этого. Поступай как знаешь, — примирительно добавил Пип.

— Ты ясно дал мне понять, что ты — мой муж, а посему я должна подчиняться твоим решениям. Конечно же, мы с Феликсом останемся в Бергене, вместе с тобой. В этом доме. — Карин повернулась к мужу спиной и направилась к дверям. Возле самой двери она остановилась и немного помолчала. Потом снова развернулась к нему лицом. — Молю Бога, Пип, чтобы ты оказался прав. И да поможет нам Господь в противном случае.

* * *

За пять дней до премьеры концерта Пипа немецкая военная машина обрушилась на Норвегию. Страна, чей торговый флот был почти полностью сосредоточен в проливе Ла-Манш, где норвежцы помогали англичанам в организации блокады, способной обезопасить их от вторжения германских полчищ на территорию Британских островов, оказалась застигнутой врасплох. Норвежцы, несмотря на то, что и армия, и флот вплоть до последнего оставались неуккомплектованными, отчаянно защищали порты Осло, Бергена и Трондхейма. Им даже удалось потопить один немецкий корабль с оружием и боеприпасами в Осло-фьорде. Но территорию Норвегии одновременно атаковали с моря, с неба и с суши. Непрерывные бомбардировки сделали свое дело.

Когда началась осада Бергена, Пип с женой и сыном перебрался из центра города в горы, к своим родителям, в их имение Фроскехасет. Все обитатели дома оцепенело молчали, прислушиваясь к незатихающему гулу немецких самолетов в небе, перемежающемуся ответными артиллерийскими залпами с земли.

Пип не смел взглянуть жене в глаза. Он прекрасно знал, что именно прочитает во взгляде Карин. Молча они укладывались в постель и лежали рядом, словно два чужих человека. Наконец, когда молчание стало невыносимым, Пип нашел в темноте руку Карин.

— Карин, — начал он, уставившись в ночной мрак. — Сможешь ли ты простить меня когда-нибудь?

Последовала долгая пауза. Наконец Карин ответила:

— Но я же должна простить тебя. Ты — мой муж, и я люблю тебя.

— Клянусь тебе, что даже после того, что случилось, нам нечего бояться. Все говорят, что жителям Норвегии ничего не угрожает. Нацисты вторглись в наши пределы только за тем, чтобы защитить и обезопасить свои поставки железной руды из Швеции. Им нет дела ни до тебя, ни до меня.

— Нет, Пип, — устало вздохнула в ответ Карин. — Им всегда есть дело *до нас*.

* * *

В ближайшие пару дней немецкие оккупационные власти постарались успокоить жителей Бергена. Сказали, что рядовым гражданам нечего опасаться и в скором времени их жизнь вернется в привычное русло. Здание городской ратуши украсилось свастикой, улицы города заполнили военные в нацистской униформе. В ходе боев за город центр Бергена был сильно разрушен. Все концерты были отменены на неопределенное время.

Пип пребывал в отчаянии. Мысль о том, что он подверг жизни жены и маленького сына смертельной опасности, и ради чего? — ради премьеры концерта, которая так никогда и не состоится, эта мысль изводила его денно и нощно. Он уходил из дома и часами бродил по лесу. Потом усаживался на какое-нибудь поваленное дерево и, обхватив голову руками, заливался слезами. Впервые в своей взрослой жизни он плакал, и то были слезы стыда и ужаса.

В один из вечеров их навестили Элле и Бо. Вместе с обитателями Фроскехасет они обсудили сложившуюся ситуацию.

— Я слышала, что король покинул Осло, — сказала Элле Карин. — Говорят, он скрывается где-то на севере. Мы с Бо тоже уезжаем.

— Как? Когда? — воскликнула Карин.

— У Бо есть один приятель, рыбак. Работает в порту. Он пообещал нас и еще нескольких желающих перебросить в Шотландию. Не хочешь отправиться вместе с нами?

Карин украдкой глянула на мужа. Пип был всецело поглощен разговором с отцом.

— Сомневаюсь, чтобы мой муж согласился сдвинуться с места. А разве нам с Феликсом здесь что-то угрожает? Элле, пожалуйста, скажи мне правду. А что по этому поводу думает Бо?

— Никто из нас ничего толком не знает, Карин. Даже если мы доберемся до Великобритании, это еще не гарантия нашей безопасности. Немецкая армия может высадиться на островах и завоевать англичан. Эта война расплзается по всей Европе, словно чума. Что же до тебя, то ты замужем за норвежцем, ты лютеранка. Ты кому-нибудь здесь говорила о своем истинном происхождении, о том, что ты еврейка?

— Нет, никому! Только свекру и свекрови.

— Тогда, наверное, тебе все же лучше остаться здесь, рядом с мужем. Ты носишь его фамилию, семья в Бергене известная, я бы даже сказала, знаменитая. И это тоже послужит тебе защитой. У нас с Бо несколько другая ситуация. Нам не за кого спрятаться. Нам остается лишь благодарить Пипа и его родителей за то, что они тогда приютили нас, помогли спастись от погромов. Ведь если бы мы остались тогда в Германии, то... — Элле содрогнулась всем телом. — Мне уже рассказывали обо всех этих лагерях для евреев. Они хватают посреди ночи целые семьи, вывозят людей из домов, и те исчезают бесследно.

Карин тоже была наслышана обо всех этих ужасах.

— Когда вы уезжаете?

— Не скажу. Так будет лучше и для тебя. Как в той пословице, меньше знаешь, крепче спишь... Вдруг и здесь все пойдет плохо. И пожалуйста, Пипу ни слова. И его родителям тоже.

— Значит, скоро?

— Да. И вот еще что, Карин. — Элле схватила подругу за руку. — Нам лучше попрощаться прямо сейчас. Будем надеяться и молиться, чтобы когда-нибудь встретиться снова.

Женщины молча обнялись, в глазах у обеих блеснули слезы. Они взяли за руки в знак немой солидарности друг с другом.

— Мой дом будет всегда открыт для тебя, Элле, — прошептала Карин. — Буду ждать от тебя весточки из Шотландии.

— Обещаю, я обязательно напишу тебе. И помни, твой муж — хороший и добрый человек, хотя и ошибся в своих суждениях. Но это и не удивительно. У евреев ведь особый нюх на такие вещи. Они могут предвидеть. Другие всего этого просто не видят и не замечают. Так что

прости его, Карин. Он просто не в состоянии понять, что это такое — жить в постоянном страхе.

— Я постараюсь простить его, — ответила Карин.

— Вот и хорошо. — Легкая улыбка скользнула по устах Элле. Она поднялась с дивана и слегка махнула рукой Бо, давая понять, что им пора уходить.

Карин неотрывно смотрела вслед друзьям. Она знала наверняка, чувствовала всем сердцем и душой, что больше они никогда не свидятся.

* * *

Через два дня Карин и Пип отважились спуститься с гор и вернуться к себе домой. Над городом висел дым, пахло гарью от пожарищ. Многие дома вдоль набережной бухты были разрушены огнем артиллерии и в ходе авианалетов.

Картографическая мастерская, в которой трудился Бо, тоже сгорела дотла.

Они оба застыли в немом ужасе, взирая на дымящиеся обломки того, что недавно было домом.

— Неужели они в это время были внутри? — с трудом вымолвил Пип, давась каждым словом.

— Не знаю, — тихо ответила Карин, помня о том обещании, которое она дала Элле. — Вполне возможно.

— О господи! — Пип рухнул на колени и разрыдался. Но в этот момент Карин заметила вдалеке взвод немецких солдат, марширующих по дороге.

— Поднимайся с колен! — рявкнула она на мужа. — *Сию же минуту!*

Пип послушно поднялся с земли, и оба они почтительно склонили головы, когда солдаты поравнялись с ними, очень надеясь на то, что со стороны они смотрятся как обычная влюбленная парочка, и только.

* * *

Утром в тот день, на который когда-то планировалась премьера его «Героического концерта», Пип, проснувшись, не обнаружил Карин в спальне. Феликс еще безмятежно спал в своей кровати, примостившейся у них в ногах. Пип быстро оделся и спустился вниз. Зашел на кухню и увидел на столе записку.

«Ушла за хлебом и молоком. Скоро вернусь».

Пип ринулся к дверям, выскочил на крыльцо, потом выбежал на улицу в поисках жены. Какого лешего она потащилась в город одна, лихорадочно соображал он. Вдали явственно слышались звуки канонады и отрывистые хлопки случайных автоматных очередей. Разрозненные отряды норвежской армии все еще пытались противостоять врагу, сражаясь до последнего. Хотя уже никто более не питал никаких иллюзий, все понимали, кто выйдет победителем из этой схватки.

Улицы словно вымерли. Вокруг ни души. Даже не у кого спросить, куда именно могла податься его жена. Пип быстро вернулся домой и пошел будить сынишку. Феликс, которому недавно исполнилось семнадцать месяцев, самостоятельно выбрался из кровати и, забавно ковыляя, зашагал по лестнице вниз, держась за руку отца. Внезапно совсем рядом раздался громкий взрыв.

— Бум-бум! — повторил малыш, весело улыбаясь. — А где мама? Ням-ням!

— Мама скоро вернется. Пойдем-ка поищем на кухне, чем тебя можно покормить.

Открыв буфет, в котором Карин хранила еду, Пип понял, почему жена ни свет ни заря бросилась на поиски продуктов. В буфете было хоть шаром покати. Пип заметил две пустые бутылки из-под молока, стоявшие в раковине. С превеликим трудом он отыскал корочку хлеба, оставшуюся после вчерашнего ужина, и тотчас же отдал ее Феликсу. Авось перетерпит и не станет плакать до возвращения Карин. Потом усадил сынишку к себе на колени и начал читать ему сказку, стараясь сконцентрироваться на чем-то другом, кроме леденящего страха внутри себя.

Прошло два часа, но Карин так и не появилась. В отчаянии Пип постучался к соседям. Соседка успокоила его, сказала, что в городе уже начались перебои с продуктами и что она сама вчера отстояла в очереди за буханкой хлеба больше часа.

— Не переживайте, ваша жена скоро вернется, — обнадеживающе попрощалась она с ним. — Скорее всего, ей просто пришлось уйти подальше от дома, чтобы отыскать хоть что-то из съестного.

Пип вернулся к себе, понимая, что больше не в силах томиться затянувшимся ожиданием. Он торопливо передел Феликса и, крепко держа его за руку, вышел вместе с сыном из дома. Клубы ядовитого дыма от очередного налета немецкой авиации все еще стелились над акваторией бухты. Слышались редкие автоматные очереди. Улицы были по-прежнему пусты, хотя шел уже двенадцатый час. Пип увидел, что окна в булочной, где они обычно покупали хлеб, плотно закрыты ставнями. Та же картина с бакалейной лавкой и с магазинчиком, торгующим рыбой. Все магазины вдоль Театральной площади словно вымерли. Сзади послышался тяжелый топот сапог. Военный патруль. Пип завернул за угол и увидел, что солдаты маршируют по направлению к нему.

— Солдат! — радостно выкрикнул сынишка, еще не понимая, какую угрозу таят в себе эти марширующие люди.

— Да, солдат, — машинально подтвердил Пип, ибо все его мысли были сейчас заняты исключительно Карин. Куда она могла подеваться? Может, подалась на Васкерелвен? Эта улица расположена прямо за театром, и там тьма всяких разных маленьких магазинчиков. Карин часто просила его заглянуть в один из них по пути на работу или с работы, если в доме не хватало чего-то из провизии.

Пип направился в сторону театра, подошел совсем близко и лишь тогда поднял глаза вверх. Его взору предстало страшное зрелище. Фасад театра был полностью разрушен. Пип задохнулся от охватившего его ужаса. И тут же мелькнула другая, не менее страшная мысль. Нотные рукописи своего концерта, в частности, ноты партии для фортепьяно он держал у родителей во Фроскехасет. Зато вся оркестровка хранилась под замком в самом театре, а ключ от сейфа находился в администрации театра.

— Господи, — пробормотал он в смятении. — Наверняка все бумаги погибли... уничтожены...

Он отвел глаза в сторону, чтобы не напугать малыша своим отчаянием, и зашагал мимо театра, стараясь не думать о тех людях, которые на момент бомбежки могли находиться в самом здании.

— Папа, а почему они спят? — Феликс указал пальчиком на небольшую площадку в нескольких ярдах от них. И лишь тогда Пип увидел тела людей. Наверное, человек десять, может, больше. Они валялись на земле, словно тряпичные куклы, выброшенные на свалку. Несколько человек в военной форме норвежской армии, остальные — обычные горожане, мужчины, женщины, совсем маленький мальчик. Наверняка здесь была перестрелка, и все эти несчастные попали под перекрестный огонь.

Пип попытался оттащить сынишку от площади. Но Феликс словно к земле прирос. Стоял как вкопанный и тыкал пальчиком в одно из тел.

— Папа, пойдём разбудим маму.

*Берген, Норвегия
Сентябрь 2007 года*

«Смерть Озе»

Эдвард Григ

Слезы жгли мне глаза. Том, который нервно расхаживал по комнате, пока рассказывал мне эту печальную историю, закончив свой рассказ, устало рухнул на стул.

— Боже! Том! У меня просто нет слов... Какой ужас! — прошептала я наконец.

— Да, душераздирающая история. Трудно поверить в то, что все это случилось сравнительно недавно, каких-то два поколения тому назад. И где? Здесь, в Бергене, который показался вам таким тихим и безопасным уголком, затерянным на краю земли.

— Не могу себе представить, как Пип выжил после гибели Карин. Ведь он наверняка винил в ее смерти только себя.

— Алли, я... То есть я хочу сказать, что он и не выжил...

— Что вы имеете в виду?

— Пип после того, как обнаружил тело Карин среди убитых на площади, отвез Феликса к своим родителям. Потом сказал Хорсту и Астрид, что пойдет прогуляется по лесу, что ему, дескать, надо побыть одному, чтобы все обдумать. Но наступила ночь, а Пип все не возвращался. Тогда Хорст отправился на его поиски. И нашел его тело

в лесу неподалеку от дома. Пип застрелился из охотничьего ружья Хорста. Нашел ружье в сарае под навесом и покончил жизнь самоубийством.

На какое-то мгновение я лишилась дара речи, столь велико было мое потрясение от того, что сообщил Том.

— Боже мой! — снова повторила я. — Бедный Феликс... Бедный мальчик...

— О, не переживайте вы так сильно, — резко оборвал меня Том. — С ним-то как раз все оказалось в полном порядке. Он на тот момент был еще слишком мал, чтобы понять все, что случилось. Разумеется, Хорст и Астрид забрали мальчика к себе.

— Но потерять обоих родителей в один день... Остаться круглой сиротой...

Я взглянула на лицо Тома и поняла, что мне лучше заткнуться.

— Простите меня, Алли, — повинился Том, видно, почувствовав, что перегнул палку по части жесткости. — Однако в жизни Феликса случались и более тяжкие моменты, как мне кажется. Хорст и Астрид никогда не рассказывали ему, при каких обстоятельствах погиб его отец. Но нашелся один умник в Филармоническом оркестре Бергена, который решил пролить юноше свет на эту давнюю историю. Собственно, он был абсолютно уверен в том, что Феликс все знает.

— Ужас! — Я снова невольно содрогнулась.

— Ему тогда было двадцать два года, и он только-только приступил к работе в оркестре. Я часто думаю, уж не это ли заставило его так резко перемениться впоследствии. Он действительно полностью слетел с катушек, утратил всяческие жизненные ориентиры, начал пить и...

Том оборвал себя на полуслове.

— Вполне возможно, вы правы, — осторожно ответила я. Хотя на самом деле мне хотелось сказать ему другое. «А ты как думаешь? Узнать такое о своем отце. Да тут любой может слететь с катушек...» Но я воздержалась от развернутых комментариев.

Внезапно Том подхватился со своего места и глянул на часы.

— Нам пора, Алли. Или мы опоздаем на прием к врачу.

Мы поспешно вышли из дома, уселись в машину, и Том на полной скорости погнал в центр Бергена. Подъехав к приемному покою, он круто развернул машину и остановился прямо у входа.

— Ступайте! А я присоединюсь к вам, когда припаркуюсь.

— Право же, Том, в этом нет нужды. Я управлюсь сама.

— Нет-нет! Я подойду. Обязательно. Знаете, в Норвегии далеко не все владеют английским или французским. Мало ли что... Удачи вам. — Он улыбнулся и поехал в сторону парковки.

Меня пригласили к врачу немедленно. Принимала женщина. Ее английский был далек от совершенства, но в целом она прекрасно поняла все то, что я попыталась объяснить ей. Она задала мне множество вопросов, потом тщательно ощупала мой таз.

Когда я поднялась с кушетки, врач сказала, что хочет взглянуть на мои анализы крови и мочи.

— Как вы думаете, что со мной может быть не так? — поинтересовалась я, заметно нервничая.

— Когда у вас в последний раз были месячные, мисс...э... Деплеси?

— Я... — растерялась я от неожиданности, потому что начисто забыла об этом. — Я... не уверена.

— Есть ли вероятность того, что вы просто беременны?

— Я... я не знаю, — проговорила я, запинаясь, не в состоянии уразуметь всю грандиозность того события, о котором она меня только что оповестила.

— Что ж, сейчас мы проведем анализ крови, чтобы исключить все другие возможные варианты. Однако ваша матка существенно увеличена. Вполне вероятно, причина ваших недомоганий лежит на поверхности. Такое состояние типично для первых нескольких недель беременности. На глаз я бы поставила вам срок два с половиной месяца.

— Но я сильно похудела за это время, — возразила я доктору. — Разве такое может быть?

— Некоторые женщины на ранних стадиях беременности действительно теряют в весе из-за постоянных приступов тошноты. Но есть и хорошая новость. После первых трех месяцев эти приступы ослабевают, а потом и вовсе прекращаются. Очень скоро вы почувствуете себя гораздо лучше.

— Хорошо. И... спасибо вам.

Я поднялась со стула, чувствуя, как у меня перехватило дыхание, а по телу разлилась мгновенная слабость. Врач вручила мне пробирку

для анализа мочи, потом сопровождала в ванную комнату и перепоручила меня заботам медсестры, взявшей анализ крови. После чего я уже самостоятельно нашла ближайшую уборную и сделала все то, что надлежало сделать, а потом осталась ждать в приемной результатов анализов, вспотев от волнения и напряженно пытаюсь вспомнить, когда же у меня в последний раз была менструация.

— О господи! — выкрикнула я, обращаясь к голым стенам, ответившим мне гулким эхом, потому что наконец вспомнила. Сие событие случилось в моей жизни как раз накануне того, как я присоединилась к экипажу Тео, чтобы принять участие в гонках Киклады. То есть в июне месяце...

Сколько раз я слышала, как женщины признавались в том, что не знали, что они «залетели». И всякий раз смеялась, слушая эти сказки. В самом деле, как это не догадаться, что ты беременна, если у тебя вдруг прекращаются менструации? Неужели о таком можно забыть? Оказывается, очень даже можно. И я как раз из числа таких женщин. Впрочем, за последние несколько недель в моей жизни случилось столько всякого, что я попросту не обратила внимания на сбой в менструальном цикле.

«Но как? Каким образом?» — размышляла я, пока медсестра, делавшая мне анализ крови, закатывала рукав моего джемпера, перехватывала эластичным жгутом руку чуть выше локтевого сустава, чтобы четко обозначить вену. Ведь я всегда соблюдала величайшую осторожность. Регулярно пила противозачаточные таблетки. Разве в ту ночь на острове Наксос, когда мне было так плохо и я вся изрыгалась в присутствии Тео, я забыла сделать это? А он был так заботлив, так внимателен... Но от одной заботы ведь не беременеют. Неужели таблетки не подействовали? Или я просто забыла их выпить в тот страшный день, когда узнала о смерти папы?

Вернувшись снова в приемный покой, я вручила медсестре пробирку с мочой. Мне сказали, что результаты анализов будут готовы завтра во второй половине дня. Но прежде чем приехать за ними, нужно будет предварительно позвонить.

— Спасибо, — поблагодарила я дежурную, повернулась и увидела рядом с собой Тома.

— Все в порядке, Алли?

— Думаю, да.

— Вот и отлично.

Я молча проследовала за Томом к его машине и так же молча просидела всю дорогу, пока он вез меня в отель.

— Но вы уверены, что все хорошо? Что сказал доктор?

— Скорее всего, последствия того стресса, который я недавно пережила... Сдала кое-какие анализы, — уклончиво ответила я. Внутренне я еще не была готова вдаваться во все подробности того, что случилось со мной за последние пятнадцать минут и что может круто изменить всю мою дальнейшую жизнь. Прежде всего нужно свыкнуться с этим известием самой.

— Завтра у меня выступление с оркестром на утреннем концерте в Мемориальном музее Грига. По дороге я обязательно заскочу к вам, чтобы посмотреть, как вы себя чувствуете после всех передряг сегодняшнего дня. Часов в двенадцать, если не возражаете...

— Да, конечно... Буду только рада. И спасибо вам, Том, за все.

— Да не за что меня благодарить! Напротив! Мне жаль, что я так расстроил вас своими семейными историями. Звоните мне, если что, ладно? — бросил он на прощание, когда я уже выбиралась из его машины. Я глянула на него и увидела, что выражение лица у него крайне озабоченное.

— Обязательно позвоню. Всего доброго.

Какое-то время я слонялась на входе в отель, поджидая, пока машина Тома скроется из виду. Мне нужно знать наверняка, беременна я или нет. По пути в отель я разглядела из окна машины аптеку, буквально в двух шагах отсюда. Я пробежала несколько сот метров в гору и явилась туда, запыхавшись, но как раз вовремя, потому что они уже закрывались. Купила все, что мне было нужно, и уже размеренным шагом направилась назад, в отель.

Сразу же прошла в ванную комнату, внимательно прочитала инструкцию, сделала все, как она предписывала, и решила подождать ровно две минуты, как требовалось.

Но не выдержала и глянула на полоску еще раньше. Она стала безошибочно голубого цвета. Беременна!

Вечером меня распирали самые разнообразные эмоции. Конечно, облегчение от того, что со мной не происходит ничего серьезного. Я не больна. Я всего лишь беременна. Но тут же на меня со всех сторон навалились новые страхи. А как я справлюсь со всем, что ждет меня

вперед? Одна? А вдруг с моим телом, которое мне никак не подчиняется, случится что-то непредвиденное? Но одновременно из самых дальних глубин моего естества вдруг постепенно стала подниматься неожиданная волна радости.

Я ношу под сердцем ребенка Тео. Какая-то часть его продолжает жить... Более того, она живет во мне. И эта крохотная частица будет расти и крепнуть с каждым днем. Какое волшебство! Какое чудо! Несмотря на все свои страхи, я залилась слезами радости, лишней раз поражаясь тому, как неисповедима жизнь и какие неожиданные ходы она придумывает, чтобы восстановить себя во всей своей полноте.

Первоначальный шок миновал. Я поднялась с места и стала прохаживаться по комнате. Я больше не чувствовала себя слабой, полусонной, напуганной всеми теми напастьями, которые сыпались на меня со всех сторон. Меня буквально распирало от той энергии, которая подпитывала меня изнутри. Словом, нравится мне это или не нравится, но оно случилось, и теперь мне надо хорошенько подумать о том, что делать дальше. Какой дом я приготовлю своему ребенку? И где? К счастью, деньги в моем случае не главное. Да и помогут мне со всех сторон, стоит лишь обратиться за помощью. Ма в Женеве, Селия в Лондоне. Плюс еще пять сестер, которые наверняка тут же превратятся в любящих и заботливых тетушек. Да уж, расти мой ребенок, судя по всему, будет в не совсем типичных условиях, но уже сегодня я готова поклясться в том, что сделаю все от себя зависящее, чтобы стать ему и матерью, и отцом. Плод моей с Тео любви получит все, я постараюсь.

Вечером, уже укладываясь в постель, меня вдруг осенило, что с того самого момента, как я узнала, что беременна, я ни разу не пожалела о том, что это случилось. Такая крамольная мысль даже не пришла мне в голову.

* * *

— Привет, Алли! — Том по-дружески расцеловал меня в обе щеки, когда на следующий день встретил в вестибюле гостиницы. — Сегодня вы выглядите гораздо лучше. А вчера вечером я сильно переживал за вас.

— Да, сегодня, думаю, мне получше, — согласилась я и натянуто улыбнулась. Одновременно меня просто распирало от желания поделиться хоть с кем-то своей сногшибательной новостью, а потому я выпалила, не задумываясь: — Судя по всему, я беременна, именно поэтому меня так мутит все последнее время.

— Я... Вау! Какая потрясающая новость! Вы рады? — поинтересовался Том, словно прощупывая мою реакцию на это событие.

— Да, думаю, я рада, Том. Хотя, конечно, поначалу это стало для меня шоком... Так неожиданно... И без отца... Но я счастлива. Безмерно счастлива!

— Я тоже счастлив за вас.

Я знала, что Том в это самое время рассматривает меня испытующим взглядом. Уж не бравирую ли я? А потому я поспешила тут же успокоить его:

— Честное слово, со мной все в полном порядке... И даже лучше.

— Отлично! Тогда еще раз примите мои поздравления.

— Спасибо. Большое спасибо.

— Сообщили уже кому-нибудь свою новость?

— Пока нет. Вы — первый.

— О, для меня это огромная честь, — обронил Том, когда мы вместе вышли из отеля и направились к его машине. — Хотя сейчас я подумал, а приемлемо ли будет для вас все то, что я запланировал на сегодняшний вечер, точнее, на вторую половину дня? С учетом вашего нового, так сказать, деликатного положения.

— А что именно вы запланировали?

— Я тут подумал, что мы с вами можем навестить Феликса, послушать, что он расскажет. Но поскольку встреча явно будет не из веселых, то, может, давайте отложим ее до другого раза?

— Зачем же откладывать? Я чувствую себя превосходно. Думаю, все последние дни я напрасно изводила себя ненужными страхами. И от этого мне становилось лишь хуже. А сейчас, когда я уже точно знаю причину своего временного недомогания, я вполне могу планировать собственное время. Так что я согласна. Едем к Феликсу, повидаемся с ним.

— Как я вам уже говорил вчера, шансы докопаться до правды в разговоре с ним ничтожно малы. Даже если он что-то и знает, он все

равно будет все категорически отрицать. Я живу у него буквально под носом, а он ведь до сих пор отказывается признавать меня своим сыном.

Мы сели в машину, и я повернулась к Тому:

— Том?

— Что?

— У меня такое чувство, что вы больше меня уверены в том, что я каким-то образом связана родственными узами с вами и с семейством Халворсен.

— Вполне возможно, так оно и есть, — согласился Том, включая двигатель. — Факт номер один: вы рассказали, что ваш отец оставил всем вам, сестрам, своеобразные подсказки, способные пролить свет на ваше прошлое. Чтобы начать поиски с того места, где все это начиналось. В вашем случае такой подсказкой стала книга моего прапрадедушки. Факт номер два. Вы — музыкант. Ну или были музыкантом в недалеком прошлом. А в наши дни уже научно доказано, что талант передается от поколения к поколению на генетическом уровне. Факт номер три. Вы давно смотрелись в зеркало?

— Почему вы спрашиваете?

— Алли, взгляните на нас обоих!

— Сейчас взгляну...

Мы сдвинули наши головы и одновременно взглянули на себя в зеркальце заднего вида.

— Да, — согласилась я после некоторой паузы. — Мы действительно очень похожи. Но если честно, то это первое, что бросилось мне в глаза, когда я приехала в Норвегию. Что я очень похожа на всех местных жителей.

— Согласен. У вас даже цвет волос и кожа такие, как у норвежцев. Но эти ямочки... Видите? У нас с вами одинаковые ямочки.

Том ткнул пальцем в ямочку на своей щеке. Я вслед за ним проделала то же самое уже на своей щеке.

Я перегнулась через тормоз и обняла Тома.

— Что ж, даже если окажется, что мы с вами не родня, все равно я приобрела здесь самого лучшего друга. Звучит немножко сентиментально, словно строчки из какого-нибудь диснеевского фильма, но меня в последнее время не оставляет чувство, будто все, что происходит в моей жизни, происходит не со мной, а в кино, —

завершила я свой монолог и рассмеялась всей абсурдности той ситуации, в которой невольно оказалась.

— Итак, — заговорил Том, вырубивая со стоянки, — повторите еще раз, что вы действительно хотите этого. И готовы навестить одного горного тролля, который может оказаться вашим биологическим отцом. Так вы готовы?

— Да, готова. Как вы его назвали? Троллем?

— О, это еще вполне безобидное ругательство в сравнении со всеми теми, которыми я обзывал его в прошлом. Не говоря уже о тех выражениях, которые звучали в речах моей матушки, когда дело касалось его.

— Как вы полагаете, нам все же надо предупредить его о своем визите? — спросила я у Тома, пока мы ехали по набережной вдоль бухты.

— Как только мы это сделаем, он тут же смоеется куда-нибудь. Так что — нет, никаких предупреждений.

— Тогда хоть расскажите еще кое-что о нем, пока мы не оказались с ним лицом к лицу.

— Рассказывать-то особо нечего. Разве что повторить еще раз, что этот человек пустил на ветер и свой талант, и свою жизнь. Бесцельно прожил все эти годы, вот и весь сказ.

— Том, не надо так. Из того, что вы рассказали мне вчера, ясно, что ребенком Феликс пережил страшную трагедию. Лишился и отца, и матери. И как! Самым ужасным образом...

— Хорошо. Хорошо, Алли. Простите за излишнюю резкость. Сказываются годы обид и полного неприятия со стороны отца. Да и мама, надо сказать, тоже приложила к этому руку. Постоянно науськивала меня на него. А если по существу, то история Феликса такова. Игре на рояле его обучил Хорст. По рассказам знавших отца в детстве, уже в возрасте семи лет он играл по памяти целые концерты. А когда ему минуло двенадцать, написал собственный концерт. И не просто написал, но и оркестровал его, — добавил Том, не отрывая взгляда от дороги. — В семнадцать отец выиграл стипендию для обучения в Париже, потом стал победителем конкурса Шопена в Варшаве. После чего его сразу же зачислили в состав оркестра. Он стал самым молодым пианистом, когда-либо работавшим в Филармоническом оркестре Бергена. А потом все стало рассыпаться.

По словам моей матери, Феликс и понятия не имел, что такое рабочая дисциплина. Постоянно опаздывал на репетиции, часто являлся на работу «под мухой», а к вечеру уже напивался вдрызг. До поры до времени с его выходками мирились, списывали все на уникальный талант. Но наконец чаша терпения переполнилась.

— Из вашего рассказа вырисовывается персонаж, очень похожий на своего прадеда, Йенса Халворсена, — задумчиво бросила я.

— Точно! Словом, в один прекрасный день его вышвырнули из оркестра за регулярные опоздания и прогулы. Хорст и Астрид тоже умыли руки, не желая больше возиться со строптивым внуком. Они попросту выставили его вон из своего дома. По всей видимости, далось им это нелегко. Ведь это то, что психотерапевты называют «трудной любовью». В результате Хорст позволил внуку поселиться в маленьком охотничьем домике, который много лет тому назад они с женой построили в лесу. Домик, скорее хижина, крайне примитивен. Никаких удобств. Феликс же существовал главным образом за счет женщин, которых очаровывал. Прыгал, словно кузнечик, от одной пассии к другой. Так, во всяком случае, говорила моя мать. Что же до его жилища, то, несмотря на то, что сейчас он провел туда воду и электричество, это все равно самая обычная хижина, разве что немного подкрашенная.

— Прямо вылитый Пер Гюнт, не больше и не меньше. И все же как ему удавалось существовать без работы?

— Стал давать частные уроки, обучал детишек, и не только детишек, игре на фортепьяно. А как иначе можно было раздобыть деньги на выпивку, потребность в которой он ощущал ежедневно? Кстати, именно так он и познакомился с моей матерью. К сожалению, за минувшие тридцать лет практически ничего не поменялось. Каким он был, таким и остался. Пропойца, раздолбай, старый повеса, никчемный человечиска, которому нет веры ни в чем.

— Как жаль, что такой незаурядный талант растрочен впустую, — вздохнула я.

— Да, это самая настоящая трагедия, если разобраться. Но такова, если вкратце, история жизни моего отца. Вот мы и приехали.

— И что он тут делает целыми днями? Один? — спросила я, наблюдая за тем, как машина взбирается все выше и выше в гору.

— Понятия не имею. По слухам, у него еще случаются время от времени какие-то ученики. Заработает денежку и тут же спускается в город, чтобы прокутить свой заработок. И вот еще что. Феликс уже стар, но своего обаяния он не растратил. Алли, предупреждаю вас, хотя этого, наверное, и не стоило бы делать, но я боюсь, что и вы тоже можете попасть под его чары.

— Не беспокойтесь за меня, Том. Я справлюсь, — усмехнулась я в ответ.

— Уверен, что справитесь. Просто я чувствую... свою ответственность за вас. Уже жалею, что втравил вас в это приключение. Может, мне пойти к нему одному? Объясню хотя бы для начала всю ситуацию...

Я поняла, что Том встревожен не на шутку, и попыталась как-то разрядить обстановку.

— Послушайте, Том. На данный момент ваш отец для меня никто. Он для меня абсолютно чужой человек. Так зачем же мы... *то есть вы*, гадаете, что и как будет? Обещаю вам, при любом исходе нашего разговора я не расстроюсь. И мне все равно, кем он мне приходится на самом деле и приходится ли вообще.

— Надеюсь, Алли, что это не совсем так. Очень на это надеюсь, — ответил Том, сбрасывая скорость. После чего припарковал машину у самого подножья горы, поросшей соснами. — Вот мы и приехали.

Я последовала за Томом по грубым, уже вросшим в землю ступенькам, которые явно вели к какому-то жилищу. Я шла и думала о том, что для Тома наше с ним предприятие гораздо болезненнее, чем для меня. В конце концов, кого бы я ни встретила наверху, у меня все же был отец, который любил и лелеял меня все детство. Зачем мне какой-то другой отец? Да я и не ищу его.

Мы взобрались на вершину, и я увидела, что ступеньки снова пошли вниз. Невдалеке сквозь просветы между деревьями виднелся небольшой деревянный домик. Сразу же почему-то вспомнился домик злой ведьмы из сказки про Гензеля и Гретель, которые ушли в лес, послушавшись своих родителей, и едва не погибли в лапах ужасной колдуньи.

Мы подошли к дверям. Том крепко сжал мою руку.

— Ну что? Готовы?

— Готова, — ответила я.

От моего взора не укрылось, как он замешкался, прежде чем постучать в дверь. Но вот Том постучал, и мы замерли на крыльце в ожидании.

— Я знаю, что он дома, — обронил Том и снова громко постучал. — Я видел его мопед внизу, у подножия горы. К сожалению, машины он себе позволить не может, даже сегодня, когда автомобили сравнительно недороги. К тому же его в свое время столько раз задерживала на дорогах полиция, что он, наверное, полагает, будто мопед — более неприметный вид транспорта. Господи, до чего же он глуп!

Наконец мы услышали шаги за дверью. Потом раздался голос, пробормотавший что-то на норвежском. Дверь распахнулась.

— Он ждет ученика, — перевел мне слова отца Том. — Решил, что это он.

На пороге возникла мужская фигура, и я уставилась в ярко-синие глаза отца Тома. Я ожидала увидеть перед собой согбенного старика с покрасневшим и распухшим от постоянной выпивки носом, с деформированным от непотребной жизни телом, но тут я точно ошиблась! Передо мной стоял босой мужчина в джинсах с большой дыркой на коленке и в майке, в которой, судя по всему, он спал уже не первую неделю. По дороге я успела прикинуть в уме, что Феликсу, должно быть, где-то под семьдесят. Однако его волосы оказались лишь едва тронуты сединой, да и на лице немного морщин, выдающих его истинный возраст. Пожалуй, встретиться он мне на улице, я бы дала ему на добрых десять лет меньше.

— Привет, Феликс. Как поживаешь? — поздоровался с ним Том.

Феликс уставился на нас в немом изумлении.

— Все хорошо. А вы что здесь делаете?

— Вот приехали тебя навестить. Давно ведь не виделись... Это Алли.

— Как я понимаю, твоя новая подружка, да? — Феликс окинул меня оценивающим взглядом. — Хорошенькая.

— Нет, Феликс. Она мне не подружка. Можно войти?

— Я... У меня давно никто не прибирался. В доме полнейший бедлам. Но, пожалуйста, проходите.

Разговор велся на норвежском, и, конечно, я не поняла ни слова из того, о чем беседовали эти двое.

— А по-английски он говорит? — прошептала я Тому, входя вслед за ним в дом. — Или на французском?

— Не знаю... Сейчас спрошу.

Том объяснил отцу мои языковые проблемы. Феликс понимающе кивнул головой и тут же перешел на французский.

— *Enchante*, мадемуазель. Очарован! Так вы живете во Франции? — поинтересовался он у меня, сопровождая нас в большую, но утопающую в полнейшем хаосе гостиную. Кругом лежали готовые вот-вот рухнуть стопки порванных книг и старых газет. Тут же стояли невымытые чашки с остатками кофе. На стульях и диване валялось кое-что из одежды.

— Нет, в Женеве, — пояснила я.

— А, Швейцария... Я бывал там однажды. Принимал участие в конкурсе пианистов. Очень... организованная страна. Так вы родом из Швейцарии? — Феликс знаком пригласил нас присаживаться.

— Да, — ответила я, осторожно сдвигая к краю старый свитер и изрядно помятую шляпу, чтобы освободить нам с Томом немного места на продавленном кожаном диване.

— Какая жалость! А я уж было подумал, что мы с вами поговорим о Париже, в котором я когда-то провел свою разгульную юность. — Феликс хрипло рассмеялся.

— Простите, что разочаровала вас. Хотя и я неплохо знаю Париж.

— Но не так, как я, мадемуазель. Уверен в этом. Но это уже совсем другая история, — весело подмигнул мне Феликс. Я даже растерялась, как отреагировать на его подмигивание. Рассмеяться? Или, наоборот, оскорбиться?

— Не сомневаюсь, — сдержанно ответила я.

— Не хотите перейти на английский? — неожиданно вмешался в наш разговор Том. — Тогда мы все трое хотя бы будем понимать, о чем ведется речь.

— Итак, что же вас привело ко мне? — спросил у меня Феликс, легко переходя на английский, как его о том и попросили.

— Если вкратце, то Алли ищет ответы на некоторые свои вопросы, — ответил вместо меня Том.

— На какие такие вопросы?

— Хочет узнать о своем настоящем происхождении.

— Что ты имеешь в виду?

— Алли удочерили еще в младенческом возрасте. Ее приемный отец умер несколько недель тому назад. Он оставил ей кое-какую информацию на тот случай, если она захочет разыскать своих настоящих родителей, — пояснил Том. — В частности, отец оставил ей в качестве подсказки книгу с биографиями Йенса и Анны Халворсен, которую написал твой прадед. Вот я и подумал, что, возможно, ты тоже сумеешь помочь ей.

Я увидела, как Феликс снова скользнул по мне взглядом. Потом он откашлялся, достал из кармана кисет с табаком, взял листок бумаги и принялся мастерить самокрутку.

— Каким же это образом я смогу помочь ей, хотелось бы мне знать?

— Ну, к примеру, мы с Алли уже установили, что мы с ней одного возраста. И вот я решил... — Том замялся. Я почувствовала, как он внутренне сопротивляется продолжению этого неудобного во всех отношениях разговора. — Я тут подумал, может быть, была какая-то женщина... возможно, твоя бывшая подруга... и что она, эта женщина, родила девочку без отца, точно так же, как в свое время родила меня мать...

При последних словах Тома Феликс громко расхохотался и закурил свою самокрутку.

— Право же, не вижу ничего смешного, Феликс, — возмутился Том.

Я осторожно тронула его за руку, пытаюсь успокоить.

— А мне показалось это смешным, — тут же оборвал свой смех Феликс. — Алли — это, как я понимаю, сокращенное от Элисон?

— Нет, мое полное имя — Альциона.

— Вот как? Одна из семи сестер созвездия Плеяд, — бросил он вскользь.

— Все верно. Меня действительно называли в честь одной из Семи сестер.

— Правда? — Феликс снова неожиданно перешел на французский язык. Не знаю, сделал ли он это намеренно, чтобы еще больше разозлить Тома, или все произошло спонтанно. — Что ж, Альциона, вынужден огорчить вас. Но ни о каких других своих отпрысках, не

считая его, я ничего не знаю. Но если вы хотите, чтобы я осчастливил визитами всех своих бывших подружек и выяснил у них, не родила ли какая-нибудь из них ребеночка тридцать лет тому назад, причем втайне от меня, что ж, я готов проделать такую работу, но только ради вас.

— Что он вам говорит? — шепотом спросил у меня Том.

— Да так, ничего существенного. Прошу вас, Феликс, — продолжила я на французском почти скороговоркой, — не вините Тома за то, что он задавал вам неудобные вопросы. Лично я заранее была уверена именно в таком исходе нашего визита к вам. Это ведь все равно что искать ветра в чистом поле. Хочу, однако, чтобы вы знали. Том — очень славный человек, и он просто пытался помочь мне, чем только можно. Знаю, что у вас с ним в прошлом были сложные отношения, но, честное слово, вы можете гордиться своим сыном. Не смею больше отнимать у вас время. — Я поднялась с дивана, чувствуя, что меня тоже уже стала изрядно раздражать его покровительственная манера общения. — Пошли, Том, — перешла я снова на английский.

Том тоже поднялся с дивана, и я прочитала в его глазах боль.

— Бог мой! Ну ты еще тот фрукт, Феликс, — обронил он, обращаясь к отцу.

— А что я такого сделал? — Феликс протестующе пожал плечами.

— Я с самого начала знал, что это пустая трата времени, — зло пробормотал Том, быстрым шагом направляясь к дверям. Мы вышли на улицу и уже хотели направиться к ступенькам, чтобы начать спуск с горы.

Внезапно я почувствовала, как кто-то тронул меня за плечо. Это был Феликс.

— Простите меня, Алли. Но ваше появление здесь стало для меня полнейшей неожиданностью. Где вы остановились?

— В отеле «Хавнеконторет», — коротко ответила я.

— Ладно! Тогда до скорого.

Я сделала вид, что не расслышала его последнюю реплику, и заторопилась вниз, догоняя Тома.

— Прошу прощения, Алли. Дурацкая была затея, — сказал он, открывая дверцу машины и усаживаясь на водительское место.

— Вовсе нет, — поспешила я хоть как-то успокоить его. — Как говорится, попытка — не пытка. Так что большое вам спасибо за эту

попытку. А сейчас не поехать ли нам напрямиком к вам домой, а? Я сварю вам чашечку бодрящего кофе.

— Согласен! — ответил он, включая двигатель, а уже в следующее мгновение рванул с места на полной скорости. Сравнительно небольшой двигатель «Рено» рычал, как разъяренный лев, а Том все жал и жал на педаль газа.

* * *

Вернувшись к себе во Фроскехасет, Том почти сразу же исчез из комнаты, видно желая побыть какое-то время в одиночестве. Я понимала, что визит к отцу разбередил его старые душевные раны. Отказ Феликса признать Тома своим законным сыном — это тот шрам на его сердце, который вряд ли когда-нибудь затянется полностью. Особенно зная, каков сам Феликс, в чем я только что могла убедиться лично. Я присела на диван и стала коротать время, просматривая рукописные ноты того концерта, который когда-то написал Йенс Халворсен-старший. Эти нотные листы небрежной стопкой лежали на столе прямо передо мной. Я рассеянно глянула на самую первую страницу. Но вдруг мое внимание привлекли крохотные циферки, написанные тоже от руки в самом нижнем правом углу листа. Пришлось поднапрячь мозги и вспомнить школьную программу. Я взяла ручку, достала свою записную книжку и стала черкать на последней странице, преобразуя римские цифры в привычные нашему глазу арабские.

— Ну, конечно же! — воскликнула я с ликованием в голосе, когда работа была завершена. И подумала: *«Вот эта новость точно должна понравиться Тому»*.

— С вами все в порядке? — поинтересовалась я у Тома, когда он наконец вынырнул откуда-то из глубин дома.

— Все нормально! — коротко ответил он, присаживаясь рядом.

— Мне жаль, Том, что наш визит к Феликсу так расстроил вас.

— А мне жаль, что я вас с ним познакомил. Ну почему я ожидал увидеть его другим человеком? Ничто и никто в этой жизни не меняются. В этом, как мне кажется, Алли, вся правда жизни.

— Наверное, вы правы, Том, — перебила я его. — Но давайте сменим тему разговора. По-моему, мне удалось раскопать кое-что очень и очень интересное.

— Что именно?

— Исходя из ваших слов, я поняла, что вы уверены в том, что этот концерт был сочинен вашим прапрадедушкой, да? Йенсом Халворсеном-старшим. — Я показала на ноты.

— Да, именно так я и считаю.

— А что, если это не так?

— Алли, но его имя значится на первом листе партитуры в рукописном варианте. — Том глянул на меня, несколько сбитый с толку моими вопросами, потом указал на фамилию композитора. — Вот! Вот это имя прямо перед вами. То есть получается, что музыка написана именно им.

— А у меня несколько иное мнение. Что, если концерт, ноты которого вы нашли у себя в доме, написан вовсе не вашим прапрадедом Йенсом Халворсеном, а вашим прадедом, тоже Йенсом, которого в семье все звали Пипом? Что, если это тот самый «Героический концерт», который он в свое время посвятил Карин, но который так никогда и не прозвучал на публике? Наверное, в свете всех тех печальных событий, о которых вы мне рассказывали вчера, Хорст после самоубийства сына отнес и спрятал ноты концерта на чердаке. Потому что после трагической гибели сына и невестки ему невыносимо было слышать обо всем, что связано с этой музыкой.

Мои слова повисли в воздухе. Я взглянула на Тома, пытаюсь понять, дошло ли до него все то, что я только что сказала.

— Продолжайте, Алли. Я слушаю.

— Вы сказали мне, что музыка концерта очень норвежская по своему стилю. Да, несомненно, это так. Но я не историк музыки, а потому не смею ничего утверждать наверняка. Однако те фрагменты, которые вы наиграли мне вчера, — они никак не вписываются в музыкальные традиции начала двадцатого века. Я слышала в этой музыке отголоски музыки Рахманинова, а также еще более заметные отсылки к музыке Стравинского. А все наиболее *значительные* произведения последнего появились лишь в двадцатые и тридцатые годы, то есть много лет спустя после смерти Йенса Халворсена-старшего.

Последовала еще одна долгая пауза. Том погрузился в размышления над моими словами.

— Вы правы, Алли, — сказал он наконец. — Собственно, из чего я исходил в своих рассуждениях? Старые нотные листы, а сколько им лет, восемьдесят, девяносто или все сто, об этом я даже не задумывался. И потом, на чердаке я обнаружил целую грудку старых нот. Наверняка все эти музыкальные сочинения принадлежали Йенсу Халворсену-старшему. Вот я и подумал, что партитура концерта тоже принадлежит ему. Ведь нигде, включая титульный лист, не указано, что это «Героический концерт», который сочинил уже его внук. Вы сами можете в этом убедиться. Впрочем, сейчас, когда я начинаю размышлять о своей находке более обстоятельно, я прихожу к выводу, что, скорее всего, вы правы.

— Вы говорили, что партитура с полной оркестровкой концерта была уничтожена после того, как в театр попала бомба и он был наполовину разрушен. А это, — я показала на нотные листы, — наверное, оригинальная рукопись концерта Пипа, а именно его фортепьянная часть. Работу над ней он завершил, судя по всему, еще до того, как решил назвать свой концерт «Героическим».

— Произведения моего прапрадедушки, и в этом вы абсолютно правы, действительно написаны в более романтическом ключе, но они во многом и более вторичны. А в этой музыке чувствуется огонь, страсть... Она в корне отличается от той музыки, которую писал Йенс Халворсен-старший. — Том изобразил на своем лице слабую улыбку. — Боже мой, Алли! Подумать только! Мы познакомились с вами, чтобы я помог вам разобраться с вашими семейными тайнами. А сейчас выходит, что это вы помогаете мне докопаться до истины в нашей семейной истории.

— Между прочим, на то, что это — истина, указывает одно неопровержимое доказательство, — ответила я, даже не скрывая собственного самодовольства.

— Какое?

— Да вот, взгляните сами! — Я указала Тому на крохотные буковки в нижнем правом углу нотного листа. А потом зачитала вслух.

— MCMXXXIX.

— А что это значит?

— Вы что, не изучали в школе латынь? — спросила я у него.

— Нет.

— А я вот изучала и потому хорошо знаю римские цифры.

— Я вижу, что это римские цифры. Но что они означают?

— Они означают год. 1939 год.

Том снова умолк, потрясенно переваривая мое сообщение. Он заговорил после затяжного молчания:

— Следовательно, это *действительно* концерт, написанный моим дедушкой.

— Судя по этой дате, да.

— Я... даже не знаю, что сказать.

— Да я и сама в полной растерянности. Особенно после всего того, о чем вы мне поведали вчера.

Мы оба замолчали.

— Бог мой, Алли, но это же совершенно невероятная находка! — воскликнул наконец Том, снова обретя дар речи. — И даже не потому, что с этой музыкой связано столько всяких переживаний, но еще и потому, что премьера концерта должна была состояться именно здесь, в Бергене, почти семьдесят лет тому назад. И исполнять этот концерт должен был наш Филармонический оркестр. Но, к сожалению, по известным вам причинам, премьера концерта так и не состоялась. Никогда.

— Да. И Пип посвятил свой концерт Карин, которая... была героиней всей его жизни.

Я больно прикусила губу, чтобы не расплакаться. Как все это созвучно, подумала я, всем тем недавним трагедиям, что случились и в моей жизни.

Карин и Пип, такие молодые, только-только начинали жить, а судьба так жестоко обошлась с ними и оборвала их жизни, можно сказать, в самом начале, на взлете. А еще я подумала о том, как же мне повезло, что я живу совсем в другое время, что я, несмотря ни на что, все еще жива. И более того, ношу под сердцем ребенка.

— Да, все так! — Видно, Том прочитал выражение моего лица и все понял правильно, потому что неожиданно крепко обнял меня и так же неожиданно перешел на «ты». — Клянусь тебе, Алли, что бы мы там ни накопили друг для друга в нашем прошлом, но лично я всегда буду рядом с тобой. Обещаю!

— Спасибо тебе, Том.

— А сейчас я отвезу тебя в отель, а потом загляну в Концертный зал Мемориального музея Грига и постараюсь отыскать там нашего дирижера Дэвида Стюарта. Я должен рассказать ему о нашей находке. Немедленно! А еще я попрошу его помочь найти человека, который смог бы заняться оркестровкой всего произведения. Как здорово было бы, если бы мы успели к концерту в честь столетия со дня смерти Эдварда Грига. «Героический концерт» моего деда должен прозвучать на этом вечере во что бы то ни стало. Верно?

— Верно, — согласилась я с Томом. — Обязательно должен прозвучать.

* * *

Том подвез меня до гостиницы, высадил и поехал дальше по своим делам. На ресепшн меня поджидало сообщение. Войдя в кабинку лифта, я открыла его и, к своему удивлению, обнаружила, что это записка от Феликса.

«Позвоните мне». А далее шел номер его мобильного телефона.

Разумеется, я не стала звонить. С какой стати? Особенно если вспомнить, сколь вызывающе, я бы даже сказала, нагло, он вел себя при нашей с ним встрече. Я приняла душ и улеглась в постель, мысленно перебирая в памяти все события минувшего дня. И уже в который раз снова подумала о том, как же мне близок Том. Как говорится, сердечная приязнь с первого же взгляда.

В отличие от меня, Том с самого детства знал, кто его родной отец. Который, впрочем, отказался признать его своим сыном. Потом я вспомнила, как, будучи подростком, долгими ночами предавалась мыслям о том, что здорово было бы отыскать своих настоящих родителей. Особенно часто такие настроения случались у меня после очередной взбучки, полученной от Ма или Па Солта. Вот родные папа и мама наверняка поняли бы меня правильно, кипела я от негодования в такие минуты.

И, уже засыпая, снова подумала о том, каким же по-настоящему счастливым было мое детство.

На следующее утро я первым делом позвонила в приемную доктора, чтобы узнать результаты своих анализов. Разумеется, результаты подтвердили мою беременность. Врач очень мило поздравила меня со столь волнующим событием.

— По возвращении в Женеву, мисс Делпеси, вы должны будете незамедлительно встать на учет в службе акушерства и гинекологии, — добавила она на прощание.

— Обязательно, — пообещала я. — И еще раз большое вам спасибо.

Я снова улеглась на кровать, попивая слабозаваренный чай. От запаха кофе меня продолжало мутить. Несмотря на общую слабость во всем теле, теперь я была спокойна, понимая, что это вполне естественное состояние организма в подобной ситуации. То есть причин для беспокойства нет. Мысленно я напомнила себе, что нужно будет обязательно заказать книгу о беременности. Собственно, на сегодняшний день я вообще весьма смутно представляла все, что с ней связано. Впрочем, а кто из женщин задумывается о беременности всерьез, пока она не наступает их?

Я всегда относилась к материнству с безразличием, ни категорических «за», ни «против». Идея обзавестись собственным ребенком казалась мне делом далекого будущего. И потом, это ведь может случиться, а может и не случиться. Правда, мы с Тео иногда заводили речь о детях, даже со смехом придумывали всякие забавные имена нашим потенциальным отпрыскам. А еще обсуждали вероятность того, как превратить загон для овец на нашем с ним острове любви в достаточно просторный дом, способный вместить в себя всех наших наследников. Мечтали о том, как эти поцелованные солнцем детки будут наслаждаться своим благословенным детством, живя среди таких красот, словно сошедших со страниц книг Джеральда Даррелла.

К сожалению, всем этим мечтам не суждено было сбыться. Однако мне стоит в ближайшее же время всерьез задуматься о том, где именно я захочу произвести на свет свое дитя. И какое место станет для него родным домом.

Зазвонил телефон на прикроватной тумбочке, и я сняла трубку. Администратор сообщила мне, что звонит мистер Халворсен. Решив, что это Том, я попросила женщину соединить меня с ним.

— *Vonjour, Алли. Ca va?*

К своему ужасу, я услышала на другом конце провода голос Феликса.

— У меня все в порядке, — довольно резко ответила я. — А у вас?

— Тоже хорошо, насколько позволяют мои старые кости. Вы сейчас сильно заняты?

— Почему спрашиваете?

На другом конце провода повисла пауза. Наконец Феликс ответил:

— Я бы хотел поговорить с вами.

— О чем, интересно бы знать?

— Это не телефонный разговор. Так позвольте спросить у вас еще раз. Когда у вас будет свободное время, чтобы встретиться со мной?

По голосу Феликса было слышно, что он собирается повести разговор о чем-то очень серьезном.

— Давайте где-то через час. Здесь, в гостинице. Устраивает?

— Отлично.

— Ладно. Тогда до встречи.

Я поджидала Феликса возле стойки администратора. Наконец он появился в вестибюле, держа в одной руке слегка помятый мотоциклетный шлем. Я поднялась со своего места, чтобы поздороваться с ним, а про себя подумала, что тут одно из двух: либо освещение в гостиничном холле не совсем удачное, либо Феликс успел состариться буквально за одну ночь. Потому что сегодня он предстал передо мною в образе стопроцентного старика, каким, в сущности, и был.

— *Vonjour*, мадемуазель, — поприветствовал он меня, изобразив на лице улыбку. — Благодарю вас за то, что соизволили уделить мне немного времени. Мы можем где-нибудь поговорить спокойно?

— Думаю, здесь есть комната отдыха для постояльцев отеля. Возможно, там.

— Прекрасно. Значит, идем туда.

Мы миновали вестибюль и вошли в совершенно пустую комнату для отдыха. Феликс тотчас же уселся, какое-то время молча разглядывал меня, потом спросил, едва заметно усмехнувшись:

— Как думаете, для порции спиртного еще не слишком рано?

— Понятия не имею, Феликс. Вам решать.

— Тогда чашечку кофе.

Я вышла из комнаты, отыскала официантку, заказала ей чашечку кофе для Феликса и стакан воды для себя. И все время не переставала думать о том, каким подавленным он сегодня выглядит. Сдулся, словно воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух. Какое-то время мы говорили обо всяких пустяках. Но вот наконец официантка принесла мой заказ, поставила наши напитки на столик и ушла восвояси. И я почему-то сразу догадалась, что дальнейший наш с Феликсом разговор будет носить сугубо конфиденциальный характер, не для посторонних ушей. Я бросила на Феликса выжидательный взгляд. Он неторопливо сделал первый глоток, и я тут же заметила, как дрожит его рука с чашкой кофе.

— Алли, вначале я хотел бы поговорить с вами о Томе. У меня сложилось впечатление, что вы с ним очень близки.

— Все верно. И это несмотря на то, что мы с Томом знакомы всего лишь несколько дней. Сама удивляюсь, как стремительно произошло наше сближение. Но между нами действительно возникла очень прочная связь.

Феликс слегка прищурился.

— Ничего удивительного. Так и должно быть. Вчера, когда вы были у меня, я подумал, что вы знаете друг друга уже много лет. Так по-родственному вы оба себя вели. Однако продолжим наш разговор... Полагаю, Том уже успел рассказать вам свою историю. О том, как я в свое время отказался признать отцовство?

— Да, рассказал.

— А вы сможете поверить мне, если я скажу, что вплоть до того самого момента, когда наконец был проведен тест ДНК, я вполне искренне полагал, что Том — не мой ребенок?

— Раз вы так говорите, то да, я поверю вам.

— И это чистая правда, Алли! — Феликс яростно кивнул головой. — Марта, мать Тома, была моей ученицей. Да, у нас с ней действительно была небольшая интрижка. Но вряд ли Том знает о том, что одновременно со мной у Марты был еще один любовник. Так сказать, постоянный ухажер. Собственно, она была даже помолвлена с этим молодым человеком, и на тот момент, когда мы с ней стали встречаться, речь уже шла об их свадьбе.

— Понятно.

— Не хочу показаться слишком самоуверенным, — продолжил свой рассказ Феликс, — но Марта влюбилась в меня, как говорится, с первого взгляда. Буквально потеряла голову от любви. Прямо наваждение какое-то... А для меня вся эта интрижка ничего не значила. Ровным счетом — ничего! То есть, говоря простым языком, мне от нее нужен был только секс, и ничего более. Впрочем, этого же я хотел и от всех других женщин. Честно признаюсь, я из той категории мужчин, которые не тяготеют к браку. И уж тем более не гожусь я в примерные отцы. Знаете, современная молодежь про таких, как я, говорит сегодня так: человек, который патологически боится брать на себя ответственность. Но, к моей чести, я всегда заранее предупреждал всех своих подружек, что я за тип такой вредоносный. Я ведь вырос в эпоху свободной любви... Великолепные шестидесятые... Их еще называют «бушующими шестидесятыми». Мое поколение росло в обстановке полной свободы, в отрицании и даже в попрании всех старых норм морали. И, сказать по правде, этот дух бунтарства сохранился во мне до сих пор. Хорошо это или плохо — другой вопрос. Но я такой, какой есть. — Феликс слегка пожал плечами.

— А что вы сказали матери Тома, когда она сообщила вам, что ждет ребенка?

— Что если она хочет ребенка, а на тот момент я был более чем уверен, что она забеременела от своего жениха, так как мы с ней переспали не более двух раз, то она должна как можно скорее сообщить эту новость жениху и немедленно выйти за молодого человека замуж. На что она мне ответила, что накануне вечером разорвала помолвку с ним, так как поняла, что она, видите ли, не любит его. И что она любит *только меня*. Вздор! Полнейший вздор! — Феликс провел ладонью по лбу, а потом закрыл ею свои глаза. — Стыдно признаваться в этом сейчас, но тогда я расхохотался ей прямо в лицо. Сказал, что она спятила, сошла с ума. Помимо того, что у нее не было никаких доказательств, что она зачала именно от меня, сама мысль о том, чтобы поселиться с ней под одной крышей и начинать разыгрывать из себя счастливого папашу, главу семейства, показалась мне в корне абсурдной. Я сам существовал тогда на сущие гроши, жил в промерзающей насквозь хижине... Скажите, ради бога, что я мог предложить женщине с ребенком, даже если бы эта женщина была мне желанна? Словом, я выставил Марту вон, полагая, что если она

поймет, что номер со мной у нее не выгорел, то тогда у нее не останется иного выбора, как вернуться к своему прежнему жениху. И конечно же, она меня не послушала. А вскоре после рождения ребенка Марта бросилась за помощью к Хорсту и Астрид. Дедушке на тот момент было уже девяносто три года, бабушке — семьдесят восемь. Марта живописала им в красках, какой я подонок и подлец, как мерзко я обошелся с ней. Мои отношения с Хорстом и Астрид были сложными и до этого, а уж после всех леденящих душу рассказов Марты они и вовсе прекратились. Навсегда. Мы с дедушкой практически не общались до самой его смерти. Может, обменялись парой слов, не более того. Хотя ребенком я обожал своего деда. Хорст был замечательным человеком. Это правда, Алли. В детстве я считал его своим героем. — Феликс бросил на меня жалобный взгляд. — Вы тоже считаете меня подонком, Алли? Как и Том, да?

— Не мне вас судить, Феликс. И не за тем я согласилась на наш разговор. Я пришла, чтобы выслушать вас и все то, что вы хотите сказать мне, — осторожно ответила я.

— Ладно. Тогда продолжим. Итак, после того, как я твердо заявил Марте, что впредь не желаю иметь дела ни с ней, ни с ее младенцем, она куда-то исчезла. Потом стала засыпать меня письмами. Сообщила, что не стала прерывать беременность, а перебралась вместе со своим приятелем куда-то на север, поближе к родителям. Будет думать, что ей делать дальше. И в каждом письме не переставала твердить, что любит меня. Я не отвечал на все эти любовные послания. Надеялся, что она правильно истолкует мое молчание и начнет выстраивать свою жизнь по-новому. Ведь она была молода и очень привлекательна. А потому я был уверен, что у нее не возникнет проблем по части устройства личной жизни. Что она с легкостью найдет себе человека, который даст ей все, что надо. А потом... в один прекрасный день... я получаю письмо от нее с вложенной в конверт фотографией... Сразу после родов... Я...

Феликс замолчал и как-то странно глянул на меня. Но вот он заговорил снова:

— Следующие пару месяцев я не имел от нее никаких вестей. А потом вдруг встретил ее в Бергене. Она шла по улице, толкая перед собой коляску. Конечно, я повел себя как законченный подлец и негодяй. — Феликс слегка скривился. — Словом, я спрятался от нее. А

потом попросил одного своего приятеля узнать, где она сейчас обитает. От него-то я и узнал, что мои дедушка и бабушка приютили Марту у себя, так как ей некуда было больше податься. Тот дружок, с которым она какое-то время сожительствовала, выставил ее в конце концов вон. Наверное, Том рассказывал вам, что его мать страдала от затяжных приступов депрессии. Вполне возможно, это была так называемая послеродовая депрессия.

— А как вы отнеслись к тому, что Марта поселилась в доме ваших дедушки и бабушки? — спросила я у него.

— Я был взбешен! Вне себя от ярости... У меня было подозрение, что моими родными просто манипулируют. Вдруг неизвестно откуда появляется какая-то женщина и объявляет им, что родила от меня ребенка. Но что я мог сделать в той ситуации? Тем более что ей удалось убедить их и они поверили. Они ведь и раньше не раз упрекали меня в своих письмах, что я типичный прожигатель жизни без каких-либо моральных устоев и принципов. Вот и получается, что рассказ Марты они восприняли как еще одно доказательство своей правоты. Боже мой, Алли! Как же я был зол тогда... Как зол... И эта злость тлела во мне долгие годы. Да, я совершил ошибку... по моей вине или нет, но женщина забеременела. Однако никто из моих близких, ни дедушка, ни бабушка, никогда, ни разу в жизни не изъявили желания выслушать для разнообразия и меня. Узнать, так сказать, обратную сторону случившейся истории. Марта сумела убедить стариков в том, что я подлец, подонок и негодяй. Вот и весь сказ. Послушайте, Алли, я все же закажу себе что-нибудь покрепче. Хотите составить мне компанию?

— Нет, спасибо.

Феликс поднялся со своего места и направился на поиски бара. А я сидела и вспоминала слова Па Солта о том, что в любой истории всегда есть две правды. Во всяком случае, все, что только что рассказал мне Феликс, прозвучало весьма убедительно. И пусть на данный момент он законченный пьяница, но уж точно не лжец. К тому же меня подкупило, что он был предельно откровенен в разговоре со мной. И, сказать честно, мне была вполне понятна его точка зрения на все произошедшее.

Феликс вернулся через какое-то время с большой порцией виски.

— Ваше здоровье! — провозгласил он и изрядно отхлебнул из стакана.

— А вы никогда не пытались рассказать Тому все то, что только что рассказали мне?

— А смысл? Конечно же, нет. — Феликс звучно рассмеялся. — Ведь ему буквально с пеленок внушали, какой я мерзкий и развращенный тип. Понятное дело, взрослея, он принял сторону матери, защищал ее во всем. Хотя, не скрою, порой мне было искренне жаль его, причем независимо от того, мой это сын или чужой. До меня доходили слухи о том, что время от времени Марта погружается в глубочайшую депрессию, из которой потом выныривает с большим трудом. К счастью, первые годы своей жизни, так сказать, этап становления, Том прожил вместе с Хорстом и Астрид, то есть в атмосфере относительной психологической стабильности. Марта, она ведь по характеру была похожа на искру, на такого капризного, избалованного ребенка. Легко вспыхивала и при этом требовала, чтобы все и всегда было только так, как ей того хочется.

— Иными словами, вы пускали все на самотек до тех пор, пока не узнали, что Том унаследовал ваш фамильный дом?

— Да. Хорст умер, когда Тому исполнилось восемь лет. А моя бабушка, которая была значительно моложе своего мужа, умерла, когда Тому было уже восемнадцать. Когда нотариус сообщил, что по завещанию Хорст оставил мне свою виолончель и небольшое финансовое пожертвование, а все остальное перешло к Тому, я понял, что с подобной несправедливостью надо что-то делать.

— А что вы почувствовали, когда узнали, что Том действительно приходится вам родным сыном?

— Я был сражен наповал. Именно так, наповал. — Феликс сделал очередной глоток виски. — Природа может время от времени выкидывать подобные фокусы, не так ли? — Феликс презрительно фыркнул. — Вот такой фокус она выкинула и со мной. Умом я понимал, что моя попытка опротестовать завещание лишь усилит ненависть Тома ко мне. Но уверен, вы поймете меня правильно. Ведь я был совершенно искренне убежден в том, что Том — это такой кукушонок, которого его мамаша подкинула в наше родовое гнездо.

— А вы обрадовались, когда узнали, что Том — ваш сын? — задала я следующий вопрос, вдруг почувствовав себя таким

психотерапевтом, анализирующим со своим пациентом сложную бытовую ситуацию. Наверняка Тому понравилась бы такая манера ведения беседы.

— Если честно, даже не помню, что я тогда почувствовал, — не стал кривить душой Феликс. — После того, как я получил на руки результаты теста ДНК, я крепко запил. Пил, не просыхая, несколько недель кряду. Само собой, Марта не преминула прислать мне ядовитое письмецо, в котором торжествовала свою победу, но я тут же швырнул его в огонь. — Феликс подавил тяжелый вздох. — Какая запутанная история получилась. Ужасно глупо все вышло.

Какое-то время мы оба сидели молча. Я сосредоточенно переваривала все, о чем рассказал мне Феликс. Какая жалость, думала я, знать, что жизнь этого человека растрочена впустую и прожита совсем не так, как должна была быть.

— Том говорил мне, что вы были очень талантливым пианистом и композитором, — обронила я наконец.

— Почему был? Хочу, чтобы вы знали, я и сегодня являюсь таковым! Талантливым пианистом и композитором. — Впервые за все время нашего разговора Феликс по-доброму улыбнулся.

— Тогда вам должно быть стыдно за то, что вы не распорядились своим талантом как следует.

— А откуда вам, мадемуазель, известно, как именно я распорядился своим талантом? Тот инструмент, который стоит в моей хижине, он ведь для меня все: источник моих мучений и терзаний, моя любовница, мой здоровый дух, обитающий в немощном теле. Да, наверное, я из-за своего постоянного пьянства человек ненадежный в том смысле, чтобы использовать меня в качестве профессионала, но для себя-то самого я могу продолжать играть. И играю постоянно, по сей день. А чем еще, по вашему мнению, я могу заниматься днями напролет в этом забытом богом и людьми сарае? Я играю. Играю для себя... Возможно, когда-нибудь я разрешу вам послушать, как я играю, — с усмешкой добавил Феликс.

— И Тому тоже?

— Сильно сомневаюсь, чтобы он изъявил такое желание. Впрочем, я его совсем не виню. Он в этой ситуации исключительно жертва, случайно попал, так сказать, под раздачу. С одной стороны — ожесточившаяся сердцем и душой, да еще и явно ненормальная

мамаша, с другой — папаша, который никогда не признавал его своим ребенком. У Тома есть все основания презирать меня.

— Феликс, а почему бы вам не рассказать ему все, что вы только что рассказали мне?

— Как же вы не понимаете, Алли? Да стоит мне сказать лишь одно плохое слово в адрес его драгоценной матушки, и он тут же хлопнет дверью. И потом, с моей стороны это было бы верхом жестокости — разрушить веру Тома, с которой он вырос, в то, что Марта в нашей с ней ситуации невинная жертва. Зачем же я стану сбрасывать ее с пьедестала, особенно сейчас, когда ее уже нет в живых? Какой в этом смысл? Какой резон? — Феликс снова вздохнул. — Ну было и было. Было и прошло.

«Этот человек мне явно симпатичен», — подумала я. Он отнюдь не законченный эгоист. Во всяком случае, чувства и переживания его близких ему не безразличны. Хотя при этом он не сильно старался добиться расположения Тома.

— А сейчас я спрошу вас вот о чем. Зачем вы все это рассказали мне? Или хотите, чтобы я, в свою очередь, рассказала вашу историю Тому?

Какое-то время Феликс молча разглядывал меня, потом взял со стола стакан с виски и осушил его до дна.

— Нет, не поэтому.

— Тогда зачем? Чтобы тем самым сказать мне, что Том все же был прав? Что я еще один ваш ребенок, рожденный вне брака еще одной вашей жертвой, да? — Я говорила нарочито шутливым тоном, но по глазам Феликса видела, что ему еще есть что сказать мне.

— Все не так просто, Алли. Совсем не просто... Черт! Запутался вконец. Простите меня. — Он снова подхватился со своего места и побежал в бар, а через пару минут вернулся назад с очередной большой порцией виски. — Простите, но, как видите, я действительно законченный алкоголик. Между прочим, попрошу заметить, что когда я пьян, то играю гораздо лучше, чем на трезвую голову.

— Так все же, Феликс, что такое вы собирались рассказать мне еще? — насела я на него, опасаясь, что очень скоро вторая порция виски подействует на него отупляюще. Язык начнет заплетаться, мысли в голове путаться.

— Дело в том... Когда я вчера увидел вас с Томом сидящими рядом на диване, похожими, словно две горошинки из одного стручка... я вдруг подумал. Точнее, все в моей голове сложилось и стало ясным, как дважды два. Целую ночь я промучился без сна, все думал, а нужно ли мне рассказывать об этом вам. Ведь, несмотря на предвзятые мнения о моей персоне со стороны других людей, у меня тем не менее есть моральные принципы. Свой, так сказать, кодекс чести и всего того, что можно, а чего нельзя. И уж меньше всего на свете мне хочется причинить кому-то из вас двоих очередную боль. Я и так много чего напортачил в своей жизни.

— Феликс, прошу вас, *скажите же мне* все, что вы хотели сказать, — снова умоляюще повторила я.

— Ладно, ладно! Но еще раз предупреждаю, это такая головоломка, в которой я и сам пока не разобрался до конца... Вот!

Он сунул руку в карман и извлек оттуда старый конверт. Потом положил конверт на стол, прямо передо мной.

— Как я уже говорил вам, Алли, когда Марта родила, она сообщила мне об этом и приложила к письму фотографию.

— Да, вы говорили. Фотографию Тома.

— Да, Тома. Но она держит на руках еще одного младенца. Девочку. Получается, что Марта родила двойняшек. Хотите взглянуть на эту фотографию? И на само письмо?

— О боже! — едва слышно пробормотала я, судорожно ухватившись за край дивана и чувствуя, как все поплыло перед глазами. Я опустила голову. Феликс мгновенно подбежал, уселся рядом и стал гладить меня по спине.

— Алли, сделайте глоток виски. Вам сразу же полегчает. Надежное средство при любом душевном потрясении.

— Нет! — резким движением я отодвинула стакан в сторону. Запах виски сразу же вызвал у меня приступ тошноты. — Я не могу. Я беременна.

— Господи, что же я наделал? — возбужденно выкрикнул Феликс.

— Подайте мне, пожалуйста, воды. Меня уже чуть-чуть отпустило.

Он подал мне стакан с водой. Я сделала несколько глотков, чувствуя, что полуобморочное состояние мало-помалу проходит.

— Простите, — повинулась я перед своим собеседником. — Но сейчас мне действительно лучше. — Я взглянула на конверт, лежавший на столе, и взяла его. Потом трясущимися руками, а руки мои дрожали почти так же, как и у Феликса, я открыла конверт, извлекла из него листок бумаги и черно-белую фотографию красивой женщины. В которой я сразу же опознала мать Тома. Именно ее фотографию в рамочке я видела во Фроскехасет. Женщина убаюкивала двух младенцев.

— Можно мне прочитать само письмо?

— Оно на норвежском. Я сам прочитаю его вам.

— Да, пожалуйста.

— Ладно! Вначале, как обычно, идет адрес. Больница Святого Олафа в Трондхейме. Потом дата: 2 июня 1977 года. А дальше уже сам текст. — Феликс слегка откашлялся. — «Дорогой Феликс, думаю, я должна сообщить тебе, что родила двойню: мальчика и девочку. Первой на свет появилась девочка, тридцать первого мая, еще до наступления полуночи. Несколько часов спустя, уже на рассвете первого июня, родился мальчик. Я очень устала. Роды были тяжелыми и долгими. А потому, скорее всего, я пробуду здесь еще неделю или чуть меньше. Потому что быстро иду на поправку. Посылаю фотографию твоих деток. Если захочешь увидеть их или меня, приезжай. Мы пока еще здесь. Люблю тебя, твоя Марта». Вот, собственно, и все.

Последние слова Феликс произнес хриплым голосом. Судя по всему, он сам был на грани слез.

— Тридцать первого мая... Мой день рождения.

— Правда?

— Да.

Я скользнула взглядом по Феликсу, потом снова стала разглядывать младенцев на фотографии. Два абсолютно одинаковых комочка в одинаковых одеяльцах. Трудно даже распознать, где здесь я.

— Могу лишь предполагать, что было потом, — сказал Феликс. — Поскольку у Марты не было ни своего дома, ни мужа, она была вынуждена немедленно отдать одного из вас на усыновление.

— Но ведь потом вы повстречали ее в Бергене, куда она вернулась после родов, неужели у вас не возникло законного вопроса: а где же

второй малыш? — Я почувствовала, что задыхаюсь от нехватки воздуха. — Куда подевалась я, в конце концов?

— Алли! — Феликс осторожно положил свою руку поверх моей. — Придется мне еще раз огорчить вас. Я просто подумал, что второй младенец умер. Ведь после этого Марта ни единого разу не упомянула в разговоре со мной о существовании девочки. Не сообщила она об этом и моим дедушке с бабушкой. И даже Тому ничего не сказала. Видно, воспоминания обо всем, что было связано с ее отказом от вас, были слишком болезненны, и она просто постаралась все забыть. Начисто стереть этот эпизод из своей памяти. Впрочем, я-то и общался с ней всего ничего. Несколько пустячных разговоров. Пару слов, исполненных обиды и злости.

— Но в письме... — Я в некоторой растерянности наморщила лоб. — Такое впечатление, что Марта всерьез рассчитывала на то, что вы будете вместе.

— Возможно. Подумала, что увижу фотографию своих отпрысков и тут же расчувствуюсь... Стану другим человеком. Дескать, с появлением на свет детишек, твоих детишек, у тебя нет иного выбора, кроме как возложить на себя бремя всей ответственности за них.

— А вы ей ответили?

— Нет, Алли. Простите меня, но я ей не ответил.

Я почувствовала, как у меня стучит в висках. Такое ощущение, что мозг сейчас взорвется от переизбытка полученной информации, а сердце разорвется от противоречивых переживаний, захлестнувших меня. Пока я не знала, что Феликс, судя по всему, мой родной отец, я могла мыслить рационально и с пониманием выслушала его рассказ о прошлом. Но сейчас ситуация кардинально изменилась, и я растерянно соображала, а как, собственно, мне реагировать на этого человека сейчас.

— Возможно, это и не я вовсе. Ведь никаких стопроцентных доказательств у нас нет, — пробормотала я в некотором замешательстве, отчаянно хватаясь, как за соломинку, за эту спонтанно возникшую версию.

— Вы правы. Но если посмотреть на вас с Томом, если вспомнить о ваших днях рождения, наконец, о том, что ваш приемный отец отослал вас именно на поиски Халворсенов, то скажу так: а какие еще доказательства вам нужны? Впрочем, — мягко добавил он, — сегодня

так легко докопаться до любой правды. Знаю это по собственному опыту. Тест ДНК мгновенно подтвердит либо опровергнет наше родство. Если хотите, я с радостью помогу вам в этом, Алли.

Я откинула голову на спинку дивана, закрыла глаза и сделала глубокий вдох. В самом деле, какие мне еще нужны подтверждения? Все и так ясно как божий день. Правильно сказал Феликс. Все сходится. Но, помимо всех тех фактов, которые он перечислил, есть еще кое-что. Ведь с самой первой встречи с Томом я инстинктивно почувствовала в нем родственную душу. Такое ощущение, будто я знала его всю свою жизнь. Вот уж и правда, мы с ним действительно как *две горошины* из одного стручка. Недаром мы столько раз за последние дни синхронно озвучивали одни и те же мысли, которые одновременно приходили нам в головы, а потом сами же смеялись над собой. У меня даже голова закружилась от переизбытка чувств при мысли о том, что теперь у меня есть брат-близнец. Но одновременно я почувствовала и горечь, вспомнив, что родная мать была вынуждена выбирать, какого младенца ей оставить у себя, а кого отдать в чужую семью. И в чужую семью она отдала меня.

— Понимаю, Алли, о чем вы сейчас думаете. И мне очень жаль, поверьте, — вмешался в ход моих мыслей Феликс, словно прочитав их. — Если это хоть как-то поможет вам, то знайте. Когда Марта впервые сообщила мне о своей беременности, она еще тогда сказала, что не сомневается в том, что у нее будет мальчик. И что она сама очень хотела бы иметь сына. Наверное, и свой окончательный выбор она сделала именно по гендерному принципу. И никак иначе.

— Спасибо за слова поддержки, но прямо сейчас мне от этого не легче.

— Понятное дело, — тяжело вздохнул Феликс. — Но что я еще могу сказать?

— Ничего. Пока ничего. Но все равно спасибо за то, что согласились поделиться со мной своей информацией. Можно я на какое-то время оставлю письмо и фотографию у себя? Обещаю, я обязательно все верну.

— Конечно, конечно.

— А сейчас простите меня, но я хочу немного прогуляться по свежему воздуху. Одна, — многозначительно добавила я, поднимаясь со своего места.

— Понимаю. И еще раз простите меня за то, что я поведал вам эту давнюю историю. Я бы ни за что так не поступил, если бы знал, что вы беременны. В таком состоянии ведь все воспринимается гораздо эмоциональнее и острее.

— Напротив, Феликс, мне сейчас стало гораздо лучше. И спасибо вам за то, что вы были предельно честны в разговоре со мной.

Я вышла из комнаты, потом на улицу. Колючий, солоноватый воздух приятно бодрит. Я быстрым шагом направилась вдоль набережной. На пришвартованных в порту судах кипела работа: грузы разгружались и загружались. Я приблизилась к одной из швартовых тумб и уселась на ее твердую холодную поверхность. Было ветрено, ветер разметал мои волосы, часть упала на лицо. Я собрала волосы в один пук и перевязала их лентой для волос, которую всегда ношу с собой.

Итак, сейчас я знаю все. Некая женщина по имени Марта зачала меня в Бергене от мужчины, которого звали Феликс, потом родила и почти сразу же отдала в чужие руки. Разум услужливо подсказывал, что я сама во всем виновата. Не стала бы копаться в своей родословной, ничего бы не узнала. Но обида, что Марта предпочла избавиться именно от меня, прожигала меня насквозь.

А хотела бы я оказаться на месте Тома? Поменяться с ним ролями?

Не знаю, не знаю...

Но одно сейчас я *знала точно*: с самого первого дня моего появления на свет рядом со мной всегда существовала некая параллельная реальность, и она, эта реальность, при определенных обстоятельствах могла бы легко стать *моей судьбой*. И вот эти две реальности наконец соприкоснулись друг с другом, столкнулись и даже сошлись воедино, а я сейчас мечусь между ними, и меня при этом раскачивает из стороны в сторону.

— Марта. Моя мать, — громко произнесла я. Интересно, я тоже стала бы называть ее Ма, как и Марину, учитывая сходство их имен? Иронично усмехнулась этому странному совпадению. Какое-то время бездумно разглядывала чаек, парящих на ветру. Потом начала думать о той жизни, которая зреет *внутри меня*. Представить себе не могла, что со мной может случиться такое...

Несмотря на то что прошло чуть более суток с того момента, как я узнала о своей беременности, и вопреки тому, что я никогда ранее не задумывалась всерьез о проблемах материнства, природные инстинкты уже одержали во мне верх. И я уже любила это еще не родившееся дитя всеми фибрами своей души.

— Как же ты смогла отдать меня? — с яростью выкрикнула я, глядя на воду. — Как ты только могла? — повторила я со всхлипом. Слезы градом покатались из моих глаз, но порывистый ветер мгновенно относил их прочь, попутно высушивая лицо.

Мне никогда не узнать истинные мотивы Марты. Не услышать ее версию всего того, что случилось тогда, тридцать лет назад. Я никогда не узнаю, как сильно страдала эта женщина, отдавая меня в чужие руки, как прощалась со мной в последний раз. Как потом вдвое крепче прижимала к себе и лелеяла своего ненаглядного Тома, отдавая ему всю материнскую любовь.

Мысли мои понеслись вскачь, словно табун диких лошадей. Я поднялась с тумбы и начала быстрым шагом расхаживать по набережной. Волны с шумом набегали одна на одну и яростно обрушивались на берег, который сдерживал их натиск. Вот так же и мысли в моей голове, подобно этим волнам, крушили друг друга, зеркально повторяя всю степень моего отчаяния.

Как же мне больно сейчас. Чертовски больно!

«И что же я нашла в итоге, отправившись в это путешествие? — спросила я себя. — Боль и только боль?»

«Алли, перестань быть эгоисткой, — укоризненно попеняла я самой себе. — А Том? Разве этого мало? У тебя теперь есть брат-близнец».

«Да. А Том? Ты забыла про него?»

Постепенно я стала успокаиваться и приводить свои мысли в относительный порядок, стараясь размышлять в позитивном ключе. Как же много совпадений в моих поисках с тем, что было у моей старшей сестры Майи. Майя тоже отправилась на поиски своего прошлого, а встретила любовь. Такую же любовь нашла и я, правда, моя любовь несколько иного рода, но все же. Еще вчера вечером, укладываясь в постель, я всей душой сострадала Тому, пережившему такое трудное детство. Потом попыталась разобраться в том, почему меня так тянет к этому человеку. Уж не влюбилась ли я, испугалась я в

какой-то момент. И действительно ведь влюбилась, но совсем не так, как в Тео. А сейчас, когда я знаю, что Том — мой брат-близнец, мои чувства к нему не только вполне естественны, но и легко объяснимы.

Я приехала в Норвегию, только что потеряв двух самых близких мне людей. И все же... радость обретения Тома, размышляла я уныло, медленно шагая вдоль залива в обратном направлении, к отелю, никак не компенсировала ту боль, которую я испытала, узнав о своем прошлом.

В гостиницу я возвратилась безмерно уставшей. Сразу же поднялась к себе в номер, потом позвонила на ресепшн и попросила дежурную заблокировать мой телефон. После чего рухнула в кровать и тут же отключилась, погрузившись в глубокий сон без каких-либо сновидений.

Когда я проснулась, было уже темно. Я глянула на часы: почти девять вечера. То есть я проспала несколько часов. Я сбросила с себя одеяло и пошла в ванную. Ополоснула лицо холодной водой. И, стоя возле крана, снова вспомнила все то, о чем мне рассказывал Феликс. Но прежде чем погрузиться в повторное перебирание всех подробностей этой истории, я вдруг почувствовала, что умираю от голода. Быстро натянула на себя джинсы и футболку и поспешила вниз, чтобы поужинать в ресторане.

В вестибюле я, к своему немалому удивлению, обнаружила Тома, устроившегося на одном из диванов. При виде меня он тут же подскочил с места с самым озабоченным выражением лица.

— Алли, с тобой все в порядке? Я звонил тебе несколько раз, но твой номер был заблокирован.

— Да... Я сама попросила. Но почему ты здесь? Мы вроде не договаривались с тобой о встрече?

— Не договаривались, это правда. Но где-то ближе к обеду ко мне в дом неожиданно ввалился Феликс. Он был на грани истерики. Честное слово, Алли, он рыдал, как дитя. Я впустил его в дом, налил виски, чтобы он немного пришел в себя, и попросил объяснить, что стряслось. На что он сказал, что сообщил тебе кое-что из того, чего никак нельзя было говорить. Ни в коем случае! И что он этого бы никогда и не сделал, если бы знал, что ты беременна. Он очень испугался, увидев, как ты потрясена его рассказом. Сказал, что ты отправилась прогуляться вдоль бухты.

— Но, как видишь, Том, со мной все в порядке. Я жива-здоровая и не бросилась в бушующие морские волны. Не возражаешь, если мы продолжим наш разговор в ресторане? Умираю, хочу есть.

— Конечно. Тем более аппетит — это хороший признак, — вполне искренне обрадовался Том, и мы вместе направились в ресторан. Нашли подходящий столик и уселись. — А дальше Феликс поведал мне всю историю.

Я взяла в руки карту с меню и глянула поверх нее на брата.

— И?

— Я тоже испытал самый настоящий шок, как и ты. Однако, представь себе, Феликс был в таком ужасном состоянии, что мне пришлось утешать его. Я даже почувствовал к нему жалость... Впервые в жизни.

Я подозвала официантку и попросила ее немедленно принести нам немного хлеба, а также заказала себе стейк с жареным картофелем.

— А что будешь ты? — спросила я у Тома.

— То же, что и ты. И, пожалуйста, пиво, — обратился он к официантке.

— То есть ты хочешь сказать, что Феликс, рассказывая свою историю, не утаил от тебя и всей правды о Марте на момент первой с ней встречи?

— Да. Другой вопрос — поверил ли я ему.

— Зато я поверила ему полностью. И потом, не забывай, я ведь на всю эту историю все еще продолжаю смотреть глазами постороннего человека, каковым я, собственно, и была пару дней тому назад. Что отнюдь не оправдывает Феликса за содеянное. Точнее, за то, чего *он не сделал*, — поспешно добавила я, опасаясь, что Том может подумать, будто я встала на сторону Феликса и пытаюсь защищать его. — В любом случае это многое объясняет в его поведении. Он в то время чувствовал, что им попросту манипулируют все кому не лень.

— Боюсь, я еще не могу пока полностью доверять ему. Или тем более простить его. Но, во всяком случае, сегодня я увидел на его лице хоть какие-то признаки раскаяния. Впрочем, хватит рассуждать о моих чувствах. Как ты? Тебе ведь действительно пришлось пережить самый настоящий шок. Мне искренне жаль, Алли, что все так получилось. У

меня такое чувство, что я должен повиниться перед тобой за то, что из нас двоих мать выбрала именно меня.

— Не говори глупостей, Том. Нам ведь никогда не узнать, каковы были истинные причины того, что она поступила именно так, а не иначе. Да, не скрою, пока мне больно думать об этом, но что сделано, то сделано. Знаешь, чтобы окончательно успокоиться, хочу взглянуть на ту больницу, в которой Марта родила нас. Наверняка там сохранились записи о нашем появлении на свет. Вполне возможно, и некоторые подробности того, как меня потом удочерил Па Солт. И еще, если ты не возражаешь, давай оба пройдем тест ДНК.

— Конечно, не возражаю. Хотя, если честно, Алли, то я и так ни секунды не сомневаюсь в нашем родстве. А ты?

— И я тоже, — согласилась с ним я. Подали хлеб. Я немедленно отломала кусочек и жадно запихала его себе в рот.

— Что ж, несмотря на все твои переживания, аппетит, судя по всему, к тебе вернулся. Наверное, Алли, пока еще рано нам с тобой искать положительное во всем том, что с нами случилось, но, кажется, я только что осознал, что в скором будущем стану дядей. И знаешь, я уже счастлив от одной этой мысли.

— Искать хорошее и видеть во всем происходящем позитивную сторону можно и нужно всегда. И никогда не рано, Том. Вот, к примеру, возьми меня. До своей поездки в Норвегию я чувствовала себя такой потерянной, такой одинокой... А получается, что здесь я отыскала свою новую семью. Правда, мой родной отец — увы! — спившийся нечестивец. Но это так, к слову.

Том протянул ко мне ладонь, и я смущенно взяла его за руку.

— Привет, сестричка!

— Привет, братик.

Какое-то время мы сидели молча, не разжимая рук, переполненные самыми разными эмоциями. А в сущности, что такого? Просто наконец две половинки соединились в одно целое. Вот так все просто.

— Как странно... — начали мы с ним одновременно и тут же расхохотались собственной синхронности.

— Говори первой, Алли. Ты ведь у нас старшенькая.

— Подумать только! Я — старшая сестра. А вот в своей семье я всегда была на вторых ролях. Старшей у нас была Майя. Что ж,

постараюсь наверстать упущенное и в полной мере воспользоваться всеми преимуществами своей первородности, — пошутила я.

— А я охотно соглашаюсь на роль второй скрипки, — миролюбиво сказал Том. — Но мы с тобой оба в один голос сказали «как странно». Что именно странно?

— Знаешь, я уже успела забыть, о чем именно собиралась тебе сказать. К тому же за последние дни случилось столько всего странного, — ответила я, когда нам подали ужин.

— Еще бы! И не говори, сестра! — Том поднял свой бокал с пивом и чокнулся с моим стаканом воды. — Что ж, за нас с тобой. За брата и сестру, встретившихся через тридцать лет после рождения. Знаешь, что для меня странно?

— Что?

— Я ведь больше не единственный ребенок в семье.

— Это правда. А знаешь, что странно для меня?

— Что?

— Что у шести сестер появился наконец брат.

44

За ужином Том предложил мне незамедлительно перебраться во Фроскехасет.

— Что за глупость продолжать и дальше жить в отеле. К тому же, Алли, половина моего дома теперь на вполне законных основаниях принадлежит тебе, — подчеркнул он уже после того, как поздно вечером я перебралась к нему и он сам внес мой рюкзак с вещами в дом.

— Кстати, может, ты объяснишь мне хотя бы сейчас, а что означает само это название «Фроскехасет»? — поинтересовалась я у него.

— «Лягушачий дом». Наверняка Хорст рассказал маленькому Феликсу историю о том, что он хранил в доме копию маленькой лягушки, которую Эдвард Григ постоянно носил с собой и всегда ставил на папку с нотами на рояле. Правда, я понятия не имею, что стало с этой лягушкой потом. Но, вполне возможно, именно она и дала название нашему дому.

— Знаешь, а все сходится. — Я с улыбкой взглянула на Тома, который, войдя в прихожую, бросил мой рюкзак на пол. Я склонилась над рюкзаком и извлекла из бокового кармана свою крохотную лягушку. — Взгляни! Это еще одна подсказка Па Солта, которую он оставил мне. А в Мемориальном музее Грига я видела не меньше дюжины точно таких же лягушек.

Том взял мою лягушку и принялся внимательно разглядывать ее со всех сторон. Потом тоже улыбнулся.

— А ведь он направил тебя, Алли, прямо сюда. Туда, где и находится твой настоящий дом.

* * *

Мы с Томом прошли генетический тест, причем Феликс настоял на том, чтобы и у него тоже взяли пробы слюны и волос. В течение недели мы получили результаты экспертизы, подтверждающие, что Том действительно является моим братом-близнецом, а Феликс — моим вновь обретенным отцом.

Внимательно изучив данные теста, мы обнаружили, однако, кое-какие несовпадения.

— А у нас ведь разные профили ДНК, — указала я. — Наверное, потому, что мы с тобой разнополые близнецы.

— Наверное, — согласился со мной Том и шутливо добавил: — Но должен заметить, что мой профиль гораздо красивее твоего, сестренка.

— Ладно уж, задавака.

— Пусть так. Но в любом случае, думаю, нам стоит позвонить нашему заблудшему папаше и сообщить ему эту радостную новость. Как полагаешь?

— Полагаю, да, — согласилась я с братом.

Вечером того же дня Феликс появился у нас с бутылкой шампанского и бутылкой виски лично для себя. И мы втроем с размахом отметили событие, означающее, что отныне и навеки все мы — родня. Том все еще держался с Феликсом достаточно скованно, но сильно старался, не в последнюю очередь ради меня. Я заметила, что и Феликс, со своей стороны, тоже принялся наводить мосты с сыном.

Что ж, подумала я, отхлебнув небольшой глоток шампанского и чокнувшись с отцом и братом, для начала уже неплохо.

Феликс поднялся, чтобы отправиться к себе домой, и я увидела, как его шатает из стороны в сторону.

— А ты уверен, что в таком состоянии сможешь добраться к себе, да еще по горной дороге? — не на шутку встревожилась я, глядя, как он напяливает на голову свой мотоциклетный шлем.

— Запросто! Я уже почти сорок лет добираюсь домой в таком состоянии. И представь себе, даже ни разу не упал, — оскорбился Феликс. — Но спасибо за заботу. Ведь столько лет никто обо мне толком не пекся. Доброй ночи вам и спасибо за все. Заглядывай ко мне, Алли, ладно? — прокричал он напоследок, исчезая в ночи.

Закрывая за ним дверь, я со вздохом подумала, что не должна, как мне ни жаль Феликса, выказывать свою жалость и сочувствие к нему в присутствии Тома.

Но брат, по своему обыкновению, тут же считал мои мысли.

— Все нормально, не переживай, — сказал он, когда я, вернувшись в комнату, подошла к печке, чтобы немного согреть озябшие руки.

— Что именно «нормально»? — спросила я у него.

— То, что тебе жалко Феликса. Представь себе, мне тоже, хотя и помимо воли. Правда, пока я еще не готов простить его за все то, что он натворил в прошлом и как обошелся с моей матерью. Но с другой стороны... Видеть тело своей убитой матери посреди улицы... а потом спустя несколько часов отец кончает жизнь самоубийством... Пережить такое... — Том непроизвольно содрогнулся. — Пусть он и не запомнил всех подробностей, но все равно худшего испытания для ребенка и не придумаешь. Согласна? И кто знает, какие шрамы остались у него на сердце с тех далеких пор...

— Да, никто не знает, — согласилась я с братом.

— Но хватит о Феликсе, Алли. — Том вздохнул, а потом взглянул на меня. — Хочу поделиться с тобой кое-чем.

— Еще кое-чем? И с такой серьезной миной на лице. Уж не хочешь ли ты сообщить мне о том, что в скором будущем у меня появится еще один брат или сестра?

— Вот это — вопрос уже к Феликсу, а не ко мне, — пошутил в ответ Том. — Нет, речь о другом, — Том запнулся в поисках

подходящего слова, — о более фундаментальных вещах, что ли.

— Уж не знаю даже, что может быть фундаментальнее того факта, о котором я могу сейчас заявлять во всеуслышание, имея на руках письменное подтверждение того, что являюсь урожденной Халворсен.

— Вот-вот, Алли! Сама того не желая, ты попала в точку. Сейчас я покажу тебе кое-что. — Том поднялся с места и направился к небольшому бюро, примостившемуся в углу комнаты. Взял ключи из вазы, стоявшей на крышке бюро, и открыл его. Выдвинул один из ящичков и извлек оттуда папку, потом вернулся ко мне и уселся рядом на диване. Я молчала, не мешая ему собраться с мыслями. Интересно, что такое важное собирается сообщить мне Том?

— Ну так вот, — неторопливо начал Том. — Помнишь, как тебе категорически не понравилась та часть книги, в которой Йенс Халворсен рассказывал о своих взаимоотношениях с Анной? Ты все никак не могла взять в толк, почему Анна безропотно приняла Йенса обратно. Ведь он так вероломно обошелся с ней в Лейпциге. Бросил, скрывался столько лет бог знает где...

— Все я помню, Том. И по-прежнему не понимаю Анну. Йенс утверждает, что она пошла на такой шаг ради любви к нему. Но сам описывает ее в своей книге как женщину с весьма сложным и даже несколько взбалмошным характером. Не могу поверить, что такая женщина приняла мужа обратно с таким смирением, как это сделала Анна.

— И я о том же! — Том снова многозначительно глянул на меня.

— Ну, давай же! Не тяни! Что там у тебя? — взмолилась я.

— Что, если у нее просто не было иного выбора?

— Не было иного выбора? Что ты хочешь этим сказать?

— Ей пришлось сделать это.

— Чтобы соблюсти приличия, так? Потому что в те годы всякий развод сопровождался скандалами, да?

— И это тоже. Но не только это... Однако ты верно нащупала линию поисков, зная строгие моральные принципы той далекой эпохи.

— Том! Уже почти полночь, и я не собираюсь играть с тобой в «Угадайку» до утра, — возмутилась я. — Говори напрямую. Все, как есть.

— Хорошо, Алли, будь по-твоему. Но прежде я все же попрошу тебя дать слово, что ты сохранишь в тайне все, что я сейчас сообщу

тебе. Не расскажешь об этом никому. Даже нашему отцу. Ибо я собираюсь рассказать тебе нечто такое, о чем пока не знает ни одна живая душа на свете.

— Уж не обнаружил ли ты, случаем, золотое руно, закопанное под нашим домом? Не томи, Том. Выкладывай все, как есть.

— Прости, но речь идет об очень серьезных вещах. Итак, когда я, работая над своей книгой, стал заниматься изучением всех обстоятельств, связавших Йенса и Анну Халворсен с Эдвардом Григом, в поисках дополнительных материалов я направил свои стопы в Лейпциг. И там я кое-что обнаружил.

Том достал из папки конверт и извлек из него листок бумаги, который вручил мне.

— Взгляни!

Я быстро пробежала его глазами. Это была метрика, удостоверяющая рождение нашего прапрадеда Эдварда Хорста Халворсена.

— И что в этой бумаге такого?

— Едва ли ты помнишь наизусть и во всех подробностях книгу Йенса Халворсена. Но напоминаю тебе, что в ней среди всего прочего он сообщает, что вернулся в Лейпциг в апреле 1884 года.

— Разумеется, таких деталей я точно не помню. И что?

— Кстати, вот фотокопия этой страницы, где упомянута дата его возвращения. — Том протянул мне еще один листок. — Я специально обращаю твое внимание на этот факт. Потому что, согласно метрике, Хорст появился на свет в августе 1884 года. Получается, что Анна родила ребенка всего лишь после четырех месяцев беременности. Ну знаешь ли, даже в наше время такие чудеса все еще вряд ли возможны.

Я внимательно изучила дату рождения своего прадедушки. А ведь Том прав, мелькнуло у меня.

— А не может ли тут закрасться самая обычная ошибка? Мало ли что... К примеру, Йенс запомнил, когда точно он вернулся в Лейпциг. В конце концов, он ведь приступил к написанию своей книги много лет спустя после описываемых событий.

— Я тоже так подумал. Поначалу.

— То есть ты пытаешься мне сказать, что дитя, которое Анна носила под сердцем, — это вовсе не сын Йенса? Что Хорст не его ребенок?

— Да, именно это я и пытаюсь донести до тебя. — Том с каким-то обреченным видом опустил плечи. Что-то его мучило, страх какой-то, неопределенность или отчаяние... Мне было трудно понять. А может, и все вместе.

— Ладно. С этим все более или менее ясно. Но какие еще у тебя есть доказательства в подтверждение своей версии?

— Вот это.

Том достал из папки следующий листок бумаги. Я увидела, что это фотокопия старого письма, написанного на норвежском языке. Не успела я напомнить брату, что не знаю норвежского языка, как он тут же сунул мне в руки еще один листок.

— Здесь перевод текста на английский язык.

— Спасибо, — поблагодарила я и глянула на перевод. Письмо было датировано мартом 1883 года. Я быстро пробежала его глазами.

— Но это же самое настоящее любовное письмо.

— Любовное, согласен с тобой. Но не просто любовное. В нем много чего.

— Скажи мне, Том, — я пристально глянула на брата, — кто его написал? И кто этот «Маленький лягушонок», как называет себя автор письма? — Но не успел Том раскрыть рот, чтобы ответить мне, как я сама обо всем догадалась. — О боже! — невольно воскликнула я. — Можешь ничего не говорить. Я знаю! Но где в этом письме «много чего»?

— О, много-много чего. Он ведь был очень плодовитым автором. За свою жизнь написал более двадцати тысяч писем самым разным людям. Я сравнил его почерк, сопоставил с теми письмами, что хранятся в музее Бергена. Это, вне всякого сомнения, его почерк.

Я нервно сглотнула слюну.

— А где, скажи на милость, ты отыскал это письмо?

— В этой самой комнате. Оно пролежало под носом у всех обитателей дома более ста десяти лет.

— И где именно? — Я окинула взглядом гостиную.

— Я обнаружил тайник совершенно случайно. Ручка упала на пол и закатилась под рояль. Я опустился на колени, чтобы поднять ее, и тут же ударился головой о что-то твердое сверху. Поднял глаза и увидел небольшой выступ на днище рояля шириной не больше дюйма. Узкая

деревянная планка была прибита прямо к раме инструмента. Идем, я покажу тебе где.

Мы оба опустились на колени и заглянули под рояль, чтобы увидеть, где именно находится этот выступ. На днище инструмента, в самом центре, непосредственно под струнной секцией, располагался широкий, но неглубокий поднос из клееной фанеры, более похожий на обычную подставку. Он был довольно грубо приколочен к раме. Том слегка приподнял руку, ухватился за низ подноса и высвободил его из узких деревянных пазов.

— Удостоверилась? — спросил у меня Том, когда мы вместе выползли на коленках из-под рояля и он поставил поднос на стол. — Взгляни! Здесь не менее дюжины писем.

Я осторожно взяла первое письмо, потом второе, третье, с интересом разглядывая пожелтевшие страницы. За столько лет чернила уже успели выцвести, и буквы были едва различимы. Хотя я не знаю норвежского языка, но легко сделать вывод, что все эти письма, судя по датам на них, были написаны в промежутке между 1879 и 1884 годами. И все подписаны так же: «Маленький лягушонок».

— Особо хочу обратить твое внимание на следующее обстоятельство, — продолжил Том. — Несмотря на то что мой прадед известен всем под именем Хорст, все же первое его имя, данное при крещении, было Эдвард.

— Даже не знаю, что сказать, — проронила я в ответ, разглядывая красивый бисерный почерк на листах, лежавших передо мной. — Воистину, эти письма Эдварда Грига, адресованные Анне, дороже всякого золотого руна. Ты их уже показывал специалистам?

— Я же говорил тебе, Алли, о существовании писем не знает ни одна живая душа.

— Но почему ты не включил их в свою книгу? Ведь они — вещественное доказательство того, что композитор поддерживал постоянные контакты с Анной Халворсен.

— И не только это! Ведь из них ясно как божий день, что Анна и Эдвард Григ были любовниками. Их связь длилась по меньшей мере четыре года.

— Вау! Так это же самая настоящая сенсация. Представляешь, твоя книга мгновенно стала бы бестселлером и разошлась бы

миллионными тиражами по всему миру. Такие пикантные подробности из жизни одного из самых прославленных композиторов всех времен и народов. Честно, не понимаю, Том, почему ты не сделал этого.

— Алли! — слегка нахмурился в ответ мой брат. — Надеюсь, ты все же догадываешься, почему я этого не сделал. Все просто, как дважды два.

— Пожалуйста, Том, не строй из себя всезнайку! — несколько раздраженно воскликнула я. — Пока я просто пытаюсь сложить воедино большую шараду. Но дай мне время, и я во всем разберусь сама. Итак, письма — неопровержимое доказательство того, что эти двое были любовниками. Из чего сам собой напрашивается следующий вывод. Ты полагаешь, что Григ был отцом ребенка Анны?

— У меня есть все основания полагать, что это так. Помнишь, я рассказывал тебе, что Эдвард Григ самолично отправился на поиски Йенса, обитающего на тот момент на парижских свалках? Он приехал в Париж в конце 1883 года. Тогда, напоминая, они с Ниной, его женой, жили врозь. Продлилось это чуть больше года, и почти все это время Григ обитал в Германии. А весной 1884 года, когда состоялось счастливое воссоединение Йенса и Анны, Григ тоже воссоединился с Ниной, но только в Копенгагене. А потом, уже в августе, на свет появляется Эдвард Хорст Халворсен.

— Эдвард Хорст Халворсен, родной сын Грига, — пробормотала я, скорее про себя, не в силах даже оценить столь грандиозную по своим масштабам новость.

— Помнишь, ты же сама говорила мне, что, прочитав книгу, невольно задалась вопросом: а с какой стати Эдвард Григ вдруг отправился на поиски Йенса после того, как тот шесть с лишним лет прошлялся невесть где. И почему Анна с такой готовностью приняла его обратно? На самом деле все просто: они с Григом решили сохранить, так сказать, лицо и повели себя во всей этой истории благопристойно, как того требовали приличия. Не будем забывать, что на тот момент Эдвард Григ был одним из самых известных людей в Европе. Одно дело — появляться в свете в сопровождении талантливых и красивых муз, таких, какой была Анна. Это было вполне допустимо и не вызывало кривотолков. Но совсем другое дело — прослыть отцом незаконнорожденного дитяти. Столь вопиющего попрапия норм общественной морали прославленный композитор не

мог себе позволить. Да еще с учетом того, что на тот момент он жил отдельно от своей жены Нины, а архивные документы красноречиво подтверждают, что в это же самое время они с Анной исколесили всю Германию, давая концерты то тут, то там. Наверняка вокруг них ходили сплетни. Досужие кумушки с удовольствием обсуждали отношения, которые связывали композитора и певицу. Но как только к Анне вернулся ее законный муж, всякие разговоры прекратились сами собой. Тем более что через какое-то время у супругов родился ребенок. А вскоре, спустя год с небольшим, Анна и Йенс переехали в Берген и в Норвегии представили всем знакомым и родным маленького сына уже как своего законного наследника.

— И Анна согласилась пойти на такой чудовищный обман? Согласилась жить во лжи?

— А ты подумай сама. На тот момент Анна тоже была довольно известна. Любые пересуды, а тем более скандал вокруг ее имени, тотчас же поставили бы крест на ее певческой карьере. К тому же она прекрасно понимала, что Григ никогда не разведется с женой. А мы с тобой оба знаем — Анна была весьма трезвомыслящей молодой женщиной. Прагматичной, как сказали бы ныне. И весьма разумной к тому же. Готов поспорить на что угодно, они с Григом все обмозговали заранее и заключили между собой такую вот взаимовыгодную сделку.

— Но если ты прав, то Йенс, вернувшись к Анне, застал ее уже на пятом месяце беременности. Так почему же он остался с ней?

— Наверное, потому, что тоже вполне отдавал себе отчет в том, что с ним может случиться уже в ближайшем будущем, если он откажется вернуться в семью. Сдохнет от голода в какой-нибудь парижской канаве. А Григ, со своей стороны, наверняка пообещал Йенсу всяческое содействие в продвижении его композиторской карьеры. По-моему, Алли, это вполне очевидно. Словом, все трое договорились между собой к вящей выгоде для каждого из них.

— А уже через год с небольшим обе супружеские четы поселились рядом, можно сказать, в двух шагах друг от друга. Боже мой, Том, неужели ты думаешь, что Нина ни о чем не догадывалась?

— Не знаю, что тебе ответить. Вне всякого сомнения, она обожала своего мужа, но ей, как и всякой женщине, вышедшей замуж за гения, приходилось платить за это свою цену. Так есть и так было всегда. Вполне возможно, она закрыла глаза на все после того, как муж снова

вернулся к ней. И потом, не забывай, был ведь еще и маленький Хорст. Живя рядом с Халворсенами, Григ имел возможность видеться со своим сыном так часто, как ему того хотелось, не вызывая при этом никаких подозрений у окружающих. Тебе же известно, что собственных детей у них с Ниной не было. А в одном из писем, адресованном приятелю, тоже композитору, Эдвард Григ открыто признается, что обожает малыша Хорста.

— Иными словами, Йенс был вынужден смириться с тем, что есть.

— Да. Лично я считаю, что он понес заслуженное наказание за свое предательство по отношению к Анне. До конца дней он прожил в тени музыкального гения Эдварда Грига. Да еще при этом растил его незаконного сына как своего собственного.

— Тогда скажи на милость, с чего бы это Йенсу писать свою биографию и биографию жены, коль скоро у них с Анной была такая страшная семейная тайна?

— Напоминаю, Анна умерла в том же году, что и Эдвард Григ. Собственно, именно после смерти последнего зазвучали наконец и сочинения самого Йенса. Возможно, Йенс решил немного подпитать материально свой наметившийся успех. Ведь настоящей славы и признания у него никогда не было. А тут книга мгновенно стала бестселлером и наверняка принесла ему солидное материальное вознаграждение.

— Но ему следовало более осторожно обращаться с датами, — заметила я вскользь.

— А кто бы о чем догадался, Алли? Ведь для того, чтобы сопоставить все факты, любителям горяченького пришлось бы отправиться в Лейпциг на поиски оригинальной метрики Хорста. Как это сделал я.

— Да, спустя более ста двадцати лет после описанных событий. Но сегодня, Том, вся эта история представляется мне не более чем досужим вымыслом.

— А ты взгляни на них! Хорошенько всмотришься. — Том достал из папки три фотографии. — Вот здесь Хорст запечатлен уже молодым человеком. А это — два его предполагаемых папаши. И на кого, по-твоему, он похож?

Я внимательно изучила все три фотографии. Да, сомнений нет.

— Но, Том! — уцепилась я за свой последний аргумент. — Вполне возможно, Хорст пошел в мать. Анна ведь тоже была голубоглазой и светловолосой, как и Григ.

— Ты права, — согласился со мной Том. — Вот так всегда, когда берешься реконструировать прошлое. Все наши поиски базируются, как правило, на документах и вещественных доказательствах плюс, что немаловажно, на наших собственных предположениях. Так почему же не предположить, хотя бы на мгновение...

Внезапно до меня дошло, что именно значили эти слова Тома.

— То есть ты хочешь сказать, что Хорст, Феликс и мы с тобой, все мы...

— Именно так. Недаром же я предупредил тебя в самом начале нашего разговора, что, вполне возможно, ты вовсе и не Халворсен.

— Честно, Том, это все слишком грандиозно, чтобы начать примерять твои открытия на себя. Но, предположим, мы захотим все же примерить их, сможем ли мы каким-то образом доказать свою причастность к Эдварду Григу?

— Элементарно! У брата Грига, Джона, были дети, их наследники живы до сих пор. Мы представим свои доказательства и попросим их пройти тест ДНК. Я уже много раз думал о том, чтобы связаться с ними. А потом раздумал. В самом деле, что нам это даст? А шум поднимется несусветный, что, в конечном счете, нанесет лишь урон безупречной репутации Грига. Все это было давным-давно, более ста двадцати лет тому назад. А я лично, к примеру, хотел бы получить известность как музыкант за *собственные* заслуги, а не потому, что причастен каким-то образом к скандальной любовной истории, случившейся много лет тому назад. Пусть прошлое останется в прошлом, решил я. Именно руководствуясь этими соображениями, я и не стал делиться с читателем своими открытиями. Ты тоже, Алли, все должна решить для себя сама. Сразу же скажу, я не стану винить тебя, если ты решишь пойти до конца и выяснить всю правду, как она есть.

— Господь с тобой, Том. Я прожила на этом свете уже тридцать лет и ни разу не задумывалась о том, кто я и откуда. В моей прежней жизни меня все устраивало. А сейчас, полагаю, с меня и так хватит открытий на генном уровне, — с улыбкой ответила я. — А что будем делать с Феликсом? Ты сказал, что пока не поставил его в известность.

— Да. Видишь ли, я ему не очень доверяю. Напьется и начнет хвастаться, что он праправнук самого Грига. Втянет нас еще, чего доброго, в какие-нибудь дразги.

— Согласна. — Я вздохнула. — Но согласись, история просто потрясающая.

— Да. А сейчас, когда я наконец облегчил душу и все тебе рассказал, не выпить ли нам чайку? Как смотришь?

* * *

Через несколько дней я получила из Женевы свою метрику и показала ее Тому. Потом написала в больницу в Трондхейме и в местную службу по усыновлению и опеке. Меня не столько интересовали подробности того, как именно я появилась на свет и как меня удочерили, сколько было любопытно узнать, каким же образом Па Солт отыскал меня.

— Взгляни, — сказала я Тому. — Марта назвала меня Фелицией, наверняка в честь Феликса.

— Красивое имя. Мне оно нравится. И девочкам очень подходит, — пошутил Том.

— Увы, мой дорогой, но я уже давно не девочка. Имя Алли подходит мне гораздо больше, — возразила я брату.

Я показала ему еще один документ, который мне прислали вместе с метрикой. Официальная справка, заверенная печатью, сообщала, что меня удочерили 3 августа 1977 года. Правда, никаких других подробностей в справке не приводилось.

— Я уже обратилась с запросом в несколько агентств, занимающихся проблемами усыновление детей-сирот, и все они ответили мне, что не располагают никакими данными о факте моего официального удочерения. Из чего сам собой напрашивается вывод, что вся процедура была сугубо приватной. Короче, Па Солт должен был, так или иначе, встретиться с Мартой, — задумчиво обронила я, вкладывая в папку последнее из полученных мною писем.

— Знаешь, о чем я подумал, Алли? — внезапно сказал Том. — Ты рассказала мне о том, как твой приемный отец удочерил шесть девочек и назвал каждую из них в честь звезды, входящей в созвездие Плеяды.

Что, если это не Марта, а *он сам* сделал выбор? Выбрал тебя, а не *меня*? Что скажешь?

Я немного подумала над словами брата и пришла к выводу, что в них что-то есть. И у меня почему-то сразу же отлегло от сердца. Я встала со своего места и подошла к роялю, за которым сидел Том. Обхватила его за шею и прошептала:

— Спасибо тебе. Мне стало гораздо легче.

— Все в порядке, Алли.

Я мельком глянула на нотные листы, стоявшие на пюпитре, испещренные многочисленными карандашными поправками.

— Чем занимаешься?

— Да вот просматриваю, что успел сделать тот парень, которого мне порекомендовал Дэвид Стюарт для оркестровки «Героического концерта».

— И как впечатление?

— По правде говоря, не очень. И я сильно сомневаюсь, что с такими темпами работы он успеет сделать всю оркестровку концерта к декабрю. Уже конец сентября, а к концу следующего месяца все ноты должны быть уже распечатаны, чтобы музыканты оркестра могли приступить к репетициям. Дэвид клятвенно заверил меня, что «Героический концерт» обязательно будет включен в программу концерта, посвященного столетию со дня смерти Эдварда Грига. И я сильно расстроюсь, если это не случится. — Том устало пожал плечами. — Но вот это, — он кивнул на ноты, — никуда не годится. Такое даже невозможно показать дирижеру.

— Как жаль, что я ничем не могу помочь тебе, — обронила я и тут же ухватилась за идею, только что пришедшую мне в голову. Правда, у меня не было полной уверенности в том, что ее стоит озвучивать вслух.

— Ну что там у тебя? Выкладывай! — приказным тоном скомандовал Том. Вот уж воистину, от моего брата-близнеца ничего нельзя утаить. Читает все мои мысли, словно открытую книгу.

— Только пообещай мне, что ты не отвергнешь мое предложение с ходу.

— Ладно, не отвергну. Говори.

— Думаю, эту работу вполне может осилить наш отец. В конце концов, Феликс — родной сын Пипа. Наверняка у него будет особое

отношение к музыке отца.

— Что?! Да ты с ума сошла, Алли! Понимаю, тебе страсть как хочется слепить из нас этакую дружную и счастливую семейку. Но то, что ты предлагаешь, — это уже явный перебор. Феликс — пьяница и пустомеля, человек, который за всю свою жизнь не занимался ничем серьезным. Я ни за что не отдам концерт, столь дорогой для меня, в его руки. А зачем? Чтобы он уничтожил его? Или, что еще хуже, выполнил бы работу наполовину, а потом взял и все бросил. Если мы действительно хотим, чтобы премьера сочинения нашего дедушки состоялась на декабрьском концерте, то определенно нам следует искать какой-то иной путь.

— А ты знаешь, что Феликс по-прежнему ежедневно часами музицирует дома? Играет для души, для собственного удовольствия, так сказать. И не ты ли уж сто раз повторял в разговорах со мной, что он гений? Что еще подростком он сочинял музыку и сам занимался оркестровкой своих произведений? — возразила я брату.

— Все, Алли, хватит! Вопрос закрыт, раз и навсегда.

— Хорошо. Будь по-твоему. — Я недовольно пожала плечами и вышла из комнаты. Отказ Тома разозлил меня не на шутку. Собственно, это была первая серьезная стычка, которая случилась у нас с братом с момента нашего знакомства.

Вечером того же дня Том отлучился из дома. Пригласили на собрание коллектива оркестра. Я знала, где он хранит рукопись концерта Пипа: в бюро, что стоит в гостиной. Честно говоря, я не была уверена в том, что поступаю правильно. Но тем не менее я отомкнула бюро, извлекла из него стопку нот и сложила ее в рюкзак. Затем взяла ключи от своей машины, которую недавно арендовала, и вышла из дома.

— Что скажешь, Феликс?

Я коротко рассказала отцу историю создания «Героического концерта». Повела ему о том, что мы уже отчаялись найти хорошего специалиста, который помог бы нам с оркестровкой концерта. Потом Феликс наиграл мне концерт, исполнил его от начала и до конца. И хотя он впервые видел ноты этого произведения, он не сделал ни единой ошибки. Напротив! Его игра была технически безупречной и вдохновенной, что сразу же выдавало в нем по-настоящему одаренного пианиста.

— Это действительно здорово! Видит бог, а мой покойный отец был весьма талантливым человеком.

Феликс был явно впечатлен музыкой, которую когда-то сочинил Пип. Неожиданно для себя я подошла к отцу и сжала его плечо.

— Ты прав. Он был очень талантлив.

— К несчастью, я его совсем не помню. Я ведь на момент его смерти был еще совсем крохой. И двух лет не было...

— Знаю. И какая трагедия, что премьера этого концерта так и не состоялась. Неужели сейчас ничего нельзя сделать?

— Можно, при надлежащей оркестровке, разумеется... Вот здесь, к примеру, первые четыре такта — вступает гобой, дальше — скрипка, — он ткнул пальцем в партитуру, — а тут, к вящему изумлению всех слушателей, к ним присоединяется тимпан. Вот так! — С помощью двух карандашей Феликс проиллюстрировал мне ритм, в котором должен прозвучать тимпан. — Вот будет сюрприз для тех слушателей, кто посчитает, что они слушают еще одну стилизацию под Грига. — Он хитровато улыбнулся, и в его глазах запрыгали веселые огоньки. Потом он схватил чистый лист нотной бумаги и быстро заполнил ее теми знаками, которые соответствовали ранее озвученным мыслям. — Передай Тому, что оркестровка должна быть выполнена настоящим мастером. И вот еще что. — Феликс снова коснулся рукой клавиш. — Тимпан должен продолжать звучать и тогда, когда вступают скрипки. Тогда в музыке появится скрытое предчувствие надвигающейся беды.

Феликс снова поспешно внес какие-то пометки в нотный лист. Внезапно он остановился и взглянул на меня.

— Прости, но, кажется, меня занесло. Однако все равно спасибо, что показала мне эту музыку.

— Феликс, как думаешь, сколько времени тебе бы потребовалось для того, чтобы полностью оркестровать этот концерт?

— Пожалуй, месяца два, не меньше... Все же музыка, которую сочинил мой отец, она весьма *оригинальна*. Впрочем, я уже слышу ее такой, какой она должна будет прозвучать в сопровождении оркестра.

— А как насчет трех недель?

Феликс удивленно округлил глаза, потом глянул на меня с усмешкой.

— Ты шутишь, да?

— Совсе нет. Я не шучу. Я сделаю для тебя фотокопию партии фортепьяно, а ты должен будешь оркестровать все остальное. И если ты уложишься в три недели и сделаешь это так же блестяще, как и то, что ты продемонстрировал мне сейчас, уверена, ни Том, ни руководитель Филармонического оркестра Бергена не будут возражать против твоей оркестровки и примут концерт к исполнению.

На какое-то время Феликс погрузился в молчание, словно прикидывая, что и как. Наконец он заговорил:

— То есть ты бросаешь мне вызов, да? Или хочешь доказать Тому, что я все еще чего-то стою?

— Ты прав, и то и другое. Если не считать третьего. На настоящий момент произведение Пипа включено в программу концерта памяти Эдварда Грига, который запланирован на декабрь. Но я уже наслышана о твоих выдающихся способностях. К тому же если сроки будут тебя поджимать, то ты поневоле всецело сконцентрируешься только на музыке.

— Да, моя юная барышня, умеешь ты смешать в одном флаконе комплименты и оскорбления, — весело фыркнул в ответ Феликс. — Но лично я выужу из этого флакона только комплименты. А в целом ты, конечно, права. Мне всегда работается лучше, если меня поджимает время. Хотя за последние несколько лет и работы-то стоящей у меня не было, если честно.

— Так, значит, берешься? Сделай попытку.

— Никаких попыток. Берусь, значит, берусь. И на этом точка. Начну прямо сейчас.

— Хорошо, но боюсь, ноты мне придется забрать с собой. Не хочу, чтобы Том раньше времени догадался о том, что мы с тобой затеяли.

— Можешь забирать. Музыка уже все равно в моей голове. — Феликс собрал нотные листы и сложил их в аккуратную стопку, которую вручил мне. — Привези завтра копию партитуры, ладно? И потом ко мне больше ни шагу! Не хочу, чтобы ты каждый день приезжала сюда и проверяла, как я работаю. С тобой мы увидимся снова ровно через три недели, день в день. Договорились?

— Но...

— Никаких «но», — отрезал Феликс, провожая меня к дверям.

— Хорошо. Завтра привезу копию. До свидания, Феликс.

— Да, и вот еще что, Алли.

— Что?

— Спасибо тебе за то, что даешь мне шанс.

45

Все три недели я бесцельно слонялась по дому, переживая за наше с Феликсом предприятие. Я хорошо знала: на то, чтобы оркестровать, к примеру, симфонию, уходят месяцы и месяцы напряженного труда. Но если Феликс сумел убедить меня в своих способностях всего лишь за пять минут, думаю, у него получится убедить и Тома. А если он ничего не сделает и потратит время впустую, что ж, невелика потеря... Ведь Том пока ничего не подозревает о том, что мы задумали.

В конце концов, *каждый имеет право на второй шанс*, подумала я про себя, услышав, как хлопнула входная дверь. Том вернулся после спектакля. Сегодня вечером в театре давали «Кармен». Концертно-театральный сезон в Бергене уже стартовал. Том с посеревшим от усталости лицом без сил опустился на диван. И я тут же вручила ему банку холодного пива из холодильника.

— Спасибо, Алли. А я ведь могу и привыкнуть к таким заботам, — вяло пошутил он, вскрывая банку. — Кстати, я тут кое-что обмозговал за последние пару дней.

— Что именно?

— Так ты уже решила, где именно будешь производить на свет своего Большуна?

Это ласковое прозвище для будущего новорожденного малыша придумал Том. Однажды он спросил у меня, а какого размера бывают новорожденные девочки и мальчики, и я, вооружившись знаниями из только что приобретенного справочника для беременных, с помощью своего большого пальца показала ему приблизительные габариты малыша. Так и родился на свет Большун.

— Пока еще нет, не решила.

— А что, если ты останешься во Фроскехасет? Станешь жить вместе со мной? Ты все говоришь, как тебе нейдет заняться домом, отремонтировать его, привести в порядок. Вот и флаг тебе в руки. А то у меня самого до этих дел руки никак не дойдут. Ты ведь сама рассказывала мне, что инстинкт приведения в порядок своего гнезда присущ всем будущим мамашам, как людям, так и прочим тварям. Вот и попробуй реализовать свой инстинкт на практике. Приступай к работе. В счет проживания и питания, разумеется. Думаю, что с учетом твоего нехилого аппетита в последнее время условия договора вполне справедливые, — пошутил Том. — Не говоря уже о том, что официально половина дома принадлежит тебе.

— Ах, оставь, Том! Дом твой, и только твой. Не стану я отсуживать у тебя его половину. Никогда!

— Тогда второе предложение. Как насчет того, чтобы вложить в него немного наличных, а? Если у тебя, конечно, они имеются... Думаю, это тоже будет вполне справедливая сделка. Как видишь, не такой уж я и бескорыстный, каким кажусь на первый взгляд.

— Обязательно переговорю с папиным нотариусом Георгом Гофманом в самое же ближайшее время. Уверена, он посчитает твое предложение вполне разумным для инвестиции в него соответствующих средств. Чтобы просто освежить немного все внутри, денег много не понадобится. Хотя я подумываю о более масштабных переделках. Вот эта печь, к примеру, громадная и торчит тут, как бельмо на глазу. Нужно выбросить ее вон и заменить современным обогревательным устройством. Вполне возможно, во всем доме придется сделать теплый пол. Ах да! Срочно заменить все бойлеры. И вообще все оборудование и трубы в ваннных комнатах. Мне

уже, сказать по правде, надоело мыться под душем, из которого едва каплет. А еще...

— Вот-вот! И я о том же! — хохотнул в ответ Том. — По моим скромным прикидкам, в миллион крон мы должны уложиться. При условии, что все работы будут выполнены на уровне. Но поскольку сам дом тянет на все четыре миллиона крон, то тебе, как моему дизайнеру, еще и скидка положена. И последнее... Мы должны юридически оформить следующее. Если в будущем кто-то из нас захочет избавиться от своей половины дома, то второй совладелец должен иметь право выкупить его долю. Честно, Алли, но я такого мнения, что и тебе, и твоему будущему ребенку важно иметь собственный дом.

— Пока я прекрасно обходилась и без него.

— Пока ты обходилась и без детей. А сейчас ты ждешь ребенка. Так вот, хочу тебе сказать как ребенок, выросший в доме, про который мама постоянно, что ни день, напоминала, что это не наш с ней дом, — такой участи я категорически не желаю ни своему племяннику, ни племяннице, кто там у нас будет. Более того, я готов выполнять определенные отцовские функции, пока на горизонте не замаячит фигура потенциального отца, а в том, что рано или поздно она замаячит, я ни секунды не сомневаюсь. Соглашусь и на то, чтобы быть просто наставником для твоего будущего отпрыска.

— Но, Том, если я решу остаться здесь...

— То что?

— Мне придется выучить норвежский. Что в принципе невозможно.

— Вот и станешь учить язык вместе со своим подрастающим чадом, — улыбнулся он в ответ.

— Но что будет, если кто-то из нас двоих или даже мы оба встретим кого-то третьего?

— Как я уже говорил, свою половину дома мы можем продать или выкупить друг у друга, в зависимости от того, как будет складываться ситуация. К тому же не забывай, в доме целых четыре спальни. Предположим даже, что я без особого восторга отнесусь к твоему потенциальному выбору, более того, я не одобрю кандидатуру того мужчины, которого предпочтешь ты. И что из того? Что мешает нам и впредь мирно сосуществовать под одной крышей в качестве такой

своеобразной коммуны? Однако лично я думаю, что нам пока рано волноваться о том, что *будет*. По-моему, именно такой принцип — не думать о завтрашнем дне — всегда исповедовала и ты сама.

— Исповедовала... Но сейчас мне нужно думать о будущем и все планировать заранее.

— Конечно, нужно. Кто бы спорил. Должен сказать, материнство уже изменило тебя, и изменило существенно.

Ночью, лежа в кровати, я еще раз обдумала наш разговор с братом. Разумеется, Том прав. Ведь мне сейчас надо думать не столько о себе самой, сколько о том, как и что будет лучше для маленького. В Норвегии мне пока хорошо. Здесь я чувствую себя в полной безопасности, мне тут комфортно и уютно. Мало-помалу я уже начинаю влюбляться в эту страну. А с учетом того, что сама я была лишена корней и ничего не знала о своем истинном происхождении, важно, чтобы подобная история не повторилась и с моим будущим ребенком. Он должен уже с момента своего появления на свет четко представлять себе, кто он и откуда. А вместе с Томом мы сможем обеспечить ему нормальную, полноценную семью.

На следующее утро я сообщила Тому, что в принципе я согласна. Решено! Я остаюсь в Бергене и буду рожать здесь.

— А еще, — поделилась я с братом своими дальнейшими планами, — надо подумать, как переправить яхту Тео сюда, к берегам Норвегии. Даже если у меня не хватит больше духу снова ступить на борт, все равно будет здорово, если твой племянник или племянница смогут наслаждаться красотами норвежских фьордов, путешествуя летом на яхте.

— Великолепная мысль! — восхитился Том. — Хотя, Алли, думаю, что тебе тоже придется путешествовать вместе с детьми. Хотя бы ради их безопасности. Словом, в какой-то момент ты будешь вынуждена снова вернуться на воду.

— Посмотрим, — уклончиво ответила я. — Но в обозримом будущем это точно не случится. Другое дело, что меня уже сейчас волнует, чем я стану заниматься после того, как мне надоест играть в дизайнера интерьеров, и после того, как я рожу, — задумчиво обронила я, выкладывая на блюдо блины к завтраку. Том обожает блины.

— Вот-вот, и я о том же! Словом, ты, Алли, уже вовсю планируешь собственное будущее. А еще спорила со мной...

— Заткнись, Том, ладно? В конце концов, вспомни, перед тобой сидит женщина, которая всю свою сознательную жизнь боролась с опасностями, подстерегавшими ее каждый день. Каждый божий день новые вызовы...

— А что, переезд в другую страну и рождение ребенка — это, по-твоему, не вызов?

— Конечно, вызов. Но не такой... И потом, предположим, я рожу и все пройдет благополучно, но надо же мне будет чем-то заниматься дальше.

— Могу поспособствовать, — небрежно бросил Том.

— Что ты имеешь в виду?

— То и имею, что у нас в оркестре всегда найдется место для такой талантливой флейтистки, как ты. Более того, у меня даже имеется для тебя вполне конкретное предложение.

— Правда? И что же ты хочешь предложить мне?

— О концерте в честь Эдварда Грига ты уже слышана. В программу вечера включено и исполнение «Героического концерта» Пипа. Скорее всего, с этим у нас ничего не получится. А вот в первом отделении должна прозвучать сюита Грига «Пер Гюнт». И я тут подумал, как было бы здорово, если бы кто-нибудь из потомков Йенса Халворсена сыграл вступление к сюите, знаменитое «Утреннее настроение». К слову, я уже озвучил эту идею Дэвиду Стюарту, и она ему очень даже понравилась. Что скажешь?

— Ты уже успел переговорить с ним за моей спиной?

— А что тут такого, Алли? Все ведь так очевидно. Идея, можно сказать, витала в воздухе. И потом...

— То есть ты полагаешь, что, даже если я скверно сыграю, моя принадлежность к роду Халворсенов спасет ситуацию и концерт все равно пройдет успешно, да? — поспешила я закончить вместо брата начатую им мысль.

— Ну зачем же намеренно сгущать краски? Стюарт слышал твою игру, когда вы выступали вместе с Вильемом в театре Логен. Вспомни сама! Я лишь пытаюсь донести до тебя, что трудно даже предсказать, чем закончится твое участие в этом концерте. Во всяком случае, абсолютно уверен в одном. Если ты все же изъявишь желание осесть в

наших краях навсегда, то проблем с трудоустройством у тебя точно не будет.

Я прищурилась и вперила взгляд в брата.

— Но ты ведь все это проработал заранее. Я права?

— Права. И я не вижу в этом ничего дурного. На моем месте ты поступила бы точно так же.

* * *

Ровно через три недели после того, как я вручила ноты «Героического концерта» Феликсу, я не без некоторого внутреннего трепета постучала в двери его дома. Ответа не последовало. Я тут же предположила худшее. Наверняка все еще дрыхнет после очередной попойки, несмотря на то что уже полдень.

Наконец на пороге возникла фигура Феликса. При одном взгляде на него у меня сразу же упало сердце. Глаза мутные, облачен в какую-то майку и шорты, смахивающие на боксерские трусы.

— Привет, Алли. Входи.

— Спасибо.

В комнате отчаянно пахло перегаром и табаком. Моя нервозность еще больше возросла при виде целой батареи пустых бутылок из-под виски, выстроившихся наподобие кеглей в ряд на журнальном столике.

— Прости за беспорядок. Присаживайся, — пригласил меня Феликс, собирая с дивана в охапку старое застиранное одеяло и подушку. — Все последние недели я спал там, где повалюсь.

Я неопределенно хмыкнула в ответ.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо. Надеюсь, ты помнишь, зачем я приехала к тебе?

— Смутно, — пожал плечами Феликс и взъерошил ладонью свои редяющие волосы. — По-моему, что-то, связанное с концертом, да?

— Да, правильно. И что скажешь? — нетерпеливо спросила я, сгорая от любопытства. Так все же он справился с брошенным ему вызовом или нет?

— Все в порядке... Вот только куда я его засунул?

Вся комната была завалена грудями нот. Некоторые нотные листы были скручены в шарики и валялись на тех же самых местах, где я их

видела три недели тому назад. Только стали еще более пыльными и обросли паутиной, собранной в тех углах, куда их зашвырнули. Я с нарастающей тревогой наблюдала за тем, как Феликс мечется по комнате в поисках партитуры. Лихорадочно переставляет книги на полках, заглядывает в переполненные всяким хламом ящики стола и бюро. Наконец он даже просунул голову за спинку дивана, на который я присела.

— Я же куда-то ее припрятал... на всякий случай... чтобы никто не украл, — пробормотал он, опускаясь на колени, чтобы обозреть пространство под роялем. — Ага! — торжествующе воскликнул он, приподняв крышку великолепного концертного рояля марки «Блютнер». — Вот же она! — Он нырнул внутрь и извлек из рояля огромную стопку нотных листов. Схватил ноты и швырнул их мне на колени, которые тут же согнулись под тяжестью бумаги. — Как видишь, все сделано.

Я глянула на ноты. Вот отдельно сложенные в пластиковый файл ноты фортепьянной партии. Затем партия флейты, следом партии скрипок и тимпана, как он когда-то и рассказывал мне, мысленно представляя всю оркестровку концерта. Я переворачивала папку за папкой, вполне осознавая, что вижу перед собой безупречно выполненную работу по оркестровке всего произведения. Когда я наконец добралась до духовых и медных, то уже сбилась со счета, для какого же количества инструментов были прописаны партии. Я оторвала взгляд от нот и глянула на Феликса с нескрываемым восхищением, все еще отказываясь поверить в то, что человек может успеть так много за столь короткий срок, но он лишь самодовольно усмехнулся в ответ.

— Если бы ты, моя вновь обретенная дражайшая дочь, была знакома со мной подольше, то наверняка знала бы, что я всегда принимаю все вызовы, так или иначе связанные с музыкой. Тем более такой важный, как тот, что предложила мне ты.

— Но...

Я невольно перевела взгляд на батарею бутылок из-под виски, стоявших на столике прямо передо мной.

— Ах, это... Но я же тебе говорил, или ты уже забыла? На пьяную голову мне всегда работается лучше. Печально, но факт. В любом случае работа сделана. Можешь забирать партитуру и отвозить моему

драгоценному сыну для вынесения окончательного вердикта. Лично я считаю, что мы с моим отцом на пару сотворили просто гениальное произведение.

— Не берись судить о качестве, — осторожно начала я. — Не такой уж я специалист по части оркестровки. Но объем проделанной работы действительно впечатляет. Как по мне, так ты действительно сотворил чудо. Особенно с учетом того, что времени у тебя было в обрез.

— Вот я и работал день и ночь, моя дорогая. Именно так! День и ночь! А теперь выметайся!

— Уже?

— Да, умираю, хочу спать. Хочу наконец отоспаться за те три недели, что прошли с момента твоего последнего приезда сюда. Ведь все эти дни я провел практически без сна.

— Хорошо, — не стала я сильно артачиться, поднимаясь с дивана и прижимая к груди тяжеленную стопку нот.

— Сообщишь мне окончательное решение, да?

— Обязательно сообщу.

— Да, и вот еще что! Скажи Тому, что есть один фрагмент, в котором я пока еще не до конца уверен. Третий такт во второй части концерта, там, где вместе с гобоем вступают и валторны. Наверное, это все же перебор. Прощай, Алли.

С этими словами Феликс с силой захлопнул за мной дверь, едва я ступила на крыльцо.

* * *

— Что это? — первым делом поинтересовался у меня Том, явившись домой ближе к вечеру после сбора труппы в театре и едва заведя стопку нот, аккуратно сложенных на журнальном столике в гостиной.

— Это? — небрежно бросила я. — Готовая оркестровка «Героического концерта». Чашечку кофе?

— Пожалуйста, — машинально бросил он в ответ и тут наконец до него дошел смысл того, что я только что сообщила ему. Он уставился на стопку с несколько ошалелым видом.

Я не торопясь отправилась на кухню, налила кофе и вернулась назад, в гостиную, застав Тома, всецело погруженного в изучение партитуры. Он лихорадочно переворачивал страницу за страницей, как и я сама совсем недавно в доме Феликса.

— Как? Когда? *Кто?*

— Феликс. За последние три недели.

— Шутишь? Издеваешься надо мной? — вскричал он на пределе своих голосовых возможностей.

— Вовсе не шучу! — моментально надулась я от собственной важности, наслаждаясь тем эффектом, который произвела на брата.

— Да, конечно. Понятно. — Он слегка откашлялся, понизив голос на целую октаву. — Пока еще трудно судить о качестве, но...

Я наблюдала за тем, как Том начал мурлыкать про себя партию гобоя, потом перешел к скрипкам и к тимпану. После чего издал восхищенный смешок.

— Великолепно! Мне все это очень нравится.

— Ты не злишься на меня?

— Об этом я сообщу тебе позднее. — Брат поднял на меня глаза, и я прочитала в них нескрываемое уважение. А еще — радостное возбуждение, переходящее в ликование. — На первый взгляд объем проделанной Феликсом работы кажется немыслимым. К черту кофе! Сейчас же еду к Дэвиду Стюарту. Надо успеть перехватить его, пока он не уехал из театра. Покажу ему партитуру. Думаю, он будет сражен наповал. Впрочем, как и все мы.

Я помогла Тому собрать нотные листы и проводила его до дверей, пожелав удачи. Сама я тоже пребывала в состоянии полнейшей эйфории.

— Пип! — прошептала я, стоя на крыльце и глядя на звезды, уже вспыхнувшие в небе. — Все же премьера твоего «Героического концерта» наконец-то состоится.

* * *

С каждым днем осень все сильнее давала о себе знать. Вокруг реализации планов по исполнению концерта Пипа во вдохновенной оркестровке Феликса развернулась бурная деятельность. А я между

тем с головой ушла в реализацию собственных планов. Прежде всего связалась с Георгом Гофманом и постаралась объяснить ему всю ситуацию. Идея обзавестись домом и постоянной крышей над головой не только для себя, но и для моего будущего дитяти показалась ему весьма разумной. Тем более что дом частично принадлежит и мне. Я добавила в наше с Томом общее дело по реконструкции дома свои скромные сбережения плюс небольшое наследство, доставшееся мне от Тео, и приступила к масштабному обновлению Фроскехасет. В голове у меня уже сложилась вполне четкая картинка красивого такого убежища в скандинавском стиле с деревянными полами и сосновыми панелями на стенах, с современной мебелью от молодых норвежских дизайнеров. Словом, в своих мечтах я уже видела красивый современный дом, оборудованный самой передовой и энергосберегающей техникой.

Мучило лишь одно, пока не решенное обстоятельство. По закону мы с Томом были просто обязаны включить в текст измененных документов на право владения Фроскехасет и имя Феликса. Или, во всяком случае, хотя бы предложить ему некую материальную компенсацию в размере одной трети стоимости дома. Но когда в разговоре с Феликсом я коснулась этой щекотливой темы, тот лишь широко оскалился в ответ.

— Нет, моя дорогая, и еще раз нет! Конечно, с твоей стороны очень благородно предложить мне поучаствовать в дележке вашего имущества, но, знаешь, я чувствую себя вполне комфортно и в своей хижине. Мне здесь хорошо. И потом, ты же не хуже меня знаешь, куда немедленно уплывут все ваши денежки, если вы решите отдать их мне.

Впрочем, на минувшей неделе пришла и обнадеживающая новость. Издательство Питерса, известное под именем «Издательский дом С. Ф. Питерс», расположенное в Лейпциге, в котором все последние сто лет публиковались сочинения Эдварда Грига, уже сделало запрос касательно «Героического концерта» Пипа Халворсена. Они также объявили о своих планах сделать запись концерта в исполнении Филармонического оркестра Бергена. А потому Феликс, как законный наследник авторских прав как на само произведение, так и на его оркестровку, скорее всего, получит отличную возможность заработать за свои труды солидную сумму денег. Особенно если

концерт станет сенсацией в музыкальном мире, а Эндрю Литтон предрекает ему небывалый, грандиозный успех.

Итак, совесть моя снова была чиста, и я успокоилась, сосредоточив всю свою энергию и оптимизм на ремонте дома, всецело занявшись обустройством собственного гнезда. Инстинкт будущей мамы все же сработал и во мне. Я без конца встречалась с местными торговыми агентами, строителями, вела нескончаемые консультации с проектировщиками и архитекторами, просматривала горы журналов и сайтов по вопросам строительства и дизайна. И мысленно представляла себе, как стали бы потешаться надо мной все сестры. Невиданное дело! Алли вдруг озаботилась проблемами интерьера. Все же, как ни верти, а гормоны в нашей жизни определяют многое, размышляла я, наблюдая за тем, как беременность круто изменила меня.

Однажды я пролистывала очередной буклет с образцами обивочных тканей и тут внезапно спохватилась, подумав о том, что, перебравшись в Берген, я стала очень редко звонить Ма. Впрочем, и Селии тоже. Но уже истек трехмесячный срок моей беременности, который традиционно считают «опасным периодом», а следовательно, обе женщины вполне заслуживают того, чтобы сообщить им эту счастливую новость.

Первой я позвонила Ма в Женеву.

— Алло! — услышала я знакомый голос на другом конце линии.

— Ма, это я, Алли.

— Родная моя! Как же я рада слышать тебя!

Я облегченно вздохнула и тут же расплылась в улыбке, обрадовавшись, сколько тепла и ласки в голосе Ма. И никакой обиды!

— Как ты? — первым делом поинтересовалась она у меня.

— Ну это сейчас зависит от многих факторов, — рассмеялась я в ответ, все еще испытывая некоторые угрызения совести от того, что столько времени хранила в тайне от Ма свой главный секрет. И стала рассказывать ей о Томе и Феликсе и о том, как подсказки, оставленные Па Солтом, помогли мне обрести новую семью. Потрясенная Ма слушала меня молча, лишь изредка перебивая восклицаниями полнейшего изумления и восторга.

— Теперь ты понимаешь, Ма, почему я решила задержаться в Бергене немного подольше, — завершила я первую часть своего

рассказа. — Но у меня есть еще кое-что, и это тоже несколько усложняет все дело. Я беременна. Ношу под сердцем ребенка Тео.

На другом конце линии повисла секундная пауза. Потом я услышала радостный вздох.

— Какое чудо, Алли! Какая замечательная новость! То есть я хочу сказать... Если вспомнить, через что тебе пришлось пройти за последние месяцы... И когда должен появиться на свет наш малыш?

— Четырнадцатого марта, — ответила я, сообщая ей точную дату родов, которую мне поставили по результатам сканирования. Наверное, Ма сразу же сообразит, как сообразила и я сама, прикинув все сроки, что наш с Тео ребенок был зачат практически в день смерти папы.

— Ах, Алли! Я так рада за тебя, так рада, моя дорогая! Ты сама счастлива? — спросила у меня Ма.

— Очень-очень, — подтвердила я.

— А уж как твои сестры будут рады... В скором времени все они станут тетушками, а у нас в Атлантиде появится новый малыш. Ты уже сообщила эту замечательную новость девочкам?

— Пока нет. Мне хотелось, чтобы первой узнала именно ты. За последние пару недель я перезванивалась и с Майей, и с Тигги, и со Стар. Вот только Электру никак не могу отыскать. Она упорно не отвечает ни на мои эсэмэски, ни на письма, которые я ей шлю по электронной почте. Я даже позвонила ее агенту в Лос-Анджелесе и оставила сообщение, но мне тоже пока никто не ответил. С ней все в порядке?

— О, думаю, да. Просто Электра, по своему обыкновению, очень занята. Ты же знаешь, какой у нее напряженный рабочий график, — ответила Ма после некоторой, пусть и микроскопически короткой, но все же паузы. — Насколько мне известно, у Электры все в полном порядке.

— Это радует. Я позвонила и Стар в Лондон. Но, когда я попросила ее позвать Сиси, Стар ответила, что ее нет дома. И с тех пор я не имею никаких известий от них обеих.

— Понятно, — коротко откликнулась Ма, не вдаваясь в комментарии.

— Ты, случайно, не знаешь, что там у них?

— К сожалению, нет. Но, думаю, ничего такого, о чем тебе стоит переживать.

— Дай мне знать, если они вдруг объявятся, ладно?

— Обязательно, милая. А сейчас расскажи мне о том, что ты собираешься делать после того, как появится малыш.

* * *

Окончив разговор с Ма, в ходе которого я не забыла пригласить ее и всех сестер, кто окажется рядом, на концерт в честь Эдварда Грига, который должен состояться в декабре, я набрала номер телефона Селии. Она обрадовалась моему звонку не меньше Ма.

Я уже давно решила, что о своей беременности сообщу Селии не по телефону, а лично, при встрече. Ведь для нее моя новость должна будет стать очень волнующим моментом. К тому же и повод для такой встречи есть, и очень серьезный. Ведь до сих пор еще не решен вопрос с упокоением праха Тео.

— Селия, я не буду говорить с вами долго. Но хочу спросить, вы не станете возражать, если в ближайшие пару дней я навещу вас?

— Ну зачем ты спрашиваешь, Алли? Я рада тебе всегда. Буду счастлива увидеться с тобой снова.

— Быть может, мы вместе съездим в Лимингтон для того, чтобы... — Голос мой предательски дрогнул, и я замолчала.

— Да, уже пора, — тихо ответила Селия. — Мы сделаем это вместе. Думаю, он бы этого тоже хотел.

* * *

Два дня спустя мой самолет приземлился в лондонском аэропорту Хитроу. В зале ожидания меня встречала Селия. Мы покинули здание аэропорта и уселись в ее старенький «Мини». Она вырулила со стоянки, мельком взглянув на меня.

— Алли, надеюсь, ты не станешь возражать, если я сообщу тебе, что сейчас мы едем напрямиком в Лимингтон, а не в Челси. Не помню, говорила ли я тебе, что в Лимингтоне у меня есть домик. Совсем

небольшой, но, когда Тео учился в школе, мы часто во время его каникул жили там. Вместе ходили под парусом. Мне показалось... что сейчас подходящий момент для того, чтобы снова остановиться в этом доме.

Я протянула ладонь и погладила руку Селии, которой она намертво вцепилась в руль.

— Замечательная мысль, Селия.

И действительно, все оказалось просто замечательно. Небольшой домик с дугообразным фронтоном примостился в самом центре Лимингтона, небольшого городка, застроенного в георгианском стиле. Улицы, мощенные булыжником, причудливые домики, выкрашенные в пастельные тона. Мы сгрузили свои вещи в крохотной прихожей, и я вошла вслед за Селией в уютную гостиную. Селия взяла меня за руки.

— Алли, прежде чем показать тебе твою комнату, хочу предупредить. В этом доме всего лишь две спальни. Одна — моя, а вторая... Там обычно спал Тео... И в ней полно всего того, что так или иначе будет... напоминать тебе...

— Вот и хорошо, Селия! Очень даже хорошо, — заверила я мать Тео, лишняя раз восхитившись ее тактичности и предусмотрительности во всем, даже в мелочах.

— Тогда поднимай свои вещи наверх. А я пока разожгу камин, а потом займусь ужином. Я тут кое-что прикупила из полуфабрикатов. Сейчас приготовлю на скорую руку. Или ты предпочитаешь поужинать где-нибудь в городе?

— Нет, ужин дома — это наилучший вариант из всех. Спасибо, Селия. Отнесу вещи и сразу же спущусь к вам на кухню, чтобы помочь.

— Тогда ступай. Первая дверь налево, — крикнула она мне вслед.

Я подхватила свой вещевой мешок и стала подниматься по лестнице. На втором этаже увидела небольшую деревянную дверь, на которой корявыми буквами было выведено: «ХИЖИНА ТЕО». Я распахнула дверь и увидела узенькую одноместную кровать, расположившуюся прямо под подъемным окном. На подушках гордо восседал потрепанный плюшевый мишка рыже-коричневого окраса, облаченный в свитер грубой вязки, какие обычно носят рыбаки. Неровные стены комнаты были сплошь увешаны картинками и фотографиями яхт, а над покрашенным комодом болтался на крючке

старомодный спасательный жилет в красно-белую полоску. Я почувствовала, как у меня защипало в глазах. Так похожа была комната Тео на мою детскую в Атлантисе.

— Родственная душа! — пробормотала я вполголоса, вдруг особенно остро почувствовав дух Тео, незримо витавший в этой комнате.

Затем я уселась на кровать, взяла в руки мишку и прижала его к груди. Слезы градом полились по моим щекам при одной только мысли о том, что Тео никогда не увидит собственного ребенка.

Вечером мы с Селией мило болтали о том о сем, пока она запекала цыпленка в керамической посудине. В гостиной весело потрескивали дрова в камине. Мы расположились на диване с выцветшей обивкой и приготовились приступить к трапезе.

— Здесь так по-домашнему уютно, Селия. Могу понять, почему вы любите бывать в этом доме.

— Да, по счастью, дом достался мне в наследство от родителей. Они ведь тоже увлекались парусным спортом. А здесь идеальное место для ребенка. Пока Тео рос, мы часто бывали в Лимингтоне. А вот Питер, тот никогда не увлекался ни яхтами, ни парусными гонками. Да ему и некогда было в те годы. Постоянно колесил по свету со всякими деловыми проектами. Зато мы с Тео при малейшей возможности всегда торопились в Лимингтон.

— Кстати, о Питере, — осторожно начала я. — Давно слышали о нем?

— Представь себе, слышала, и сравнительно недавно. Надо сказать, что за последние несколько недель мы с ним даже сблизились в какой-то степени. Во всяком случае, он регулярно звонит мне. Однажды даже обронил, что собирается приехать ко мне в Челси на Рождество. Что ж, как ни крути, а мы оба оказались в итоге у разбитого корыта. Знаешь, Алли, — на щеках Селии выступил слабый румянец, — наверное, это прозвучит кощунственно, но у меня такое чувство, будто гибель Тео каким-то неожиданным образом растопила немного тот лед отчуждения, который когда-то возник в наших с Питером взаимоотношениях.

— Ничего кощунственного я в этом не вижу. Знаю, Питер вас сильно обидел, Селия. Но, мне кажется, он и сам сейчас понимает, сколько ошибок наделал в прошлом и сколько горя доставил вам.

— Что ж, никто из нас не совершенен, Алли. С годами я тоже кое-что поняла, по-иному взглянула на свое поведение. И теперь я точно знаю, что во многом была не права. С рождением Тео сын стал для меня всем. Я сама оттолкнула от себя Питера, а как ты уже, наверное, успела заметить, он не из тех мужчин, кто позволяет пренебрегать собой. — При последних словах Селия грустно улыбнулась.

— Думаю, тут вы абсолютно правы, — согласилась я. — Но в любом случае я искренне рада тому, что у вас с ним налажился хотя бы какой-то диалог.

— Кстати, я ему сообщила, что завтра на восходе солнца мы с тобой предадим прах Тео морю, но никаких сообщений от него так и не поступило. Вот в этом весь Питер. — Селия подавила раздраженный вздох. — Он никогда не умел должным образом реагировать на все то, что действительно важно. Впрочем, хватит обо мне! — Селия резко поменяла тему разговора. — Сгораю от нетерпения услышать, чем ты занимаешься в Норвегии. В машине ты уже упомянула о том, что отправилась туда, следуя подсказкам, которые оставил тебе отец. Если ты не имеешь ничего против, я бы с большим удовольствием выслушала всю твою историю.

В течение следующего часа я подробнейшим образом поведала Селии все детали моих поисков в далекой Норвегии. Единственное, о чем я не упомянула в разговоре с Селией, как не сказала об этом и Ма, так это о возможном моем родстве с самим Эдвардом Григом. Как и Том, я считаю, что подобные откровения лучше приберечь для внутреннего пользования. К тому же, не имея на руках серьезных доказательств, все медитации на эту тему будут пустым сотрясением воздуха. Они ничего не меняют в нашей жизни и ничего не добавляют нам с Томом.

— Если честно, то я просто ошарашена! — воскликнула Селия, когда я завершила свой рассказ и мы обе отставили в сторону подносы с нашим ужином. — Тебе удалось отыскать не только брата-близнеца, но и родного отца. Совершенно неожиданное продолжение всей истории. И как ты восприняла все это?

— Взволнована, естественно, до крайности. Том, он такой... Очень похож на меня. — Я невольно улыбнулась, представив брата. — Надеюсь, это прозвучит не слишком бессердечно с моей стороны. Да, в лице Па Солта я потеряла своего наставника и учителя, а в лице Тео —

своего друга, товарища, человека, родственного мне во всем. И вот я встречаю еще одного близкого человека, такого же родного и дорогого моему сердцу, но уже по-другому, совсем по-другому...

— Дорогая моя Алли, думаю, все это просто чудесно! Какое замечательное путешествие ты совершила за последние несколько недель. Столько прекрасных новостей...

— Вообще-то, Селия, это еще не все новости. У меня для вас есть еще одна новость. — Я посмотрела ей в глаза. В них застыло удивленно-озадаченное выражение. Я сделала глубокий вдох и закончила: — В скором будущем вы станете бабушкой.

Озадаченное выражение сменилось полной растерянностью во взгляде. Казалось, Селия поначалу и не поняла то, что я ей только что сказала. Но вот ее лицо озарила счастливая улыбка. Селия бросилась ко мне и сжала в крепком объятии.

— Алли! Я не верю своим ушам. Неужели это правда?

— Правда. Врач в Бергене подтвердила мою беременность. А неделю тому назад мне провели первое ультразвуковое исследование. — Я поднялась с дивана, чтобы взять свою сумочку, долго копалась в ней, пока не нашла то, что искала. После чего вручила Селии черно-белый снимок. — Знаю, пока он выглядит не очень... Но, Селия, это ваш внук... или внучка...

Селия взяла снимок и стала пристально разглядывать его, осторожно обводя пальцами очертания крохотного тельца, уже живущего во мне.

— Алли! — Голос Селии предательски дрогнул от переизбытка эмоций, обуревавших ее. — Такой красивый... В жизни своей не видела ничего красивее...

Мы снова обнялись, потом стали смеяться, потом обе расплакались. Но наконец снова уселись на диван, все еще пребывая в некоем эйфорическом тумане.

— Что ж, сейчас я могу со спокойной совестью начать планировать... нашу завтрашнюю операцию... Теперь в моем сердце снова затеплилась надежда, — заговорила наконец Селия. — Но, коль скоро мы затронули эту тему, сообщаю тебе, что у меня здесь в порту стоит небольшой ялик. Я представляю себе всю процедуру следующим образом. Мы с тобой выйдем на рассвете в море и... упокоим его прах на морском дне...

— Простите меня, Селия. Мне очень жаль, но... — пробормотала я, запинаясь. — Но я не могу. После гибели Тео я поклялась, что больше никогда не ступлю на палубу. Надеюсь, вы понимаете меня.

— Понимаю, милая. Еще как понимаю. Но все же обдумай все хорошенько еще раз. Ты же сама говорила мне, что прошлое нельзя просто так взять и вычеркнуть из жизни. Думаю, Тео очень расстроился бы, узнав, что это по его вине ты оставила парусный спорт, который долгие годы был в твоей жизни всем.

И в этот момент до меня дошло, что как бы это ни было трудно, но я просто обязана снова ступить на борт яхты... Ради памяти Тео, ради нашего с ним еще пока не появившегося на свет ребенка...

— Вы правы, Селия, — промолвила я после короткой паузы. — Мы должны сделать это вдвоем.

* * *

На следующее утро я проснулась на рассвете по звонку будильника на своем мобильнике. В первое мгновение я даже не поняла, где нахожусь, что-то ворсистое терлось о мою щеку. Я включила ночник и увидела, что это старый медвежонок Тео. Он лежал на подушке рядом со мной. Я придвинула мишку поближе и зарылась носом в его грубоватый мех, словно пытаюсь надышаться его духом. Потом поднялась с постели, быстро оделась. Натянула на себя легинсы и толстую толстовку-джерси. Спустилась вниз. Селия уже ждала меня. Я молча глянула на безобидную на первый взгляд урну ярко-голубого цвета, которую она держала в руках. Да и какие слова тут были нужны?

В столь ранний час улицы Лимингтона были еще пустынно. Мы молча вышли из дому и направились в сторону причала. Над водой стелился белый туман, легкий и воздушный, как всегда перед рассветом. Мы остановились на деревянном помосте пристани, возле которой был пришвартован ялик Селии. Вокруг тоже никого. Разве что двое мужчин копошились на рыбацкой лодке, стоявшей на приколе по соседству с нами. Они коротко поздоровались и снова погрузились в свое дело: они чинили рыбацкие снасти, прежде чем выйти в открытое море на дневной лов рыбы.

— Знаешь, Тео бы это понравилось. Вечный, как сама вселенная, шум прибоя. И море, которое тоже было всегда, с момента сотворения мира.

— Да, ему бы это точно понравилось.

Мы обе инстинктивно обернулись на знакомый голос и увидели Питера, спешащего к нам навстречу. Селия ошарашенно уставилась на бывшего мужа, но вот Питер распахнул руки, лицо ее тотчас же просветлело, и она с готовностью позволила ему обнять себя. Я не сдвинулась со своего места, давая им возможность в полной мере насладиться первым моментом встречи. Но вот они подошли, и Питер обнял меня.

— Что ж, — голос Питера непроизвольно дрогнул, — пожалуй, нам лучше без промедления приступить к делу.

Селия проворно вскарабкалась на борт своей лодки, а Питер прошептал мне на ухо:

— Надеюсь, я не опозорюсь перед вами, барышнями, окончательно, когда в самый торжественный момент меня вдруг начнет тошнить и весь мой завтрак тут же окажется за бортом. Я, Алли, панически боюсь качки и всего, что связано с водой.

— Я на данном этапе отношусь к воде, как и вы, без особого энтузиазма, — ответила я тоже шепотом. — Однако вперед! — Я взяла его за руку. — Будем сражаться вместе...

Мы залезли в ялик. Я помогла Питеру обрести равновесие и усадила его на скамейку, хотя и у самой ноги мгновенно стали ватными.

— Готова, Алли?

— Да, — ответила я Селии. Потом подняла парус и отдала швартовы.

Первые золотисто-розовые лучи солнца уже осветили береговую линию. Солнечные блики скользили по шапкам лениво колышущихся волн. Лодка медленно двинулась в сторону пролива Те-Солент, расположенного в северной части Ла-Манша. Селия встала у руля, а я занялась парусами. Колючие порывы ветра стремительно погнали лодку вперед. Ветер растрепал мои волосы. Все внутри сжималось от страха. В душе я боялась снова оказаться в открытом море. Но одновременно на меня вдруг снизошло некое странное умиротворение. Перед моим мысленным взором всплыло лицо Тео, но впервые с тех

самых пор, как он погиб, я думала о нем не столько с болью и тоской, сколько с радостью.

Мы отошли от берега на несколько сот метров, и нашему взору предстала великолепная панорама Лимингтона. Мы взяли рифы, после чего Селия нырнула на днище лодки и спустя пару секунд вынырнула с голубой урной в руках, которую она держала, словно младенца. Мы подошли к Питеру. Он сидел на корме, весь позеленев от качки. Помогли ему подняться и встать между нами.

— Возьми, Питер. — Селия протянула мужу урну с прахом сына. И в этот миг утреннее солнце выплыло наконец из-за кромки горизонта и предстало перед нами во всей своей величественной красе.

— Готовы? — спросил у нас Питер.

Я молча кивнула в ответ. Мы все трое сплели свои руки вокруг урны. Внешне такая незатейливая и неприметная, а сколько в ней заключено надежд, воспоминаний, желаний и планов. Но вот Питер снял крышку и пустил прах по ветру. Мы молча наблюдали за тем, как легкий утренний бриз подхватил сероватый пепел и уже в следующую секунду смешал его с белоснежной морской пеной внизу. Я сильно зажмурила глаза, но одинокая слезинка все же выкатилась из-под ресниц и побежала по щеке.

— Прощай, мой дорогой, — прошептала я, и рука моя вдруг инстинктивно погладила заметно округлившийся живот. — Знай, мой родной, у нашей любви есть продолжение.

46

7 декабря 2007 года

Я, по своему обыкновению, проснулась рано. От того, что кто-то осторожно толкался внутри меня. Взглянула на часы. Только половина шестого. Неужели так будет до самых родов? Или можно надеяться на то, что младенец в моем чреве еще не сориентировался по времени, не понял, когда ему нужно спать? Вот и сейчас разыгрался вместо того, чтобы лежать себе спокойно. Я глянула сонными глазами через шторы на улицу. Еще совсем темно. На окнах толстый слой инея. Сходила в ванную комнату, а потом снова вскарабкалась на постель и постаралась

заснуть. Впереди такой долгий и многотрудный день. А потому нужно запастись силами и хорошенько отдохнуть. Сегодня Концертный зал Эдварда Грига будет переполнен. Все тысяча пятьсот мест будут заняты. Ажиотаж вокруг концерта в ознаменование столетней годовщины со дня смерти композитора небывалый. В числе зрителей будут и мои родные, и друзья. Днем в Берген прилетят Ма и Стар, специально, чтобы присутствовать на концерте. Я уже пребываю в радостном возбуждении в предчувствии встречи с ними.

Странным образом моя беременность сплотила вокруг меня множество самых разных людей, которые до этого были никак не связаны друг с другом, а многие и вовсе пребывали в самом отчаянном положении. Да, я, конечно, прежде всего мать, мне нести ответственность за младенца, который появится на свет через три месяца, и все же именно он, этот еще не родившийся младенец, уже поспособствовал налаживанию многих старых связей и контактов. И обретению новых...

Взять хотя бы моих новых родственников, уже кровных. Феликс — мой родной отец, Том — мой брат-близнец. А еще целых пять тетушек, моих сестер, которые, вне всякого сомнения, будут обожать своего маленького племянника или племянницу, пылинки с него станут сдувать. Последней, кстати, меня поздравила Электра, откликнулась наконец-таки на мое электронное послание к ней, присовокупив к своим поздравлениям объемную посылку с немислимо дорогими одежками для младенцев от самых известных дизайнерских брендов, которую она отправила по экспресс-почте. Все остальные сестры тоже прислали мне очень трогательные письма с поздравлениями и пожеланиями. Пришло письмо и от Ма. Знаю, как ей, несмотря на уравновешенный характер и внешнюю невозмутимость, уже не терпится взять на руки моего ребенка и снова освежить в своей памяти те дорогие ее сердцу воспоминания, когда она нянчилась со всеми нами, шестерыми девочками, которые по очереди прибывали в Атлантис и определялись там под ее заботливое крыло. А ведь есть еще и семья Тео. Селия и Питер стали частью моего мира сравнительно недавно, но я тоже числю их среди своих близких. И они, кстати, тоже будут присутствовать на сегодняшнем вечернем концерте.

— Вот так замыкается жизненный круг, — пробормотала я, снова и снова мысленно удивляясь тому, как в той пучине отчаяния, в которой я пребывала, потеряв самых дорогих моему сердцу людей, вдруг зарождается новая надежда. И новая жизнь... Вот уж воистину, тысячу раз права Тигги, говорившая мне, что всякая роза зацветает и отцветает в положенный ей срок, а потом куст покрывается новыми бутонами, которые тоже распустятся в назначенное им время и будут безмолвно наблюдать за тем, как осыпаются на землю лепестки со старых соцветий. И в этом вечном обновлении природы и заключена ее главная тайна, которую я постигла за последние месяцы. Да, за эти месяцы я потеряла двоих самых важных в моей жизни людей и одновременно была вознаграждена за свои потери любовью многих и многих других людей, ставших мне близкими. Их благословенная любовь сделала меня сильнее, придала желания жить и смело двигаться вперед, в будущее.

И вот сегодня вечером, после концерта, все эти разрозненные звенья моей большой семьи впервые встретятся друг с другом за ужином.

Что немедленно переключило ход моих мыслей уже на Феликса...

Программа концерта была весьма предсказуемой. Открывается концерт сюитой «Пер Гюнт», где я *солирую* на флейте. Исполняю те знаменитые, уже ставшие каноническими, четыре вступительных такта, которые когда-то давным-давно играл на премьере спектакля мой прапрадед Йенс Халворсен. На той самой премьере, которая состоялась в столичном театре Христиании ровно сто тридцать один год тому назад. А сегодня буду играть уже я, его далекая правнучка. Впрочем, вполне возможно, и праправнучка самого великого композитора. Такую вероятность ведь тоже нельзя исключать. Но как бы то ни было, а сегодня ни я, ни Том не посмеем играть вполсилы, спустя рукава. Том будет сидеть совсем рядом со мной: он сегодня солирует на первой скрипке. Как известно, скрипка была вторым инструментом Йенса Халворсена. Вот таким неожиданным образом история семейства Халворсен замкнулась, совершив свой полный круг.

В норвежской прессе появилось множество публикаций, посвященных нашей семейной истории. Особый интерес вызвал тот факт, что во втором отделении концерта будет впервые исполнен Концерт для фортепьяно Йенса Халворсена-младшего, партитуру

которого, по счастливой случайности, недавно удалось отыскать. А оркестровку произведения осуществил сын композитора Феликс. Он-то и исполнит концерт отца, солируя за фортепьяно.

Эндрю Литтон, главный дирижер Филармонического оркестра Бергена, был в полнейшем восторге от того, что нашлась утраченная партитура концерта. Его также впечатлила и вдохновенная работа Феликса по оркестровке всего произведения, тем более что это было сделано за столь небывало короткий срок. Однако когда Том поинтересовался у него, не сможет ли его отец лично сыграть этот концерт на вечере в честь Эдварда Грига, дирижер ответил решительным отказом, недвусмысленно заявив, что этого не будет никогда, потому что не будет никогда.

Вернувшись домой после разговора с Литтоном, Том лишь удрученно покачал головой.

— Он сказал мне, что знает Феликса как облупленного и ни за что не станет рисковать, подвергая угрозе срыва и сам концерт, и премьерное исполнение произведения Пипа Халворсена. И знаешь, Алли, я был вынужден согласиться с ним. Как ни великолепна твоя идея объединить в единую цепь пять поколений музыкальной семьи Халворсен, — Том жестом показал на мой живот, — все же, как ни верти, а Феликс Халворсен — это самое слабое звено в этой цепи. Что, если он пустится в загул именно накануне торжественного вечера и попросту не явится в положенное время на концерт? Ты же не хуже меня понимаешь, что успех фортепьянного концерта в первую очередь определяется уровнем исполнительского мастерства пианиста. Если бы он просто тренькал на цимбалах в пятом или шестом ряду оркестра, это одно дело. Но здесь Феликсу нужно будет солировать. А потому никто в филармонии не станет с ним связываться, особенно зная его непредсказуемость. Наш дорогой папа в прошлом не раз являл собой пример полнейшего бесстыдства и наплевательского отношения к работе. Собственно, именно за это его и выгнали в свое время из оркестра, о чем я тебе тоже рассказывал. Иными словами, ни один серьезный человек не захочет с ним связываться ни под каким предлогом.

Все аргументы брата были мне вполне понятны, и они были обоснованны, но и я не собиралась сдаваться или тем более отказываться от Феликса просто так.

А потому я снова направилась к нему, в его дом, который мы с Томом называли между собой «волчьей норой», и спросила у него напрямик, сможет ли он дать мне честное слово, что не подведет, готов ли он ради этого поклясться жизнью и благополучием моего еще не рожденного ребенка, если я продолжу бороться за его право выступить на концерте. Иными словами, будет ли он исправно посещать все репетиции и явится ли на сам концерт в точно указанное время.

Феликс уже с утра был «под мухой». Он уставился на меня своими блеклыми, испитыми глазками и слегка пожал плечами.

— А что такого? Конечно, буду. И на кой черт мне все эти ваши репетиции? Да я и во сне сыграю этот концерт, особенно если предварительно залью в себя пару бутылок виски. Алли, дорогая моя, право же, не вижу никаких проблем.

— Знаешь, такое отношение к делу меня совсем не устраивает, — возмутилась я в ответ. — И если ты рассуждаешь подобным образом, то тогда... нам попросту не о чем больше говорить.

Я уже хотела уйти.

— Ладно, ладно!

— Что ладно?

— Обещаю, я буду паинькой... Буду вести себя как следует.

— Честно?

— Да.

— Потому что я попросила тебя об этом?

— Нет, не поэтому. Исполнить «Героический концерт» Пипа Халворсена — это мой долг перед покойным отцом. И я хочу, чтобы концерт прозвучал так, как положено... Чтобы отец мог гордиться моим выступлением. И потом, я же отлично понимаю — никто не сыграет этот концерт лучше меня.

После разговора с отцом я самолично направилась к Дэвиду Стюарту. А когда он снова ответил мне отказом, тогда, как ни стыдно в этом признаваться, я опустилась до уровня элементарного шантажа, заявив примерно следующее:

— В конце концов, Феликс — сын Пипа Халворсена. Иными словами, законный владелец всех прав на исполнение концерта, — начала я, опустив глаза долу и покрывшись краской стыда от собственной наглости. — У моего отца есть серьезные сомнения в том, что кто-то другой сможет представить произведение Пипа достойным

образом, тем более что это будет первое исполнение концерта на публике. А раз он сам лишен возможности исполнить концерт именно таким образом, как это замыслил в свое время его отец, то тогда, по его мнению, будет, наверное, лучше и вовсе не включать «Героический концерт» в программу вечера.

Я пошла, как говорится, ва-банк, зная, как отчаянно болеет и переживает оркестр, как весь коллектив жаждет того, чтобы стать первым интерпретатором наиболее яркого и волнующего произведения со времен Эдварда Грига, написанного к тому же его соотечественником. Явить миру нового Грига — это чего-то да стоит. И за это стоит побороться. Слава богу, на сей раз интуиция меня не подвела. Дэвид в конце концов сдался и согласился с моими условиями. Но при этом добавил:

— Однако Вильем все равно будет репетировать концерт вместе с оркестром. По крайней мере, если ваш отец снова загуляет и подставит нас, то у нас будет хотя бы запасной вариант, и мы не превратим все мероприятие в сплошной скандал. И вот еще что. Я не стану заранее объявлять прессе, что концерт будет играть Феликс. Договорились?

— Договорились, — ответила я, и мы обменялись рукопожатием в знак того, что сделка состоялась. Я вышла из кабинета Дэвида с высоко поднятой головой, радуясь одержанной победе. Воистину, мой удар оказался решающим.

Хотя Феликс *сдержал* свое слово и всю прошлую неделю исправно являлся на все репетиции, все мы прекрасно понимали, что гарантий нет никаких. И неизвестно еще, что он может выкинуть в самый последний момент. А вдруг не явится на сам концерт? Тем более что ему не привыкать. За ним и в прошлом водились подобные грешки.

Официально имя Феликса нигде не фигурировало в качестве исполнителя концерта. Более того, по словам Тома, руководство филармонии озаботилось даже тем, чтобы выпустить два варианта программ концерта. В одной программке в качестве пианиста было указано имя Феликса. В другой значилось имя Вильема.

Я, разумеется, чувствовала себя виноватой перед Вильемом, зная, какой болезненный удар нанесла по его самолюбию — играть, выражаясь музыкальным языком, вторую скрипку, да еще соревноваться при этом со старым пьянчугой, которому нет веры ни в

чем. То есть как бы уступить ему пальму первенства на том лишь основании, что он носит имя Халворсен. Единственное, что могло послужить Вильему утешением, — так это то, что в первом отделении он будет исполнять знаменитый Концерт для фортепьяно с оркестром Эдварда Грига.

В один из вечеров на прошлой неделе я присутствовала на филармоническом концерте, слушала, как играет Том в составе оркестра и как Вильем исполняет Концерт № 1 для фортепьяно с оркестром Ференца Листа. Я как замороженная следила за тем, как его тонкие, умелые пальцы вдохновенно порхают над клавишами, как раздуваются его ноздри, как падают ему на лоб пряди темных блестящих волос, и вдруг почувствовала уже ставший привычным толчок в животе. Но на сей раз толчок не имел никакого отношения к моему ребенку. И тогда я успокоила себя, что столь неожиданная реакция моего тела на Вильема вселяет надежду на то, что со временем я, быть может, все же сумею оправиться от потери Тео. Да, пусть это случится не сейчас, а потом, в будущем. И при этом я не буду чувствовать себя виноватой перед ним. В конце концов, мне ведь всего тридцать лет, мне еще жить и жить... К тому же, уверена, Тео тоже не пришел бы в восторг, узнай он, что я собираюсь прожить всю оставшуюся жизнь монашкой.

По иронии судьбы, Том и Вильем за последнее время очень сблизились. Вначале это были чисто рабочие контакты, так сказать, взаимодействие на профессиональном уровне, но со временем контакты переросли в самую настоящую крепкую мужскую дружбу. На следующей неделе Том пригласил Вильема к нам в гости, но я пока еще не решила, стоит мне оставаться дома или все же лучше уйти.

Поняв, что вряд ли я снова засну, я включила свой ноутбук и стала проверять электронную почту. Среди множества сообщений я заметила письмо от Майи и тут же открыла его.

Дорогая Алли, хочу сказать тебе, что мыслями своими я всегда с тобой. И особенно сегодня, в такой знаменательный для тебя день. Жаль, что я не смогу присутствовать на концерте лично, но ведь от Бразилии до Норвегии такой долгий путь. Мы недавно перебрались в горы, потому что даже для меня царящая в Рио жара стала слишком

изнурительной. Живем на фазенде. Не могу описать тебе, как здесь красиво. Конечно, дом нуждается в серьезном ремонте. Но мы планируем превратить нашу фазенду в центр отдыха для детишек из фавел. Они станут приезжать сюда, здесь у них будет возможность вволю порезвиться на природе, да еще на такой великолепной природе. Однако хватит обо мне. Надеюсь, твоя беременность протекает нормально и ты и ребенок чувствуете себя хорошо. Не могу дождаться того момента, когда своими глазами увижу новорожденного племянника или племянницу. Горжусь тобой, моя маленькая сестренка.

Майя

Я перечитала письмо дважды, и все время улыбка не сходила с моего лица. Судя по письму, моя сестра счастлива, и это главное. Я пошла в ванную, приняла душ и стала натягивать на себя спортивные штаны. То небольшое из моей одежды, что я еще могла пока натянуть на свой изрядно раздавшийся живот. Тратить деньги на одежды для беременных я решительно отказалась и целыми днями шлялась по дому в спортивных брюках и в просторных свитерах брата. Правда, для сегодняшнего вечернего выступления я специально приобрела черное платье из эластичной ткани. Том тут же подольстился, сказав, что в этом платье я выгляжу очень мило. Подозреваю, что он попросту солгал мне по доброте душевной.

Потом я спустилась в нашу временную кухню, которую мы оборудовали прямо в гостиной, так как строительные работы в доме были в полном разгаре. Импровизированный кухонный уголок включал в себя буфет, чайник и микроволновку, которую мы водрузили на буфет. В самой же кухне было все ободрано до самого основания. Стояли лишь голые стены. По крайней мере, утешала я себя, самая грязная и тяжелая работа позади. Мы уже поставили новый отопительный котел, сделали разводку по всему дому для теплого пола. Но на все эти переделки ушло *вдвое больше* времени, чем я рассчитывала. Я даже начала паниковать. А вдруг мы не успеем отремонтировать весь дом до моих родов? Материнский инстинкт гнал меня вперед, и я все время торопила строителей, сводя их с ума.

— Доброе утро, — поздоровался со мной Том, неожиданно возникнув у меня за спиной. Волосы его еще топорщились, как всегда, после сна. — Ну и денек у нас впереди! — промолвил он со вздохом. — Как настроение?

— Нервничаю, переживаю, гадаю...

— Появится ли в назначенное время Феликс, — закончили мы хором.

— Кофе будешь? — кивнула я на кипящий чайник.

— Спасибо, не откажусь. А когда твои прибывают? — поинтересовался он и с отрешенным видом уставился в окно. Недавно мы поменяли все окна в доме, а в гостиной установили огромные окна до самого пола, из которых открывался просто потрясающий вид на сосновый лес вдаль и на фьорд внизу.

— О, все в самое разное время в течение дня. Я попросила Ма и Стар, чтобы они подошли к служебному входу еще до начала концерта. Просто для того, чтобы поздороваться и взглянуть друг на друга. — От одной только мысли от предстоящей встречи все внутри меня забурлило в радостном предвкушении. — Ну не идиотка ли я, а? Больше беспокоюсь о том, как отреагируют родные и друзья на мое выступление, чем переживаю из-за того, что потом скажут критики.

— И это вполне естественно, не вижу тут ничего идиотского. Но в любом случае тебе будет проще. Исполнишь свою сольную партию в самом начале концерта, а нам, всем остальным оркестрантам, еще потеть и потеть, пока Феликс не сыграет последние аккорды «Героического концерта».

— Мне еще никогда не приходилось выступать перед такой огромной аудиторией, — жалобно проговорила я. — Не говоря уже о том, чтобы получать за это деньги.

— Все у тебя будет замечательно, не переживай! — убежденно произнес Том. Хотя, когда я подавала ему чашку с кофе, успела заметить, что он тоже нервничает. Что ж, сегодня для нас с братом действительно очень важный, поистине судьбоносный день. Сейчас мы с ним чувствуем себя так, как будущие родители, зачавшие некую новую музыкальную субстанцию, и она вскоре должна будет явить себя всему миру. Сегодня вечером мы с Томом будем присутствовать, как те гордые молодые родители, при рождении своего музыкального чада.

— Не хочешь позвонить Феликсу и напомнить ему, что сегодня вечером концерт? — спросил у меня Том.

— Нет. — Я уже заранее решила для себя, что никуда звонить не стану и не буду никому и ничего напоминать. — Ему самому думать и определяться с тем, как и что делать.

— Все верно, ему самому. — Том тяжело вздохнул. — Тогда я в душ. Через двадцать минут будешь готова к отбытию?

— Да.

— Господи, только бы он опять чего не учудил и появился на месте вовремя.

Внезапно до меня дошло, что, несмотря на все свои бурные протесты, Том переживает за Феликса даже больше, чем я.

— Все будет хорошо, вот увидишь. Я знаю.

Однако, когда спустя два часа я заняла свое место в оркестре, чтобы приступить к последней репетиции перед концертом, табурет перед роялем был пуст. И прежняя моя уверенность тут же развеялась как дым. В четверть одиннадцатого Эндрю Литтон объявил, что ждать больше нельзя. Я крепко сжала горячими ладонями свой мобильник.

Нет, я не стану ему звонить. Ни за что!

Вильема пригласили занять за роялем место Феликса. Эндрю Литтон вскинул вверх дирижерскую палочку, и в этот момент Том бросил на меня затравленный взгляд.

— Как ты мог? Подонок! Подлец! — выругалась я себе под нос и тут увидела, как Феликс мчится во весь опор по пустому залу, торопясь занять свое место за роялем. Он был бледен как полотно, тяжело дышал.

— Знаю, мне здесь никто не поверит, — прохрипел он, поднимаясь по ступенькам на сцену. — Но мой мопед, будь он трижды неладен, сломался посреди дороги. Пришлось ловить попутку, чтобы добраться сюда. Я приволок с собой даму, которая подобрала меня на обочине и любезно согласилась подтвердить мое алиби. Ханна, я ведь говорю правду, так?

Сто с лишним пар глаз уставились в конец зала, куда тыкал указательным пальцем Феликс. Там, у самых дверей, переминалась с ноги на ногу женщина средних лет. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке.

— Ханна, скажите же им!

— Да, это правда. Его мопед сломался, и я подвезла его до города.

— Благодарю вас, Ханна. Билет на сегодняшний концерт будет ждать вас в билетной кассе. — Феликс повернулся к оркестру и театрально раскланялся. — Простите, что задержал вас и заставил немного поволноваться. Но, как видите, в жизни случается всякое.

После репетиции я увидела, как Феликс, прислонившись к двери артистической уборной, жадно курит сигарету. Подошла к нему.

— Привет, Алли. Мне жаль, что все так вышло. Хотя на сей раз вполне благовидная причина для опоздания, правда?

— Да. Выпить хочешь?

— Нет, благодарю тебя, милая. Я ведь обещал, что сегодня вечером буду вести себя образцово. Помнишь?

— Помню, конечно. Тем более впереди такое событие. Поразительное событие. Ты не находишь? Четыре, вернее, все пять поколений Халворсенов сойдутся на одной сцене.

— Или пять поколений Григов. Такое ведь тоже нельзя исключать, — бросил в ответ Феликс, равнодушно пожав плечами.

— Я... Так ты все знал?

— Само собой. Анна уже на смертном одре рассказала Хорсту всю правду, а также сообщила ему, где именно она хранила письма от Грига. В свою очередь, Хорст посвятил меня в наши семейные тайны как раз накануне моего отъезда в Париж на учебу. Я потом прочитал эти письма все до единого. Занятная история, да?

Я была потрясена, каким обыденным тоном поведал мне Феликс о том, что он знает обо всех скелетах в своих семейных шкафах.

— И ты ни разу не проговорился о том, что знаешь? Не поделился ни с кем столь ценной информацией?

— Знаешь, некоторые секреты все же лучше хранить в секрете. Так я думаю. А ты как считаешь, дорогая? Ведь тебе же, как никому другому, хорошо известно, что не столь уж и важно, где и как ты появился на свет. И от кого... Главное, кем ты *станешь впоследствии*. Удачи тебе на концерте. — С этими словами Феликс коротко попрощался со мной взмахом руки и исчез за дверью, ведущей со сцены.

В половине седьмого на мой мобильник пришло сообщение от Стар. Они с Ма уже на месте и ждут меня. Я отыскала Тома в зеленой гостиной, которая одновременно служила и комнатой отдыха для

музыкантов, и мы оба заторопились по коридору на выход. Я откровенно нервничала, еще не вполне представляя себе, как стану знакомить своих родных с обретенным братом-близнецом.

— Ма! — перешла я почти на бег, увидев издали знакомую фигуру. Как всегда, сплошной французский шик. Безупречного кроя пиджак от Шанель из буклированной ткани и строгая темно-синяя юбка.

— Алли, родная моя, как же я рада видеть тебя! — воскликнула она, заключая меня в свои объятия. На меня пахнуло знакомым запахом ее парфюма, который всегда ассоциировался в моей памяти с состоянием покоя и чувством полнейшей безопасности.

— Привет, Стар! — обняла я сестру. — Замечательно, что смогла вырваться к нам. — Я повернулась к Тому. Тот во все глаза таращился на мою сестру. Как говорят в таких случаях, даже челюсть отвисла. — Прошу любить и жаловать! Это Том, мой недавно обретенный брат.

Стар глянула на Тома и застенчиво улыбнулась.

— Здравствуйте, Том, — сказала она.

А я в это время толкнула брата локтем, чтобы он тоже что-то сказал в ответ.

— Да, здравствуйте, — растерянно пробормотал он. — Безмерно счастлив познакомиться с вами, Стар. А вы, наверное, Ма... То есть я хотел сказать, Марина.

Я недовольно нахмурилась, глянув на Тома. Что это с ним такое творится? Обычно он щедр на всякие любезности при знакомстве, но сегодня его словно подменили. Я даже немного обиделась на него. Не сумел представиться моим как положено. Что за дела!

— Мы тоже очень рады познакомиться с вами, Том, — откликнулась Марина. — И спасибо вам, что заботились все эти месяцы об Алли.

— О, мы взаимно заботились друг о друге, — рассеянно ответил Том, по-прежнему не сводя глаз со Стар.

В этот момент по громкоговорителю прозвучал сигнал для оркестрантов занять свои места на сцене.

— К сожалению, нам пора. Увидимся после концерта прямо в фойе, — сказала я и добавила: — Боже! Я так нервничаю. — Вздохнула и расцеловала Ма и Стар.

— Все будет хорошо, милая, — приободрила меня Ма. — Все у тебя получится как надо. Я уверена в этом.

— Спасибо! — Я помахала им рукой и заторопилась по коридору вслед за Томом. — Ты что, язык проглотил? — набросилась я на него, когда мы отошли чуть подальше.

— Боже мой! — восхищенно воскликнул Том. — Твоя сестра... Да она же настоящая красавица. Согласна?

Больше ничего путного от него так и не удалось добиться. Я проследовала за Томом на сцену и присоединилась к другим музыкантам, приготовившимся выслушать последние указания и напутствия от Эндрю Литтона.

* * *

— Как же я волнуюсь, — прошептала я Тому, когда ровно в семь двадцать семь мы гуськом вышли на сцену и заняли свои места в оркестре. Раздались громовые аплодисменты. — Он до сих пор трезв. А мне ведь говорил, что ему лучше играет на пьяную голову.

Том издал короткий смешок, глянув на мое озабоченное лицо.

— Сказать по правде, мне искренне жаль Феликса. Бедолага! Вечно ему не везет. Но ничего... Впереди у него все первое отделение плюс антракт. Так что у нашего папаши еще есть время выправить ситуацию. А сейчас, — Том тоже перешел на шепот, — гони прочь все свои страхи и сомнения, Алли. Насладись в полной мере незабываемым, поистине неповторимым моментом в семейной истории Халворсенов... Или Григов... Люблю тебя, сестренка! — добавил он с широкой улыбкой, после чего каждый из нас уселся на свое место.

Я расположилась среди духовиков. Через три минуты с небольшим мне предстоит подняться со стула и сыграть на флейте первые четыре такта «Утреннего настроения» Эдварда Грига. А ведь правильно сказал мне Феликс. Какая разница, чья кровь течет в наших жилах? Главное — что я появилась на свет, получила свыше драгоценный дар жизни, а уж дальше мне самой решать, как распорядиться этим даром и собою тоже.

В зале погас свет. Публика затихла в ожидании. И в этот миг я подумала обо всех тех, кто любил меня. И о тех дорогих моему сердцу людях, которые сейчас сидят в этом притихшем зале, мысленно подбадривая меня и заставляя двигаться вперед.

И тут я вспомнила слова Па Солта. «Именно в минуты слабости ты обретишь свои главные силы». А ведь так оно и случилось. Потеряв любимых, я стала только сильнее. А еще я вспомнила Тео, который научил меня, как нужно любить другого человека. Сегодня рядом со мной — увы! — нет ни Па Солта, ни Тео. Но я знаю, они будут гордиться мною, наблюдая за моим выступлением с небес.

А потом я улыбнулась при мысли о том, что во мне зреет новая жизнь, которая очень скоро заявит о себе во весь голос.

Я поднесла флейту к губам и начала играть. Для всех них.

7 декабря 2007 года

«Героический концерт»

В зале погас свет. Я увидела, как моя сестра поднялась со своего места. Летящий покроем черного концертного платья не скрывал ее заметно округлившийся живот, в котором уже зрела новая жизнь. На какое-то мгновение Алли закрыла глаза, словно молилась. Когда она поднесла флейту к губам, чья-то рука коснулась моей руки и осторожно сжала ее. Я знала, это Ма. Она даже на расстоянии улавливает любую, самую малейшую вибрацию в наших настроениях и переживаниях.

И вот уже полилась, поплыла над залом прекрасная, знакомая мне с самого раннего детства мелодия, под которую мы с сестрами выросли когда-то в Атлантиде. И я почувствовала, как с меня постепенно спадает напряжение всех последних недель. Музыка словно омыла меня, подобно живой воде. Я слушала и понимала, что сейчас Алли играет для всех, кого она любила и кого потеряла. Но понимала и другое. Как даже после самой долгой ночи восходит солнце и наступает новый день, так и ее существование сейчас озарено новым светом зародившейся в ней жизни. Вот оркестр присоединился к солирующей флейте, и прекрасная мелодия достигла своего крещендо, ликующими звуками встречая наступление этого нового дня. И я тоже почувствовала, как все во мне ликует и радуется.

Да, мое *второе рождение* доставило другим много горя. Со всем этим мне еще предстоит разобраться, осмысливать, понимать. Но одно я уже успела понять: любовь многолика и всякий раз проявляет себя по-разному.

В антракте мы с Ма отправились в бар. За бокалом шампанского к нам присоединилась чета Фейлис-Кингс. Питер и Селия представились нам как родители Тео. Глядя на то, как Питер бережно придерживает Селию за талию, я подумала, что они сейчас очень похожи на юную парочку влюбленных.

— За здоровье, — сказала Ма, чокаясь со мной. — Какой прекрасный вечер, не правда ли?

— О да, — ответила я. — Замечательный вечер.

— Алли сыграла превосходно. Какая жалость, что остальные девочки не смогли поприсутствовать здесь и лично насладиться ее игрой. И, конечно, жаль, что ваш отец не услышал это.

Я увидела, как Ма сосредоточенно нахмурила лоб, погрузившись в свои невеселые раздумья. Интересно, подумала я, какие еще тайны хранит в себе эта женщина. А они ведь дают на нее, еще как дают. Одни мои секреты чего стоят.

— Сиси так и не смогла ничего сделать? — вбросила пробный шар Ма.

— Нет, не смогла.

— Давно виделись с ней?

— Я в последние дни редко бываю дома.

Марина не стала прессовать меня и дальше. Знала, что это бесполезно.

Чья-то рука тронула меня за плечо. Я даже подпрыгнула от неожиданности. Всегда реагирую подобным образом на внезапные тактильные прикосновения. Питер нарушил повисшую паузу.

— Всем привет. — Он повернулся к Ма. — Так вы и есть та знаменитая няня, которая вырастила Алли с пеленок?

— Да, это я, — ответила Ма.

— Великолепно справились со своей работой, — великодушно заметил Питер.

— О, в этом нет моей заслуги, — скромно ответствовала Ма. — Алли сама по себе прекрасная девочка. Впрочем, я могу гордиться всеми своими девочками.

— А вы, значит, одна из сестер Алли? Знаменитые сестры Деплеси. — Питер перевел свои глаза-буравчики на меня.

— Да.

— Как вас зовут?

— Стар.

— И какой ваш порядковый номер?

— Третий.

— Интересно-интересно! — Он снова глянул на меня. — Я тоже у себя в семье значился под номером три. Нас никогда не слушают и никогда не слышат, правда?

Я промолчала.

— Но готов поспорить на что угодно, в вашей головке крутится много чего. Я прав? Во всяком случае, в моей голове было полно всякого.

Конечно, он прав. Но я лишь молча пожала плечами в ответ. Не собираюсь я ничего ему рассказывать.

— Алли — совершенно уникальное создание. Мы оба многому научились у нее, — вступила в разговор Селия, одарив меня доброжелательной улыбкой, видно намеренно решив поменять тему. Наверняка она приняла мою молчаливую реакцию на слова Питера как некое внутреннее противление ему. Хотя на самом деле никакой мысленной борьбы с Питером я не затевала. Просто у меня привычка такая — отмалчиваться, что многих раздражает и даже порой выводит из себя.

— Это точно, — немедленно откликнулся Питер. — А в скором будущем мы станем бабушкой и дедушкой. Какой чудесный подарок, Стар, преподнесла нам ваша сестра! Но на сей раз я собираюсь быть рядом, проводить как можно больше времени с нашей малюткой. Жизнь чертовски коротка, чтобы тратить ее на всякую ерунду, верно?

Прозвенел звонок, приглашающий зрителей на второе отделение концерта. Все в баре быстро осушили свои бокалы до дна и заторопились в зал. Мы тоже потянулись вслед за остальными на свои места. Алли уже успела кое-что сообщить мне по электронной почте о своих находках и открытиях, сделанных ею в Норвегии. Пока Феликс Халворсен шел к сцене, я пристально разглядывала его. В конце концов решила, что, несмотря на столь близкое родство, Алли совсем не похожа на своего отца. Я также успела заметить, что походка у него неровная, его слегка пошатывает из стороны в сторону. Неужели пьян? — мелькнуло у меня. И тут же мысленно взмолилась, чтобы я ошиблась. Со слов Алли, я прекрасно понимала, как много значит сегодняшний концерт для нее и для Тома, ее обретенного брата-

близнеца. Кстати, Том понравился мне с первого же взгляда, с того самого момента, как нас познакомили.

Но вот Феликс поднес пальцы к клавишам и на какой-то миг замер в этой позе. И я буквально кожей почувствовала, как все в зале, включая меня, затаили дыхание. Напряжение спало лишь тогда, когда из-под его пальцев зазвучали первые аккорды «Героического концерта», который сегодня впервые исполняется на публике. Как указано в программке, спустя шестьдесят восемь лет после того, как он был написан. Следующие полчаса все мы, слушатели, присутствовавшие на концерте, получили возможность приобщиться к необыкновенно прекрасной музыке в столь же необыкновенно виртуозном исполнении. На наших глазах творилась самая настоящая магия высокого искусства, когда воедино слились гений композитора и мастерство интерпретатора. Отец и сын предстали перед публикой на равных.

Сердце мое переполнял восторг, душа устремилась вслед за чарующими звуками ввысь, и я даже разглядела некие проблески собственного будущего. Музыка — это любовь, которая ищет свой голос, вспомнила я слова Льва Толстого и тихо повторила их про себя. Получается, что и мне тоже надо искать *свой голос*. А потом еще обрести смелость и начать говорить этим голосом.

Заслуженный шквал аплодисментов в конце выступления. Публика стоя приветствовала премьерное исполнение концерта. Неутихающие крики «браво!» и «бис!», переходящие в овации. Феликс отвечивал поклон за поклоном, потом поманил к себе из оркестра сына и дочь. Немного успокоил зал, после чего сказал, что посвящает свое сегодняшнее выступление покойному отцу, сыну и дочери.

Красивый жест! И лишнее доказательство того, что любой человек может подняться с колен и двигаться вперед. Изменить, как бы это ни было трудно, себя и свою жизнь так, чтобы и другие тоже приняли тебя и твою новую жизнь.

Слушатели стали медленно подниматься со своих мест. Ма легонько тронула меня за плечо и что-то сказала.

Я рассеянно кивнула в ответ, не вникая в смысл ее слов, а лишь пробормотала, что увидимся в фойе. И осталась сидеть на своем месте. Одна. Погруженная в свои мысли. Краем глаза я видела, как по

проходу мимо меня сплошным потоком идут зрители, направляясь к выходу. И тут мое внимание привлекла знакомая фигура.

Сердце затрепетало, забилося в груди. Меня словно подбросила с места какая-то неведомая сила, и я ринулась по пустому залу к зрителям, столпившимся на выходе. Отчаянно вглядывалась в лица, тщетно искала в толпе знакомые черты лица. Нет, я не могла ошибиться! Это был он, точно он...

Я пулей пронеслась по фойе и выскочила на улицу. Холодный декабрьский воздух обжег лицо. Какое-то время я оцепенело стояла посреди тротуара в безумной надежде увидеть его снова. Я не могла обознаться, не могла, твердила я про себя, понимая, что знакомая фигура исчезла бесследно.

Благодарности

Столько людей помогало мне в поисках материалов в ходе написания романа!

Прежде всего это мои друзья из издательского дома «Каппелен Дамм», которые направляли меня в правильное русло поисков, знакомили с нужными людьми. А потому свою самую первую и сердечную благодарность я адресую Кнуту Горвеллу, Джорид Матиасе, Пипу Холлену и Марианне Нейлсен.

В Осло: Я благодарю Эрика Эдвардсена из Музея Ибсена, Ларса Ройде из Музея Осло, Эльзе Розенквист Кари-Анну Педерсен из Народного музея Норвегии. А также Бьорга Ларсена Райха из издательского дома «Каппелен Дамм» (чья диссертация по системе водоснабжения и канализации в Христиании времен 1876 года оказалась более чем актуальной и востребованной!). Отдельную благодарность заслуживает и Хильде Стокласа из компании «Осло Круиз Нетуэк». Особая благодарность всему коллективу Гранд-Отеля в Осло. Эти люди опекали меня, кормили и поили днями и ночами напролет, пока я работала над первым вариантом рукописи романа.

В Бергене: Мои слова благодарности Джону Руллестаду, который познакомил меня с Эрлингом Далем, бывшим директором Мемориального музея Эдварда Грига в Тролльхаугене, а также с нынешним директором музея Сигурдом Сандмо. От всей души благодарю Хеннинга Малсне из Филармонического оркестра Бергена и Метте Омвик, детально познакомивших меня с историей Национального театра Бергена, одного из старейших театров Норвегии. Благодарю знаменитого норвежского композитора Кнута Ваге за его пространные объяснения, что составляет суть композиции и оркестровки. И конечно же, я благодарю весь обслуживающий персонал отеля «Хавнеконторет» в Бергене, который заботился обо мне все то время, что я провела в этом городе.

В Лейпциге: Благодарю Барбару Верманн из Университета музыки и театра «Феликс Мендельсон Бартольди», а также своих дорогих

друзей и Каролину Шатке из лейпцигского издательского дома Питерса. Меня познакомил с ней ее отец Хорст совершенно случайно и при весьма запутанных обстоятельствах.

Я довольно уверенно держусь на воде, меня не укачивает и не тошнит, но во всем, что связано с морем, большую помощь оказали мне Иоанна Никис и Костас Грекас из туристической фирмы «Плавай по водам Греции». Я бы также хотела поблагодарить персонал Королевского яхт-клуба в Лондоне и Королевского клуба океанских регат в Каусе. Они оказали мне неоценимую помощь при изучении материалов, связанных с гонками Фастнет. Благодарю также Лизу и Манфреда Рейтцелер, которые на своей яхте «Охотник за солнцем» целый день провели вместе со мной в открытом море и показали на деле, что такое парусные гонки.

Хочу также поблагодарить своего секретаря и личного помощника, фантастическую Оливию, а также моих трудолюбивых редакторов Сьюзен Мосс и Эллу Мишеле, помогавших мне не только в работе над книгой, но и при проведении всех исследований. Все они работали много и плодотворно, часто в неурочное время, потому что мы трудились не только над циклом романов «Семь сестер», но и попутно редактировали и вносили некоторые изменения в мои прежние книги.

Благодарю тридцать международных издательств, разбросанных по всему миру. В частности, моя благодарность Катрин Ричардс и Джереми Треватану из издательства «Пан Макмиллан ЮК», Клаудии Негеле и Георгу Рейхлину из издательства «Рэндам Хаус Джемани», Анализе Лоттини и Донателле Минутто из издательства «Джунте Эдиторе» в Италии, Питеру Борланду и Джудит Керр из издательства «Атрия» в США. Они поддерживали меня во всех моих начинаниях, в том числе и когда я приступила к работе над таким суперсложным проектом, как цикл из семи романов под названием «Семь сестер».

Моя дорогая семья, мои близкие, проявлявшие все это время поистине ангельское терпение, ибо я постоянно просиживала дни и ночи за рукописью с пером в руке. Без Стефана (который одновременно является и моим литературным агентом), без Гарри, Беллы, Леоноры и Кита мое путешествие в мир литературы оказалось бы очень коротким. Моя мама Джанет, сестра Джорджия, Жаклин

Хеслоп, незабываемая Фло, моя верная и преданная спутница по литературному творчеству, которую мы потеряли в феврале минувшего года и по которой мы еще скорбим, всем этим людям мой низжайший поклон и огромная благодарность. В этом же ряду Рита Калагейт, Жоао де Деус и все мои верные и добрые друзья из Бразилии, Каса де Дом Инасио в Абадиании.

И, наконец, моя самая сердечная благодарность ВСЕМ ВАМ, мои дорогие читатели. Ваша любовь и поддержка сопровождали меня во всех моих странствиях по белу свету, а *ваши* жизненные истории одновременно вдохновляли меня и заставляли остро чувствовать собственные несовершенства. А главное, эти истории помогают мне понять, что ничто из того, что я могу написать в будущем, не может сравниться с удивительным, восхитительным, сложным и непредсказуемым путешествием в страну под названием «Реальная жизнь».

Люсинда Райли
Июнь 2015 года

От автора

Цикл романов под общим названием «Семь сестер» основан на античных мифах, посвященных созвездию Плеяды, или Семь сестер. По своему размаху это грандиозный проект, объединяющий в себе целых семь романов. Шесть из них посвящены сестрам, которых крохотными младенцами отыскал в разных частях света их приемный отец Па Солт. Отыскал, удочерил и привез в свой сказочный замок Атлантис, расположенный на собственном полуострове на берегу Женевского озера. Атлантис стал родным домом для всех шести сестер.

Я получаю огромное количество писем от своих читателей, которые засыпают меня вопросами на самые разные темы. Как возник замысел цикла? Будут ли найдены разгадки тех мистических тайн, которыми завершается первая книга цикла? Чтобы удовлетворить любопытство читателей, я решила, что каждый новый роман цикла буду завершать специальным разделом под названием «Люсинда Райли в вопросах и ответах».

Лично же для меня весь цикл — это один огромный по объему и очень длинный роман, который я разделила на семь частей. Хотя каждая часть — это вполне самостоятельное повествование, и необязательно придерживаться хронологии или какой-то последовательности при чтении романов. Ибо каждый новый роман цикла о необычных, поистине уникальных сестрах Делеси начинается в тот самый момент, которым завершился предшествующий роман. Но все они объединены общей сюжетной линией повествования, которая проходит красной нитью по всем семи книгам, соединяя их воедино. Все же тайны и мистерии, которыми полнятся первые шесть книг, прояснятся окончательно лишь в седьмом, завершающем романе цикла.

Прежде чем приступить к написанию романов, я проделала большой подготовительный этап работ. Серьезно изучала мифологию, знакомилась с историческими событиями, включенными в канву повествования, с той эпохой, на фоне которой развиваются те или иные коллизии, описанные в каждой из книг. Надеюсь, читатель

почерпнет для себя много полезной информации, ознакомившись с разделом «Люсинда Райли в вопросах и ответах». В том числе и касающейся удивительной истории об одной из сестер по имени Алли. Однако, несмотря на тщательно выстроенный сюжет, опирающийся на проверенные факты и данные, само повествование, как всегда у меня, носит несколько хаотичный характер, когда я не столько веду героев, сколько сама следую за ними. И, как правило, в результате совершаю очередное увлекательное и захватывающее путешествие в мир вымысла. Надеюсь, и вам, мои дорогие читатели, это путешествие тоже доставит удовольствие.

Для получения дополнительной информации, касающейся мифологических и астрономических аспектов созвездия Плеяды, творчества Эдварда Грига и его знаменитой сюиты «Пер Гюнт», истории Лейпцигской консерватории, парусных гонок Фастнет и Филармонического оркестра города Бергена, милости просим заходить на сайт www.thesevensistersseries.com

Наконец, хочу выразить свою самую искреннюю благодарность всем вам, дорогие читатели, кто прочитал историю Алли. Знаю, история получилась очень длинной. Но я всегда ставлю точку в очередном повествовании лишь тогда, когда сами герои говорят мне, что пора заканчивать. Во всяком случае, хотя бы на какое-то время...

Ваша

Люсинда Райли

Об авторе

Люсинда Райли родилась в Ирландии. Она прославилась как актриса театра, но ее жизнь резко изменилась после публикации дебютного романа. Это стало настоящим событием в Великобритании. На сегодняшний день книги Люсинды Райли переведены более чем на 30 языков и изданы в 40 странах. Их совокупный тираж превысил 20 млн экземпляров.

Люсинда Райли живет с мужем, четырьмя детьми в Ирландии и Англии, в Лондоне. Она вдохновляется окружающим миром — зелеными лугами, звездным небом и морскими просторами. Это мы видим в ее романах, где герои черпают силы из повседневного волшебства, что происходит вокруг нас.

www.lucindariley.com

www.facebook.com/Lucindarileyauthor

Instagram @lucindariley